

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ

ПРИШЕСТВИЕ
ЗЕМЛЯН

ПРИШЕСТВИЕ
ЗЕМЛЯН

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ

ЛИ БРЭКЕТТ

THE WORLDS OF LEIGH BRACKETT

**THE COMING
OF THE TERRANS**

THE NEMESIS FROM TERRA

PEOPLE OF THE TALISMAN

THE SECRET OF SINHARAT

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ

**ПРИШЕСТВИЕ
ЗЕМЛЯН**

ПУТИ НЕМЕЗИДЫ

ЛЮДИ ТАЛИСМАНА

ТАЙНА СИНХАРАТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

**Миры Ли Брэкетт. Пришествие землян / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 411 с.**

В эту книгу вошли четыре романа, составляющих «марсианский цикл»
космических опер непревзойденной мастерицы этого жанра Ли Брэкетт.

**Произведения, включенные в данное издание, охраняются
законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и
переводчиков. Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с письменного разрешения издателя.**

*Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения
художника Michael Whelan и его агентов: Glassonion Ltd.
(США) и Александра Корженевского (Россия).*

ISBN 5-88132-319-X

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

У этой женщины было простое имя и непростая судьба.

Ей повезло в одном. В годы, когда научная фантастика считалась литературой для мальчишек и делом чисто мужским, она могла позволить себе подписываться собственным именем — Ли Брэкетт, именем как бы универсальным, лишенным признаков женственности. И рассказы у нее были такие же — жестокие, суровые, ничуть не сентиментальные.

Но в то же время в ее книгах открывался мир, полный необычной, в самом буквальном смысле слова неземной красоты. В годы расцвета ее карьеры казалось, что до далеких планет — один шаг, что достаточно протянуть руку — и звезды будут твоими, что межпланетную ракету можно построить в любом гараже (ох как позидевались над этой наивностью следующие поколения фантастов, забывая, на чем выросли сами...). И всем верилось, что за чудесами не надо ходить далеко, что они у нашего космического порога, на ближних планетах — Марсе, Венере, Меркурии. Начиная с великого выдумщика Эдгара Берроуза фантасты населяли Солнечную систему жизнью так густо, что в ней оказывались десятки разумных рас, часто враждебных друг другу.

Ли Брэкетт следовала традиции — отчасти она и создала ее. Солнечная система по Брэкетт тоже походит на коммунальную квартиру, так в ней тесно. Но подробнее всего описан в космических операх писательницы кровавый Марс — любимая планета фантастов. Именно марсианский цикл принес писательнице наибольшую известность.

Марс, описанный Брэкетт, — это не Барсум Берроуза, полный варварской энергии и необузданной мощи, где жестокая природа сталкивается с не менее жестокими людьми. Красная планета в романах и рассказах Ли Брэкетт сродни скорее полусказочному Марсу ее современника и ученика Брэдбери. Это мир старый, гибнущий, полный тоски по ушедшему величию и мрачной злобы к наглым, энергичным пришельцам с зеленой Земли.

В первый том избранных работ Ли Брэкетт вошли четыре романа из прославленного «марсианского цикла» — «Пришествие землян», «Пути Немезиды», «Люди талисмана» и «Тайна

Синхарата», созданные в период с 1944 по 1951 год. Все они, в особенности первый, составленный из пяти новелл, с разных точек зрения описывают взаимодействие древней, вырождающейся культуры Марса с культурой Земли, переживающей пик своего расцвета. Два последних коротких романа стоят несколько особняком. В них впервые выходит на космическую сцену Эрик Джон Старк, который позднее станет героем известной трилогии «Книга Скейта». Именно Старк стал тем образцом, с которого подражатели лепили мускулистых героев, одинаково хорошо владеющих мечом и бластером. И это тоже стало частью традиции, заложенной великой писательницей — Ли Брэкетт.

ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для некоторых из нас Марс извечно был краем света, золотым садом Гесперид, вечно манящей прекрасной мечтой. Путешественники — люди и роботы — постепенно превратили эту мечту в холодную, суровую, сокрушительную действительность. И все же, как известно, в отношениях, сложившихся между людьми и обитателями Марса, простой факт равнозначен Истине, которая всемогуща и пребудет вечно. А посему примите эти легенды старого Марса как подлинные истории, забыв на время о мрачной реальности.

Я готов подписаться под всем, что рассказано в этой книге. В конце концов, я сам видел все это.

ХРОНОЛОГИЯ

- 1998: Звериная драгоценность Шанги
- 2016: Марс минус Биша
- 2024: Последние дни Шандакора
- 2031: Багровая жрица Безумной Луны
- 2038: Дорога на Синхарат

1998: ЗВЕРИНАЯ ДРАГОЦЕННОСТЬ ШАНГИ

Глава 1

Берк Уинтерз оставался в пассажирском отсеке до самого последнего момента, когда «Старфлайт» опустился в астропорту Кахоры. Он просто не мог ни на кого смотреть — даже на Джонни Найлза, хотя тот был всегда ему симпатичен, — не мог управлять кораблем, своим кораблем, который так долго водил через космические просторы.

The Coming of the Terrans
Copyright © 1967 by Leigh Brackett
Пришествие землян
© Г. Дуткина, А. Рогулина, перевод, 1997

Он бы и не попрощался с Джонни, но избежать этого оказалось невозможно. Тот ждал Берка внизу, пока Уинтерз спускался по аппарели, и за его широкой ухмылкой таилась глубокая тревога.

Джонни протянул Уинтерзу руку:

— Пока, Берк. Ты заслужил этот отпуск. Развлекись на всю катушку.

Берк Уинтерз обвел взглядом огромную площадку астропорта, растянувшегося на несколько миль посреди оранжевой пустыни. Ревущий муравейник, скопище грузовиков, платформ, людей и космических кораблей — рудовозов, грузовых судов, трампов, лоснящихся красавцев-лайнеров типа «Старфлайта» — с цветами трех планет и дюжины колоний, но все равно вызывающе земные по стилю и формам.

Джонни проследил за его взглядом:

— Сколько раз видишь, а все равно дух захватывает, верно?

Уинтерз не ответил. Вдалеке, за много миль от грохочущих взрывов ракетных двигателей, посреди красных песков пустыни виднелся похожий на драгоценный камень гласситовый купол Кахоры — торгового центра Марса. Крошечное солнце устало глядело вниз, на него, и древние горы тоже взирали на купол, и дряхлый блуждающий ветер пролетал над Кахорой, и казалось, что планета просто терпеливо ждет, когда же город исчезнет с ее лица вместе со своим космопортом — как маленькая локальная инфекция, которая должна излечиться сама собой.

Уинтерз уже забыл про Джонни Найлза. Он был поглощен мрачными мыслями. Молодой офицер наблюдал за ним с тайной жалостью, и Уинтерз знал это.

Берк Уинтерз был мужчина крупный, сильный, закаленный годами полетов в открытом космосе. Тот же беспощадный, неистовый свет, что опалил его кожу до черноты, выбелил ему волосы, так что они казались почти седыми, а в последние несколько месяцев отблеск этого света поселился и в серых глазах Уинтерза. Природное добродушие ушло из них, и морщинки у рта, прорезанные веселым смехом, превратились в глубокие горькие шрамы.

Крупный мужчина, сильный мужчина, однако мужчина, больше не владеющий собой. На протяжении всего полета он буквально не выпускал изо рта маленькие венерианские сигареты с седативным эффектом. Он курил и теперь, и все равно руки его дрожали, а правая щека подергивалась в безостановочном тике.

— Берк. — Голос Джонни донесся словно издалека. — Послушай, Берк, это не мое дело, но... — Джонни помедлил, потом выпалил: — Не думаю, что Марс — самое для тебя подходящее место сейчас.

Уинтерз оборвал его тираду:

— Береги «Старфлайт», Джонни. Всего хорошего.

Он повернулся и шагал вниз. Джонни проводил его взглядом.

К нему подошел второй пилот:

— Парень в полном раздрызге.

Джонни кивнул. Он злился, потому что любил Уинтерза. Джонни возмужал и дослужился до пилота под его началом.

— Дурак чертов. Ему нельзя было лететь сюда. — Он посмотрел на издевательски бескрайние просторы Марса и добавил: — У него здесь девчонка пропала. Ее тело так и не нашли.

Такси домчалось Берка Уинтерза от космопорта до Кахоры — и Марс словно испарился. Уинтерз снова оказался в замкнутом мире торговых городов, одинаковых и одинаково чуждых на всех планетах. Виа на Венере, Нью-Йорк на Земле, Солнечный город на Сумеречном Поясе Меркурия, гласситовые убежища на Внешних Мирах — все похоже друг на друга, как близнецы. Полный бурлящей смеси богатства и алчности маленький рай, где с легкостью делались и проматывались огромные состояния, где мужчины и женщины Солнечной системы могли жить своей лихорадочной жизнью, не отвлекаясь на такие раздражающие пустяки, как непогода или гравитация.

Но в торговых городах не только делали деньги. Прелестные пластиковые дома, террасы и сады, сверкающая паутина движущихся тротуаров, сплетающая здания в единый организм, — все здесь сулило немислимое наслаждение и разврат. Здесь был доступен любой порок, который только существовал на открытых для цивилизации планетах.

Уинтерз ненавидел торговые города. Он привык к природной честности космоса. Здесь же все было фальшивым, ненатуральным — речь, одежда, даже сам воздух. Была и еще одна, более веская причина для ненависти.

И все же Уинтерз улетал из Нью-Йорка в полубезумной горячке — скорее попасть в Кахору, и теперь, когда он почти достиг своей цели, он просто не мог больше ждать: его бесила любая задержка, даже поездка через город. Он сидел на краю сиденья, оцепенев от чудовищного напряжения, и щека его дергалась все сильнее и сильнее.

Когда наконец Уинтерз добрался до места, он даже не смог держать деньги — просто бросил банкноты на пол, предоставив шоферу ползать по полу, собирая их.

Несколько секунд Уинтерз стоял неподвижно, глядя на отделанный слоновой костью фасад здания. Архитектура его отличалась простотой — той изысканной простотой, что олицетворяет богатство. Над входом красовалась надпись. Буквы из зеленого серебра складывались в одно-единственное марсианское слово: «Шанга».

«Возвращение, — перевел он. — Путь назад». Странная, жутковатая улыбка проскользнула у него на лице. Уинтерз отворил дверь и вошел.

Приглушенный свет, удобные кресла, негромкая музыка... Идеальная комната ожидания. В гостиной сидело человек шесть землян — мужчин и женщин. Все в традиционных одеяниях торговых городов — подчеркнуто незатейливых белых туниках, чья простота только акцентировала блистательную роскошь украшений и замысловатость причесок. Лица у землян были мертвенно-бледные и измученные, отмеченные печатью сверхнового времени с его изматывающим ритмом жизни.

В нише за гласситовым столом сидела марсианка, очень смуглая и изысканно-красивая. Она была одета в короткое платье древнего Марса, искусно усовершенствованное для современной жизни. Ее раскосые топазовые глаза смотрели на Берка Уинтерза с профессиональной приветливостью, но в глубине их таилось презрение и гордость расы столь древней, что по сравнению с марсианкой даже самые утонченные земные обитатели торговых городов были неотесанными шалопаями.

— Приятно снова видеть вас здесь, капитан Уинтерз, — проговорила девушка.

Но Уинтерзу было не до светских любезностей.

— Мне нужен Кор Хал, — буркнул он. — Прямо сейчас.

— Боюсь, что... — начала марсианка, однако, взглянув на лицо Уинтерза, осеклась и повернулась к интеркому. — Вы можете войти, — заключила она.

Уинтерз толкнул дверь и вошел.

Почти всю внутреннюю часть помещения занимал огромный солярий, огороженный гласситовыми стенами. Вдоль стен тянулся ряд маленьких кабинок, в которых стояли только обитые мягкой тканью столы. Потолки в кабинках были кварцевые и представляли собой нечто вроде огромных линз.

Пока Уинтерз шел вдоль стены солярия к кабинету Кор Хала, на лице его появилась презрительная улыбка.

За прозрачным гласситом буйно зеленеет экзотический лес. Деревья, папоротники, яркие цветы, мягкая зеленая трава, мириады щебечущих птиц... По этой псевдопервобытной площадке для игр разгуливали приверженцы Шанги.

Сначала они лежали на обитых тканью столах, и радиация проникала в их тела. Уинтерз знал, что это такое. Нейрофизיותרпия — по терминологии врачей. Остатки утраченной мудрости древнего Марса. Специально для истощенной нервной системы перегруженного эмоциями современного человека, живущего чересчур напряженной и стремительной жизнью в сложной среде обитания.

Ты лежишь, и радиация просачивается сквозь тебя. Железы начинают работать иначе. Мозг замедляет ритм. Внутри организма

происходят странные, но приятные перемены, пока лучи Шанги играют с твоими нервами и рефлексам, творят что-то с обменом веществ. И очень скоро ты снова дитя — в эволюционном смысле.

Шанга, возврат. Путь назад. Ментально и в какой-то степени даже физически — обратно к первобытному человеку, на тот период, пока действует эффект облучения, пока организм не придет в норму. Но даже тогда, пусть и недолго, ты здоровее и счастливее, потому что Шанга — чертовски хорошая встряска, передышка, уход от всяческих проблем и волнений.

Уинтерз рассматривал белые изнеженные тела любителей Шанги, прикрытые нелепыми шкурами или кусками разноцветной материи. Земляне Кахоры играли и дрались среди экзотической зелени, и заботы их были просты и безыскусны, как сама природа — пища, любовь, украшения из аляповатых бусин.

Неподалеку, в зарослях, прятались бдительные охранники с парализаторами. Бывало, что некоторые приверженцы Шанги заходили чересчур далеко по ведущей назад дороге. Уинтерз знал, как это бывает. Он сам испробовал действие парализаторов, на собственной шкуре — в прошлый визит сюда. Он знал, что пытался убить человека. Впрочем, скорее не знал, а верил тому, что ему рассказали потом. Придя в себя, человек мало что помнит из того, что происходит с ним в Шанге. Но как раз это и нравилось, возбуждало — свобода от всяких табу и запретов.

Шанга была изысканным, светским пороком, прикрытым благопристойной вуалью научности. Новый, неизведанный способ ухода от сложностей жизни, новые захватывающие переживания. Земляне просто с ума сходили по Шанге.

Но только земляне. Варвары Венеры были и так еще слишком близки к первобытной дикости, чтобы прельститься Шангой, а марсиане — слишком стары и искушены в грехе.

«К тому же, — подумал Уинтерз, — это они избрали Шангу. Они знают, что это такое».

Когда он открывал дверь в кабинет директора Кор Хала, его просто трясло.

Кор Хал посетителя ждал — гибкий, темнокожий, неопределенных лет, в обычной белой тунике. Такие туники носили представители всех рас Галактики, так что невозможно было сказать, откуда он родом. Но Уинтерз знал, что Кор Хал — марсианин и что эта светскость — всего лишь бархатный чехол ножен, под которым таится смертоносная сталь закаленного клинка.

— Приветствую вас, капитан Уинтерз, — проговорил Кор Хал. — Располагайтесь.

Уинтерз сел.

Хозяин кабинета молча изучал гостя.

— Вы в плохом состоянии, капитан. Но я опасаюсь продолжать курс лечения. Дело в том, что первобытное в вас лежит

слишком близко к поверхности. — Кор Хал пожал плечами. — Вы же помните, что было с вами в прошлый раз.

Уинтерз кивнул:

— То же самое случилось в Нью-Йорке. — Уинтерз подался вперед. — Послушайте. Я не нуждаюсь больше в вашем лечении. Все, что вы имеете здесь, уже недостаточно для меня. Сар Кри сказал мне об этом в Нью-Йорке. Он рекомендовал мне лететь на Марс.

— Он связался со мной, — невозмутимо заметил Кор Хал.

— Тогда вы должны... — Уинтерз умолк, потому что не мог подобрать нужные слова, чтобы закончить фразу.

Кор Хал молчал. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, красивый, невозмутимый, безразличный к страданиям Уинтерза. Только его глаза, зеленые и зловещие, горели скрытой насмешкой. В них светилось удовольствие — удовольствие кошки, играющей с покалеченной мышью.

— Вы уверены, — спросил он наконец, — что отдаете себе отчет?..

Уинтерз кивнул.

— Люди бывают разные. Эти бездушные куклы... — Кор Хал показал на солярий, — у них нет сердца, нет крови. Искусственные порождения искусственной среды обитания. Но вы и подобные вам, Уинтерз... Вы играете с огнем, когда развлекаетесь Шангой.

— Послушайте, Кор Хал, — прервал его Уинтерз. — Девушка, которая была моей невестой, улетела в пустыню — и не вернулась. Бог знает, что случилось там с ней. Вам лучше известно, что происходит с людьми на дне мертвых морей. Я нашел ее искореженный флаер — там, где он рухнул. Но я не нашел ее саму. После этого я хочу одного: забыть обо всем.

Кор Хал наклонил свою темную, удлинненную голову:

— Я помню. Да, это трагедия, капитан Уинтерз. Я был знаком с мисс Леланд. Красивая молодая женщина. Она частенько захаживала к нам.

— Знаю. Она совсем не такая, как эти манекены из торгового города, но у нее было слишком много денег и слишком много свободного времени. Во всяком случае, я не боюсь играть с вашим огнем, Кор Хал. Я уже слишком далеко зашел. Вы сами сказали, люди бывают разные. Эти лилии в ваших игрушечных джунглях просто не хотят идти дальше по дороге назад. У них неостанет для этого мужества и пыла. Но у меня-то достанет. — Глаза Уинтерза вспыхнули странным волчьим огнем. — Я хочу идти дальше, назад, Кор Хал. Так далеко, как только может завести меня Шанга.

— Порой, — качнул головой марсианин, — это бывает долгий путь.

— Мне наплевать.

Кор Хал внимательно посмотрел на Уинтерза:

— Иные не возвращаются.
— Мне не к кому возвращаться.
— Это требует мужества, капитан. Шанга — настоящая Шанга, а не ее бледная копия в виде солярия с кварцевыми линзами — была запрещена много веков назад Городскими Штатами Марса. Риск и трудности могут дорого вам обойтись.

— У меня есть деньги. — Уинтерз резко вскочил, не в силах больше сдерживать себя. — Подите к черту с вашими проповедями. Вы же лжете! Ведь вам видно с самого первого раза, кто пристрастится к Шанге, а кто — нет... И вы вынуждаете этих бедняг приходить сюда еще и еще — до тех пор, пока они не становятся законченными наркоманами, которые уже не соображают, что делают. Но вы все равно даёте им то, что им хочется, как только они суют деньги в вашу грязную руку!

Уинтерз швырнул на стол чековую книжку. Верхний листок был незаполнен, но подписан.

— Возьмите, — сказал он. — Любая сумма в пределах ста тысяч кредиток.

— Я бы предпочел, — вкрадчиво промурлыкал Кор Хал, — наличными. А не чек. — Он вернул чековую книжку Уинтерзу. — И всю сумму сразу, авансом.

Ответ Берка Уинтерза был краток:

— Когда?

— Сегодня вечером, если вам угодно. Где вы остановились?

— В «Трех планетах».

— Поужинайте, как обычно. А затем оставайтесь в баре. Ваш проводник сам найдет вас в течение вечера.

— Я буду ждать, — ответил Уинтерз и вышел из кабинета.

Кор Хал улыбнулся. У него были очень белые, очень острые зубы. Как клыки у голодного хищного зверя.

Глава 2

Только когда взошел Фобос, смог Уинтерз определить, где они находятся и в какую сторону направляются.

Они тихо выскользнули из Кахоры — Уинтерз и его проводник, юный худой марсианин, незаметно присоединившийся к нему в баре «Трех планет». Флаер уже ждал на частной площадке. Кор Хал тоже ждал там. Четвертым был огромный марсианин, похожий на варвара с северных отрогов Кеша. Кор Хал поднял флаера в воздух.

Уинтерз был абсолютно уверен, что они летят к Нижним Каналам, к древним каналам с древними городами, где гнезился порок — к Джеккаре, Валкису, Барракешу, не подчинявшимся законам разрозненных Городских Штатов. Землянам рекомендовалось держаться от них подальше.

Мили мелькали одна за другой. Безлюдность, заброшенность здешних мест начинала действовать Уинтерзу на нервы. Они легли в полном молчании, и молчание становилось невыносимым. Было в нем что-то злое, угрожающее. Казалось, все трое — Кор Хал, огромный кеши и худенький проводник — затаили одну и ту же тайную мысль, доставляющую им особое, злобное удовольствие. Тень их тайной думы отражалась порой на лицах.

Наконец Уинтерз не выдержал.

— Мы летим в ваш штаб? — спросил он.

Ему никто не ответил.

— Не понимаю, к чему эти тайны, — раздраженно заметил Уинтерз. — В конце концов, теперь я один из вас.

— Разве звери спят в одной постели с хозяевами? — с неожиданной резкостью бросил ему проводник.

Уинтерз сжал кулаки, готовый броситься на обидчика, но варвар положил руку на маленький злоедающий нож, висевший у него на поясе.

Кор Хал холодно добавил:

— Вы хотели испробовать Шангу в ее истинном виде, капитан Уинтерз. Вы заплатили за это. И вы это получите. Все остальное не имеет значения.

Уинтерз мрачно пожал плечами. Он сел и закурил свою венецианскую сигарету. И больше не проронил ни слова.

Спустя долгое, очень долгое время пустыня под ними, казавшаяся беспредельной, начала наконец меняться. Из песка выросли голые невысокие отроги, затем пошли горные хребты, которые время обглодало до полированных скал.

За горной грядой оказалось мертвое море. Вернее, сухое морское дно. Оно тянулось к горизонту, освещенное лунным светом, уходя вниз, в глубь земли — все ниже и ниже, постепенно превращаясь в огромную яму, полную тьмы. Меловые и коралловые кольца светились то здесь, то там, выпирая из дна, словно кости скелета из иссохшей кожи давно умершего человека.

Между холмами и морем Уинтерз заметил город.

Веками он сползал вниз, упорно следуя за все отступающим морем. С высоты Уинтерзу были хорошо видны очертания пяти гаваней, которые люди бросали, когда уходило море. Огромные каменные доки стояли по-прежнему несокрушимо. Горожане строили вокруг дома, заполняя зияющие пустоты, но потом оставляли и их, спускаясь все ниже и ниже.

Теперь борющийся за жизнь город вытянулся вдоль канала с водой, которую еще давали подземные ключи на дне иссохшего моря. Что-то невыразимо печальное сквозило в этой тонкой темной полоске воды, оставшейся от некогда огромного и ревущего синего океана.

Флаер описал круг и пошел вниз. Кеши быстро выпалил фразу на своем диалекте. Уинтерз понял лишь одно слово — Валкис. Кор Хал что-то ответил, затем повернулся к Уинтерзу:

— Нам недалеко. Не отходите от меня.

Они выбрались из флаера. Уинтерз понял, что его взяли под стражу — и не только ради его безопасности.

Подул ветер, слабый и иссушающий. Под ногами клубами поднималась пыль. Впереди лежал Валкис — темная гряда камней, расплывшаяся до самых горных отрогов, — безжизненно-холодный в зловещем свете двух лун. На вершине гребня темнели разрушенные башни дворца.

Они шли вдоль канала со стоячей, неподвижной черной водой, по камням мостовой, истертым до дыр сандалиями бесчисленных поколений горожан. Даже в столь поздний час Валкис не спал. Во мраке ярким желтым пламенем горели факелы. Издалека доносились странные звуки марсианской арфы с двойной декой. На улицах, в проходах между домами, на плоских крышах домов кипела жизнь.

Гибкие худощавые мужчины и грациозные, как кошки, женщины следили за чужаками молча, с горящими глазами. В воздухе стоял монотонный, непрекращающийся тихий звон — это перешептывались крошечные колокольчики, которыми украшали себя местные женщины. Колокольчики висели у них в волосах, в ушах, на щиколотках.

Этот город — воплощение зла, подумал Уинтерз. Древний и очень порочный, но не уставший. Уинтерз кожей чувствовал биевание жизни, горячей и бурной. Ему было страшно. Его одежда, равно как и белые туники спутников, слишком бросалась в глаза среди обнаженных грудей, коротких ярких юбок в складку, украшенных драгоценными камнями поясов.

Никто не приветствовал их. Уинтерз вздохнул с облегчением, когда Кор Хал привел спутников в большой дом и плотно закрыл за собой истертую бронзовую дверь.

Уинтерз обернулся к Кор Халу.

— Когда? — спросил он, тщетно пытаясь скрыть дрожь в руках.

— Все готово. Халк, проводи его.

Кеши кивнул и пошел вперед. Уинтерз следовал за ним по пятам.

То, что предстало его глазам, разительно отличалось от зала Шанги в Кахоре. В этих каменных стенах некогда жили, любили и умирали, причем не всегда своей смертью, мужчины и женщины. В щелях между плитами оставались их слезы и кровь, копились веками. Ковры, гобелены, мебель стояли целое состояние — произведения искусства, предметы старины. Их красота изнасилась от времени, но все же оставалась красотой, великолепной и яркой.

В конце прохода была бронзовая дверь с узкой решеткой.

Халк остановился и велел Уинтерзу снять с себя все.

Уинтерз замер в нерешительности. Ему очень не хотелось расставаться с оружием.

— Почему здесь? — спросил он недовольно. — Я хочу взять одежду с собой.

Но Халк повторил:

— Разденься здесь. Таковы правила.

И Уинтерз повиновался.

Обнаженный, он вошел в тесную комнатку. В ней не было удобного обитого стола — только несколько шкур, брошенных прямо на голый пол. В противоположной стене зиял огороженный проход.

Бронзовая дверь с визгом захлопнулась за Уинтерзом, и он услышал, как лязгнула щеколда. В комнате царил полный мрак. Теперь ему стало уже по-настоящему страшно. Страх был дикий, неукротимый. Но Уинтерз не мог ничего изменить. Слишком поздно. Причем давно. С того самого дня, когда пропала Джилл Леланд.

Уинтерз опустился на шкуры. Высоко над его головой, под самым сводом, что-то смутно мерцало. Постепенно мерцание стало усиливаться, разгораться. Наконец Уинтерз смог разглядеть призму, вделанную в камень, — большую, вырезанную из какого-то ярко-огненного кристалла.

Из-за решетки на двери донесся голос Кор Хала:

— Эй, землянин!

— Что? — откликнулся Уинтерз.

— Видишь призму? Это и есть Драгоценность Шанги. Мудрецы Каэр Дху вырезали ее миллион лет назад. Только им была ведома тайна кристалла и секреты его огранки. Таких камней сейчас осталось всего три.

На стенах вспыхнули сполохи света — вернее, сгустки чистой энергии. Золотые, оранжевые, зеленовато-синие. Маленькие огоньки пламени, огонь Шанги, сжигающий душу.

Пытаясь совладать со страхом, Уинтерз спросил:

— Ну а радиация? Лучи, которые проходят сквозь призму, — они те же, что в Кахоре?

— Да. Тайну лучей Каэр Дху тоже унесли с собой. Возможно, это космические лучи. Используя в качестве призм обычный кварц, мы можем ослабить уровень радиации до потребностей торгового города.

— Кто это «мы», Кор Хал?

Смех, негромкий и злобный:

— Мы — это Марс, землянин!

Танцующее пламя, все сильнее и ярче, пляшущее на его теле, проникающее в кровь, в мозг... Не такое, как в солярии с хорошенькими игрушечными деревьями. Там было удовольствие —

дразнящее, опьяняющее наслаждение. Странное, захватывающее. Но здесь...

Тело Уинтерза вдруг дернулось и выгнулось дугой, затем скрутилось кольцом. Он забился в корчах. Мука была невыносимой — сладкая, невыразимо сладкая боль.

Голос Кор Хала прогремел откуда-то издалека, оглушительный и роковой:

— Мудрецы Каэр Дху не были мудры. Они разгадали тайну Шанги и решили покончить с войнами и проблемами, уходя назад, к истокам. Но знаешь, что стало с ними? Они погибли. Вымерли, землянин! Каэр Дху исчез с лица планеты в течение жизни одного поколения!

Уинтерзу становилось все трудней отвечать, трудней думать.

— Какое это имеет значение? — хрипло сказал он. — Они были счастливы, пока жили.

— А ты счастлив, землянин?

— Да! — задыхаясь, выкрикнул он. — Да!

Вместо слов у него вырвалось невнятное мычание.

Берк Уинтерз извивался, катаясь на сбитых шкурах в невыразимой, почти нечестивой истоме, в сладостной муке, о которой прежде даже не мог мечтать, — и был счастлив. Огонь Шанги плавил его тело, подобно раскаленному металлу, и Уинтерз уже не испытывал ничего, кроме всепоглощающего ощущения счастья.

До него снова донесся смех Кор Хала.

После этого все сделалось как в тумане. Сознание время от времени туманилось, и он проваливался в черноту. Приходя в себя, Уинтерз чувствовал себя странно. Его собственное тело было каким-то чужим, незнакомым. Только одно он помнил довольно отчетливо — по крайней мере, один отрезок пути по зловещей дороге назад.

Во время очередного просветления, длившегося очень недолго — может, с минуту или две, — ему показалось, что плита в стене вдруг отодвинулась, открыв кварцевое окошко, и в нем возникло чье-то лицо. Уинтерз чувствовал, как чужие глаза внимательно разглядывают его обнаженное тело, плавающее в восхитительном пламени.

То было лицо женщины. Марсианки. Очень породистое, с четко очерченными скулами и надменными дугами бровей; алый рот так и манил к поцелую, обещая блаженство и муку.

По-видимому, в стене таился микрофон, поскольку женщина говорила с ним и он слышал ее голос, полный упоительно-жестоким магии. Она окликнула его по имени.

Уинтерз не смог подняться, но ухитрился подползти к окошку, и в его воспаленном мозгу женщина стала частью видений, проявлением тех неземных сил, что играли с его организмом. Разрушение и восторг, неодолимые как сама смерть.

По меркам чужеземца, она была не так красива, как Джилл. Но в ней чувствовалась сила. И ее алый рот дразнил его, насмехаясь, а изгиб обнаженных плеч доводил до исступления.

— Ты сильный, — проговорила она. — Ты будешь жить, до самого конца. И это хорошо, Берк Уинтерз.

Он попытался что-то сказать, но понял, что уже не в состоянии произносить слова.

Она улыбнулась:

— Ты бросил мне вызов, землянин. Я знаю. Ты бросил вызов Шанге. Ты храбр, а мне нравятся храбрые мужчины. Но ты также глуп, а я люблю глупцов, потому что они развлекают меня. Я подожду, землянин, когда ты достигнешь конца пути!

Он снова попытался ответить, и опять у него ничего не вышло... А потом навалились ночь и безмолвие. Он унес с собой во мрак отзвук ее издевательского смеха.

Он больше не был капитаном Берком Уинтерзом. Его звали коротко — Берк. Он лежал на твердых и холодных камнях. Вокруг царил крошечная тьма, но его глаза и уши верно служили ему. По звуку собственного дыхания он догадался, что находится в замкнутом пространстве, и это ему не понравилось.

Он негромко зарычал. Волосы на затылке встали дыбом. Он попытался вспомнить, как попал сюда. Что-то случилось с ним, что-то связанное с огнем, с пламенем, вот только не вспомнить, что именно и почему.

Одно он знал твердо: он что-то искал. Это «что-то» пропало, и он хотел его вернуть. Желание причиняло ему мучительную боль. Он не мог вспомнить, чего именно он так желал, но жажда вернуть потерянное была сильнее страха смерти.

Он встал и принялся обследовать свою темницу.

Отверстие он обнаружил почти сразу. Внимательно обследовав его, он пришел к выводу, что лаз ведет наружу. Он ничего не видел, однако сильный сквозняк, тянувший из дыры, нес с собой множество незнакомых и странных запахов. Берк припал к земле, и руки его инстинктивно сжались и разжались, хватая воздух в поисках оружия. Но оружия не было. Тогда он пополз по проходу, совершенно бесшумно.

Он полз долго, задевая плечами каменные своды. Потом увидел впереди себя свет, красный и мерцающий, и сквозняк донес до него привкус дыма, запах мужчин.

Медленно, очень медленно существо по имени Берк поползло к источнику света. Он уже добрался до конца туннеля, как вдруг за его спиной с лязганьем упала решетка. Конец. Западня.

Он не мог вернуться назад — но и не хотел возвращаться. Враги были впереди, и он жаждал сразиться с ними. Теперь он знал, что ему не удастся подкрасться к ним незамеченным. Выгнув могучую грудь, Берк бесстрашно выпрыгнул из отверстия лаза — наружу.

Мечущееся пламя факелов ослепило его, уши заложило от дикого воя толпы. Он стоял на огромном камне — жертвенном камне старого Валкиса, хотя и не ведал этого. Толпа, улюлюкая, разглядывала землянина, осмелившегося вкусить запретного плода, который боялись трогать даже обитатели Нижних Каналов.

Существо по имени Берк все еще оставалось человеком, но обезьянье уже отчетливо проступало в нем. Много часов он провел в пламени Шанги, и это пламя преобразило его физически. Кости и мышцы изменились под воздействием ускорившегося метаболизма и переродившихся желез.

Он и так был крупным и сильным мужчиной, а теперь совсем загрубел и налился животной силой. Челюсть и надбровные дуги отяжелели, выпятились вперед. Густая шерсть покрыла грудь и конечности, образовав на затылке рудиментарную гриву. В глубоко посаженных глазках светились хитрость и ум, однако то был разум первобытного человека, едва-едва выучившегося говорить, разводить огонь и мастерить копья — но больше ничего.

Пригнувшись к земле, Берк разглядывал толпу, стоявшую под ним. Он не знал, кто эти люди, и тем не менее ненавидел их. Они были из другого племени и пахли незнакомо. Они тоже пылали к нему ненавистью. Воздух казался тяжелым, колючим от их враждебности.

Один из мужчин легко и горделиво выступил вперед, на открытое пространство. Берк не помнил, что этого человека звали Кор Хал. Он не заметил, что Кор Хал сменил белую тунику торгового города на юбку-кильт и пояс Нижних Каналов и что в его ушах болтались просверленные золотые кольца Барракеша. Теперь Кор Хал стал тем, кем и был на самом деле — бандитом и разбойником, рожденным и выросшим среди народа бандитов, столь долго шлифовавшегося цивилизацией, что они уже могли позволить себе забыть о бандитском прошлом своей расы.

Берк помнил только одно: этот человек — самый ярый его враг.

— Капитан Берк Уинтерз, — сказал Кор Хал. — Человек из племени землян — хозяев космических путей, строителей торговых городов, алчных и неумных грабителей.

Голос разнесся над запруженной людьми площадью, хотя Кор Хал не напрягал его. Берк следил за противником, слегка покачиваясь и опустив длинные алчущие руки. Глаза его горели красными огоньками, отражая пламя факелов. Он не понял смысла слов, но почувствовал угрозу и насмешку. Человек оскорблял его.

— Взгляните на него, о народ Валкиса! — воскликнул Кор Хал. — Теперь он наш господин. Его народ правит Городскими Штатами Марса. Наша честь поругана, наше богатство утеряно. Что осталось нам, о дети умирающего мира?

Ответ, отразившийся от стен Валкиса, не имел слов — начальный аккорд гимна, написанного в аду.

Кто-то кинул камень.

Берк легким движением прыгнул с жертвенника и бросился через площадь, метаясь прямо в горло Кор Хала.

Раздался смех, больше похожий на свирепый кошачий вопль. Толпа гибко подавалась вперед, как единое живое существо. Пламя факелов отражалось от лезвий ножей, от драгоценных камней, плясало в топазово-зеленых глазах, сверкало на поверхности бормочущих, позвякивающих колокольчиков, на остриях шипов убийственно острых кастетов. Длинные черные языки плеток лизнули воздух с шипением и щелканьем.

Кор Хал дождался, когда Берк подбежит поближе, почти вплотную. Тогда он наклонился и описал разворот, ударив Берка ногой — грациозным приемом марсианского бокса. Удар пришелся Берку под подбородок и отшвырнул его, сбил с ног.

Пока полуоглушенный Берк катался в пыли, Кор Хал вырвал из рук стоящего рядом мужчины плетъ.

— Вот так-то, землянин! — крикнул он. — А теперь ползи! Брюхом к земле — и лижи камни, которые были здесь еще до того, как обезьяны на вашей Земле выучились говорить!

Длинная плетъ запела, заныла, жалия тело Берка вновь и вновь, оставляя на коже красные рубцы, и толпа завопила:

— Ату его! Ату чудовище Шанги! Погоним его, как гнали когда-то наши отцы всех чужеземцев!

И они погнали чужака вперед, своими плетями, ножами, шипованными кастетами по улицам Валкиса, под уходящими лунами. Они гнали его с визгом и улюлюканьем.

Он попытался драться. Обезумев от ярости, он кинулся на обидчиков, но не смог добраться до них, чтобы схватить. Как только он бросался вперед, толпа словно таяла перед ним, расступаясь, и его настигали жалиющие плети, острые ножи или убийственные удары кастетов. Кровь заливала его, но то была его собственная кровь, и громкий пронзительный женский смех преследовал Берка по пятам.

Он жаждал убивать. Жажда убийства захлестнула его, накрыла красной пеленой — еще более горячей и красной, чем кровь, струившаяся из тела. Но его шатало от боли, в глазах плыл туман, и, не успев схватить и растерзать столь близкую и вожаделенную плоть врага, он успевал получить возмездие: длинные плети терзали его, обвиваясь вокруг его шеи, и бросали на землю.

Наконец в нем остались лишь страх и желание убежать.

И ему позволили бежать. По разрушающимся каменным улицам Валкиса, по переулкам, смердящим древними преступлениями... Но далеко его непустили. Они отрезали его от канала и свободы, которую сулило морское дно. Снова и снова они заворачивали задыхающееся, спотыкающееся существо, которое не-

когда было Берком Уинтерзом, капитаном «Старфлайта», и гнали его вперед, вверх по холму.

Теперь Берк двигался медленно. Он храпел и инстинктивно, ничего не видя перед собой, вертел головой, тщетно пытаясь защититься от подступающих врагов. Кровь горячими каплями капала на камни мостовой. Но безжалостные жала плетей продолжали впиваться в кожу. Плети гнали и гнали Берка вперед.

Все выше и выше. Мимо огромных, смутно маячащих в темноте доков, испещренных выбоинами от когда-то пришвартовывавшихся кораблей, окруженных горами щебня и пыли — продуктами собственного распада. Четыре уровня над каналом. Четыре гавани, четыре города, четыре эпохи, чья история записана разрушающимися каменными иероглифами. Даже первобытный человек Берк был подавлен и напуган.

Здесь не было жизни. Здесь не было жизни уже давно, даже на низшем, четвертом уровне. Ветер рыскал в пустых жилищах, вылизывая их стены, стирая углы у домов, превращая в дыры окна и двери — пока совсем не стирал следы рук человеческих. Оставались только странные, причудливые фигуры, будто вырезанные самим неутомленным ветром из горных вершин.

Теперь люди Валкиса шли молча. Они гнали зверя, и ненависть их не только не остыла, а, напротив, возросла.

Они шли вверх по костям их собственного мира. Земля была зеленой звездой, молодой и богатой. Здесь же марсиане шли мимо мраморной пристани, к которой давным-давно причаливали галеры королей Валкиса, но ныне даже сам мрамор уже раскрошился под тяжелой пятой веков.

На горном хребте, возвышавшемся над самым старым городом, стоял королевский дворец, равнодушно взирая на избитые пришельца. Во всем Валкисе стояла мертвая тишина, и нарушало ее только бормотание маленьких колокольчиков, похожее на жалобу ветра, горящего об ином мире — где женщины бегали на своих маленьких ножках, увязая по щиколотку в пыли.

Берк взбирался вверх по живой истории Марса с ловкостью обезьяны. Он до смерти боялся этих пустых руин, которые не пахли ничем, даже смертью.

Он миновал коралловый риф с домами внутри кольца, вскарабкался вверх и увидел склон, проеденный морем до зияющих дыр. Но продолжал упорно двигаться дальше. Берк не понимал, что это такое, и не хотел понимать. Выбравшись на ровное место, он пробежал мимо разрушенного пирса, некогда служившего пристанью для кораблей, заходивших в залив, и, остановившись, оглянулся назад.

Преследователи не отстали.

Бока Берка тяжело вздымались, в глазах плескалось отчаяние. Он снова устремился вперед, вверх по крутым узким улочкам с выбитыми плитами мостовой и превратившимися в бесформенные

груды щебня домами. Его руки и ноги оставляли на камнях кровавые следы, похожие на цветки.

Наконец он взобрался на гребень.

Огромная машина дворца смутно чернела впереди, заслоняя небо. Первобытная мудрость подсказывала Берку, что это опасное место. Он обогнул высокую мраморную стену, окружавшую дворец, и неожиданно его раздувающиеся ноздри почуяли запах воды.

Распухший язык уже не умещался во рту, горло забила пыль. Он так нуждался в воде, истекая соленой кровью, струившейся из ран, что на мгновение даже забыл о своих врагах и об угрозе каменной громады, возвышавшейся за спиной.

Вприпрыжку беглец помчался к вершине, вскоре уперся в ворота, не раздумывая влетел в них — и тут же почувствовал под ногами свежий дерн, прохладный и мягкий. Там рос кустарник и цветы смутно белели в лунном свете, и тяжелые чудные темные ветви деревьев вырисовывались на фоне ночного неба.

Ворота позади него бесшумно затворились. Берк не заметил этого. Он бежал по заросшей травой аллее между причудливо подстриженными деревьями, влекомый запахом воды. То здесь, то там во мраке светились статуи, вырезанные из мрамора и полудрагоценных камней. От ощущения близкой опасности по спине Берка побежали мурашки, но он слишком устал и слишком хотел пить, чтобы остановиться.

Аллея кончилась. За ней было открытое пространство, в центре которого стоял огромный, врытый в землю резервуар, высеченный из камня и украшенный орнаментом из драгоценных камней. Вода в нем походила на полированный черный янтарь.

Впереди все было спокойно, не шевелилась ни одна травинка. Крыло дворца поднималось за резервуаром мрачной стеной, с виду совершенно безжизненной, но обостренное чутье Берка говорило ему обратное. Он замер в тени деревьев, пригнувшись и прислушиваясь.

Ничего. Тьма и тишина. Берк взглянул на манившую его воду. И это возобладало над всеми чувствами беглеца. Он сорвался с места и устремился вперед.

Бросившись животом на облицовывавшие края резервуара плиты из бирюзы, Берк погрузил лицо в ледяную воду и стал жадно пить. Потом просто лежал без сил, тяжело дыша.

По-прежнему тишина. Никакого движения.

И вдруг ночь прорезал долгий, протяжный вой, донесшийся откуда-то из-за дворца.

Берк напрягся. Он встал на четвереньки, и каждый волосок на его теле ошетинился от страха.

За воем последовал странный визг какой-то рептилии.

Теперь, когда жажда не мучила его, Берк смог уловить в ночи множество запахов. Они были слишком многочисленны и перемешаны, но среди них выделялся один — сильнейшая мускусная

вонь, вызывавшая инстинктивное отвращение. У Берка даже мурашки по коже побежали. Он представить не мог, что за тварь способна испускать такую омерзительную вонь, но содрогнулся от ужаса, ибо ему показалось, что он почти знает, — а Берк не хотел знать.

Он хотел одного — унести ноги, убраться как можно скорее из этого места, наполненного некоей тайной жизнью, тишиной и скрытой угрозой.

Он двинулся назад, к деревьям — по своим следам. Очень медленно, потому что был весь изранен и очень слаб. А потом вдруг увидел ее.

Она возникла на поляне внезапно, совершенно беззвучно, явившись из тени огромных цветущих кустов. Она стояла неподалеку, освещенная изменчивым сиянием двух маленьких движущихся лун, и глядела на него большими глазами. Было видно, что она готова обратиться в бегство при любом его неосторожном движении. Волосы, струившиеся по спине, и пушок, покрывавший все ее тело, были серебристо-лунного цвета.

Берк остановился. Чувство безвозвратной потери и отчаянное желание вернуть утраченное с новой силой нахлынули на него, — и он почувствовал неодолимое желание быть рядом с этой хрупкой серебристой самочкой.

Имя всплыло само собой из сумеречных недр его души.

— Джилл?

Она вздрогнула. Берку показалось, что она сейчас убежит, и он снова позвал:

— Джилл!

И тогда она стала подходить к нему, неуверенно, шаг за шагом, все ближе, ближе, прелестная, как олениха весной.

Она издала какой-то звук, подразумевавший вопрос, и он ответил ей:

— Берк.

Она постояла, повторяя имя, а потом, всхлипнув, побежала к нему.

Берка затопила волна счастья. Он засмеялся, повторяя ее имя, снова и снова, и глаза его были полны слез. Он протянул к ней руки.

И тут просвистело копьё. Дрожа, оно вонзилось в землю между ними.

Джилл издала предостерегающий крик и исчезла в кустах. Берк хотел последовать за ней, но колени его подогнулись, и он обернулся назад с рычанием.

Из-за деревьев вышли огромные стражники-кеши и окружили его кольцом. В руках у них были копыя и сети. Берк и опомниться не успел. Острия копий упирались в его спину, пока сети опутали по рукам и ногам. Берк упал, беспомощно барахтаясь.

Два звука раздались в ночи: вопль серебряной самки и женский издевательский смех — где-то совсем рядом.

Он уже слышал этот смех. Он не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах, но он помнил его с такой яростью, что стражам пришлось ударить пленника древком копья по голове, чтобы Берк утомился.

Глава 3

Он пришел в себя в комнате, поразительно похожей на ту, где он находился перед тем, как потерять сознание. Разве только стены здесь были другие — темно-зеленого камня, и на потолке не было призм.

Уинтерз не мог вспомнить, что приключилось с ним после того, как он побывал в той комнате; он только знал, что пережил какое-то потрясение. Имя Джилл заслоняло все в его мозгу, и Берка затрясло от волнения.

Он вскочил на ноги и лишь тогда заметил, что закован в кандалы. Цепи соединяли браслеты на его запястьях с браслетами на щиколотках, проходя через металлический пояс на талии. Кроме кандалов на нем не было ничего. Он также обратил внимание, что все его тело покрыто свежими шрамами.

Тяжелая дверь распахнулась прежде, чем он начал барабанить в нее. Четверо высоких варваров в изукрашенных великолепными камнями кованых доспехах окружили его и повели куда-то. Впереди шагал офицер. Они не разговаривали с Уинтерзом, и он понял, что это бесполезно — пытаться что-то выудить из них.

Он совершенно не представлял, где находится и как он сюда попал; он только смутно помнил боль и бесконечный бег, как будто это случилось во сне.

Но там же, в этом сне он видел Джилл, он говорил с ней. Он был уверен, что она так же реальна, как кандалы на его ногах.

Уинтерз споткнулся, потому что глаза его застилали слезы. До того момента он не был уверен. Он видел покореженный остов ее флаера и, хотя не поверил в случившееся, все же допускал мысль, что Джилл и вправду мертва и потеряна безвозвратно.

Но теперь он знал. Она жива, и будь Уинтерз один, то заплакал бы, как ребенок.

Но он не заплакал, а принялся внимательно изучать коридоры и огромные залы, по которым его вели стражники. Из масштабов здания и красоты убранства Уинтерз заключил, что находится во дворце, и предположил, что это тот самый дворец, который он видел на утесе, над Валкисом. Он понял, что не ошибся, когда разглядел сквозь амбразуру город, лежащий внизу.

Дворец был древнее, чем все старые замки, которые Берк видел на Марсе — кроме разве руин Лхаки в северной пустыне. Но здесь были отнюдь не руины. Этот дворец, состарившись, сохранил свою мрачную красоту. Мозаичные узоры на полу потеряли четкость, драгоценные камни истерлись, истончились, словно фар-

фор. Гобелены, сохранившиеся до сего времени благодаря утерянному много веков назад секрету производства (как и многое на Марсе), стали хрупкими и ломкими, краски потеряли первоизданную яркость и едва-едва светились, но гобелены все равно были бесконечно прекрасными — и рождали бесконечную печаль.

На стенах и на высоких сводах потолка пестрели фрески — великолепные свидетельства утраченного величия и славы, смутные и неясные, как память глубокого старца. Они изображали бездонные синие моря, корабли с высокими мачтами, воинов в доспехах, украшенных драгоценными камнями, и плененных принцесс, чудесных, как темные жемчужины.

Величественная архитектура, сочетавшая в себе красоту и силу, выразила ту причудливую смесь высокой культуры и варварства, что вообще типична для Марса. Уинтерз задумался о том, как давно были высечены в каменоломнях камни этого дворца, и пришел к заключению, что в те времена первая цивилизация Марса уже уничтожила себя в атомных войнах и гордые короли Валкиса были всего-навсего разбойничьими главарями в потружавшемся во мрак вечной ночи мире.

Наконец они подошли к золотой двери высотой в два человеческих роста. Стражи-кеши, стоявшие в карауле, распахнули створки, и глазам Берка предстала Тронная зала.

Лучи клонившегося к закату солнца проникали сквозь узкое окошко, падая на колонны и на украшенный мозаикой пол. Слабый отсвет лежал на сверкающих щитах и мечах покойных королей, окрашивал в теплые тона дряхлые знамена, ненадолго возрождая их к жизни. Все остальное в зале было погружено в полумрак, наполненный шорохом, шепотом и слабым умирающим эхом.

Холодный золотой луч падал прямо на трон, стоявший в дальнем конце залы.

Сиденье трона было высечено в цельной глыбе черного базальта, и, когда Уинтерз подошел ближе, гремя цепями, он заметил, что глыба сильно обкатана морем. Бока ее были очень ровные и гладкие, терпеливо отполированные песком во время бесчисленных приливов и отливов; на подлокотниках, где лежали бесчисленные руки, тоже образовались глубокие впадины. Впадины были и на базальтовой ступеньке для ног.

На троне восседала старуха. В черном свободном одеянии, волосы уложены серебристой короной и оплетены жемчугами. Она уставилась подслеповатыми глазами на землянина и вдруг заговорила на звучном верхнемарсианском — столь же древнем, как санскрит на Земле. Уинтерз не понял ни слова, однако по выражению ее лица догадался, что старуха безумна.

Кто-то сидел у ее ног, скрытый густой тенью, за пределами золотого столба солнечного луча, невидимый для Уинтерза. Он

смог разглядеть лишь смутную бледность кожи цвета слоновой кости, — и в его душе зародилось дурное предчувствие.

Когда он приблизился к трону, старуха поднялась и простерла к нему руку — морщинистая Кассандра, накликающая несчастье. Дикое эхо ее истошного вопля заметалось по зале, отразившись от высокого свода; в глазах старухи горела обжигающая ненависть.

Стражи толкнули Уинтерза вперед древками копий, и он рухнул лицом вниз перед базальтовыми ступенями.

Низкий, мелодичный, издевательский смех послышался из густой тени — и чья-то маленькая ножка, обутая в сандалию, надела на шею Уинтерза.

Он узнал этот голос.

— Капитан Уинтерз! Королева Валкиса приветствует тебя.

Обладательница голоса сняла ногу. Он встал. Старуха уже полулежала на троне. Теперь она бормотала что-то вроде молитвы, и ее лицо, обращенное кверху, светилось благоговейным восторгом.

И снова из тени донесся знакомый голос:

— Моя мать повторяет речь, которую она произнесла при коронации. Сейчас она потребует дань от Внешних Островов и прибрежных племен. Время и действительность не имеют для нее смысла, ей нравится играть в королеву. А потому, как ты видишь, я, Фэнд, правлю Валкисом, находясь в тени трона.

— Иногда, — заметил Уинтерз, — тебе следовало бы выбиратья на свет.

— Да.

Мягкий, быстрый шелест — и она уже стояла перед Уинтерзом в луче солнца.

Ее волосы были черны, как ночь после захода луны, и завиты в затейливые локоны. Фэнд одевалась по странной, вызывающей моде разбойничьего королевства: длинная пышная юбка, подобранная до пояса по бокам, так что при ходьбе были видны обнаженные бедра, широкий, украшенный драгоценными камнями пояс, воротник из золотых пластинок-кружочков. Маленькие прелестные обнаженные груди упруго торчали, тонкое тело гибко извивалось с кошачьей грацией.

Лицо было именно таким, каким он его запомнил. Горделивое и утонченное, с золотыми глазами и ртом, похожим на алую ягоду, сладким как мед и горьким как яд. Под изысканной прелестью Фэнд таилась ленивая и дремотная сила, убийственное очарование разящей, как смерть, красоты.

Она взглянула на Уинтерза и улыбнулась:

— Что ж, наконец-то ты достиг конца пути.

Он перевел взгляд на свои кандалы и обнаженное тело.

— Довольно странный конец. Я хорошо заплатил Кор Халу за это. — Он испытующе посмотрел на Фэнд: — Это ты правишь

Шангой? Не только Валкисом? В таком случае должен заметить, что ты не слишком гостеприимна.

— Напротив, я очень забочусь о своих гостях. Впрочем, ты все увидишь сам. — Ее золотые глаза дразнили Уинтерза. — Но ты пришел сюда не для того, чтобы заниматься Шангой.

— Зачем же?

— Чтобы найти Джилл Леланд.

Уинтерз даже не особенно удивился. Подсознательно он понимал, что Фэнд знает это. Однако он попытался изобразить удивление.

— Джилл Леланд мертва.

— Разве? Ты же видел ее в саду и даже разговаривал с ней. — Фэнд рассмеялась. — Ты думаешь, мы столь глупы? Каждый, кто является в зал Шанги в торговом городе, проходит тщательную проверку и тест. Мы были особенно внимательны с тобой, капитан Уинтерз, потому что твой физический тип не склонен к практике Шанги. Такие мужчины слишком сильны, чтобы бежать от действительности. Ты, конечно же, знал, что твоя невеста пристрастилась к Шанге. Тебе это не нравилось, и ты попытался остановить ее. Кор Хал рассказывал, что она была весьма удручена твоим поведением и жаловалась ему не раз.

Но Джилл зашла слишком далеко. Она умоляла нас подарить ей настоящую Шангу, в полную силу. Она помогла нам инсценировать ее гибель на дне моря. Впрочем, мы бы и сами сделали то же самое, ради собственной безопасности, ведь у Джилл очень влиятельные друзья. К чему нам такие осложнения — чтобы наших клиентов разыскивали ищейки. Но она хотела, чтобы именно ты поверил в ее смерть, чтобы ты забыл ее. Она сказала, что не вправе выйти за тебя замуж, что она разобьет твою жизнь. Правда трогательно, капитан Уинтерз? Почему ты не плачешь?

Уинтерзу хотелось не только заплакать. Ему страстно захотелось стиснуть, сжать своими ручищами это дьявольски прекрасное тело, сломать его, а потом растоптать, размазать по полу.

Но его кандалы успели лишь коротко звякнуть, как острые копыта взвились в воздух, оставив на обнаженной спине пленника следы злых поцелуев. И Уинтерз послушно остался стоять на месте.

— Зачем ты сделала это? Из ненависти — или ради денег?

— И то и другое, землянин. И еще по одной причине, куда более важной, чем и то и другое. — Губы Фэнд скривились в мимолетной усмешке. — А кроме того, я не сделала ничего дурного твоему народу. Да, я построила Залы Шанги. Но земные мужчины и женщины деградируют по своей собственной воле. Подойди сюда.

Она жестом позвала его за собой, к окну. Проходя по огромной зале, она закончила:

— Ты видел лишь часть дворца. Мы отремонтировали и перестроили дом моих предков на земные деньги. На деньги обезьян, которые желают вернуться к своему изначальному состоянию, потому что цивилизация, которую они взвалили на свои плечи, оказалась слишком тяжким для них бременем. Посмотри туда. Это тоже сделано на деньги землян.

Уинтерз выглянул из окна и увидел то, что практически исчезло с лица планеты Марс, — сад. Многоцветный, сверкающий словно драгоценный камень сад, по-видимому, точно такой же, какой цвел здесь много веков назад и какой должен быть при дворце. Просторные лужайки с бронзовато-зеленой травой, идеально подстриженные, ухоженные кусты и деревья, статуи...

Отчего-то — он не мог вспомнить отчего — при виде этого сада его зазнобило.

Но сад был лишь частью того, что предстало глазам Уинтерза. Малой частью.

Склоны холма под окном уходили вниз, образуя углубление в форме широкой чаши глубиной в четверть мили. Уинтерз заглянул на самое дно. Даже разрушенный временем, амфитеатр поражал своей красотой: секторы сидений поднимались вверх подобно вырубленным в камне ступеням, ведя к краям чаши. Уинтерз попытался представить себе, как это все выглядело в те далекие времена, когда в амфитеатре проводились бои и игры и все скамейки были заполнены тысячами зрителей.

Но теперь на месте арены раскинулся сад — еще один сад. Дикий, переплетшийся ветвями, закрытый отвесными стенами, ограждавшими зрителей от зверей. Там были заросли и открытые лужайки, и Уинтерзу было видно, как среди зарослей движутся какие-то тени — странных, причудливых очертаний. Издалека, в косых лучах заходящего солнца, он не мог толком рассмотреть, что это такое, но его пронзил ледящий страх, предчувствие какого-то кошмара.

В самом центре арены голубело озеро. Не очень большое и, похоже, не очень глубокое, но там плескались твари, и Уинтерзу почудилось слабое эхо вопля неведомой рептилии. Того самого вопля...

Фэнд смотрела на амфитеатр со странной, неторопливой усмешкой. Уинтерз заметил, что нижние ряды амфитеатра уже заняты, и зрители подходили еще и еще.

— Что же это такое, что важнее денег и ненависти к землянам? — спросил он.

Гордость древней расы, родовая гордость засветились в глазах Фэнд, когда она ответила ему. Уинтерз даже забыл о своем отвращении к ней, потрясенный ее искренностью.

Она произнесла одно только слово:

— Марс.

Старуха услышала ее и что-то крикнула. Потом набросила на голову край своей черной мантии и затихла.

— Марс, — негромко повторила Фэнд. — Планета, которой не дано было даже умереть достойно, сохранив свою честь, потому что слетелись стервятники, чтобы расклевать мертвое тело, и жадные крысы выпили из нее остатки крови и гордости.

— Не понимаю, — пожал плечами Уинтерз, — какое отношение имеет к Марсу Шанга?

— Увидишь. — Она внезапно переключила свое внимание на него. — Ты бросил вызов Шанге, землянин, подобно тому как твой народ бросил вызов Марсу. Но мы посмотрим, кто сильнее!

Она дала знак офицеру, и он удалился. Потом Фэнд повернулась к Уинтерзу:

— Ты хотел вернуть свою девушку. Ради нее ты был согласен пройти сквозь огонь Шанги, несмотря на то что питал к нему отвращение. Ты не испугался опасности потерять самого себя под воздействием радиации — хотя через определенное время перемены в живом организме становятся необратимыми. И все это ради Джилл Леланд. Ты все еще хочешь получить ее обратно?

— Да.

— Ты так уверен?

— Да.

— Очень хорошо. — Фэнд оглянулась через плечо и закончила: — Она здесь.

Уинтерз не сразу заставил себя обернуться.

Фэнд отошла в сторонку, наблюдая за ним с жестокой улыбкой. Спина у Уинтерза онемела. Затем он все-таки повернулся.

В солнечном свете стояла она — растерянное, испуганное, дикое и сверкающее существо зари человечества. На шее у нее болталась веревка. Стражи смеялись.

«Она не так уж переменилась, — с отчаянием подумал Уинтерз. — Назад, к первобытному человеку, но все же не к обезьяне. В ее глазах еще светятся душа и огонь разума. Джилл, Джилл, как ты могла это сделать?»

Но теперь-то он хорошо понимал как. Он вспомнил их жестокие ссоры из-за Шанги. Прежде он считал Шангу глупой ребяческой забавой, не достойной интеллекта Джилл, хотя разрушительной, как любой наркотик. Теперь же он понимал.

Теперь он знал. И его терзал страх, дикий страх, потому что он слишком хорошо понимал.

Ибо теперь он и сам был среди зверей Шанги. И несмотря на весь ужас, с которым Уинтерз взирал на это создание, бывшее Джилл — и в то же время не Джилл, в нем тлело еще одно чувство — вождение к самке, казавшейся Уинтерзу еще более привлекательной, более соблазнительной, нежели прежняя Джилл. Эта новая Джилл была свободна от всех запретов и условностей

мира, и сильное тело ее жило свободной жизнью. Она походила на быстроногую олениху, дрожащую чувственной дрожью.

«Нас будет двое. Первобытная женщина, первобытный мужчина. Сильные мускулы, сильные чувства, мужество, отнятое городами...»

— Ее еще можно спасти, — заметила Фэнд. — Если ты найдешь способ, как сделать это. Впрочем, тебе самому понадобится кто-то, кто спасет тебя, капитан Уинтерз! — неожиданно закончила она.

Его замутило от отвращения — а в глазах по-прежнему горели странные огоньки.

Серебряная самка приближалась. Ее глаза неотрывно смотрели на него. Он понял, что ее неукротимо влечет к нему, и попытался понять почему. Самка не произнесла ни звука, и мучительный спазм перехватил его горло, лишив дара речи.

Стражник слегка отпустил веревку, чтобы она могла двигаться свободно. Джилл подошла к Уинтерзу, очень нерешительно, осторожно, как зверь. Потом остановилась и заглянула ему в лицо. Ее большие темные глаза наполнились слезами. Она тихонько всхлипнула и опустила на колени у его ног.

Старуха издала каркающий смешок. Глаза у Фэнд были как две чаши расплавленного золота.

Уинтерз нагнулся и обнял Джилл. Затем поднял ее с пола и прижал к себе, в яростном порыве защитити.

Очень тихо он спросил у Фэнд:

— Ты увидела все, что хотела. Мы можем идти?

Та кивнула.

— Отведите их в сад Шанги, — приказала она и добавила: — Почти самое время.

Стражники повели их, Берка Уинтерза и женщину, которую он потерял, а теперь вновь обрел, через огромные, гулкие залы дворца, затем вниз, по пологим склонам холма — в амфитеатр.

Тяжелая металлическая решетка закрывала вход в туннель. Стражники отомкнули замок и, сняв с Уинтерза кандалы, швырнули его и Джилл внутрь. Дверь с лязганьем захлопнулась.

Крепко держа Джилл за руку, Уинтерз миновал туннель и вышел на арену — в сад Шанги.

Он остановился, щурясь от яркого света. Пальцы Джилл еще крепче вцепились в него. Она все дрожала в томительном ожидании чего-то и напряженно прислушивалась, склонив набок голову.

Не успел Уинтерз опомниться, как прозвучал первый удар гонга, звучный и мелодичный, словно зовущий служителей темных сил к черным молитвам. У него было только несколько секунд, чтобы успеть оглядеться и увидеть бродящих на четвереньках человекоподобных существ, почуять в воздухе резкий звериный запах, услышать плеск воды и шипение в озерце.

Но этих секунд оказалось достаточно, чтобы понять — и содрогнуться от ужаса и леденящего страха. Уинтерзу на мгновение почудилось, что все это только снится ему, и он возжелал ослепнуть, оглохнуть, а лучше всего — умереть.

Над стеной, отгораживавшей амфитеатр от зрителей, виднелись лица марсиан. Они смотрели вниз с любопытством, словно разглядывали в зоопарке редких доисторических животных — ужасных и злобных, к которым они, марсиане, испытывали личную ненависть и отвращение.

Потом снова зазвонил гонг, и Джилл рванулась в сторону, таща Берка за руку. В саду воцарилась напряженная тишина. Почти сразу же в воздух взмыл дружный вой, рев и визг, отвратительный, жуткий. В нем слышались человеческие нотки, но еще больше было звериного. Уинтерз услышал рядом с собой вопль Джилл, повторявшей снова и снова только одно слово:

— Шанга! Шанга!

Тут Уинтерз вдруг понял, что имела в виду Фэнд, когда говорила о Марсе. Это пришло как озарение. Пока Джилл тащила его между деревьями к лужайке в центре амфитеатра, он постиг, что этот сад Шанги — просто зверинец, куда приходят жители Марса, чтобы полюбоваться на зверей, которые покорили их мир.

Горячий, жаркий стыд затопил его. Обезьяноподобные существа, разгуливавшие голыми среди деревьев, были рабами пламени Шанги!

Не помня себя, он заорал на Джилл, пытаясь остановить ее.

Но она с удвоенной силой поволокла его за собой, так что Уинтерзу пришлось упереться пятками в землю, чтобы затормозить. Джилл повернулась к нему и прохрипела:

— Шанга!

Огромный первобытный мужчина вылетел из кустов прямо на них. Он уже разучился даже говорить и только издавал какие-то странные восторженные звуки. За ним бежали другие — мужчины, женщины, подростки, возвратившиеся в свое изначальное, первобытное состояние. Этот поток окружил, повлек за собой Уинтерза и серебристую самку, некогда бывшую Джилл. Уинтерз попытался выбраться из него, но тщетно.

Чем они ближе подвигались к центру площадки, тем многочисленней становилась толпа. Все спешили на призыв гонга.

Уинтерз вдруг почувствовал приступ неукротимой тошноты. Это была настоящая Вальпургиева ночь, шабаш нечисти. И сам он тоже был невольным его участником, обреченным на разрушение.

Те, что подобно Джилл ушли не слишком далеко по дороге, ведущей назад, не пробуждали особого ужаса. Они еще оставались людьми. Уинтерз помнил, что сам был таким же. Но попадались и иные. Ниже уровня первобытного человека, ниже неандертальца, ниже питекантропа, ниже недостающего звена между

человеком и обезьяной — к нашему общему доисторическому предку.

Бесформенные, волосатые твари со скошенными черепами и маленькими, горящими красным огнем глазками, с острыми желтыми клыками... Такого не видели даже антропологи. Не люди и не обезьяны — вообще непонятно кто.

Все черные тайны эволюции жизни на Земле стали явью — и были представлены в этом саду для обозрения марсиан. Даже Уинтерз, сам житель Земли, содрогнулся, увидев, от кого он, в конечном счете, произошел. Какие чувства могли испытывать марсиане к землянам, стоявшим так близко к собственным истокам?

Но Уинтерзу было дано увидеть и то, что лежало за этой гранью...

Гонг прозвонил в последний раз. Поток сгорбленных волосатых тварей с широкими плечами и низкими надбровными дугами, уродливых существ, ходивших на четырех лапах, вынес Джилл и Уинтерза на середину площадки, где, как он смог разглядеть из окна дворца, помещалось озеро.

Острая мускусная вонь витала в воздухе. Запах был как в террариуме. Поверхность воды пошла рябью, вспенилась: твари, обитавшие в озере, пытались ответить на зов гонга.

Назад, к общему предку, — а потом еще дальше. Минувя млекопитающих, к рептилиям — к жабрам и чешуе, к яйцам, отложенным в теплой болотной жиже, к шипению и ползанию, далеко-далеко!

— Шанга! Шанга! — задыхалась Джилл, глядя куда-то вверх, и черная волна ярости захлестнула Уинтерза. Какая-то влажная черная тварь проскользнула между ногами, и его качнуло от отвращения. Поверхность озера снова пошла рябью, но Уинтерз даже не повернулся в ту сторону. Он просто не мог смотреть.

Схватив Джилл за руку, он попытался протиснуться через толпу... Тщетно. Он был в западне, в ловушке.

Взглянув вверх, Уинтерз увидел призмы, подвешенные на длинных стрелах. Призмы уже разогревались, наполнялись знакомым красным свечением.

Вот теперь он точно дошел до конца пути. До конца поисков Джилл, до конца всего. Первые лучи Шанги, убийственные и сладостные, вонзились в его плоть. Он ощутил в себе разгорающееся желание, неутолимую жажду — и шевеление зверя, который был так близко к человеческой оболочке. Он вдруг подумал об озере и попытался представить, каково это — лежать во влажной грязи, дыша через жаберные щели, словно эмбрион в утробе матери.

«Потому что там мое место, — подумал он. — В озере. Мое и Джилл. А дальше? Амеба, а что потом?..»

Тут его взгляд упал на королевскую ложу, откуда бывшие правители Валкиса наблюдали бои гладиаторов, смотрели, как льется кровь. Теперь там сидела Фэнд.

Она оперлась своими изящными локотками о камень барьера, и Уинтерзу показалось, что даже на таком расстоянии он различает усмешку и презрение в ее золотых глазах. Рядом был Кор Хал и старуха, закутанная в черную мантию.

Огни Шанги разгорались все ярче. Теперь на лужайке царила тишина. Лишь изредка слышался тихий стон или вскрип, но это не нарушало молчания, только делало его еще глубже. Теплый отсвет плясал на обращенных вверх лицах, горел в широко раскрытых глазах. Вокруг каждого тела — даже тех, что были покрыты чешуей, — светился нимб красоты. Джилл тоже стояла там, обратив лицо в двойному солнцу, к тонкому лучу серебряного пламени.

Безумие уже проникло в ее кровь. Мускулы и сухожилия напряглись, тело скорчилось, потом выгнулось дугой. Мягкая вуаль забвения, всепрощающего, всеотпускающего. Джилл и Берк, первобытный мужчина и первобытная женщина. Они счастливы моментом, они не знают ничего, кроме своей любви, кроме собственного удовольствия. Почему нет? В конце концов, они теперь оба здесь, отмеченные одной печатью.

Потом Уинтерз услышал смех и улюлюканье марсиан, которые собрались полюбоваться на срам завоевателей. С усилием он оторвал глаза от греховного пламени и опять посмотрел на Фэнд, повелительницу Валкиса, на Кор Хала и на тысячи незнакомых лиц. В его глазах вспыхнула холодная страшная ярость.

Толпа на лужайке поредела. Твари лежали на траве, извиваясь от наслаждения. Джилл стояла на коленях. Уинтерз вдруг почувствовал, как силы оставляют его. Это восхитительная боль, прекрасная, безумная, ликующая боль...

Он схватил Джилл и поволок ее к деревьям, прочь из круга света.

Она не хотела идти. Она визжала, царапала его лицо ногтями, пинала ногами. Уинтерзу пришлось ударить ее. После этого Джилл сразу обмякла и покорно повисла у него на руках.

Он продолжал идти, спотыкаясь об извивающиеся тела, падая и поднимаясь. Последние метры Уинтерз преодолел ползком, на четвереньках. Одна мысль гнала его вперед. Одно желание заставило его пройти через муки ада — борьбу с пламенем Шанги.

Он должен стереть эту презрительную улыбку с лица Фэнд.

Лучи становились все слабее и наконец совсем пропали. Теперь Уинтерз был в безопасности, за пределами круга. Он оттащил Джилл подальше в кусты и повернулся спиной к лужайке, ибо ему нестерпимо хотелось обратно, так хотелось, что он даже не смел обернуться.

Он не вернулся. Он заставил себя выпрямиться и встать лицом к королевской ложе. Его поддерживало только одно — гордость.

Уинтерз посмотрел в далекие глаза Фэнд, и до него донесся ее серебристый голос:

— Ты все равно вернешься к Шанге, землянин. Завтра или послезавтра — но ты вернешься.

В ее голосе звучала уверенность — уверенность человека, знающего, что солнце непременно взойдет на востоке.

Берк Уинтерз не ответил ей. Он постоял еще мгновение, глядя в глаза Фэнд. Потом силы покинули его, и даже гордость не помогла. Он рухнул как подкошенный.

Но успел подумать о Фэнд. Фэнд и Марс бросили вызов Земле, и теперь Уинтерз боролся не только за спасение Джилл.

Глава 4

Когда он пришел в себя, стояла глубокая ночь. Джилл терпеливо сидела рядом. Она дала ему пищи, а пока он жадно ел, принесла воды в широком вогнутом листе.

Он попытался разговаривать с ней, однако пропасть между ними была слишком велика. Джилл казалась мрачной и подавленной и старалась держаться подальше. Ведь Уинтерз лишил ее племени Шанги, и Джилл не забыла об этом.

Уинтерз понял, что вместе с ней ему не спастись. Тогда он встал и пошел. Она не двинулась с места.

Две луны все еще освещали сад, хотя стояли уже совсем низко. Звери Шанги спали, как спали по ночам их обезьяньи предки.

Стараясь двигаться неслышно, Уинтерз обследовал арену в поисках выхода. В его голове созрел план. Не самый надежный план — и вообще, скорее всего он будет мертв еще до утра, — но ничего другого не оставалось. К тому же смерть не страшила Уинтерза. Он был человек, землянин; его ярость превосходила страх.

Стены арены были высокими и гладкими. Даже обезьяна не смогла бы вскарабкаться по ним. Все туннели оказались закрыты, кроме одного — того, через который он попал сюда. Уинтерз подполз поближе и потрогал решетку: заперто. К тому же неподалеку горел костер, у костра сидели двое стражников.

Уинтерз вернулся на арену.

Амфитеатр был абсолютно пуст: он не заметил там ни одного караульного. Просто некого было караулить. В сущности, стены амфитеатра служили надежной тюрьмой, да и обитатели сада не помышляли о бегстве от радостей Шанги.

Потерпев поражение, не успев даже начать борьбу, Уинтерз стоял, с отчаянием разглядывая сверкающие стены. Потом вдруг взгляд его упал на стрелы, к которым крепились призмы Шанги.

Он подошел поближе и внимательно оглядел ближайшую стрелу. Она была высоко, не дотянуться — металлический шест, закрепленный другим концом в амфитеатре и нависающий над стеной.

Две призмы улавливали лучи Шанги и фокусировали их, направляя на лужайку.

Высоко, слишком высоко. Но будь у него веревка...

Уинтерз вернулся к деревьям. Он оторвал несколько лиан и связал их друг с другом. Потом прикрепил к концу получившегося каната обломок увесистого сухого сука — в качестве грузика. И возвратился к стреле.

Третья попытка увенчалась успехом. Он перекинул через стрелу свою ненадежную веревку и для верности скрутил концы. Осторожно, пядь за пядью, пополз вверх, моля Бога о том, чтобы канат не оборвался под его весом.

Ему показалось, что он полз неимоверно долго. Уинтерз ощущал себя голым и беззащитным в ярком лунном свете.

Лианы выдержали, стражники не заметили его, никто не закричал оглушительным голосом. Прижавшись к стреле, он бросил вниз предательскую веревку и осторожно пополз вперед. Вскоре он был в безопасности амфитеатра.

Избегав встречи с караульными у входа туннеля, Уинтерз незамеченным выбрался из амфитеатра и обогнул холм. Изменчивые тени, отбрасываемые предметами под лучами двойных лун, сослужили ему добрую службу, делая реальное нереальным.

Дворец уже возвышался над ним, огромный и темный.

Только два окна светились там. Одно — на первом этаже, где скорее всего размещалась стража, и другое — на третьем, и свет в нем был тусклый-тусклый, как от единственного факела. Уинтерз надеялся, что именно там находятся апартаменты Фэнд.

Он взобрался по склону, нырнул в спасительную сень сада, затем крадучись вошел во дворец. Полуразрушенная громадина вряд ли тщательно охранялась, даже если бы на то имелись причины. Бесшумно переступая босыми ногами, Уинтерз прошел через огромный пустой холл, стараясь держать в голове план дворца.

Его глаза уже привыкли к темноте, к тому же сквозь амбразуры проникал лунный свет, так что он видел, куда идет. Комната, зала, коридор, пропахшие пылью и смертью, грезящие и скорбящие над своими полинявшими от времени флагами и поломанными трофеями, вспоминающие о былой славе...

Уинтерза била дрожь. Холодное дыхание вечности коснулось его.

Он нашел лестницу, потом еще одну и наконец на третьем этаже увидел свет — тоненькую полоску света, пробивавшегося через щель в двери.

У двери не было ни души. Настоящая удача! Не только потому, что отсутствие стражников избавляло Уинтерза от лишних забот, но еще потому, что подтверждало правильность некоторых догадок в отношении Фэнд. Да, Фэнд не терпела контроля над собой, она уходила и приходила, когда ей вздумается. Фэнд здесь на своей

территории, в полной безопасности, и караульные — только излишняя роскошь. Здесь у нее не могло быть врагов.

Кроме одного.

Уинтерз беззвучно открыл дверь. На низкой кушетке спала служанка. Она даже не пошевелилась, когда он прошел мимо. За высокой аркой, занавешенной тяжелыми портьерами, он нашел ле-ди Фэнд.

Она лежала на огромной, украшенной резьбой кровати королей Валкиса. Фэнд казалась в ней маленькой, как ребенок. Она была невероятно красива. Очень порочная, но дьявольски красивая.

Уинтерз безжалостно ударил ее. Фэнд потеряла сознание, не успев проснуться, даже не вскрикнула. Он связал ее шелковыми юбками и кушаками, которые нашел в комнате, и заткнул рот кляпом. Взяв Фэнд на плечо, молча ушел назад тем же путем, что пришел.

Все оказалось очень просто. Уинтерз даже не предполагал, что это будет так просто. Видимо, люди редко защищаются от того, что им кажется невозможным.

Фобос ушел с небосвода, продолжая свой бег вокруг Марса, и Деймос был уже слишком низко и почти не давал света. Уинтерз пробирался назад в амфитеатр, то неся бесчувственную Фэнд на плече, то волоча ее за собой по земле через открытое пространство. Наконец он донес ее до стены, отделявшей амфитеатр от площади.

Высота была футов двадцать, и Уинтерз постарался причинить пленнице как можно меньше вреда. Она была не нужна ему мертвая. Потом он сам перекинул ноги за стену, на мгновение повис на руках — и упал в мягкий кустарник.

Поднявшись, он первым делом бросился к Фэнд — убедиться, что та не пострадала. Тогда он быстро оттащил ее в глубь сада. Неподалеку от лужайки заросли были особенно густыми, и Уинтерз направился именно туда, таща за собой наследницу королей Валкиса.

Потом принялся ждать.

Ее глаза глядели на него в полумраке, яркое золото над алым пятном шелкового кляпа.

— Да, — сказал он, — ты в саду Шанги. Это я принес тебя сюда. Мы должны кое-что обсудить, Фэнд. Я предлагаю тебе сделку.

Он вытащил кляп, но не убрал от ее рта руку, опасаясь, что она закричит.

— Между нами не может быть сделок, землянин, — ответила Фэнд.

— Твоя жизнь, Фэнд. Твоя жизнь в обмен на мою и Джилл, и всех тех, кого еще можно спасти. Вели уничтожить призмы, остави безумие, и ты будешь жить долго, как твоя безумная мать.

Но в глазах Фэнд не было страха. Непреклонная гордость и ненависть, — но не страх. Она рассмеялась.

Уинтерз протянул руку, и его пальцы железной хваткой сомкнулись вокруг ее горла.

— Очень тонкая шея, — заметил он, — мягкая и нежная. Я сломаю ее двумя пальцами.

— Так ломай же, землянин. Шанга проживет и без меня. Кор Хал займет мое место. А ты — Берк Уинтерз — ты не сможешь освободиться от Шанги.

Уинтерз кивнул.

— Я знаю, — спокойно сказал он. — А потому я должен уничтожить Шангу до того, как она уничтожит меня.

Фэнд взглянула на него, слабая и безоружная. И вновь рассмеялась.

Он пожал плечами:

— Возможно, мне не удастся этого сделать. Я пойму это, когда будет уже слишком поздно. Но я забочусь не о себе, Фэнд. Я был бы вполне счастлив, бегая по твоему саду на четвереньках. Возможно, я был бы счастлив, даже барахтаясь в озере. Сейчас я не могу думать об этом без содрогания, но после дозы лучей Шанги все воспринимается по-другому. Так что дело совсем не во мне.

— В чем же?

— У Земли тоже есть гордость, — произнес он очень серьезно. — Более юная и незрелая, чем у Марса. Мы можем быть жестокими и несносными, я не спорю. Но в целом Земля — хорошая планета, ее люди — хорошие люди, и мы сделали для развития Солнечной системы больше, чем все остальные миры, вместе взятые. Я землянин и не потерплю позора собственной расы. — Он обвел взглядом амфитеатр. — Думаю, что люди Земли и Марса могли бы многому научиться друг у друга, если бы им не мешали фанатики с обеих сторон. Ты — самая страшная из всех, о ком я только слышал, Фэнд. Ты даже хуже, опасней фанатика. — Он изучающе посмотрел на нее. — Мне кажется, что ты такая же сумасшедшая, как твоя мать.

Фэнд не вспыхнула от его слов, и он убедился, что она отнюдь не безумна — лишь изуродована своим образом жизни и воспитанием.

— Что ты собираешься делать?

— Ждать до рассвета, может, дольше. Во всяком случае, пока у тебя есть время подумать. Тогда я дам тебе последний шанс. После этого я убью тебя.

Она улыбалась, когда он засовывал ей обратно кляп, и глаза ее оставались невозмутимыми.

Время шло. Тьма сменилась рассветным сумраком, потом наступил день. Уинтерз сидел без движения. Вокруг него, за густой стеной кустарника, слышались мягкие шаги и рычание зверей

Шанги. Потом закричали твари, живущие в озере, и ветер донес их мускусный запах. Уинтерз задрожал, как в лихорадке, и в его глазах появилось загнанное выражение.

Вскоре появилась Джилл. Она нашла товарища звериным чутьем и как зверь беззвучно прокралась сквозь заросли. Она едва не вскрикнула, увидев Фэнд, но Уинтерз зажал ей рот. Тогда Джилл села на корточки рядом, не сводя с него глаз. Она боялась его, но не могла оторваться. Он погладил ее по плечу. Плечо было крепкое, гладкое и дрожало под пальцами. Джилл смотрела на него оленьими глазами, полными печали и удивленной тоски.

Лицо у Уинтерза стало холодным и безжалостным, как голые звезды, которые он видел в открытом космосе.

Времени оставалось в обрез. Джилл уже начинала поглядывать вверх, на призмы. Уинтерз кожей почувствовал ее все возрастающую нервозность.

Он потряс Фэнд. Открыв глаза, женщина взглянула на него — и он понял ответ, не успев задать вопрос.

— Ну?

Она покачала головой.

И тут Уинтерз улыбнулся — в первый раз за все это время.

— Я решил: я не буду тебя убивать.

То, что было сделано после, было сделано быстро и эффективно, и никто не увидел этого, кроме самой Фэнд и Джилл. Джилл не поняла; наследница королей Валкиса поняла прекрасно.

Зрители уже стекались в амфитеатр. Марсиане шли посмотреть представление и научиться ненависти и презрению к людям Земли. Уинтерз следил за ними. Он все еще улыбался.

Внезапно он повернулся к Джилл. Через несколько минут он встал, задыхающийся и исцарапанный. Джилл осталась лежать на земле, связанная шелковыми полосками, оторванными от пут Фэнд. На сей раз ей не суждено беспомощно барахтаться в огне Шанги.

Наконец марсиане расселись. В королевскую ложу вошел Кор Хал, поддерживая под руку старуху.

Прогремел гонг.

Глава 5

И снова Уинтерз наблюдал, как собираются звери Шанги. Спрятавшись в зарослях, вне досягаемости лучей, он смотрел на волосатые тела, которые мчались, отпихивая друг друга, к центральной поляне. Он видел, как горят их опьяненные глаза. Он слышал их стоны и всхлипы, шепот, наполнивший сад:

— Шанга! Шанга!

Джилл извивалась и металась, сгорая от желания, но ее крики заглушал шелковый кляп. Уинтерз был не в силах смотреть на девушку. Он знал, как она страдает. Потому что и сам страдал.

Он заметил, что Кор Хал перегнулся через барьер, пристально оглядывая сад, и понял, кого ищет марсианин.

Отзвучали последние удары гонга. Площадку накрыла тишина. Волосатые звери, ходившие на четвереньках, безымянные твари, опустившиеся ниже обезьяны по лестнице эволюции, ползающие создания с мокрой сверкающей чешуей — все замерли в ожидании.

Призмы начали светиться. Невыразимо прекрасное и злое пламя Шанги заполнило воздух. Берк Уинтерз сжал зубами руку и прокусил ее до крови.

Ему почудился слабый тоненький вскрик, донесшийся из цветущих прибрежных кустов. Невысокие густые стебли росли как раз в том месте, куда падали прямые лучи призм.

— Шанга! Шанга!

Он должен идти на поляну, под обжигающий огонь, он не выдержит этой муки. Он должен еще хоть раз испытать обжигающее прикосновение адского пламени на своем теле, ощутить безумие и счастье. Он не может оставаться в стороне.

В отчаянии Уинтерз бросился ничком на землю рядом с Джилл и прижался к ней, содрогаясь от муки.

Он услышал голос Кор Хала, выкликающего его имя.

Он заставил себя встать во весь рост и выйти к королевской ложе. Марсиане следили за ним с интересом, мгновенно забыв о зверях Шанги.

— Я здесь, Кор Хал!

Кор Хал посмотрел на него и засмеялся:

— Зачем ты сопротивляешься, Уинтерз? Ты не можешь жить без Шанги.

— А где ваша высшая жрица? — спросил Уинтерз. — Она что, устала от этой забавы?

Кор Хал пожал плечами:

— Кто может знать, где находится госпожа Фэнд? Она приходит и уходит, когда захочет. — Он наклонился вперед. — Вперед, Уинтерз! Огонь Шанги ждет тебя. Поглядите, как он старается быть человеком! Ну иди же, обезьяна, присоединись к своим братьям!

Зрители захохотали, заулюлюкали. Их смешки ранили Уинтерза как острые копыя.

Он стоял голый в ярком солнечном свете, гордо подняв голову и не двигаясь с места. Он не мог унять дрожь, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Пот заливал глаза, он уже ничего не видел, а пламя Шанги плясало на дергающихся телах, и Уинтерзу казалось, что сейчас он сойдет с ума от нестерпимой муки — и все же он не двинулся с места. Он был готов умереть, но не сделать ни шага.

Марсиане следили за ним.

— Что ж, возможно, это произойдет завтра. Или послезавтра — но ты все равно пойдешь туда, землянин.

Уинтерз понимал, что Кор Хал прав. Больше он не вынесет такого. Если он еще будет жив, когда снова прозвенит гонг, он пойдет со своими собратьями.

Призмы Шанги погасли, а порождения адского пламени все еще лежали на земле. Марсиане вздохнули. Некоторые поднялись, собираясь покинуть амфитеатр.

— Пойдите! — крикнул Берк Уинтерз.

Его крик отразился от пустующих верхних рядов, и все обернулись. В голосе землянина звучало отчаяние и торжество, и ярость человека, переступившего границы разумного.

— Подождите, люди Марса! Вы пришли посмотреть представление. Хорошо, я устрою вам это. Ты, Кор Хал! Помнишь, что ты сказал мне в Валкисе? Ты сказал, что люди Каэр Дху, изобретшие Шангу, вымерли в течение жизни одного поколения. Одного!

Уинтерз замолчал, наслаждаясь скрытой угрозой, таившейся в его словах. Она давала выход накопившейся в нем ярости.

— Мы, земляне, молодая раса. Мы стоим еще очень близко к своим истокам, и за это вы ненавидите нас и смеетесь над нами, дразня обезьянами. Но наша молодость дает нам силу. Мы идем очень медленно по пути Шанги. Марс же стар. Вы почти завершили свой круг времен, а конец всегда близок к началу. Жители Каэр Дху исчезли с лица планеты очень быстро. Наша воля крепка, как железо; их была слаба, как солома. Вот почему ни один марсианин не посмеет заняться Шангой, вот почему она была запрещена Городскими Штатами Марса. Вы страшитесь Шанги, потому что боитесь прийти к своему концу — или к началу, кто знает?

Ответом ему был неистовый, злобный вой.

— Слушайте, что говорит эта обезьяна! Слушайте зверя, которого мы прогнали по улицам Валкиса! — закричал Кор Хал.

— Да, слушайте его! — подхватил Уинтерз. — Ибо леди Фэнд исчезла, и только обезьяне ведомо, где она!

Внезапно наступила тишина. Уинтерз засмеялся:

— Возможно, вы не верите мне. Хотите, я расскажу, как проделал это?

И он рассказал им, а когда он закончил, они назвали его лжецом, и Уинтерз снова расхохотался в лицо Кор Халу.

— Обождите, обождите. Я принесу ее вам.

Он повернулся и пошел вперед, через лужайку. Очень быстро, потому что звери уже начали подниматься, опомнившись от оцепенения. Он знал по собственному опыту, что, перед тем как вернется сознание, испытывший Шангу непременно впадает в буйство. Именно поэтому даже в соляриях торговых городов пациентов не отпускали сразу же после сеанса.

Уинтерз шел, расталкивая волосатых зверей и стараясь не наступать на чешуйчатых тварей, пока не достиг зарослей усыпанного цветами кустарника на берегу, а потом нырнул в них.

Он не ожидал увидеть того, что увидел. Он понял из слов Кор Хала, что превращения происходят стремительно быстро, но не подозревал, что настолько. Иные вещи человеку не дано представить.

Невольно он закричал. Он не мог смотреть на то, что лежало у его ног, он даже не желал знать, что существовали — или могут существовать — и такие формы жизни. Но ему приходилось смотреть. Более того, ему пришлось подойти и развязать шелковые путы, которыми существо было привязано к веткам. Ему пришлось прикоснуться к нему. Взять в руки это теплое тело, ощутить его тяжесть, почувствовать на себе прикосновение скользких, извивающихся колен.

У существа были глаза. И это было хуже всего. У существа были глаза, и оно смотрело на Уинтерза.

Он побрел обратно сквозь заросли, держа на руках свою ношу. Назад, к лужайке, где два огромных самца уже дрались за самку, к королевской ложе — чтобы видели все.

Он поднял существо над головой, к солнечному свету.

— Смотрите все! Вы узнаете ее? Это же леди Фэнд — последняя из королевского дома Валкиса!

Вокруг уродливого отростка, который был некогда тонкой женской шеей, топорщился, сверкая в лучах солнца, воротник из золотых пластинок-кружочков.

Лица марсиан застыли, словно посмертные маски. Кор Хал вскочил и вцепился руками за край каменного барьера. Уинтерз положил свою ношу на траву и отступил назад. Тварь омерзительно задергалась.

— Посмотрите сюда, марсиане, — продолжил он. — Это ваше начало.

В полной тишине поднялась старуха. Мгновение она стояла, глядя вниз. Уинтерз ждал, что она что-то крикнет или скажет, но та не издала ни звука. Рухнула молча, через барьер — вниз, на арену. Она даже не дернулась.

И следом поднялись все. С диким истошным воем марсиане последовали за ней. Не за смертью, а за отмщением.

Уинтерз побежал. В какую-то долю секунды он развязал Джидд и потащил ее за собой в густую чащу. Вход в туннель был совсем рядом.

Марсиане заполнили лужайку. Но тут их заметили звери Шанги. С рычанием и визгом они бросились на незваных гостей.

Нож, кинжал и медный кастет против когтя, клыка и сильных звериных мышц... Чешуйчатые твари с шипением метались между дерущихся, вонзая в плоть свои острые, как бритва, зубы. Огромные лапищи мяли и рвали, ломая кости словно спички, проламывая черепа. И тонкие лезвия вспыхивали на солнце — сверкающие острые языки смерти.

В тот день возмездие свершилось в саду Шанги. Земля мстила Марсу, люди мстили за позор своих потомков.

Уинтерз увидел, как Кор Хал разил мечом кошмарную ползучую тварь, которая прежде была Фэнд, — раз за разом, до тех пор, пока та не затихла. Тогда он выкрикнул имя Уинтерза.

Уинтерз подошел.

Никто из них не сказал ни слова. Говорить было нечего. Уинтерз пошел на марсианский меч с голыми руками. Они сошлись один на один — среди кипевшего вокруг кровавого побоища. У них были свои особые счета.

Уинтерз успел получить сильный удар, меч едва миновал сердце. После этого он схватил и сломал руку Кор Халу. Марсианин даже не застонал. Левой рукой он потянулся к ножу, висевшему у него на поясе, однако не успел вытащить его из ножен. Уинтерз бросил Кор Хала через колено, наступив ногой ему на живот и зажав шею локтем. Спустя мгновение он отбросил сломанное бездыханное тело и пошел прочь, прихватив меч Кор Хала.

Из туннеля к арене бежали стражники.

Битва кипела уже в глубине сада. Марсиане и звери Шанги, сплетаясь клубками, убивали друг друга. Волны в озере окрасились красным, и какая-то обитавшая под водой тварь уже волокла труп марсианина на глубину, прочь от грязного берега. Она не могла бороться на суше — и только ждала в засаде, подкарауливая добычу.

Наконец подросли солдаты с длинными копьями, и Уинтерз понял, что скоро в саду не останется ни одной живой твари. Но это было хорошо.

Он взял Джилл за руку и потащил ее через туннель, к спасительным зарослям деревьев. Их никто не заметил, все были слишком заняты схваткой. Зверей Шанги было не так-то легко одолеть, и они дрались с упоением. Туннель никто не караулил, ворота были открыты, стражники на арене занимались иным делом. Уинтерз и Джилл проскочили через ворота, успев скрыться прежде, чем из дворца подросел новый отряд солдат.

Потом они очень быстро, хотя и осторожно, стараясь держаться в тени, спустились с горы, через четыре разрушенных города Валкиса, и вышли в пустыню, обойдя живой город по берегу канала. Флаер Кор Хала стоял там, где они его оставили.

Уинтерз втолкнул Джилл в машину, прыгнул следом. Обернувшись, он увидел, как из Валкиса хлынула разъяренная толпа: видимо, слух о его преступлении и побеге уже разнесся по городу — но было поздно.

Уинтерз поднял флаер в воздух и взял курс на Кахору. Теперь, когда все было кончено, он ощутил невероятную, чудовищную усталость и всеподавляющее желание забыть само это слово — Шанга.

Однако он знал, что ему не дано забыть. Слишком глубоко проник в кровь золотой огонь. Он знал, что прекрасное лицо Фэнд будет вечно стоять у него перед глазами — ее глаза, смотревшие на него, когда он привязывал ее к кустарнику, ее тоненький вскрик, когда лучи Шанги полились на ее тело. Он не сможет забыть такого — даже если совсем потеряет рассудок.

Отныне правительства Земли и Марса запретят Шангу навсегда и будут строго следить за выполнением запрета. Уинтерз был счастлив и немного горд, потому что этого добился он. И все-таки...

Он посмотрел на Джилл. Он молил Бога, чтобы когда-нибудь она стала такой же, как прежде. Яд Шанги выйдет из нее, и она снова будет той самой Джилл Леланд, которую он любил.

Но выйдет ли он весь?

Ему почудился издевательский голос Фэнд: «А уйдет ли он и из тебя, Берк Уинтерз? Сможет ли существо, бегавшее среди зверей Шанги, снова стать человеком?»

Он не знал. Оглянувшись, он увидел, как над садом Шанги поднимается густой столб дыма — и еще раз усомнился в своих надеждах.

2016: МАРС МИНУС БИША

Время близилось к полуночи. Луны еще не взошли, и мир разделился на две части — беспросветную тьму внизу и божественное сияние звезд вверху; между ними был только ветер, старый и дряхлый, медленно волочащий свой хвост в пыли.

Дом был сам по себе. Он стоял примерно в миле от берега канала и города, выросшего на канале. Фрэзер посмотрел на него и подумал, насколько чужды, чужеродны в этих края оба они — сам Фрэзер и его металлический Дом. Интересно, выдержит ли он оставшиеся четыре с половиной месяца?

Город спал. Помощи оттуда ждать нечего. У Фрэзера было официальное разрешение, поэтому его терпели — но и только. И это не означало, что ему рады. За пределами торговых городов землян не слишком жаловали на Марсе. Так что Фрэзеру оставалось полагаться только на себя.

Он снова зашагал вперед. Ночами Фрэзер подолгу гулял. Днем тут было тоскливо и мрачно, так что в дневное время Фрэзер работал не высовывая носа из Дома. Но ночи были просто великолепны. Даже в самой сухой пустыне Земли не увидишь такого чудного неба, как здесь, где тонкая атмосфера не может скрыть ослепительный блеск звезд. Пожалуй, это единственное, чего ему будет недоставать на Земле.

Царил лютый мороз, и Фрэзер оделся как следует. Он смотрел на звезды, погруженный в мрачные мысли. Он думал о том, что виски у него на исходе и что сто сорок шесть веков написанной

истории Марса обратились в пыль, которую теперь носит ветер и которая забивает ему нос — и тут он вдруг заметил вдали тень, отчетливую тень, молча, быстро и упорно приближавшуюся к нему. Тень плыла против ветра.

Кто-то ехал верхом, из северной пустыни.

Секунды три Фрэзер стоял в оцепенении, похолодев от невольного страха, вглядываясь в темноту и звездный свет, пытаясь разглядеть приближающуюся тень. Потом повернулся и бросился к Дому. У него нет разрешения на оружие, так что, если кому из фанатиков северных племен вздумается пожаловать сюда, дабы очистить пустыню от его оскверняющего присутствия, он ничего не сможет поделать. Остается только запереть дверь — и молиться Господу Богу.

Однако он не зашел, а остановился на пороге, выжидая. Не следует выказывать страх — во всяком случае без особых оснований. Фрэзер стоял у открытой двери, в круге яркого света, лившегося из комнаты. Он ждал, готовый метнуться в Дом в любую секунду.

Это был одинокий ездок, на огромном чешуйчатом звере, которых кочевники Марса использовали для передвижения по пустыне, как на Земле используют верблюдов. Фрэзер слегка расслабился — но не совсем. И одного кочевника с копьем будет достаточно.

Путник медленно въехал в круг света и натянул поводья, укрощая шипящего и шарахающегося монстра, напуганного незнакомыми запахами. Ездок был закутан с ног до головы в просторный балахон, защищаясь от холода ночи. Фрэзер подался вперед, разглядывая незнакомца, и испытал вдруг слабость внезапного облегчения. Это был не мужчина, а женщина, и в седле перед ней сидел ребенок, почти незаметный среди складок ее свободной одежды.

Фрэзер приветствовал наездницу учтивой марсианской фразой. Она метнула на него взгляд, полный ярости, ненависти и какого-то непонятого отчаяния и сказала:

— Ты — землянин, доктор.

— Да, — согласился Фрэзер.

Ребенок спал, и его откинута голова лежала на груди у женщины. В чересчур крепком сне малыша было что-то неестественное: он не проснулся даже от громких голосов и от резкого света.

— Я здесь для того, чтобы помогать людям, — мягко сказал Фрэзер.

Женщина крепко стиснула ребенка. Она посмотрела на Фрэзера, потом заглянула в распахнутую дверь, на незнакомые, дикие вещи. Ее не знавшее слез горделивое лицо, суровое и заострившееся от голода и долгого перехода через пустыню, неожиданно исказилось. Она отпустила поводья и рывком по-

слала зверя вперед, но тут же круто повернула обратно. Когда она снова предстала перед Фрэзером, лицо ее уже было как каменное.

— Мой ребенок... болен, — сказала незнакомка невозмутимо, слегка запнувшись на последнем слове.

Фрэзер протянул руки:

— Я попытаюсь ему помочь.

Девочка. Теперь Фрэзер рассмотрел ее. Лет семи. Она даже не пошевелилась, когда мать сняла ее с подушки. Фрэзер понес малышку в дом, на ходу разговаривая с женщиной:

— Я должен задать вам несколько вопросов. Вы можете быть рядом, пока я буду осматривать...

Дикий гортанный крик и грохот подбитых копыт заглушили его последние слова. Доктор резко обернулся и бросился вслед, что-то крича, с ребенком на руках, — но это было бессмысленно. Женщина скакала во весь опор, низко пригнувшись к седлу, посылая зверя вперед истошными криками, вонзая в его бока острые шпоры. И спустя минуту она уже исчезла из виду, скрытая мраком пустыни.

Фрэзер стоял, оторопело глядя во мрак и раскрыв рот. Пот струился по его лицу. Он беспомощно посмотрел на девочку. Что-то было невероятно злое в том, как сбежала ее мать. Почему? Матери следовало подождать, даже если ребенок на грани смерти. Даже если болезнь заразна, зачем было мчаться через пустыню за столько миль — чтобы потом бросить дитя и исчезнуть?

Ответа на эти вопросы не было. Отчаявшись разгадать загадку, Фрэзер вернулся к Дому, распахнул ногой дверь и вошел. Дверь сама захлопнулась за ним.

Пройдя через комнату, служившую ему жильем и приемной, он попал в изолятор, к которому примыкала такая же маленькая, но прекрасно оборудованная лаборатория. Здесь еще не бывало ни одного посетителя, ни одного пациента — ни в приемной, ни в изоляторе. Марсиане предпочитали лечиться своими способами и у своих целителей. Впрочем, Фрэзер и не был местным практикующим врачом. Медицинский Фонд выделил ему стипендию и получил разрешение на его пребывание здесь у марсианских властей совершенно для иных целей: Фрэзер занимался исследованием некоторых вирусов. И нежелание местного населения сотрудничать изрядно осложняло его работу.

Во Фрэзере вдруг забрезжила надежда. Возможно, ему удастся спасти малышку.

Спустя два часа он положил все еще спавшую девочку на белую опрятную кровать и сел в кресло в соседней комнате, так чтобы через открытую дверь видеть ребенка. Он налил себе стакан виски, потом еще один, затем закурил. Руки так тряслись, что он не сразу сумел поднести горящую зажигалку к сигарете.

Девочка была совершенно здорова. Худенькая, слегка недоразвита физически и немного истощена, как большинство марсианских детей, но совершенно здорова. С ней все в порядке — за исключением разве того, что ее от души накачали снотворным.

Фрэзер встал и распахнул дверь на улицу. Он вышел и с какой-то странной тоской посмотрел в сторону севера, прислушиваясь, не раздастся ли вдалеке стук копыт. Уже светало. Ветер крепчал, наполняя воздух пылью, застилавшей звезды. Никого. Пустыня была мертва — ни тени, ни звука.

Остаток ночи и почти все утро Фрэзер провел у постели ребенка, дожидаясь, когда девочка проснется.

Она проснулась очень тихо. Только что ее лицо было далеким, погруженным в сон — а в следующую секунду она открыла глаза. Ее маленькое тельце напряглось и потянулось, она зевнула и посмотрела на Фрэзера, очень серьезно, хотя без особого удивления.

Он улыбнулся и сказал:

— Привет!

Девочка села. Волосы у нее были черные и взлохмаченные, а глаза — цвета топаза, со странной смесью ребячливости и мудрости, как у детей всей Вселенной.

— Мама?.. — спросила она нерешительно.

— Ей пришлось отлучиться ненадолго, — солгал Фрэзер и добавил с фальшивой бодростью: — Она вернется.

Он скорее пытался успокоить себя, нежели малышку.

Однако девочка не взяла брошенный ей спасательный круг.

— Нет, — сказала она, — мама никогда не придет.

Девочка положила голову на колени и заплакала, очень тихо и сдержанно. Фрэзер обнял ее за плечи:

— Не надо плакать. Ну, перестань. Конечно же, она придет за тобой, ведь она твоя мать.

— Она не может.

— Но почему? Зачем она привезла тебя сюда? Ты не больна, тебе не нужен доктор.

Ответ был прост:

— Меня собирались убить.

Фрэзер даже онемел. Ему показалось, что он ослышался.

— Что ты сказала? — переспросил он.

Худенькие плечи затряслись под его ладонью.

— Они заявили, что это я принесла в племя болезнь. Пришли старейшины, все вместе, и заявили маме и папе, что меня нужно убить. Они искусные колдуны, но они не смогли меня очистить. — Из ее груди вырвалось рыдание. — Мама сказала, что это ее право — убить меня, и увезла меня в пустыню. Она плакала. Прежде она никогда не плакала. Я испугалась, но она сказала, что не сделает мне ничего плохого, просто отвезет меня в без-

опасное место. Она дала мне выпить какой-то горькой воды и велела ничего не бояться. Она разговаривала со мной, пока я не заснула.

Девочка подняла взгляд на Фрэзера — напуганный и растерянный ребенок. И все-таки в ней была гордость.

— Моя мать сказала, что наши боги прокляли меня и я никогда не смогу жить со своим народом. Но у землян другие боги, которые не знают меня. Она сказала, что ты не станешь меня убивать. Это правда?

Фрэзер тихо выругался, потом ответил:

— Да, это правда. Твоя мать — мудрая женщина. Она поступила правильно. — Лицо у него побелело. Он отошел от постели и спросил: — Как тебя зовут?

— Биша.

— Ты хочешь есть, Биша?

Девочка задумалась, все еще давась рыданиями.

— Не знаю.

— А ты подумай. Одевайся. Вон твоё платье. А я пока приготовлю завтрак.

Он вышел в соседнюю комнату, совершенно не в себе от бешенства. Его еще никогда так не трясло. Предвзвещения, невежество, ханжеская жестокость! У них эпидемия, и когда колдовство не помогает, проще всего найти козла отпущения. Скажи, что ребенок проклят богами, а потом отправь его собственную мать убить его!..

Мысленно Фрэзер склонил голову перед этой женщиной с яростными глазами, которая оказалась слишком крепким орешком для старых трусов. Бедняжка. Только выбор между жизнью и смертью собственного ребенка мог заставить ее отдать девочку в руки землянина — чужого и странного существа, но общающегося с иными богами...

— За что они меня прокляли? — спросила у него за спиной Биша. — Я имею в виду наших богов.

Девочка уже оделась, что было совсем нетрудно — натянуть через голову бесформенный балахон и сунуть ноги в сандалии. Волосы ее свисали на лицо, глаза еще не просохли, а из носа лило ручьем, и Фрэзер даже не знал, смеяться ему или плакать.

— Они и не думали тебя проклинать. Это просто чушь, предвзвещения...

Он осекся. Нет, так не пойдет. Ей уже семь, и нельзя за секунду стереть из ее сознания все то, чему ее учили и во что она верит. Тем более, кто поверит на слово чужеземцу?

Фрэзер постоял, нахмурившись, мучительно соображая, как бы получше все объяснить — и вдруг заметил, что девочка смотрит на него настороженно и удивленно. Тельце ее так все и напрыглось.

— Ты боишься меня? — спросил он.

— Я... я никогда не видела таких, как ты.

— Гм-м. И ты, конечно же, никогда не видела такого дома, верно?

Она огляделась и покачала головой:

— Нет. Он такой... такой... — У нее не хватило слов, чтобы выразить благоговение, переполнявшее ее.

Фрэзер улыбнулся:

— Биша, ты сказала, что старейшины вашего племени очень искушены в магии.

— Да, да!

Он спустил ее с колен и крепко взял за руку:

— Сейчас я покажу тебе кое-что. Пошли.

Он не был уверен, что детские психологи одобрили бы его методы, но ничего другого ему просто в голову не пришло. Напустив на себя таинственный вид, словно волшебник, он провел это дитя пустыни и палаток кочевников по Дому, показывая одно за другим чудеса современной цивилизации — начиная с водопроводного крана и кончая музыкальными записями и микрокнигами. В завершение экскурсии он позволил девочке заглянуть в лабораторию, полюбоваться на загадочные предметы, сверкающие стеклом и хромом.

— Ну как? Кто из нас могущественней — я или твои старейшины?

— Ты. — Она отодвинулась от него, обняв себя руками за плечи, словно боялась ненароком дотронуться до чего-либо. За ее спиной в жилой комнате гремела и журчала музыка Вагнера, струившаяся из крохотной проволочной катушки.

Неожиданно Биша встала на колени и склонила голову как бы в знак полной покорности.

— Ты — самый великий доктор мира.

Слово «доктор» прозвучало в ее устах как «шаман». Фрэзер ощутил стыд и раскаяние. Недостойно так морочить голову ребенку. Но он уцепился и за эту соломинку.

— Очень хорошо. Раз ты это понимаешь, Биша, — произнес он торжественно, — то слушай меня: проклятия твоих богов не имеют силы в этом доме, и я не желаю больше знать об этом.

Она выслушала его, но головы не подняла.

— Здесь ты в безопасности. Тебе не надо бояться. Посмотри на меня, Биша. Ты обещаешь не бояться?

Девочка поглядела на него снизу вверх. Он улыбнулся, и она тоже улыбнулась ему — краешками губ:

— Обещаю.

— Ну вот и славно, — сказал он и протянул ей руку. — Давай завтракать.

И только тут до него дошло, что ребенок связал его по рукам и ногам. Целых четыре с половиной месяца, которые ему еще предстоит провести здесь, он должен кормить ее, ухаживать за ней и

прятать от людей. Люди города вряд ли дадут малышке приют — ведь мать Биши не доверилась им, — а если и дадут, то кочевники все равно найдут ее, когда явятся осенью на торги.

Единственный выход — отвезти девочку в Караппу, где никому не придет в голову совершать ритуальное убийство. Но Караппа в трех сотнях миль от Дома. У Фрэзера есть гусеничный вездеход, однако работа в лаборатории не станет ждать, пока он проползет шесть сотен миль туда и обратно через пустыню. Бросать лабораторию нельзя.

Так что четыре с половиной месяца... Он взглянул на малышку, тараторившую о чем-то своем, и задумался — что он будет с ней делать все это время.

К концу недели Фрэзер понял, что сошел бы с ума от тоски без нее. Чудовищного одиночества как не бывало. С ним рядом находилось еще одно существо, еще один человеческий голос. Она сидела с ним за столом, она разговаривала с ним. Биша не была обузой. Ее так вырастили и воспитали — чтобы не быть обузой. Это был главный предмет в ее суровой школе выживания, и та же школа научила девочку недетской мудрости и умения находить хорошее в самом плохом. С ней вообще не было никаких хлопот. Фрэзер наслаждался ее обществом, ведь он прожил здесь в одиночестве почти целых девять месяцев. Она нравилась ему.

По большей части Биша была весела и бодра, слишком поглощена чудесами нового мира, чтобы грустить о прошлом. Но порой на нее находило. Однажды Фрэзер обнаружил ее в дальнем углу, печальную и подавленную, в такой глубокой депрессии, что она не могла даже плакать. Он решил, что знает, в чем дело.

— Тебе тоскливо, Биша?

— Да, — прошептала она.

Он попытался разговаривать с ней. Но это было все равно что говорить со стеной. Наконец он сдался:

— Постарайся не очень скучать по ним, Биша. Я знаю, я — не такой, как твои родители, да и все здесь чуждо тебе, но все равно постарайся.

— Ты хороший, — пробормотала девочка. — Ты мне нравишься. Дело не в этом. Со мной и раньше такое бывало, иногда. Я тосковала.

— Тосковала? О чем?

— Я не знаю. Просто — тосковала.

«Станный ребенок, — подумал Фрэзер. — Впрочем, все дети кажутся взрослым странными, ведь они не знают, как справиться со своими эмоциями и новыми переживаниями. Не удивительно, что бедняжка так подавлена. А кто бы чувствовал себя иначе на ее месте?»

Он уложил ее пораньше, а потом, чувствуя странную истому и усталость после напряженной работы, прилег сам.

Проснулся Фрэзер от того, что Биша с рыданиями трясла его, повторяя его имя. Все его тело было словно свинцом налито. Выплывая из сна, как сквозь туман, ничего не понимая, он испуганно спросил ее, в чем дело, и она прошептала:

— Мне было страшно. Ты не просыпался.

— Что ты хочешь этим сказать? — Фрэзер едва не заорал на нее. Он откинулся на подушку, вновь погружаясь в глубины сна, но случайно взгляд его упал на часы.

Он проспал больше четырнадцати часов.

Машинально он потрепал Бишу по плечу и попросил прощения. Он попытался собрать свои мысли, однако его голова была словно ватой забита — полузабвение, летаргическая дрема. Он немного выпил перед сном, но не столько, чтобы проспать даже четыре часа — не то что четырнадцать. Он не делал никакой тяжелой работы. Да, он устал, но обычных восьми часов сна вполне хватило бы, чтобы восстановить силы.

Что-то было не так, и крохотная иголка страха кольнула его.

— И давно ты пытаешься меня разбудить? — спросил Фрэзер.

Девочка показала на стул, стоявший у окна.

— Когда я начала, тень была там. А теперь она здесь.

Около двух часов. Значит, это не сон. Полукома.

Иголка страха выросла и превратилась в острый, путающий кинжал.

— Это та же болезнь, что была в нашем племени, — тихо проговорила Биша, так тихо, что он едва расслышал. — Я принесла ее к тебе.

— Возможно, — пробормотал Фрэзер. Его затрясло, накатил панический ужас. Здесь ему никто не поможет. Он так далеко, он отрезан пустыней. Здесь так легко умереть.

Биша чуть отодвинулась.

— Видишь, проклятье последовало за мной.

Сделав над собой усилие, Фрэзер взял себя в руки.

— Проклятия здесь ни при чем. Есть люди — мы их называем бациллоносителями... Послушай, Биша, ты должна помочь мне. Скажи... Люди твоего племени умирали от этой болезни?

— Нет, но...

Фрэзера снова затрясло — на сей раз от облегчения.

— Ну тогда это не так страшно, правда? А как же...

— Старейшины говорили, что они непременно умрут, если не убить меня. — Девочка отодвинулась еще дальше, к противоположной стене, потом к двери. Внезапно она вскочила и бросилась бежать.

До затуманенного сознания Фрэзера не сразу дошло, что случилось. Потом он, пошатываясь, поднялся и выскочил вдогонку, на пыльный и холодный солнечный свет.

Он бежал, выкликая ее имя. Он видел ее крошечную фигурку, бегущую вперед между синевато-черным небом и тусклыми оранжевыми песками, и тоже бежал, борясь с невероятной слабостью и апатией, навалившимися на него. Ему казалось, что он бежит уже много часов — сквозь пыль и пронизывающую стужу, но наконец он настиг ее. Биша брыкалась и вырывалась, умоляя его отпустить ее, и ему пришлось ударить девочку. После этого она затихла. Он поднял ее с земли.

— Я не хочу, чтобы ты умер! — прорыдала она.

Фрэзер оглядел безжалостную пустыню и крепко прижал малышку к себе.

— Ты так любишь меня, Биша?

— Я ела твой хлеб, и твой дом укрывал меня от непогоды... — Церемонные фразы, которым она научилась от старших, звучали довольно странно в детских устах — но очень искренне. — Теперь ты — моя семья, мой отец и моя мать, и я не хочу, чтобы на твою голову пало проклятье.

Фрэзер помолчал, не зная, что ответить. Потом мягко проговорил:

— Биша, как ты считаешь: ты мудрее меня?

Она яростно потрясла головой.

— Ты имеешь право сомневаться в этом?

— Нет.

— Какие права у детей в твоем племени, Биша?

— Повиноваться.

— Так вот: больше ты никогда не сделаешь этого. Никогда, слышишь? Независимо ни от чего. Запомни: ты никогда не должна убегать от меня. Ты слышишь меня, Биша?

Она подняла на него глаза:

— И ты не боишься проклятья, даже сейчас?

— Ни сейчас, ни после.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы я осталась?

— Ну конечно же да, дурья твоя башка!

Девочка улыбнулась, очень печально, с тем невероятном достоинством, которое он уже не раз подмечал в ней.

— Ты великий доктор, — сказала она. — Ты найдешь способ снять заклятье. Мне теперь тоже не страшно.

Она лежала у него на руках, легонькая и теплая, и Фрэзер отнес ее обратно в Дом, идя очень медленно, и говорил, говорил, не умолкая. То была очень странная беседа — для такого времени и такого места. Он рассказывал ей о далеком городе под названием Сан-Франциско и о белом доме, глядящем с горы на огромный синий залив, полный воды. О деревьях, птицах, рыбах и зеленых холмах — и о всех тех приятных и восхитительных занятиях, которые делают маленьких девочек счастливыми.

В итоге Фрэзер начисто забыл о Караппе и о марсианских властях. В итоге Фрэзер обрел семью.

Вернувшись в Дом, он прошел в лабораторию и принялся лихорадочно работать. Сначала подробно расспросил Бишу о болезни, которой болели люди ее племени. Было очевидно, что приступы начинались через неравные промежутки времени, и все ограничивалось лишь коматозным сном, однако периоды бессознательного состояния были короче, не более нескольких минут. Возможно, марсианский организм был менее подвержен инфекции. У самой Биши, разумеется, таких приступов никогда не случилось, и Фрэзер пришел к выводу, что именно из-за врожденного иммунитета она и стала козлом отпущения.

Но его собственное состояние было ему непонятно. Странные симптомы. Никакой повышенной температуры, боли, никаких физических расстройств — только слабость и вялость. К тому же буквально наутро без следа исчезли и они.

Фрэзер внимательно просмотрел все свои справочники по марсианским болезням, но не нашел ничего похожего. Он провел целую серию изнурительных тестов, даже взял пункцию спинномозговой жидкости у Биши, что та восприняла как чрезвычайно действенный ритуал изгнания бесов. Он предпочел бы проделать такое над самим собой, но это было физически невозможно — так что пришлось помучить Бишу, в чьем организме могли оказаться какие-то признаки латентной инфекции.

Но и тут результат был отрицательным. Результаты всех анализов были отрицательными. Фрэзер и Биша были совершенно здоровы.

Фрэзер не знал, что и подумать, и в то же время словно тяжелый камень свалился с его плеч. Он принялся искать иные объяснения собственному недомоганию. Раз это не болезнь, тогда возможно, это какая-то странная реакция организма на природные явления, например низкую гравитацию или повышенное атмосферное давление. Или дурное самочувствие связано с разреженностью воздуха... а может, здесь все разом — и то, и другое, и третье. Это воздействует и на марсиан, и на землян... Однако в душе Фрэзера жил крохотный червячок сомнения: почему же подобное не наблюдается повсеместно?

Он нервно ждал рецидива. Но его все не было и не было, а работа в лаборатории отнимала все больше и больше внимания, — и в конце концов болезнь как-то вылетела у Фрэзера из головы. Тот случай, когда он очнулся в кресле перед нетронутым стаканом с виски на столе — и без малейшего воспоминания, что собирался вздремнуть, — Фрэзер решительно списал на счет усталости: последнее время он явно загнал себя. Биши поблизости не было, с ней опять случился приступ хандры, и девочка забилась где-то в угол, так что не видела, что случилось с Фрэзером, а он даже не стал ничего ей говорить. Похоже, она постепенно начала избавляться от своего пунктика — заклятия, и Фрэзер не собирался портить все дело.

Время шло. Биша учила английский, уже помнила названия всех деревьев, что росли вокруг дома в Сан-Франциско. Одиночество замкнутого мирка Дома тяготило ее не меньше Фрэзера, и она так же страстно мечтала вырваться отсюда — но это было единственное, что омрачало их жизнь.

А потом из пустыни пришли кочевники, направлявшиеся на осенние торги в город.

Фрэзер закрыл изнутри дверь на щеколду и опустил жалюзи. Три дня и три ночи, пока продолжалась ярмарка, они с Бишой не высывали носа наружу, и только откуда-то издалека до них доносились приглушенные, но живые звуки дудок, гортанные крики, музыка. Там, среди этих людей, была и семья Биши.

То были очень тяжкие дни. В конце концов Биша сломалась и вновь погрузилась в пучину тоски, и Фрэзер решил дать ей выплакаться. На четвертое утро кочевники ушли.

Фрэзер возблагодарил всех богов — если они и в самом деле существовали. Совершенно без сил, он протащился в лабораторию, испытывая ненависть к работе, которая отнимала теперь у него так много здоровья и сил. Ему хотелось поскорее закончить ее. Он сделал шаг по направлению к окну, чтобы поднять жалюзи...

Он лежал на полу. За окном была глубокая ночь, и в Доме горел свет. Биша сидела рядом. У нее было такое лицо, словно она сидит так уже целую вечность.

Руку у него саднило. Она была неумело обмотана какими-то тряпками, пропитавшимися кровью. Острые осколки стекла сверкали на лабораторной подставке, усеивали пол. Знакомая свинцовая тяжесть переполняла все тело. Фрэзер не мог пошевелиться, не мог о чем-либо даже подумать. Биша подползла к нему и положила голову ему на грудь, как собачонка.

Медленно, очень медленно Фрэзер пришел в себя — и попытался собрать свои мысли.

«Должно быть, я упал прямо на стеллаж. Господи Иисусе, а если бы я разбил пробирки с культурами вирусов? Тогда не только мы, а весь город... Я же мог истечь кровью, что случилось бы с Бишой? Что было бы с ней, если бы я умер?»

На сей раз ему потребовалось больше времени, чтобы прийти в норму. Он наложил швы на глубокие порезы и остался недоволен своей работой: стежки вышли грубые, кривые. Ему стало страшно. Фрэзер боялся встать с кресла, боялся закурить, включить печь.

Время медленно ползло — остаток ночи, следующий день, потом вечер... Ему уже было гораздо лучше, но страх перерос в депрессию. Ведь это только Биша говорит, что болезнь не смертельна. Фрэзер уже начинал сомневаться в результатах собственных анализов. Кто знает, может, приборы, которыми он располагает, не способны распознать чуждые микроорганизмы?

Он боялся сам себя. Он панически боялся за Бишу.

Фрэзер вдруг встал и коротко сказал:

— Я отправляюсь в город.

— Я пойду с тобой.

— Нет. Ты останешься здесь. Со мной ничего не случится. В городе есть врач, марсианский целитель. Возможно, он знает...

Фрэзер распахнул дверь и вышел. Его встретили крошечная тьма и ослепительное сверкание звезд. Дорога до города показалась ему бесконечной.

Он миновал голые поля, освобожденные от урожая, и вошел в лабиринт узеньких улочек. Город был не столь древен, как большинство городов на Марсе, но грязные камни стен были латаны-перелатаны: камень безнадежно проигрывал непрекращающуюся битву с сухим ветром и всепроникающей, всеразъедающей пылью. Улицы были почти безлюдны. Прохожие кидали на Фрэзера недружелюбные взгляды и спешили мимо, смуглые, с пылающими как угли глазами, в которых застыло бесконечное, безысходное отчаяние. Канал был их божеством, их отцом и матерью, их женой и ребенком. Они черпали свою жизнь из его черного лона, высасывали ее мучительно, каплю по капле. Они уже не помнили, кто высек в камне этот канал, тянувшийся на многие мили от ледяной полярной шапки через дно иссохшего мертвого моря, через пустыню и туннели, пробитые в недрах гор. Они только знали, что канал здесь, с ними — и не было хуже греха, чем пренебречь своим долгом блюсти чистоту канала. Жестокая, трудная жизнь — и все-таки они жили и радовались.

Факелов на улицах не было, но Фрэзер и так знал, где искать нужный ему дом. Изъеденная коррозией металлическая дверь неохотно отворилась в ответ на стук — и мгновенно захлопнулась за его спиной, как только Фрэзер вошел.

Комнатка была крохотная, едва освещенная тусклым светом коптящей лампы. Несколько сучьев пылало в очаге, почти не давая тепла, но на стенах висели бесценные гобелены незапамятных времен и эпох.

Целитель Тор-Эш, без сомнения, процветал. Несмотря на изношенное платье, он был сытым и довольным; огромное брюхо и отвисшие щеки нечасто встретишь среди худых, изможденных марсиан. Он был колдун, прорицатель и знахарь — и, пожалуй, единственный обитатель города, который выказывал хоть какой-то интерес к работе Фрэзера, правда, нельзя сказать, что дружеский.

После традиционного обмена приветствиями Фрэзер сказал, как в омут прыгнул:

— Мне нужна твоя помощь. Я подцепил какую-то болезнь...

Тор-Эш слушал. Глаза его смотрели внимательно и пронзительно, а улыбка, привычно игравшая на губах, словно жила своей

собственной жизнью, не задевая лица. Потом исчезло даже ее жалкое подобие.

Когда Фрэзер закончил, Тор-Эш попросил:

— Повтори еще раз, медленней. Я не всегда понимаю твой марсианский.

— Но тебе известно, что это такое? Ты можешь сказать...

— Еще раз! — отчеканил Тор-Эш.

Фрэзер повторил все с самого начала, пытаясь не показать пожирающего его страха. Тор-Эш задавал вопросы. Четкие и конкретные вопросы. Фрэзер отвечал на них. Потом Тор-Эш умолк, и лицо его стало мрачным, тяжелым в пляшущих отблесках пламени.

Фрэзер ждал и чувствовал, как неистово бьется в груди сердце.

Наконец Тор-Эш медленно проговорил:

— Ты не болен. Но если не сделать одной вещи, ты непременно умрешь.

— Но это же просто бессмыслица! — взорвался Фрэзер. — Здоровый человек не теряет сознание ни с того ни с сего. И здоровый человек не умирает — разве что от несчастного случая.

— В некотором смысле, — очень мягко и вкрадчиво ответил Тор-Эш, — мы невежественные люди. Но не потому, что мы не учились. А потому, что забыли уроки.

— Извини, я не хотел... Слушай, я пришел к тебе за помощью. Дело в том, что я не могу понять, не могу справиться с этим сам.

— Да. — Тор-Эш отодвинулся к окну, черневшему смутным пятном на фоне камня стены. — Ты размышлял когда-нибудь о канале? Не только об этом — о том великом множестве каналов, что опутывают наш Марс словно гигантская сеть? Ты думал о том, как им удалось сделать это? Выстроить их? Сколько потребовалось машин, какие чудовищные силы ушли на то, чтобы продлить еще хоть немного жизнь умирающего мира? Мы — дети, потомки тех людей, которые спроектировали и выстроили эти каналы, но ничего не осталось нам от тех дальних предков, кроме конечного результата их труда, и теперь мы вынуждены рыться в канале голыми руками, выгребая оттуда песок, который наносит ветер.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал Фрэзер. — Я изучал историю Марса. Но какое это...

— Много веков прошло, — продолжал Тор-Эш, как будто и не слыша. — Народы и империи, войны и эпидемии, и бесчисленные правители... Ученые. Наука. Рост и величие — а потом усталость и разрушение. Океаны ушли, схлынули, обратившись в пыль, горы обрушились, все ресурсы энергии истощены, высосаны до последней капли. Можете ли вы постичь, люди, явившиеся из молодого мира, сколько цивилизаций возникло и погибло на Марсе? — Он повернул лицо к землянину. — Вы явились сюда

со своими грохочущими кораблями, своими диковинными машинами и наукой, ниспровергая наших богов, которые, как мы считали, сотворили лишь одну разумную расу во всей Вселенной — нас, марсиан. Вы смотрели на нас с презрением, свысока — как на отсталых и слабоумных, невежественных созданий, и все же вы тоже невежественны. Но не потому, что вы забыли то, что когда-то учили, а потому что еще не дошли до этой страницы учебника жизни.

Существует много разных наук, много разных видов знаний. Некоторые цивилизации Марса умели строить каналы. Были и другие — которые могли видеть без глаз и слышать без ушей, которые властвовали над стихиями и могли заставить любого умереть или жить по их воле. Они были столь могущественны, что люди Марса уничтожили их, стерли с лица планеты — из страха перед ними. Теперь никто не помнит о той расе, но кровь-то их течет в наших жилах. И иногда рождается ребенок...

Фрэзер напрягся.

Тор-Эш невозмутимо закончил:

— Кочевники говорили о каком-то ребенке.

Фрэзер похолодел от ужаса. От напряжения спина у него покрылась холодной липкой испариной. Он даже не упоминал про Бишу! Как же Тор-Эш смог...

— Меня не интересует фольклор. Скажи мне только...

— В одном из племен поселилось зло. Несчастье. Когда ребенка увезли, зло тоже ушло. Теперь оно в твоём доме. Похоже, мать солгала. Дитя не умерло. Девочка у тебя.

— Колдовство и магия, — презрительно фыркнул Фрэзер. — Проклятия и трусость. Я думал, что ты умнее, Тор-Эш. — Фрэзер направился к двери. — Дурак я, что пришел сюда.

Тор-Эш стремительно подскочил и положил руку на щеколду — так чтобы Фрэзер не мог поднять ее, пока Тор-Эш не закончит.

— Мы невежественные люди, но мы не убиваем детей просто так, ради удовольствия. Что же до магии и колдовства... Слова — это просто слова; только факты имеют значение. Если ты хочешь умереть, это твоё личное дело. Но когда ты умрешь и ребенок явится в город — это будет наше дело. Я пошлю кочевникам весть. Девчонка их, они сами должны выполнить долг, нам это совершенно не нужно. Однако пока они не придут на место, я велю взять твой дом в кольцо. Похоже, ты очень скоро умрешь. В племени было двадцать человек, которые разделили между собой твою болезнь, но ты — один, так что мы не можем рисковать.

На лице Фрэзера, вероятно, выразился панический, совершенно животный ужас, потому что Тор-Эш добавил:

— Это будет сделано гуманно. Мы ведь не испытываем к ребенку ненависти.

Он поднял щеколду и выпустил земного врача на узкую улочку. Фрэзер повернулся и пошел в сторону пустыни. Достигнув распаханного поля, он вдруг бросился бежать. Он бежал быстро, но всадник все равно обогнал его, торопясь в пустыню, вдогонку за караваном.

Биша ждала его, сонная и встревоженная.

— Ты знаешь, где у нас запасы еды, — сказал Фрэзер. — Упакуй в вездеход столько, сколько влезет. И не забудь одеяла. Поторопись, мы выезжаем немедленно.

Он прошел в лабораторию. Лихорадочно, но с предельной осторожностью, методично уничтожил результаты работы последних нескольких месяцев. Он с трудом поборол искушение отбросить этические соображения и выпустить вирусы в город. Зло. Суеверие. Легендарные колдуны, сказки о могущественных волшебниках-мудрецах. Ему доводилось читать старые фантастические книжки, написанные до эры космических полетов; на их обложках суровые безжалостные земляне попирали ногами невинных поверженных марсиан. Логика и логистика показали несостоятельность подобных фантазий. Реальность оказалась куда менее романтической. А жаль, со злостью подумал Фрэзер. Ему до чертиков вдруг захотелось попать ногой какого-нибудь поверженного марсианина.

Когда с вирусами было покончено, он побросал свои записи в стальной сейф и отнес его в пыленепроницаемый ангар за Домом, где стоял вездеход. Биша, молчаливая и заплаканная, терпеливо упаковывала припасы. Фрэзер быстро проверил их, добавил кое-что еще, затем посадил малышку в кабину. Девочка посмотрела на него расширенными глазами, и он понял, что она до смерти напугана.

— Ничего, — сказал он. — Не бойся. Все будет хорошо.

— Ты хочешь отвезти меня обратно?

— Я хочу отвезти тебя в земное консульство в Караппе, а потом я заберу тебя в Сан-Франциско! — взбешенно рявкнул Фрэзер. — И пусть только кто-нибудь попробует остановить меня!

Он распахнул дверь ангара и взобрался на сиденье рядом с Бишой. Вездеход с лязганьем рванулся вперед, по песку. Впереди уже мелькали ряды светящихся точек — факелы. Точки сливались в единый поток, выливавшийся из ворот города, преграждая путь вперед.

— Сядь на пол, Биша, и не высовывай носа, — велел Фрэзер. — Тогда тебя не заденет.

Он включил полный ход. Вездеход дернулся и рванулся вперед, храпя и вздымая клубы пыли. Фрэзер вел его прямо на колышущуюся линию огней, инстинктивно пригибая голову к самому рулю. Кабина была металлическая, и ветровые стекла теоретически невозможно пробить, но в свете факелов его глаза различили

бумеранги горожан, острые и стремительные: они могли снести голову почище любого меча.

Что-то ударилось о стекло рядом с его головой, и оно мгновенно покрылось сеточкой трещин. Град камней обрушился на кузов машины, камни барабанили о металл. Но цепь факелов распалась, и Фрэзер успел рассмотреть изумленные темные лица раступившихся преследователей.

Они прорвались. Впереди была открытая, свободная пустыня. Три сотни миль, Караппа — и цивилизация.

Если он обгонит кочевников. Обедет их вокруг пальца.

Иного выхода просто не оставалось. Иначе ему конец — и Бише тоже. Он нуждался в медицинской помощи. Как можно скорее — причем от тех, кто не верит в заклятия.

Наконец забрезжила заря — холодный, призрачный свет в темном небе, затянутом пеленой пыли. Ничто не отделяло их от Караппы — ни канал, ни город, ничего, кроме тонкого сухого песка, который тек подобно воде под ветром.

— Слушай меня внимательно, — сказал он Бише. — Если я вдруг усну... — Фрэзер показал девочке, как остановить вездеход. — Сделай это немедленно, Биша. И не выходи из кабины до тех пор, пока я не проснусь.

Она кивнула, сжав губы в ниточку от усердия и внимания. Он заставил ее повторить все несколько раз — пока не убедился, что она запомнила.

Вокруг была пустыня — на много-много миль вперед и назад, налево и направо. Неизменная, одинаковая. Сколько времени потребуется всаднику, чтобы догнать нагруженный караван? Сколько времени потребуется кочевникам, чтобы отыскать их след на своих быстрых зверях? Песок был мягкий, сыпучий, и лязгающие гусеницы вязли в нем, так что как ни старайся, ты все равно не сможешь двигаться быстрее, чем пустыня позволит тебе.

Биша о чем-то напряженно размышляла. Потом вдруг промолвила:

— Они вышлют погоню.

Да, девочка была умна, слишком умна — на свою же беду.

— Кочевники? — невинно переспросил Фрэзер. — Мы запросто можем их обогнать. Они скоро отстанут.

— Нет, они не отстанут от нас. Им нужен не ты, а я. Но они убьют нас обоих.

— Мы улетим на Землю, — ответил Фрэзер. — Люди Марса, боги Марса — они не могут дотянуться до Земли.

— Но они очень могущественны... Ты уверен?

— Совершенно уверен. Ты будешь счастлива на Земле, Биша. Она прижалась к нему — и вскоре уснула.

В приборную доску был вмонтирован компас. Крайне необходимый предмет в таком месте, где нет ни вех, ни дорог. Фрэзер держал стрелку по центру, прокладывая курс, словно в открытом

море. Время текло, и песок тек, и все неотвратимее наваливалась усталость.

Усталость.

Похоже, ты очень скоро умрешь — ведь в ее племени проклятие разделили двадцать человек...

Пустыня перешептывалась. Ухо уже привыкло к лязганью гусениц и не воспринимало его, зато слышало шепот песков, скользких, текучих, журчащих под ветром. Зрение Фрэзера туманилось, контуры предметов расплывались, все плыло перед глазами. Зря он так надрывался на работе, он просто загнал себя, форменным образом. Усталость — благодатная почва для всяких болезней. Отсутствие сопротивляемости. Вот почему кочевники переносили инфекцию так легко, в отличие от него, чужеземца, к тому же изнуренного месяцами перенапряжения и добровольного заточения. Да, конечно, все дело в этом.

— ...двадцать человек в ее племени разделяло бремя проклятия — но ты один...

Проклятый Тор-Эш!

— Биша, проснись! Нам нужно поесть. И подай мне скорей вон ту бутылку.

Выпив и немного перекусив, Фрэзер почувствовал себя значительно лучше.

— Мы будем ехать всю ночь. Так что к утру будем уже в Караппе. Если кочевники и гонятся за нами, они не успеют схватить нас.

К середине дня он вел вездеход в каком-то полузабытии. Он не понимал, каким образом сбился с курса. Когда Фрэзер заметил это, он уже отмахал крюк на много миль. Он посидел, мучительно пытаясь припомнить координаты и весь дрожа, как в ознобе. Биша молча смотрела на него.

— Ну что ты так трясешься?! — взорвался он. — Со мной все в порядке! Мы доедем, куда нам надо.

Биша печально опустила голову и отвернулась.

— И нечего реветь, черт бы тебя побрал! Слышишь? У меня и так хлопот полон рот — и без твоего нытья.

— Это все из-за меня, — прошептала она. — Тебе нужно было поверить тому, что говорили старейшины.

Он ударил ее. Впервые ударил ее со злостью.

— Я не желаю больше слушать эти бредни! Если ты до сих пор так ничего и не поняла...

Биша молча отодвинулась на дальний конец сиденья.

Фрэзер снова включил мотор, возвращаясь на правильный курс, — но не отъехал далеко. У него просто не было сил. Нужно отдохнуть. Поспать хотя бы часок — это освежит.

Он остановил машину и посмотрел на Бишу. Недавняя пощечина вспомнилась словно сквозь туман — как будто это было много-много лет назад.

— Моя маленькая бедняжка, — сказал он. — Ты ведь не виновата в этом. Ты простишь меня?

Она кивнула. Фрэзер поцеловал ее, Биша еще немного поплакала — и потом он уснул, велев ей разбудить его, когда стрелка на циферблате панельных часов дойдет до цифры пять.

Он просыпался с большим трудом, и когда вздоход, накренившись, начал выползать, выгребая из засыпавшего его песка, на пустыню спустилась глухая ночь. Сон не принес Фрэзеру облегчения. Он чувствовал себя еще более скверно, как будто кто-то выпил из него последние силы, и голова была совершенно пустая — словно перевернутое ведро.

Он вел вздоход вперед.

Но опять сбился с курса. Наверное, он задремал на ходу, и машина сделала крюк. Фрэзер со злостью повернулся к Бише:

— Почему ты не остановила машину? Я же велел тебе...

В слабом свете приборного щитка он вдруг увидел ее лицо, обращенное к пустыне — и все понял. Она опять впала в этот свой транс — отрешенности и меланхолии. Биша не ответила.

Фрэзер выругался. Нашла время распускать сопли — когда он так нуждался в ней! Конечно, ей досталось в жизни, бедняжке, но это уже стало входить у нее в привычку! Сейчас же она просто не имеет права раскисать! Это уже стоило им многих бесценных часов, бесценных мил!.. Он взял ее за плечо и потряс.

Тело девочки было безвольным и мягким, как у тряпичной куклы. Он прикрикнул на нее. Она словно не слышала. В конце концов Фрэзер выключил мотор, вне себя от ярости, и рывком повернул Бишу к себе. Потом он снова ударил ее — во второй раз.

Она не заплакала, только прошептала чуть слышно:

— Я ничего не могу с собой сделать... Они тоже наказывали меня, но это не помогало.

Было очевидно, что ей все безразлично. Он не мог достучаться до нее, не мог проникнуть в ее душу. Прежде Фрэзер никогда не пытался вывести девочку из подобного состояния. Теперь же он попытался — и обнаружил, что бессилен. Он отпустил Бишу, и она опять заползла в угол. Фрэзер взглянул на нее — и вдруг страх, разедающий страх начал завладевать им, ибо он вспомнил, что происходило всякий раз после того, как Биша начинала хандрить.

После этого он мгновенно терял сознание, впадая в летаргический сон.

Система. Каждый раз одно и то же, без изменений.

Но это же бессмыслица! Простое совпадение!

Совпадение — три раза подряд? А как догадался Тор-Эш, что ребенок у Фрэзера? Он ведь знал это наверняка.

Три раза подряд, образец, схема. Если это повторится в четвертый раз... Тогда он будет знать наверняка.

Но может ли он позволить себе этот четвертый раз?

Безумие, бред. Ну каким образом настроение маленького ребенка способно влиять на взрослого мужчину?

Фрэзер снова схватил Бишу за плечи. На него накатило отчаяние. Он был с ней груб — он даже не подозревал, что может быть таким грубым с ребенком. Но это не помогло. Она посмотрела на него словно издалека — без возмущения, без интереса.

Значит, это не простая хандра. Что-то другое.

Что же?

...иногда рождается ребенок...

Фрэзер рывком бросил вездеход вперед — по дорожке света его же фар. Яркая щель в черной незапамятной тьме ночи.

Ему было жутко. Он боялся Биши. И все же он не мог поверить.

В Караппу! Что бы там ни было, в Караппе найдется кто-то, кто знает, что это такое, кто сможет помочь. Не спи: не давай занавесу упасть снова.

Думай. Ясно, что это не проклятие, это исключено. Ясно, что это не болезнь. И не воздействие окружающей среды или каких-то атмосферных явлений — ничего подобного прежде не наблюдалось. А кроме того, Тор-Эш: он понял, в чем дело.

Что он там говорил про древние расы? Что говорили о них преподаватели колледжей? Слишком много — и слишком мало. Слишком мало учебного времени на такое огромное количество рас.

...Они могли видеть без глаз и слышать без ушей, они властвовали над стихиями...

Фрэзер напрягся, мучительно вспоминая. Он взглянул на ребенка. Древние расы. Рецессивные гены, старые семена, до сих пор дающие всходы. Что это за гены? Какие особенности организма заложены в них? Экстрасенсорные таланты? Да, многие марсиане обладают паранормальными способностями, но тут что-то другое. Что же, что?!

Какие-то остатки, клочки разрушенного, разрозненного...

По кому или чему она так тоскует, сама того не сознавая?

Разгадка пришла к нему внезапно — ясная, как дневной свет. Страница забытого учебника, хранившаяся все эти годы в глубинах подсознания, смутное воспоминание о людях, которые пытались сублимировать жизнь в умирающем мире путем создания некоего ментально-психического симбиоза, организации жизни в тесных общинах, с единым коллективным разумом, единым коллективным потенциалом. Общими усилиями эти общины сумели достичь такого могущества, такой силы контроля над разумом, что в течение нескольких веков правили почти четвертой частью Марса, оставив после себя бесчисленные легенды.

И вот теперь этот ребенок.

Нормальный и здоровый во всех отношениях — кроме одного. Мозг девочки не был самодостаточным. Наследственность сыграла с беднягой скверную шутку — она явилась на свет как часть того самого коллективного разума, сообщества сверхвзаимозависимых

интеллектов и душ, которого — увы! — больше не существовало на Марсе. Мозг Биши действовал подобно батарее, расходуя свою энергию в процессе жизнедеятельности и мышления, — и когда энергия иссякала, батарея требовалась подзарядка извне, поскольку в ней отсутствовала способность к регенерации. А потому мозг Биши отсасывал, крал энергию у других, ничего не подозревающих людей — этаким невинный бессознательный вампир, опустошающий чужие умы и души, когда ему нужно.

Как раз сейчас Биша была занята именно этим. В своем племени она отнимала жизнь у двадцати человек, так что никто из них пока что не умер. Но Фрэзер был один. Он уже не мог полностью удовлетворить ее потребности — вот почему промежутки между обмороками так сократились.

Невежественные марсиане оказались правы. А мудрый землянин Фрэзер фатально ошибся.

Если он высадит ее сейчас здесь, прямо посреди пустыни, то останется жить.

Он остановил вездеход и посмотрел на Бишу. Она казалась такой маленькой и беспомощной, и он любил ее. В конце концов, Биша не виновата. Что-то нужно делать, как-то помочь ей — и в большом многолюдном городе она не будет столь смертоносна.

Переживет ли он еще одно погружение в бездны мрака?

Фрэзер не знал. Но однажды Биша уже убежала от него, по собственной воле, — чтобы спасти ему жизнь. Он был обязан хотя бы попытаться помочь ей.

Он обнял ее.

Занавес рухнул.

Фрэзер медленно открыл глаза. Вокруг стояла полная, мертвая тишина — и сияло медное солнце. Он проснулся — словно медленно отползая от края бездонной пропасти — и вдруг понял, что в машине очень тихо. Он был один. Фрэзер окликнул Бишу, но ему никто не ответил.

Он вылез из вездехода. Он шел вперед, зовя ее... А потом увидел следы. Следы зверей, на которых ездят кочевники. Они подходили к машине сзади. Цепочка маленьких следов от ножек Биши тянулись навстречу к ним.

Он перестал звать. Его крик был слишком громким, слишком ужасным. Он побежал вперед, по следам маленьких ножек. В конце цепочки лежала маленькая бесформенная груда тряпья, в которой больше не было жизни.

Она нарушила свое обещание. Она послушалась и оставила его, сонного, в безопасности — чтобы в одиночку встретиться с наездниками, которым была нужна она — а не он.

Такую крохотную могилу Фрэзер выкопал очень быстро.

Потом сел в вездеход и поехал вперед. Больше ему ничего не угрожало, но он гнал машину как одержимый, видя все как в ту-

мане. Он мечтал об одном — скорее попасть на Землю. Лишь бы не возвращаться в тот белый дом на холме, в котором отныне вечно будет жить призрак маленькой девочки.

2024: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ШАНДАКОРА

Глава 1

В винный погребок вошел незнакомец в темно-красном плаще, лицо его было скрыто низко надвинутым капюшоном. В дверях он на миг остановился, и одна из изящных темных хищниц, что всегда обитают в подобных местах, подошла к нему, позвякивая серебряными колокольчиками — кроме них на ней почти ничего не было.

Я видел, как женщина улыбнулась человеку в плаще. И вдруг улыбка застыла на ее лице, а с глазами как будто что-то случилось. Она больше не смотрела на незнакомца, она смотрела сквозь него, причем возникало странное впечатление, что он просто стал невидим.

Женщина прошла мимо. Я не заметил, подала ли она какой-нибудь знак окружающим, но вокруг незнакомца мгновенно образовалось пустое пространство. И никто на него не смотрел. Люди не отворачивались, они просто не замечали вошедшего.

Незнакомец начал пробираться сквозь толпу. Он был очень высоким и двигался с плавной и мощной грацией. Люди как бы случайно отходили с его пути. Воздух казался густым от резких запахов и пронзительного смеха женщин.

Два высоких, сильно захмелевших варвара затеяли драку, вспомнив о какой-то давней межплеменной вражде, и ревушая толпа расступилась, чтобы очистить для них место. Серебряная свирель, барабан и местная арфа наполняли комнату древней дикой музыкой. Гибкие коричневые тела мелькали и кружились среди смеха, криков и дыма.

Незнакомец шел, не обращая внимания на шум, не касаясь никого, невидимый, одинокий. Проходя мимо, он взглянул в мою сторону — быть может, потому, что я один из всей толпы не просто видел его, а смотрел, не отрывая глаз. Его черные глаза сверкнули из-под капюшона, как горящие угли. В них читались страдание и гнев.

Я мельком увидел скрытое капюшоном лицо. Только мельком, однако этого было достаточно. Зачем ему понадобилось показывать мне свое лицо в барракешском винном погребе?

Незнакомец прошел дальше. В темном углу, куда он направлялся, не было места, но оно немедленно образовалось: целое кольцо свободного места, отделяющее незнакомца от толпы — ров вокруг замка. Я видел, как он сел и положил монетку на край стола.

Подошла служанка, взяла монетку и поставила на стол кружку вина. Выглядело это так, будто она обслуживала пустой стол.

Я повернулся к Кардаку, своему главному погонщику, типичному шани с массивными плечами и гривой нестриженных волос, завязанных замысловатым узлом — знаком его племени.

— Что все это значит?

Кардак пожал плечами:

— Кто знает? — Он встал, приглашая меня последовать своему примеру. — Пойдем, Джонросс. Пора возвращаться в караван-сарай.

— У нас еще куча времени до выхода. И не лги мне, я не первый день на Марсе. Кто этот человек? Откуда он?

Барракеш — ворота между севером и югом. Давным-давно, когда на южном и экваториальном Марсе еще существовали океаны, когда Валкис и Джекарра были оплотом империи, а не воровскими притонами, через Барракеш, лежащий на краю Пустынных земель, шли и шли в обе стороны огромные бесчисленные караваны, и так в течение многих тысячелетий. Барракеш всегда переполняли чужеземцы.

На изъеденных временем каменных улочках можно встретить высоких келшиан — жителей холмов, кочевников с высоких равнин Верхнего Шана, темнокожих поджарых южан, выменивающих сокровища разграбленных храмов, прожженных бродяг космоса из Кахоры и торговых городов, где есть космопорты и прочие блага современной цивилизации.

Незнакомец в красном плаще не был похож ни на кого из них.

Лишь на миг он показал мне свое лицо, но я — планетарный антрополог. Предполагалось, что я составляю этнологическую карту Марса. Я действительно этим занимался и даже чудом сумел получить грант от Земного Университета, где никто не сообразил, как безнадежна эта задача на Марсе с его необозримой историей.

В Барракеше я готовился к годичной экспедиции по изучению племен Верхнего Шана. И тут мимо меня проходит человек с золотистой кожей и не по-марсиански черными глазами, человек, лицо которого не принадлежит ни к одному из известных мне типов. Оно немного напоминало каменные лица фавнов.

— Время идти, Джонросс, — повторил Кардак.

Я посмотрел на незнакомца, пьющего вино в молчаливом одиночестве.

— Очень хорошо, я спрошу у него.

Кардак вздохнул:

— Земляне обделены мудростью...

Он повернулся и ушел, оставив меня одного.

Я пересек комнату и подошел к незнакомцу. Очень учтиво на древнем марсианском языке, которым пользуются во всех городах Нижних Каналов, я спросил у него разрешения присесть.

Незнакомец посмотрел мне прямо в глаза своим гневным страдающим взглядом. В нем горели ненависть, презрение и стыд.

— Какого ты племени, человек?

— Я землянин.

Он повторил это слово с таким видом, будто слышал его раньше и пытается вспомнить, что же оно значит.

— Землянин... Тогда правду разносят ветры пустыни — о том, что Марс мертв и люди других миров оставляют следы в его пыли.

Чужак оглядел винный погребок и всех тех, кто не признавал его существования.

— Перемены, — прошептал он. — Смерть и перемены. Ничто не вечно.

Мускулы на лице незнакомца напряглись. Он выпил, и теперь я заметил, что пьет он уже давно — несколько дней, а быть может, и недель. Тихое безумие владело им.

— Почему люди избегают вас?

Он засмеялся сухо и горько:

— Только человек с Земли может не знать ответа.

Новая, неизвестная раса! — думал я. Я думал о славе, которая ждет человека, открывшего что-то новое, о Кресле (с большой буквы!) заведующего кафедрой, которое станет моим, если я добавлю еще одну яркую страницу в призрачную мозаику марсианской истории. К тому времени я уже немного перебрал. Кресло мне виделось высотой в милю и из чистого золота.

— Я побывал, наверное, во всех трактирах, какие есть в этой пыльной дыре под названием Барракеш. Везде одно и то же — меня больше нет.

Под тенью капюшона блеснули белые зубы.

— Мой народ... они были мудрее. Когда умрет Шандакор, мы все умрем, и неважно, живы ли наши тела.

— Шандакор? — спросил я. Это имя прозвучало как звон дальних колоколов.

— Откуда землянину знать? Да, Шандакор! Спроси у людей из Кеша и Шана! Спроси королей Мекха, там, за полсвета отсюда! Спроси у всех людей на Марсе — они не забыли Шандакор! Но тебе они ничего не скажут. Это имя для них — горечь и стыд.

Он смотрел поверх толпы, клубящейся в тесной комнате и выплескивавшейся на шумную улицу.

— И вот я здесь, среди них — погибший.

— Шандакор мертв?

— Умирает. Нас было трое — тех, кто не хотел умирать. Мы пошли на юг через пустыню. Один повернул назад, один погиб в песках, а я пришел сюда, в Барракеш.

Металлический кубок согнулся в руках незнакомца.

— И вы жалеете, что пришли, — произнес я.

— Мне надо было остаться и умереть вместе с Шандакором. Теперь я знаю. Но вернуться не могу.

— Почему?

Я все думал, как будет смотреться имя Джона Росса среди начертанных золотом имен первооткрывателей.

— Пустыня велика, землянин. Слишком велика для одиночки. И тогда я сказал:

— Мой караван сегодня ночью уходит на север.

Глаза чужака полыхнули странным смертельным огнем, таким, что я даже испугался.

— Нет, — прошептал он. — Нет!

Я сидел молча, глядя на толпу, забывшую обо мне, потому что я сел рядом с незнакомцем. Новая раса, думал я, неизвестный город. И я был пьян.

После долгого молчания незнакомец спросил меня:

— Что нужно землянину в Шандакоре?

Я рассказал ему, и он рассмеялся.

— Ты изучаешь людей! — воскликнул незнакомец и снова засмеялся, да так, что красный плащ пошел рябью.

— Если вы хотите вернуться, я возьму вас с собой. Если нет — скажите мне, где находится Шандакор, и я найду его. Ваша раса и ваш город должны занять свое место в истории.

Он ничего не ответил, но вино сделало меня проницательным, и я мог видеть, что творится у него в душе. Я поднялся с места.

— Имейте в виду. Вы можете найти меня в караван-сараях у северных ворот до восхода малой луны.

— Подожди! — Незнакомец схватил меня за руку и больно стиснул. Я взглянул на его лицо, и мне не понравилось то, что я там увидел. Но, как сказал Кардак, я обделен мудростью. — Твои люди; — сказал незнакомец, — не пойдут дальше Колодцев Картедона.

— Тогда мы пойдем без них.

Долгая, долгая пауза. Затем он промолвил:

— Да будет так.

Я знал, о чем думает незнакомец, так же ясно, как если бы он произнес это вслух. Он думал, что я всего лишь землянин и что он убьет меня, как только покажется Шандакор.

Глава 2

У Колодцев Картедона караванные пути разветвлялись. Один шел на запад, в Шан, другой — на север, в ущелья Дальнего Кеша. Но был еще и третий, самый древний; он шел на восток и был совершенно заброшен. Глубокие вырубленные в скалах колодцы высохли. Исчезли, поглощенные дюнами, каменные навесы. Задолго до того как дорога достигала подножия гор, пропадали всякие воспоминания о воде.

Кардак вежливо отказался идти за Колодцы. Он подождет меня здесь, сказал погонщик, подождет достаточно долго, и, если я

вернусь, мы пойдем в Шан. Если нет — что ж, причитающаяся ему плата находится у местного вождя; он заберет деньги и отправится домой. Кардаку не понравилось, что мы берем с собой незнакомца. Он удвоил цену.

За весь долгий путь от Барракеша до Колодцев я не смог вытнуть ни слова о Шандакоре ни из Кардака, ни из его людей. Незнакомец тоже молчал. Он сообщил мне только свое имя — Корин — и ничего больше. Завернувшись в свой плащ с капюшоном, чужак ехал один и размышлял. Душу его терзали все те же страсти, к ним лишь прибавилась еще одна — нетерпение. Он загал бы нас всех до смерти, если бы я это позволил.

Итак, мы с Корином вдвоем поехали на восток от Картедона, ведя в поводу двух марсианских мулов и столько воды, сколько могли унести. И теперь я уже был не вправе его сдерживать.

— У нас нет времени останавливаться, — говорил Корин. — Остались считанные дни. Время не ждет.

Когда мы достигли гор, из четырех мулов у нас оставалось только три, а первый гребень мы пересекли уже пешком, и весь оставшийся у нас запас воды легко нес последний мул.

Теперь мы шли по дороге. Местами прорубленная в скалах, местами протоптанная, она вела все дальше и дальше, через нагие безмолвные горы. И никого вокруг — только красные скалы, которые ветер сделал похожими на лица.

— Здесь проходили великие армии, — сказал Корин. — Короли и караваны, нищие и рабы из людских племен, певцы, танцовщицы и княжеские посольства. Дорога в Шандакор.

Мы мчались вперед как сумасшедшие.

Последний мул сломал себе шею, оступившись на скользких камнях. Единственный оставшийся мех с водой мы понесли сами. Это была не слишком тяжелая ноша, и чем дальше, тем легче она становилась. Под конец воды оставалось лишь несколько капель.

Однажды днем, задолго до заката, Корин внезапно сказал:

— Остановимся здесь.

Дорога перед нами круто поднималась вверх. Вокруг царило все то же безмолвие. Корин уселся на занесенный пылью дорожный камень. Я тоже присел, стараясь держаться подальше от него. Я внимательно следил за ним, но он молчал, и лицо его было скрыто плащом.

В узком глубоком ущелье постепенно сгущались тени. Полоска неба над головой засветилась сначала шафраном, потом багрянцем, а потом на небе показались яркие холодные звезды. Ветер продолжал точить и полировать камень, бормоча про себя свои жалобы — стародавний одряхлевший ветер, вечно недовольный собой. Едва слышалось сухое шелканье падающих камешков.

Моя рука под плащом сжимала холодную сталь пистолета. Стрелять мне не хотелось. Но не хотелось и умирать здесь, на безмолвной дороге, по которой в незапамятные годы проходили армии, короли и караваны.

Луч зеленоватого лунного света пополз по стенам ущелья. Корин поднялся:

— Я дважды ошибся. Теперь наконец я понял, в чем правда.

— Ты о чем?

— Я думал, что смогу убежать от смерти. Это была ошибка. Потом решил, что смогу вернуться и разделить общую участь. Но и тут я ошибался. Теперь я вижу правду. Шандакор умирает. Я бежал от смерти, которая ожидает город и весь мой народ. Это бегство покрыло меня вечным позором — я никогда не смогу вернуться назад.

— Что же ты будешь делать?

— Я умру здесь.

— А я?

— Не думал же ты, — произнес Корин тихо, — что я позволю чужестранцу прийти и смотреть, как умирает Шандакор?

Я рванулся с места первым и бросился ничком на пыльные камни дороги, не зная, какое оружие он может прятать в складках своего темно-красного плаща. Что-то полыхнуло светом и пролетело над моей головой с шипением и грохотом, а в следующий момент я уже бросился Корину под ноги. Он упал, а я навалился на него сверху.

Корин упорно сопротивлялся — мне пришлось дважды стукнуть его головой о камень, прежде чем я смог отобрать у него маленькую смертоносную игрушку из металлических стержней и отбросить ее подальше. Больше никакого оружия у него не было.

— Я отнесу тебя в Шандакор.

Корин лежал тихо — неподвижная фигура, завернутая в разорванный плащ. Дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Да будет так, — прошептал он. А потом попросил воды.

Я подошел к меху с водой и встряхнул его, надеясь, что там осталась хотя бы чашка. Я не слышал, как Корин пошевелился. Все было сделано беззвучно, с помощью какого-то острого украшения. Я принес воду — нашу последнюю воду — и попытался приподнять его. Он встретил меня удивительным сияющим взглядом и прошептал три слова на неизвестном мне языке. И умер.

Я опустил тело на камни. Кровь Корина стекала в дорожную пыль. И даже в свете луны было заметно, что это не человеческая кровь.

Я долго сидел неподвижно, охваченный какой-то странной слабостью. Потом откинул с головы Корина темно-красный капюшон. Это была очень красивая голова. Я никогда не видел ее раньше.

ше — иначе не пошел бы вдвоем с ним в горы. Я многое понял бы, если бы мне раньше довелось увидеть этот череп. Ни за какую славу и ни за какие богатства я не пошел бы в Шандакор.

Череп был узким и куполообразным, очень изящно слеplенным. Сверху он был покрыт короткими вьющимися волокнами, отливавшими металлом в ярком серебряном свете луны. Они пошевелились под моей рукой, реагируя на прикосновения чужака — маленькие, шелковистые, похожие на электрические провода. А когда я отнял руку, блеск угас и фактура волокон изменилась.

Я вновь прикоснулся к голове Корина, но на этот раз волокна уже не шевелились. Уши у него были острые, с маленькими серебристыми кисточками на концах. Уши, руки и грудь были покрыты чем-то вроде чешуек — сияющая пыльца на золотистой коже. Я осмотрел его зубы — они тоже не были человеческими.

Теперь-то я понял, почему Корин рассмеялся, когда услышал, что я изучаю людей.

Было очень тихо. Я слышал, как катятся с утесов маленькие камешки, как шуршит пыль, стекая вниз по трещинам. Колодцы Картедона остались далеко позади. Слишком далеко для пешего путника с единственной чашкой воды.

Я посмотрел на узкую крутую дорогу впереди. Посмотрел на Корина. Поднялся холодный ветер, лунный луч утасал. Мне не хотелось оставаться в темноте наедине с Корином.

Тогда я встал и пошел по дороге, ведущей в Шандакор.

Подъем был крутым, но не длинным. Наверху дорога прошла между двумя скальными выступами; за этими естественными воротами, далеко внизу, в свете двух маленьких, быстро бегущих по небу марсианских лун лежала горная долина.

Когда-то вокруг высились покрытые снегом вершины. В черных и красных скалах гнездились летающие красноглазые ящеры, похожие на ястребов. Чуть ниже горы были покрыты лесом — багряным, зеленым и золотистым, а внизу, на дне долины, лежало черное озеро. Но то, что открылось моему взору, было мертвой долиной. Пики обрушились, леса исчезли, а озеро превратилось в черную яму в голой скале.

И среди этого запустения стоял город-крепость, сияя мягкими разноцветными огнями.

Черные массивные стены не давали прохода наползающей пыли, а внутри их был оазис — остров жизни. Ни одна из высоких башен не была разрушена. Между ними горели огни, а на улицах города кипела жизнь.

Живой город — а Корин сказал, что Шандакор умирает.

Богатый, полный жизни город.

Я ничего не понимал. Но я знал одно: те, кто ходят сейчас по далеким улицам Шандакора, — не люди.

Я стоял и глядел вниз, дрожа на холодном ветру. Яркие огни города манили к себе, хотя было что-то неестественное в этой освещенной ярким светом жизни среди мертвой долины. А потом я подумал, что люди они или нет, обитатели Шандакора могут продать мне воды и мула, чтобы нести эту воду, и тогда я выберусь отсюда и вернусь назад, к Колодцам.

На спуске дорога стала шире. Я беззаботно шагал по самой ее середине. Внезапно откуда-то появились двое и преградили мне путь.

Я вскрикнул и отпрыгнул назад. Меня прошиб холодный пот, сердце отчаянно заколотилось. В лунном свете блеснули мечи, а загоревшие мне путь рассмеялись.

Один был высоким рыжеволосым варваром из Мекха — чтобы попасть в его родные края, следует пройти на восток почти пол-планеты. Другой — смуглый и худощавый — был жителем Таарака, который находится еще дальше.

Я был напуган, разозлен и потрясен, поэтому задал им глупейший вопрос:

— Что вы тут делаете?

— Мы ждем, — ответил человек из Таарака. Он сделал плавный жест рукой, указывая на темные склоны долины. — Из Кеша и Шана, из всех стран Норланда и с Границ собрались люди и ждут. А ты?

— Я заблудился, — сказал я. — Я — землянин, и не хочу ни с кем ссориться.

Меня все еще трясло, но теперь уже от облегчения. Мне не придется идти в Шандакор! Раз здесь собралась целая армия, значит, есть и припасы, а стало быть, можно приобрести все необходимое у варваров.

Я рассказал им, что мне нужно.

— Я заплачу за все, хорошо заплачу!

Они переглянулись.

— Хорошо. Пойдем, ты сможешь поторговаться с вождем.

Мы пошли: я в середине, они — по краям. Но не сделали мы и нескольких шагов, как я уже лежал, лицом в пыли, а оба варвара набросились на меня, как дикие коты. Когда они закончили обыск, к ним перешло все, чем я владел, не считая нескольких предметов одежды, которые им были не нужны. Я встал, выплевывая кровь из рта.

— Для прищельца, — сказал человек из Мекха, — ты дерешься неплохо.

Он несколько раз подбросил на ладони мой кошелек, прикидывая вес, потом протянул мне кожаную фляжку со своего пояса.

— Пей. В этой малости я не могу тебе отказать. Но нашу воду приходится привозить сюда из-за гор, и у нас нет излишков, чтобы тратить их на землянина.

Я был не гордым и осушил фляжку, раз уж ему так этого хотелось. А человек из Таарака произнес, улыбаясь:

— Ступай в Шандакор. Может быть, они дадут тебе воды.

— Но вы забрали мои деньги!

— Они все богачи там, в Шандакоре. Им не нужны деньги. Пойди попроси у них воды!

Варвары стояли и смеялись над своей непонятной шуткой, и мне не понравился этот смех. Я готов был убить обоих и сплясать на их останках, но они не оставили мне никакого оружия, а что я мог сделать голыми руками? Поэтому я повернулся и ушел, оставив их скалиться надо мной в темноте.

Дорога вела вниз и дальше, по дну долины. Я чувствовал на себе взгляды часовых, наблюдавших за мной со всех склонов в слабом свете лун. Стены города становились выше и выше, они скрыли все, кроме вершины самой высокой башни, увенчанной странным приплюснутым шаром. Во все стороны из него торчали какие-то кристаллические стержни. Шар медленно вращался, и кристаллы поблескивали чуть заметными белыми искрами.

Мощеная дорожка стала подниматься к Западным воротам. Я шел вперед медленно и неохотно. Теперь было видно, что ворота открыты. Открыты — в осажденном-то городе!

Некоторое время я простоял, пытаясь решить эту загадку — армия, которая не атакует, и город с распахнутыми воротами. Но так ничего и не понял. На стенах было полно солдат, сидевших, лениво развалиясь, под яркими знаменами. Внутри, за воротами, бродило множество людей, но все они были заняты своими собственными делами. Их голосов не было слышно.

Я заставил себя приблизиться к воротам. Ничего не произошло. Часовые не окликнули меня, никто не заговорил.

Вы знаете, как нужда заставляет человека поступать против собственной воли и здравого смысла?

Я вошел в Шандакор.

Глава 3

За воротами оказалась квадратная площадь — открытое пространство, способное вместить целую армию. Со всех сторон ее окружали палатки купцов с навесами из дорожных тканей, а товаров таких на Марсе не видали уже много веков.

Там были фрукты, вина и пряности, редкие меха и неблекнущие краски, секрет которых давно утерян, изысканные ткани и мебель, сделанная из древесины исчезнувших деревьев. В одной из палаток торговец с дальнего юга продавал церемониальный коврик, сплетенный из блестящих длинных волос девственниц — и совершенно новый!

Все купцы были людьми. Одни принадлежали к известным мне народам, о других я хотя бы слышал. Об остальных понятия не имел.

В толпе, клубившейся вокруг палаток, тоже были люди: купцы, пришедшие заключить сделки, рабы, которых вели на аукцион. Но людей было немного. А остальные...

Я стоял, вжавшись в темный угол ворот, и холод пронизывал меня с головы до ног — холод, причиной которому был не только ночной ветер.

Лордов Шандакора с золотистой кожей и серебряным гребнем на голове я теперь знал благодаря Корину. Я говорю «лордов», потому что они держали себя как лорды, гордо проходя по своему городу в окружении рабов человеческой расы. А те люди, которые не были рабами, почтительно уступали им дорогу. Они знали, какую честь им оказали, позволив войти в город.

Все женщины Шандакора были очень красивы — изящные золотистые эльфы с лучистыми глазами и острыми ушками. Но встречались и другие — какие-то стройные создания с огромными крыльями. Были среди них гибкие и пушистые, были, наоборот, лысые и безобразные — они даже летали как-то неровно, зигзагами, а были такие странные формы, что об их эволюции я и предположить ничего не мог.

Вот они — давно исчезнувшие с лица планеты народы. Древние расы, чья гордость и сила остались лишь в полузабытых легендах, в рассказах стариков марсианских захолуствий. Даже я, специалист по антропологической истории, слышал об этих народах только обрывки легенд и сказаний — так на Земле помнят гигантов и сатиров.

Однако все они были здесь. Причудливые тела их были увешаны роскошными украшениями, им прислуживали обнаженные рабы-люди в кандалах из драгоценных металлов. И купцы склонялись перед этими созданиями так же низко, как перед соплеменниками Корина.

Кругом горели разноцветные огни — но не факелы, к которым я уже успел привыкнуть на Марсе: холодным светом сияли хрустальные шары. Стены окружавших торговую площадь зданий были облицованы редкими сортами мрамора, а венчавшие их башенки инкрустированы бирюзой и киноварью, янтарем, нефритом и удивительными кораллами южных морей.

Обладатели великолепных нарядов и обнаженные рабы кружились в пестром водовороте торговых рядов. Они покупали и продавали, и я видел, как раскрываются их рты, видел, как смеются женщины, однако на всей огромной площади не было слышно ни единого звука. Ни голоса, ни шарканья ног, ни звона доспехов. Стояла мертвая тишина, тишина покинутого города.

Я начал понимать, почему не было нужды закрывать ворота. Ни один суеверный варвар не отважится войти в город призраков.

А я... я цивилизованный человек. Я ученый. И все же, если бы не жестокая нужда в воде и провизии, я стремглав убежал бы прочь. Но бежать мне было некуда, поэтому я остался, цепenea от липкого страха.

Кто они, эти не издающие звуков создания? Призраки? Отражения? Люди и не-люди, древние, горделивые, давно забытые существа... что означает их присутствие здесь? Может, это какая-то странная форма жизни, о которой я ничего не знаю? Способны ли они видеть меня так же ясно, как я вижу их? Есть ли у них собственная воля, собственные мысли?

В пользу их существования говорило то прозаическое занятие, которому они с таким пылом предавались. Призраки не торгуют. Они не дарят своим женщинам драгоценные ожерелья, не спорят о цене кованых доспехов.

Такое основательное занятие — и мертвая тишина. Это было ужасно. Если бы я услышал хоть один живой звук...

«Город умирает, — сказал Корин. — Остались считанные дни». А что, если их уже не осталось? Что, если город умер и я один среди каменных стен, в лабиринте незнакомых улиц и переходов, один среди всех этих огней и призраков?

Скверная штука — ужас в чистом виде. Его-то я и испытывал. Медленно и осторожно я начал продвигаться вдоль стены. Мне хотелось уйти подальше от оживленной площади. Вот льющееся летучее создание покупает девочку-рабыню — рот девочки раскрылся в беззвучном крике. Я отчетливо видел каждый мускул на ее лице, видел, как судорожно дергается горло. И ни единого звука.

Я нашел улицу, ведущую параллельно городской стене, и двинулся вдоль нее. В освещенных окнах мелькали человеческие фигуры. Иногда кто-нибудь проходил мимо, и я прятался. По-прежнему стояла полная тишина. Я осторожно передвигал ноги, стараясь не шуметь. Почему-то мне пришло в голову, что если я наделаю шума, то случится что-то ужасное.

Навстречу прошла компания купцов. Я отступил назад, в проем арки, и внезапно из-за моей спины появились три увешанные блестящими побрякушками женщины из караван-сараев. Я попал в ловушку.

Мне очень не хотелось, чтобы ко мне прикасались эти безмолвные смеющиеся женщины, поэтому отскочил назад, на улицу, и все купцы повернули головы в мою сторону. Я решил, что они заметили меня, и остановился. Женщины подошли ближе. Тела их были расписаны узорами, блестели красные губы, сверкали накрашенные глаза. Они прошли сквозь меня.

Я закричал — во всю силу своих легких. А женщины пошли дальше. Они заговорили с купцами, купцы рассмеялись, и все вместе двинулись куда-то вдоль по улице. Они меня не видели и не

слышали. А когда я оказался у них на пути, они меня не заметили — я был для них не плотнее облака.

Я сел прямо на каменную мостовую и долго сидел, пытаюсь собраться с мыслями. Мужчины и женщины проходили сквозь меня, как будто я был бесплотной тенью. Я пытался вспомнить ощущение внезапной боли, которая могла бы послужить причиной моей смерти — так мгновенно и незаметно убивает попавшая в спину стрела. Ибо из всего следовало, что призрак — это я.

Но вспомнить не удавалось. Мое тело было так же материально, как камни, на которых я сидел. Это были очень холодные камни, и именно холод согнал меня наконец с места. Больше не было причины прятаться, поэтому я шел по самой середине улицы и постепенно привыкал не уступать никому дороги.

Снова передо мной выросла стена — она шла под прямым углом к первой обратно в город. Я зашагал вдоль нее, и вскоре стена плавно повернула и снова вывела меня на торговую площадь — к дальнему от входа концу. Там были еще одни ворота, отделявшие торговую площадь от остального города. Древние свободно проходили внутрь, но ни один человек не приближался к воротам — только рабы. Я понял, что нахожусь в гетто — районе, отведенном для людей, прибывших в Шандакор с караванами.

Я вспомнил, как относился ко мне Корин, и подумал, что жители города вряд ли придут в восторг от моего вторжения, при условии, конечно, что я все еще жив, а в Шандакоре есть жители, для которых я — не призрак.

Посреди площади стоял фонтан. Струи воды рассыпались брызгами в свете разноцветных огней и падали вниз, в широкий каменный бассейн. Мужчины и женщины подходили и пили эту воду. Я тоже подошел, но когда опустил руки в бассейн, то почувствовал, что он давно высох и наполнен пылью. Когда я поднял руку, пыль вытекла между пальцами. Я видел ее очень отчетливо — но воду я тоже видел. Какой-то ребенок подбежал и начал брызгать водой в прохожих. Сорванца наказали, он заплакал, и все это — без единого звука.

Я покинул площадь и прошел через запретные для людей ворота.

Там были широкие улицы. Там были деревья и цветы, просторные парки и окруженные садами виллы, высокие и великолепные. Там был гордый, прекрасный город, древний, но не разрушенный, красивый, как Афины в пору расцвета, только гораздо богаче и совсем непохожий на земные города. Вы можете себе представить, каково это — бродить в безмолвной толпе, где нет ни единого человека, и видеть совершенно чужой город во всей его славе?

Башни из нефрита и киновари, золотые минареты, огни и цветные шелка, радость и сила. О, народ Шандакора! Как бы далеко ни были сейчас их души, они никогда не простят меня.

Не знаю, как долго я бродил. Мой страх почти исчез, уступив место восхищению тем, что я видел вокруг. А потом внезапно, среди мертвой тишины, я услышал звук — тихое шарканье обуви в сандалии ног.

Глава 4

Я остановился где был, на середине площади. Высокие лорды с серебряными гребнями пили вино в тени темных деревьев; несколько крылатых девушек, прекрасных, как лебеди, исполняли какой-то странный танец, больше похожий на полет. Я огляделся — вокруг полно народу. Как же узнать, кто из них шумел?

Тишина.

Я повернулся и побежал по мраморной мостовой. Я бежал со всех ног, потом остановился, прислушиваясь. Снова раздалось тихое шарканье, не более чем шепот, легкий и еле заметный. Я завертелся на месте, однако звук затих. Все те же призраки беззвучно бродили по площади, танцоры кружились и раскачивались, простирая белые крылья.

Кто-то наблюдал за мной. Одна из безразличных теней на самом деле не была тенью.

Я попробовал идти, меняя скорость. Дважды или трижды мне удавалось услышать эхо чьих-то чужих шагов. В какой-то момент я понял, что шумели нарочно. Кто бы за мной ни шел, он делал это беззвучно, смешавшись с толпой молчаливых призраков, полностью скрытый толпой, и шумел только затем, чтобы я знал о его присутствии.

Я попытался заговорить с ним, но в ответ услышал лишь гулкое эхо своего собственного голоса, отражавшегося от каменных стен. Все вокруг были заняты своими делами, никто и не думал мне отвечать.

Разведя руки в стороны, я стал бросаться на прохожих — каждый раз в моих объятиях оставался один только воздух. Я хотел спрятаться, но не мог найти укрытия.

Улица оказалась очень длинной, однако таинственный преследователь не отставал. В окнах домов горел свет, мелькали чьи-то лица... Стояла могильная тишина. Можно было, конечно, спрятаться в одном из зданий, но я не мог заставить себя остаться в замкнутом пространстве стен наедине с безмолвными призраками.

Улица вывела меня на круглую площадь с огромной башней в центре. К ней стекались несколько таких же широких улиц. Эту башню с огромным вращающимся шаром на самом верху я уже видел. Куда теперь идти?.. Кто-то всхлипывал, и я понял, что этот

кто-то — я сам. Я задыхался. Пот стекал по моему лицу и попадал в уголки рта, холодный и горький.

К моим ногам упал камешек, тихо щелкнув о мостовую.

Я бросился бежать. Меня гнал беспричинный ужас, как кролика, застигнутого на открытом месте. Раз пять я менял направление, потом остановился, прижавшись спиной к резной колонне. Откуда-то донесся смех.

Я закричал. Не помню, что было потом, но когда я замолчал, то опять остался один среди безмолвной призрачной толпы. Только теперь мне казалось, будто вокруг звучит неразличимый для уха шепот.

Второй камешек стукнулся о колонну над моей головой. Третий попал в меня. Снова раздался смех, и я побежал.

И опять — множество улиц, огней, лиц. Это были странные лица странных существ, и ночной ветер развеивал их одежды и алые занавеси носилок. Проезжали красивые экипажи, похожие на колесницы — их везли животные. Все это проходило через меня как туман, как дым, беззвучно и неосознано. Смех преследовал меня всюду, и я бежал.

Четверо жителей Шандакора загородили мне дорогу. Я продолжал бежать, однако их тела сопротивлялись, их руки схватили меня...

Я пытался сопротивляться, но внезапно стало очень темно.

Тьма окутала меня и повлекла куда-то. Вдали слышались голоса. Один из них был звенящим и молодым, очень похожим на тот смех, который гнал меня по улицам. Я возненавидел звук этого голоса, так возненавидел, что попытался вырваться из тащившей меня черной реки. Яркий свет, звук и не желающая уступать тьма вихрем закружились вокруг, а потом все успокоилось, и мне стало стыдно за свою слабость.

Я находился в комнате. Она была большая, очень красивая и очень древняя — первое увиденное мной в Шандакоре место, имевшее по-настоящему древний вид. По-марсиански древний — эта комната существовала уже тогда, когда земная история еще не начиналась. И пол, выложенный неизвестным мне великолепным камнем цвета безлунной ночи, и бледные тонкие колонны, поддерживавшие сводчатый потолок — все было отшлифовано временем. Роспись на стенах потемнела и потускнела, а ковры, яркими пятнами выделявшиеся на темном полу, были истерты до толщины шелка.

В комнате стояли и сидели мужчины и женщины древнего народа Шандакора. Но, в отличие от уличных прохожих, эти дышали, разговаривали и были живыми. Одна из них, девочка-подросток со стройными ногами и маленькими острыми грудками, прислонилась к колонне недалеко от меня. Ее черные глаза, полные пляшущих огоньков, не отрывались от моего лица. Увидев, что я очнулся, она с улыбкой бросила мне под ноги камешек.

Я поднялся с пола. Мне хотелось встряхнуть это золотистое тело, хотелось заставить ее кричать от боли. А девочка сказала на древнемарсианском языке:

— Ты — человек? Никогда раньше не видела человека так близко!

— Тихо, Дуани, — сделал замечание мужчина в темном плаще.

Он подошел и встал рядом со мной. Оружия у него, похоже, не было, но оно было у остальных, и, вспомнив смертоносную игрушку Корина, я взял себя в руки и не стал ничего предпринимать.

— Что ты здесь делаешь? — спросил мужчина в темном.

Я рассказал о себе и о Корине, умолчав только о той стычке, которая предшествовала его смерти. Рассказал, как меня ограбили варвары.

— Они послали меня сюда, — закончил я, — просить у вас воду.

Кто-то безрадостно засмеялся. Мужчина сказал:

— Над тобой зло пошутили.

— Но вы же можете выделить мне немного воды и мула!

— Все наши животные давно убиты. А что касается воды...

Он помолчал и горько спросил:

— Разве ты не понял? Мы все здесь умираем от жажды!

Я взглянул на него, на лукавого бесенка по имени Дуани, на остальных мужчин и женщин в комнате.

— По виду не скажешь!

— Ты видел людские племена, собравшиеся подобно волкам на склонах холмов. Как ты думаешь, чего они ждут? Год назад они нашли и перерезали подземный водопровод, снабжавший Шандакор водой с полярной шапки. Теперь все, что им нужно, — это терпение. И их время почти пришло. Запас воды в наших цистернах подходит к концу.

Я разозлился на эту покорность:

— Почему же вы остаетесь здесь умирать, как мыши в мышеловке? Вы могли бы сражаться, могли бы выйти отсюда! Я видел ваше оружие!

— Наше оружие очень старое, а нас самих — лишь малая горстка. Но пусть даже кто-нибудь и выживет — напости мне еще раз, землянин, как жил Корин в мире людей? — Мужчина покачал головой. — Когда-то, во времена своего расцвета, Шандакор был великим городом. Людские племена со всего света платили нам дань. Мы — лишь тень великой расы, но мы ничего не станем просить у людей!

— Кроме того, — тихо сказала Дуани, — где же еще нам жить, если не в Шандакоре?

— А кто эти, другие? — спросил я. — Те, что молчат?

— Они — прошлое, — ответил мужчина в темном, и его голос прозвучал как далекие трубы.

Яснее не стало — я вообще ничего не понимал. Однако не успел я задать следующий вопрос, как вперед выступил другой мужчина:

— Рул, он должен умереть.

У Дуани задрожали кисточки на ушах, а серебристые кудри встали дыбом.

— Нет, Рул! — закричала она. — Ну хотя бы не сейчас!

Остальные зашумели; я услышал звуки непонятной скачущей речи, которая существовала еще тогда, когда людских наречий не было и в помине.

Тот, кто подошел к Рулу, повторил:

— Он должен умереть. Ему нет места здесь. И мы не можем тратить на него воду.

— Я могу поделиться с ним своей, — сказала Дуани. — Пока.

Я не хотел принимать ее подачек, о чем немедленно и сообщил.

— Я пришел сюда за необходимыми мне припасами. У вас их нет, поэтому я уйду. Все очень просто!

Да, варвары отказались продать мне воду и мула, но всегда можно попытаться украсть.

Рул покачал головой:

— Боюсь, что все совсем не просто. Нас здесь только горстка. Уже многие годы единственной защитой нам служат живые тени прошлого, которые бродят по улицам и стоят на стенах. Варвары верят этим чарам. Но если ты войдешь в Шандакор и выйдешь отсюда, варвары поймут, что тени не могут убивать. Тогда им не-зачем будет ждать.

Я был испуган и ответил почти сердито:

— А какая вам разница? Вы же все равно собираетесь умереть в ближайшее время!

— Но мы умрем так, как хотим, землянин, и тогда, когда захотим. Возможно, тебе, человеку, не понять. Это вопрос гордости. Закат древнейшей расы Марса будет таким же прекрасным, каким был рассвет.

Он отвернулся и кивнул головой. И без слов ясно: это означало «убейте его».

Я увидел, как они поднимают свое странное оружие.

Глава 5

Следующая секунда показалась мне вечностью. Я успел подумать о многом, но ничего хорошего в голову не приходило. Умереть в этом проклятом месте, где нет ни единого человека, где даже похоронить меня будет некому!..

И тут Дуани кинулась ко мне и обвила меня руками.

— Вы все только и думаете о смерти и великих вещах! — закричала она. — У всех у вас есть пары, кроме самых старых! А ка-

ково мне? Даже поговорить не с кем! Я так устала бродить в одиночестве по улицам и думать о том, что скоро умру! Можно я возьму его себе, хоть ненадолго? Я разделю с ним свою воду, я же говорила!

Так на Земле дети просят за беспризорную собаку. А как сказано в одной древней книге, «живой пес лучше мертвого льва». Я надеялся, что они позволят ей сохранить мне жизнь.

Так они и поступили. Рул бросил на Дуани взгляд, исполненный усталого сочувствия, и поднял руку.

— Подождите! — обратился он к тем, кто поднял оружие. — Я придумал, чем этот человек может быть нам полезен. У нас осталось так мало времени, что жаль терять даже малые его крохи, а мы постоянно должны следить за машиной. Пусть чужак выполняет за нас эту работу. К тому же человеку для жизни нужно очень мало воды.

Они обдумали это. Некоторые начали спорить — их волновало даже не то, что мне достанется их вода, а то, что человек вторгся в Шандакор в его последние дни. Корин говорил то же самое. Но Рул был очень стар. Кисточки на его ушах стали бесцветными, как стеклянные нити, время изрезало лицо многочисленными морщинами и оставило в награду горькую мудрость.

— Да, если это человек из нашего мира. Но этот человек — землянин, а люди с Земли станут новыми правителями Марса, такими же, как мы когда-то. И на Марсе их будут любить не больше, чем нас, потому что они такие же чужаки.

Это их удовлетворило. Думаю, они подошли так близко к концу, что им все уже было безразлично. По одному и по двое все стали покидать комнату. Они и так уже потеряли слишком много времени и спешили вернуться к тем чудесам, которые ждали на улицах. Несколько мужчин продолжали держать меня под прицелом, пока другие принесли драгоценные цепи, вроде тех, что носили все рабы в этом городе. Они надели оковы на меня, и Дуани рассмеялась.

— Пойдем, — сказал Рул. — Я покажу тебе машину.

Мы вышли из комнаты и начали подниматься вверх по винтовой лестнице. В стенах зияли узкие амбразуры; выглянув в одну из них, я понял, что нахожусь на нижнем этаже той самой высокой башни с шаром наверху. Должно быть, меня отнесли обратно в башню, когда я сбежал от Дуани с ее смехом и камешками.

Я взглянул на ярко освещенные улицы, безмолвные и величественные, и спросил у Рула, почему нет призраков в башне.

— Ты видел наверху шар с кристаллическими стержнями?

— Да.

— Мы находимся в тени его ядра. Должно быть какое-нибудь убежище, где мы могли бы взглянуть в глаза реальности. Иначе пропадет смысл грез.

Крутая лестница шла все вверх и вверх. Цепь на моих лодыжках музыкально позвякивала. Несколько раз я спотыкался об нее и падал.

— Ничего, — сказала Дуани. — Ты скоро привыкнешь.

Наконец мы поднялись в круглую комнату, где-то на самом верху башни. Я остановился и замер, уставившись на открывшуюся моим глазам картину.

Большую часть комнаты занимало хитросплетение металлических балок, поддерживавших огромную светящуюся ось. Ось выходила куда-то наверх через отверстие в потолке. Она была не длинной, но очень массивной и вращалась плавно и бесшумно. Еще несколько отверстий служили для дополнительных осей и вращавших их зубчатых колес. Через одно из них вела наверх приставная лесенка.

На металлических поверхностях не было видимых следов коррозии. Я не смог понять, что это за сплав, и спросил об этом Рула, но он лишь печально улыбнулся в ответ:

— Знаниями овладевают лишь затем, чтобы вновь их утратить. Даже мы, в Шандакоре, забыли.

Почти все марсианские народы обрабатывают металл. У них к этому особый талант, а поскольку они никогда не были и, по-видимому, не будут технической цивилизацией, вроде той, что сложилась у нас, на Земле, марсиане находят металлу такие применения, какие бы нам и в голову не пришли.

Но сооружение, которое я видел перед собой, было вершиной искусства металлообработки. А когда я осмотрел нижнюю часть машины — маленькую, очень простенькую силовую установку и систему передачи вращения с гораздо меньшим количеством движущихся частей, чем это на мой взгляд возможно, я проникся еще большим уважением к ее создателям.

— Сколько же ей лет?

И опять Рул покачал головой:

— Первой записи о ежегодном Посещении Призраков уже несколько тысячелетий, но это было не первое Посещение.

Он жестом велел мне подниматься по лесенке вслед за ним и строго приказал Дуани оставаться внизу. Впрочем, она не послушалась.

Наверху была открытая огороженная платформа, прямо над которой и висел огромный шар с непонятными светящимися кристаллами. Под ногами у нас лежал яркий многоцветный ковер Шандакора, а на темных склонах долины располагилась многоплеменная армия — они ждали, когда погаснет свет.

— Когда не останется никого, чтобы следить за машиной, она остановится сама, и люди, которые ненавидели нас так долго, войдут в Шандакор и возьмут себе все, что хотят. Их сдерживает только страх. Богатства всего мира стекались к нашему городу...

Рул посмотрел на шар.

— Да, — сказал он. — Мы владели знанием. У нас, наверное, было больше знаний, чем у всех народов Марса, вместе взятых.

— Но вы ими не поделились.

Рул улыбнулся:

— А ты отдал бы детям оружие, которым они могут тебя уничтожить? Мы подарили людям более совершенные плуги и более яркие краски. Когда они изобретали свои машины, мы не препятствовали им. Но мы не стали искушать людей грузом чуждых знаний. Им вполне хватает мечей и копий — и удовольствия от битвы больше, и убитых меньше. Да и мир остался цел.

— А вы — как вы воевали?

— Мы защищали свой город. У людских племен нет ничего, чему мы могли бы позавидовать, поэтому нам незачем было на них нападать. А когда нападали они, мы побеждали.

Рул помолчал.

— Другие древние расы оказались более глупыми — или менее удачливыми. Они давным-давно погибли.

Он снова заговорил о машине:

— Она получает энергию прямо от солнца. Часть солнечной энергии преобразуется в свет и сохраняется внутри Шара. Другая часть передается вниз и используется для вращения оси.

— Что, если Шар остановится, пока мы все еще живы? — спросила Дуани. Девочка вздрогнула, глядя вниз, на освещенные улицы.

— Не остановится — если землянин хочет жить.

— А чего я добьюсь, если остановлю его? — спросил я.

— Ничего. Именно поэтому я тебе доверяю. Пока Шар вращается, варвары не доберутся до тебя. А когда мы уйдем, у тебя будет ключ к богатствам Шандакора.

Рул не сказал, как же я выберусь отсюда со всем этим богатством. Он снова указал мне на лестницу, но я спросил:

— А что такое Шар? Как он создает... Призраков?

Рул нахмурился:

— Боюсь, то, что я могу рассказать тебе, — не истинное знание, а всего лишь предание. Наши мудрецы глубоко проникли в тайну природы света. Они узнали, что свет оказывает определенное влияние на твердую материю, и решили, что в силу этого эффекта камень, металл и кристаллические структуры должны сохранять «память» о том, что когда-то «видели». Почему это так, я не знаю.

Я не сделал попытки объяснить ему, что такое квантовая теория и фотоэффект, не стал рассказывать об опытах Эйнштейна, Милликена и их последователей. Во-первых, я сам в этом плохо разбирался, а во-вторых, в древнемарсианском языке отсутствует необходимая терминология. Я только сказал:

— Мудрецы моего мира тоже знают, что свет, падая на поверхность, выбивает из нее маленькие частицы.

Я начал понимать, в чем тут дело. В электронной структуре металла «записаны» световые картинки, так же, как на пластинках, которые мы изготавлием, записан звук — и нужно лишь подобрать правильную «иголку», чтобы прочитать эту запись.

— Они изготовили Шар, — сказал Рул. — Я не знаю, сколько поколений трудилось над ним, не знаю, сколько было проведено неудачных опытов. Но им удалось найти невидимый свет, который заставляет камни отдать свои воспоминания.

Иначе говоря, они нашли свою иголку. У меня не было способа узнать длины волн света, испускаемого кристаллами Шара. Но там, где этот свет падал на каменные стены и мостовые Шандакора, появлялись запечатленные в камнях образы — так считающая игла может извлечь целую симфонию из маленького диска.

Интересно, как им удалось достичь выборочности и последовательности образов. Рул сказал что-то на тему о том, что «воспоминания» имеют разную глубину. Может, он имел в виду глубину проникновения. Камням Шандакора исполнилось уже много веков, верхние слои, должно быть, истерлись, и ранние «записи» могли перемешаться или превратиться в едва различимые обрывки.

Возможно, сканирующие лучи разделяли перекрывающиеся изображения по этой ничтожной разнице в их глубине... Как бы там ни было, призраки золотого прошлого бродили по улицам Шандакора, а последние представители его народа спокойно ждали смерти, вспоминая былую славу.

Рул снова отвел меня вниз и показал, в чем состоит моя задача — что и как смазывать какой-то странной смазкой и как следить за силовыми кабелями. Я должен был находиться около машины большую часть своего времени, но не постоянно. В свободные часы Дуани могла брать меня с собой, куда пожелает.

Старик ушел. Дуани прислонилась к балке и рассматривала меня с живым интересом.

— Как тебя звать? — спросила девочка.

— Джон Росс.

— Джонросс, — повторила она и улыбнулась. Она обошла вокруг меня, прикасаясь то к моим волосам, то к рукам и груди, радуясь как ребенок, когда обнаруживала очередное отличие между ней самой и тем, что мы зовем человеком.

И потекли дни моего плена.

Глава 6

И были дни и ночи, скудная пища и еще меньше воды. И была Дуани. И был Шандакор.

Страх я потерял. Доживу я до того, чтобы занять свое вожделенное Кресло, или нет, в любом случае здесь было на что по-

смотреть. Дуани повсюду меня сопровождала. Я с уважением относился к своим обязанностям — еще бы, ведь от этого зависела моя шея! — однако оставалось время и для того, чтобы просто побродить по улицам, поглядеть на пышный карнавал жизни, которой не было, и почувствовать тишину и запустение, столь ужасающе реальные.

Я начинал понимать, что это была за культура и как они смогли покорить весь мир, не прибегая к силе оружия.

Мы заходили в Зал Правительства — здание из белого мрамора с великолепными строгими фризами, — и я видел там церемонии выборов и коронации правителя. Мы посещали учебные заведения. Я видел молодых людей, обученных военному делу не хуже, чем мирным искусствам. Я видел прекрасные сады и места развлечений: театры, форумы, спортивные площадки, видел кузницы и ткацкие станки, где мужчины и женщины Шандакора творили красоту, чтобы потом обменять ее на необходимые им вещи из мира людей.

Рабов людской расы продавали в Шандакор такие же люди. С ними хорошо обращались — как обращаются с полезным животным, которое стоит денег. Рабы выполняли свою работу, но это была лишь малая часть всех трудов Шандакора.

В Шандакоре делали вещи, каких не встретишь на всем остальном Марсе — инструменты, ткани, украшения из металла и драгоценных камней, стекло и тонкий фарфор, — и народ Шандакора гордился своим искусством. Научные достижения они оставляли для себя — кроме тех, которые касались медицины, сельского хозяйства или архитектуры.

Они были законодателями и учителями. Люди брали то, что им давали, и ненавидели дающих. Как долго развивалась эта цивилизация, чтобы достичь такого расцвета, Дуани не могла мне сказать. Не знал и старый Рул.

— Известно, что у нас были правительство, письменность и система счета задолго до того, как они появились у людей. Мы унаследовали все это у другой, более древней расы.

В дни своего расцвета Шандакор был огромным процветающим городом, насчитывавшим десятки тысяч жителей. И никаких признаков нищеты и преступности. Во всем городе я не смог найти ни одной тюрьмы.

— За убийство карали смертью, — объяснил Рул, — но случались убийства крайне редко. А воровали только рабы — мы до такого не унижались.

Он взглянул на мое лицо и снисходительно улыбнулся:

— Удивляешься — огромный город, где нет ни преступников, ни потерпевших, ни тюрем?

Я должен был признать, что действительно поражен.

— Хоть вы и древняя раса, мне все равно непонятно, как вам это удалось. Я изучаю культуру — здесь и в своем родном мире.

Я знаю все теории развития цивилизации, я видел образцы, подтверждающие эти теории, однако вы не подходите ни под одну из них!

Улыбка Рула стала шире.

— Хочешь знать правду, человек?

— Конечно!

— Тогда я скажу тебе. Мы развили способность мыслить.

Сначала мне показалось, что он шутит.

— Постойте! — возразил я. — Человек — мыслящее существо, на Земле — даже единственное разумное существо.

— Не знаю, как на Земле, — вежливо ответил Рул, — но здесь, на Марсе, человек всегда говорит: «Я мыслю, я высшее существо, я обладаю разумом». И очень гордится собой, потому, что он мыслит. Это знак его избранности. Находясь в убеждении, что разум действует в нем автоматически, он позволяет управлять собой эмоциям и суевериям.

— Человек верит, ненавидит и боится, руководствуясь не разумом, а словами других людей или традициями. Он говорит одно, а делает другое, и его разум не объясняет ему, чем факты отличаются от вымысла. Он ввязывается в кровопролитные войны, подчиняясь чьим-то пустым прихотям — вот почему мы не даем человеку оружия. Величайшие глупости кажутся ему проявлениями высшего разума, подлейшие предательства он считает благородными поступками — вот почему мы не учим его правосудию. Мы научились мыслить. А человек научился только болтать.

Теперь я понимал, почему людские племена так ненавидят народ Шандакора. Я ответил сердито:

— Возможно, на Марсе это и так. Но только мыслящие существа способны развить высокие технологии, и мы, земляне, намного вас обогнали. Да, конечно, вы знаете некоторые вещи, до которых мы еще не додумались, — кое-что из оптики, электроники, да, может, еще несколько отраслей металлургии. Однако...

Я начал перечислять известные нам вещи, которых не было в Шандакоре:

— Вы пользуетесь лишь выючными животными и колесницами. А мы давно уже изобрели летательные аппараты. Мы покорили космос и планеты. Скоро мы завоюем звезды!

— Быть может, мы были не правы, — кивнул Рул. — Мы оставались здесь и завоевали самих себя.

Он взглянул на склоны холмов, на ожидающую армию варваров и вздохнул:

— В конце концов, уже все равно.

Так проходили дни и ночи. Дуани приносила мне пищу, делилась своей порцией воды, задавала вопросы и водила меня по го-

роду. Единственное, что она мне не показывала было какое-то место под названием «Дом Сна».

— Скоро я буду там, — как-то сказала девочка и поежилась.

— Скоро? — переспросил я.

— Рул следит за уровнем воды в цистернах, и когда придет время... — она сделала рукой неопределенный жест. — Пойдем на стену.

Мы поднялись на стену, пройдя между призрачных солдат и знамен. Снаружи царили тьма, смерть и ожидание смерти. Внутри сиял огнями Шандакор в своем последнем гордом великолепии, как будто не чувствуя надвигающейся тени гибели. Жутковатая магия действовала мне на нервы. Я смотрел на Дуани. Она перегнулась через парапет и глядела наружу. Ветер шевелил ее серебристый гребешок, прижимал к телу легкие одежды. В глазах Дуани отражался лунный свет, и я не мог прочесть ее мыслей. Потом я увидел, что глаза девочки полны слез.

Я обнял ее за плечи. Она была только ребенком, ребенком чуждой мне расы, такой непохожей на мою...

— Джонросс...

— Да?

— Так много осталось вещей, о которых я никогда не узнаю.

Я впервые прикасался к ней. Ее странные кудри шевелились под моими пальцами — живые и теплые. Кончики острых ушей были мягкими, как у котенка.

— Дуани!

— Что?

— Я не знаю...

Я поцеловал ее. Она отстранилась и испуганно посмотрела на меня своими сияющими черными глазами. Внезапно я перестал считать ее ребенком, забыл, что она не человек — это было важно.

— Дуани, послушай! Тебе не надо уходить в Дом Сна!

Она смотрела мне прямо в глаза. Плащ ее распахнулся от ночного ветра, руки упирались мне в грудь.

— Там, снаружи, целый мир, в котором ты сможешь жить. А если он тебе не понравится, я возьму тебя с собой на Землю. Тебе не зачем умирать!

Она продолжала молча смотреть на меня. Внизу, на улицах, горели яркие огни и бродили безмолвные толпы. Дуани перевела взгляд на мертвую долину за стенами города и холодные враждебные скалы.

— Нет.

— Но почему? Из-за Рула и всей этой болтовни о гордости расы?

— Такова правда. Корин понял это.

Я не хотел думать о Корине.

— Он был один, а ты — нет. Ты никогда не будешь одинока.

Дуани подняла руки и ласково провела ладонями по моему лицу.

— Вот он твой мир — та зеленая звезда. Представь себе, что он должен исчезнуть, и ты останешься последним человеком Земли. Представь, что ты вечно будешь жить со мной в Шандакоре — разве тебе не будет одиноко?

— Это неважно, если рядом будешь ты!

— Это очень важно. Наши расы так же далеки друг от друга, как звезды. У нас нет ничего общего.

Я вспомнил все доводы старого Рула, разозлился и наговорил ей гадостей. Она дала мне выговориться, потом улыбнулась:

— Все не так, Джонросс. — Дуани повернулась, чтобы взглянуть на город. — Это мой мир, и другого не будет. Когда он умрет, я умру с ним.

И тогда я возненавидел Шандакор.

После этого разговора я потерял сон. Каждый раз, когда Дуани уходила, я боялся, что она уже не вернется. Рул ничего не говорил, а я не осмеливался спрашивать. Часы летели как секунды, и Дуани была счастлива, а я — нет. Мои оковы запирались на магнитный замок. Я не мог открыть его и не мог порвать цепи.

Однажды вечером Дуани пришла ко мне с таким лицом, что я понял правду еще до того, как заставил ее рассказать, в чем дело. Она уцепилась за меня и не хотела разговаривать, но в конце концов произнесла:

— Сегодня мы бросали жребий, и первая сотня ушла в Дом Сна.

— Это только начало.

Дуани кивнула:

— Каждый день будет забирать с собой следующую сотню, и так пока все не уйдут.

Не в силах больше выносить эту пытку, я оттолкнул от себя Дуани и вскочил на ноги:

— Ты знаешь, как отпереть замок. Сними с меня цепи!

Она покачала головой:

— Давай не будем сейчас ссориться, Джонросс. Пойдем. Я хочу побродить по городу.

Но мы все же поссорились, и ссорились этой ночью еще много раз. Она не хотела покидать Шандакор, а я не мог увезти ее силой, потому что был скован цепями. Освободиться же от них я смогу лишь тогда, когда все, кроме старого Рула, уйдут в Дом Сна, достойно завершив долгую историю Шандакора.

Мы с Дуани проходили мимо танцоров, рабов и князей в ярких плащах... В Шандакоре не было храмов. Если этот древний народ и поклонялся чему-то, то только красоте, и весь город был их

святыней. В глазах Дуани светилось восхищение. Мысленно она теперь была очень далеко от меня.

Я держал ее за руку и смотрел на башни, украшенные бирюзой и киноварью, на мостовые из розового кварца и мрамора, на розовые, белые и алые коралловые стены, и все они казались мне безобразными. Призрачные толпы были только пародией на жизнь, роскошные миражи были ужасны, это был наркотик, западня.

А все эта их «способность мыслить», подумал я — и не увидел разума в этих словах.

Я взглянул на огромный шар, медленно поворачивавшийся в небе, Шар, который поддерживал иллюзии.

— Ты видела когда-нибудь город таким, какой он на самом деле — без Призраков?

— Нет. По-моему, только Рул, старший из нас, помнит, как это выглядело. Думаю, им было очень одиноко тогда — ведь даже в те времена нас оставалось меньше трех тысяч.

Да, им должно было быть одиноко. Наверное, Призраки требовались для того, чтобы заполнить пустые улицы, а не только чтобы отпугнуть суеверных врагов.

Мы долго шли молча. Я продолжал смотреть на Шар. Потом сказал:

— Мне пора возвращаться в башню.

Дуани нежно улыбнулась:

— Скоро ты избавишься от работы в башне — и от этого, — она прикоснулась к моим цепям. — Не надо, не грусти, Джон-росс. Ты будешь вспоминать меня и Шандакор, вспоминать, как сон.

Она подняла вверх лицо — такое милое и такое непохожее на мясистые лица земных женщин, и глаза ее светились темным огнем. Я поцеловал ее, а потом подхватил на руки и отнес обратно в башню.

В той комнате, где вращалась большая ось, я опустил ее на пол и сказал:

— Мне надо проверить, как дела внизу. Иди наверх, на платформу, Дуани, оттуда видно весь Шандакор. Я скоро поднимусь к тебе.

Не знаю, поняла ли Дуани, что у меня на уме, или это неизбежность скорой разлуки заставила ее взглянуть на меня так, как она взглянула. Я думал, она что-нибудь скажет, но она промолчала и послушно направилась к лесенке. Я смотрел, как ее золотистая фигурка исчезает в открытом люке. Потом спустился вниз.

Там был тяжелый металлический брус — деталь системы ручного управления скоростью вращения. Я вытащил его из гнезда. Потом повернул выключатели на силовой установке. Я вырвал все провода, разбил брусом все соединения, сокрушил все зубчатые

колеса и малые оси, стараясь проделать это как можно быстрее. Потом снова поднялся в комнатку с большой осью. Она все еще вращалась, но медленнее, гораздо медленнее.

Сверху раздался крик, и я увидел Дуани. Я подскочил к лесенке и заставил ее подняться обратно на платформу. Шар еще вращался, однако вот-вот должен был остановиться. Белые огоньки поблескивали на кристаллических выступах. Я вскарабкался на перила, цепляясь за стойки. Цепи на запястьях и лодыжках мешали мне, но до Шара я все же смог дотянуться. Дуани пыталась стащить меня вниз. По-моему, она кричала. Я подтянулся и разбил столько кристаллов, сколько смог.

Больше не было ни движения, ни света. Я спрыгнул обратно на платформу и уронил брус. Дуани забыла обо мне — она смотрела на город.

Разноцветные огни еще горели — темно и тускло, как тлеющие угли. Башни из бирюзы и нефрита все так же возвышались в свете лун, но теперь было видно, что они растрескались и потемнели от времени, и все их великолепие пропало. Они выглядели покинутыми и очень печальными. Ночь сгустилась у их подножия. Улицы, площади и торговые ряды опустели, мраморные мостовые лежали безжизненные и заброшенные. Со стен города исчезли все солдаты и знамена, и никакого движения не было видно у ворот.

Рот Дуани открылся в беззвучном крике. И, как будто в ответ, со всех окрестных холмов раздался протяжный вой, похожий на волчий.

— Зачем? — прошептала Дуани. — Зачем?

Она повернулась ко мне, и на лице ее была жалость. Я привлек ее к себе:

— Я не мог позволить тебе умереть! Умереть за видения, за тени, ни за что! Посмотри, Дуани! Посмотри на Шандакор!

Я хотел заставить ее понять.

— Шандакор разрушен, безобразен и пуст. Это мертвый город, а ты — живая! Городов на свете много, а жизнь у тебя только одна!

Дуани продолжала смотреть на меня, но я не мог заглянуть ей в глаза. Она сказала:

— Все это мы знали, Джонросс.

— Дуани, ты только ребенок и рассуждаешь как ребенок. Забудь о прошлом, думай о завтрашнем дне! Мы сможем пройти мимо варваров. Корин же смог. А потом...

— А потом ты останешься человеком — а я никогда им не буду.

Снизу, с темных пустых улиц донесся плач. Я пытался удержать Дуани, но она выскользнула у меня из рук.

— Я даже рада, что ты человек... Ты никогда не поймешь, что ты наделал.

И она убежала вниз по лестнице — убежала прежде, чем я успел ее остановить.

Я спускался следом за ней, звеня своими цепями, вниз, по бесконечным лестницам. Я выкрикивал ее имя, но изящная золотистая фигурка мелькала далеко впереди на темных пустых улицах — все дальше и дальше... Цепи волочились за мной по земле и мешали идти. Ночь поглотила ее.

Я остановился. Гнетущая тишина пустого города обрушилась на меня, и я испугался этого незнакомого мертвого Шандакора. Я звал Дуани и искал ее повсюду на темных разрушенных улицах. Теперь я понимаю, как долго я ее искал.

Потому что когда я нашел ее, она была уже вместе с остальными. Последние обитатели Шандакора, мужчины и женщины, молча шли, растянувшись длинной цепочкой по направлению к зданию с плоской крышей — очевидно, это и был Дом Сна. Женщины шли впереди.

Они шли умирать, и на их лицах больше не было гордости. Там была боль, боль и усталость, и они шли медленно, не глядя по сторонам, не желая смотреть на жалкие полуразрушенные улицы, которые я лишил славы и великолепия.

— Дуани! — закричал я и рванулся вперед, но она не обернулась и не покинула свое место в цепочке. Я увидел, что она плачет.

Рул обратился ко мне с выражением усталого презрения на лице, и это было хуже самых страшных проклятий:

— К чему нам убивать тебя теперь?

— Но это я сделал все это! Я!

— Ты всего лишь человек.

Длинная очередь подвинулась еще немного, и маленькие ножки Дуани оказались на целый шаг ближе к последней двери.

Рул поднял голову и взглянул на небо:

— До рассвета еще есть время. По крайней мере женщины будут избавлены от копий варваров.

— Позвольте мне пойти с ней!

Я попытался последовать за Дуани, найти себе место в цепочке, и тогда поднялась рука Рула с оружием. А потом осталась только боль. Я лежал, как лежал когда-то Корин, а они молча уходили в свой Дом Сна.

Меня нашли варвары, когда пришли в город после восхода солнца, все еще не веря своим глазам. Думаю, они боялись меня. Скорее всего они сочли меня колдуном, который неизвестно как сумел уничтожить весь народ Шандакора.

Потому что они разбили мои цепи, залечили раны и даже дали мне потом ту единственную вещь из всей их добычи, которую я хотел получить, — фарфоровую головку молодой девушки.

Я сижу в своем Кресле в Университете, в том, которого я так жаждал, и мое имя занесено в списки первооткрывателей. Я знаменит, меня уважают — меня, человека, уничтожившего величие целой расы!

Почему я не пошел за Дуани в Дом Сна? Я мог бы вползти туда! Я мог подтащить свое тело к двери!.. И, о Боже, как бы мне хотелось, чтобы я это сделал!

Я хотел бы умереть вместе с Шандакором.

2031: БАГРОВАЯ ЖРИЦА БЕЗУМНОЙ ЛУНЫ

Из обзорного «пузыря» двухтурбинного «Годдарда» Харви Селден наблюдал, как постепенно увеличивается, приближаясь, желтовато-коричневое лицо планеты. Он уже мог различить красные пятна пустынь, где гуляли песчаные смерчи, темные участки растительности, похожие на жатый шелк, пару раз поймал яркий блик воды, сверкнувший на каком-то канале. Он сидел неподвижно, в блаженном восхищении. Он очень боялся, что эта встреча разочарует его: миллион раз с самого детства он наблюдал картину посадки на Марс на трехмерном экране, что давало почти реальные ощущения. Но настоящая реальность имела несколько иной, неповторимый привкус опасности, волнующий и будоражащий.

В конце концов, это чужая планета...

Наконец-то Марс...

Он даже немного рассердился, когда заметил, что в обзорную кабину вошел Бентам. Бентам был третьим пилотом, а в его возрасте это равносильно признанию в том, что ты неудачник. Причина же неудач со всей очевидностью отпечаталась на его физиономии, и Харви от души сочувствовал Бентаму — как сочувствовал бы любому человеку, страдающему алкоголизмом. С другой стороны, Бентам был приятен в общении и с большим уважением относился к обширным познаниям Селдена в марсианской истории. Так что Селден кивнул и улыбнулся.

— Потрясающе, — сказал он.

Бентам посмотрел на стремительно несущуюся навстречу планету.

— Это всегда производит впечатление. У вас есть знакомые на Марсе?

— Пока нет. Но когда я зарегистрируюсь в Бюро...

— А когда вы это сделаете?

— Завтра. Я имею в виду, отсчитывая от момента посадки, разумеется... Ужасно странная штука этот провал во времени, правда?

Они раза три-четыре облетели вокруг планеты, сужая орбиту, что было равносильно трем-четырем земным суткам.

— Значит, на данный момент вы здесь никого не знаете, — подытожил Бентам.

Селден покачал головой.

— Отлично, — сказал Бентам. — Сегодня я ужинаю у своих марсианских друзей. Почему бы вам не пойти со мной?

— Да я бы с удовольствием, — с воодушевлением начал Селден. — Но вы уверены, что ваши друзья не будут против? Ну, сами понимаете, незваный гость, да еще в последний момент...

— Они не будут против, — заверил его Бентам. — Я успею их подготовить. Где вы остановитесь?

— В «Кахора-Хилтоне».

— Отлично. Заеду за вами около семи. — Бентам улыбнулся. — По кахорскому времени.

Он вышел, оставив Селдена терзаться запоздалыми сомнениями.

Пожалуй, Бентам не тот человек, который должен ввести Селдена в марсианское общество. И все же он офицер и с некоторой натяжкой сойдет за джентльмена. К тому же давно болтается на Марсе. Конечно, у него куча знакомых, и какое это негаданное везение — оказаться сразу после прилета в марсианском доме и познакомиться с марсианской семьей!

Селден уже стыдился своей нерешительности и постарался найти объяснение в виде чувства незащищенности, возникшего на основе совершенно чужого окружения. Найдя причину своих страхов, он без труда устранил проблему. Минут через пятнадцать активного самовнушения он был в полном порядке и с трудом дождался наступления вечера.

Кахора выросла за пятьдесят лет. Первоначально она была обычным торговым городом в рамках весьма непопулярного Зонтичного Договора, прозванного так потому, что им можно было прикрыть какое угодно безобразие. Договор этот был заключен между Всемирным правительством Земли и марсианской обнищавшей Федерацией Городских Штатов. В те времена весь город умещался под одним куполом с искусственным климатом; там останавливались заезжие торговцы со всех миров и политики, не привычные к пронизывающему холоду и разреженному воздуху Марса. Но торговые города славились не только искусственным климатом, а и высокоразвитой индустрией порочных развлечений, за что их порой сравнивали с некоторыми библейскими городами. Там процветала преступность и случались весьма неприятные вещи — вплоть до убийств.

Но все это — или во всяком случае почти все — было в старые скверные дни *laissez-faire*, попустительства, теперь же Кахора была административным центром Марса, и укрывал ее комплекс из восьми сверкающих сфер. Из космопорта, расположенного в пятнадцати милях от Кахоры, город казался Селдену скопищем бледно сияющих пузырей осенней паутины, тронутых лучами заходящего солнца. Пока флаер, который он взял в космопорту, летел над милями красного песка и темно-зеленых лишайников, в быстро сгустившихся сумерках под куполами зажглись огни, и здания внутри их обрели очертания — дома поднимались вверх чистые,

изящные, окутанные сиянием. Селден подумал, что никогда еще не видел такой красоты.

На посадочной площадке, расположенной прямо в одной из сфер, его подобрал бесшумный, работающий на батареях кеб и повез в гостиницу по изысканным улицам, где сияли огни и неспешно прогуливались люди различных рас. Весь этот отрезок пути — от момента высадки с космического корабля до гостиничного вестибюля — прошел в комфорте, поддерживаемом кондиционерами, за что Селден возблагодарил судьбу: вид за окном был ужасно мрачный, и было понятно, что там ужасно холодно. Перед тем как зайти в шлюз, флаер пересек канал Кахоры, в котором вода сверкала как черный лед. Селден понимал, что ему придется смириться и принять все это, — но пока он не спешил.

Комната в отеле оказалась по-домашнему уютной, а вид из окна превосходным. Селден принял душ и побрился, надел свое лучшее платье из темного шелка, а потом немного посидел на маленьком балкончике, выходящем на Треугольник, где скульптуры Трех Миров украшали вершину.

В теплом воздухе витал какой-то слабый приятный аромат. Городской шум, доносящийся снизу, был неназойливым, мягким. Селден снова и снова перебирал в памяти правила местного этикета, которые он специально изучил на случай посещения марсианского дома — традиционные церемонные фразы и жесты. Интересно, подумал он, на каком языке говорят друзья Бентама — на верхнемарсианском или на нижнемарсианском? Скорее на нижнемарсианском, потому что марсиане предпочитают общаться с пришельцами из других миров именно на нем. Селден надеялся, что у него не слишком ужасный акцент. В целом он чувствовал себя уверенно.

Селден откинулся на спинку удобного кресла и посмотрел на небо.

Там было две луны. Они быстро перемещались над искривленным сверканием купола. Почему-то именно это — хотя Селден прекрасно знал, что у Марса две луны, — потрясло его. Только теперь он по-настоящему осознал, ощутил не разумом, но всем своим существом, что он в чужом, неизвестном мире, далеко-далеко от дома.

Селден спустился в бар и принялся ждать Бентама.

Тот приехал вовремя, сменив форму на свежий костюм из шелка, и — что было особенно приятно — совершенно трезвый. Селден угостил его выпивкой, и потом они вместе сели в кеб, который не спеша повез их из центрального купола в другой, стоящий в отдалении.

— Это самый первый, — пояснил Бентам. — Сейчас здесь расположены исключительно жилые дома. Здания более старые, но очень комфортабельные.

Кеб остановился на площади, на перекрестке, ожидая, пока пройдет поток машин, и Бентам показал на крышу купола:

— Видели луны? Сейчас они обе на небе. Именно это больше всего бросается в глаза, когда прилетаешь сюда впервые.

— Да, — кивнул Селден. — Я видел их. Это... это ошеломляюще.

— Та, которую мы называем Деймосом — во-он та... ее марсианская название — Вашна... это та самая, которую в определенных ее фазах называли Безумной луной.

— О нет, — возразил Селден, — Это был Фобос. Дендерон.

Бентам покосился на него, и Селден слегка покраснел.

— Во всяком случае, я так считал. — Селден совершенно не сомневался, но все же... — Конечно, вы бывали здесь столько раз, а я вполне могу ошибаться...

Бентам пожал плечами:

— Это можно легко проверить. Спросим у Мака.

— У кого?

— У Фирсы Мака. Нашего хозяина.

— Не надо, — смутился Селден, — я не...

Но кеб тронулся дальше, и Бентам уже показывал на что-то за окошком, так что Селден не успел договорить.

Машина остановилась у здания бледно-золотого цвета, расположенного почти у самой стены купола. Спустя несколько минут Селдена представили Фирсе Маку.

Ему доводилось видеть марсиан, но редко и никогда в домашней обстановке. Это был темнокожий, невысокий, худощавый, вкрадчивый, как кошка, человек с удивительными желтыми глазами. На нем была традиционная белая туника торговых городов — экзотичная и очень изысканная. В левом ухе висело золотое кольцо — бесценная древность, как определил Селден. Хозяин был совсем не похож на тех плотных и мягкотелых марсиан, которых Селден встречал на Земле. Он даже вздрогнул под его взглядом, и заготовленные приветствия застряли у него в горле. Впрочем, в пышных приветствиях никто и не нуждался. Фирса Мак протянул руку и сказал:

— Привет. Добро пожаловать на Марс. Заходите.

Хозяин весьма дружелюбно показал ему в сторону комнаты с низким потолком и стеклянной стеной, сквозь которую была видна омытая лунным светом пустыня, простиравшаяся за куполом. Мебель была современная, простая и очень удобная. Комнаты оживляли редкостные вещицы: статуэтки, тарелочки на стене — красивые, однако ничем не отличающиеся от обычных марсианских поделок, которые продаются в специализированных магазинах Нью-Йорка.

На одном из диванов расположился длинноногий землянин — что-то пил из стакана и дымил как паровоз. Его звали Альтман. Кожа на лице у него была выдублена солнцем, и он посмотрел на Селдена словно из заоблачных высей. Подле него калачиком

свернулась молодая девушка или женщина... Селден так и не разобрал, потому что кожа на лице у нее была гладкая-гладкая, а глаза такие же желтые и немигающие, как у Фирсы Мака, слишком мудрые и всезнающие.

— Моя сестра, — представил Фирса Мак. — Миссис Альтман. А это Лелла.

Он не уточнил, кто это — Лелла, но в тот момент Селдену было не до того.

Девушка как раз вошла в комнату из кухни, неся поднос с каким-то угощением, одетая по-марсиански. Селден часто читал о таких нарядах, но никогда не видел воочию. Полотнище сверкающего шелка — не то красного, не то темно-оранжевого — было обернуто вокруг ее бедер и захвачено на талии широким кушаком. Из-под юбки виднелись тонкие смуглые лодыжки, с ножными браслетами в виде маленьких золотых колокольчиков, которые слабо позвякивали при ходьбе. Кроме юбки на девушке не было ничего — обнаженное великолепно вылепленное тело представляло во всей красе. Ожерелье из золотых кружочков, затейливо просверленных и украшенных чеканкой, обвивало шею, и еще два маленьких колокольчика висели в ушах. Волосы у нее были черные, как ночь, и длинные, а глаза — зеленые, с очаровательной раскосинкой.

Она улыбнулась Селдену и отошла, издавая волшебную музыку, а он остался стоять, глупо глядя ей вслед и даже не сознавая, что взял у нее с подноса бокал с темным ликером.

Вскоре Селден уже сидел на кушетке между Альтманом и Фирсой Маком, Бентам устроился напротив. Лелла все входила и выходила, отвлекая его внимание, вновь и вновь наполняя бокалы странным, пахнущим дымом и обжигающим, словно адское пламя, напитком.

— Бентам сказал, что вы связаны с Бюро межпланетных культурных связей, — заметил Фирса Мак.

— Да, — кивнул Селден. Альтман продолжал изучать его все с тем же странным выражением отрешенности на лице, от чего Селдену сделалось как-то неуютно.

— Ясно... А чем вы, в частности, занимаетесь?

— Ремеслами. Ручной работой по металлу. Э-э... старинные вещи, например, как вот это... — Селден показал на ожерелье Леллы, и она улыбнулась ему.

— Оно очень старое, — подтвердила девушка; ее голос был сладок, как перезвон колокольчиков. — Я даже не берусь сказать, какой оно эпохи.

— Узоры, — определил Селден, — типичны для семнадцатой династии Халидских королей Джеккары; чье правление длилось примерно две тысячи лет. В тот период Джеккара утрачивала свои позиции морской державы. Море существенно отступило, м-м... примерно четырнадцать—шестнадцать тысячелетий назад.

— Оно такое древнее? — удивилась Лелла, с изумлением при-
тронувшись к ожерелью.

— Как сказать, — возразил Бентам. — Ожерелье настоящее, Лелла, или это копия?

Лелла опустила на колени рядом с Селденом.

— Вы наверняка сможете определить.

Они все ждали. Селдена прошиб пот. Он изучал сотни таких ожерелий, но никогда в подобной ситуации — в марсианском доме. Внезапно его стали одолевать сомнения в том, что эта чертова штука действительно подлинная, и он понял, что они-то все точно знают, только нарочно дразнят его.

Кружочки медленно поднимались и опускались на груди Леллы в такт ее дыханию. Слабый суховатый, но острый аромат ще-котал его ноздри. Селден потрогал золото, приподнял один из кружочков и пощупал его, еще теплый от кожи Леллы... и страстно возжелал заглянуть в какую-нибудь немудреную книгу-пособие, в которой есть диаграммы и иллюстрации — и больше ничего такого, что отвлекает внимание от предмета.

Его так и подмывало послать их ко всем чертям. Они же явно ждали, когда он совершит ошибку. А потом Селден вдруг разозлился и грубо просунул всю пятерню под воротник, отрывая ожерелье от шеи и пробуя его на вес. Золото было тонким, изношенным и легким как бумага, а с обратной стороны виднелись следы древней чеканки, выполненной в манере Халидских ремесленников.

Это был весьма поверхностный осмотр, но кровь в нем заиграла, и, взглянув в раскосые зеленые глаза, он важно произнес:

— Ожерелье подлинное.

— Вот хорошо, что вы смогли это определить! — Лелла взяла его руку в свои, сжала ее и радостно засмеялась. — Вы долго учились?

— Очень долго.

Селден был доволен собой. Он не позволил им уложить себя на лопатки. Адский ликер ударил ему в голову, и она слегка гудела, а близость Леллы действовала еще более опьяняюще.

— Ну и что вы намереваетесь делать теперь с вашим знанием? — спросила девушка.

— Ну-у... — задумался он, — вы же знаете, что многие древние ремесла забыты, секреты утеряны, а ваш народ нуждается в развитии экономики, так что Бюро надеется запустить программу возрождения ремесел, заново научить людей работать по металлу в таких местах, как Джеккара и Валкис...

— О Господи Всемогуший, черт бы тебя подрал, — непонятно пробормотал Альтман.

— Простите, что вы сказали? — переспросил Селден.

— Да нет, ничего, — ответил Альтман. — Ровным счетом ничего.

Бентам повернулся к Фирсе Маку:

— Кстати, у нас с Селденом по дороге сюда возникло некоторое разногласие. Возможно, он прав, но я обещал уточнить...

— Не надо об этом, Бентам, — торопливо вставил Селден.

Однако Бентам уперся.

— Мы поспорили о Безумной Луне, Фирса Мак. Я сказал, что это Вашна, а Селден уверяет, что Дендерон.

— Конечно, Дендерон, — отозвался Фирса Мак и посмотрел на Селдена. — Значит, вам и об этом известно.

— О! — сконфузился Селден, злясь на Бентама за его беспардонность. — Пустяки. Мы же прекрасно понимаем, что все это было ошибкой.

Альтман так и подался вперед:

— Ошибкой?!

— Ну разумеется. Первые отчеты... — Селден взглянул на Фирсу Мака, его сестру и Леллу. Они все так и ждали продолжения, и он неловко закончил: — Я хочу сказать, что все эти истории — результат фольклорных напластований и искажений, неправильное истолкование местных обычаев, наконец просто невежество... А в некоторых случаях и заведомая ложь, фальсификация. — Он неодобрительно махнул рукой. — Мы не верим в обряд Багровой Жрицы и прочую подобную ерунду. Другими словами, мы не думаем, что подобное вообще когда-либо имело место.

Он надеялся, что на этом тема будет исчерпана, но Бентам был твердо намерен довести дело до конца.

— Я читал показания свидетелей, Селден.

— Все это липа. Байки путешественников. В конце концов, те первопроходцы, что стояли у истоков изучения Марса, принадлежали к типу пиратов-авантюристов. Среди них не было исследователей, на чьи суждения можно положиться...

— Мы им больше не нужны, — негромко произнес Альтман, глядя сквозь Селдена и словно не видя его. — Они совсем не нужны в нас. — И он пробормотал что-то начет метания бисера и менял в храме.

Селден вдруг с ужасом понял, что Альтман как раз относил себя именно к тем самым пиратам-авантюристам, о которых Селден столь неодобрительно отозвался.

А потом Фирса Мак спросил у него с серьезным любопытством:

— Скажите, почему вы, молодежь Земли, всегда готовы растоптать то, чего достигли ваши же люди?

Селден почувствовал на себе взгляд Альтмана, но уже так увяз во всем этом дерьме, что отступать было просто некуда. А потому он ответил со спокойным достоинством:

— Потому что мы понимаем, что наши люди наделали ошибок и нужно честно признать их.

— Весьма благородно, — кивнул Фирса Мак. — Однако касательно Багровой Жрицы...

— Смею заверить вас, — поспешно сказал Селден, — что про эту утку уже никто и не вспоминает. Серьезные, более образованные исследователи, антропологи и социологи, пришедшие вслед за... э-э... искателями приключений, могли правильно оценить данные. Они совершенно отвергли теорию, что этот ритуал был связан с человеческими жертвоприношениями, и, разумеется, чудовищный Повелитель Мрака, которому служила жрица, являл собой рудиментарную память о чрезвычайно древнем Боге Марса. Я имею в виду примитивную веру в силы природы, стихии — например, небеса или ветер...

— Но ритуал существовал... — негромко произнес Фирса Мак.

— Да-да, — нетерпеливо прервал его Селден. — Несомненно. Однако эксперты доказали, что это было нечто рудиментарное... как... ну, например, как танцы наших земных детишек вокруг майского дерева.

— Обитатели Нижних Каналов, — мрачно изрек Альтман, — никогда не плясали вокруг майских деревьев.

Он медленно встал, и Селден увидел, что тот как бы растет и растет над ним. У него самого рост был не меньше чем шесть футов шесть дюймов, но даже при этом Селден чувствовал, как глаза Альтмана буравят его.

— Сколько ваших хваленых наблюдателей побывало в горах за Джеккарой?

Селден уже начинал злиться. Похоже, его заманивают в какую-то ловушку.

— Вы же знаете, что до недавнего времени города Нижних Каналов были закрыты для землян...

— Кроме горсточки искателей приключений.

— Которые оставили после себя чрезвычайно сомнительные записи! Но даже теперь, чтобы попасть туда, необходимо извести горы бумаги и пройти через чиновничью волокиту для получения диппаспорта, и все равно, даже когда ты все-таки попадаешь на место, тебя почти никуда не пускают. И все же это начало, во всяком случае, мы надеемся, и мы сумеем убедить жителей Нижних Каналов в нашей дружественности и желании помочь. Очень жаль, что их скрытность создала такое дурное впечатление о них же самих. Многие десятилетия мы черпали сведения о Нижних Каналах лишь из сенсационных рассказов первых путешественников и чрезвычайно предвзятых — как мы поняли позже — оценках Городских Штатов. Мы привыкли считать Джеккару и Валкис, гм-м, настоящими вертепами, средоточиями порока...

Альтман глядел на него с улыбкой:

— Мой дорогой мальчик, они такие и есть. Именно такие.

Селден попытался вырвать руку из ладоней Леллы. Но обнаружил, что не в состоянии этого сделать — и тогда он впервые немножечко испугался.

— Я не понимаю, — жалобно проговорил он. — Зачем вы меня пригласили? Чтобы дразнить? Если да, то мне кажется, это не... Бентам, вы куда?

Бентам стоял на пороге. Теперь дверь казалась гораздо дальше, чем помнилось Селдену, и между ним и Бентамом сгустился какой-то туман, так что фигура пилота плыла и колебалась. Тем не менее Селден разглядел, как тот поднял руку в знак приветствия и помахал ему. Потом он исчез, и Селден, чувствуя себя покинутым и совсем одиноким, заглянул Лелле в глаза:

— Я не понимаю... Я не понимаю.

Глаза у нее были зеленущие, огромные и совершенно бездонные. Он почувствовал, что куда-то падает — и в голове у него все завертелось. Он полетел в бездонную пропасть — а потом бояться было уже поздно.

Сначала к нему вернулся слух, и Селден услышал мерный гул двигателей. Потом он ощутил, что летит через воздушное пространство и его время от времени слегка трясет. Он открыл глаза в паническом страхе.

Несколько минут он видел только густой туман. Наконец туман рассеялся. Селден узрел прямо перед своим носом золотое ожерелье Леллы и с отчетливостью припомнил, как напыщенно и велеречиво рассказывал о нем присутствовавшим. Простая и очевидная правда выкристаллизовалась в его мозгу.

— Вы из Джеккары, — сказал он и только тогда ощутил, что рот у него заткнут кляпом.

Лелла вздрогнула и посмотрела на него:

— Он проснулся.

Фирса Мак поднялся и наклонился над пленником, обследуя кляп и старинные наручники у него на запястьях. И снова Селден поежился под взглядом этих свирепых сверкающих глаз. Фирса Мак стоял в нерешительности, явно колеблясь, убрать или оставить кляп — и Селден прочистил горло и собрал все свое мужество, намереваясь потребовать объяснений. Но из кабины слышался звонок, вероятно, сигнал пилота, и в тот же момент курс изменился. Фирса Мак покачал головой:

— Позже, Селден. Пока потерпите. Я не могу довериться вам, и все мы в смертельной опасности, не только вы... Хотя вы — более, чем кто бы то ни был. — Он наклонился вперед. — Так нужно, Селден. Поверьте.

— Не просто нужно, — добавил Альтман, согнувшийся крючком под потолком кабины, — а жизненно необходимо. Потом вы поймете, позже.

— Не знаю, поймет ли, — резко сказала Лелла.

— Если не поймет... — проговорил Альтман, — да поможет им всем Бог. Всем, ибо тогда не поймет никто.

В кабину вошла миссис Альтман с ворохом тяжелых плащей. Все они переоделись после того, как Селден потерял сознание; все, кроме Леллы, которая только набросила сверху накидку из натуральной шерсти. Миссис Альтман теперь была в наряде жительницы Нижних Каналов, Фирса Мак облачился в алую тунику, захваченную на бедрах широким поясом. Альтман же словно родился в своем кожаном костюме кочевника. Наверное, он слишком высок, догадался Селден, чтобы сойти за жителя Джеккары. Альтман носил свой наряд пустыни с такой естественностью, словно давно сроднился с ним.

Селдена поставили на ноги и завернули в плащ. Тут он заметил, что его тоже успели переодеть в охряно-желтую тунику, а голые руки и ноги натерли чем-то черным. Потом они опять привязали пленника к креслу и принялись ждать, пока вертолет совершит посадку.

Спина у Селдена затекла от напряжения и страха. Он все перебирал и перебирал в уме подробности событий, пытаясь понять, как случилось, что он оказался здесь. Но никакого смысла во всем этом не было. Одно лишь очевидно: Бентам нарочно заманил его в ловушку. Но зачем? Зачем? Куда его везут, что намерены с ним сделать?

Он попытался заняться психотерапией, однако это было нелегко — вспомнить все те мудрые вещи, которые казались действительно мудрыми, только когда он слышал их, — и пленник все смотрел и смотрел на лица Альтмана и Фирсы Мака.

Что-то странное чувствовалось теперь в них обоих, чего прежде Селден не замечал. Он попытался понять, что именно. Их лица стали суше, подтянутей, чем прежде, а мускулы — жилистей и рельефней, и вообще в их движениях, их повадках сквозила ленивая грация крупных хищников. Но было в них еще что-то, еще более разящее, пугающее — что-то в выражении глаз, в складках у рта — и Селден понял, что это жестокие люди, которые способны ударить, ранить и, возможно, даже убить. Он боялся их. И в то же время ощущал свое превосходство.

Небо посветлело. Селден уже мог разглядеть мчащуюся под ними пустыню. Вертолет совершил посадку, взвихрив огромный столб песка и пыли. Альтман и Фирса Мак выволокли пленника из машины. Сила их устрашала.

Вертолет улетел.

У Селдена перехватило дыхание от мороза и разреженного воздуха. Кости у него как будто стали хрупкие, а легкие словно ножами кололо. Остальные, казалось, даже неудобства не заметили. Селден закутался в плащ, помогая себе скованными руками, и зубы его лязгали через тряпку кляпа. Неожиданно Лелла протянула

к нему руку и резко надвинула капюшон почти до самого подбородка. В нем оказались прорезы для глаз, так что капюшон, вероятно, спасал от песчаных бурь, но он тер лицо и неприятно пахнул. Селден никогда еще не чувствовал себя таким несчастным.

Рассвет заливал пустыню ржаво-красной краской. Цепь изъеденных временем гор, голых, как окаменевшие позвонки доисторического чудовища, тянулись вдоль горизонта на севере. А совсем рядом находилась беспорядочная груда скалистых валунов, самых фантастических очертаний, которые выточили ветер и песок. Из-за скал появился караван.

Селден услышал звон колокольчиков и тяжелые шаги косолапых лап. Этих зверей он видал на картинках. В своем истинном виде, покрытые чешуей, шагающие по красному песку со всадниками на спинах, они казались настоящими привидениями из каких-то древних и страшных времен. Монстры подошли ближе и остановились, шипя и переступая лапами и выкатывая круглые глаза на Селдена. Им явно не нравился его запах, несмотря на весь марсианский маскарад. К Альтману они отнеслись спокойно. Возможно, он прожил с марсианами уже так долго, что уже пахнул, как они.

Фирса Мак обменялся короткими фразами с погонщиком каравана. Встреча была явно запланированной, так как в караване нашлись свободные звери. Женщины легко взобрались на их спины. Селдена едва не стошнило при одной только мысли, что ему придется ехать верхом на такой твари. Однако в данный момент его гораздо больше страшила перспектива быть брошенным в пустыне. Так что он не стал возражать, когда Фирса Мак и Альтман взгрозили его на седельную подушку. Караван тронулся с места, направляясь к горам на севере.

Спустя час Селдена терзали уже три напасти — холод, жажда и боль в ягодицах от непривычных движений. К полудню, когда путники остановились на привал, он был уже почти в полубессознательном состоянии. Альтман и Фирса Мак помогли ему спешиться, а потом отнесли к скалам, где вытащили кляп изо рта и дали ему напиться. Солнце теперь стояло высоко, пронзая тонкий слой атмосферы, как пылающий скальпель хирурга. Оно обожгло щеки Селдену, но по крайней мере он согрелся — вернее, почти согрелся. Ему хотелось остаться там, где он есть, и умереть. Но Альтман не ведал жалости.

— Вы же мечтали попасть в Джеккару, — сказал он. — Ну вот, вы и идете... правда, немного раньше, чем планировали, только и всего. Какого черта, мальчик, ты думал, что это будет прогулка — как в Кахору?

И он снова взвалил Селдена, как тюк, на седло, и караван тронулся.

В полдень поднялся ветер. Вообще-то ветер дул постоянно, не прекращаясь ни на мгновение, но очень тихо, как-то устало, бродя в песках, поднимая то там то сям горсточку пыли и тут же роняя ее обратно. Он легонько лизал вздымавшиеся утесы, подправляя прорезавшиеся бороздки на их ликах в слегка другой узор. Но теперь... Теперь ветер, словно взбесившись от недовольства плодами собственного труда, вознамерился стереть все, что было — и начать заново. Он собрался с силами и с визгом понесся над землей.

Селдену показалось, что вся пустыня снялась с места и полетела подобно блуждающему красному облаку. Солнце исчезло. Альтман и Фирса Марк, которые держали поводья его зверя, скрылись из виду. В жалком, паническом страхе пленник прижался к седельной подушке, не отрывая глаз от видневшегося кусочка повода: он знал, что, когда тот ослабнет, всему конец. Значит, он безвозвратно заблудился в пустыне.

А потом ветер стих, так же внезапно, как и поднялся, и песок снова неторопливо покатиł вперед свои вечные волны.

Вскоре после этого в свете длинной красной полоски на западе караван спустился в лощину — к темной воде, сверкавшей среди одиночества. Вокруг водоема зеленели полосы растительности. В воздухе стоял запах сырости и живых растений, и старинный мост вел через канал в город, за которым вздымались голые горы.

Селден знал, что это Джеккара. Пленника объял благоговейный ужас. Даже теперь мало кому из землян удавалось увидеть Джеккару. Он глядел сквозь прорези в капюшоне, различая сначала только розово-красные скопления камней, а потом солнце спустилось, и тени сместились, и стало ясно, что это дома, враставшие все глубже и глубже в скалу.

Вдалеке Селден различил руины большого замка, окруженного стенами, в котором, как он знал, жили пресловутые халидские короли, и Бог знает, сколько династий правителей обитало там до них, когда пустыня была еще дном синего моря, ведь и по сей день сохранился маяк на бывшем уровне океана: он стоял одиноко, возвышаясь над мертвой гаванью — теперь уже посреди гор.

Селден вздрогнул, ощутив невыносимый груз истории, в которой ему и ему подобным не было места, и подумал, что, возможно, глупо и самонадеянно — пытаться лезть к этим людям со своими дурацкими советами.

Это чувство неотвязно преследовало его, пока он шел по мосту. До середины моста. К тому моменту свет на западе погас, и факелы зажглись на улицах Джеккары, сотрясаемой пустынным ветром.

Внимание Селдена переключилось с древней истории на современную жизнь, и он опять задрожал, хотя теперь по иной причине. Верхний город был мертв, нижний — еще жив, и что-то в его виде, шуме и запахе буквально потрясло Селдена. Потому что все было именно так, как описывали первые путешественники-авантюристы в своих крайне сомнительных дневниках.

Караван подошел к широкой площади, выходявшей на канал, звери осторожно, недовольно ступали, выбирая место, куда поставить лапу среди покосившихся, вросших в землю каменных плит. Навстречу вышли люди. Селден даже и не заметил, как Альтман и Фирса Мак тихонько переместили его в самый конец каравана; он опомнился только тогда, когда его отвязали и осторожно повели вверх по узенькой лестнице между низкими каменными домами с глубокими дверными проемами и крохотными оконцами. Все углы у этих домов были стесаны, слизаны, как голыши на дне ручья, от времени и от прикосновений бесчисленных пальцев и плеч.

В городе явно что-то происходило, догадался Селден, потому что он слышал множество голосов, доносившихся сзади. Такое впечатление, что все люди собрались в каком-то одном месте. Воздух был холоден и пахнул пылью, незнакомыми резкими запахами — и еще чем-то, совсем непонятным.

Альтман и Фирса Мак опустили Селдена на землю и дали постоять — пока ноги его не обрели хоть какую-то чувствительность. Фирса Мак все поглядывал на небо. Альтман нагнулся прямо к уху Селдена и прошептал:

— Делай, что мы тебе велим, — или не доживешь до утра.

— Как и мы, впрочем, — пробормотал Фирса Мак, проверяя кляп во рту Селдена и еще глубже надвинув на его лицо капюшон. — Почти время.

Потом Селдена быстро потащили вверх по еще одной крутой улочке. В воздухе витал острый, сладковатый запах, мерцали странного цвета огни, вспыхивавшие порой с такой неистовой, фантастической яростью и в таком завораживающем ритме, что у Селдена глаза вылезали из орбит, даже под капюшоном — и он с какой-то истеричной отчетливостью припомнил семинары по марсианской культуре. Потом они вышли на широкую площадь.

Она была запружена людьми, закутанными в плащи от пронзительного ночного ветра. Смуглые лица, видневшиеся в тусклом свете факелов, не выражали никаких чувств. Казалось, все смотрели на небо. Фирса Мак и Альтман, крепко сжав Селдена между собой, втиснулись в толпу. И тоже принялись ждать.

А люди все подходили и подходили, стекаясь из примыкавших к площади улочек. Они возникали совершенно бесшумно — если не считать едва слышного шороха сандалий и тихого позвякива-

ния волшебных колокольчиков женщин. Селден тоже неотрывно смотрел на небо, хотя не понимал, почему он это делает.

Стало еще более тихо, все замерли, затаили дыхание, — а потом вдруг на востоке, над крышами возникла низкая и кровавая луна — Дендерон.

— А-а-а! — взывала толпа.

То был даже не вопль, а какая-то протяжная песня без слов, исполненная безысходной тоски и отчаяния, которая потрясла Селдена до глубины души. В тот же момент арфисты, прятаясь в густой тени полуразрушенного портика, ударили по струнам арф, и вопль перерос в речитатив, в какое-то заклинание — полужалобу, полуугрозу неумирающей ненависти. Толпа двинулась: арфисты шли впереди, факельщики освещали путь, высоко подняв свои факелы. И Селден тоже шел со всеми, вверх — в горы, поднимавшиеся за Джеккарой.

Это была очень длинная дорога, освещаемая струящимся светом Дендерона. Селден чувствовал, как хрустит и скрежещет под его сандалиями пыль вечности, и призраки городов мелькали слева и справа от него: разрушенные стены, пустые базарные площади, причалы, где пришвартовывались корабли морских королей... От дикой неистовой мелодии арф Селден впал в полузабытье. Длинная цепочка поющих людей растянулась на многие мили, и в размеренном ритме их движения было что-то невероятно странное, подобное маршу к плахе смерти.

Следы деятельности рук человеческих уже давно остались позади. Голые горы поднимались, заслоняя звезды, залитые слабым лунным светом — воплощением зла, сатанинскими чарами. Селден сам себе удивлялся — его страх куда-то пропал. Вероятно, он просто уже достиг высшей точки нервного напряжения. Во всяком случае, он видел и понимал все отчетливо, но как бы со стороны.

Он не испугался даже тогда, когда увидел, что арфисты и факельщики вошли в устье огромной пещеры. Пещера оказалась такой огромной, что люди в ней могли свободно шагать по десять человек в ряд. Арфы звучали теперь приглушенно, едва слышно, и голоса запели на низких нотах. Селден почувствовал, что процессия спускается куда-то вниз. Странное и ужасное нетерпение вдруг проснулось в нем, — и это он уже не мог объяснить никак.

Остальные, по-видимому, испытывали те же чувства, поскольку шаг толпы немного ускорился и струны зазвучали более энергично.

И вдруг стены исчезли. Все вышли на открытую холодную площадку, совершенно черную, непроницаемо темную — настолько темную, что горящие факелы казались просто светящимися булавоочными головками.

Песнопение прекратилось. Толпа встала, образовав полукруг, и замерла. Впереди стояли арфисты, а еще дальше — поодаль, сама по себе, небольшая группа людей.

Один из них скинул с себя накидку, и Селден увидел женщину в багровом. Странно, почему-то он был просто уверен, что это Лелла, хотя в свете факелов была видна только серебряная маска, скрывавшая лицо, — очень древняя, с невероятно странным выражением жестокости и сострадания. Женщина взяла в руки слабо светящуюся круглую лампу и подняла ее вверх, и арфисты вновь ударили по струнам. Остальные шестеро тоже скинули плащи. Трое мужчин и три женщины, все обнаженные и улыбающиеся.

Теперь арфы заиграли какой-то бодренький мотивчик, и женщина в багровом принялась раскачиваться в такт мелодии. Голые начали танцевать, глаза их были совершенно стеклянные, светящиеся безумным счастьем, и было видно, что люди находятся в сильном наркотическом опьянении. Женщина в багровом повела их за собой во тьму, издав долгий, мелодичный, сладостный призывный клич.

Арфы умолкли. Только голос женщины звучал в темноте, и ее лампа светилась где-то вдаль, как туманная путеводная звезда.

Вдруг за лампой возник глаз: посмотрел на собравшихся и исчез.

Селден видел толпу, жрицу, и шестерых танцоров. На какую-то долю секунды они вырисовались тенями на фоне небесного глаза, как вырисовываются силуэты на фоне взошедшей луны. Потом в Селдене что-то надломилось, и он упал, цепляясь за спасительное забвение и бесчувствие.

Остаток ночи и следующий день они провели в доме Фирсы Мака, стоявшем у черного канала, а на улицах кипело безумное веселье, настоящий разгул страстей. Селден сидел, высоко подняв голову, и время от времени по его телу пробегала судорога.

— Это неправда, — повторял он снова и снова. — Такого просто не может быть.

— Допустим, и не может, — возразил Альтман, — но оно есть. Это факт, и против факта вам нечего возразить. Теперь вы понимаете, зачем мы привезли вас сюда?

— Вы хотите, чтобы я рассказал об этом в Бюро... об этом?

— Да. Расскажите в Бюро и всем тем, кто захочет выслушать вас.

— Но почему именно я? Почему вы не выбрали кого-нибудь поважнее, например какого-нибудь дипломата?

— Мы уже пытались сделать это. Помните Лафлина Херерта?

— Но он умер от сердечной... О!

— Когда Бентам рассказал нам о вас, — проговорил Фирса Мак, — мы подумали, что вы достаточно молоды и сильны, чтобы

пережить подобное потрясение. Мы сделали все, что могли, Селден. Мы пытаемся сделать это уже многие годы — я и Альтман...

— Но они не желают нас слушать, — добавил Альтман. — Просто не желают. И продолжают посылать сюда детей, хороших, славных детей, желающих добра, с их нудными няньками, которые даже не подозревают... Я просто не отвечаю за последствия. — Он посмотрел на Селдена с высоты своего гигантского роста.

— Это тяжелая ноша. Большая ответственность, Селден, — громко сказал Фирса Мак. — Мы даже гордимся, что нам выпала такая доля. — Он кивнул в сторону невидимых гор. — Это — невероятная, разрушительная сила. В первую очередь Джеккара, потом, возможно, Валкис и Барракеш — и вообще я говорю о тех, чья жизнь зависит от канала. Такое способно уничтожить, смести. Мы знаем. Это наше внутреннее дело, оно касается только Марса, и нам вовсе не хочется впутывать сюда пришельцев. Но Альтман мой брат, и я обязан заботиться о его соплеменниках, так что я говорю вам: Жрица предпочитает выбирать жертв для жертвоприношения среди чужеземцев...

— И как часто? — слабо прошептал Селден.

— Дважды в год, когда встает безумная луна. В остальное время она спит.

— Луна спит, — повторил Альтман, — но если ее пробудить, или напугать, или разъярить... Ради всех святых, Селден, скажите им, чтобы они хотя бы понимали, куда лезут!

— Как вы можете жить здесь, среди такого... — в бешенстве начал Селден.

Фирса Мак изумленно посмотрел на него, не понимая, как вообще можно задать такой глупый вопрос.

— Потому что мы всегда жили среди такого.

Селден умолк, молча уставившись на него.

Он так и не уснул, а когда Лелла неслышно вошла в его комнату, в ужасе закричал.

На второй день путники выскользнули из Джеккары и отправились назад через пустыню, к скоплению камней, где их ждал вертолет. С Селденом летел только Альтман. Они молча сидели в кабине. Селден был погружен в раздумья, но краешком глаза видел, как Альтман время от времени поглядывает на него — и в глазах его явственно читались горечь и понимание поражения.

В сумерках всплыли сверкающие купола Кахоры, и луна Дендерон повисла на небе.

— Вы не собираетесь ничего им говорить, — констатировал Альтман.

— Я не знаю, — прошептал Селден, — не знаю...

Альтман ушел, оставив гостя на посадочной площадке. Больше Селден не видел его. Он нанял кеб, вернулся в отель и немедленно запер за собой дверь номера.

Его окружили привычные, нормальные вещи — и к нему наконец вернулся рассудок. Он уже был способен более спокойно разобраться в своих мыслях.

Если он поверит в подлинность того, что видел, значит, он просто обязан рассказать об этом — даже если никто не захочет его слушать. Даже если его руководители, учителя, спонсоры, те, перед которыми он благоговел и чьего расположения искал, будут в шоке и станут презирать его. Они покачают головой и навсегда закроют перед ним свои двери. Даже если он будет навечно приговорен принадлежать той внешней тьме, которую населяют люди, подобные Альтману и Фирсе Маку. Даже при этом условии — он должен сказать.

Но если он не поверит в реальность случившегося, а поймет, что все это было только иллюзией, галлюцинацией, рожденной наркотическим опьянением и Бог знает какой древней техникой марсианского гипноза...

Да, его опоили, это-то не вызывает сомнений. А Лелла и в самом деле применила против него какой-то гипноз...

Если он не поверит...

О Боже, как это славно — не верить и быть снова свободным, в безопасности правды!

Селден сидел и думал в тепле и уюте гостиничной комнаты, и чем дольше он думал, тем больше убеждал себя, тем решительней освобождался от субъективности восприятия, тем глубже и спокойнее становилось его видение мира. К утру он был все еще изнурен и диковат, но — полностью исцелен.

Он отправился в Бюро и сказал, что заболел сразу же после прилета, а потому никак не мог связаться с ними. Он также сказал, что получил из дома срочный вызов и должен вылететь прямо сейчас. Им очень не хотелось терять его, но они отнеслись к ситуации с пониманием и забронировали для Селдена место на ближайший рейс.

Только несколько шрамов осталось в душе Селдена. Странностей психики. Он не мог слышать звуков арфы и не выносил вида женщин в багровом. Пустяки, с которыми вполне можно жить... но ночные кошмары были похуже. Они изводили его.

Вернувшись на Землю, Селден сходил к психоаналитику и рассказал все без утайки, а психоаналитик с легкостью объяснил ему все, что с ним произошло. Все это было сексуальной фантазией на почве наркотического опьянения, в которой Жрица представлялась ему собственной матерью. Глаз, который смотрел на него и который продолжал немигающе следить за Селденом в навязчивых снах-кошмарах, — символ женского детородного органа, а чувство ужаса, который он вызывал у Селдена, объясняется чувством вины, возникшей из-за того, что сам Селден — скрытый гомосексуалист.

После этого Селден почувствовал колоссальное облегчение.

Психоаналитик заверил его, что теперь, когда причина установлена, вторичные признаки заболевания постепенно будут сходиться на нет. Возможно, так бы оно и случилось, если бы Селдену не пришло письмо. Он получил его через шесть марсианских месяцев после того ужасного ужина, подстроенного Бентамом. Письмо было не подписано. Оно гласило:

Лелла ждет тебя на восходе луны.

Внизу был рисунок — знакомый огромный чудовищный глаз, нарисованный очень четко и аккуратно.

2038: ДОРОГА НА СИНХАРАТ

Глава 1

Дверь была низкая, глубоко утопленная в толщу стены. Кэри постучал, потом принялся ждать, сгорбившись под узким навесом, как будто и впрямь мог спрятаться в его крохотной тени. Через несколько ярдов, за растрескавшимися и покосившимися камнями мостовой, катил свои спокойные черные воды под спокойным черным небом Нижний Канал Джеккары, и в обоих плавали звезды.

Вокруг все замерло. Город был наглухо заперт — каждый дом, каждая дверь, и это было так непривычно, что Кэри даже мороз пробрал. В городах Нижних Каналов безраздельно царствовали разнообразные пороки — в том или ином виде, и «работа» не прекращалась ни на минуту, круглые сутки. Можно было вообразить, что все куда-то уехали, но Кэри отлично знал, что это не так. Ни один его шаг не остался незамеченным. Даже не верилось, что они позволили ему зайти так далеко и не убили. Почему? Возможно, потому, что помнили его.

За дверью послышался какой-то звук.

— Я прошу убежища, право гостя, — произнес он на древнем верхнемарсианском. А потом добавил на местном нижнемарсианском, который был для него легче: — Пусти меня, Дерек. Ты обязан мне кровью.

Дверь слегка приоткрылась, и Кэри скользнул в образовавшуюся щель — в свет, отбрасываемый лампой, и относительное тепло.

Дерек закрыл дверь и заложил ее на засов, ворча:

— Будь ты проклят, Кэри. Я так и знал, что ты припрешься сюда со своими дурацкими разговорами о кровных долгах. Я поклялся, что не пушу тебя в дом.

Типичный обитатель Нижних Каналов, худой и низкорослый, смуглый и хищный. В левом ухе у него сверкал красный драгоценный камень, а одет он был в совершенно нелепый для здешних мест, но чрезвычайно удобный теплоизолирующий костюм

из земного синтетического материала, спасавшего и от жары, и от холода.

Кэри улыбнулся.

— Шестнадцать лет тому назад, — сказал он, — ты скорее бы умер, чем надел такое.

— Что поделать, комфорт развращает. Ничто не портит нас так сильно, как удобство — разве что доброта. — Дерек вздохнул: — Я знал, что совершаю ошибку, когда позволил тебе спасти мою шкуру в тот раз. Рано или поздно ты должен был попросить награды. Что ж, теперь я впустил тебя в дом, так что можешь сесть.

Он налил вина в алебастровую чашу, истончившуюся от времени, как яичная скорлупа, и протянул ее Кэри. Приятели выпили в мрачном молчании. Мерцающий свет лампы высветил тени и глубокие складки на лице Кэри.

— Давно не спал? — спросил Дерек.

— Я могу спать на ходу, — сказал Кэри, и Дерек с холодной задумчивостью посмотрел на него своими янтарными кошачьими глазами.

Комната была большая, богато обставленная потускневшими, полинявшими старинными вещами, принадлежавшими миру, который уже не мог дать роскоши и комфорта. Некоторые предметы, правда, были совсем новые, выполненные в традиционной манере марсианскими ремесленниками, однако практически не отличались от вещей, которые были древними уже тогда, когда первые фараоны играли в свои детские игры на берегу Нила.

— А что будет, — спросил Дерек, — если они поймают тебя?

— О, — сказал Кэри, — сначала меня вышлют с Марса. Потом я предстану перед судом Объединенных Миров, и уж конечно меня признают виновным и выдадут Земле для вынесения наказания. Будут новое расследование, и штрафы, и взыскания... А когда они кончат все это, я буду сломленным человеком, несчастным и жалким. Хотя думаю, что в конечном итоге им всем будет еще хуже.

— Но тебе это не поможет, — заметил Дерек.

— Угу.

— Почему тебя не хотят выслушать?

— Потому что они считают, что правы.

Дерек грязно выругался.

— Но они действительно правы! Я же саботировал Реабилитационный проект, как только мог. Я переправил в другие каналы все фонды и вложения и перепутал все приказы, так что теперь идет чуть ли не двухлетнее отставание от графика. Именно за это они и собираются меня судить. Но самая моя главная вина, мое главное преступление заключается в том, что я вообще подверг сомнению концепцию Доброты, а стало быть, целесообразность всех работ. Мне простили бы убийство — но только не это.

Решайся поскорее, — устало добавил он. — Парни из Объединенных Миров работают в контакте с Советом Городских Штатов, и Джеккара уже не является закрытым городом, как когда-то. Думаю, в первую очередь они заявятся именно сюда.

— Я подозревал что-то в таком роде. — Дерек нахмурился. — Все это меня не тревожит. Меня заботит другое — я знаю, куда ты намерен двинуться дальше. Мы ведь пытались однажды, помнишь? Мы бежали через эту сволочную пустыню, спасая свои шкуры. Четыре дня и четыре ночи. — Он вздрогнул.

— Переправь меня в Барракеш. Там я растворюсь, исчезну, присоединюсь к каравану, который идет на юг.

— Если ты намерен убить себя, то почему не сделать это прямо здесь, в тепле и комфорте, в окружении друзей?.. Дай мне подумать, — сказал Дерек. — Дай взвесить мои года и мое богатство и каждую пядь песка — и поглядеть, что перетянет на чаше весов.

В жаровне на раскаленных углях негромко шипели язычки пламени. За окном вновь завыл ветер и принялся за свой обычный труд — сглаживать и обтирать стены дома крупичками пыли, обкапывая углы, превращая в дыры окна. На всем Марсе ветер делает то же самое с хижинами и дворцами, с горами и норами животных, терпеливо трудясь день за днем, и когда-нибудь вся поверхность планеты станет ровной и гладкой — одно сплошное море пыли. Только в последнее время рядом со старыми городами стали возникать строения из пластика и металла. Они выдерживали атаки ветра, словно готовые стоять вечно. И Кэри показалось, что он услышал, как смеется, пролетая мимо, этот старый дряхлый ветер.

По закрытой шторке, висевшей на задней стене, поскребли ногтями, потом резко забарабанили. Дерек встал, на лице его выразилась тревога. Он дважды стукнул по шторе в знак того, что понял сигнал, и повернулся к Кэри:

— Допивай быстрее.

Затем взял чашу гостя и ушел с ней в другую комнату.

Кэри поднялся. Среди шума ветра он явственно различил мягкое урчание моторов, уже совсем низко и близко.

Вернулся Дерек и быстро подтолкнул Кэри ко внутренней стене. Кэри вспомнил, что здесь есть вращающийся камень, а за ним тайник. Он вполз в образовавшееся отверстие.

— И не вздумай возиться там или чихать, — предупредил Дерек. — Камни едва держатся, тебя услышат.

Он повернул камень.

Кэри устроился поудобней — насколько это было возможно — в неровной дыре, отполированной прятавшимися здесь многие и многие поколения бесчисленными телами и вещами. Через кладку, делавшуюся без раствора, как и все каменные строения на Марсе, просачивались воздух и слабый свет. Даже виднелся небольшой узкий кусочек комнаты.

Когда раздался громкий стук в дверь, Кэри обнаружил, что и слышит прекрасно.

Перед его глазами прошел Дерек. Дверь открылась. Мужской голос потребовал впустить — именем Объединенных Миров и Совета Городских Штатов Марса.

— Прошу вас, — ответил Дерек.

Кэри мог разглядеть, хотя и весьма обрывочно, четверых. Трое из них были марсианами в традиционных одинаковых костюмах Городских Штатов. Эти парни выполняли здесь ту же работу, что ФБР на Земле. Четвертый был землянин, и Кэри даже польщенно улыбнулся: надо же, какое значение придают его персоне! Сухощавый, симпатичный блондин с загорелым лицом и дружелюбными голубыми глазами вполне мог быть артистом, теннисистом, каким-нибудь начальником невысокого ранга на отдыхе. Однако это был Говард Уэйлз, лучший землянин в Интерполе.

Пока марсиане беседовали с Дерексом, он вразвалочку прошелся по комнате, заглядывая в двери, прислушиваясь, принимаясь, ощущая. Кэри смотрел на него словно замороженный — как кролик на удава. В какой-то момент Уэйлз подошел прямо к убежищу Кэри и остановился у трещины в стене. Кэри боялся вздохнуть, у него вдруг возникло ужасное чувство, что вот сейчас Уэйлз неожиданно обернется и заглянет в трещину.

Старший из марсиан, человек средних лет со значительным лицом, рассказывал Дерексу, какое его ждет наказание за укрывательство дезертира или сокрытие информации о нем. Кэри подумал, что парень чересчур разошелся. Еще пять лет назад полицейский и нос бы не рискнул сунуть в Джеккару.

Он представил себе, как Дерек, прислонившись к стене и поигрывая камнем в ухе, уважительно слушает чиновника. Наконец хозяину дома надоело, и он сказал довольно спокойно:

— Вследствие особого географического положения наш город включили в сферу Новой Культуры. — Он сделал ударение на «новой культуре». — Мы внесли некоторые коррективы. Тем не менее это все же Джеккара и ваше присутствие здесь всего-навсего терпят — не более. Прошу не забывать об этом.

Тут заговорил Уэйлз, предвосхищая комментарии со стороны представителя Городских Штатов:

— Вы ведь были другом Кэри довольно долгое время?

— Когда-то мы вместе грабили гробницы.

— Мне кажется, «занимались археологическими изысканиями» звучит лучше.

— В моей очень древней и весьма почетной гильдии никогда не употребляли такие слова. Сейчас, однако, я честный торговец, и Кэри сюда не заходит.

Он мог бы добавить «не часто» — не часто заходит, но не добавил.

— Ну, теперь-то он наверняка зайдет, — с усмешкой заметил представитель Штатов. — Если уже не зашел.

— Почему? — невинно поинтересовался Дерек.

— Ему нужна помощь. А где еще он может ее получить?

— Где угодно. У него много друзей. И он знает Марс гораздо лучше большинства марсиан, думаю, что даже лучше, чем вы, черт возьми.

— И все же, — спокойно сказал Уэйлз, — за пределами Городских Штатов землян травят как кроликов, если они имеют глупость там остановиться. Ради жизни Кэри, скажи нам, где он — если ты знаешь, где твой друг. Иначе он погибнет. Непременно.

— Он взрослый человек, — ответил Дерек. — И сам должен нести свою ношу.

— Он что-то слишком много на себя взял, — пробормотал Уэйлз, но тут же осекся.

Неожиданно послышался хор голосов — в комнате и снаружи, за дверью. Все куда-то исчезли из поля зрения Кэри, за исключением Дерек, который встал как раз около щели. Вид у него был расслабленный, апатичный и в то же время самоуверенный до омерзения. Кэри не расслышал, что именно побудило всех остальных так спешно выскочить из комнаты, но догадался, что прилетел еще один флаер.

Через несколько минут Уэйлз и компания вернулись, и с ними несколько незнакомых людей. Кэри скорчился и изогнулся, прильнув поближе к щели, и смог рассмотреть Алана Вудторпа, своего начальника, руководителя Реабилитационного проекта на Марсе — возможно, самого влиятельного человека на планете. Кэри знал, что тому пришлось пролететь через пустыню тысячи миль из штаб-квартиры в Кахоре, чтобы попасть сюда именно в этот момент.

Кэри был польщен и глубоко тронут.

Вудторп обезоруживающе просто и дружелюбно представился Дерек. Он был загружен и заморочен тысячей важных дел, но никогда не забывал о том, что нужно быть приветливым, учтивым и человечным. И самое поразительное, что он действительно был таким, каким казался. Потому-то Кэри пришлось с ним невероятно трудно.

Дерек улыбнулся краешками губ:

— Не отходите далеко от ваших охранников.

— Но почему? — удивился Вудторп. — Зачем такая враждебность? Если бы только ваш народ смог понять, что мы пытаемся помочь...

— Это-то они прекрасно понимают, — сказал Дерек. — Они не понимают другого: почему вы по-прежнему не желаете оставить их в покое, даже после того, как они вежливо поблагодарили вас и объяснили, что не хотят и не нуждаются в этой вашей помощи?

— Да потому что мы знаем, как им помочь! Они же бедствуют. Мы можем сделать их богатыми, можем дать им воду, пахотные земли, энергию — изменить всю их жизнь! Примитивные народы всегда сопротивляются переменам, но со временем они понимают...

— Примитивные? — переспросил Дерек.

— О, я не имел в виду жителей Нижних Каналов, — торопливо поправился Вудторп. — У вас был высокий уровень культуры, когда наш проконсул еще раздумывал, слезть или не слезть ему с дерева. Тем более удивительно, что вы держите сторону кочевников в этом вопросе.

— Марс — старый, расшатанный, иссушенный мир, однако мы понимаем его. Мы заключили с ним сделку. Мы не требуем от него слишком многого, и он дает нам то, что требуется. Нам хватает. Мы можем на него положиться. Мы не желаем попасть в зависимость от других людей.

— Но сейчас новый век, — возразил Вудторп. — Высокая технология творит чудеса. Старые предрассудки, узкий подход — все это больше не...

— Вы говорили что-то о примитивных народах.

— Я имел в виду племена Пустынных земель. Мы рассчитывали на доктора Кэри, потому что он обладает уникальным опытом и познаниями, мы думали, что он поможет нам понять эти племена. А он вместо этого разжег в них желание воевать. Наши изыскательские отряды столкнулись с вопиющим насилием. Если Кэри доберется до Пустынных земель, не знаю, что может случиться. Уверен, вы же не хотите, чтобы...

— Примитивные, — задумчиво повторил Дерек с ноткой жесткой нетерпеливости в голосе. — Узкий подход. Боги посылают нам скорее подлеца, а не услужливого дурака. Мистер Вудторп, кочевникам Пустынных земель вовсе не нужен доктор Кэри, чтобы разжечь пламя войны. То же самое касается нас. Мы не желаем, чтобы вы ковырялись в наших колодцах и поворачивали в другом направлении каналы. Мы не хотим, чтобы наше население возросло. Нам не нужны ресурсы, которых, возможно, хватит на тысячи лет — если они не протухнут, не иссякнут и не кончатся за несколько веков. Мы находимся в гармонии с природой, мы сохраняем баланс и хотим и впредь жить так, как жили. И мы будем бороться, мистер Вудторп. Сейчас вы имеете дело не с теориями. Вы затронули наши жизни. И мы не собираемся отдавать их в ваши руки.

Дерек повернулся к Уэйлзу и марсианам:

— Общайте дом. Можете обыскать весь город, если вам угодно. Но долго все это я терпеть не намерен.

Вудторп постоял немного с оскорбленным и обиженным видом, потом покачал головой и вышел.

Кэри услышал голос Дерекса:

— А вы что же, мистер Уэйлз? Почему не с ними?

— Я не люблю тратить свое время попусту, — любезно ответил Уэйлз. Пожелав Дереку доброй ночи, он вышел, и Кэри вздохнул с облегчением.

Через несколько минут ушли и марсиане. Дерек запер дверь и сел допивать свое вино. Он даже пальцем не пошевелил, чтобы вызволить Кэри из плена, он словно забыл о нем — и Кэри с трудом подавил желание окликнуть его. Ему уже становилось невыносимо в каменном мешке.

Дерек медленно потягивал вино. Допив, он снова налил себе. Когда он допил и этот бокал, сзади к нему подошла девушка.

Она была в традиционном наряде Нижних Каналов, чему Кэри был очень рад, потому что не любил, когда женщины начинали одеваться в бесформенные и безликие одежды, в которых все выглядели одинаково. Он считал старую моду просто очаровательной. Юбка девушки представляла собой широкое полотнище тяжелого оранжевого шелка, стянутого на талии широким поясом. Больше на ней не было ничего, если не считать ожерелья, но ее тело было тонким и гибким, как тростник под ветром. Вокруг щиколоток и в волосах звенели маленькие колокольчики, так что, когда она двигалась, звучала тихая волшебная музыка, сладкая и в то же время порочная.

— Вот теперь все ушли, — сказала она Дереку. Дерек встал и быстро подошел к тайнику Кэри.

— Кто-то следил за нами через щели в шторах, — сказал он, помогая Кэри выбраться наружу. — Надеялись, что я сам себя выдам, подумав, что они и вправду ушли. Это был землянин, да? — спросил он у девушки.

— Нет.

Она плеснула себе немного вина и устроилась с бокалом на гостевой кушетке, покрытой шелками и теплыми мехами. Кэри заметил, что глаза у нее цвета изумруда, слегка поднятые к вискам, яркие, любопытные и безжалостные. Он вдруг застеснялся своего небритого подбородка и уже заметной седины на висках, своего грязного и усталого тела.

— Мне не понравился этот Уэйлз, — сказал Дерек. — Он почти так же умен, как я. Нам придется держать ухо востро.

— Нам? — переспросил Кэри. — Так ты уже взвесил каждый ярд песка?

Дерек уныло пожал плечами:

— Тебе, наверное, было слышно, как я сам себя уговаривал. Впрочем, мне что-то поднадоела оседлая тихая жизнь. — Он улыбнулся — той самой улыбкой, которую Кэри запомнил еще с той поры, когда они обчищали гробницы. В тех местах даже убийство было более безопасным занятием. — Меня всегда злило, что нам пришлось бросить это дело. Хочется снова заняться чем-то таким... Кстати, это Аррин. Она пойдет с нами до Барракеша.

— О! — Кэри поклонился, и девушка улыbnулась ему из своего уютного мехового гнездышка на кушетке. Потом взглянула на Дерек:

— А что за Барракешем?

— Кеш, — сказал Дерек. — И Шан.

— Но ты не торгуешь с Пустынными землями, — нетерпеливо сказала она. — А если будешь, почему я должна остаться здесь?

— Мы идем в Синхарат, — сказал Дерек. — Вечно живой Синхарат.

— Синхарат? — потрясенно прошептала Аррин. Последовало долгое молчание, потом она перевела взгляд на Кэри. — Если бы я знала, непременно сказала бы им, где вы. Лучше бы они вас забрали. — Девушка задрожала и наклонила голову.

— Это было бы глупо, — ответил Дерек, лаская ее. — Ты бы упустила свой шанс быть любовницей одного из спасителей Марса.

— Если вы останетесь живы, — возразила она.

— Но мое дорогое дитя, а можешь ли ты, сидя здесь, гарантировать мне, что не умрешь завтра?

— Нужно признать, — тихо сказал Кэри, — что ее шансы все же несколько выше.

Глава 2

Баржа была длинная и узкая и стояла на понтонных подушках, так что держалась высоко над водой даже при полной загрузке. Понтоны, корпус и палуба были из металла; на Марсе уже давно не строили кораблей из дерева. Посреди палубы помещалась низенькая кабинка, где могли спать несколько человек, а ближе к тупому носу прямо в палубе был устроен очаг, на котором готовили еду. Движение барже обеспечивали монстры — четверо злобных чешуйчатых шипящих марсианских зверя шли по берегу и тянули баржу на бечеве. Баржа двигалась очень медленно. Кэри хотел отправиться в Барракеш по суше, кратчайшим путем, но Дерек запретил ему это.

— Я не могу снарядить караван. Моя торговля проходит на каналах, все это знают. Так что нам с тобой придется ехать одним, по ночам, а днем прятаться и пережидать. Мы только потеряем время. — Он показал большим пальцем на небо: — Уэйлз свалится тебе на голову, когда ты будешь меньше всего ожидать его. В самый неподходящий момент. На барже тебе есть где укрыться, и к тому же у меня достаточно людей, чтобы отбить у него охоту совать нос в дела честного торговца, занимающегося легальным бизнесом — если он начнет очень уж наседать.

— Он не пойдет на такое, — мрачно сказал Кэри.

— Пойдет, если совсем отчаится. Но это будет несколько позже.

Так что баржа легко скользила на юг по тонкой полоске темной воды — последней открытой водной артерии, которая не-

когда была большим океаном. Теперь она несла талую воду с полярных ледниковых шапок.

По берегам канала стояли деревни, редкие оазисы жизни и культуры, длинные клинья полей выделялись удивительными зелеными заплатками на фоне желто-красного запустения. Но попадались места, где песок одержал победу над людьми, засыпав поля, погребя под собой дома, и только по круглым холмикам можно было догадаться, что прежде здесь жили и трудились люди. Берега канала соединяли мосты, некоторые совсем целые и служащие людям, другие — похожие на сломанные радуги, висящие на небе. Днем солнце жарило невыносимо, от него не было никакого спасения, зато ночью две луны окутывали всю землю изменчивым очарованием. Если бы Кэри не грызло острое нетерпение, наверное, он был бы счастлив.

Но все это уйдет безвозвратно, если Вудторп и его Реабилитационный проект победят. Каналы перекроют плотинами и устроят запруды-водохранилища далеко на севере, а малочисленное население депортируют и расселят на новых землях. Глубокое бурение, вплоть до подземных водоносных слоев, восполнит дефицит воды в зимнее время, когда полярные шапки замерзают. Пустыня превратится — во всяком случае, на какое-то время — в цветущий сад. Кто откажется от такого ради жалкого маргинального существования? Кто станет отрицать, что прежняя жизнь была плохой и что Реабилитационный проект хорош? Никто — кроме народа Марса и доктора Мэтью Кэри. Но никто не станет их слушать.

В Синхарате оставалось единственное средство, единственная надежда заставить выслушать это особое мнение.

Небо было пустым. Аррин сидела на палубе среди наваленных кипами тюков с товаром. Кэри видел, что она почти неотрывно наблюдает за ним, однако не испытывал восторга. Ему казалось, что девушка терпеть его не может, потому что он впутал Дерек в эту опасную авантюру. Жаль, что Дерек не оставил ее дома.

На четвертые сутки на рассвете ветер вдруг утих. Солнце палило немилосердно, от раскаленного песка и камней струилось дрожащее марево. Вода в канале стала похожа на полированное стекло, а на востоке линия горизонта окуталась туманной желтоватой дымкой.

Дерек долго принюхивался как собака, втягивая ноздрями стоячий воздух, и около полудня приказал стать на якорь. Десятеро из команды вскочили с тюков и принялись лихорадочно работать, прикрепляя стальными якорями канаты, мастера укрытие для зверей, проверяя крепления грузов на палубе. Кэри и Дерек работали вместе со всеми, и когда Кэри случайно поднял глаза, то увидел, что Аррин сидит на корточках у очага, лихорадочно что-то помещивая в горшке.

Небо на востоке вздыбилось стеной, волна за клубилась до самого зенита, внизу охряная с черными подпалинами, сверху цвета

огненной раскаленной меди. Потом все это обрушилось на землю и с ревом понеслось на людей.

Поддерживая друг друга, они заползли в кабину и стали на колени, плечо к плечу — двенадцать мужчин и Аррин. Баржа брыкалась и перекачивалась с боку на бок, погружалась и подпрыгивала, борясь, сопротивляясь, словно живая, под порывами ураганного ветра. Пыль и песок проникали в каждую щель, в каждую вентиляционное отверстие, наполняя воздух горьковатым привкусом. Тьма запахла горячей серой, и раздался оглушительный грохот.

Кэри доводилось попадать в песчаные бури, и он жалел, что находится сейчас не на открытом пространстве, как бывало раньше, а на барже, которая вот-вот перевернется, и он пойдет ко дну как самый последний дурак, на самой сухой планете во всей Солнечной системе. И все это время Аррин мрачно и стоически оберегала свой горшок с едой.

Наконец дикие порывы ветра сменились ровным штормом. Когда стало ясно, что баржа не перевернется, а останется стоять как надо, все поели пищи из горшка Аррин, и это было весьма кстати. Затем команда отправилась вниз, в трюм — поспать, потому что там было больше места.

Аррин накрыла горшок крышкой, чтобы не попал песок, и вдруг спокойно сказала:

— А почему вы должны идти туда — куда идете?

— Потому что доктор Кэри считает, что там сохранились записи, которые убедят сторонников Реабилитационного проекта в том, что наш «примитивный» народ знает, о чем говорит.

Кэри не мог как следует разглядеть выражение ее лица в полумраке, но ему показалось, что девушка хмурится, о чем-то напряженно думая.

— Вы так считаете, — сказала она наконец, обращаясь к Кэри. — А вы уверены?

— Я точно знаю, что эти записи существовали. Когда-то хроники были, это бесспорно. На них есть отсыл в других хрониках. Сохранились ли они по сей день или нет — другой вопрос. Но, учитывая особенность места и его жителей, думаю, что это возможно.

Он ощутил, как Аррин дрожит.

— Но Рамы жили так давно...

Она прошептала это слово едва слышно. Оно означало «Бессмертные» и вселяло ужас столько веков, что никакое время не могло стереть память о них. Рамы достигли своего бессмертия при помощи системы индукции, что можно сравнить с переливанием старого вина в новые бутылки, и хотя сам принцип трансплантации сознания из тела носителя в другое тело был чисто научным, реакцию людей, из которых Рамы выбирали себе подходящие тела, можно было охарактеризовать как животный ужас.

Рамы — это вампиры, считали в народе. Их древний родной город Синхарат, расположенный на острове, находился в дальних пределах Шана, полузабытый и заброшенный, обитатели Пустынных земель считали его святыней и запретным местом. Они нарушили табу только один раз, когда Кайнон из Шана поднял свое знамя, провозгласив, что заново раскрыл тайну Бессмертных, и посулил племенам Пустынных земель и обитателям Нижних Каналов вечную жизнь и всю добычу, которую они в состоянии унести. Увы, он дал им лишь смерть и горе, и с тех пор запрет неукоснительно соблюдался — с еще большим фанатическим рвением.

— Их город никогда не грабили, — сказал Кэри. — Вот почему у меня есть надежда.

— Но, — возразила Аррин, — они не были людьми. Они были воплощение зла.

— Напротив. Они были самыми что ни на есть настоящими людьми. И однажды они сделали великую попытку искупить свою вину.

Девушка вновь повернулась к Дереку:

— Шани убьют вас.

— Это весьма вероятно.

— Но вы все равно должны идти, — язвительно сказала она, — хотя бы для того, чтобы посмотреть, сможете ли пройти.

— Именно так, — рассмеялся Дерек.

— Тогда я пойду с вами. Лучше я увижу, как вас убьют, чем буду ждать и гадать, что с вами случилось, и никогда не узнаю.

И, словно давая понять, что разговор закончен, Аррин свернулась калачиком на своей койке и уснула.

Кэри тоже уснул, и сон его был тревожен, беспокойен, наполнен какими-то смутными видениями и мечтами о Синхарате. Он просыпался в пыльной душной темноте с чувством безнадежности и отчаяния — нет, никогда ему не увидеть древний город.

Утром буря стихла, зато возникло новое препятствие. Вал песка в сорок футов длиной перегородил канал.

Монстров впрягли в специальные черпаки, которые извлекли из трюма, и они начали чистить фарватер, и каждый человек из команды тоже взялся за лопату.

Кэри копал сырой песок; высокий рост и светлая кожа резко выделяли его на фоне более мелких и темных жителей Нижних Каналов. Он чувствовал себя незащищенным, почти голым и все время поглядывал на небо. Когда они доберутся до кочевников, Уэйлзу будет нелегко отыскать его. В Валкисе, который торгует с людьми из пустыни, Дерек сможет добыть Кэри подходящий наряд, и Кэри въедет в Барракеш уже в обличье странствующего кочевника. Но до той поры ему придется соблюдать осторожность, опасаясь как Уэйлза, так и местных жителей — они в такой же степени ненавидели землян, как и кочевников, которые совершали набеги на их поля и крали их женщин.

Тем не менее опасность заметил не Кэри, а Дерек. Около полудня он вдруг окликнул Кэри. Тот, уже плохо соображавший от жары и усталости, поднял голову и увидел, что Дерек показывает на небо. Кэри бросил лопату и прыгнул в воду. Баржа была совсем близко, но флаер приближался гораздо быстрее, чем двигался Кэри. Было ясно, что, к тому моменту когда он доберется до поручней трапа, его непременно заметят сверху.

— Поднырни под днище, — раздался над его головой спокойный голос Аррин. — Там есть место.

Кэри втянул в грудь воздух и нырнул. Вода была ледяная и мутная после бури, даже солнечный свет не мог пробиться сквозь нее. Но баржа отбрасывала огромную черную тень. Туда-то и поплыл Кэри. Полагая, что уже миновал понтоны, Кэри вынырнул на поверхность, от души надеясь, что Аррин сказала правду. Она оказалась права. Между днищем и водой действительно был промежуток, и Кэри мог дышать. В промежуток между понтонами ему было видно, как флаер снизился и завис на роторах над каналом, высматривая, вынюхивая. Потом он сел. В кабине было несколько человек, но вылез только один — Говард Уэйлз.

К нему вышел Дерек — поговорить. Остальные продолжали работать, и Кэри заметил, как лишняя лопата быстро исчезла в мутной воде. Уэйлз не отрывал глаз от баржи. Дерек играл с ним. А Кэри ругался про себя. Пронизывающий холод воды достал его уже до костей. В конце концов, к вящему изумлению Уэйлза, Дерек пригласил гостя на баржу.

Кэри осторожно плавал взад и вперед в свободном пространстве под брюхом судна, пытаясь хоть как-то разогнать кровь. Ему показалось, что прошла целая вечность, пока Уэйлз не убрался в свой флаер. Еще одна вечность прошла, пока не взлетел флаер. Кэри выбрался из-под баржи на солнечный свет, но конечности у него так занемели от холода, что он не смог вскарабкаться по лестнице. Аррин с Дерексом пришлось втащить его наверх.

— Любой другой человек, — сказал Дерек, — уже отступился бы, убедившись, что тебя здесь нет. Но не этот. Уэйлз никогда не считает своего противника ниже себя по уму и хитрости.

Он влил немного спиртного между стиснутыми зубами Кэри, завернул промерзшего насквозь товарища в толстые одеяла и уложил в постель. Потом спросил:

— Уэйлз может догадаться, куда мы направляемся?

Кэри нахмурился:

— Вообще-то да. Если он не поленился хорошенько порыться в моих книгах и бумагах.

— Не сомневаюсь, что он это сделал.

— Там есть все, что ему нужно, — мрачно сказал Кэри. — Как мы пытались однажды, но потерпели неудачу — и что я надеюсь там найти, хотя тогда еще не существовало никакого Реабилитационного проекта и все это было из чисто археологического ин-

тереса. И я упоминал Бессмертных в разговоре с Вудторпом, во время спора о целесообразности и разумности таких проектов, равнозначных землетрясению... вернее, марсотрясению. А что? Уэйлз говорил что-то об этом?

— Он сказал: «Барракеш все расставит по местам».

— Вот как? — злобно ощерился Кэри. — Дай-ка мне ту бутылку. — Он сделал долгий глоток, и спиртное влилось в него, как огонь в кристаллический лед. — Черт, хорошо бы украсть у них флаер!

Дерек покачал головой:

— Скажи спасибо, что ты этого не сделал. Они бы сбили тебя за час.

— Да, ты прав. Просто я так спешу...

Кэри снова глотнул из бутылки, затем улыбнулся. Улыбка у него вышла довольно странная, отнюдь не подобающая известному ученому.

— Если боги будут милостивы ко мне, однажды я сверну мистеру Уэйлзу голову.

Местные явились в тот же вечер — человек сто с лопатами и инструментами. Они уже отработали весь день, прочищая соседний сектор, но без звука подключились к команде Дерек и проработали еще ночь и половину следующего дня, урывая несколько часов для сна по очереди, когда совсем не было сил держаться на ногах. В канале заключалась вся их жизнь, и он был превыше всего — жены, ребенка, брата, отца, его самого, — и это было логично.

Кэри оставался в кабине, прячась от посторонних глаз и испытывая угрызения совести, хотя и не слишком сильные. Работа была просто ада.

Ближе к полудню канал наконец расчистили, и баржа поплыла дальше на юг.

Спустя три дня на востоке возникла далекая горная гряда. Она постепенно приближалась, пока совсем не подошла вплотную к воде. Горы были высокие и крутые, окрашенные в мягкие оттенки красного и золотого; волны, плескавшиеся о них миллион лет, и ветер, дувший десять тысячелетий, оставили на скалах глубокие следы. Впереди Кэри заметил дрожащую полосу тумана среди пустыни — там проходил еще один канал. Они приближались к Валкису.

Баржа вошла в него на заходе солнца. Низкое светило посылало свои почти горизонтальные лучи на утесы. Порой лучи простреливали насквозь пустые глазницы окон и дыры дверей пяти городов, что растянулись по уступам красно-золотых гор. И казалось, что в домах горят очаги и светятся лампы, встречая усталого рыбака, возвращающегося с моря. Но на улицах, площадях и на длинных пролетах вырубленных в камне лестниц двигались только медленные тени, отбрасываемые заходящим солнцем.

Старинные причалы стояли величественные и голые, как надгробные камни, показывая, где были выстроены новые гавани взамен старых, которые тоже были покинуты после того, как вода ушла и отсюда.

Только нижний город жил, причем лишь малая часть его, но она жила яростной и кипящей жизнью, не повинаясь навалившимся холодным столетиям. С палубы баржи Кэри видел факелы, горящие в сумерках подобно желтым звездам, слышал голоса, а также дикую, но прекрасную музыку арф с двойной декой. Сухой ветер нес запах пыли, острых пряных ароматов и чего-то совсем непонятного. Новая культура еще не успела коснуться древнего города, и Кэри был только рад, хотя Валкис, пожалуй, неплохо было бы малость почистить, не причинив ему при этом вреда. Тут царили такие пороки, что уши отказывались верить.

— Не высовывай носа, — велел ему Дерек, — пока я не вернусь.

Уже совсем стемнело. Баржа стояла у древнего каменного дока, выходящего на широкую площадь, с трех сторон окруженную обшарпанными зданиями. Дерек отправился в город, за ним последовала вся команда — правда, совсем для других целей. Аррин осталась на палубе и лежала на животе, на тюках с товаром, подперев подбородок кулачками. Она смотрела на звезды и прислушивалась к звукам с видом обиженного ребенка, которому запретили играть в опасную, но увлекательную игру. Дерек не разрешил ей ходить по улицам одной.

От скуки Кэри решил вздремнуть.

Он не знал, сколько проспал — несколько минут или несколько часов, — когда его разбудил истошный кошачий вопль Аррин. Он подскочил как ужаленный.

Глава 3

На палубе были какие-то мужчины. Кэри слышал шум возни и проклятия в адрес Аррин. Незнакомцы что-то кричали про землянина.

Кэри скатился с койки. Он все еще был в земном костюме, который намеревался сменить на то, что принесет ему Дерек. В отчаянии Кэри сорвал с себя все и засунул в какой-то угол, под скомканные меха. Аррин больше не визжала, зато донесся приглушенный вопль — ей явно заткнули рот. Ученый весь дрожал на пронизывающем холоде ночи.

Шаги по палубе, легкие и быстрые... Кэри потянулся и снял с крючка на стене топор с длинной рукоятью, которым в случае опасности рубили крепления на палубе. И тут же ему в голову пришла мысль — как будто сам топор подсказал, что надо делать.

Тени мужчин возникли в проеме, темные силуэты на фоне тусклого света палубных огней.

Кэри издал боевой клич кочевников, разорвавший ночную тишину, и прыгнул вперед, размахивая топором.

Мужчины тут же исчезли из проема, как будто их дернули за веревочки. Кэри выскочил из кабины на палубу, в круг света факелов, и принялся крутить топором вокруг головы. Этому приему он научился много лет назад, когда понял, как полезно уметь прикидываться марсианином. Естественно, его угоразило вляпаться в кое-какие истории, не подобающие великому ученому-археологу, вроде межплеменных войн и набегов, зато он приобрел весьма странные, но бесценные навыки. Вот и теперь Кэри отогнал своим свистящим топором совершенно опеших бандитов. С диким визгом он теснил их все дальше и дальше, а они взирали на незнакомца в немом изумлении — пятеро мужчин с серебряными серьгами в ушах и очень острыми ножами на поясе.

Потом Кэри присовокупил кое-что из того, что кочевники говорят о жителях Нижних Каналов, и кровь бросилась бандитам в лицо. А потом он наконец поинтересовался, какого черта им здесь нужно.

Один из нападавших, в ярко-желтой юбке, сказал:

— Нам сказали, что здесь прячется землянин.

«Интересно, кто бы это мог сказать?» — задумался Кэри. Мистер Уэйлз, через какого-нибудь марсианского шпиона? Ну конечно, кто же еще! Он уже начинал люто ненавидеть мистера Уэйлза. Но заставил себя деланно рассмеяться и спросил:

— Разве я похож на землянина?

Топор снова сверкнул в ночи. Кэри успел отрастить волосы, и они спутались в всклокоченную гриву великолепного цвета, рыжевато-коричневую гриву кочевника. Его обнаженное тело было сухошавым и вытянутым, как у обитателей Пустынных земель, и он все время упражнял свои мышцы, держа их в тонусе.

Аррин подошла, потирая разбитый рот и глядя на него с таким же немым изумлением, как и визитеры из Валкиса.

— Нам сказали, что... — снова завел человек в желтой юбке.

На площади перед доком начали собираться зеваки — мужчины и женщины, праздные, любопытные, жестокие.

— Меня зовут Марах, — оборвал Кэри. — Я покинул Колодцы Тамбоины потому, что убил человека, и за мою голову назначена награда.

Колодцы были слишком далеко, и он мог не опасаться, что именно здесь его смогут уличить во лжи.

— Ну что, кто-нибудь желает получить эту награду?

Люди осторожно наблюдали за ним. Пламя факелов металось на сухом ветру, рассеивая свет на поднятых кверху лицах. Кэри становилось не по себе.

Рядом послышался шепот Аррин:

— А вас не узнают?

— Нет. — Он бывал здесь трижды с бандами кочевников, однако вряд ли кто-нибудь запомнил именно его из сотен и сотен наездников.

— Тогда стойте насмерть, — посоветовала Аррин.

Он так и сделал. Люди продолжали изучать его, улыбаясь и перешептываясь. Наконец человек в желтой юбке произнес:

— Не знаю, кто ты — землянин или кочевник, но мне отвратительна твоя физиономия.

Толпа заржала и подалась вперед. Кэри слышал мелодичное позвякивание маленьких колокольчиков женщин. Он схватил топор и велел Аррин отойти подальше.

— Если ты знаешь, где Дерек, то беги за ним. Я постараюсь сдерживать их, сколько смогу.

Он не заметил, ушла девушка или нет. Он был занят: он наблюдал за толпой, за сверкающими острыми клинками. Это было поистине смехотворно — сражаться ножом и топором в век космических полетов и атомной энергии!.. Но у Марса долгое время не было ничего другого, а парни из Департамента Разоружения Объединенных Миров мечтали отнять когда-нибудь даже это.

На Земле, вспомнил Кэри, еще существуют племена, которые затачивают копыя на костре и едят мясо своих врагов. Ножи, во всяком случае, убивали достаточно эффективно.

Он немного отступил от поручней, давая топору простор. Ему уже не было холодно, кровь бурлила в жилах, обжигая натянутые нервы.

Но тут раздался вопль Дерека, пронесшийся над всей площадью.

Толпа расступилась. Сверху Кэри было видно, как Дерек вместе с доброй половиной команды в ярости пробивается через толпу.

— Я убью любого, кто сунется сюда! — заорал он.

— А кто он тебе? — вежливо осведомился человек в желтой юбке.

— Это мои деньги, болван! Деньги за провоз, которые я не получу до Барракеша — и то если доставлю его живым, чтобы он мог принести их мне. А вот если он мне не заплатит, то я сам с ним разберусь. — Дерек вспрыгнул на палубу баржи. — А теперь убирайтесь. Или прольется немного больше крови, чем требуется для развлечения.

Люди Дерека встали рядом, плечом к плечу, вдоль поручней; вдалеке показались уже и остальные члены команды, спешащие на подмогу. Двенадцать крепких вооруженных мужчин — это уже не похоже на развлечение. Толпа медленно потянулась назад, и пятеро парней нехотя последовали за всеми.

Дерек выставил часового и увел Кэри в кабину.

— Надень вот это, — сказал он, кинув Кэри какой-то сверток.

Кэри отложил топор. Теперь его била крупная дрожь, и пальцы никак не могли справиться с узлами.

Сверху в свертке оказался толстый плащ кочевника. В него были завернуты кожаная юбка, хорошо поношенная и обмятая, украшенная побрякивающими бронзовыми застежками, широкий бронзовый воротник и кожаные доспехи — почерневшие и засаленные от долгого употребления.

— Мы сняли это с мертвого тела, — сообщил Дерек. — Там внизу еще есть сандалии. — Он бросил Кэри длинный нож кочевников. — Возьми. А теперь, мой дорогой друг, могу сказать тебе, что у нас крупные неприятности.

— Мне показалось, что я отлично сыграл, — произнес Кэри, примеривая обнову. Возможно, когда-нибудь, если он останется жив, он снова станет примерным почетным доктором археологии — но не сейчас. — Кто-то сказал им, что здесь прячется землянин.

Дерек кивнул:

— У меня здесь друзья, люди, которые мне доверяют и которым доверяю я. Они-то и предупредили меня. Поэтому я вытащил своих парней из борделей, ну и... Наслушался же я от них!

Кэри рассмеялся, накинул на себя накидку и застегнул бронзовый крючок на горле. Грубая ткань приятно согревала.

— Теперь Уэйлз точно знает, что я с тобой. Это он пытался так выяснить истину. Чтобы наверняка.

— Но вас могли убить, — сказала Аррин.

Кэри пожал плечами:

— Они готовы скорее убить меня, нежели упустить, хотя, разумеется, никто этого вслух не говорит. Вся загвоздка в том, что Уэйлза не проведешь этим маскарадом и он не станет ждать до Барракеша. Он появится на барже, как только ты выйдешь из Валкиса — и уж не сомневайся, с ним будет достаточно вооруженных людей, чтобы он получил свое.

— Все верно, — согласился Дерек. — Тогда так. Пусть получит себе баржу. — Он повернулся к Аррин: — Если ты все еще горишь желанием идти с нами, собирайся. И учти, тебе придется долго ехать верхом.

Потом он повернулся к Кэри:

— Лучше прямо сейчас убраться из города. Звери и припасы у меня будут к восходу Фобоса. Где мы встретимся?

— У маяка, — ответил Кэри.

Дерек кивнул и вышел. Кэри тоже вышел и подождал на палубе, пока Аррин переоденется.

Через несколько минут она появилась, закутанная в длинную накидку с капюшоном. Девушка вынула колокольчики из волос и сняла их со щиколоток, так что теперь двигалась совершенно бесшумно, легко и проворно, как гибкий мальчик-подросток.

— Пошли, житель пустыни, — ухмыльнулась она ему. — Как, ты сказал, твое имя?

— Марах.

— Не забудь топор.

Они спустились с баржи. На палубе горел одинокий факел. Огни на площади тоже почти все погасли. Тут не было ни души, зато на примыкавших улицах наблюдалось изрядное оживление и слышалась музыка. Кэри повел Аррин налево, вдоль канала. Он оглянулся: никто не шел за ними, никто не следил. Звуки и огни постепенно стали слабеть, тускнеть. Здания, мимо которых они проходили, были пустыми, окна и двери распахнуты всем ветрам. Деймос плыл по небу, и через провалы в крышах виднелось лунное сияние — серебряные лучи проникали в дома и ложились на нанесенную ветром пыль, плотным слоем покрывавшую пол.

Кэри несколько раз останавливался, прислушиваясь, но ничего не услышал, кроме завывания ветра. Он начинал успокаиваться и торопливо вел Аррин, широко шагая своими длинными ногами. Теперь они уже отошли от канала и поднимались по разбитой улочке в гору.

Вскоре улочка перешла в лестницу, вырубленную в скале. По обеим сторонам стояли дома без крыш, прилепившиеся к поверхности утеса, словно покинутые птичьи гнезда. Воображение Кэри, как всегда, населило их людьми, наполнило сетями и утварью, оживило голосами, огнями и запахами.

На самом верху он остановился, чтобы дать Аррин передышку, и посмотрел вниз — через века на пылающие по берегу канала факелы.

— О чем ты думаешь? — спросила Аррин.

— Я думаю о том, что ничто и никто не должен умирать — ни люди, ни океаны.

— Рамы жили вечно.

— Слишком долго, пожалуй. И это было плохо, насколько я знаю. Все же мне грустно думать о людях, которые строили эти дома, трудились здесь, рожали детей, мечтали о будущем...

— Ты очень странный, — заметила Аррин. — Когда я впервые увидела тебя, я никак не могла понять, за что Дерек полюбил тебя. Ты был такой... тихий. Сегодня я видела, каким ты можешь быть. Но сейчас ты опять несешь чепуху и снова нерешительный и мягкий. Какое тебе дело до всех этих костей и пыли?

— Это только любопытство. Я никогда не узнаю конца истории, но, по крайней мере, я могу узнать ее начало.

Они снова двинулись вперед. Теперь они шли вдоль берега бывшей гавани, с нависающими громадами пирсов, изгрызенными и обкатанными ветрами. Перед рассыпающимся мысом поднималась к небу разрушенная башенка маяка. Путники подошли прямо к ней, туда, где некогда проходили корабли, — и почти тут же Кэри услышал позвякивание сбруи и шаги животных. Это был Дерек.

Они вышли еще до восхода Фобоса.

— Это твои владения, — сказал Дерек. — Теперь я простой путешественник.

— Тогда вы с Аррин ведите выючных животных, — сказал Кэри, выезжая вперед.

Они оставили город далеко позади, поднимаясь все выше и выше в гору. Отсюда канал казался стальной лентой, сверкавшей в свете луны, однако лента эта становилась все уже и дальше, а потом и совсем пропала из виду. Здесь горная гряда подходила прямо к морю, образуя длинный изогнутый полуостров. Но от гор сохранились лишь голые остоны, и Кэри повел свой отряд через каменный лес скалистых костей и отростков по тропе, которой ходил лишь однажды, от души надеясь, что не забыл дорогу.

Они шли ночами, а днем отдыхали в укрытиях под скалами, и трижды над ними пролетал флаер, похожий на хищного ястреба, выслеживающего добычу. Кэри уже не раз прошибал холодный пот при мысли, что он сбился с тропы, но каково же было его изумление и восторг, когда он увидел морское дно именно там, где и рассчитывал его увидеть, — по другую сторону хребта, с бродом через канал.

Они перешли канал при лунном свете, остановившись только затем, чтобы наполнить бурдюки. К рассвету путники уже были в горах над Барракешем.

Посмотрев вниз, Дерек сказал:

— Думаю, нам следует забыть о караване, идущем на юг.

Торговлей люди Кеша и Шана занимались в мирное время; теперь же они готовились к войне. И, как и предсказывал Дерек, без всякой помощи и поддержки доктора Кэри.

Они толпились на улицах. Они сидели в караван-сараях. Они собирались толпами у ворот, и на берегах канала, и около илистого озерца, которым заканчивался канал. Табуны животных ломали дамбы, разбивали ирригационные каналы, травили посевы на полях. А из пустыни все скакали и скакали всадники, прибывали новые воины с развевающимися флажками и копьями, сверкавшими в свете утренней зари. Где-то вдалеке слышалось дикое завывание труб.

— Если только мы спустимся вниз, — сказал Кэри, — нас немедленно втянет в круговорот войны. Всякий, кто осмелится теперь повернуться спиной к Барракешу, получит в спину копьё за трусость.

От бешенства лицо у него потемнело и исказилось гримасой жестокости. Скоро вся эта орда устремится на север, собрав новые силы на Нижних Каналах, соединяясь на ходу с другими племенами, которые волеются в наступающую армию из восточных пределов Пустынных земель. Люди Городских Штатов будут гибнуть, как овцы с перерезанным горлом, и, возможно, даже купол Кахоры будет повержен. Однако рано или поздно привезут пушки; и тогда уже смерть пойдет косить самих кочевников. А все из-за того, что хорошие люди вроде Вудторпа хотят только добра.

— Я иду в Синхарат, — сказал Кэри. — Но вам известно, как ничтожны шансы у маленькой партии, без каравана и без колодцев.

— Да, — ответил Дерек.

— И ты знаешь, что мы навряд ли избежим встречи с Уэйлзом без прикрытия каравана.

— Скажи, как мне попасть домой.

— Ты можешь дожидаться своей баржи и возвратиться в Валькис.

— Не могу, — серьезно ответил Дерек. — Мои люди будут смеяться надо мной. Хватит тратить время на болтовню. Пустыня перед нами, а время — это вода.

— Кстати, о воде, — сказала Аррин. — А когда мы вообще доберемся до места? И как вернемся обратно?

— Доктор Кэри слышал, что в Синхарате есть роскошный колодец, — произнес Дерек.

— Он слышал, — съязвила Аррин. — Но точно не знает. В точности как с хрониками. — Она полупрезрительно посмотрела на Кэри.

Кэри коротко улыбнулся:

— О колодце мне известно доподлинно, из надежного источника. Он находится в коралловом рифе, глубоко под городом, так что его можно использовать, не нарушая табу. Шани не подходят близко к нему, если не испытывают крайней нужды, но я разговаривал с человеком, который пил из него.

Кэри повел их вниз, в долину — прочь от Барракеша. Дерек нервно поглядывал на небо.

— Думаю, что Уэйлз приготовил для нас хорошенькую ловушку. И теперь поджидает нас около нее.

Полеты флаеров над территорией племен были строжайше запрещены, на то требовалось особое разрешение, которое в такой ситуации было теперь не достать. Но оба они понимали, что Уэйлза это не остановит.

— Кто знает, — мрачно сказал Кэри, — возможно, придет час, когда мы будем рады видеть его...

Он сделал большой крюк на север, чтобы избежать встречи с воинственными кочевниками, спешащими в Барракеш. Потом маленький отряд направился по дну мертвого моря прямым курсом на Синхарат.

Очень скоро Кэри уже потерял счет дням. Дни сливались в единый однообразный ад, в котором трое людей и их спотыкающиеся животные перебирались через кучи камней, поднимающихся к солнцу, или ползли под рифами полусгнившего коралла, окруженного таким тонким песком, что он сверкал на свету словно толченное стекло. По ночам был лунный свет и пронизывающий холод, но холод не утолял жажду. Только одно было хо-

рошо — хотя именно это и тревожило Кэри больше всего: в пустом и жестоком небе ни разу не появился флаер.

— Пустыня велика, — сказала Аррин с надеждой. — Возможно, он просто не может найти нас. А может, он утомился и плюнул.

— Только не он, — отозвался Кэри.

— Возможно, он думает, что мы уже умерли, так что нечего тратить время.

Возможно, подумал Кэри. Возможно. Но временами он клял Уэйлза последними словами. Что задумал этот подонок? Однако ответа не было.

Наконец была выпита последняя капля воды. И Кэри забыл про Уэйлза и стал думать лишь о колодцах Синхарата, прохладных и чистых в своем коралловом лоне.

Он все еще думал о них, вяло посылая вперед зверя, который теперь был почти так же слаб, как и он сам. Видение колодца, полного воды, настолько помрачило рассудок Кэри, что он заметил опасность в самый последний момент. Его опаленные солнцем, подслеповатые глаза уловили что-то странное и послали сигнал мозгу. Кэри резко остановился в дикой тревоге.

Они ехали не по гладкому песку, а по многочисленным следам, оставленным отрядом наездников, — и уже довольно долго.

Глава 4

Остальные вышли из своего оцепенения, когда Кэри показал им на дорогу, призывая к тишине. Широкая дорога сворачивала в сторону и исчезала из виду за огромным белым коралловым рифом. Следы были совсем свежие, ветер успел только слегка размыть очертания копыт.

Нещадно нахлестывая измученных животных, они поскакали по дороге. Риф поднимался высоко в небо, словно стена. По всей его окружности зияли огромные дыры — каверны, и они нашли достаточно большую, что могла укрыть всех троих вместе со зверями. Кэри пошел один к изгибу рифа, за которым скрылись всадники, и ветер погнался за ним, дудя и гуляя в широких сотах коралла.

Археолог подполз к уступу — и понял, где он находится.

На противоположной стороне рифового кольца была широкая сухая лагуна. Она простиралась примерно на полмили — прямо до кораллового острова, поднимавшегося вверх в резком и ярком солнечном свете. Голые скалы красиво переплетали в себе полосы темно-розового, белого и нежно-розового коралла. Изысканная лестница вела от пустыни в город, окруженный стенами и башнями столь безупречной архитектуры, выстроенными из такого многоцветного мрамора и так изысканно-мягко обкатанными временем, что было невозможно определить, где кончается работа

рук человеческих и начинается работа самой природы. Кэри видел все это сквозь дымку усталости и изумления. Он понял: это — Синхарат! Вечно Живой!

Следы воинов Шана вели в лагуну. Копыта взрыхлили песок возле покореженных обломков, которые некогда были припаркованным флаером, потом следы шли дальше, оставив за собой груду железа и две темные бесформенные тени, распростертые на песке. Следы обрывались у подножия утеса, где Кэри заметил организованное скопление людей и животных. Воинов было двадцать пять—тридцать, насколько он мог сосчитать. Они стояли лагерем.

Кэри знал, что все это значит. Кто-то чужой пробрался в город.

Некоторое время Кэри лежал неподвижно. Он любовался прекрасным мраморным городом, сверкавшим на чудном коралловом пьедестале. Ему хотелось заплакать, но в его теле осталось слишком мало влаги, к тому же отчаяние очень быстро сменилось дикой злобой. Ну ладно, подонки, подумал он. Погодите!

Археолог вернулся к Дереку и Аррин и рассказал о том, что видел.

— Уэйлз прилетел как раз перед нами и стал поджидать. Зачем суесться и обыскивать всю пустыню, если в итоге мы все равно придем сюда? На сей раз он счел, что мы у него в кармане. Вода! Мы не могли убежать без воды. — Кэри улыбнулся ужасной улыбкой: губы его потрескались, язык распух. — Только Шани нашли его быстрее, чем он — нас. Партия войны. Наверное, они заметили, как пролетел флаер — и прискакали проверить, не села ли машина здесь. Они поймали двоих. Но остальные пробрались в Синхарат.

— Откуда ты знаешь? — спросил Дерек.

— Шани никогда не пойдут в город, если на то нет особой причины. Если они застигли нарушителя границ, то просто будут караулить колодец и ждать. Рано или поздно он все равно явится к ним сам.

— А сколько можем ждать мы? — спросила Аррин. — Мы уже не пили ни капли вот уже два дня.

— Ждать, черт возьми!.. — выругался Кэри. — Мы не можем ждать. Я иду туда.

Сейчас, именно сейчас, пока у них еще есть какие-то силы. Завтра будет уже поздно.

— По-моему, смерть от копья легче, чем от жажды, — заметил Дерек.

— Мы сумеем избежать и того и другого, если будем очень осторожны. И если нам повезет.

И он рассказал им свой план.

Спустя час Кэри вышел на дорогу, по которой воины проследовали через лагуну. Он шел, а вернее, тащился, держа под уздцы

спотыкающееся животное. На монстре сидела Аррин, черная накидка полностью скрывала ее лицо в знак скорби. Между двумя оставшимися зверями на импровизированных носилках, сделанных из одеял и веревок, лежал Дерек, завернутый с ног до головы в свой плащ, — пожалуй, слишком убедительно изображая труп.

Кэри услышал крики и увидел, как издалека к ним скачут всадники. Внезапно на него напал страх. Малейшая ошибка, неточность — и тогда ничто на Марсе не спасет их. Но жажда была куда хуже страха.

Была и еще одна причина. Проходя мимо трупов на песке, лежащих возле разбитого флаера, Кэри заметил, что оба убитые — марсиане, и тогда он с какой-то звериной злобой уставился на башенки Синхарата. Уэйлз был там, в безопасности, по-прежнему живой, по-прежнему стоящий между Кэри и тем, чего ученый так страстно желал. Рука Кэри судорожно сжала топор. Он уже слегка повредился в рассудке на почве Говарда Уэйлза и хроник Бессмертных.

Когда всадники приблизились на расстояние броска копья, археолог остановился, поднял топор и воткнул его в песок, как знак мира. Выждав минуту, он негромко произнес:

— Ради всех богов, будьте осторожны.

Всадники натянули поводья, из-под копыт полетел песок.

— Я требую выполнить мою последнюю просьбу, — сказал Кэри.

Он стоял, раскачиваясь над своим топором, пока всадники изучали его, закутанную женщину и запыленный труп. Их было шестеро, высоких, крепких мужчин с дикими глазами и длинными копьями наготове. Наконец один из них спросил:

— Как вы сюда попали?

— Муж моей сестры, — сказал Кэри, показывая на Дерек, — умер во время похода на Барракеш. Законы нашего племени повелевают похоронить его там, где он родился. Но сейчас караваны не ходят. Вот нам и пришлось отправиться в одиночку, и во время песчаной бури мы сбились с пути. Не знаю, сколько дней мы блуждали в пустыне, пока не наткнулись на ваши следы.

— А вы знаете, где находитесь? — спросили кочевники.

Кэри отвел глаза от города:

— Теперь я понял. Но если человек умирает, ему дозволено воспользоваться колодезем. Мы умираем.

— Тогда воспользуйтесь, — сказал кочевник. — Только держитесь подальше от нашего лагеря. Это дурное предзнаменование. Мы отправляемся на войну, лишь закончим здесь одно дело. Мы не желаем, чтобы всякие трупы отбрасывали на нас свою тень.

— Пришельцы? — спросил Кэри, показав на трупы в песке и останки флаера.

— Пришельцы. Какой еще дурак осмелится будить призраков запретного города?

Кэри покачал головой:

— Во всяком случае, не я. Я даже смотреть на него не желаю.

Всадники ускакали обратно в лагерь. Кэри медленно потащился к утесам. Ему было ясно, где может находиться колодец. В розовом коралле виднелся огромный арочный вход, люди входили и выходили оттуда, чтобы напиться и напоить своих зверей. Кэри, добравшись до места, монотонно завел церемонную речь, речитативом твердя традиционные фразы, которых требовал этикет. Он просил дать дорогу мертвому, так чтобы воины и беременные женщины и лица, проходящие обряд очищения, отошли подальше. Воины расступились.

Кэри вошел с жестокого солнца в благотворную тень извилистого прохода, достаточно высокого и широкого, поднимающегося вверх и вверх — сначала едва заметно, а потом все круче и круче и наконец обрывавшегося в огромной, гулкой как собор, зале, тускло освещенной факелами. Их свет выхватывал из мрака причудливые коралловые формы. В центре залы помещался колодец, имевший форму широкой чаши.

И тут Аррин впервые издала короткий мучительный вскрик. Семь или восемь воинов, охранявших колодец, как один, отпрянули в стороны, и Кэри с Аррин и «покойником» смогли подойти к воде в одиночестве. Несколько человек поили своих зверей; Кэри словно из уважения к запрету обошел их стороной как можно дальше. В полумраке он поднялся по истертым ступеням, вырубленным в коралле. И остановился.

Он помог Аррин спешиться и усадил ее, потом стащил Дерекa с носилок и положил на твердый коралловый пол. Звери кинулись к воде, и он не сделал никаких попыток остановить их. Археолог наполнил один бурдюк для Аррин, а потом сам бросился навзничь между пьющих животных и окунул голову в чудную чистую холодную воду. После этого он несколько минут стоял на коленях, в каком-то полузабытье — пока не вспомнил, что Дереку тоже нужна вода.

Он наполнил еще два бурдюка и отнес их к Аррин, встав подле нее на колени, словно в знак нежного утешения, пока она рыдала над «мертвым». Его распахнутая накидка надежно скрывала то, чем занималась девушка — поила Дерекa из бурдюка. Кэри что-то сказал, тихо и быстро, затем вернулся к животным. Он погнал их прочь от воды, чтобы они не подхватили воспаление копыт и не охромели. Вся эта суета была призвана скрыть то, что происходило за его спиной.

Кэри повел шипящих и спотыкающихся зверей туда, где прежде были Аррин и Дерек, все еще прикрываясь животными на тот случай, если стражники наблюдают. Он схватил свой топор и последний бурдюк с водой и погнал зверей вверх по лестнице, так

быстро, как только мог. Лестница была винтовая, и он уже повернул за второй поворот в крошечной тьме, когда стражники наконец опомнились и издали яростный вопль.

Он не знал, будет ли за ним погоня. Кто-то пошарил во тьме, ощупывая его лицо, и голос Дерека что-то быстро произнес. Он слышал, как задыхается Аррин — словно загнанная собака. У него самого колени тряслись от слабости. «Какой мощный ударный отряд против Уэйлза с его людьми и тридцати разъяренных воинов шани», — с сарказмом подумал археолог.

Внизу, у первого поворота вспыхнуло пламя факелов и послышались голоса. Кэри с Аррин и Дерек ринулись вверх, помогая друг другу, однако шани не последовали за ними, а остановились. Факелы и голоса исчезли. Кэри с друзьями поднялись еще выше, потом без сил рухнули на вытертые ступени.

— Почему они не погнались за нами? — спросила Аррин.

— А зачем? Наших запасов воды хватит весьма ненадолго. Они могут позволить себе подождать.

— Да, — согласилась девушка. — Но как мы выберемся отсюда?

— Это будет зависеть от Уэйлза, — ответил Кэри.

— Не понимаю.

— Рано или поздно кто-нибудь должен послать сюда флаер, чтобы выяснить, что случилось. Весь вопрос в том, как скоро. — Он похлопал по бурдюкам с водой. — Вот почему они так важны для нас. Это дает нам выигрыш во времени.

Маленький отряд вновь двинулся по лестнице вверх по протертым множеством ног камням. Бессмертные ходили сюда за водой долгое-долгое время. Вскоре впереди мелькнул дневной свет, просочившийся через щель, и мужской голос, полный ужаса, закричал откуда-то сверху:

— Я слышу их! Они идут сюда...

Но ему ответил резкий голос Говарда Уэйлза:

— Подожди!

Потом он спросил по-английски:

— Кэри. Доктор Кэри, это вы?

— Я! — прокричал в ответ Кэри.

— Слава Богу, — сказал Уэйлз. — Я видел вас, но не был уверен... Поднимайтесь сюда, добро пожаловать. Мы все теперь в одной ловушке.

Глава 5

Синхарат был городом без людей, но мертвым городом он не был. У него была память, был голос. Ветер давал ему дыхание, и он пел, пел бесчисленным множеством крохотных органических трубок из коралла, пел пустыми мраморными проемами и узкими глотками улочек. Тонкие минареты выступали флейтами, а ветер не стихал никогда. Порой голос Синхарата звучал мягко и

мелодично, что-то рассказывая о вечной молодости, весне жизни и неиссякающих удовольствиях. А порой он был мощным и яростным, исполненным гордыни. Он кричал: «Ты умрешь, я — никогда!» Бывало, он впадал в безумие, насмешливый и ненавидящий. Но песнь его всегда была воплощением зла.

Теперь Кэри понимал, почему Синхарат стал запретным городом. Причина таилась не только в древнем ужасе перед его обитателями. Дело было в самом городе под ярким солнцем или под скользящими лунами. Город был крошечный. В нем всегда жили немногие — самое большее, тысячи три Бессмертных, и остров давал им достаточно простора и покоя. Но они строили тесно и высоко. Улицы представляли собой глубокие туннели между стенами, а башни тянулись ввысь, немыслимо тонкие и высокие, вонзаясь в самое небо. У некоторых обрушились верхушки, иные развалились до основания, однако в целом город был по-прежнему прекрасен.

Цвета и оттенки мрамора восхищали глаз. Многие дома сохранились и были как новые, разве что ветер стер резьбу на их фасадах, так что лишь при определенном освещении на стене возникал вдруг узор или тень прекрасного лика — горделивого, с надменной улыбкой на устах, а порой целая процессия торжественно выступала, направляясь на забытое богослужение.

Возможно, все дело было в ветре и полускрытых наблюдателях, которые придавали городу зловещее и злое очарование. Но Кэри думал иначе. Рамы встроили в город что-то особенное, духом напоминающее загадочную женщину Бессмертных — прелестную и манящую, но с какими-то странными, пугающими глазами. Даже трезвомыслящий Говард Уэйлз чувствовал себя здесь не в своей тарелке, а уж остальные... Уцелевшие жители Городских Штатов Марса ходили по улицам как собаки, поджавшие хвост. Дерек утратил часть своей привычной самоуверенности, а Аррин просто не отлипала от него.

Внутри зданий это чувство обострялось. Там были залы и комнаты, где жили Рамы. Вещи, которые им принадлежали, резьба и выпуклые фрески, которыми они любовались. Вечно юные, вечно живущие Бессмертные, кравшие чужие жизни, они ходили по этим коридорам и видели свои отражения в полированном до зеркального блеска мраморе, и нервы Кэри все время чувствовали их незримое присутствие — после стольких веков.

Кэри обнаружил следы высокоразвитой технологии, равноценной, если не превосходящей все то, что он видел на Марсе. Неизбежный возврат к примитивной жизни пришел с истощением природных ресурсов. В одной маленькой комнатке Кэри обнаружил сломанное оборудование, лежавшее среди стеклянных осколков и пыли; он догадался, что именно здесь Рамы обменивали свои устаревшие тела на новые. Из некоторых фресок, выполненных поистине с садистским юмором, было ясно, что жертвы, как

правило, убивались — хотя и не сразу, после того, как завершалось «переселение».

Но ему никак не удавалось обнаружить архивы. На улице Уэйлз и его люди с помощью Дерека (Аррин выступала в роли часового) расчищали место для посадки флаера. Уэйлз как раз связался с Кахорой перед неожиданным нападением кочевников. Так что там знали, где он находится; как только они поймут, что Уэйлз подозрительно долго не выходит на связь, то непременно пошлют связного. Если у них будет посадочная площадка и хотя бы немного воды, расходуемой под строжайшим контролем, и шани не озвереют от нетерпения, сохранялся шанс благополучного исхода.

— Но только, — сказал Кэри, — если флаер действительно прилетит, приготовьтесь прыгнуть в кабину как можно быстрее. Шани атакуют стремительно.

Никаких тренировок с Говардом Уэйлзом у него не возникло. Вообще-то он ждал осложнений и последние марши лестницы преодолел с топором наготове. Однако Уэйлз лишь покачал головой.

— У меня тяжелый служебный парализатор, — сообщил он Кэри. — Но я не собираюсь стрелять в вас. Так что можете убрать свой топор, доктор.

Марсиане тоже были вооружены. Кэри знал, что они легко могли бы скрутить его. Возможно, пока они берегли боеприпасы для шани, которые продолжали играть в войну.

— Я сделаю то, ради чего я пришел сюда, — сказал Кэри.

Уэйлз пожал плечами:

— Мое задание заключалось в том, чтобы найти вас. Полагаю, больше у нас не возникнет проблем — если мы все унесем отсюда ноги. Кстати, я видел, что творится в Барракеше, и могу подтвердить, что вы не имеете к этому ровным счетом никакого отношения. Я лично считаю, что многие мои начальники просто безмозглые идиоты, но в этом нет ничего нового. Так что ступайте и занимайтесь своим делом. Я не буду вам мешать.

Кэри ушел вперед, один взяв с собой минимум воды, одеяло и сухие концентраты, которые он положил в карман пояса. Прошло два с половиной дня; ученый все отчетливее чувствовал горечь поражения. А потом совершенно случайно он переполз через огромный упавший мраморный блок в длинную комнату со множеством хранилищ по обеим сторонам — и горячая волна возбуждения смыла всю его усталость.

Щеколда из какого-то нержавеющей сплава легко скользнула под его рукой. Кэри вошел и был в буквальном смысле оглушен невероятным богатством — сокровищницей знаний, которая предстала его глазам. Археолога тотчас же пронзила острая мучительная боль утраты: ведь он может унести с собой лишь малую толику этого богатства! Остальное он, возможно, больше никогда не увидит.

Бессмертные расположили свои архивы по простому и стройному принципу хронологии. Ему не потребовалось много времени, чтобы найти то, что он искал, но даже это оказалось слишком долго.

Дерек прибежал за ним, что-то крича на ходу. Кэри закрыл дверь в хранилище и стал карабкаться по мраморному блоку, прижимая к груди бесценные реликвии.

— Флаер! — вопил Дерек! — Скорее!

Вдалеке Кэри услышал разъяренные вопли шани.

Он последовал за Дерексом, однако вопли приближались — воины Шана тоже заметили флаера и поняли, что тот сядет в городе. Кэри мчался по узким изгибающимся улочкам, которые вели к площади. Когда он добежал, то увидел, что флаер завис в воздухе, примерно в тридцати футах над землей, едва не задевая загроможенную камнями площадку. Уэйлз и марсиане отчаянно махали ему.

Шани нахлынули двумя волнами: первая со стороны колодца, вторая — сверху, с утеса. Кэри поднял свой топор. Затрещали парализаторы.

Археолог надеялся, что шани просто постараются удержать кочевников на расстоянии, потому что не хотел ничьей смерти, тем более ему не хотелось умирать самому, особенно сейчас.

— Скорее во флаера! — завопил Уэйлз.

И Кэри заметил, что машина пошла вниз, поднимая столб пыли и песка.

Воины в передних рядах теряли равновесие, когда в них попадали парализующие разряды. Они падали, сверкая остроконечными копьями и металлическими украшениями. Первый парализатор уже разрядился, но никто не собирался задерживаться ни на секунду.

Дерек подсаживал Аррин в кабину. Оттуда протянулись руки, и кто-то нехотя завопил, что надо поторапливаться. Кэри отшвырнул свой топор и прыгнул в люк. На него навалились марсиане, потом Уэйлз; пилот рванул вверх так резко, что ноги Уэйлза остались болтаться в воздухе. Кэри ухватил его за шиворот и втянул в кабину. Уэйлз засмеялся каким-то диковатым смехом, и флаер взмыл вверх, над минаретами Синхарата. Копья забарабанили по его броне.

Техникам пришлось повозиться, адаптируя свое оборудование к микропленкам Бессмертных. Результаты были далеки от совершенства, но Комитет планетарной помощи Объединенных Миров, срочно созданный в Кахоре, такие мелочи не беспокоили. Собравшиеся были начальниками над Аланом Вудторпом, и им надлежало принять решение; времени же было в обрез. Огромная волна бунта катилась с севера от Пустынных земель, передвигаясь со скоростью несущихся пустынных зверей, на которых скакали.

кочевники. И теперь уже Вудторп не мог свалить все на доктора Кэри.

Подавленный и довольно испуганный, Вудторп сидел рядом с Кэри в зале заседаний, где проводились слушания. Дерек тоже был там и Уэйлз, а также некоторые высокопоставленные чиновники из Городских Штатов и двое вождей из Пустынных земель, которые знали Кэри как Кэри, а не как кочевника, и доверились его честному слову, явившись на эту встречу.

Жаль, что так поздно, с горечью подумал Кэри. Только один Комитет не понял, не оценил потенциальной взрывоопасности ситуации. Им говорили об этом, прямо и откровенно. Но они предпочитали верить балбесам типа Вудторпа, у которого есть некоторые специальные знания, но нет способности оценить ситуацию в целом.

Теперь же члены Комитета дисциплинированно сидели и слушали шепот привезенных Кэри пленок, лившийся из проекторов. Они видели остров в синем море. По улицам ходили люди, в гаванях стояли корабли. Город наполнился звуками жизни. Только море опустилось, схлынуло с вершин коралловых рифов. Лагуна стала мелкой лужей, окаймленной широкими пляжами, а внешний риф стоял голый над слабым прибоем. Мужской голос говорил что-то на древнем верхнемарсианском, слегка искажаемом воспроизведением и заглушаемым голосом переводчика на эсперанто. Кэри постарался отвлечься от всего, кроме этого голоса, дошедшего через века.

— Природа насмехается над нами в эти дни, напоминая о том, что даже планеты умирают. Мы, которые настолько сильно любили жизнь, что ради этого отнимали ее у бесчисленного множества других людей, лишь бы сохранить свою... теперь мы видим начало нашего неизбежного конца. И хотя впереди еще могут быть тысячелетия, осознание грядущего конца рождает странные мысли. Впервые за все это время некоторые из нас сознательно избирают смерть. Другие начинают менять тела, находя себе все более и более юных носителей жизни, и меняют их безостановочно. Все мы стали испытывать угрызения совести — не из-за нашего бессмертия, а из-за методов, которыми оно достигается.

...Одно убийство врежется в память, и в нем можно раскаиваться всю жизнь. Десять тысяч убийств становятся бессмыслицей, так же как десять тысяч совокуплений или десять тысяч партий в шахматы. Время и повторяемость перемалывают их в единообразную пыль. И все же теперь мы сожалеем, и наивная пылкая мечта посетила нас: мы хотим прощения. Прощения скорее не со стороны наших жертв, а нас же самих...

...Мы начали наш грандиозный проект. Люди Харифы пострадали от нас больше, чем любой другой народ, потому что их побережья доступны, а их юноши и девушки очень красивы и

здоровы. Мы постараемся как-то компенсировать свою вину перед ними.

Вместо оживленных улиц Синхарата возникло изображение покинутой и унылой прибрежной полосы пустыни рядом с отступившим морем. Некогда эти края были многолюдными. Там еще сохранились руины больших и малых городов, соединенных между собой мощеными дорогами. Когда-то там стояли заводы и энергостанции, построенные на базе развитой технологии; теперь все это ржавело, и ветер приносил охряную пыль, чтобы засыпать останки.

— Сотню лет, — продолжал голос Бессмертного, — не было ни одного дождя.

Там был оазис, с колодцами, полными прохладной воды. Высокие темноволосые мужчины и женщины черпали из них, поливая огромные поля. Там была деревушка в тысячу человек, с чистенькими хижинами.

— Марс убил больше детей, чем убили мы. «Счастливики», которые выжили, живут теперь вот в таких «городах»... Те, кому повезло меньше...

Длинная цепочка животных и людей в плащах с капюшонами двигалась по бесплодной пустой равнине. И вожди Пустынных земель кричали: «Наш народ!»

— Мы снова дадим им воду, — произнес голос Бессмертного.

Бобина кончилась. Во время перерыва, пока ставили следующую, Вудторп неловко кашлянул и пробормотал:

— Но это было так давно, Кэри... Ветры перемен...

— Приносят настоящую бурю, — закончил Кэри.

Снова на экране замелькали кадры. Теперь на берегу моря стоял большой завод, перегонявший пресную воду из морской. Рядом с ним возник поселок, зазеленели поля и плантации молодых деревьев.

— Все хорошо, — сказал голос Бессмертного. — И со временем будет еще лучше, поскольку поколения у них сменяются быстрее.

Поселок превратился в город. Население возросло, расползлось. Новые города, новые поля. Земля процветала.

— Многие тысяч новых жизней, — продолжал Бессмертный, — которые никогда не появились бы, если бы не наши усилия. Мы компенсировали свои убийства.

Бобина кончилась. Вудторп пожал плечами:

— Но нам-то нет нужды ничего искупать! Мы...

— Если мой дом сгорит, — сказал Кэри, — то мне все равно, от чего он сгорел — от молнии, от злоумышленного поджога или от небрежности ребенка, игравшего со спичками. Дома-то все равно нет.

Закрутилась третья бобина.

Теперь говорил совсем другой голос; то ли первый диктор добровольно ушел из жизни, то ли у него просто не хватило мужества дочитать текст до конца.

Завод по перегонке воды захирел, металлических деталей на ремонт не хватало и найти их было невозможно. Солнечные батареи оказалось невозможно заменить. Запасы воды сократились. Урожай погиб. Наступила паника и голод, и насосы прекратили работу, и города встали, как мертвые суда в мертвых гаванях.

Голос Бессмертного произнес:

— Таковы последствия наших актов милосердия, которые мы совершаем. Теперь те тысячи людей, которых мы родили к жизни, должны умереть, как умирали их предки. Жестокие законы выживания, которые мы заставили их забыть, невозможно постигнуть заново. Однажды они уже прошли через страдания, и справились с этим, и смирились. Теперь же мы ничем не в силах им помочь. Мы можем только стоять и смотреть.

— Выключите это! — закричал Вудторп.

— Нет, — сказал Кэри, — досмотрите это до конца.

И они досмотрели до конца.

— А теперь, — сказал Кэри, — я хотел бы напомнить вам, что Хариф — это прародина практически всех кочевых племен Пустынных земель. — Он обращался не к Вудторпу, а к представителям Комитета. — Так называемые примитивные народы прошли через весь этот ужас не один раз, и у них сохранились некоторые воспоминания. Племенные легенды рассказывают им, что случилось с их народом в прошлый раз, когда они поверили в ненадежные перемены, которые принесли им люди. Теперь вы понимаете, почему они так настроены воевать?

Вудторп посмотрел на нахмуренные и озабоченные лица представителей Комитета.

— Однако, — начал он, — теперь все будет не так. Наши ресурсы...

— Наши ресурсы находятся за миллионы миль отсюда, на другой планете. Каков по гарантии срок работы ваших насосов? У Бессмертных, по крайней мере, были естественные источники воды — для тех, кто выживал после подобных экспериментов. Вы же хотите уничтожить последнее — чтобы у них вообще ничего не осталось.

Кэри посмотрел на представителей Городских Штатов:

— И ваши Штаты дорого заплатят за это. С таким огромным населением смерть от голода и жажды... — Его передернуло. — Есть другие способы помочь: еда, медикаменты. Образование, возможности для молодых марсиан увидеть, поработать в других, более зеленых местах — если они захотят. А пока на нас движется армия. Нужно во что бы то ни стало остановить ее. Мы сказали вам все. Теперь вожди слушают, что скажете им вы.

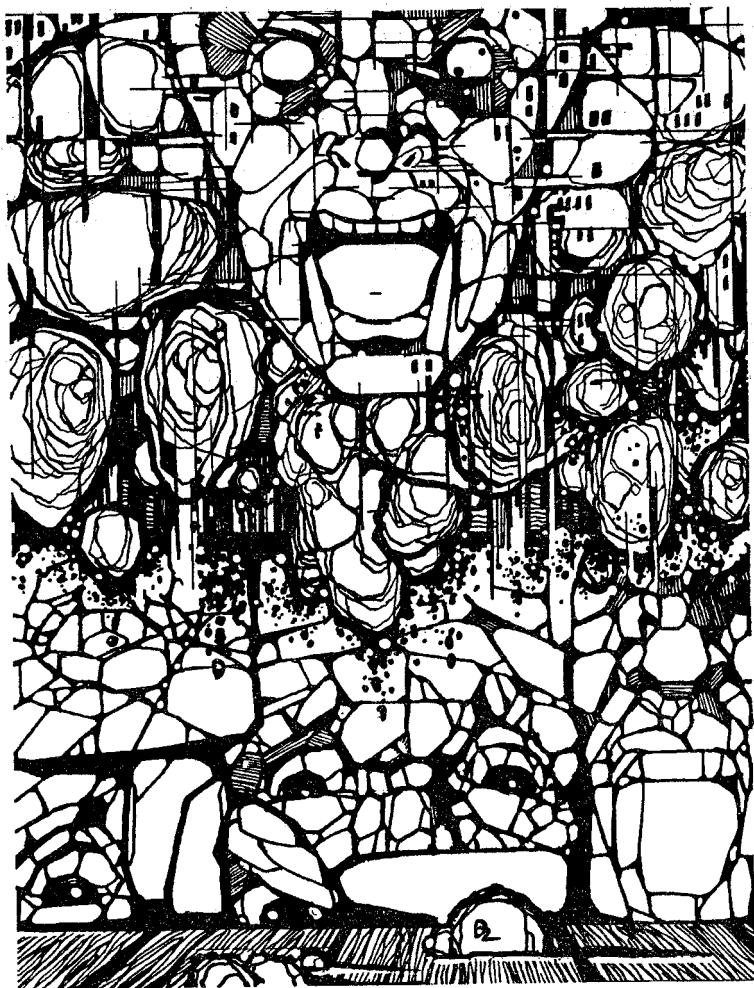
Председатель Комитета пошептался с коллегами. Конференция была предельно краткой.

— Передайте вождям, — сказал председатель, — что мы не хотим войны. Пусть идут домой с миром. Скажите им, что Реабилитационный проект отменяется.

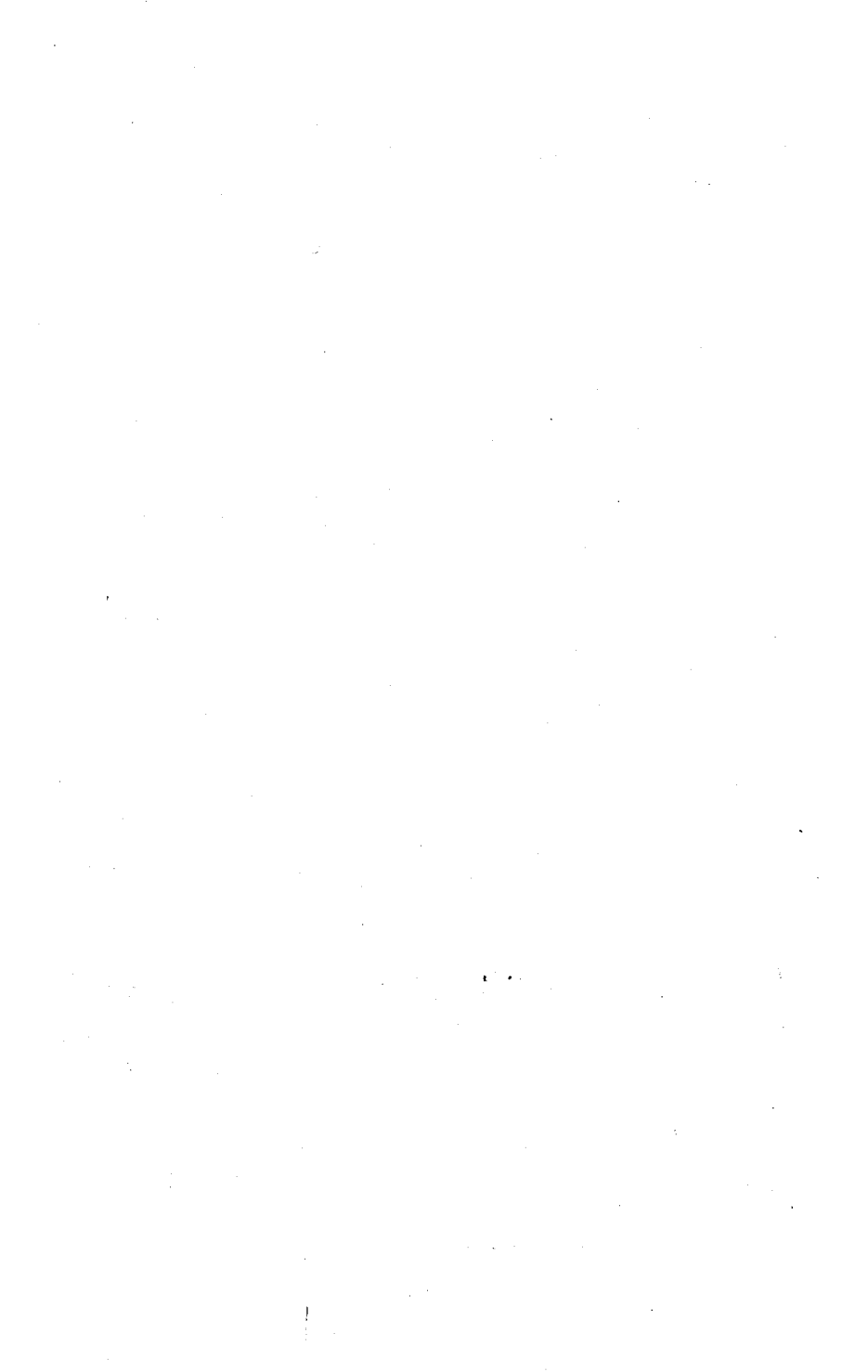
Огромная армия медленно отхлынула назад в Пустынные земли и растворилась в песках. Кэри прошел через слушания по делу о его халатности, получил взыскание и принял отставку с легким сердцем. Он пожал руку Говарду Уэйлзу и вернулся в Джеккару — выпить с Дерексом и побродить у канала, который теперь не исчезнет с этого места, пока не умрет планета.

И это было славно.

Но в конце канала стоял Барракеш, Там караваны отправлялись на юг, и ждала долгая дорога на Синхарат. Кэри помнил о хранилищах за поверженным мраморным блоком и знал: когда-нибудь он непременно отправится по этой дороге снова.

ПУТИ НЕМЕЗИДЫ

Глава 1

Застыв как изваяние, он стоял в темноте подворотни. За грохотом колотящегося сердца ничего не было слышно, однако глаза Рика, цвета бледного янтаря, из-под белесых бровей напряженно обшаривали тесное ущелье переулка. По зеленоватым лунным лужицам, лежащим на древней мостовой, проплыли тени.

Рик поднял левую руку, прицелился. Эхо выстрелов громовым раскатом заметалось между рядами домов, пристроенных вплотную друг к другу. Две тени безмолвно исчезли; хозяин третьей взвыл и выпрямился в рост.

В тусклых лучах Фобоса Рик сумел его разглядеть. Ну конечно же, «чернец»!..

Покрытые шерстью твари обитали в морских впадинах и являлись тупиковой ветвью развития жизни — подобные «слепые отростки» эволюции на Марсе встречаешь повсюду. До сих пор по поводу их происхождения велись научные споры. Кто-то из ученых мужей полагал, что раньше они были людьми, но потом выродились в своих изолированных, запустелых деревушках. Другие ученые утверждали, что это не люди вовсе и не обезьяны, а просто существа, по дороге жизни забредшие в никуда.

Однако нашего героя академические вопросы занимали мало, и лишь один факт науки представлялся ему очень важным — высокая дрессируемость черных обезьян.

«Чернецы», подобно овчаркам, хорошо ходили по следу, а потому некая очень серьезная организация под названием «Земная горнорудная компания» обучила их подыскивать персонал для заполнения вакансий в бригадах перфораторщиков.

Рик не желал рвать спину, покуда не загнешься, на шахтах сего славного предприятия. Он бережно взял чернеца на мушку, чтоб теперь уж наверняка.

И грянул гром, и стало тихо...

Рик никогда не слышал такой всепоглощающей тишины — только на мертвых мирах. Кузнечные цеха Компании сотрясали грохотом весь квартал от кабачков на Улице Тридцати Трех Удовольствий и аж до самой городской стены, но шум паровых молотов был не в силах проломить непроницаемую тишину Руха; вот так же беспомощна колотушка против брони космического корабля.

Рик двинулся дальше по узкой извилистой улочке. Провалы окон в толстых стенах казались мертвыми глазницами. По ту сторону плотно закрытых ставень прятались обитатели домов. Сотни веков люди, очень-очень много людей, жили здесь, однако в нынешние времена прогулка по городу столь же щедра на встречи, как экскурсия по лунным пещерам...

А всему виной — новые законы. Стоял себе потрепанный временем мир, в котором уставы городов-государств были так немногословны, что каждый мог их запомнить наизусть; и вдруг с Земли является выскочка Эд Фаллон и объявляет, что отныне Компания есть Закон, стоящий превыше старых уложений.

Компания начала диктовать свои правила и обламывать об их железный забор хребты непокорных. Мигранты с Земли натиску сопротивлялись вяло; гуманоидные марсиане, живущие в городах вроде Руха, наглухо позапирали двери и окна, моля Господа, чтобы гром пал на головы алчных пришельцев.

Неожиданно улица уперлась в городскую стену; дальше идти было некуда. Сзади настигали, «гармошка» погони сжималась. По ту сторону стены, даже если бы Рик сумел взобраться на ее громаду, зияла отвесная пропасть в километр глубиной — до самого дна умершего моря.

Рик повернулся. Глаза его блеснули, отразив свет луны.

Вдали, в двух марсианских милях, считая по дну моря, из космопорта Компании взлетела ракета, трассирующей пулей вонзаясь в черный небосвод. Если обратить взгляд южнее, над плоскими крышами близлежащих построек увидишь полуразрушенные башни Царского Замка, а в доброй миле за Царским Замком — Нью-Таун, крикливый и задиристый пограничный городишко, ворота в ту половину мира, откуда пришел Рик.

Хоть бы один огонек!.. Вдалеке люди ссорились, дрались и орали, но занимались этим невидимо и беззвучно.

Рик привалился к камню городской стены и расслабил мускулы, дав левой руке свободно повиснуть под тяжестью оружия.

Кто-то вскрикнул, видимо, обнаружив мертвые тела на мостовой. Топот каблуков по брусчатке раздавался все ближе и ближе.

И тут Рик заметил свет.

Стоит он чуть дальше от ограды, ему бы ни за что этот лучик не увидеть. Оказывается, улица имела продолжение в виде лаза между домами и городской стеной, такого узкого, что человеку

едва пролезть — и там растворилась дверь. Задержанный расстоянием, наконец долетел негромкий скрип петель.

Рик боком скользнул в проход, навстречу сварливому женскому шепоту, бранившему чью-то нерасторопность на старомарсианском наречии. В освещенном прямоугольнике возникла корявая тень, и дверь начала закрываться. Плечо Рика протаранило ее створку, когда уже лязгал засов. Тот, кто находился за дверью, с болезненным воплем отлетел в глубину помещения и звучно упал. Тем временем Рик уже оказался внутри; он лягнул дверь позади себя и правой рукой замкнул запор. Левая сжимала бластер.

Комнатка, устроенная в толще городской стены, была крохотной и вонючей. Крупная голова Рика, покрытая короткими светлыми волосами, едва не скребла потолок. В углу комнатки стояла раскладушка, застеленная множеством потертых пледов, рядом красовался стол древней работы из ирлового дерева с резьбой — за такой на аукционе давали денег больше, чем Рик мог бы добыть, десять лет потев на счастливом шурфе. Еще одной достопримечательностью являлась пара мягких кресел с проплешинами, как раз по числу обитателей — старухи и лилипута.

Карлик с гримасой боли тихо корчился на полу, пытаясь совладать с последствиями удара ручкой двери. Он был тощий, ростом не выше ребенка, с зелеными раскосыми глазами. Старая женщина лежала на постели; Рик подумал сначала, что это обычная городская замарашка, но, увидев ее глаза, понял свою ошибку. Глаза старухи были сплошь белые, и только в самой середине ярко-красными угольками тлели зрачки.

— Ну-ну, ты полегче, мамаша, что ли! — грубовато сказал Рик, невольно съежившись.

Ответом было молчание, лишь красные буравчики бельмастых глаз ввинтились ему в самое нутро — у Рика аж мурашки поползли по коже.

С улицы доносился шум, показывающий, что ловцы потеряли след. Рик присел на корточки под дверью, грудь его тяжело вздымалась после бега; рубашка — модная, из шерсти венерианского паука — облепила ребра.

— Я побуду у вас, пока они не уйдут.

Лилипут перестал кататься по полу — видать, отпустило; сел на корточки, обхватив колени руками, и бросил на незваного гостя взгляд глаз, вспыхнувших в тусклом свете лампы изумрудным блеском. Старуха не проронила ни слова и даже не шевельнулась. Откуда-то из одеял выскочила маленькая красная ящерка и юркнула по грязному полу.

— Я вижу будущее, — вдруг медленно проговорила женщина на кровати.

— Дорого берешь? — усмехнулся Рик. — Меня выкинули с корабля за разборку с соседом по койке, а все монеты, полученные

при расчете, угодили в карманы девчонок, пока я «оттягивался» на вашем берегу. Ну, или не в карманы, а что там у них... — Он кашлянул.

— Я вижу твою судьбу.

Рик хмуро посмотрел на марсианку, затем пожал плечами. Второго пути наружу из комнаты не было, только дверь за его спиной; и вообще, кого пугаться — старушечки да какого-то мальчишки? Уличные голоса, похоже, отдалялись.

— Ты, мать, лучше бы на свою судьбу карты раскинула.

— Что, не веришь?

— Верить в гадание — дело женское. А я верю в то, что делаю своими руками.

Старуха не спеша улыбнулась, сверкнув заостренными клыками на фоне черного провала рта, и уперлась в Рика странным многообещающим взглядом. Затем медленно встала с постели, подошла к столу и убрала тканое покрывало, под которым оказался серебряный сосуд, наполненный прозрачной водой.

Рик насмешливо присвистнул.

Кроваво-красные зрачки расширились, и марсианка произнесла:

— Ты пришел из космоса.

— Да я там на свет появился! Как родила меня мать в каюте бродячего судна без приписки, так с тех пор космос мне дом родной. Ни за что бы не ушел с корабля, когда б не поперли.

— А твой корабль, скажи, он привязан цепью к миру, где был построен?

— Бог мой, конечно, нет! Не пойму, к чему ты клонишь?..

— Вот так же, землянин, и мысль не прикована к телу. Разум — словно корабль, он может путешествовать всюду. Мысль способна открыть Врата и бродить по дорогам Времени. Время — такая же реальная сущность, как почва у тебя под ногами, и эту сущность легко постичь, если владеешь знанием.

Рик насупил брови, взгляд его желтых глаз стал решительным.

— Может быть. Только не верится мне в будущее, которое расстелено впереди, плоское, как топчан. Я сам выбираю себе дорогу и делаю собственное будущее. Вдобавок мало ли что может случиться и изменить ситуацию...

— Но из тысячи возможных событий происходит лишь одно. Вот сегодняшней ночью ты убежал от ищсек Компании. Гнить бы тебе в шахте, не отвори дверь мой бедный внебрачный внук, желая узнать, из-за чего на дворе суматоха. И что же? Всего миг — и ты спасен. Ты был на распутье и пошел по этой дорожке. Отныне все варианты твоей дальнейшей судьбы произрастают из мгновения, когда один шанс уступил первенство другому и отошел на задний план, дав второй возможности стать реальностью, осуществиться. Жизнь, землянин, состоит из нескончаемого числа развилок.

— Выходит, ты утверждаешь, что способна забросить свой разум, будто шпионский спутник, на орбиту Времени и подглядеть, куда ведет очередная развилка?

Старуха утвердительно кивнула.

— Ха-ха, неплохо! И отныне дурак-царевич всегда будет осведомлен, какой тропкой идти, а в конце сказки найдет горшок золота, вместо того чтобы шмякнуться носом в коровий блин, да?

— Значит, ты все-таки не веришь...

— Я люблю игру на азарт. Червы выпадут или пики — не все ли равно, в конце концов?

— Все равно... — эхом отозвалась старуха.

Она снова оглядела Рика — его лицо, руки, глаза.

— Противоречив... — Марсианка забормотала, разговаривая сама с собой, словно Рика здесь в помине не было. — Работа сделала его толстокожим и грубым, но кость тонкая... Челюсти, нос, скулы просвечивают сквозь телесную мякоть, как скалистые обнажения сквозят через мох. Рот еще не оформился до конца и выражает лишь себялюбие... А глаза — глаза спят!

Рик беззлобно рассмеялся:

— В общем, пожалела худенького и решила поведать, что ждет впереди?

Он чувствовал себя покойно. Мышцы отдыхали; крики и шум на улице смолкли в отдалении. Напряжение гонки исчезло. Рик зевнул.

Нет, спать он не хотел, голова была ясная как стеклышко; просто здесь очень уютно... Красная ящерка неожиданно вскочила ему на ботинок и вновь умчалась прочь, словно маленькая комета.

— Может быть, — наконец откликнулась старуха. Голос ее понизился до шепота. Затем она снова склонила голову над водой в серебряном кувшине.

Наступила тишина. Воздух в комнатке был теплым и спертый. Карлик так и сидел на полу, обхватив руками колени; он, по-видимому, еще не оправился после падения. Звук медленного громкого дыхания старой женщины напоминал накачивающийся и опадающий шум моря. Красная ящерица беспорядочными бродами металась по каменному полу.

Рик представил себе картину бескрайней сети дорог, по которым бродит мысль. Ну а если идешь по тропе и она тебе не нравится, что стоит пересечь холмы и перейти на другой путь?..

Дороги почему-то стали кровавого цвета и ожили, зашевелились. Рик пытался уследить за их беготней, но алые линии ускользали от мысленного взора. Рик почувствовал, что у него утомились глаза, и прикрыл веки.

«Да, так лучше, — сказал он сам себе. — Опустим симпатичную темную штору. Ма, разбуди меня завтра в семь».

Рик «клюнул» носом и от этого проснулся, открыл глаза и решил подняться на ноги; даже почти встал.

Женщина у стола, упираясь животом в магический горшок, неподвижным взглядом смотрела на Рика. Рот разинут, в глотке шипит — суцая змея. А уж зубы!..

Лилипут, стоя на полу на четвереньках, замер, объятый ужасом; он смахивал сейчас на кузнечика, окаменевшего в капле смолы. Красная ящерка продолжала суетливо перебегать с места на место.

Рик почувствовал, что замерз, как лягушка под дождем, и решил продолжить подъем с корточек, но ему не давали сосредоточиться сумасшедшие броски ящерицы. А главное, он все время видел прямо перед собой старухины глаза — две кроваво-красные звезды в окружении белесых туманностей.

— Ты что замышляешь? — сдавленно выкрикнул Рик. Он попытался выбросить из головы красную ящерицу; разум его наполовину заплутал в алом лабиринте, что вычерчивал ее хвост. — Загипнотизировать меня решила, морщинистая гидра?! Вот, значит, зачем тебе понадобился треп про будущее? Гипнотизируешь!

Пот выступил у него на лбу. Рик с трудом поднялся на ноги и выставил «пушку»:

— Хочешь сделать так, чтобы я отключился, а затем сдать ищейкам!..

Негодующий взгляд Рика схлестнулся со взглядом марсианки, однако борьба была неравной. Маленькие красные звезды, неподвижные и страшные, выжигали разум и подавляли волю.

— Ты не можешь выстрелить, землянин, — хрипло произнесла старуха.

Рик изо всех сил пытался заставить свой палец нажать на курок, но проклятая ящерица совсем оплела его мозг алыми нитями...

Неожиданно в руках женщины появился нож.

Ее слова с силою молота крушили Рика: **«ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ВЫСТРЕЛИТЬ! — гремели они. — НЕ МОЖЕШЬ!..»**

Мускулы Рика напряглись подобно натянутым канатам. Он истекал потом и слезами, рыдая от собственного бессилия.

Гадалка медленно приближалась.

— Я видела твое будущее, землянин. Твое будущее, если ты выживешь. — Она приставила острый нож к горлу Рика. — Я видела твою тень, покрывшую Марс!

На лбу Рика взбухла жила, лицо кривилось в предсмертной гримасе. Нож вошел ему в горло, и в этот момент комната осветилась синей вспышкой сработавшего бластера.

Ужасные глаза потускнели; старуха рухнула навзничь.

Рик сильно рассмеялся. Это был не смех человека, а скорее торжествующий лай животного, вырвавшегося из западни. По шее текла кровь; нож, который марсианка не успела вонзить глубоко, вывалился из раны и зазвенел по полу.

Рик неловкими пальцами ухватился за засов, наконец отпер его и шагнул на улицу. От холодного ночного воздуха в голове несколько прояснело, но тело не слушалось, будто стало деревянным.

«Моя тень... Моя тень покроет Марс...»

Он поплелся по улице назад, туда, откуда пришел. Трупы черных антропоидов так и лежали на месте, где он подстрелил их. Над Рухом висела немыслимая тяжкая тишина.

Наступила реакция — Рика затрясло, накатила слабость. Он встал, прислонился лбом к стене.

Из-за поворота выскользнули черные фигуры; шорох движения донесся слишком поздно. Резко обернувшись, Рик открыл огонь, но ловцы уже навалились сверху. Он осел вниз под весом четырех существ, по-звериному стремительных и сильных, издающих резкий запах животной шерсти.

Сильно ударившись головой о камень, Рик некоторое время еще сопротивлялся, инстинктивно отбиваясь вслепую; потом наконец затих.

Один из антропоидов остался лежать на мостовой. Трое остальных бесшумно исчезли в темноте, с удивительным проворством волоча тяжелую добычу.

Некоторое время спустя в узком проходе между городской стеной и домами мелькнула маленькая скрюченная тень. Карлик то-ропливо засеменил туда, где высились башни Старого Города.

Глава 2

Фобос уже спускался с небосклона. Брат его, Деймос, тлел низко в небе над пустыней, подобно угольку гаснущего костра. На фоне угрюмого зарева, подставив башни ветру, чернел безмолвный силуэт — Царский Замок. Пятна ночного света на стенах казались пятнами засохшей крови.

Древний город... Мертвый город. Лишь в нижних ярусах городских башен, где когда-то размещались правительственные службы, библиотека и кунсткамера, теплилась жизнь.

Тронная зала; здесь еще со времен, когда на Марсе шумели синие моря, а на холмах росла зелень, восседали цари из рода Карадоков. Сейчас единственный мерцающий факел освещал высокий трон, окруженный считанными фигурами. Остальное пространство заливала тьма с сухим запахом тлена, полная призраков, еле слышно вздыхающих и шелестящих ветхими стягами, свидетельствами былого величия.

На церемониальном ковре, изготовленном из волос прекрасных дев, чей прах уже много веков назад развеян ветром, в поклоне согнулся карлик Ллоу. Горбун говорил долго, нараспев; его звенящий голос порхал по зале, отражаясь от каменных сводов, зеленые глаза горели блеском безумия. Сейчас он совершенно не походил на ребенка.

Женщина, стоявшая по левую руку от трона, смотрела на рассказчика. Она была довольно молода, но какой-то внутренний жар, тайный и негасимый, иссушил ее, а надменность и скорбь только добавляли годов.

Справа от трона стоял мужчина — худощавый, крепкого сложения, в воинском одеянии рядового. Его мундир и портупей были поношены и вытерты, однако оружие ярко блестело. Покрытое шрамами лицо дышало отвагой, а глаза казались глазами волка, брошенного в клетку. Бейдах, командир гвардии Руха. Дух его черпал силу в потрепанных старых знаменах, развешанных по стенам залы; сердце принадлежало властителю, равно как и все его знания о различных способах нанесения ущерба противнику. Бейдах глядел на внука старухи-ведуньи, словно узник, наблюдающий, как в замочной скважине его камеры поворачивается ключ...

На троне сидел очаровательный мальчик, смуглокожий и ясноглазый, стремительный, будто шпага; внутренний огонь, обугливший его мать, полыхал в нем столь же сильно. Харал, последний из династии Карадоков. Гордую шею юноши украшал древний Обруч Власти — массивный железный воротник.

Карлик закончил рассказ; на несколько минут воцарилось молчание. Затем Харал медленно произнес:

— Значит, тень его накроет Марс...

— Моя бабка видела это, властитель! — настойчиво повторил Ллоу. — Она была великой провидицей.

— Древние книги гласят, — в задумчивости сказал царственный юноша, — что ярмо пришельцев падет на наши шеи, дабы остаться навсегда.

Женщина что-то выкрикнула, но человек с глазами плененного волка опередил ее:

— Нет, мой властитель! Настало время восстать, если в крови народа Марса сохранилась хоть капля гордости!

Юный царь медленно поднялся. Багровые отблески пламени факела плясали на его лице.

— Бейдах! — повелительно произнес он.

Человек-волк припал на одно колено, готовый исполнить любой приказ.

— Приведи ко мне Парраса.

Бейдах с решительной улыбкой вышел.

— Ты знаешь, где сейчас этот землянин? — обратился Харал к лилипуту.

— Нет, властитель. Но я отыщу его. — Ллоу облизнул губы. — Это долг крови.

— Да, и он должен быть оплачен.

Женщина взялась обеими руками за высокий подлокотник трона и издала негромкое удовлетворенное восклицание.

Вернулся Бейдах, с ним вошел пухленький, улыбчивый, выглядящий моложаво марсианин в небесно-голубом одеянии. Глаза его были словно два алых светила в центре опаловых туманностей.

— Мне нужно Слово, которое услышат правители всех городов, платящих дань Руху, — произнес Харал. — Скажем, тот старый лозунг о Двух Лунах — только теперь мы обратим его против тирании землян. Передай в другие города, чтобы там собрали военные силы и привели их в полную готовность. И пусть пришлют в Рух на военный совет своих командующих — тайно!.. Теперь ты, Ллоу.

Карлик вскочил с корточек.

— Пойдешь с Паррасом и дашь ему приметы Рика, чтобы Паррас мог объявить во всех городах о слежке за этим землянином. Также повелеваю тебе побывать везде и разнести Слово по всему Руху.

Ллоу и Паррас, поклонившись, собрались уходить, но Харал остановил их:

— Подождите. Вы должны зажечь людей кличем! — Он по-мальчишески засмеялся, лицо осветилось воодушевлением. — Дайте им старый клич, самый древний — тот, которым пользовались моряки, когда вздымался океан; тот, что впоследствии стал кличем жителей пустынь, пришедших на место морей. Возвести им, Паррас: «ГРЯНЕТ БУРЯ!»

Карлик и ведун удалились. Харал спрыгнул с высокого сиденья трона, подхватил мать и закружил ее, поцеловав, а затем подбежал к Бейдаху, вырвал меч из ножен, висящих у того за плечами, и с воинственным возгласом подбросил оружие под потолок. Меч взмыл, крутясь и отбрасывая во все стороны красные отблески пламени светильника, на мгновение завис высоко в воздухе и полетел вниз. Мальчик не дал мечу упасть, ловко поймав за рукоятку.

Бейдах смотрел на мальчишку, и слезы блестели у него на глазах...

Десятью днями позже Эд Фаллон, глава «Земной горнорудной компании», стоя у окна, глядел на расстилавшуюся перед ним панораму Марса. Когда скрипнула дверь офиса, Фаллон не повернул головы. По звуку неровных тяжелых шагов было ясно, что это Джаффа Шторм.

— Подойдите, — произнес Фаллон. — Здесь есть на что посмотреть.

Шторм положил стопку докладов на письменный стол шефа и промаршировал к широкому окну. Джаффа был мужчиной двухметрового роста с мышцами гладиатора; бугры мышц перекачивались под черным обтягивающим комбинезоном, и небольшая хромота не создавала ощущения слабости, особенно если принять во внимание «Микки» в кобуре.

Шторм стал позади Фаллона, отгородив его от остального пространства офиса громадой своей фигуры, и тоже принялся смотреть в окно. При этом Джаффа не произносил ни слова, хотя его черные глаза замечали абсолютно все с мрачной обстоятельностью.

— Моя крошка, — сказал Фаллон. Он стукнул рыжеволосым кулаком по ладони и издал довольный смешок. — Подрастает понемногу, а, Джаффа? Очень скоро она будет играть с Марсом как с мячиком!

В глазах Фаллона сверкали искорки, так радовался он мощи своей подрастающей малютки — ЗГК.

Офис размещался на верхнем этаже административного корпуса, и стеклянные стены позволяли видеть всю территорию — дробильные установки, лаборатории, литейную, кузнечный и стапелный цеха, приземистые рудничные постройки с черными пастиками шахт... В безопасном отдалении располагался космопорт, откуда груз фаллонита переправляли на Землю.

В стороне от служб, огороженные высоким железным забором, стояли бараки, где жили рабочие. Жили для того, чтобы умереть.

С высоты можно было видеть и другое: сухое дно моря вплоть до размытого палевого дымкой горизонта, проглядывающие сквозь голубовато-серый мох тощие ребра скал, а в южном направлении, на утесе, взмывшем над окрестностями, лежал, подобный искореженной короне поверженного владыки, Старый Город. Здесь царило умирание; усталое время будто остановилось.

Однако шеф ЗГК думал об этих грустных вещах не более чем о стоптанных в прошлом году туфлях. Фаллона занимала жизнь Компании, грохот и масляный выпот ее машин, люди, что управляют ими, — и это была его собственная жизнь, его кровь и пот, его растущая мощь.

Дитя было молодо, но уже стиснуло стальной хваткой цепких лап всю древнюю планету, на которую так бесцеремонно вторглось. Планету, чье центральное правительство являлось лишь немощным символом, а реальную власть делили города-государства, еще цепляющиеся за жизнь в пустынях и на холмах, что терялись в бескрайней шири давно исчернувших морей.

До того как открыли фаллонит, Марс почти не интересовал чужеземцев. Планета с разрозненными, слабыми государствами стала легкой добычей для первого дельца, сумевшего разглядеть, какие богатство и власть скрыты в девственных недрах.

— Есть на что поглядеть, — тихо повторил Фаллон.

— Да, — также негромко согласился Шторм.

Он, прихрамывая, подошел к дивану и растянулся в рост, вытаскивая сигареты из нагрудного кармана. Густая шевелюра Джаффы была под стать цвету комбинезона, кожа немного светлее — таковы все уроженцы Меркурия (люди с Земли поселились и там),

выросшие в сверкании молний и грохоте грома Сумеречного Пояса. Говорили, в тех местах младенцы рождаются с рогами и хвостом и с выжженным начисто сердцем.

Фаллон окинул неприязненным взглядом грудку бумаг на столе:

— Ффу-ух! С удовольствием вернусь в литейку, только бы не ковыряться в этом... — Он поморщился.

— Ладно врать, — произнес Джаффа лежа. — Хитрый старый лис! Вам нравится теперешняя работа; во всяком случае, вы никогда не были в душе человеком физического труда.

Фаллон остро взглянул на гиганта, потом решил обратить все в шутку.

— А вы не слишком удобный собеседник. — Магнат сел за письменный стол и занялся делами. — Как поступили с новым набором?

— Да как обычно. Среди них есть один... желтоглазый дьявол. Наверно, придется ликвидировать. Не хотелось бы — вынослив словно лошадь.

Фаллон хмыкнул:

— Любая медаль имеет обратную сторону; так же и с дешевой рабочей силой. Ну ничего, пока я держу в руках ниточки от Нью-Тауна, у Компании не будет недостатка в людях — бродягах и безработных, списанных космолетчиках... Короче, если такие исчезнут, никто и не заметит.

— Покуда не вмешается закон...

Фаллон весело отмахнулся:

— Плевал я на закон!..

Джаффа кивнул:

— Угу. Кстати, хотел бы надеяться, что пока нет особых подозрений по поводу наших визитов в Старый Город. Я с большей охотой набираю людей оттуда, с ними легче общаться. Жители Старого Руха просто сидят по домам да тихо ждут, когда мы поссоримся между собой и перебьем друг друга. Зато в Нью-Тауне крепко не любят вербовщиков.

Фаллон равнодушно пожал плечами:

— Это ваша забота, Джаффа. Мне нужно от вас одно — чтобы действовали шахты.

— Я не позволю им остановиться.

Фаллон, удовлетворенно кивнув, зашелестел бумагами. Джаффа Штурм спокойно курил. С улицы доносился грубый грохот кипучей жизни Компании, такой чуждый молчаливому Марсу.

Штурм нарушил тишину:

— Прошлой ночью я был в Рухе. В Старом Городе.

— Ну и как, весело провели время?

— Фаллон, я чувствую, назревают проблемы.

Рыжеволосый человек поднял взгляд:

— Какие именно?

— Город стал другим. Заметно изменился с прошлого моего рейда десять дней назад.

— К черту! Что вы меня запутываете? Замшелые туземцы с нами вообще не контактят, даже не разговаривают. И потом, у здешнего дряхлого народишка просто нет пороха в пороховницах, чтобы затеять бучу.

— Послушайте меня, Фаллон. — Джаффа Шторм подался вперед. — Я провел целый год в Арианроде — пещерном городе, вырубленном в скалах хребта Дарксайд. Конечно, марсиане — не люди, но они многое знают и умеют, и я кое-чему у них научился.

Джаффа слегка дернул щекой и продолжил:

— Вчера я прошел через весь старый Рух и ощутил нечто, витающее в атмосфере города, проникающее сквозь запертые двери и стены, сквозь темноту и отчужденное молчание. В людях появилось что-то новое: страх, беспокойство, непонятная суетливость. Не могу понять почему... нет, вернее, что вызвало перемены. Знаете, какие слова шепотом передают из уст в уста обитатели Руха? Они говорят друг другу: «Грянет буря!»

Фаллон долго хранил молчание, затем повторил слова Джаффы, прислушиваясь к их звучанию:

— «Грянет буря»... — и снова замолк.

Неожиданно он рассмеялся:

— Пускай грянет! Старикашке Марсу не хватит ветру в одном месте, чтобы сдуть дом, который построил Эд Фаллон!

Загудел зуммер связи, Фаллон включил экран.

— Вызывает Кахора, — сообщила телефонистка. — Мистер Хью Сент-Джон.

— Давайте сюда мистера Джона. — Фаллон подмигнул Джаффе Шторму и вывесил на лице открытую дружескую улыбку.

— Добрый день, Фаллон, — раздался с телеэкрана голос. — Вы заняты?

— Для такого гостя я всегда найду время. Ну-с, что у вас на уме?

— На уме? Начинаю сомневаться, что у меня вообще есть мозги! — Лицо Сент-Джона выражало обиду и усталость, даже орлиный нос уныло висел. Всклобоченная седая шевелюра и синие пронзительные глаза довершали облик собеседника шефа ЗГК.

— Что, дела идут не так хорошо, как хотелось бы?

Сент-Джон горько усмехнулся:

— Основной целью нашего движения «За единство в радости» является развитие взаимопонимания между земной и марсианской расами и чтобы каждый давал другим лучшее, что у него есть, а не причинял боль и зло. И чего же мы достигли? Мы добились полного разрыва между коренным населением и «земляками» — теми, кто прибыл с Земли уже давно и ассимилировался на Марсе; причем их взаимоотношения ухудшаются с каждым днем. Да, Фаллон, вы правы. Дела идут совсем нехорошо.

— А каково ваше мнение насчет свежих сплетен — так сказать, о проблемах? Или, точнее, о бунте?

Человек на экране немного замешкался:

— Н-ну... Вы ведь знаете, с нами общаются лишь «земляки». Марсиане избегают их, относятся столь же отчужденно, как и к нам... Так что, конечно, гм-м... Наверное, здесь, в Кахоре, мы плохо осведомлены о событиях снаружи колпака — знаете, на что похож наш город. Мне думается, у вас гораздо больше возможностей узнавать о происходящем «по ту сторону».

— Ах нет, мне совершенно ничего неизвестно! — невинным голосом воскликнул Фаллон. — Скажите, «Движению» нужны еще деньги?

Преподобный мистер Хью энергично закивал головой:

— Если развернуть работу в Полярных Городах, это был бы верный шанс! Перед тамошними Мыслителями благоговейт все на Марсе, и убедить их в наших ценностях — значит повернуть туземное общественное мнение к нам лицом. Но... вы уже и так столько истратили... Не будет ли это расточительством?

— Успокойтесь, я пока что не нуждаюсь. Итак, сколько?

— М-м... Скажем, пять тысяч интеркредиток. Да, что-то около того.

— Даю вам шесть, а если окажется мало, свяжитесь со мной снова. Посылаю чек сейчас же.

Голубые глаза Сент-Джона затуманились:

— Фаллон, прямо не знаю, что бы мы без вас делали!

— Я не любитель сорить деньгами. Просто Марс для меня значит так же много, как и для вас. — Фаллон покачал в воздухе рукой. — Ну, успехов, друг!

— До свидания. И сердечное вам спасибо!

Экран погас. Магнат с усмешкой откинулся в кресле:

— Болван. Наивный, приторно-сладкий дурак в лиловой рясе!

Шторм поглядел на Фаллона:

— Вы уверены?

— Опять намеки?! — вскипел тот. — Да я из горсти вскормил это «Движение»! С моей легкой руки оно развилось до такой степени, что теперь, стоит подбросить что-нибудь, на чем можно сосредоточить борьбу мнений, и помешанные на единстве идиоты в мгновение ока поотрывают друг дружке головы, не понимая, что именно этого я и хотел.

— Я просто поинтересовался... — повел плечами Шторм.

— О небо, Джаффа, как можно быть таким подозрительным! Удивлюсь, если вы доверяете самому себе.

— Не доверяю, — тихо и мрачно ответил Шторм. — Потому-то я до сих пор жив.

Фаллон пристально посмотрел на него.

Снова зажужжал зуммер — серия коротких нервических сигналов, гриф «Срочно!» Оба присутствующих торопливо подошли к ожившему коммуникатору, с экрана которого человек в испачканной спецовке словно хотел влезть к ним в помещение —

настолько он подался вперед, к зрачку телекамеры. На лице его была кровь.

— Неприятности на Пятом шурфе! Новая бригада, похоже, взбесилась.

— Доложите ситуацию! — властно произнес Фаллон.

— Шахтеры напали на охранников, сбили с ног своими кандалами. Их предводитель — здоровенный малый по имени Рик... Отобрали у охранников четыре «Микки» и забаррикадировались вагонетками... Они вооружены «Микки»! — вопил человек.

— А разукрасили вас тоже с помощью «Микки»? — съязвил Фаллон.

Человек на экране отер пальцами кровь со ссадины на лбу:

— Эти сволочи еще и рудой кидаются!.. Наверное, они будут прорываться к выходу из шахты.

— Хорошо. Я спускаюсь. — Фаллон утомился, бьющегося в истерике спеца, ткнув выключатель связи, и повернулся к Джаффе Шторму: — Большая бригада?

— Тридцать два человека.

Фаллон включил телеэкран и коротко переговорил с рослым альбиносом-венерианцем. За спиной великана стояло составленное в пирамиды оружие, были видны несколько солдат, такие же громилы, как командир. Именно Джаффа подал идею нанять подразделение Объединенных вооруженных сил Венеры, чтобы обеспечить «крепкую узду» на шахтах. Будучи чужаками, известные своей воинственностью выходцы из Средних Топей интересовались лишь двумя вещами — чего бы пожрать да кого бы побить. Джаффа Шторм в достатке обеспечивал их и тем и другим.

— Варго, отправьте пятнадцать человек на Пятый шурф, и пусть захватят с собой мощный электронный разрядник. Придурки под землей решили поиграть в крутых парней. Они ваши с потрохами.

Глава 3

Майо Макколл выглянула из прозрачной диспетчерской будки с высоты трех метров. Справа зияло отверстие шахты № 5, откуда на-гора шла руда; слева начинался ярко освещенный туннель, наклонно ведущий под землю, а точнее, под дно морское, вдоль Фаллонитовой жилы от места ее выхода на поверхность.

Девушка некоторое время наблюдала за людьми, шныряющими внизу, затем не торопясь протянула руку и отключила луч контроля, который пересекал горловину шахты для проверки вагонеток с пустой породой на содержание фаллонита. Этот химически инертный материал совершил уже не одну промышленную революцию на Земле.

Рядом никого не было; суетившиеся люди, похоже, не обращали внимания на то, что делалось в будке. Девушка, опершись ладонями на стол, отвела назад плечи — будто бы потянулась. Рукава ее темно-зеленого комбинезона, единой формы технических работников, съехали вверх, обнажив запястья. На правом висел браслет-часики.

Майо нажала кнопку, и стеклышко часов откинулось; в браслете находился миниатюрный передатчик. Девушка с расстановкой сосчитала до пяти, поглядывая вниз на шахтный двор своими карими с поволокой глазами. Кожа ее, оттененная прекрасными каштановыми волосами, казалась белой, как сливки; мешковатая спецодежда не могла скрыть привлекательные формы сильного гибкого тела.

— Поехали, — прошипела рация.

Майо заговорила — негромко, почти не разжимая губ, но отчетливо:

— Происшествие на Пятом шурфе. Приготовьтесь записывать. Я иду вниз... Стоп! Появились «болотники» с большой шок-машиной. Начинается классная заваруха, именно то, чего мы так долго ждали.

— Поосторожнее, Майо! Знаешь, что будет, если тебя схватят?

— Догадываюсь. А вот и Фаллон с сопровождающими лицами. Превосходно! Оставайтесь в эфире.

Майо аккуратно поправила рукав комбинезона и, открыв дверцу будки, стала на пороге. Площадка внизу была пуста. Девушка сбегала по лестнице и двинулась влево, держась поближе к стене, сложенной из красной пустой породы. В ярком свете фонарей блестели отполированные колесами вагонеток рельсы узкоколейки.

Спереди, из-за поворота туннеля, раздался пронзительный вой — это пришел в действие шокер-электронный разрядник.

Для начала его врубили на малую мощность. Укрывшийся за вагонеткой Рик почувствовал, как шоковая волна пробежала по телу, словно жидкий огонь; сердце заколотилось как сумасшедшее, но боль пока можно было переносить.

Позади залегли двадцать два шахтера. Остальные из бригады «отдыхали», парализованные пистолетами охранников в самом начале восстания. Электронный разрядник бил широким лучом, чтобы поразить всю группу.

— Нет сил терпеть эту ломку! Мы сдаемся! — пронзительно завопил один из бунтовщиков. — Они сейчас еще поддадут газу!

— Заткнись, — проворчал Рик.

На открытое пространство вышел Варго. Его лицо излучало благость и спокойствие — точь-в-точь дама воспитательница в ореоле снежно-белых кудрей.

— Вылезайте оттуда, мальчики! — обратился он к шахтерам, но ответа не услышал.

Варго огляделся по сторонам, как собака, которая ищет хозяина. Между тем начальство уже подоспело: огромными шагами, слегка прихрамывая, к месту действия летел Джаффа Шторм, за ним торопился глава Компании.

Фаллон еще издали приветственно помахал солдатам и крикнул:
— Специально для вас представление, парни!

Он стал поодаль и аккуратно, чтобы не запачкаться, оперся о стену туннеля рукой.

— Прибавляйте мощность по единице каждую секунду, — негромко сказал Шторм венерианцу у турели электронного разрядника. Солдат ухмыльнулся и тронул рычажок.

— Считаю до десяти! — громко, чтобы слышали залегшие за вагонетками, произнес Джаффа.

Все замерло в холодном резком свете дуговых фонарей. Рик выглянул из-за колеса вагонетки, слегка звякнув цепями, и поднял «Микки» дрожащей, непослушной рукой. Однако стрелять он не стал. Парализующий пистолет имел дальность боя меньшую, чем расстояние, на которое человек может бросить камень; солдаты не хотели попасть под град каменных осколков, а потому находились вне зоны действия «Микки».

Рик смотрел, как рычажок силы шок-луча передвинулся вперед. По ободу колеса заплескали маленькие синие огоньки, и тело само задергалось в ритме их танца. Каждый нерв извивался в сверкающей голубыми искрами агонии...

Джаффа начал считать. Голос его, кувыркаясь эхом в каменном туннеле, звучал безлично, будто говорящие часы. При цифре «пять» один из бунтовщиков завизжал, не вытерпев боли:

— Я выхожу!!! Выхожу!

Джаффа остановил счет и простер руку ладонью вниз, призывая солдату держать эту мощность. В полном молчании шахтер на четвереньках полз через камни, за ним по стене, угольно-черная, двигалась его угловатая тень. Звенели кандалы, волочась по земле.

За первым сдавшимся последовали еще шестеро. Рик со злостью смотрел, как уходят товарищи. Он попытался поднять пистолет, но рука была как старческая, онемелая и немощная.

Шторм велел продолжать. Трижды он останавливал экзекуцию, и измочаленные люди в цепях ползли к его ногам. На счет «десять» с Риком остался всего один человек из бригады; он лежал немного позади и не шевелился — парень был мертв. Не выдержало сердце.

— Погасить луч, — скомандовал Шторм.

Солдат удивился, однако исполнил приказ. Пронзительный вой аппарата стих, туловище Рика перестало дергаться. Он лежал лицом в землю, дыша как загнанный конь, пот крупными каплями покрывал спину.

— Ну что, парень, — крикнул Джаффа, — готов вернуться?

Рик долго молчал, затем рассмеялся.

— А-а, догадываюсь. Ты считаешь, что я все равно прикончу тебя?

Ответные слова Рика было не разобрать, но смысл их доходил очень ясно. Шторм кивнул — мол, понял вас — и повелительно махнул рукой венерианцу; тот отошел в сторону, и Джаффа сам занял место за рычагами электронного разрядника.

Солдаты, а с ними шахтеры, сейчас такие смирные, рвотно-зеленые от полученной порции шоковой терапии, отодвинулись подальше и прижались к стене. Никто не произносил ни слова, слышалось только надсадное дыхание тех, кому досталось больше всего. Мертвенно-белый свет заливал туннель.

Джаффа Шторм неторопливо закурил. Затем взял коробок со спичками, запихнул его в пачку с оставшимися сигаретами, прикинул вес на руке и швырнул туда, где лежал «желтоглазый дьявол». Он проделал это без заметного усилия, однако пачка громко стукнулась о стену над Риком. Тот зашевелился и встал на колени. Подобрал сигареты и сел, привалившись спиной к камню, втягивая дым глубоко в легкие. В тишине было слышно, как под потолком гудят осветительные трубки. Рик задрал голову — посмотреть.

Прямо над ним находилось вентиляционное отверстие, закрытое толстой проволоочной сеткой. Рик знал: проникнуть туда нет никакой возможности. С самого начала, попав в шахту, он испробовал все пути выбраться — безрезультатно. Главный рубильник освещения располагался у самого выхода из туннеля; были еще выключатели по стенам, они управляли отдельными секциями трубок, но и до них не добраться.

Рик находился почти на перегибе, откуда туннель начинал наклонно уходить под землю, однако заканчивался он тупиком; боковые ответвления отсутствовали, не было и никаких люков. Из-за своих плавных поворотов практически весь туннель насквозь простреливался лучом.

Почти прямо перед собой Рик увидел в противоположной стенке чернеющее отверстие заброшенной боковой галереи. Скорее всего она вела в «слепой мешок», хотя могла открываться в один из бесчисленных лабиринтов, что нарыли под землей доисторические гигантские червяки, чьи норы окаменели после того, как высохли моря. В первом случае Рика ждала смерть быстрая, во втором — медленная. Да и проскочить в эту галерею было примерно так же легко, как допрыгнуть до луны...

Джаффа Шторм бросил сигарету и растоптал окурочек. Затем наклонился к пульту электронного разрядника, нежно тронул рычаги... Жерло машины поднялось вверх. Джаффа дал пробный залп. Теперь луч был сфокусирован в иглу. Аппарат издавал истерически пронзительный вой.

Тонкая струя белого потрескивающего пламени лизнула стену и погасла. Камень задымился и оплавился, став как стекло.

Один из людей в оковах отвернулся к стене и начал блевать.

Рик скорчился под защитой металлического колеса вагонетки, его желтые глаза светились жестокостью, словно кошачьи. Он ослабил мышцы и застыл в неподвижности.

Джаффа Шторм аккуратно наводил дуло шокера; темное лицо гиганта не выражало ни удовлетворения, ни интереса. Он направил луч на диск колеса, за которым укрывался Рик, и зафиксировал наводку.

Близкий разряд обжег Рика. Колесо стало горячим, по нему заплясали светлячки. Пот выступал у Рика на лице и тут же высыхал, кожа покраснела. Нестерпимо болели глаза. Рик попытался быстро перескочить к другому колесу, но вспышка над головой заставила его броситься на землю. Он откатывался из-под огня в поисках другого укрытия, однако луч был быстрее. Пришлось вернуться за колесо. Луч нашарил диск и снова замер.

Рик взглядом измерил расстояние до входа в боковую галерею, тихо хмыкнул и собрался.

В этот момент из-за спин солдат и Фаллона донесся женский крик:

— Прекратите!

В туннеле эхом раздались торопливые шаги, голоса смешались в возбужденный галдеж. Синие огоньки перестали скакать по ободу колеса, жар спал. Рик осторожно высунулся из-за вагонетки и увидел девушку.

Она была прехорошенькая, под уродским спецбалахоном легко угадывалась точеная фигурка. Красотка поспешно шла к Джаффе Шторму, кудри подпрыгивали вокруг лица в такт шагам, карие глаза сверкали. Разъяренная как тигрица, девушка явно собиралась задать всем перцу.

— Прекратите! — кричала она. — Сейчас же прекратите!

Вслед за девушкой подошел Фаллон и встал немного позади с удрученной миной.

— Я прекратил, — мягко произнес Джаффа.

— Мало того, что вы отнимаете у этих людей свободу, заковываете в цепи и превращаете в рабов! Вы еще и убить их готовы!

Джаффа Шторм лениво встал, легонько подтолкнув венерианца, чтобы тот занял свое место у электронного разрядника, и произнес:

— Неужели я делаю такие ужасные вещи, мисс?

— Перестаньте дурачиться! Вам известно, что я говорю правду.

— С чего вы взяли?

— Все знают!

— Да, все знают... Действительно, все. — Джаффа молниеносно выбросил вперед руку, ухватил девушку за ворот балахона и подтянул к себе. — А может, вы хотите заставить меня подтвер-

дить это, и чтобы услышал кто-то еще? — тоном теплого дружеского участия спросил Шторм, свободной рукой деловито ощупывая карманы девушки. Та сопротивлялась и била его левой рукой. Джаффа понимающе усмехнулся, поймал девушку за другую руку и сжал запястье; раздался металлический звук.

— Да. Я так и думал. — Джаффа Шторм задрал рукав ее комбинезона, сдернул браслет и раздавил каблуком.

Фаллон тихо присвистнул:

— Пожалуй, лучше отвести ее в офис.

Шторм кивнул. Его черные глаза потеплели. Девушка перестала трепыхаться у него в руках. Воротник ее темно-зеленого комбинезона оторвался, и стала видна нежная кожа шеи.

— Какой вы сильный, — прошептала девушка. Она дрожала, миленькая головка ее склонилась Джаффе на грудь, глаза были закрыты. — Похоже, я влипла...

— М-мм...

— Вы меня убьете?

— Это будет зависеть... м-мм... от обстоятельств.

Девушка распахнула ресницы:

— Знаете, я пока не хочу умирать.

Джаффа засмеялся, развернул ее лицом к себе, так, чтобы смотреть девушке в глаза:

— Не слишком ли быстро работаешь, крошка?

— В таких обстоятельствах время не играет роли.

— Ой, врешь, милая девочка. Такая хорошенькая, прелестная лгунья.

Девушка ничего не отвечала. Губы ее были розовые и нежные.

— Я читаю все твои мысли, — сказал Джаффа.

— Вы, должно быть, очень проницательный человек, — проворковала она. — Я сама в своих мыслях путаюсь.

Шторм снова засмеялся мягким смехом, наклонился и поцеловал девушку, поняв, что сейчас самое время.

Поцелуй длился долго, до тех самых пор, пока красавица, все еще прижимаясь к его губам своими, не провела удар коленом снизу — жестко, с убийственной точностью.

Рик восторженно заорал. Джаффа Шторм согнулся пополам с искаженным лицом, окаменевшим от боли. Девушка ударила его ногой еще раз, теперь под коленную чашечку, и вырвалась.

— Я разобралась со своими мозгами! — крикнула она на бегу.

Солдаты заходились хриплым лающим смехом, наблюдая, как тошнит Джаффу, зажавшего руками больное место; им вторили шахтеры. Фаллон сделал попытку поймать девушку, но та увернулась. В конце туннеля показался кто-то из охранников. Выход был заперт...

— Выключи свет! — закричал Рик из-за вагонетки.

Девушка на бегу бросила взгляд на Рика, затем на рубильник — в этом месте охранника не было.

— Не стрелять! — приказал Фаллон. — Она нужна мне живой! — И побежал за девушкой в сопровождении шестерых венерианцев-«болотников».

Фигура в темно-зеленом комбинезоне неслась быстрее метеора.

Джаффа наконец ожил. Он еще не мог распрямиться, но держался на ногах гораздо тверже, чем Рик мог ожидать, судя по собственному опыту. Лицо Шторма не выражало ни злобы, ни боли. Ударом кулака великан вышиб солдата с сиденья машины и схватился за рычаги управления огнем, даже не взглянув на свалившегося без чувств бедолагу. Луч прошел пространство между двумя венерианцами, слегка поджарив им бока, и ударил о стену в метре слева от девчонки — та не дрогнула, продолжала мчаться к рубильнику.

— Прекратить! — заорал Фаллон. — Я буду ее допрашивать!

Шторм выстрелил снова. Венерианцы разлетелись в стороны с пути луча. Девчонка упала на землю и покатилась. Луч едва не задел ее, еще бы чуть-чуть, и...

Рик вскочил на ноги и бросился через рудный конвейер. Он крикнул, чем слегка отвлек внимание Джаффы, а затем, не сбавляя шага, швырнул в Шторма тем, что оказалось под рукой, — крупным зазубренным куском руды. Прямым попаданием в ухо Джаффу выкорчевало с сиденья шокера, и он повалился рядом с венерианцем, поверженным им же самим минуту назад.

Свет в туннеле погас.

Оставшийся без управления электронный разрядник сверлил тьму мистическими сполохами призрачно-голубого свечения. Рик быстро сориентировался в темноте. Тело Джаффы Шторма еще не коснулось земли, а Рик уже со всех ног рванул в сторону выхода; в голубом мерцании он различил тень девушки, мчащейся навстречу. Вокруг все суетились и кричали наперебой, как во время предпраздничной неразберихи.

Никто не преследовал беглецов — каждый опасался попасть под луч беспощадно ворочающего смертоносным рылом неуправляемого орудия. Слышно было, как о стену ударяют камни и идет драка. Кто-то, оседлав электронный разрядник, с криком «Берегись!» начал поливать огнем во все стороны.

Рик и девушка с разбега налетели друг на друга и упали на пол. Пламенная игла с потрескиванием прошла над их головами, но, прежде чем луч вернулся, они нырнули в плотную тьму бокового ответвления.

Галерея делала поворот. Не разглядев его в темноте, беглецы врезались в стену и, обдирая кожу, завалились за угол; и сразу вслед за этим проход, по которому они только что бежали, со злобным визгом пронзила струя синего огня.

— Вставай живее! — поторопил Рик девушку.

Они двигались вслепую так быстро, как не осмелится ни один человек в здравом уме, ударяясь о каменные стены, налетая на

кучи мусора, сталкиваясь друг с другом... Трижды Рик думал, что галерея закончилась, но каждый раз нащупывал руками угол, и они торопились дальше. Вдруг, совсем неожиданно, дно забоя изменилось — стало не плоским, а круглым, как в трубе, и неровным. Завалы мусора пропали. Стены тоже стали округлыми и странно гладкими при прикосновении.

Через некоторое время беглецы замедлили скорость, а затем и вовсе остановились. Тишина давила на уши и была такой же полной, как и темнота; тяжелое прерывистое дыхание казалось здесь святотатством наподобие болтовни в усыпальнице.

Инстинктивно парень и девушка придвинулись ближе друг к другу.

— Они не пошли за нами, — прошептала девушка.

— А зачем? Натравят чернецов, вот и все.

Тишина. Только гул крови в голове.

— Это нора одного из тех червей, что ползали миллион лет назад? Мне приходилось слышать...

— Ты не ошиблась.

— Отсюда есть выход?

— Не знаю. Иногда ход червя попадает в шахту, а иногда упирается в скалу. Бывает, что крыша туннеля идет очень близко к поверхности, и земля в этом месте трескается и проваливается. А как обстоит дело с нашим туннелем — понятия не имею.

— Не слишком хорошие шансы, да? — Девушка произнесла это без особого страха.

— Ага. Я бы на нас не ставил.

Они помолчали. В тишине смешивались два стремления выжить, жар разгоряченных тел.

— Как тебя зовут? — спросил Рик.

— Майо Макколл. А тебя?

— Ричард Гунн Уркхарт. Но короче — Рик.

— Здравствуй, Рик.

— Здравствуй, Майо. — Он потрепал ее по плечу. — А ты смелая, крошка. Ха, ловко ты лишила наследства этого здорового гада!

— Да и ты неплохо прочистил ему мозги.

— Чувствую, что не насмерть. Жаль. А вообще... нет, надо бы еще разок с ним встретиться при других обстоятельствах.

— А с Фаллоном?

— И с ним, и со всей его вонючей Компанией. — Голос Рика стал свирепым. — Вышибить их отсюда к...

Майо прошептала:

— Может быть, Рик, ты осуществишь это, если все пойдет как надо.

— Что ты имеешь в виду? Ну-ка, объясни.

— Вот останемся в живых, тогда расскажу. А сейчас пора идти. Только в какую сторону?

- За которую руку я тебя держу?
Она слегка пошевелила ладонью:
— За левую.
— Вот туда и двинемся. И, девочка, молись, чтоб тебе повезло!

Глава 4

Меж разрушенных стен со вздохами носился в сумерках ветер. Фобос низко висел над далекими западными пустынями, отражая последние вялые отблески солнца, зашедшего за горизонт. Рух настороженно и безмолвно затаился, замкнувшись на все запоры и закрыв ставни. В городе никто не спал.

С наступлением темноты на улицах началось тайное движение. Через секретные ворота в городской стене просачивались блеклые тени в неброских одеждах и направлялись к холмам Царского Замка, где исчезали.

Сбрасывая темные накидки перед входом в Тронную залу, городские нищие преображались в воинов. Этих воинов — разных возрастов и цветов кожи, великанов и пигмеев, в мундирах разных городов-государств — объединяла общая черта: взгляд волка, загнанного в клетку.

Прибывшие разместились вокруг стола из кроваво-красного дерева, поверхность которого была отполирована локтями поколений военачальников. Мальчик-царь Харал сидел на своем троне, напряженный, словно тетива боевого лука; по правую руку его, как всегда, стоял Бейдах. Стальным отсветом сверкали его очи.

Среди блеска эполетов и амуниции в зале шмыгала серенькая неприметная фигурка, сутулая, но проворная, с изумрудно-зелеными раскосыми глазами. Карлик Ллоу переходил от человека к человеку, спрашивая шепотом одно и то же, и среди его слов звучало имя: Рик.

А наверху, в полуразвалившейся башне под названием «Башня судьбы», ближе к звездам, провидец Паррас склонил моложавое лицо над магическим сосудом, посылая свой разум через высохшие моря, через песчаные пустыни и тысячелетние холмы, и разум его прикасался к умам других и задавал все тот же вопрос: «Рик?..»

И оба они — зеленоглазый карлик и провидец — получали один ответ. И ответ был: «Пока нет».

«Ждите, — говорил Паррас. — Следите в оба. Долг крови должен быть оплачен. Грянет буря!»

А в это время в подземной галерее Рик коснулся рукой плеча Майо и шепнул:

— Стой! Кажется, я что-то слышу...

Беглецы замерли. Звук становился все более отчетливым. Он шел сзади и был похож на шум, создаваемый большой группой торопящихся вдогонку живых существ.

— Что будем делать? — спросила Майо.

— Двигаться вперед, что же еще... У нас лишь один маленький «Микки», с его помощью чернецов не остановишь. Устала?

— Нет, я в полном порядке. А что произойдет, если нас поймают?

— Вот поймают, тогда и будешь спрашивать.

Беглецы тронулись дальше. Идти было легко — пол гладкий, повороты плавные. Рик догадывался, что они давным-давно покинули первую нору червя и прошли уже Бог знает сколько перекрестков. До каких пор придется еще бродить — об этом оба не имели понятия; была лишь одна четко оформленная мысль: только бы странствие не оказалось слишком долгим. Рик и Майо просто шагали в темноте, потому что ничего другого не оставалось.

Черные антропиды шли на запах. С каждой минутой они подходили ближе и ближе. Рик чуть отстал, пропустив девушку вперед.

Неожиданно Майо издала сдавленный крик и упала. Послышался сухой хруст. Рик хотел остановиться, споткнулся и тоже упал.

Поверхность под ним оказалась странно гладкой и в то же время какой-то зазубренной, словно состояла из сегментов. Впереди необычная поверхность плавно уходила вверх, одновременно расширяясь в стороны.

Снизу раздался голос Майо.

— Туннель кончился, — задыхаясь, сообщила она. — Рик, туннель заблокирован!

— Ладно. Давай лезь сюда. — Рик подтянул девушку наверх и пополз вперед по гребню. Наконёц голова его коснулась потолка. Весь туннель действительно был наглухо заблокирован странным препятствием.

Рик с шумом выпустил воздух из груди и лег, пытаясь расслабиться и слушая стук собственного сердца. Оно гремело на весь туннель; холодный пот выступил на коже. Рядом с Риком на узком гребне, прерывисто дыша, залегла Майо.

Снова слышались звуки; они становились все отчетливее. Рик, дождав немного, отодвинулся по гребню назад и сел с «Микки» в руке, повернувшись в сторону преследователей. Тело было тяжелое, как свинец. Он протянул правую руку, насколько позволяла длина цепи, и отыскал тонкие пальчики Майо. Та сжала его руку своей, холодной как лед. Они сидели и прислушивались к торопливым крадущимся шагам.

Вдруг Майо спросила:

— А что это, Рик?

— Откуда я знаю? — Он провел костяшками пальцев по зазубринам — таким же, как на полу, где только что растянулся, и воскликнул: — Нет, знаю! Это же тот самый парень, который и сделал здешнюю шахту. Старый Выползень, собственной персоной. Рыл-рыл, да и помер. А потом окаменел.

Рик невесело рассмеялся и постучал стволом «Микки» по шкуре доисторического чудовища. Звук получился глухой, как от пустой бочки. Рик ударил сильнее и вдруг вспомнил про хруст, раздавшийся при падении Майо. Он встал на колени, соединил кулаки вместе и ударил что было сил. От сотрясения они оба чуть не свалились со своего уступа.

— Ах ты, черт побери! — прошептал Рик. — Сюда бы кирку или кувалду! — И снова рассмеялся, затем придвинул кольца наручников как мог близко к кулакам, обмотал вокруг цепь и начал работать.

Шкура червяка уже дала трещину, когда стайе набежали антропиды и начали карабкаться наверх. Майо взяла в руки пистолет, приготовившись стрелять, а Рик продолжал молотить окаменелую кожу. Они забились в такую узкую щель между стенкой туннеля и туловищем чудовища, что чернецы могли подобраться к беглецам только спереди, и не все сразу.

Майо хорошо управлялась с «Микки». Лидеры погони, впад в летаргию, полетели с крупа червя вниз, увлекая на пол второй эшелон. Схватка шла вслепую. Резко пахло животными. Из звуков были лишь топот ног да шорох движущихся тел. Хорошо выдрессированные ищейки работали молча. Рик заглушал все шумы грохотом ударов.

— «Микки» выдохся, — сообщила Майо. — Кончился заряд!

— Перебирайся сюда! Я проделал дыру!

Майо нашла отверстие.

— Сможешь расширить дальше?

— Попробую.

Рик услышал, как девушка изо всех сил замолотила по каменной оболочке. Куски отваливались и падали внутрь.

Лапа чернеца ухватила Рика за ногу и потащила вниз. Он вернулся. Руки больше не существовали — сплошная кровоточащая плоть вперемежку с металлом. Он ударил перед собой этой кровавой массой и впервые за все время услышал болезненный визг.

— Опять лезут! — крикнула Майо.

Тьма кишела мохнатыми телами. Каждый раз, когда Рик размахивался, он в кого-то попадал; кулаки покрылись нутряной слизью чернецов. Появился новый запах — теплый, сырой и сладковатый.

Нет, их слишком много... Тяжесть тел тянула Рика вниз. Он размахивал цепями, пока мог напрягать руки, потом стал лягаться. Размозженные твари летели вниз, но на их месте тут же воз-

никали новые. В какой-то момент они цепко обхватили Рика за ноги. Тот, извиваясь, пытался освободиться. Некоторые из лап дрожали, хватка их была не столь крепка. На мгновение он почти вырвался, сделал несколько сильных ударов, и снова его потащили вниз...

С изрядного расстояния послышался голос Майо:

— Рик! Рик, давай сюда!

Он пытался, но ничего не выходило... И вдруг будто налетевший вихрь сбросил пытящую грудку тел, и несколько лап отцепилось. Майо с визгом потянула Рика к себе.

Нечеловеческим напряжением — откуда только взялись силы! — он высвободился. Девушка наполовину скрылась в проделанной дыре и тащила Рика за ногу вслед за собой. За ним, упираясь свободными конечностями, волочился намертво прицепившийся антропоид. Рик оглушил его своими железками и нырнул внутрь окаменелости. Двое чернецов полезли в отверстие одновременно и застряли, беспомощно барахтаясь.

Майо помогла Рiku встать на ноги, и беглецы, пошатываясь, исчезли в глубине червя.

Там было по колено мусора — потроха мумии усохли и отвалились, а затем превратились в прах, в то время как шкура затвердела. В облаках поднявшейся пыли антропоиды теряли нюх и двигались значительно медленнее. Рик и Майо полубессознательно брели вперед, движимые единственно инстинктом сохранения жизни...

До Рика смутно дошло, что случилось что-то новое.

— Обвал, — просипел он. — Такие вибрации бывают, когда рушится кровля галереи!

Это было ужасно — темнота, удушливая пыль, со всех сторон хруст потерявшей прочность породы... Оболочка червя неразделимо срослась с затвердевшим илом, и, по-видимому, все это обваливалось огромными кусками. При разработке рудной жилы шахтеры всегда опасаются подобных предательских глиняных прослоек, тем более если рядом нет прочной скальной опоры.

Сзади послышался жалобный визг придавленных человекоподобных.

— Когда мы достигнем головы червя, — неожиданно произнесла Майо, — уходить будет некуда. Начнется сплошной камень.

Вдруг наверху с треском пробежала трещина, и оторвавшаяся глыба поранила Рiku плечо; он поспешил вперед, увлекая за собой девушку. Пыль, осевшая в легких, превратилась в каменную корку, молодые люди задыхались.

Раздался сокрушительный грохот; он наполнил лавиной все ближе и не прекращался.

Проход сузился, пришлось опуститься на четвереньки. Пыль стала совсем густой. Майо хрипло простонала. Впереди тупик...

Хью Сент-Джон стоял на балконе своих апартаментов, занимавших верхний этаж самого высокого здания Кахоры — города, служившего торговым центром Марса. Выразительное лицо Сент-Джона выглядело изможденным и урюмым. Он нервно курил тонкую импортную сигарету, присланную с Венеры.

Кахора располагалась точнехонько на противоположной стороне планеты от Руха и Компании Фаллона; когда над Рухом светило солнце, то здесь, как сейчас, в разгаре была ночь. Деймос низко висел в пурпурно-черном небе над гласситовым куполом, защищающим город и его многоязычное население от не слишком ласковой марсианской погоды.

Далеко внизу цепочками огней разбегались улицы. Мистер Сент-Джон прислушивался к пульсу города — слабому, медленному, словно вялое существование организма поддерживалось размеренно работающим оборудованием. Люди здесь занимались не живой работой, а стерильно-бесплодной перетасовкой вещей и продуктов, уже где-то изготовленных. Цифры прироста вписывали в бухгалтерские книги прилизанные люди, проводящие свое свободное время во Дворце Грез или в экзотических ночных клубах. Даже воздух в городе был ненастоящий, тщательно очищенный, ароматизированный и в нужной степени прогретый.

То ли дело — Виа, торговый центр Венеры... Там жизнь идет совсем по-другому, бьет ключом, Сент-Джон видел это собственными глазами. Венера — планета юная, крепкая и энергичная; купол, возведенный над Виа, не мог полностью изолировать жителей от свирепого напора дождя и избавить от ощущения жарких джунглей. И люди там под стать планете — они горели своим делом, являлись сердцем и мозгом коммерции в яростном, агрессивном мире. Даже враждебность туземного населения была на Венере полнокровной, а не вялой, как сморщенный гриб...

Здесь же все выглядело каким-то дряблым, пассивным, прирученным и истощенным. Ненависть марсиан к непрошеным гостям с Земли затаенно вызревала во мраке отчуждения. Да и поток торгового бизнеса сочился по деловым артериям Кахоры подобно холодной крови старика, на три четверти умершего.

Уголки рта Сент-Джона горько опустились. Единственным активно действующим существом на Марсе казался Эд Фаллон вместе со своим вторым «я» — Компанией. Смертельно опасный хищник, голодный, ядовитый, ни от кого не зависящий и несущий гибель остальным обитателям.

В дверь постучал робот-слуга, сообщив о визите, которого мистер Хью как раз ждал.

— Мак! — воскликнул Сент-Джон, не успев гость появиться на пороге. — Ну, удалось найти что-нибудь?

Эран Мак отрицательно покачал головой. Марсианин выглядел именно так, как подобало выглядеть уроженцу Нижних Каналов, что по пути к Джеккаре: слегка окультуренным бандитом. Его соотечественники заслужили пресловутую известность, пожалуй, со времен, когда на Марсе еще ключом была жизнь. Небольшого роста, Эран Мак имел сложение крепкое и жилистое; на темном с мелкими чертами лице с подвижными, будто две капли жидкого золота, глазами постоянно держалась открытая дружеская улыбка. В левом ухе висела гроздь маленьких бубенчиков, что вместе с одеждой — белой туникой служащего Кахоры — придавало ему несколько сатанинский вид.

— Боюсь, надежды мало, — негромко произнес Мак. — Я наконец связался с Христи. С тех пор как стало известно про Майо, он ходит зеленый от страха. А известно следующее. Майо и тот парень, Рик, скрылись в заброшенном штреке, но вот что произошло потом... Христи говорит, за ними послали черную обезьяню свору, но почти никто из ищеек не вернулся, а немногие пришедшие обратно изуродованы. Похоже, там случился обвал. Так что, думаю, эти двое отправились в лучший мир... — Мак развел руками, скорбно подняв покатые плечи.

Сент-Джон отвернул печальное лицо.

— Ты любил ее, Хью? — Эран Мак на правах лучшего друга мог задавать подобные вопросы.

— Не знаю... Если бы любил по-настоящему, наверное, не послал бы Майо на такое дело. Однако, когда ее схватили... когда передатчик неожиданно смолк, у меня сердце заledenело. — Сент-Джон вздрогнул, будто вдруг стало холодно. — Слушай, если Майо мертв... Получается, это я ее убил!..

— Она знала, на что идет, — неуклюже пытался утешить друга Эран Мак.

Плечи Сент-Джона снова дрогнули, он уселся и спрятал лицо в ладонях. Его собеседник пересек балкон и сел рядом; колокольчики в ухе при каждом движении тихонько звенели. Некоторое время Мак молча курил, затем брови его нахмурились.

— Теперь Фаллон начнет подозревать всех подряд.

Сент-Джон испустил протяжный вздох:

— Это верно... Но я все равно буду тормозить его колымагу, пока остаются силы и возможности. Кстати, последний чек Фаллона я уже обналичил. — Он резко поднялся. — Не представляю, как бы мы вели работу без его крысиных денег!

— Наши труды могут обернуться ничем. Назревает буря, Хью. То, что произошло, — первое дуновение бушующего урагана. Нынче вроде бы все кажется тихо, но небольшие порывы тут и там предупреждают о приближающемся торнадо, который снесет и меня, и тебя, и Фаллона прочь с лица планеты...

— ...и мир лишится последнего шанса на выживание. Это провал, Мак. Мой план был дурацкой выдумкой с самого начала... —

Сент-Джон стиснул перила, глядя на мерцающие городские огоньки внизу. — Ты не представляешь, Мак, сколько мы можем дать людям, живущим здесь, только бы они допустили нас до себя! Силы, новые идеи, новые пути для продвижения вперед!.. Увы, они не хотят. Они запирают двери перед нашим носом, а Правительство не выдворяет нас лишь потому, что опасается открытого противостояния с Землей и Венерой.

Хью, постепенно разгораясь от собственного красноречия, с нажимом продолжал:

— И лишь Компания проникла везде! Фаллон намерен через несколько лет целиком прибрать к рукам Марс, и все из-за этой проклятой руды... Он щедро трясет мощной перед Планетарным Правительством, и по сравнению со звоном его монет призывы других людей звучат не громче грошовой свистульки на фоне паровозного гудка. В общем, Марсу не жить, какой бы путь ни был выбран!

Сент-Джон сильно стукнул кулаком по перилам и зашагал туда и сюда.

— Когда Майо попалась, не успев рассказать людям о тех злодеяниях, что творят Фаллон и его подручные, я потерял единственную возможность избавить планету от выскочки. Будь у меня доказательства, я бы обратился в Межпланетный координационный комитет, началось бы расследование, а потом... Нет, все пропало! — В расстройстве Сент-Джон снова сел.

Эран Мак длинным ногтем мизинца потеревил колокольчики у себя в ухе.

— Знаешь, что я думаю? — сказал он. — Мне кажется, задача требует человека покрупнее, чем ты или я. Тут нужен гигант — объединить планету, собрать вместе ее разобщенные осколки, от Джеккары до Полюса, всех людей, которые сидят порознь в замкнутых скорлупках-городах, засыпанных пылью веков, лелея свои воспоминания. Появится у нас такой Голиаф — тогда, может быть, возникнет шанс для Марса выздороветь.

— Это так же невозможно, как заставить молчать твои болтливые колокольчики.

Сент-Джон откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он выглядел неопишимо огорченным и уставшим.

— А кроме того, — со слабой усмешкой добавил Сент-Джон, — даже если мы найдем Голиафа, кто-нибудь обязательно разыщет Давида.

Глава 5

...Был свежий воздух, и была боль. Еще была темнота, пронизанная зеленоватым свечением...

Рик пошевелился. Затем он долго стоял на четвереньках, кашля пылью. В метре от него чернела едва различимая во тьме

масса обвалившегося грунта. Рик напряг зрение и заметил пятно света, который просачивался через иззубренную щель откуда-то сверху.

В этом слабом свете Рик увидел лицо Майо, белое как полотно. Он потрогал ее горло — теплое. Пульс бился! Это открытие сделало Рика счастливым. Он позвал девушку. Майо тихо застонала и смолкла.

Рик подполз к щели и начал расчищать проход. Глинистая масса пахла тленом. Сотрясение, вызванное обвалом, сделало ее подвижной; Рик раскачивал глыбу, и та оседала, пока щель не стала достаточно широкой, чтобы пролезть в нее.

Удивительно, почему передний конец мумии червя не сплюснито обвалом. Света луны хватало, чтобы разглядеть, насколько недалеко от гибели были они с Майо.

Рик, почти касаясь носом, рассматривал стены и потолок спасительного блиндажа, и вдруг понял. Голова червяка была составлена из костных пластин, примерно так же, как устроен череп, и даже сейчас сохраняла прочность гранитного свода.

Рик постучал по окаменелой кости, прощаясь с ископаемым червем, благодарно улыбнулся и выполз на свободу, волоча за собой бесчувственную девушку.

Он оказался на склоне высокого полуразрушившегося утеса, бывшего когда-то подводной горой. Червь решил умереть, когда до поверхности дна моря оставалось не более полуметра. Теперь вместо волн здесь разгуливал ветер, частокол теней лежал на скалах, освещенных неверными ночными лучами, и чувствовался холодный сухой запах мертвой земли.

К подножию утеса вел пологий спуск, поросший серо-зеленым лишайником, а дальше шла пустыня, которая простиралась до краев поля зрения. Гонимые ветром, волны песка перекатывались в лунном свете, будто морские.

За пустыней, далеко на горизонте, виднелся город. Город стоял посреди моря, подняв к небу необычной формы мраморные башни, словно руки взывающего к Богу. Город этот был и одновременно не был, он мерцал, как мираж, в воздухе, где клубились мириады тонн пыли...

Призрачный город являлся единственным намеком на присутствие тут жизни. Рик встал на негнувшиеся ноги. Все тело ломило, но он хотя бы мог заставить мышцы работать, и это уже было хорошо. Он спускался с холма, то сползая, то падая, и тащил за собой безжизненное тело спутницы. Громко звенели кандалы, ударяясь о камни.

Потом Рик поднял девушку на руки. Шея Майо под луной казалась блее пены; густые каштановые волосы прикоснулись к его коже. Оба беглеца были полураздеты, в пыли, перемешанной с запекшейся кровью.

Рик двинулся через пески, упрямо переставляя не желающие идти ноги. Цепи болтались и звенели в тишине, как надтреснутый коровий колокольчик.

Он подошел уже близко к городу, когда увидел маленьких крылатых людей, и вспомнил рассказы о них. Так же, как чернецы, крылатые люди были забредшей в тупик ужасно древней расой, могущественной в прошлые века, а ныне почти вымершей. Их оставалось лишь несколько десятков, от силы сотен, цеплявшихся за жизнь во всеми забытых городках, затерянных в бескрайнем море песка — в городах, имевших в незапамятные времена статус островных королевств.

В сиянии двойной луны было видно, как крылатые люди слетают с белых башен города. Они будто излучали свет, и это было неописуемо красиво: крылья искрились маленькими тайными огоньками, словно туманные опалы. Стайка летучих людей сопровождала Рика, паря в воздухе подобно огромным цветочным лепесткам, совершенно беззвучно; слабо флуоресцировали в темноте их огромные глаза.

Из тумана соткалась мраморная стена, преградив путь. Рик остановился, бережно уложил Майю на землю и огляделся вокруг, не зная, что делать дальше. Призрачные создания приземлялись на зыбкий песок; теперь он мог разглядеть их вблизи.

Чрезвычайно похожие на людей, они были миниатюрны, ростом не выше полутора метров, и полны грации в движениях. И мужчины, и женщины из одежды носили только короткую юбку-кильт, а не мерзли потому, что тела их покрывал тонкий белый шелковистый пух наподобие гагачьего.

Один из летучих людей опустился совсем неподалеку. На его приятном лице не было написано ни дружелюбия, ни враждебности.

— Ты — Рик, — произнес человек звонким ясным голосом, а затем выхватил из-за пояса небольшую трубку и навел ее на перепачканного пылью окровавленного беглеца в кандалах.

Дальнейшее Рик не помнил. В мозгу почему-то запечатлелся не человек с трубкой-пистолетом, а худенькая женщина, парящая, подобно валькирии, в зеленоватом свете луны. Она глядела сверху на Рика громадными неподвижными очами...

Эти глаза Рик запомнил навсегда.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на груде мехов, покрытой неким подобием шелковой простыни. Рик чувствовал себя отдохнувшим, боль ушла, лишь руки и ноги немного гудели. Кандалы никто с него не снял.

Рядом сидела маленькая женщина; ее пуховая шубка золотилась на солнце, лучи которого падали через высокое арочное окно. Взглянув еще раз, Рик понял, что это совсем молоденькая девушка, прелестная той красотой расцветания, которая присуща всем, кто стоит на пороге между детством и юностью. Девушка прижимала маленькую теплую ладонь к груди Рика.

— Я искала в тебе жизнь, — сообщила она, — и обнаружила, что ты необычайно живой.

Рик засмеялся и сел:

— Как тебя зовут?

— Мое имя Кира.

Он взял ее миниатюрную, будто кукольную, ладошку в свою шершавую непослушную лапищу и услышал, как кто-то рядом завозился и зевнул.

— Твоя супруга воспрянула ото сна, — произнесла Кира.

Разговаривала она на древнем наречии, и Рик у порою было нелегко понять ее слова.

— Супруга? — Он покачал головой: — Нет, это просто отличная девчонка; мы с ней чуть было не погибли.

Рик встал. Майо восседала на такой же, как постель Рика, груде мехов и ярких тканей.

— Привет. Скажи, ради Бога, где мы и как сюда попали? — Говоря это, она разглядывала крылатую девушку.

Рик рассказал все, что помнил.

— Наш город носит имя Каэр Эбра, — пояснила Кира. — Мой народ живет здесь со дней сотворения. В те времена он был очень многочислен.

Рик осмотрелся. Широкая терраса, служившая местом действия, была выложена цветным камнем, названия которого Рик не знал. Причудливо бесконечный узор на полу, если долго его разглядывать, создавал странное ощущение. Потолочные своды имели отделку из мрамора с прожилками. Солнечный свет шел через единственное во всем помещении огромное окно и падал на барельефы, вылепленные очень живо, которые изображали мужчин и женщин, похожих на Киру, только крупнее, как Рик и Майо. Там были деревья, цветы, птицы и звери, а в одном месте — море и корабли на нем.

Рик обратил внимание на низкие резные перила с лестницей посреди помещения. Ступени, величественно спускавшиеся в синеватую тень, были так широки, что по ним могла развернутым строем маршировать армия.

И вдруг — песок... Он заполнял обширный холл внизу; в холле стояли скульптуры, утонувшие в песке по пояс. Там и сям беспомощно тянула руку или, словно в удушье, высовывала голову из желтой крупы статуя, не вышедшая ростом. Песок вползал через окно холла и заливал ступени.

Отовсюду доносился шелестящий звук, похожий на сонное дыхание исполина; это пустыня терлась своим боком о стены здания.

— Внизу еще много этажей, — сказала Кира. — Мой отец ребенком играл здесь. Тогда песка не было.

Она выглянула в окно, и ветерок вырвал из ее покрова несколько крохотных перышек, разлетевшихся по террасе.

Рик поежился от прохладного дуновения и только сейчас заметил, что и он, и Майо чисто вымыты и умащены какой-то мазью.

Кира поставила перед ними еду, принесла ее со стола у массивной бронзовой двери.

— Объясни, что вообще происходит? — спросил Рик с набитым ртом. — Я помню, как один парень из ваших выстрелил в меня из трубки. Откуда ему было известно мое имя?

Кира рассказала, и лицо Рика стало каменным.

— Долг крови, говоришь? Клянусь всеми чертями, если вы собираетесь принести меня в жертву, то очень сильно не правы!

— Люди моего народа вернутся сюда на закате, чтобы препроводить вас обратно в Рух. — Лучистые глаза Кире наполнились слезами. — Там тебя убьют, — прошептала она. — А ты живой, так сильно живой!..

Кира неожиданно схватила Рика за руки и привстала на цыпочки, стараясь дотянуться до него.

— Я слышала, о чем они говорили. Я знаю пророчество. Твоя тень покроет Марс. Они ненавидят и боятся тебя.

Последующие слова Кире утонули в потоке слез и эмоций.

— Мне кажется, что ты принесешь нам жизнь, а не смерть, — бессвязно бормотала девушка. — В тебе так много жизненной силы, а мы умираем... Не дай им убить себя, Рик!

Он улыбнулся и взьерошил ее мягкие пряди:

— Лучше, чтобы люди твоего народа не слышали этих речей. Они знают, что ты здесь?

— Нет. О, Рик!..

Она взглянула на него снизу вверх. Рик наклонился и поцеловал маленькие трепещущие губы; Кира отпрянула с побледневшим лицом, расправив крылья, стрелой взмыла в воздух и, мелькнув в солнечном луче, исчезла из виду.

Рик сел и беспомощно воззрился на Майо.

— Эх! — произнес он. — Ну и дела!.. Что называется, из огня да в полымя!

Майо глядела на него скорее с любопытством, чем встревоженно.

— Постой, я ничего не поняла насчет прорицания.

Рик рассказал Майо про старуху-ведунью.

— Я не собирался никого убивать! Но она совсем лишила меня рассудка. А напоследок вообще пырнула ножом. — И он задрал голову, показывая рубец на горле.

Майо ничего не ответила. Она сидела и рассматривала Рика таким пристальным и потусторонним взглядом, что тот в конце концов почувствовал себя неудобно.

Не то чтобы взгляд девушки взволновал его. Просто ее волосы горели на солнце так ярко, а кожа так напоминала венерианский туман на рассвете, лучащийся перламутром и предвещающий знойный день... На скулах парня заиграли желваки.

Майо встала, подошла к Рик и, накрыв его руки своими, продолжала изучать взглядом.

— Старуха была права, — наконец произнесла она. — И Кира права. В тебе заключена сила, но она дремлет. Однако главное, что она есть! Ты мало что совершил в своей жизни, не так ли?

— Я просто жил в свое удовольствие, и все тут... Ну и творил всякие вещи... Много чего натворил.

— Но ничего не создал. И не собирался создать. Слушай, Рик, тебе не приходило в голову, что в этом пророчестве что-то есть?

Он засмеялся:

— Считаешь, в мантии супергероя я буду смотреться лучше, чем в наручниках?

— Просто мне кажется, — тихо промолвила Майо, — что такая одежда тебе очень пойдет.

Она так это сказала, что Рик замер. Он даже дышать перестал, а придя в себя, подхватил Майо на руки...

Наконец они отпустили друг друга.

— Рик, нам следует поговорить. Осталось очень мало времени, пора что-то предпринять!

— Нечего предпринимать, кроха. Когда-нибудь позже, может, и появятся варианты, а сейчас, раз мы не умеем махать крылышками, как эта девчоночка, остается просто сидеть и ждать. Во всяком случае, против тебя они ничего не имеют. Ты, как говорится, чиста.

— Даже думать такое стыдно! — Майо передернула плечами. — У меня нет страха за свою жизнь. Я совсем о другом. Там, под землей, ты мечтал вышвырнуть вон Фаллона с его сворой.

Рик кивнул, кошачьи глаза метнули искры.

— А согласен ли ты пойти вместе с нами, с Хью Сент-Джоном? Я тебе точно скажу: наше движение — последняя надежда для планеты. Может, ты именно тот человек, который воплотит идею единства в реальность. Старуха не болтала языком попусту, наподобие истеричной гадалки с магическим кристаллом. Она говорила дело. Учение о всеобразно расходящемся будущем принято даже на Земле. Там оно называется «теорией зондирования».

В возбуждении Майо до боли сильно сжала ладонь Рика:

— Поймай за хвост свое будущее! Отлей его в форму, построй его, сделай свое будущее великим, чтобы люди помнили тебя до тех пор, пока у них есть голос, чтобы передавать из уст в уста легенду о Рике Уркхарт!

Рик глядел на Майо во все глаза, ничего не видя. Он взволнованно смотрел куда-то сквозь нее, далеко-далеко... Затем резко поднялся и стал мерить террасу шагами.

— Моя тень... Весь Марс...

Майо медленно откинулась назад, наблюдая за ним, и ее лицо приняло вдруг странное выражение. Девушку кольнул какой-то неопределенный страх.

— А почему бы и нет?.. Клянусь небесами, почему нет? — Рик остановился, обращаясь к Майо не как к собеседнице, а словно разговаривал с неодушевленной точкой пространства. Он весь пылал; внутренний жар сделал его похожим на разгоряченного ковбой Талоса из древних мифов. — Почему нет? Фаллон, Шторм, Сент-Джон... Почему не я? Ухватить свое будущее — так! Будущее, а вместе с ним — целую планету... Планету, которая ждет, кто возьмет ее. Почему не мне быть этим человеком?

Слова его гулко взлетали под мраморные своды.

— Рик!.. — прошептала Майо.

Он едва ли ее слышал.

— Вам известно, кто такой Ричард Гунн Уркхарт?.. — Рик говорил медленно, с достоинством, а последние слова произнес, будто магическое заклинание. — Никогда раньше я не осознавал себя... Я просто не понимал, зачем живу!

Запрокинув голову, он торжествующе рассмеялся; эхо вторило раскатам его хохота. Майо сидела перед ним посреди мехов и ярких шелковых тканей, неподвижная и молчаливая. Сноп солнечного света бил из окна.

Рик опустил на колени и взял Майо на руки.

— Мы пойдем вдвоем. Ты именно та женщина, какая нужна мне — сильная, готовая быть рядом, словно отточенное оружие. Вместе, Майо! И я украшу тебя ожерельем, главный камень в котором — планета Марс!

Он поцеловал девушку.

Но губы Майо не отвечали. На них была холодная горечь, прикус слез.

Рик отпрянул, внезапно остыв.

— Что случилось?

Девушка взглянула на него. Слезы текли по ее щекам, оставляя дорожки, блестящие в свете угасающего дня. Она не плакала — чувства, бурлившие внутри, были слишком глубоки для рыданий.

— Я люблю тебя, Рик, — выговорила она.

— Конечно. А я — тебя.

— Нет... В тебе нет любви — такой, которую я имею в виду. Половина тебя уже проснулась — та твоя часть, что была подмечена старой марсианкой и напугала ее. Это — сила. Но к ней еще нужна душа.

Глаза Рика сузились:

— О чем ты говоришь?

— Я думала, что ты — такой человек, который всем нам необходим. Сильный, способный вдохнуть новую жизнь в умирающую планету... Но ты даже краешка не понял из того, о чем шла речь. Ты вместо жизни принесешь Марсу смерть... Смерть и разрушение, если останешься в живых.

Рик медленно опустил девушку.

— Что-то не пойму. Ты ведь хотела, чтобы я овладел Марсом, так?

— Я хочу, чтобы ты его спас. Во имя создания новой жизни.

— А я разве сказал, что не буду это делать?

— Будешь ли?! — с ударением на последнем слове произнесла Майо.

Рик не выдержал ее взгляда и раздраженно отвернулся:

— Боже правый! Да я еще и поразмыслить-то как следует не успел. Мне нужно время.

— Дашь ли ты возможность Хью Сент-Джону принять участие в возрождении планеты? В этом для него смысл всей жизни.

Рик стремительно обернулся, глядя на девушку с безобразной свирепостью.

— Слушай, Майо! Я никогда не носил ошейник и не дам тебе никаких обещаний. Совершенно неизвестно, как все пойдет, во что выльется. Но, что бы я ни создал, я построю это сам, по собственному замыслу. — Он яростно втянул ноздрями воздух. — До чего же все это по-бабьи! Впервые в жизни человек понял, какие возможности предоставляет ему судьба. После стольких лет существования, когда на меня сыпались тумачи тех, кто повыше, я увидел дорогу к тому, чтобы стать надо всеми. А тут сразу же начинают вязать руки, — он потряс цепями, — городят заборы на моем пути!

Рик облокотился на перила и замолк, хмуро разглядывая песок внизу. Затем повернулся к Майо:

— Ладно, буду до конца откровенным. Все это совершенно для меня ново, хотя, догадываюсь, мой мозг обдумывал старухино предсказание где-то на задворках сознания. Но я не дам зацепить себя ни Марсу, ни тем, кто его населяет, ни преподобному Хью. Прежде всего я беспокоюсь о Ричарде Гунне Уркхарте — и правильно поступаю, потому что, кроме меня, никто этого не делал и делать не будет. Я желаю осуществить две вещи — уплатить по счетам Шторму и Фаллону, а также посмотреть, что удастся слепить из беспризорной планеты. Слепить, разумеется, для себя.

Майо покивала головой:

— Да. Я поняла.

Он молча изучал ее взглядом.

— Как вспомню все эти драки, в каждой из которой я мог просто погибнуть!.. — Рик рассмеялся и плюхнулся на грудь мехов рядом с Майо. — Слушай, девочка, мы нашли друг друга и отныне навсегда связаны, потому что люди не могут выйти из такой, как наша, переделки, не сплавившись душами хотя бы отчасти. Однако имеется нечто большее. Мы совсем незнакомы, нельзя ожидать, что нам все друг в друге будет нравиться. Но в каких-то обстоятельствах мы срабатываем как одно целое, вот что важнее всего. Ни с кем раньше я не испытывал этого ощущения —

как будто в тебе не хватало какой-то детали, и вот теперь она встала на место.

Рик посмотрел на Майо с комическим изумлением.

— Эй! А знаешь, что ты первое существо, с которым я так долго объясняюсь на словах? Любой другой, будь то мужчина или женщина, уже через пару минут схлопотал бы по морде!

Майо вдруг расхохоталась тем нервным смехом, который обычно переходит в рыдания, и обняла Рика.

— Ты просто мальчишка, — сказала она, — и никогда не станешь взрослым. — Опустив голову, она тихо прошептала: — Может быть, там, в глубине, у тебя есть душа. Может быть, ей нужна любовь, чтобы пробудиться...

Их губы встретились как раз в тот миг, когда тишину сумерек расколол звон открываемых высоких медных дверей.

Глава 6

По усеянному звездами небу, такому близкому, что становилось неприятно, ползли две маленькие злые луны. Резкий ветер сек лицо. Рик неподвижно лежал в гамаке из широких полос ткани и наблюдал, как бьют по воздуху четыре пары крыльев. Справа от него летела Майо в такой же люльке, которую за углы несли воины народа Каэр Эбра.

Внизу медленно проплывал марсианский пейзаж: пески, движущиеся по воле ветра, горные цепи с вершинами, придавленными пятой несчетных тысячелетий, пустые пространства бывших морей. Иногда, напоминая бледно-восковым цветом лицо покойника, из скудных зарослей ползучей растительности возникала мраморная стена, окружающая какой-нибудь город.

Далеко в стороне Рик видел свечение широко разбросанных огней «Земной горнорудной компании».

Крылатые люди начали снижение по плавной дуге, и наконец на фоне ночного неба поднялись темные силуэты башен Руха.

Зубцы на башнях — словно каменные пальцы: ждут, чтобы схватить на лету того, кто приблизится... У Рика засосало под ложечкой.

Мелькнул смутный свет вперемежку с тенями, резные монстры чиркнули рогатыми головами по дну люльки, и вот Рик с Майо оказались на площадке широкого портика. В полутьме стояли стражники в коротких кильтах с мечами наголо.

Воины Каэр Эбра сложили крылья и с непринужденной грацией людей почитающих, но не раболепных, поклонились сухощавому марсианину — крепкому, с лицом волка и светло-серыми, в искорках зеленого пламени глазами. Незнакомец был перепоясан выдавшей виды небогато украшенной портупеей.

— Развяжите им ноги, — приказал сухощавый.

Он окинул Майо медленным взглядом, от которого краска бросилась девушке в лицо, и повернулся к Рику, наблюдая, как тот встает и складывает на груди руки, скованные железной цепью.

Рик выжидал. Он ничего не говорил, только смотрел отчужденно-враждебным взглядом, как плененный тигр.

Молчание длилось долго. Наконец худощавый марсианин коротко усмехнулся и слегка наклонил голову:

— Мое имя Бейдах, — тоном, каким обращаются к равному, произнес он. — Идем, повелитель ждет.

Бейдах церемонно поклонился воинам Каэр Эбра и жестом пригласил их вперед себя. Стражники подошли ближе. Майо придвинулась к Рику, локоть ее связанных рук коснулся его локтя.

Пленники, а с ними и стража, последовали за Бейдахом внутрь башни. Никто не заметил тени, беззвучно скользнувшей, словно ночной мотылек, в лунном свете на расправленных крыльях. Тень метнулась к окну башни, уцепилась за каменную химеру, украшавшую проем, и затаилась в темноте.

...А в это время по пустым улицам Старого Города беспокойно бродил человек. Он был огромен и грузен, одет во все черное; каблуки выбивали неровный такт на камнях мостовой. Человек шел без сопровождения. Из-за запертых ставен за ним следило множество глаз, но никто не трогал черного человека — полированные рукояти бластеров поблескивали у него на обоих бедрах. Незнакомец шел, проклиная вслух неизвестно кого, со странным отсутствующим выражением лица.

Неожиданно он остановился, медленно поднял голову и немного повернул ее, как зверь, почуявший что-то. Взгляд его устремился в направлении башен Царского Замка, глаза вспыхнули фосфорическим блеском.

Человек удовлетворенно хмыкнул и быстро двинулся прочь, за пределы стен, окружающих Старый Город...

Тронная зала выглядела необычно. Перед запертыми бронзовыми ставнями окон неровным огнем горели факелы; дым их качался у потолка. В голубоватом мареве тусклыми пятнами багрового и золотого оттенков представляли взору знамена и потемневшие щиты, развешанные по стенам в глубине.

Вокруг стола цвета крови расположились двенадцать человек — военачальники основных городов-государств, подчиняющихся Руху. Мальчик-царь Харал восседал на высоком троне; его темная, иссушенная своим душевным пожаром мать сидела слева, с немой и горькой яростью наблюдая за происходящим.

Когда вошли Бейдах с гостями и стража, ведущая пленников, в зале воцарилось молчание. Однако по надменным и мрачным лицам сидевших Рик понял, что за минуту до этого здесь кипели страсти и звучали не самые лучшие слова. Даже сейчас в воздухе витал ревнивый дух борьбы за первенство. Марсианские

предводители ссорились из-за власти, вместо того чтобы думать о судьбе планеты...

Бейдах занял свое место по правую руку от повелителя, воины Каэр Эбра расселись за столом; Рика и Майо оставили стоять. Стража отступила к стене.

Из глубокой тени у подножия трона послышался быстрый злобный вздох — будто зашипела, свиваясь в кольца, змея — и на освещенное место выступил ухмыляющийся карлик Ллоу.

Рик стоял в непринужденной позе, прямо глядя всем в глаза. Рядом Майо касалась его локтем. Лицо Рика выглядело бесстрастным, хотя внутренне он был напряжен.

— Ты знаешь, почему оказался здесь? — задал вопрос царственный юноша.

— Да. Я знаю.

Харал поднялся, трепеща от волнения.

— Люди! — воскликнул он. — Борющийся народ Марса! Перед вами землянин, посредством которого, согласно пророчеству, захватчики должны осуществить свое владычество над нашим миром.

Мальчик выбросил вперед руку. Его театральный жест мог бы выглядеть смешно, но сейчас и здесь — нет... Слишком много было достоинства в юном царе.

Рик склонил голову, невольно восхищаясь силой и зрелостью его духа.

Голос Харала звенел, как серебряный горн:

— Смотрите же на этого землянина, о люди Марса! Сегодня ночью мы находимся на перепутье. Завтра перед нами будет только одна прямая дорога, ведущая к победе — и к свободе для планеты!

Поднялся шум. В гвалте возбужденных голосов перед троном предстал Паррас-провидец.

— Повелитель, — произнес Паррас. — Я должен повторить тебе снова: я посылаю свой разум в будущее и видел третий путь. Черную дорогу, она очень близка к сегодняшней ночи. Лишь одно говорю тебе — поторопись!

Харал рассмеялся в лицо предсказателю. Он был юн, этот властитель. Слишком юн.

— Мы ухватили судьбу за шиворот, Паррас! — Царь повернул голову к карлику: — Твой долг будет отдан, Ллоу. Согласно правилу кровников, ты вправе выбрать способ уплаты. Вот землянин. Посмотрим, чем он будет рассчитываться!

Карлик спрыгнул с возвышения — безмолвно, со смертоносной грацией охотящейся кошки.

— Пойдите! — подал голос Рик.

Волчки глаза Бейдах разочарованно сверкнули. Харал шевельнул рукой в удивлении:

— Ты собираешься молить о пощаде?..

Рик засмеялся:

— Это бы мне очень помогло, не правда ли? Нет, царь, о себе я молить не намерен. Я обращаюсь к тебе с просьбой о девушке.

Харал сосредоточенно сдвинул брови, как будто только сейчас заметил, что рядом с Риком находится кто-то еще.

— Я прошу, чтобы ее отпустили. Она не причинила вам никакого вреда.

Бейдах одобрительно кивнул царю.

— Но, повелитель, это же его соратница! — запротестовал карлик.

Рик, не обращая внимания, продолжал:

— Мы встретились в неординарных обстоятельствах и вместе спасали свою жизнь, вот и все. Я едва с нею знаком. — Рик старательно не смотрел на Майо, лишь надеялся, что выражение лица девушки не дает повода сомневаться в его словах.

— Сейчас это не имеет значения, — отмахнулся Харал. — Ллоу!

Рик в ярости разинул рот.

Карлик шевельнул рукой, призывая стражей. Те стали надвигаться на пленников.

Рик сцепил зубы, оскалив их, и оттолкнул Майо в сторону.

Троих он уложил своими цепями и еще двоих — с помощью ног, но затем кто-то ударил его плащом мечом по виску. Прежде чем тьма окутала мозг, он ощутил еще два или три удара. В последний момент перед потерей сознания Рик увидел в свете факела лицо Бейдаха — тот с отвращением смотрел на карлика.

...Тьму пронзали зубчатые багровые прожилки. Они появлялись, следуя за странным регулярным ритмом ударов металла по металлу. Где-то далеко визжала женщина — не в истерике или от страха; так кричит животное, терзаемое когтями хищника.

Рик открыл глаза. Красная колеблющаяся завеса скрывала от него Тронную залу. За этим маревом, отдаленное и нереальное, происходило какое-то движение; именно оттуда раздавался женский крик, и оттуда же слышен был ритмичный металлический звон. Неожиданно Рик осознал, что красный занавес — это боль. Боль такая сильная, что он почти видел ее.

Рику показалось, что он находится высоко-высоко и смотрит вниз на покрытое красной дымкой море.

Крики прекратились, и на некоторое время наступила тишина. Когда Рик снова очнулся, он слышал только беспокойное бормотание. Боль, сводящая с ума, перешла в такое измерение, где Рик понимал, что ему больно, но был как бы отключен от ощущения собственно боли. Он снова поднял веки.

Голова его бессильно свисала. Он видел свое тело — вытянутое, нагое, блестящее от пота, в потеках крови. Ноги его стояли на отделанном орнаментом бруске из синего дерева, потрескавшегося и темного от старости; к этому бруску двумя большими

кинжалами были пригвождены ступни Рика. Лезвия ярко блестя в факельном свете. Ослепительно ярко..

Далеко внизу был каменный пол.

Рик медленно повернул голову; движение давалось с большим трудом и заняло много времени. Он увидел свою левую руку, простертую вдоль стены. Скрюченные пальцы почти касались эфеса еще одного кинжала, вбитого между костями запястья в камень.

Расходовать силы, дабы убедиться, что правая рука точно в таком же положении, не имело смысла. Рик опустил голову. На каменном полу под ним стояла Майо. Глаза девушки были устремлены на Рика; он ободряюще улыбнулся ей.

Затем Рик увидел Ллоу — карлик сидел на корточках, обняв руками колени в позе человека, любующегося результатами своего труда. Рядом больше никого не было. Взгляд уродца зачарованно застыл на распятом — взгляд немигающий, горящий огнем безумия.

Дальше, в глубине, вокруг кроваво-красного стола сидели двенадцать военачальников и люди народа Казр Эбра. Они пили и вели тихую беседу, избегая смотреть друг на друга и на стену, где висел пригвожденный Рик. Харал, забившись поглубже под балдахин трона, буравил взглядом священный ковер, сотканный из волос девственниц. Лишь царица-мать хладнокровно взирала на истекающего кровью. В ее представлении он не был человеком; марсианка испытывала по отношению к Рiku чувства такие же, как к пойманному опасному животному. Животному из ядовитой породы землян.

Бейдах неожиданно встал; холодное бешенство светилось в глазах воина, ладонь лежала на рукояти оружия.

— Во имя всех богов нашей расы! — произнес он вспыхливо. — Неужто тебе недостаточно?!

Ллоу, не шевелясь, таинственно улыбнулся в ответ.

Из зала раздался голос Парраса:

— Ваше величество, прошу вас, скорее заканчивайте все это!

Харал поднял голову, так, чтобы не видеть стену и человека на ней.

— Ну что, Ллоу?

— В согласии с правилом кровников, властитель, — вкрадчиво отозвался карлик, — выбор принадлежит мне.

Харал вновь спрятался в спасительной тени под навесом трона.

Бейдах устремил взгляд вверх; глаза его встретились с потемневшими от мучений глазами Рика. В зале стало так тихо, что все слышали, как шлепаются о камень капли крови.

— Мне стыдно... — произнес Бейдах. — Я стыжусь за свой народ!

Он повернулся и, неожиданно подцепив Ллоу носком сапога под подбородок, заставил карлика опрокинуться навзничь, насколько тому позволял горб. Затем обнажил кинжал.

— Долг крови или нет, землянин, но ты заслуживаешь человеческой смерти! — воскликнул Бейдах и замахнулся для броска.

Ллоу взвыл как бешеный кот, вскочил и с завидной проворностью бросился на воина. Тот покачнулся, но устоял на ногах. Кинжал сверкнул под потолком, ударился о стену справа от Рика и со звоном упал на камни. Бейдах, зарывчав, схватил кровожадного карлика за горло.

Истошный вопль огласил залу и, словно внезапно выключили звук, оборвался на самой визгливой ноте. Все, кто был за столом, повскакали с мест, выхватив клинки. Бейдах резко обернулся на шум, оторвав взгляд от маленького тела, которое, извиваясь в железной руке, отбивало каблуками последнюю чечетку между широко расставленных ног старого воина.

Швырнув труп в сторону, Бейдах бросился к Харалу, на ходу вынимая меч из ножен за спиной.

Майо у стены тянулась связанными вместе руками, но, как ни старалась, не могла достать до кинжалов, пронзающих Рiku ступни. Она смотрела ему в лицо и хотела произнести что-то, но из горла не выходило ни звука. Капли пота и крови падали сверху на ее белую кожу, прочерчивая блестящие и красные дорожки.

Губы Рика шевельнулись в словах «люблю тебя!». Он улыбался.

В этот миг бронзовые двери с грохотом упали, и в залу ворвался Джаффа Шторм со своими венерианцами и черными антроподами, сгрудившимися позади хозяина.

Глава 7

Рик смотрел на происходящее сверху. Сознание полностью вернулось к нему, мысли были ясные, однако что-то в мозгу Рика перевернулось. Изменился и его взгляд. Похожим образом меняется пластичное железо, после закалки иковки ставшее клинком. Никогда отныне он не вернется к прежней своей беззаботности и не будет топтать по жизни наудачу...

Рик видел, как марсиане дрались и падали, сраженные лучами бластеров. Подросла замковая охрана, и Тронная зала наполнилась воинами; среди них мелькали белые кудри венерианцев и черные тела обезьян. Резня Варфоломеевской ночи бледнела по сравнению с развернувшейся бойней.

Снаружи — в других помещениях и на улицах города — рос звериный рев, покрываемый грохотом взрывов и надсадным воем шокеров, исчертивших темноту синими лучами смерти.

...Один за другим падали воины; были сорваны и затоптаны факелы. В зале стало тихо. Лишь один, последний факел посылал дрожащий свет в глубину залы, туда, где висел на стене припигиленный к ней человек. Войнство Джаффы Шторма исчезло, унося своих раненых и погибших. На улице борьба еще шла, но шум ее

все отдалялся. Майо стояла недвижно, прижимаясь к камню подле ног Рика.

Поднявшись на ритуальный помост, Джаффа Шторм долго стоял, молча рассматривая Рика снизу. Затем по губам Джаффы проползла усмешка, он потянулся всем телом — мускул за мускулом, как это делает пантера. Черные глаза светились удовлетворением.

— Стало быть, поднялась буря?.. — негромко произнес Шторм. — И вдруг — бах! — сама себя вымела. Эти трупы на полу — бывшие лидеры Марса. Кто там еще в живых — горстка варваров да Мыслители, что обитают на полюсе. Ничтожества! — Джаффа засмеялся. — Я знал, что они здесь. Да! Я знаю столько же, сколько их проводцы. А может быть, и еще больше...

Майо незаметно сползла вниз, шаря в темноте по полу связанными руками.

Шторм продолжал изучать Рика взглядом.

— Ну что, не слишком удачное сочетание пророчества с кровавой мстью? — Он покивал головой. — Ты задал мне массу неприятностей, мальчик. Этот ужасный камень в голову... Главное, ты выставил меня дураком, сумев убежать, и подтолкнул многих на повторение твоего проступка. Я не говорю о кое-чем другом, еще...

Рик засмеялся — беззвучно, лишь отрывистые толчки воздуха вырывались из его уст.

— Насчет кое-чего ты прав. Я видел твои проблемы после того, как она, — он показал взглядом на Майо, — дала себя поцеловать.

Шторм согласно кивнул, шагнул вперед и ухватил сидящую девушку за плечо. Та резко поднялась, блеснул кинжал Бейдаха, который она подобрала. Шторм сделал резкий выдох, последовала буря эмоций и криков, кинжал звякнул о камни, а Майо повисла над землей в руках Джаффы.

— У тебя крепкий организм, Рик. Ты еще проживешь какое-то время. Не думаю, что кто-нибудь сюда зайдет — из обитателей Царского Замка в живых не осталось никого, а другие сейчас очень заняты там, внизу. — Шторм качнул головой в сторону выхода. — Короче, если даже кто-то и появится, вряд ли он станет тратить на тебя время.

— Эта мысль греет твою душу? — прохрипел Рик.

Шторм улыбнулся:

— Естественно. Ты собирался править планетой, поверив в предсказание? Они тут помешаны на расходящихся во все стороны дорогах будущего. Видать, дружок, на какой-то развилке ты свернул не туда!

Джаффа вышел, унося в охапке Майо. Рик следил глазами за жарким отблеском пламени факела в волосах девушки, пока мог, и слышал, как пропадает в отдалении неровный стук каблуков.

Он остался один.

Рик попробовал расшатать лезвия, пригвоздившие его к стене, и после этого долго висел неподвижно, тяжело дыша.

В темноте на полу что-то шевельнулось. Это был Бейдах. Он медленно высвободился из-под груды кровавых тел. Ползая на четвереньках по зале, старый воин переворачивал трупы и заглядывал в лица. Сберегая дыхание, он не произнес ни звука даже тогда, когда нашел того, кого искал.

В мерцающем свете Рик наблюдал, как воин берет маленького царя на руки. Смерть выбелила кожу Харала, сделав ее цвета слоновой кости. Бейдах встал и понес тело мальчика к помосту. Спина воина была пряма, шаг тверд. Он усадил Харала на трон, опер голову мертвеца о резную спинку и уложил руки вдоль подлокотников. Глаза Бейдаха и пуговицы его мундира отражали красноватый блеск пламени факела.

Найдя меч, Бейдах положил его Харалу на колени и только после этого осел на помост. Некоторое время спустя он поднял голову и посмотрел на Рика глазами, сияющими светом предсмертного пророческого озарения.

— Ты не умрешь, — торжественно прошептал Бейдах.

Распятый отвечал беззвучно:

— Нет, не умру...

— Ты будешь править миром.

— Я... буду... править...

Наступило молчание. Оба копили силы. Наконец Бейдах снова поднял голову.

— К добру или к худу, но путь избран. Ты, человек!.. — его голос прервался.

— Бейдах, — позвал Рик.

— Я слышу тебя.

— Моими руками, Бейдах... Моими собственными руками!

Марсианин перевел взгляд с Рика на тело мальчика и обратно. Он улыбался. Затем неимоверным усилием слез с помоста на пол и пополз к Рiku, преодолевая боль.

Неожиданно он замер и прошептал:

— Кто-то идет!

Из темноты коридора донесся шорох, затем послышался потрясенный сдавленный возглас:

— Рик! Рик!..

Быстрый шум крыльев в полутьме — и Кира повисла рядом с пленником, удерживаясь за резное украшение на стене и глядя на распятого огромными неподвижными сухими глазами.

— Я летела следом, — тоненьким голоском говорила она. — Думала, что сумею чем-нибудь помочь тебе... О, Рик!

Он улыбнулся:

— Действительно сможешь, девочка. — Слова выходили из него медленно и тускло. — Попробуй выдернуть эти ножи.

Лицо Кире побелело, но она отважно кивнула. В это время Бейдах подал голос:

— Погоди... Он упадет... Здесь... есть лестница. Помоги мне...

Кира спорхнула вниз. Вдвоем им удалось поднять легкую металлическую лестницу, по которой стражники затаскивали Рика на стену, выполняя команды горбуна Ллоу.

Медленно, очень медленно Бейдах взобрался наверх и выдержал кинжалы из стоп Рика. Тот почти потерял сознание от боли и уже не чувствовал, как Бейдах с Кирой освобождают его руки, только слышал частое биение крыльев по воздуху и ощущал жилистую, упорную силу Бейдаха. Рик пытался помочь им; было очень холодно, в ушах стоял грохот...

Потом горло обожгло вино. Рик полулежал, прислоненный к стене, а Бейдах склонился над ним с фляжкой. Трясущимися от утомления руками Кира бинтовала Рiku раны полосками ткани.

Бейдах выронил флягу; лицо его покрывали крупные капли пота. Он нагнулся и поднял с пола какой-то предмет, лежавший рядом.

— Слушай, землянин. Наше время ушло. Начинается новое, совсем иное время для Марса... Каким оно будет — не знаю. Но оно будет твоим. — Воин остановился, переводя дыхание. — Этот Обруч — символ власти над половиной планеты. Куда поведет Рух в лице того, кто носит железный Обруч Власти, туда пойдет за ним Марс. Сейчас я надену Обруч на твою шею. В его замке спрятано отравленное жало... Только один или два человека в каждом поколении знают секрет замка, и если кто-то другой попытается открыть его, он погибнет, а замок останется заперт. Обруч Руха будет гарантией подчинения людей Марса твоей воле. От того, как ты распорядишься полученной властью, зависит и твоя собственная судьба...

Бейдах снова надолго замолк.

— Почему ты надеваешь мне ошейник? — хриплым шепотом спросил Рик.

— Потому что к этому привела дорога Времени. Потому, что ты должен уничтожить Компанию и людей, явившихся сюда незванными. Потому что нет марсиан, имеющих силу носить Обруч. Сейчас нет... Может статься, не будет и всегда, но пусть грядущее позаботится о себе само...

Бейдах сомкнул края Обруча на горле Рика. Железо еще хранило телесное тепло юного царя.

Марсианин долго глядел в бесстрастную желтую глубину глаз Рика. Один раз он даже протянул руку, чтобы снять Обруч Власти, но в конце концов все-таки закрыл замок.

— Здесь есть тайный выход в безопасное место. Надо приподнять, а потом опустить шестнадцатый камень слева от входа... Не один правитель Руха спасся этим путем. Поспешни!

Бейдах взглянул на Рика и поднял палец:

— Однако помни, землянин. Обруч не сохранит жизнь предателя.

Лицо спасенного не выразило никаких чувств при этих словах.

Кира подхватила Рика под мышки и, наполовину поддерживая его, наполовину волоча, двинулась к узкому черному прямоугольнику, открывшемуся в стене.

Бейдах глубоко вздохнул. Медленно, будто укладываясь спать, воин повалился на бок и затих, уронив голову на колени своего мертвого повелителя...

Послышался скрипучий звук — это встал на свое место камень, закрывший потайной ход, и вокруг Рика сгустилась черная тьма.

Джаффа Шторм лениво курил, развалясь на диване в офисе под самой крышей Административного корпуса Компании, и как будто не замечал шефа, бегущего перед ним взад и вперед короткими злыми шажками с обезображенным от ярости лицом.

— Да провались все пропадом! — наконец не выдержал Фаллон. — Устроили акробатические трюки ради какой-то девки! Сколько людей мы потеряли из-за вашего сорвиголовства?

Шторм пожал плечами:

— Это же венерианцы. Они счастливы погибнуть в бою. Теперь болотники передерутся, чтобы попасть в наше подразделение.

— Ну, допустим. А как насчет марсиан, которых вы настреляли на улицах? Идиот! Понимаете, что теперь нас запросто вытурят?

Шторм насмешливо поднял брови:

— Вытурят? Кто же осмелится на такой подвиг?

— Правительство Марса пожалуется на Землю и в Межпланетный координационный совет!

— Бросьте!.. — Шторм спустил ноги с дивана и смерил Фаллона взглядом. — Я уже сам подал жалобу на Правительство.

Рыжий горнопромышленник замер как вкопанный, его глаза превратились в щелочки.

— Судите сами, — продолжал Шторм. — Они захватили двух наших соотечественников, правильно? Причем одна из них женщина. Оба — служащие Компании. Но этого мало, они приколотили мужчину к стене! Что, не так? И одному только дьяволу известно, что намеревались сотворить с девушкой. Ясное дело, мы просто обязаны были заняться их спасением. А какая могла быть поддержка со стороны закона? И еще. У меня есть доказательства, что марсиане готовились устроить массовую резню на расовой почве. Планетарное Правительство само получит неприятности. Я прижал его к стене. — Джаффа засмеялся. — А вместе с жалобой я послал хороший чек на восстановление разрушенного жилого фонда в Старом Городе!

Фаллон изобразил на лице покровительственную улыбку:

— До чего неглупый молодой человек!.. А что скажет Рух? Что скажут все марсиане по эту сторону Кахоры? Какие чувства они будут испытывать к вам, расстрелявшему в прах их царя и вышую знать?

— А, пускай чувствуют что хотят, — отмахнулся Шторм. — У меня оружие. На стенах города стоят электронные разрядники; солдат более чем достаточно, и еще большее их число рвется ко мне на службу. На Марсе один закон — сила, и у меня она есть.

Фаллон не на шутку обеспокоился, почувствовав в голосе Джаффы новые, наглые нотки. Он вернулся за стол и сел в кресло.

— Ну хорошо, Шторм. Возможно, вам хватит ума, чтобы обратиться из кучи, которую вы сами навалили.

— Ха, он еще будет прикидывать шансы!.. Послушайте, Фаллон, те люди в Тронной зале намеревались снять с вас скальп. Раньше или позже, но нам пришлось бы с ними схлестнуться. Я решил сделать это раньше.

— Вы решили! Ну да, использовать моих людей и технику, рискованно самой Компанией и всем, что я вложил в этот пыльный мешок под названием «планета Марс» — и лишь потому, что вы имели личный зуб на кое-кого! И ни единого слова мне не сказать, не предупредить ни о чем! Может, вы надеетесь, что прославиться после такого шумного представления?

Шторм скользнул по фигуре Фаллона задумчивым взглядом:

— Спектакль шел, по сути дела, сам по себе. Не я его режиссер.

Он подался вперед и раздавил окурочек о край пепельницы.

— Вы становитесь брюзгой, Фаллон, — небрежным тоном говорил Джаффа. — Превращаетесь в типичного магната, который сидит за столом, выращивает цветы в оранжерее, а в конце концов получает апоплексический удар в самом разгаре своих умственных занятий. Я наблюдал за вами, когда ставил к стенке неисправимых нарушителей трудовой дисциплины. Вам не по себе. Вас тошнит. А то, что произошло сейчас в Рухе, вас так напугало, что вы едва не обделались. Дряхлеете, Эд! Теряете темп, излишне осторожничаете. Сегодня случилась первая драка, за ней последуют еще. Появятся конкуренты, пойдут похищения, люди будут грызть друг другу глотки! Марс — не то место, где можно спокойно ожидать прихода старости.

Фаллон с шумом втянул в себя воздух:

— Вы лжец, Джаффа.

— Можете думать, что хотите! — с нарочитой резкостью ответил его собеседник.

— А думаю я о том, чего хотите вы, Джаффа! Вы мечтаете завладеть Компанией.

— Компания — это Марс, Эд. Мне нужен Марс.

Фаллон ждал этих слов. Он наклонил голову, как бы пережевывая сказанное Джаффой, и сделал неуловимо быстрое движение. Однако Шторм оказался быстрее. Эхо двух выстрелов, слив-

шихся в один, тут же угасло, поглощенное звуконепроницаемой обивкой кабинета.

В офисе на первый взгляд ничто не изменилось, лишь на бетонной колонне, рядом с головой Джаффы красовалось опаленное пятно. Фаллон, как и раньше, сидел за столом. Правда, у него не было лица, а заодно навсегда исчезли интересы в будущем Компании.

Шторм встал, включил телеэкран и дал Варго кое-какие инструкции, а затем вышел, заперев дверь офиса, и направился в другое крыло огромного комплекса Компании, туда, где на заднем дворе располагался небольшой жилой отсек, скрытый от посторонних глаз.

Услышав звук открываемого замка, Майо Макколл поднялась с кушетки, на которой только что лежала, упершись взглядом в противоположную стену. Без трепета, без слез и ругани, она молча стояла перед Джаффой. Темно-карие глаза были мертвы.

Джаффа уселся на кушетке, откровенно любуясь девушкой. По его распоряжению из квартиры, где раньше жила Майо, принесли одежду, и теперь вместо драного комбинезона на ней была обтягивающая туника из ткани золотистого оттенка; на таком фоне волосы ее казались огненными. Разрез подчеркивал величие фигуры, которое раньше можно было только угадывать под темно-зеленым мешком.

— Я принял от Фаллона дела, — будничным тоном сказал Шторм.

Майо ничего не ответила, лишь брови ее слегка поднялись.

— Тебе неинтересно, как я намерен с тобою поступить?

— Это не имеет значения.

— Пожалуй. Потому что я ничего не собираюсь делать.

Майо внимательно поглядела на Шторма.

— Не собираюсь — пока. — Он, не торопясь, с полуулыбкой разглядывал девушку. — Ты как-то раз обратилась ко мне с предложением.

— Вы считаете, что оно до сих пор в силе?

— Очень может быть... — Джаффа подался вперед. — Послушай, Майо. Я теперь хозяин Компании. Компания скоро приобретет к рукам Марс; почва здесь девственная, и ее разработка даст урожай, не виданный со времен освоения дальних континентов на Земле многие века тому назад. Даже больший, потому что там были всего лишь части света, а здесь — целый мир.

Черные глаза Шторма вспыхнули.

— Я не встречал женщины такой, как ты. Не знаю, что со мной... Я видел их множество — на любой вкус. Но в тебе есть что-то другое, только твое. И этого желаю. Желаю настолько сильно, что не буду пытаться овладеть тобой, пока ты сама не попросишь. Я открыл карты, можешь играть ими, как хочешь.

Он встал.

— У меня есть время; я способен ждать. Мне это даже нравится. Только помни: я всегда получаю то, чего хочу, — тем путем или иным, но в конце концов получаю.

Глава 8

Рик покойно лежал на неширокой лавке, застеленной шкурой. Над ним было маленькое окно, через которое проникал ночной свет, позволявший видеть очертания комнатки, смахивавшей на тюремную камеру. По иронии судьбы комната как две капли воды походила на ту, где Рик встретился со старухой-ведуньей и ее помешанным на мести внуком. Она также была устроена в толще городской стены, и со стороны ее оконце казалось не более чем выщербинкой в каменной кладке.

Единственная дверь вела в подземный ход, по которому Рик выбрался из Тронной залы. Туннель раздваивался, и Кира после осторожной разведки выяснила, что ответвление оканчивается люком, запертым камнем-перевертышем, на задворках квартала, именуемого в просторечии «Воровским».

Маленькое убежище было оборудовано с умом — видимо, в бурные годы городской истории его всегда держали наготове. Здесь имелись провизия и одежда, вино и оружие, а также все необходимое для ухода за раненым.

Рик поднял ладони к свету и согнул пальцы. За четыре дня, проведенные им здесь, раны затянулись; так же неплохо дело обстояло и с ногами. Кинжалы, к счастью, были острыми и не ржавыми, они удачно прошли между костями и тяжких повреждений не нанесли.

Рик слабо улыбнулся, довольный результатом «медосмотра», и снова задремал. Спал он сейчас почти все время; организм, сильный от природы и закаленный, быстро входил в норму.

Раздался шелест крыльев, и в окно скользнула Кира. Раненый тут же открыл глаза:

— Ты ее нашла?

— Да! Ах, Рик, Майо так обрадовалась, услышав, что ты спасся. Она сказала — только лишь знать это, и больше ничего не надо!

— А как она сама? Шторм не трогал ее?

— Отныне Майо вне опасности, — важно объяснила Кира. — Я дала ей нож! Она просила передать, чтобы ты не беспокоился, был осторожен, а еще... еще передала тебе вот это...

Девочка прижала свои нежные губки к губам Рика — и вдруг разрыдалась, припав к его груди. Рик ласково погладил ее по мягкой пушистой спинке.

— Бедняжка, устала, — сказал он. — Ты так много сделала для меня, впутавшего малютку в невероятные опасности. Надо возвращаться домой...

Крылья Кирь громко зашуршали.

— О, что ты, Рик! Я нужна тебе!

— Мне уже нетрудно обходиться без посторонней помощи. Ты спасла мою жизнь, дитя. А теперь отправляйся туда, где тебе ничто не грозит.

— Я не могу возвратиться! Они... я не знаю, что они со мною сделают. А кроме того, отныне в Каэр Эбра не осталось ничего мне дорогого.

Кира запрокинула голову. Лунные лучи очерчивали ее юное личико, нежную линию шеи.

— Ты понимаешь, что сейчас сказала, Кира?

— Да.

— И ты знаешь, что я должен тебе ответить?

— Да...

— И хоть без пользы твердить, что это не любовь — то, что ты себе вообразила; что, как и все в юности, ты должна переболеть этим...

— Я не хочу домой, Рик! — перебила его Кира. — Не заставляй меня. Ты прогонишь, а я отлечу недалеко — и снова вернусь.

Она встала, расправив крылья. Тело ее блистало серебром, крылья просвечивали, как матовые опалы.

— Я люблю тебя, Рик, но есть еще нечто гораздо более важное — моя любовь к Марсу. Ты обещаешь превратить Марс в планету, где люди будут с надеждою глядеть вперед. Ты представить себе не можешь, что такое быть молодым в мертвом городе, где не на что взглянуть, везде одно только прошлое!.. Я тоже хочу строить новый мир. Пусть мое участие будет ничтожным; одного лишь знания, что я помогала, уже достаточно. Ты не отнимешь этого у меня!

Рик безмолвно, долгим взглядом изучал крылатую девушку. На мгновение лицо его стало странно каменным; в глазах появилась чуть ли не жестокость, когда он сжал челюсти.

Через секунду он вздохнул, разведя руками:

— Да, пожалуй, отнять не сумею; легче убить... Ну хорошо. Давай играть по твоим правилам.

Кира с победной улыбкой уселась, нога на ногу, на лавке, заставив Рика потесниться.

— Кто-нибудь из Компании видел тебя?

— Нет.

— Узнала что-то дополнительно про Шторма, про их оборону?

— Сверх того, что уже рассказывала, — ничего. Рик, по-моему, после атаки никого в живых не останется! С нашей стороны, я имею в виду...

— Посмотри. Что происходит в Рухе?

— Я видела факелы на улицах, когда возвращалась сюда. Похоже, начинаются беспорядки. Да, Рик, я подслушала один разговор, спрятавшись на крыше. Шторм уже дважды ходил в

Нью-Таун — пополнять бараки. Шахты работают в три смены; люди мрут как мухи.

— Он не теряет время даром. — Рик сел на постели и поболтал ногами. — Приготовь бинты, детка, и покрепче обмотай мне мослы.

Кира начала было протестовать, но Рик так глянул на нее, что девушка повиновалась.

— Нельзя ждать, понимаешь? — Рик говорил это больше для себя. — Когда начнется восстание, будет поздно что-то переделывать!

Камень, прикрывающий выход на улицу, бесшумно повернулся, и уже через минуту двое осторожно шли по крысиной тропке вдоль городской стены. Тропинка лежала в густой тени, была загажена и безлюдна. В воздухе стоял густой запах ночных животных, и отовсюду из темноты слышалось их испуганное недовольное ворчание.

Кира взмыла вверх и тут же вернулась с сообщением, что на Толчке — самом популярном месте Воровского квартала — собралась толпа и что туда направляются во множестве люди из приличных районов.

— Там тебя убьют! — шептала Кира, расширив без того огромные глаза и уцепившись за локоть Рика. — Разорвут в клочки!..

Рик улыбнулся. В странной его ухмылке не было ни веселья, ни намека на что-нибудь человеческое.

— Веди туда! — приказал Рик.

Кира понуро шла впереди; концы ее крыльев тащились по грязным камням. Они шагали узкими извилистыми улочками меж домов, таких дряхлых, что пыль разрушения кучками лежала у стен в закрытых от ветра уголках. Жители будто исчезли, единственными признаками обитаемости были стиранные простыни, вывешенные на палках, подобно флагам, из тыловых окон, да вонь от помоек.

Фобос уже зашел за горизонт на востоке; Деймос, пока еще не сползший с неба, висел над Рухом так низко, что, казалось, вот-вот сядет, словно на кол, на одну из башен Замка.

Рев толпы стал громче; но совсем не те чувства, которые нужны сегодня, слышались Рiku. Вместо яростного боевого клича толпа завывала погребальную песнь.

Конец улицы... Крик тысяч глоток ударил в уши. Мятущееся пламя факелов освещало широкую квадратную площадь, запруженную народом. Площадь обрамляли приземистые кривоватые дома. Из всех окон высывались люди, они гроздьями висели, подобно роящимся пчелам, на балконах, водосточных трубах — везде, где можно было держаться.

Гомон толпы неожиданно взорвался общим криком и так же внезапно стих. Донесся голос оратора, пронзительный и горестный, словно труба горниста армии, проигравшей битву.

Рик заработал локтями, прокладывая дорогу. Никто не оборачивался, чтобы окоротить нахала, все взгляды были прикованы к подмосткам посередине площади.

На помосте возвышалась виселица, здесь жители Воровского квартала вершили свое собственное правосудие. Там же стоял оратор — щуплый, костлявый и злобный, облаченный в обтрепанный мундир, когда-то расшитый золотом. Его искаженное лицо, все в шрамах, пылало, скошенные топазовые глаза метали огонь.

— Вы знаете, почему мы здесь! — выкрикнул он. — Вы знаете, какое злодейство свершилось. Вам известно, что люди, которые могли принести нам освобождение, мертвы... А с ними погиб наш юный король.

Человек на помосте сделал паузу, чтобы дать затихнуть урюмому отклику толпы.

— И вам известно, — продолжил оратор тихим голосом, — что теперь нам остается делать...

Вопль, вырвавшийся из сотен ртов, означал только одно: «Кровь за кровь!»

— У них оружие. Они укрылись за крепостными стенами. У них сила. Пусть! Им нас не остановить. Нам не снести головы, да, но прежде чем испустить последний вздох, мы сотрем с лица планеты мразь Компании и землян!

И тут, в миг затишья, предшествующий, как это бывает всегда, урагану эмоций, Рик возвысил голос над площадью:

— Погодите!

Щуплый человек посмотрел вниз с помоста, ища взглядом того, кто крикнул. Глаза его расширились, он со всхлипыванием втянул в себя воздух и простер руки, взывая к молчанию. Тишина кругами распространялась по толпе от его воздетых рук; возбужденные, искаженные лица приобретали вменяемое выражение, и постепенно вся площадь была затоплена тишиной, словно неподвижною водою. Стало слышно, как трещат, обгорая, факелы.

Рик подымался по ступеням помоста. Он шел медленно, но держался прямо и не хромал. С широких плеч его свисала пурпурная мантия, украшенная на груди символом Двойной Луны на фоне пылающего изумруда.

Рик взошел на платформу под раскачивающиеся цепи виселицы, поднял забинтованные руки к застежке ворота и сбросил мантию.

Никто не проронил ни слова. Только вздох, единое многотысячное «Ух!..» прокатилось над толпой, и наступила мертвая тишина.

Рик стоял неподвижно. Мышцы мускулистого обнаженного торса бутрились под крест-накрест надетой воинской портупеей; на

шее, темный, отполированный временем, тускло блестел Символ Власти Руха.

Глаза первого марсианина Воровского квартала вылезли из орбит.

— Кто ты?.. — только и смог произнести он.

Рик отвечал, не повышая голоса, но слова его гулко раскатились от края до края громадной площади.

— Ричард Гунн Уркхарт, ваш вождь, согласно пророчеству.

Стон раздался над толпой — стон зверя, почуявшего кровавую добычу. Главный вор простер руки:

— Стойте! Стойте, вы!.. — Он подошел вплотную к Рiku, сжимая рукоять кинжала, висящего в ножнах на поясе. — Где ты, землянин, добыл Обруч Власти?

— Его надели на мою шею руки Бейдаха после того, как был убит Харал. Тебе известен секрет замка на Обруче?.. Тогда вы должны верить мне.

— Бейдах... — прошептал шуплый марсианин.

По толпе вполголоса зашелестело: «Бейдах... Сам Бейдах!»

— Землянин!.. — воскликнул предводитель воровской гильдии. — Землянин, который носит Воротник Власти?! — И обнажил лезвие.

Рик стоял бесстрастно, даже не взглянув на кинжал. Его глаза были устремлены поверх голов народа, заполнявшего площадь.

— Слушайте же, люди! Когда Бейдах закрыл замок на Обруче, он сказал: «К счастью или к беде, но путь избран». И это так! Из всех путей, по которым могла пойти планета, свершился только один. Вы не в силах ничего изменить. Кое-кто пытался. Ваши вожди распяли меня на ножах в Тронной зале — и оказались беспомощны.

Голос Рика звучал со странным спокойствием — не яростно, не угрожающе, не просительно, а так, как говорит человек совершенно уверенный, когда уже нечего обсуждать, и сейчас он просто повторяет то, что хорошо известно и ему, и всем остальным.

— Я не землянин. Я рожден в открытом космосе, и порт Джеккара был первой твердой почвой, на которую я ступил. Я не принадлежу ни к одному из миров, не отношусь ни к единой из рас. Я принадлежу только самому себе и лишь себе присягаю на верность.

Рик замолк, затем продолжил:

— Марс не пропал, куда вы сами не потеряли его. Вы проиграете свою планету, если будете бороться с Компанией так, как задумали ваши лидеры. Кира! Поднимись сюда и Расскажи всем, что ты видела.

Море лиц всколыхнулось, когда из темноты боковой улицы выпорхнула белая бабочка, пролетела над площадью и опустилась

на помосте подле Рика. Кира, робея под тысячью взглядов, коснулась Рика, как бы в поисках поддержки. Тот мягко обнял ее за плечи и повернул к толпе.

— Человек с Земли — один из главарей Компании — видел меня, распятого на стене, и оставил там умирать. Зато Кира меня спасла. Она — и Бейдах. Я обязан Марсу своей жизнью.

Рик ободряюще улыбнулся и шепнул:

— Давай, девочка!

Кира рассказала об укреплениях, выстроенных Компанией, а закончила следующими словами:

— Вы погибнете, так и не сумев нанести удар.

По площади пополз говорок. Предводитель в мундире с золотыми позументами подался к Рiku, все еще сжимая в руке кинжал — просто забыл убрать на место. Глаза главного мошенника светились любопытством.

— А ты, — начал вор, — что ты можешь предложить?..

— Если я начну болтать языком, Джаффа Шторм узнает все даже раньше, чем вы. У него способности такие же, как у ваших ясновидящих. Каменные стены — и те не преграда для его дьявольского разума. Каким еще иным способом он смог бы узнать о том, что ваши вожди собрались в одно место, где с ними удобно расправиться? Да и сейчас, если бы он не чувствовал себя в полной безопасности и не был занят работой в Компании, то бродил бы по Руху и шпионил за вами.

— Выходит, мы должны просто верить тебе, и все? — негромко спросил марсианин, поигрывая кинжалом. — Бейдах-то ведь был при смерти, когда украшал тебя ошейником. Может, он...

— Кира, скажи! — прервал его Рик.

Девушка, расправив крылья и привстав на цыпочки, яростно крикнула в толпу:

— Слышите, вы, марсиане! Джаффа Шторм заковал Рика в кандалы и хотел сделать его рабом на своей шахте. Когда Рик не покорился, Шторм пытался убить его. Четыре ночи назад он оставил Рика висеть распятым на ножах, обрекая его на мученическую смерть, и похитил подругу Рика. Неужели все это не доказывает искренности его желания отомстить?

Кира буквально светилась, ее юный голосок звучал подобно флейте.

— Он приведет Марс к вершинам! Он вернет жизнь умирающим. Он даст нам единство и силу.

Воцарилась долгая тишина. И вдруг — грохот салюта и радостные крики сотрясли окрестности.

Рик торжественно повернулся к вору в лохмотьях, расшитых золотым позументом:

— Держите людей наготове. Ждать придется недолго, я передам сигнал к выступлению через Киру.

Предводитель согласно кивал головою. Рик протягивал руки к толпе и улыбался. Глаза его оставались холодными и отстраненными.

В общем гвалте он и Кира исчезли с подмостков так же внезапно и загадочно, как появились.

А в это время в кабинете, которым раньше владел Фаллон, Джаффа Шторм был занят работой, занят так сильно, как Рiku и не снилось. Нет, физически Джаффа ничего не делал; он неподвижно сидел с закрытыми глазами, уперев локти в колени и прижав к вискам костяшки особым образом переплетенных пальцев.

Шторм раньше уже вступал в контакт с мозгом Рика, и теперь «настроиться на волну» было легко — не пришлось обыскивать весь ментальный эфир. Джаффа лишь тихонько посмеивался, слушая, как Рик расписывает его экстрасенсорные способности и умствует по поводу опасности разглашения плана битвы.

Шторм сидел не шелохнувшись, пока Рик не кончил представление, а затем исследовал невысказанные мысли, копошившиеся у того в голове. Завершив работу, Шторм встал, потянулся и, кивнув головой, сказал вслух:

— Хороший план. Все рассчитано отлично! Большая вероятность успеха. Противопоставить грубой силе такую же — что ж, поиграем в азартную игру!

Джаффа набрал код на визоре, и перед ним возникло объемное изображение полярной области планеты — превосходная рельефная карта. Шторм снова уселся в «позу кучера». Глаза его были направлены на голограмму, но видели они гораздо более отдаленные предметы...

Глава 9

Хью Сент-Джон вздохнул, вытянулся в высоком кресле и прикрыл веки.

— Значит, так, — произнес он, обращаясь к Эран Маку. — Последний патрон в револьвере, последняя монетка на банковском счету... Я выбываю из борьбы.

Марсианин ничего не ответил, сидя на балконных перилах, курия и наблюдая рахитичную жизнь Кахоры, протекавшую внизу. Его смуглое пиратское лицо казалось еще темнее от утрюмности.

— Я надеялся, что тебе, как коренному жителю, повезет больше, — глухо промолвил Сент-Джон. — Но и ты не продвинулся ни на шаг дальше, чем я. Ну не допускают они до себя, что тут будешь делать!..

Колокольчики в ухе Мака зазвенели, когда он покрутил головой.

— Ладно. На них не весь свет клином сошелся. Вот, например, Мыслители... Послушай, Мак, что за дьявольщина — ваши Мыслители? Почему все их так прославляют?

— Точно это никому неизвестно. Считают, что они — самая первая раса, истинные марсиане; это означает, что все остальные, и мы в том числе, — здесь чужаки. А еще говорят, что они не человеческой породы и остались с прошлого витка эволюции. Лично я думаю, что это просто компания умных людей, которые любят спокойствие и уют и поэтому спрятали себя и свою жизнь за густым туманом легенд, восторгов и страхов.

Сент-Джон нашел силы улыбнуться высказыванию.

— Что мне больше всего импонирует в тебе, Мак — это простота. Однако же Мыслители, нет-нет, да и сделают для планеты что-нибудь очень хорошее...

Мак кивнул:

— Точно. Они — так, по крайней мере, гласит теория, сам я этого не наблюдал — направляют общественное мнение всей планеты. — Марсианин выпустил дым. — Если, конечно, сочтут нужным вмешаться. Вот, например, когда у нас была большущая распря, война между этим и тем полушариями пару веков назад; тогда Морские Короли имели крупные неприятности.

— Как ты думаешь, Мыслители — это сила?

— Боюсь, — тихо ответил Эран Мак, — что они состарились вместе с остальными...

Наступило тягостное молчание. Внизу шуршал шинами город. Теплые солнечные лучи струились из-под высокого купола, разбрасывая сверкающие яркие брызги по крышам домов из разноцветного пластика, покрывая деликатно притушеванными красками паутину пешеходных дорожек и изогнувшиеся над ними изящные арки автомагистралей. Воздух был мягок и в меру ароматизирован.

Эран Мак выругался, сохраняя невозмутимое лицо, и со звоном бубенцов оттолкнулся от перил.

— Хватит! Я возвращаюсь в Джеккару! — рявкнул он. — Хочу дышать нормальным воздухом и носить одежду, не заставляющую встречных взглядывать на меня дважды, чтобы понять, какого я пола! Присоединяешься?

— Да... Спасибо! Я тоже, пожалуй, уеду. — Сент-Джон вскинул глаза на Мака и смущенно улыбнулся: — Не знаю, почему Марс имеет для меня такое значение... Будто изменяешь старому другу. — Он опустил взгляд. — Если бы знать, что с Майо...

Мак положил руку на плечо Хью и легонько подтолкнул в комнату — паковать чемоданы.

Неожиданно загудел сигнал вызова.

— Да черт с ним! — произнес Сент-Джон и ушел в спальню за вещами.

Зуммер продолжал наяривать, сменив размеренный ритм на взбудораженное стаккато срочного сообщения.

Сент-Джон, бормоча проклятия, пихнул кнопку пальцем; на экране возникла внутренность будки автомата, разрисованной всякими гадостями, исцарапанной ключами, которыми пытались записать номер, и покрытой каракулями типа «Я тут был. А. Е.». В будке стоял незнакомец — белобрысый верзила с желтыми глазами, одетый в яркую шелковую рубашку и обтягивающие брюки космолетчика, сошедшего на твердую землю поразвлечься. У громы были перебинтованы руки.

«Нет, это не простой моряк с разбитого корабля...» — Сент-Джон подавил взволнованную дрожь.

— Здесь Хью Сент-Джон, — произнес он в трубку.

— Уркхарт, — откликнулся человек в будке. — Ричард Гунн Уркхарт. — Затем он расстегнул воротник пестрой рубашки. — Вам известно, что это такое?

Эран Мак, стоявший за плечом Сент-Джона, потрясенно выдохнул:

— Дьявольщина! Обруч Руха!

Рик кивнул:

— Символ власти Марса. Единого Марса. Майо говорит, что единство планеты — вещь, ради которой вы живете.

— Майо!.. — Сент-Джон вцепился в края экрана. — Где она? Что с ней?

— Майо схватил Джаффа Шторм, но она в порядке. Это долгая история, расскажу позднее. А сейчас я должен кое о чем спросить. Желаете ли вы единства так сильно, что готовы рискнуть ради этого головой?

Сент-Джон судорожно вздохнул и быстро оглянулся на Мака.

— Говорите, — ответил он. — Я слушаю.

— Отлично. — Рик обрисовал подробности резни в Рухе. — Марсиане готовы выступить. Парни из Нью-Тауна поднимутся тоже, как только я поговорю с ними. Шторм все время рыскает там со своими чернецами, и народу это очень не по нраву. Но фронтальной атаки будет недостаточно, кто-то должен помочь изнутри. Если мы сцапаем Шторма, сделать остальное будет легко.

Сент-Джон воинственно нахмурился:

— А Фаллон?

— Джаффа Шторм убил его несколькими днями раньше. Никто, кроме Шторма и Майо, не знает об этом; может быть, только Варго, командир подразделения наемников с Венеры. Как считаете, вам удастся получить у Шторма разрешение приземлиться на вертолетной площадке Компании?

Сент-Джон задумался.

— Не знаю, связал ли Шторм Майо и нас в своей голове, но, думаю, он всегда подозревал меня. Пожалуй, он даст такое разрешение, а затем, когда сядем, разнесет нас в клочья.

— Так попробуете или нет?

— Вы уверены, что Майо там?

— Уверен. Об этом я вам тоже расскажу.

— Хорошо. — Сент-Джон придвинулся к экрану. — Теперь только одно... Кто вы, черт возьми, такой, и что вам надо от всего этого?

Рик потряс забинтованными руками:

— Сдавить этими пальцами глотку Джаффы!

Эран Мак тихонько зазвенел колокольчиками:

— Я вас знаю. Вы — Рик. Тот, которого пытался уничтожить Джаффа Шторм. Тот, кто помог Майо спастись в лабиринте.

Рик только теперь обратил внимание на марсианина, стоявшего у собеседника за спиной.

— Ну, так.

Подвижные глаза Эран Мака застыли на железном Обруче.

— Я сам родом из Джеккары. Да, если Бейдах, командир гвардии Руха, собственноручно надел вам сию штучку — это очень многое значит... — Мак, пожимая плечами, обратился к Сент-Джону: — Что мы, собственно говоря, теряем, Хью?

Руки Сент-Джона слегка дрожали; он сидел, вцепившись в края телемонитора, и с напряженным вниманием изучал Рика.

— Ничего, — наконец произнес он тихо. — Ни единой дерьмовой крупички... Хорошо, Рик. Я как-нибудь улажу вопрос со Штормом. Что далее?

— После этого жду вас в Нью-Тауне, все необходимое будет уже готово. И действуйте быстро! Надо успеть, прежде чем до Шторма дойдут какие-нибудь слухи.

Между тем Джаффа Шторм завершил мозговую разведку. Эта деятельность истощила его, несмотря на всю недожизненную психическую энергию, которой он обладал. Сегодня Джаффа стал единственным на планете из всех марсианских созданий — людей, полулюдей и недочеловеков — кто сумел проникнуть за вуаль тайны, окутывающую Полярные Города и самих Мыслителей...

Шторм был доволен тем, что увидел его «третий глаз». Отдав распоряжения, он отбыл в северном направлении на одноместном флаере. Возвратился Джаффа только через сутки, усталый, но торжествующий. В руках его был предмет, завернутый в необычную сверкающую ткань, предмет небольшой, но колени черного гладиатора подгибались под его тяжестью...

Закончив переговоры с Сент-Джоном, Рик отправился на главную улицу Нью-Тауна. Уже был вечер — Рик специально ожидал, покуда жизнь города не развернется в полную силу.

Подошвы вздымали облачка охряной пыли. На немощеных улицах, образовавшихся сами собой между рядами хижин и забегаловок, бурлил народ — гуляющие космолетчики, свободные от

смены шахтеры с домочадцами, бродяги, зеваки, жулики, крестьяне, воры... Все эти сословия были представлены как мужчинами, так и женщинами. В большинстве своем они прилетели с Земли, но встречались уроженцы и Венеры, и Пояса астероидов, и разных колоний.

Строения на главной улице представляли собой преимущественно салуны или грубые копии дорогих развлекательных заведений. То это был Дворец Грез, где предлагались «Умопомрачительные наркотики по разумным ценам», то «трехмерка» с фильмами семилетней давности, то стриптиз-бар с вывеской «Экзотические красавицы из сотни миров. Вход с несовершеннолетними воспрещен». Шум на улице стоял ужасный.

Рик удачно «отрулил» от затевающейся на самой середине мостовой драки и, остановившись в сравнительно тихой подворотне, стал наблюдать.

В толпе чувствовалась напряженность, злоба, не знающая, куда себя излить. Все мужчины были вооружены, многие — бластерами.

Рик поглядел на небо, прикидывая расстояние между лунами, затем кивнул самому себе и, двинувшись дальше, наконец завернул в двери заведения, гордо величавшегося: «Горнило. Самая горячая точка планеты». Точка эта была вдобавок и самой посещаемой в Нью-Тауне.

Группка утомленных девиц с Венеры механически извивалась блестяще-изумрудными телами в монотонном танце, который Рик видел лет пять назад в Лос-Англисе, когда сходил с корабля на Земле. Скверно выглядящие мужчины в различных стадиях опьянения, навалившись грудью на круглые столики, вели с девицами односторонние переговоры. К длинной стойке, декорированной преимущественно напитками в межпланетном ассортименте и простеньким флорентийским зеркалом — смотрелкой, позволяющей видеть в инфракрасных лучах, испускаемых живым телом, что давало интересные результаты, — было не протолкнуться.

Попихавшись немного, Рик отыскал свободный табурет и, заказав крепкое сине-зеленое пойло под названием «Бык», которое гнали в Джеккаре соотечественники пирата с колокольчиками, стал смотреть в зеркало.

Неожиданно кто-то ударил Рика локтем под ребро:

— Рик Уркхарт! Смотрите-ка, точно, Рик!

Шум рядом немного затих — соседи по стойке слегка удивились тону, каким были сказаны эти слова, и продолжение разговора слышали многие.

— Бог мой! А я-то думал, ты давно загнулся на шахтах Компании!

При последнем слове все «Горнило» обратилось в слух.

Рик искал в зеркале отражение говорившего и увидел долгового сухопарого типа, яростно машущего ему рукой.

— Тексус!

С громким воплем Рик выпростал тело из плотной кучи любителей зрелищ и вспрыгнул на стойку. Теперь-то, он был уверен, все в зале обратили на него внимание, даже замученные девицы из данс-группы.

Рик прогарцевал между кружек и бокалов, наклонился и затащил долговязого к себе наверх. Они стояли на виду и изо всех сил лупили друг друга ладонями по спинам.

У Тексуса были скверные зубы, открытое лицо со скулами, едва не протыкавшими кожу, и ботинки на высоком скошенном каблуке. Еще одной неотъемлемой его чертой был спиртовой дух; он как будто существовал независимо от хозяина, просто ходил рядом, и все. Тексус работал гуртовщиком мясного скота в Поясе астероидов и был первым, кого бы Рик мог занести в список своих друзей за все время скитаний по космосу.

— Корова тебя забодает, это ты, в самом деле! — кричал Тек на всю таверну. — А я уж решил, что старина Рик попал в лапы чернецов, когда мы в тот раз шлялись по Старому Городу.

— Так оно и случилось, — ответил Рик. — Но я устроил маленький сабантуй в шахте и сумел удрать оттуда. — Рик старался, чтобы его слова были слышны всем. — Говорят, Джаффа Шторм опять собирается в город — «пополнять персонал».

Это замечание «Горнило» встретило медвежьим ревом.

— Оттуда еще никто не возвращался, — донесся голос сзади. — Как же это удалось тебе?

Рик показал свои запястья:

— Видите эти метки? Что, думаете, я носил наручники, чтобы вас поразвлечь? Да, мне повезло. Я убежал через заброшенный шурф. Зато остальные — нет. Знаете, что против нас использовали? Электронный разрядник на полной мощности. Я видел, что происходит с теми, кого уводят чернецы! Я жил вместе с остальными в бараке, надрывался в забое. Из меня, так же как из остальных, выдавливали жизненные соки. Просто мне выпала удачная карта. И вот теперь я говорю вам: если мы не расправимся с Джаффой Штормом и его бандой, то все перемрем в шахтах Компании!

— Точно, — согласился Тексус, когда шум поутих. — Но у Шторма сплошные тузы на руках. Я бы и сам с дикой радостью открутил ему шар, да вот только кто сможет пробраться к ним за ограду?

— Я смогу, — сказал Рик. Он окинул взглядом подавшихся к нему разгоряченных мужчин. — Слушайте, парни! Вы, небось, знаете о недавних беспорядках в Старом Городе. А я сам был там. Я видел, как Джаффа Шторм ворвался со своими людьми и расстрелял марсианского короля, а вместе с ним кучу их вождей. Марсиане собираются сегодня ночью напасть на Компанию. Неужели вы допустите, чтобы им достался пирог целиком?

Пришлось немного подождать, пока Рик не стал снова слышать собственный голос.

— И еще скажу вам. Пока мы не начнем действовать заодно с марсианами, Джаффа будет нас делать. Как котят!.. Да и почему бы нам не объединиться? Черт возьми, они ведь тоже люди! И мы, и они достаточно уже натерпелись от поганой Компании! Рано или поздно, но придется нам вступить с ней в борьбу. А если мы будем драться на два фронта — и с Джаффой, и с Рухом — долго ли мы протянем, как считаете?

Рик дал мужчинам время обдумать проблему, а затем, понизив голос, перешел к конкретному делу:

— Я устроил так, чтобы пробраться сегодня ночью на территорию. Есть у меня небольшой должок перед Джаффой, который я намерен ему отдать. Сколько людей хочет прогуляться по двору Компании, когда мы откроем изнутри ворота?

В воздух поднялось множество кулаков.

— Бери их, Текс. Идите к забору быстро, но без шума. Пока не началось дело, держитесь в стороне от марсиан, но потом действуйте вместе. По их части все уже улажено. Возьмите добровольцев, поднимите все коптеры и атмопланы, какие только есть, и сшибите электронные разрядники со стены около ворот. Если у меня не получится то, что задумано, используйте все оружие, которое сможете найти. Тогда вместе с марсианами вы разнесете ворота, это точно!

В тот же самый час Кира пыталась склонить своих соотечественников к совместным с землянами действиям, правда, пока не столь успешно. Вор в расшитом позументами мундире угрюмо хмурился; он вел себя с упрямой враждебностью.

— Земляне! — ворчал он. — Люди становятся братьями, если вместе пролили кровь за общее дело. Как мы можем брататься с землянами?

Собравшиеся вокруг стола испустили вопль.

— Никогда! — воскликнули все пятеро — представители от разных кварталов и сословий Руха.

Кира, теряя терпение, била крыльями:

— Эти земляне не причиняли вам вреда. Они не хотят нам зла! Они страдают от Компании так же, как и вы. Так же, как и вы, хотя бы возместить свой долг крови! По нашим же собственным законам, неужто мы откажем им в возможности исполнить это?

Люди вокруг стола задумались. Предводитель Воровского квартала хотел что-то сказать, но Кира опередила его:

— Вместе, марсиане и земляне, мы сумеем покончить с Компанией. Вместе мы — сила. По отдельности и мы, и они неизбежно проиграем бой. А объединившись, даже если... даже если Рик будет убит, мы пойдем в наступление и победим. — Она подождала немного, а затем воскликнула: — Земляне выступят независи-

мо от того, поднимемся мы или нет! Неужели вы захотите отдать им победу целиком?

Марсиане вскочили из-за стола, крича:

— Нет!

— Мы вступаем в борьбу! Долой Компанию!!!

Глава 10

Рик нашел Сент-Джона и Эран Мака на взлетном поле.

— Добились разрешения?

— Да. Я сказал Шторму, что есть новости из Полярных Городов, настолько важные для него и Фаллона, что их можно передать только при встрече. Не знаю, поверил он или нет...

— Когда мы там окажемся, это уже будет неважно.

Медленно шло время. В Нью-Тауне гасли огни, город затихал. Сент-Джон отбросил окурок:

— Пора?

— Да. Поехали.

Они погрузились в маленький верткий флаер. Эран Мак окинул взглядом небо:

— Слияние двух лун, Рик. Благоприятный знак для Марса. Случайность, или так было задумано?

— А вы как считаете? Захлопывайте люк, корова вас забодает, и вперед!

Рик внимательно следил за окрестностями и видел, как по дну моря из Руха двинулись толпы. Люди шли без огней, стараясь не группироваться, и придерживались тени. Рик надеялся, что изрезанная местность и обманчивый лунный свет помогут незаметно подойти под самые стены Компании.

Здание Административного корпуса сияло огнями, все службы работали на полную мощность. Из космопорта взлетели два грузовых корабля-гиганта, оставляя за собой хвосты оранжевого пламени. Миниатюрный флаер бросило в сторону струей воздуха от ракетных лайнеров.

— Стоп! — вдруг воскликнул Рик. Остальные двое в кабине недоуменно обернулись. — Почему знать? — забормотал он. — Шторм читает наши мысли... Раньше читал... Почему знать?..

И Рик без всякого предупреждения, разразившись хулиганской балладой про дочку космонавта и страдающую от одиночества комету, спихнул Сент-Джона с пилотского кресла и сам ухватился за рычаги. Глаза его блестели воодушевлением.

— Вы что, спятили?! — возмущенно гаркнул Сент-Джон.

Однако Эран Мак остудил праведный гнев пострадавшего.

— Есть много вещей на небе и под ним, мой друг, — произнес он, — которые вам, землянам, неизвестны. Например, телепатия. — Мак прикинул, куда теперь они направлялись. — Вставайте с пола, Хью. И давайте споем.

Прикрывая песней как щитом свои мысли, Рик повел коптер к космопорту и низко завис над темной пустошью на хозяйственных задворках. Возвратив Сент-Джону право управлять машиной, он пояснил:

— Может быть, Шторм не так сильно загружен работой, как я думаю. Тогда он выудит из моей головы замыслы и подстроит ловушку. Так или иначе, возникла идея получить, а значит, будет больше шансов прорваться. Возвращайтесь как можно быстрее и велите людям остановиться подальше от стен и ждать, пока я не пробью брешь. А затем — пусть идут с песней!

— Как же мы узнаем, что вы пробились?

— Что-то, а это вы узнаете!

Сент-Джон нахмурился и быстро глянул в сторону космопорта. Лицо Рика стало жестким.

— Не беспокойся, он не сбежит, — тихо шепнул Эран Мак. — Давай, трогаем.

— Простите... — пробормотал Сент-Джон.

Рик ухмыльнулся и выпрыгнул из люка с трехметровой высоты. Коптер, быстро набрав скорость, пропал из виду.

Рик постоял. Похоже, за этим участком наблюдение не велось и высадку ночного десанта не обнаружили — какого дьявола кому-то сажать вертолет здесь, вдалеке от поля? Осмотревшись, Рик направился к рядам ангаров в полумиле отсюда.

Судя по размерам ангаров, в них стояли небольшие личные суда начальства Компании. Именно то, что нужно. Свет нигде не горел, а это означало, что в ангарах никого нет.

Последние несколько сотен метров Рик не шел, а полз по-пластунски, опасаясь невидимых лучей системы сигнализации, которые обычно направляют над землей на высоте колена, и наконец оказался в тени одного из ангаров, имевшего вид толстого наклонно поставленного цилиндра. Отсюда был хорошо слышен шум космопорта, где велась погрузка фаллонита и выгрузка поступившего с Земли оборудования.

Ворота были не заперты. Рик проскользнул внутрь и через вдвоенные двери воздушного шлюза вошел в корабль, стоящий на пусковой каретке. Это была красивая, даже шикарная, легкая в управлении машина, приспособленная и для космоса, и для атмосферы. Потев от спешки, Рик запихнул себя в скафандр, обнаруженный в шкафчике для одежды, пристегнулся в пилотском кресле и начал колдовать над приборами и рычагами.

На шум прогреваемых двигателей неизбежно должны были прибежать, но Рик даже не бросил взгляд на поле — после того, как мотор космического корабля завелся, всем — и внутри, и снаружи — остается только начинать обратный отсчет.

Рискуя оставить половину мотора внизу, Рик стартовал на холодных дюзах, с ужасным воем пронесся по взмывающей ввысь дуге и быстро вышел за пределы плотной атмосферы, затем раз-

вернул корабль носом вниз, подождал, пока гироскопы встанут на режим стабилизации, и ввел машину в пике, нацелив ее на территорию Компании. Одновременно он сбрасывал лишнее топливо, внимательно следя за расходомером — хоть импровизированная тюрьма, в которой томилась Майо, и располагалась в противоположном Административному корпусу крыле огромного комплекса, неприятную случайность необходимо было исключить вовсе.

«Космической бомбе» следовало упасть как раз там, где Административный корпус подходил к северной стене, огораживающей территорию. Рик убедился в точности наведения, закрепил рукоятки курса, дал полный газ и, катапультировавшись, поскорее включил ранцевый двигатель скафандра — приземляться в жерло действующего вулкана, да еще созданного собственными руками, совершенно не хотелось.

Ударная волна от взрыва закрутила Рика в воздухе даже на таком расстоянии. Это было прекрасно — Административный корпус приобрел вид торта, на который сели. Могучей стене взрыв вреда не нанес, а деликатно положил ее гребнем наружу. Что происходило потом, разглядеть не удалось, потому что видимость резко упала из-за пожара, клубов дыма и густой тучи пыли с обломками.

Рик улыбнулся, по-волчьи оскалив зубы, и двинул на ранце к дальнему крылу комплекса зданий Компании. Сверху он видел, как черная лава выползает из моря и через брешь в стене вливается на огороженную территорию. Люди Земли и Марса вместе бежали вперед, топчя серый мох; вспышки бластеров и лучевых шпаг перемешивались с блеском мечей, и уж, конечно, там, внизу, нашлась работа для шипастых кастетов, любимого оружия соотечественников Эран Мака.

Рик удовлетворенно подумал: «Заставь людей пролить кровь за общее дело, и сделаешь из них братьев. Хотя бы на некоторое время... А мне дольше и не нужно».

Он нырнул вниз, в темень и тишину заднего двора комплекса, пользуясь вместо карты словесным описанием, что дала Кира, нашел домик Майо и освободился от скафандра, подсмеиваясь над дрожью в коленках и тревожно бьющимся сердцем. «Что-то ты больно разволновался, парень!» — пытался успокоить он себя.

Домик не был заперт; уже толкая дверь, Рик знал, что там пусто. Он ходил по комнатам, крича: «Майо, Майо!», и вдруг увидел кровь на ковре. След был совсем свежий. Рик похолодел и потерял голос.

Капли вели из домика наружу и обрывались у небольшого сарайчика, скорее всего — гаража для коптера, припрятанного на случай чрезвычайных обстоятельств.

Рик побежал обратно. Он стал звать Киру, но ответа не дождался, хотя ей был дан наказ скрытно находиться здесь и помочь Майо бежать, если потребуется.

Невдалеке шел бой между гвардией Шторма и совместными силами земной и марсианской черни. Действия неорганизованной толпы были ужасно шумными, но неэффективными, и обученные «болотники» без особого напряжения держали оборону.

Рик побежал навстречу бою; раны на ногах стали настойчиво напоминать о себе, пришлось перейти на шаг. Вот и рабочие бараки — распахнутые настезь, как он и приказывал, ворота скрипели на ветру.

Это, правда, оказалось единственным, что прошло согласно плану; остальное утонуло в неразберихе большой драки.

Азарт боя захватывал, и все-таки Рик не столько орудовал бластером, сколько искал, не попадется ли на глаза Сент-Джон или его приятель. Рiku нужен был их коптер, а не они сами. Мысль о Майо сводила его с ума.

Ударами с трех фронтов — обитателей Старого и Нового Руха, а также освобожденных шахтеров — сопротивление охраны Компании было довольно быстро сломлено. Выходка Рика с кораблем-«тараном» с самого начала предreshила исход дела, а когда исчез Джаффа, венерианцы потеряли стимул к бою. Короче говоря, битва за освобождение планеты закончилась на удивление быстро.

Сент-Джона Рик нашел возле огромной воронки, образовавшейся в результате космического бомбометания. Административный корпус превратился в гигантскую кучу строительного мусора. Хью и Эран Мак, нагнувшись, рассматривали искореженный металлический предмет.

— Бог знает, что это такое, — говорил Сент-Джон. — Никогда раньше не видел у Фаллона ничего подобного. Скорее всего что-то секретное.

Эран Мак прикоснулся к вещи и слегка вздрогнул.

— Его сделали для смерти. Ты тоже должен это чувствовать...

Марсианин, заметив Рика, приветственно замахал рукой, но очень быстро изменился в лице:

— Что-то случилось?

— Шторм увез Майо. У него был спрятан коптер... Где ваша машина?

— Наша не полетит, — выпалил Сент-Джон с неожиданно побелевшим, напряженным лицом. — Осколками повредило винт. Давайте лучше немедленно свяжемся с Планетарным Правительством, а заодно с межпланетными властями. Если Шторм покинул Марс, его схватят в месте высадки. — Сент-Джон съехался, поймав полный невысказанной ярости взгляд Рика. — Это единственное, что мы можем сейчас сделать! Идемте.

Они нашли телеэкран в лаборатории, не пострадавшей от взрыва. Пока Сент-Джон посылал сообщения, Рик беспокойно ходил по комнате, морщась от боли в ногах, однако не в силах усидеть на месте. Кроме Эран Мака, который стоял прислонившись спиной к двери, курил и следил своими подвижными глазами, как Рик меряет расстояние от стены до стены и обратно, в помещении никого не было.

Сент-Джон выключил связь.

— Ну-с, теперь перейдем к делам.

— К черту дела! — гаркнул Рик. — Мне нужна Майо. А что касается остального... — Рот его скривился в ухмылке. — Это мои люди. Я собрал их, я и буду командовать. — Он постучал костяшками пальцев по металлу Обруча Руха. — На Марсе один закон — сила. Теперь сила у меня. Я не прочь играть с вами в одной команде, только не слишком путайтесь под ногами. Могу обещать, что не буду вести дело так, как Шторм...

— ...До тех пор, пока вас не вынудят люди или обстоятельства, — прервал Сент-Джон инаугурационную речь Рика. — Или пока вы не превратитесь в него. Стало быть, Марс — ваша игрушка?

Лицо Рика сделалось неподвижным, взгляд как бы обернулся внутрь. Он произнес задумчиво:

— Я обещал Майо, что подарю ей Марс, словно жемчужину на шейной цепочке... А больше пока и не знаю, что с ним делать. Для меня все выглядит здорово — и то, и это... Да черт с ним, с вашим Марсом! — вдруг, становясь прежним Риком, воскликнул он. — И с вами тоже. Может, на взлетном поле есть живой коптер — надо приказать, чтобы искали...

С этими словами Рик протянул руку к выключателю. Он слышал, как колокольчики в ухе пирата тинькнули и вдруг разразились перезвоном, и резко обернулся. Болячки на руках и ногах сделали его немного неповоротливым, иначе лежать бы Эран Маку с большущей дырой во лбу...

Сейчас на полу оказался Рик.

Марсианин стер ладонью несколько светлых волосков, прилипших к тяжелой рукоятке его оружия. Сент-Джон облизнул губы и сказал укоряюще:

— Не надо было так!

— Почему же? — Пират, деловито связывая лежащего, говорил совершенно спокойным тоном. — Этот верзила безответствен, словно дитя. Делать с ним политику — то же, что играть с тигром. Без намордника... Представь себе, во что превратится Марс через пять лет его правления!

Сент-Джон медленно кивнул:

— Да... Император-варвар не сможет принести ничего, кроме войн и жестокости. Но, с другой стороны, без Рика мы бы ни за что не победили.

— Все правильно, однако скажи, за что он боролся? За Марс, за тебя, за меня?... — Мак выпрямился и, сдвинув брови, разглядывал «императора», задумчиво теребя свое музыкальное ухо. — Как с ним поступить — вот заковыка! Убить нельзя, это приведет к возникновению культа поклонников. Чертов Обруч!..

Внезапно Эран Мак возбужденно шелкнул пальцами:

— Надо достать кислоты. Мы же в химлаборатории! Растворим пружину, и дело сделано. Без Обруча Власти он превратится для марсиан в ничто. А землянам скажем, что Рик нагрел их на столько-то миллионов, запустив лапу в фонды Компании. После этого Рик Первый, он же Великий, кончится, не начавшись.

— Как грязно, Мак! — с отвращением воскликнул Сент-Джон.

— Иногда проигрыш в честной борьбе приводит к грязи большей, нежели победа с помощью обмана. Подумай не о Рике Гунне Уркхарте, а о Марсе. Ну давай же, Хью! За дело!

И Хью Сент-Джон принялся за дело.

Глава 11

...Ричард, Гунн и Уркхарт никак не собирались в единое целое. Наконец, после серии титанических умственных усилий, троица снова стала Риком.

Судя по расчлененности сознания, а также по ощущению, что в голове болтается маятник от стенных часов, а во рту лежит дохлая жаба, Рик сообразил, что его накачали наркотиком «цамо», имевшим на Марсе широкое хождение.

Потолок — в те минуты, когда Рик обретал способность видеть и соображать, — выглядел закругленным с боков, как в космической каюте. Подсознательно фильтруя и анализируя на основе многолетнего опыта звуки, приходящие извне, одурелый мозг Рика с натугой, но выдал решение, которое гласило, что корабль стоит в порту под погрузкой и в стартовую зону пока не отбуксирован.

Тело колотила дрожь. Рик не спешил просыпаться до тех пор, пока не обнаружил, что его правая рука с помощью «браслетов» соединена с ножкой койки. Только после этого чувства начали постепенно возвращаться к нему. Цамо изрядно отравил мозги, и связное мышление давалось с трудом — Рик даже вспотел, пытаясь не дать разбежаться мыслям. Он с кряхтением и стонами сел на койке, сотрясаясь крупной дрожью и сыпя проклятиями, полный ярости и отчаяния.

На вопли никто не откликался; до двери каюты дотянуться не выходило. Поборовшись некоторое время с цепочкой, он сдался и затах, прекратив внешние проявления бури, бушевавшей внутри.

Сидя на койке и бешено озираясь по сторонам, Рик обратил внимание на письмо, «домиком» стоящее на столе у изголовья. Письмо было адресовано ему. Рик разорвал конверт и прочел:

Согласен: бесовестно грязный трюк с нашей стороны, но вы не оставили нам выбора. Будущее целого мира стоит больше, чем вы или мы. Итак, на вашем счету в нью-йоркском отделении Межпланетного банка лежат пятьдесят тысяч интеркредиток. Надеюсь, деньги помогут вам подлечить шишку на голове. Не пытайтесь возвратиться на Марс — все жители планеты получили вполне правдоподобные объяснения ваших действий, и вас скорее всего пристрелят, как утку, еще при полете. Кроме того, как вы сами говорили, нет на Марсе закона, есть одна сила. Теперь сила в руках у нас. Постарайтесь проявить благоразумие и больше не совать голову в отверстия таких предметов, для которых она не годится. Желаю успехов. Эран Мак.

Далее шел постскрипtum:

«Насчет Майо не беспокойтесь. Мы перевернем небо и землю, но поможем ей».

Рик взревел, словно разъяренный Кинг-Конг, скомкал письмо и швырнул его в угол. Неожиданно он почувствовал себя ужасно больным.

Он лежал, обливаясь холодным потом, и слушал, как идет погрузка. Ушей достигал приглушенный шум работ — рокот моторов, крики докеров, тупой грохот сбрасываемых в трюмы тяжелых предметов. Затем Рик снова начал бушевать.

Наконец вошел бой с подносом в руках. Обыкновенный стюард, мальчишка, каких миллионы служат на судах. Из обтрепанных бридж торчали худые лодыжки, на лице была написана привычная осторожность. Вел паренек себя как уличная собака, уже знающая, что такое человек не в духе. Он опустил поднос на стол, стараясь держаться вне пределов досягаемости.

— Где я? — хрипло спросил Рик.

— Порт Джеккара. — Паренька явно впечатляли габариты и матерость пассажира.

— Что за судно?

— «Мэри Эллен Доу», пункт назначения Земля. Отбываем через три-четыре часа.

Рик вскочил, забыв, что прикован к койке.

— Значит, сейчас начнут буксировку, и тогда я влип! Позови капитана.

— Невозможно. Кроме меня, до взлета в пассажирском отсеке никого не будет. Приказ. — Мальчишка повернулся к двери, не спуская взгляда со здоровенной, дочерна загорелой забинтованной ручки.

Рик усмехнулся:

— У тебя, вижу, тоже есть боевые шрамы, — и показал на фонарь, сиявший под глазом паренька. — Кошечкина лапка, бьюсь об заклад!

И хоть никакая это была не «лапка», а просто у кока не прошло похмелье, паренек сказал, надувшись от важности:

— Ага. Схлопотал тарелкой у мадам Кан. Бывали?

— Смотри-ка, разбираешься в бабах! Лучшее место на Марсе.

— Да ну-у! — Парень снисходительно глянул на Рика. — Местные девицы не в моем вкусе. Больно кожистые.

— Зато темпераментные... — Рик поморщился. — Боже, как трещит башка! Кто это меня так наширял?..

— Не знаю. Когда вас несли, вы уже были синенький. Это произошло три дня назад. Попробуйте глубоко дышать. Ну как, легче?

— Ладно, сам догадаюсь.

Впрочем, особенно ломать голову не приходилось. Сначала Эран Мак оглушил его, а затем накормил зельем. И Обруч Руха тоже никто больше снять не мог.

Рик с интимной дружелюбностью поглядел на боя:

— Прикрой дверь и подойди сюда. Есть разговор.

— У меня... у меня нет ключа! — скороговоркой сказал парень.

— Да знаю я... Не спеши. Ты, вот что, подними вон то письмо и прочитай его.

Мальчишка с опаской повиновался. Глаза его забегали по бумаге и вдруг распахнулись.

— Пятьдесят кусков!.. — простонал он.

— Снял бы мадам Кан на ночь, будь у тебя столько?

— Не-е... — Взгляд паренька устремился далеко-далеко, лицо стало мечтательным. — Нет. Я бы выкупил у хозяина свой контракт и завел собственный корабль... Ну, половину. И летал бы на нем аж до самого Пояса, а то и до Юпитера...

— Считай, что корабль у тебя в кармане.

Стюард, очнувшись, посмотрел на Рика; плечи его обвисли, уголки рта печально опустились. Он повернулся и хотел уйти, но Рик сказал вдогонку:

— Я не смеюсь. Да постой ты, чучело! Я играю в игру, где ставка повыше чем жалкие пятьдесят тысяч, и если уйти отсюда не удастся, я потеряю нечто, намного более ценное. Предлагаю тебе — продай ключ от наручников за пятьдесят тысяч интеркредиток.

Мальчишка застыл, выпучив глаза. Трижды он открывал рот, пока наконец оттуда не вышли слова:

— ...Нету ключа... у меня...

— Я сам служил судовым боем. Найди!

Парень запустил обе пятерни в прическу. Ему стало трудно дышать.

— Я не хочу валяться по ночам под скамейкой на улице! — выкрикнул он. — Меня с восьмью склянками вышибут отсюда, если только вы сбежите!..

— Дай сюда письмо. — Рик пошарил по карманам и нашел огрызок карандаша. — Как твоё имя?

— Янки. Уильям Ли Янки. — Стюард, не подходя близко, положил скомканную бумажку на койку.

Рик разгладил письмо и аккуратным почерком вывел на обороте:

«Настоящим подтверждаю, что Уильям Л. Янки исполнил для меня работу на сумму пятьдесят тысяч интеркредиток. В связи с этим мой счет в Межпланетном банке (номер см. на обороте) прошу перевести на имя вышеупомянутого Янки Уильяма Ли».

Рик поставил подпись и отдал письмо. Паренек, медленно становясь пунцовым, скрутил бумажку в трубочку и спрятал поглубже.

— Подождите секунду...

Рик ждал целую вечность; сердце колотилось так, словно было намерено пробить дыру в груди. Он смотрел в стену, а перед глазами стояло лицо Майо — такое, каким он в последний раз его видел: с кровавыми и сверкающими дорожками на матово-белой коже, с темными глазами, полными сострадания, страха и любви...

Парень вернулся. У него был ключ!

— Нашел в запасных брюках кэпа, — ухмыльнулся он. — Надо спешить, уже подводят буксиры.

Рик услышал, как мощные электромагниты рокочущих буксиров со стуком прилипли к обшивке корабля. Все было готово к перетаскиванию судна в стартовую зону. Установка на разгонную тележку должна занять несколько часов, но после начала этой операции выбраться наружу будет невозможно.

Клацнул замок «браслетов», и Рик, сбросив оковы, вышел вместе со стюардом из каюты. В коридоре было пусто — офицеры находились на мостике, команда лежала в гамаках. Зачастую буксировка проходит тяжелее, чем взлет.

По всему кораблю гремели звонки. Воздушные шлюзы уже вставали на запоры.

Бой дернул Рика за рукав.

— Мусоропровод! Вон туда.

Они побежали. Ноги Рика были как ватные, но он, чертыхаясь, работал ими изо всех сил.

Вот и люк мусоросборника; толчком сжатого воздуха Рика и стюарда мягко выбросило наружу, где с оглушительным ревом тужились буксиры, пытаясь сдернуть исполинский корабль с места. Рассвет еще не наступил — Деймос издыхал на западе, а солнце на востоке пока не родилось; никто не заметил двух людей, пробегающих под корпусом «Мэри Доу».

Рик притормозил в тени, которую отбрасывал титанических размеров стартовый ускоритель, скромно называемый «тележкой», и вдруг обнаружил, что паренек бесследно исчез.

«Ишь, недоверчивый, — криво усмехнувшись, подумал беглец. — Решил, что я его прирежу и отберу письмо. Соображает!»

Заботы, как бы угнать коптер, заставили быстро забыть и о мальчишке, и о пятидесяти тысячах. В одежде космолетчика Рик мог чувствовать себя относительно спокойно, если только Сент-Джон с приятелем не расклеили его фотографии на всех углах.

В голову ничего путного не приходило, и Рик, плюнув, поступил самым примитивным образом — двинулся открыто и не торопясь, как будто это был его родной порт. Лишь раз он остановился подобрать увесистую железяку, превосходно уместившуюся в широкой ладони, и зашагал дальше, непринужденно поигрывая грузным кулаком. Однако, как ни старался, добродушный вид напустить на себя он не мог.

Вертолетное поле располагалось милях в полутора от погрузочной площадки космодрома. Между двумя этими точками снова джипы, останавливаясь то у складов, то около мастерских или каких-то сараев. В этот ранний час порт Джеккара жил напряженной трудовой жизнью.

Проезжавший мимо пикап притормозил, и шофер крикнул:

— Давай, командир, подвезу!

Отказаться было опаснее, чем сесть — ни один нормальный летчик не согласится как уютно хорошо идти, если можно доехать.

— Только что оттуда? — Водитель показал пальцем вверх.

— Угу.

— Так ты не знаешь, небось, какие дела тут у нас творятся! — радостно воскликнул парень.

— Нет. — Рик старался пореже раскрывать рот.

— «Земная горнорудная» испустила дух. Точнее, из нее дух вышибли. Наши ребята, не будь дураками, взяли управление в свои руки. А то уж выходило, что Компания вот-вот подаст заявку на владение всей планетой. Теперь парни все там расследуют — кто, кого, за что и чем. Чудные дела, чего и говорить! На днях новое правительство собрали — толково действуют, молодцы! — Шофер неожиданно рассмеялся: — Одно только непривычно — мы теперь будем ходить в одной упряжке с марсиками! Ну и ладно, ведь это их пирог, и если они отрежут мне кусочек, я не возражаю.

— Угу, — промычал Рик. — Здорово!

— Знаешь, как кому, а мне подходит. — Шофер, щурясь, смотрел на дорогу.

Стало заметно светлее.

— Про птичку Уркхарта тоже ничего не слышал? Смех да и только! Рик — такая, значит, у птички кличка. Насвистел всем про будущее Марса, завел песни — то да се... Раскрутил людей-то, устроил стрельбу, а сам — бац! — слинял от своих друзей с чемоданчиком. А в чемоданчике — все, что было в сейфе Компании! И еще спер воротник железный, это у марсиан какая-то древняя святыня. Лучше ему сюда не возвращаться — лишат здоровья и те, и эти.

Рик промолчал. До вертолетного поля было еще далеко. Шофер продолжал трепаться:

— Теперь у нас уйма народу собирается покупать землю. Поставят города, почву удобрят... Смотри, как на Марс будущее пришло — с Земли! Конечно, работы предстоит по горло, но когда мы прорвемся — это будет зашибец! А чего, вдруг мой пацан станет президентом? — Шофер повернул голову к молчаливому пассажиру: — Ты-то сам не хочешь отхватить себе кусочек Марса? А то ведь космос чем кончается — седыми волосами да гравитационными бандажами...

Голос у водителя вдруг пропал, глаза вылезли на лоб:

— Эй! Да ты... Ты кто?... Братцы, это же...

Договорить он не успел — получил армированным кулаком в ухо. Однако парень оказался крепким. Полуоглушенный, он навалился грудью на клаксон. Джип заблеял по-козлиному, водители других машин начали притормаживать и озирались.

Рик выпшиб излишне разговорчивого собеседника из кабины и вцепился в баранку. Загудели сигналы других машин, джипы на полном ходу разворачивались, поднимая фонтаны красной пыли, и мчались к месту происшествия. Рик вдавил педаль газа в пол.

Цамо, не до конца выветрившийся из мозгов, подавлял все чувства, кроме рефлекса ориентирования, как у лунатика. Рик и был сейчас совершенным лунатиком — летел на полной скорости, включив сигнал и предоставляя встречным самим решать, каким образом убраться с дороги.

И люди решали, слава Богу, успешно. Некоторые, правда, так поздно, что машина проносилась на волосок от них. Второго сумасшедшего под стать водителю, которому все равно, стоит кто-то на его пути или нет, не нашлось.

Рик, пробив ограду, ворвался на вертолетную площадку. К этому времени по всему космопорту уже жужжали зуммеры и суетились встревоженные люди, однако пока никто не знал, что именно произошло.

На площадке трое механиков как раз прогревали двигатель небольшого быстроходного коптера. Туда Рик и рванул на всей скорости. Из-под передка пикапа, как три спугнутые куропатки, брызнули в стороны обезумевшие механики. Рик выпрыгнул на

землю, дав несущемуся автомобилю свободу самостоятельных действий. Из-за вертолета вышел хозяин, приблизились и недовольные механики. Раздалась брань. Рик набычился, сжимая самородный кастет. Двое из парней с первого удара полетели на землю; третий так обалдел, что добровольно упал без чувств. Хозяин вертолета только взглянул на это и был таков. В общем, прежде чем кто-либо успел появиться в стартовом секторе, Рик взмыл в воздух.

Он постарался сразу набрать максимальную скорость, целя туда, где вдаль виднелась гряда невысоких сопок. Вдогонку вылетело шесть или семь машин. Рик включил телеэкран, слушал и похохатывал, хотя ничего смешного вроде бы не говорилось. А передавали вот что: его исчезновение с «Мэри Доу» было обнаружено, и капитан по этому поводу взывал к небесам; шофер джипа пришел в себя настолько, что сумел внятно объяснить, кого он подвозил, а главный диспетчер давал общий вызов другим портам в связи с угоном вертолета.

Сообщения о происшествии шли то в адрес Патруля, то направлялись Хью Сент-Джону. Рик никогда раньше не наблюдал, чтобы на Марсе реагировали так оперативно. Водитель был прав — к «этому типу Уркхарту» люди питали чувства определенного сорта.

Рик не выключал коммуникатор, чтобы оставаться в курсе событий; на экране разгоряченные люди наперебой требовали, чтобы он ответил. Рик вырубил питание передатчика и отвечал каждому в частном порядке.

Преследователи висели на хвосте, но обогнать Рика никто не решался. Внизу проносились изрезанные каньонами лысые сопки, похожие на зубы великана, больного кариесом.

Между светлыми бровями Рика пролегла глубокая складка. Ситуация сложилась патовая — преследователи не могли достать беглеца, а тому не хватало скорости, чтобы уйти. Координаты Рика уже были растраслированы по всему Марсу, и очень скоро следовало ждать появления полиции, а заодно наверняка и людей Сент-Джона. Аэродромы, где можно дозаправиться, без сомнения, предупреждены и посадки не дадут. Да, похоже, идея с вертолетом оказалась не совсем удачной...

Все эти мысли проносились у беглеца в голове, пока тот внимательно изучал ландшафт. Однако панике Рик не поддавался; он холодно просчитывал варианты.

В эфире зазвучала марсианская скороговорка — суда планетарной полиции сообщали друг другу свои координаты. Стало ясно, что он взят в кольцо.

Вдалеке, за линией сопек Рик заметил красное облачко, выползавшее из пустыни. Беглец издал ртом что-то похожее на торжествующий смех и навалился на рулевой рычаг. Маленькое воз-

душное суденышко, описав крутую дугу вполнеба, с воем работающего на пределе мотора устремилось к песчаному вихрю и через момент в нем исчезло.

Глава 12

Коптер забрался в самую глубину смерча — одного из тех яростных вихрей, которые возникают из ничего, когда сталкиваются лбами два одиноких вольных ветра и затевают богатырскую борьбу.

Вот и сейчас они схлестнулись над холмами, швырнув свои пылевые мантии в лицо друг другу. Любой летательный аппарат, менее устойчивый в воздухе, нежели вертолет, был бы размазан о землю в первую же минуту. Но маленькая воздушная машина отважно противостояла натиску стихии, то уворачиваясь от мятущихся потоков, то следуя туда, куда они ее влекли, но неизменно «держась в седле». Автопилот показывал себя неплохим наездником в этом авиародео. Рик выбрал параметры курса и зафиксировал ручки управления, затем нашел на полочке спаскомплект, надел ремни, плотно обмотал лицо тряпкой и нырнул в люк.

Тело спеленали грозные удушьи, плотные, словно скрученные простыни, струи песка. Песок залез во все швы одежды, царапал глаза под зажмуренными веками, набился в нос и скрипел на зубах.

Рик еще раз рванул кольцо парашюта — что-то уж слишком быстро он падает. В грохоте ветра никак нельзя было услышать, надувается спасательный баллон или же вместо этого с телом человека несутся к земле обрывки оболочки из синтешелка. О том, чтобы посмотреть, здесь следовало забыть.

Наконец ремни обвязки начали подтягивать под грудью и под ягодицами, скорость падения уменьшилась. Рик почувствовал, как покрывается холодной испариной, словно парашютист-новичок. Подумав о парашюте, он вздрогнул и возблагодарил провидение, озарившее кого-то идеей использовать для спасения в воздухе надувающийся сверхлегким газом баллон, который через три секунды после активации мог удержать вес человека.

По расчету, коптер уже должен был выйти из «маскировочной завесы» и лететь за сопки, уводя преследователей прочь. Теперь есть какое-то время, чтобы затеряться среди холмов — если, конечно, в ближайшие секунды ветер не расплющит его о подвернувшуюся нехстати скалу.

К счастью, надувной шар выбросило на границу песчаной бури. Заметив, что стало светлее, Рик разматал тряпку и, прикрыв глаза ладонями, стал подглядывать в щелки между пальцами. Внизу проплыла изрезанная вершина, смутно различимая, будто дело происходило под водой; затем впереди возникло что-то большое и по виду твердое.

Рик поджал ноги и скоординировался, чтобы принять удар. Посадка получилась жесткой, не более. Рик дернул шнур выпускного клапана, отчаянно цепляясь за шершавый камень. Ветер тащил баллон, а с ним и того, кто к нему пристегнут, и скоро пальцы Рика были ободраны в кровь, но он удержался.

Наконец оболочка «погасла». Рик отцепил ремни, и похудевший шар-спасатель, громко хлопая крыльями лишней ткани, полетел вдогонку за уходящим смерчем.

Неожиданно стало светло и тихо. Тут и там лежали сугробы красного песка. Небо очистилось — ни облаков, ни воздушных машин. Рик находился в месте рождения лабиринтного каньона. Здесь это был просто большой овраг, зато дальше пологие откосы превращались в отвесные стены многометровой высоты. Там, внизу, плутая по полутемным извилистым коридорам, вы могли прийти куда угодно. Точнее, никуда. А еще точнее — к смерти — от жажды, голода и отчаяния.

Рик заметил, в какой стороне солнце, и начал спуск. Он без особых приключений достиг дна оврага и выбрал коридор каньона, ведущего в том направлении, куда, как считал, нужно идти. Двигался он осторожно, стараясь не шуметь, часто останавливался и прислушивался. Ему кое-что рассказывали о ритуалах местных обитателей.

Здесь жило племя Шана и еще какой-то народ, поселившийся в этих краях раньше. «Раньше» на Марсе значит не меньше десяти тысячелетий. Где-то впереди, у подножия холмистой гряды стоял город Валкис. Вся местность была исконно марсианской.

Каньон извивался, непрестанно меняя направление. Было жарко и сухо; язык стал словно большой ком ваты. Рик проклинал нерасторопность механиков, не успевших залить в коптер воду к его прибытию. В ногах пульсировала боль. Тишина... Над головой, словно со дна могилы, виднелась узкая полоска неба. Остатки цамо порождали дикие мысли, казалось — вот сейчас на голову начнут сыпать лопатами землю.

Резкий поворот. Через расселину в левой стене каньона, как через окно, можно было разглядеть город у подножия холма, прижавшийся к берегу канала, что медленно нес мутные воды.

Скверный город Валкис. Барахолка, на которой сбывали краденое; место, где скрывались разыскиваемые преступники; отстойник порока. Если кто попадал сюда — особенно женщины, — о тех больше не слыхали. Но было здесь и кое-что хорошее: аэродром с двумя-тремя замаскированными ангарами, где стояли суда, которые за честные деньги не купишь. Роскошные машины с таким мотором, что даст сто очков вперед лучшей полицейской технике.

Рик внимательно осмотрел подступы к взлетному полю. Теперь можно позволить себе немного отдохнуть и с наступлением

темноты спуститься с холма на промысел. А потом... Ну да ладно, еще есть время подумать.

Он оглядывался по сторонам в поисках укромного места, чтобы поспать, и вдруг почувствовал, что окружен. Рик не слышал ничего, кроме звуков дыхания и шарканья обуви по камням да скрипа кожаной сбруи, но этого было вполне достаточно.

Люди появились сразу спереди и сзади. Высокие, с грубыми лицами и жестоким взглядом, они держали в руках копья, на поясе у каждого висел нож. Звериной силой веяло от незнакомцев. Варвары Шана...

Стороны некоторое время молча изучали друг друга. Наконец крупный мужчина мотнул подбородком в направлении города:

— Ты хочешь попасть в Валкис, землянин по имени Рик?

— Откуда вы меня знаете?

— Тебя знают все. Ведуны присылали свой разум в каждую деревню и показали, как выглядит человек, соединивший Землю и Марс.

— Да, я иду в Валкис. — Рик подумал, что пока не стоит выяснять, в каком виде его представили ведуны.

— Жители Валкиса — наши братья. Мы приведем тебя туда.

Глаза Рика блеснули.

Люди с копьями начали приближаться, безмолвные и торжественные. Рик медленно поднял руки и привалился спиной к крутому откосу.

— Видите, я безоружен. Я устал. Будьте поласковее, и я стану вести себя хорошо.

Они были ласковы. Слишком ласковы для варваров с огрубевшими душами, полными первобытной ненависти. Интересно, что означали слова о братьях?

Немного погодя, во время спуска по ущелью, голому и каменистому, Рик ушло в голову, что за торжественностью шани скрывается какая-то затаенная, но сильная эмоция. Похоже, они очень обрадовались, увидев «землянина по имени Рик».

В город вошли, когда уже наступали быстро густеющие сумерки. Ноги Рика были в таком состоянии, что шани большую часть пути несли его на импровизированных носилках из копий, застеленных шкурой. Создавалось впечатление, что они желали, чтобы пленник отдохнул и набрался сил. Руки у него были связаны.

Судя по тому, сколько народа высыпало на улицы, торчало на плоских крышах каменных домов и выглядывало из ворот, глаза на corteж, появлению гостя предшествовало некое телепатическое сообщение. Жители Валкиса, в отличие от варваров, были мелкорослыми, юркими, все как на подбор с крысиным личиком. Мужчины носили пестрые накидки; у женщин в ушах, в черных косах и на щиколотках висели колокольчики.

Не было ни речей, ни насмешек, ни проклятий. Рик шествовал, окруженный своей свитой, а марсиане смотрели на него

изумрудными и топазовыми раскосыми глазами, не имеющими белков — одна радужка, — и не произносили ни слова. С последним лучом солнца, высветившим запад, раздался барабанный бой.

Звук шел спереди, из центра города. Барабан пробил шесть раз, бодро и властно, и смолк. По этому сигналу толпа, высыпавшая на улицы, двинулась следом за эскортом все так же молчаливо, лишь легкомысленным смехом звенели колокольчики на ногах.

Барабан ударил снова: шесть толчков сотрясли воздух. Внезапно раздалось звучание арф — странных двухрядных музыкальных инструментов, распространенных везде в зоне Нижних Каналов. Звук арф оказывал нездоровое, подобное наркотику воздействие на нервную систему слушателя, за что арфы и ценились. Барабан перешел на сложный, в синкопу ритм. Весь город, как один человек, судорожно втянул воздух и медленно, с шумом выдохнул.

Ричард Гунн Уркхарт твердо вышагивал, глядя прямо перед собой из-под надменно полуопущенных век. Зябли связанные руки, зато по телу катил пот. Начала подергиваться правая щека.

При входе в город Рик заметил, где расположено взлетное поле — оно лежало на севере, вниз по каналу.

Процессия подошла к черной воде, медленно текущей между камнями, и направилась как раз к северу, где светилось оранжевое зарево факелов. Там была площадь; булыжник мостовой протерся до вмятин бесчисленными поколениями людей в сандалиях.

На площади находились музыканты: барабанщица и арфистки — старые женщины, носившие только видимость одежды; почти все тело обнажено, никакой раскраски или татуировок, даже голова обрита. Женщины в трансе плясали ритуальный танец, глаза их остекленели, худые плечи резко вздрагивали при вдохе.

Отплясав, старухи присели полукругом около огромного плоского камня-монолита, возвышавшегося на метр над землей. Камень был черным, отполированным до антрацитового блеска прикосновениями многих рук. Вниз, под монолит, вели ступени.

Рик стрелял глазами по сторонам, пытаясь найти путь для спасения, и не находил. Слишком много людей; надо выждать, пока не развяжут руки и не снимут с ног путы, позволяющие только идти, но не бежать. Варвары Шана ни на секунду не предоставили пленнику малейшей возможности для побега.

Когда повели вниз по каменным ступеням, Рик припомнил, что ему рассказывали о местных божествах — хотя, конечно, какое доверие байкам «бывалых»? Валкис хорошо хранил свои секреты. Как бы то ни было, слухи о том, как здесь обращаются с пленниками, среди космолетчиков ходили, и не очень приятные...

После долгой прогулки в темноте по подземному коридору Рика вывели в крытое прямоугольной крышей вытянутое помеще-

ние — видимо, храм. Крышу, точнее, навес поддерживали разлапистые каменные колонны.

Первое, что отметил Рик — здесь было жарко. Марс — холодное место, а тут под землей царил жар, словно на Венере. На круглых каменных тарелках, установленных между рядами колонн, горели огни; за ними присматривали такие же, как наверху, обрители ведьмы.

Помимо жары, здесь было вдобавок влажно, как в бане. Откуда-то доносилось клокотание кипящей на раскаленных камнях воды, которая поступала, по всей видимости, из канала по трубе. Удушливое облако пара стояло в воздухе, заставляя и людей, и даже камни обильно потеть. Музыка доходила едва слышным эхом.

Толпа, нахлынув в храм, оцепила широкое воронкообразное отверстие посередине зала. Рик заглянул туда — воронка оказалась глубокой, порядочно глубже его роста, слава Богу, пустой и не грязной. Внизу в круговой стене были устроены четыре отверстия или ниши, завешенные алым шелком.

Сопровождающие поставили Рика на краю дыры, и кто-то — о, чудо — впервые за все время заговорил.

Перед Риком вырос человек — может быть, мэр города, или главный жрец, или одновременно и то и другое, оглядел с ног до головы. Человек этот излучал чуть ли не физически ощутимую ауру ненависти.

— Смотрите на него, — прошептал человек. — Смотрите!

Каменные стены храма подхватили его свистящий шепот и разнесли эхом по всему помещению.

— Тень над Марсом! Мрачная тень чужого правления, тень смерти для нашего мира и наших людей. Вор и лжец, человек, надевший на нас ярмо! Не будь его, не было бы объединения.

Над толпой пронесся звук, будто волк облизнул свои зубы.

Рик вызывающе засмеялся:

— Это очень плохо для вас, правильно я угадал? Как только у нового правительства найдется свободная секунда, оно выметет вас отсюда, точно выводок тараканов. Ясно теперь, отчего вы такие грустные. Старый порядок, когда царил беззаконие, был для вас намного удобнее.

Человечек отступил на шаг и с дьявольской точностью ударил Рика ниже пояса.

— Развяжите его и опустите в яму. Опустите ласково.

И снова шани были очень, очень нежны...

Глава 13

Слегка запыхавшийся от вежливого с ним обращения, Рик сидел в воронке на корточках, переводя дух. Сверху глазели сотни окруживших яму людей. Кольцами вился пар.

Снова наступила тишина. Тишина сейчас была злобной тварью, затаившейся и выжидающей.

...Тяжелая, душлимая жара, словно в джунглях; воздух — мертвый, неподвижный, едкий от запаха пота... Но что там еще за вонь? Жирный, темный запах перегноя, почвы, удобренной органикой. Запах, совершенно чуждый Марсу с его разреженным сухим воздухом и каменистым грунтом, на котором росли только кактусы да ломкая колючка.

А потом накатили волны аромата...

Аромат пробивался сквозь грубые запахи, поднимался, взлетал над ними, подобно тому как единственная нота скрипки выделяется на фоне басов. Слабый, как будто доносился издали, он все равно щекотал ноздри, словно духи, которые применяют девушки на улице Тридцати Трех Удовольствий — если только наложить их на душу, а не на тело. Он сулил все чувственные улады, которые только известны, а с ними — множество неизведанных, и в этом не было ничего ни грубого, ни извращенного... Может, сами ангелы трепещут крыльями в любовном экстазе и развеивают сладострастие, слетающее с концов их серебряных перышек?

Алые занавеси висели неподвижно; из-за них никто не появлялся. В «зрительном зале» царил тишина, все затаили дух. Рик сердито сжал губы и украдкой взглянул на лица, пялящиеся сверху, — они выражали жадное ожидание. Марсиане, окружившие колодец, смотрели не мигая, полуоткрыв рты, лишь время от времени кто-нибудь сглатывал слюну, будто в предвкушении чего-то жутко увлекательного. Они знали, чего ждут.

Томительно шло время. Рик терялся в догадках. Неожиданно снова задергалась правая щека. Он встал, вызывающей походкой переместился в центр колодца, затем не торопясь, чтобы все видели, насколько он хорошо владеет собой, сунул в рот сигарету, прикурил ее и задул пламя спички длинной струей выпущенного дыма.

Это создало впечатление намного более сильное, чем он ожидал. Табак на Марсе расти не мог в силу климата и почвы, а посему курение оказалось для здешних, не приобщенных к межпланетной цивилизации людей вещью совершенно ошеломляющей.

Некоторые из марсиан зашлись в кашле. Табачный дым тяжело повис во влажном воздухе, и непривычные глотки сводил спазм. Рик криво ухмыльнулся и усилил «газовую атаку».

Неожиданно из публики раздалось громкое «Ох!», и все снова стали напряженно пожирать глазами яму, словно сцену невиданного театра. К сигарете это отношения явно не имело.

Рик обернулся и увидел Майо. Девушка стояла невдалеке от него — похоже, вышла из-за одной из портьер. На ней был изорванный темно-зеленый балахон, на потном лице засохли потеки

крови. Майо глядела на него, и вся ее душа, казалось, выходила наружу через этот взгляд...

Губы Рика беззвучно раскрылись. В первый миг он остолбенел, затем двинулся вперед — сначала нерешительно, потом быстро, чуть ли не бегом. Он протянул к Майо забинтованные руки и почувствовал слезы на своих щеках.

— Люблю тебя, Рик, — прошептала Майо и отступила за портьеру.

Рик с возгласом «Майо!..» сорвал шелковый занавес — там была пустая ниша. Камни отразили ему в лицо его собственный крик. Он ударился о стену.

— Майо!!! — изо всех сил крикнул он и услышал сверху хохот, подобный тьяканью стаи гиен.

Рик, наполовину присев, глядел, рыча, на публику. Глаза его горели огнем сумасшествия. Вот, оказывается, чего они так жадно ждали!

«Майо, Майо! — стенала душа Рика. — Куда ты исчезла и как, почему ты ушла от меня?..»

Края колодца двоились в глазах. Проклятая жара! Да еще этот запах...

«Возьми себя в руки, Ричард Уркхарт! — услышал он собственный голос. — Соberись! Иначе будешь выглядеть дураком».

Рик раскачивался из стороны в сторону, словно моряк на палубе, уходящей из-под ног, но не замечал этого. Неожиданно оказалось, что между пальцами торчит дымящаяся сигарета — бинты сжали кисть таким образом, что сигарета не выпала, когда он инстинктивно бросил ее, рванувшись к Майо. Рик затаился. Табак что-то делал с мозгами — то ли прочищал их, то ли наоборот. По крайней мере, отбивал этот сладкий аромат.

Краем глаза Рик заметил какое-то движение и, резко обернувшись, обнаружил, что у второго проема возникла Кира. Она стояла на цыпочках, расправив крылья. Огромные глаза сияли, на лице была улыбка. В руках Кира держала Обруч Руха.

Марсиане наверху издали тонкий вой — это было их выражение ненависти. Пронзительная нота вызвала резонанс внутри Рика. Обруч Власти начал расти, он был уже больше Киры, больше ямы, в которой сидел Рик; он стал размером с Марс. Это был сам Марс!

— Я знаю пророчество. Твоя тень накроет нашу планету, — говорил голос Киры. — Жизнь для Марса, а не смерть... Твоя жизнь. Ты такой живой!..

Рик почти не понимал слов. Кровь, стучащая в висках, заглушала звуки. Кира, Майо да и все остальное утонуло в горячем потоке желания... Марс, власть, богатство... Ричард Гунн Уркхарт из корабельной крысы превращался в царя над всеми.

Рик засмеялся. Он хохотал над марсианами, этими занюхан-ными «марсиками», издевался над ними, изрыгая самые обидные

прозвища на всех известных ему диалектах трех миров. Тусклые железные заклепки Обруча поблескивали красным, как кроличьи глаза. Умиравший Марс ждет своего конкистадора!

Рик протянул руку — схватить Обруч Власти... Тот проскользнул между пальцев. Кира, улыбнувшись, исчезла за портьерой.

И снова Рик с воплем сорвал занавес, где никого не оказалось, лишь голый камень глухо стонал под ударами его кулаков. И опять зрители гоготали.

Рик вернулся в центр, как будто водил в игре и снова не успел «осалить». Он не плакал и не проклинал тех, кто смотрел сверху. Он глядел на них пустыми глазами, и лица казались темными фресками под куполом собора, со сверкающими алмазами глаз и перламутровой инкрустацией оскаленных зубов. Рик смотрел на них и чувствовал страх.

Аромат перебирал обонятельные нервы мягкими пламенными пальчиками. Он был пленителен. Он слал волны удовольствия. В особенности он прельщал тем, что вызывал страх. В Рике заговорило животное чувство. Инстинкт шептал: «Это приманка... Где-то тут ловушка! Бегись!..»

Рик попытался поднести ко рту сигарету. Это не удавалось, и вдруг он осознал, что стоит на четвереньках, и ощутил ужас. От яростной затыжки окурком, медленно тлеющим в сыром воздухе, отвратительно закружилась голова, зато он смог опять подняться на ноги.

Когда Рик встал, то увидел перед третьей портьерой обнаженную девушку, зеленоокою распутницу с волосами цвета меди, кудрями ниспадающими на белые плечи. Тайная усмешка пробежала по ее ярким губам. Девушка отодвинула занавес, и взгляду Рика предстала Улица Тридцати Трех Удовольствий в свете фонарей, с такими знакомыми дверьми, с человеческим теплом и безопасностью, с голосами, ссорами, музыкой и запахом вина. Улица, на которой Ричард Гунн Уркхарт был просто Рик — Космическая Крыса. Никаких пророчеств, ни врагов, ни великой судьбы, и единственным, что его ждало завтра, было похмелье. Вот он, выход!

«Возвращайся и стань снова обычным Риком, — прозвучало у него внутри. — Забудь про Марс и Обруч Власти. Забудь женщину по имени Майо. Налижись от души и забудь! Хватит приключений, грозящих только гибелью. Прежде всего — собственное спасение!»

Девушка вскинула голову и двинулась к занавесу, оглянувшись через плечо. Рик последовал за ней; он просил обождать, неуверенно пошатываясь и борясь с детским желанием заплакать. Девушка насмешливо встряхнула кудрями и скользнула в пятнистую тень. Рик рванулся следом.

Он услышал взрыв сумасшедшего хохота и в тот же миг врезался лбом в стену. Ошеломленный ударом, он лежал на камен-

ном полу. Девушка, улица — все исчезло, перед глазами была все та же пустая ниша.

Рик не поднимался. Он зарыдал, разинув рот и пуская слюни, как беспомощный младенец.

Марсиане затихли. Они снова ждали.

Волшебный аромат успокаивал. Он ласкал, словно женские руки, руки матери. В мозгу возникла картина четвертой двери. За нею он найдет покой. Именно оттуда исходил манящий запах. Можно отодвинуть портьеру и войти туда — в темноту, покой и одиночество. Там он уснет. Там сможет забыться...

Медленно-медленно Рик поднялся на четвереньки и пополз к последней двери. Сверху не доносилось ни звука — марсиане следили за ним, не дыша.

...Что-то пыталось растолкать засыпающий мозг Рика. Знакомая едкая вонь, она перебивает чудный аромат. Зачем?.. Рик не хотел пробуждения. Он продолжал двигаться к заветной двери.

Наконец Рик добрался до портьеры и отодвинул ее. Аромат пахнул на него, и оттуда же, неожиданно сильный, донесся жирный дух перегноя.

Прошлый опыт заставил Рика вытянуть руку и пощупать впереди, чтобы убедиться, что там нет стены. Проход действительно существовал. Рик вполз, и последнее, что он услышал снаружи, прежде чем сзади закрылась алая занавеска, был хохот наверху, подобный волчьему лаю во время весеннего гона.

Ползти было легко. Рик почти скользил по наклонному туннелю. Наконец-то он уснет и все забудет...

«...Проклятье, отчего так болит между пальцами?» — эта мысль пробилась сквозь снотворное облако, окутавшее мозг. Рик пытался отбросить ее, как лишнюю, но боль кромсала и колола ладонь и никак не прекращалась. Элементарный рефлекс заставил его поднять руку, и снова едкая вонь ударила в нос; он увидел маленький красный огонек в темноте.

Окуроч, почти догорев, заставил тлеть бинты. Рик вытряхнул уголек и прижал обожженную руку к животу. Боль слегка привела его в чувство, и сразу возвратились секундной давности воспоминания — загадочная пытка в яме, марсиане, глазеющие сверху... Вскипевшая тут же злость помогала боли.

Рик неожиданно ощутил, что аромат стал сильнее, и с ужасом понял, что происходит. Это наркотик, и он снова собирается овладеть его мозгом!

Рик медленно соскальзывал вниз. Он уперся ногами и спиной в противоположные стены туннеля и стал вглядываться в глубину. Там, далеко, стали различимы фосфоресцирующие блески. Наконец он рассмотрел — это были цветы!

Белые цветы, нежные и прекрасные, колеблющиеся на стеблях, словно легкий ветерок шевелил их. Бесконечно красивые, бесконечно ароматные, они звали его к себе?..

Да, они звали.

— Приди! — звучал их шепот у Рика в мозгу. — Приди к нам и усни.

— Кто вы? — спросил он. — Откуда вы появились?

— Нас было много, когда мир переживал юность, — прозвучало в ответ в голове. — Мы росли в зеленых джунглях. Мы правили Марсом, когда человек еще не поднялся на задние конечности... Люди Валкиса нашли нас, жалкую пригоршню отростков, выживших около затерянного вулканического гейзера. Они построили для нас храм, и мы сохранились.

Цветы были красивы, дружелюбны и приятно пахли. Рик соскользнул поближе к ним. Снова закружилась голова.

— Как я увидел Майо? Что это вообще было?

— Мы создаем изображение тех вещей, которые главенствуют в мозгу человека, которые ему более всего желанны.

Рика пронзила неожиданная догадка, и тут же мысль потерялась.

— А зачем? — сонно спросил он.

— Иди к нам, — ответили цветы. — Приди и усни.

Усни...

Запах чернозема стал слышен явственнее, и животный инстинкт подсказал Рiku, чем удобрена земля, в которой растут цветы.

Он отчаянно уперся ногами в стену туннеля, чтобы остановить скольжение. Он боялся и знал теперь чего. Но было слишком поздно, наркотик «забирал», и Рик уже не мог сопротивляться. Он снова отключился.

И вновь обожженная рука, задев о стену, разрушила дремоту.

«...Сигаретой обжегся... Табак... Наверху он немного помог... Хоть чуть-чуть! Сам наркотик, табак, наверное, разрушает действие другого наркотика. Надо попытаться!»

Рик нащупал и вытащил пачку. Забинтованные руки неуклюже дрожали. Он выронил сигареты, пачка скользнула вниз и исчезла в цветах.

— Иди сюда, — снова заговорили цветы. — Приди и усни.

Он стал шарить по карманам — лихорадочно, задыхаясь. Наконец обнаружил вывалившуюся сломанную сигарету. На этот раз Рик был осторожен, чтобы не уронить ни ее, ни спички.

Он наполнял себя дымом, еще и еще. Затошнило, но, по крайней мере, появилась возможность противостоять аромату настолько, что Рик начал соображать; соображать в той мере, чтобы пуститься в обратный путь вверх по туннелю, дюйм за дюймом, вдавливая подошвы в камень, цепляясь ногтями за малейшие неровности, сжимая и разжимая мышцы спины, словно змея — сегменты своего тела. Либо он выберется наверх, либо погибнет.

Цветы сердились. Они были голодны. Они посылали облака дурманящего аромата, но резкий вонючий дым перебарывал его. Рик добрался до горизонтального участка, заканчивающегося пор-

тьерой, и лег, дрожащий и выдохшийся. Сигарета догорела. Он изо всех сил стал шлепать себя по лицу, терзать ожог на руке. Все что угодно, лишь бы заставить мозг проснуться.

Из помещения не доходило ни звука, лишь слышалось потрескивание огня в кострах. Рик высунулся из-за портьеры. Зрители исчезли — им больше нечего было ждать. Из туннеля никто никогда не возвращался.

Рик вышел на середину ямы и стал разглядывать ее стены. Старухи, ухаживающие за огнем, тоже не появлялись, они, должно быть, нежили дряхлые кости у костров, вспоминая дни, когда в их ушах и косах звенели маленькие колокольчики, зазывая разгоряченных парней в сумрак спальни...

Воронка была сложена из камней бесконечно давно. Блоки местами осели и немного разъехались. Поскольку запах цветов не оказывал действия на зрителей, значит, ядовитые выделения остаются ниже краев ямы. Только бы успеть выбраться из нее, пока...

Рик полез наверх, кусая губы, чтобы не дать мозгу снова впасть в забытие. Спустя тысячу лет показался край. Рик вывалился наружу и лежал, задыхаясь, весь в холодном поту; его трясло.

Постепенно голова прояснилась.

Храм был полон тишиной. В воздухе среди испарений, казалось, витали духи зла. Старухи дремали подле костров, морщинистая кожа на спинах подергивалась, словно от прикосновения невидимой руки. Рик крадучись пошел в мерцающей полутьме, прячась за дальним рядом колонн.

Он достиг лестницы, ведущей на площадь, и осторожно поднялся по ступеням — ни бритых ведьм, ни их музыки. С близлежащих улиц доносились звуки грубой жизни Валкиса, но площадь, предназначенная только для религиозных отправлений, была безлюдна.

Рик скользнул в темную воду канала и поплыл на север. Тут и там вспыхивали огоньки; на песчаных отмелях плескались ночные купальщики. К счастью, никто пловца не заметил.

Достигнув аэродрома, Рик выбрался на берег. Взлетное поле было пустынно. Да и что тут делать ночью? Обломком железа Рик взломал замок ближайшего ангара и угнал машину — небольшой красавец коптер со стремительными обводами и сверхмощным мотором.

На Марсе оставалось единственное место, куда Рик хотел попасть. Он направился туда со скоростью кометы, спешащей на встречу с Солнцем.

Рик летел в Каэр Эбра.

Глава 14

Город Каэр Эбра появился в виду незадолго до заката. Его мраморные шпили совсем утонули в наступающем море песка. Рик посадил вертолет на памятной широкой террасе, грязной и

растрескавшейся, но пока сохранявшей свою совершенную симметрию, и вылез.

Не успели ноги Рика коснуться земли, как его окружили маленькие крылатые люди островного королевства. Женщин среди них Рик не увидел. Светло-желтые лица людей были суровы, в покрытых пухом руках воины сжимали стреляющие трубки.

Рик не испытывал страха. Он чувствовал, что нужен им.

— Кира в городе?

Вождь крылатых людей медленно наклонил голову. Все стояли молча, лишь печально шелестели крылья, колеблемые ветром. Песок на мраморе под ногами хранил слабые отпечатки перьев.

— Я хочу видеть ее.

Вождь снова наклонил голову:

— Она просила о встрече с тобой. А просьба умирающей должна быть исполнена. Только поэтому, землянин, ты останешься жив и сможешь уйти из Каэр Эбра.

Слово «умирающий» больно ударило Рика, пронзив его оцепенелую душу. Он застыл на месте и воскликнул:

— Кира!

Ответа не было.

Маленькие люди подталкивали его — иди. Рик повиновался.

Кира лежала на постели из мягких шкур в высокой башне, откуда виднелась даль высохшего моря. Она протянула к нему руки и улыбнулась:

— Я знала, что ты придешь.

Рик осторожно, будто хрупкие цветы, взял ее ладони в свои.

— Что произошло? Дитя, что случилось?

— Черный человек с Земли опалил ее, — произнес вождь. — Она умрет.

Пальчики Киры, слегка окрепнув, сжали ладонь Рика:

— Я летела за ними. Ты послал меня наблюдать за Майо, и я это сделала. Помешать ему я не смогла, однако следовала за машиной. Машина шла очень быстро и исчезла. Но я все равно продолжала лететь на север и в конце концов обнаружила их вертолет. Я спустилась, и тут Джаффа Шторм, выйдя из ледяного купола, увидел меня. Но я сломала машину, Рик. Камнем я испортила рычаги, и теперь вертолет не сможет подняться в воздух. А потом из глаз землянина вышли черные лучи, лучи тьмы, и я улетела.

Кира привлекла Рика поближе к себе, словно плохо его видела.

— Я пыталась вернуться в Рух, чтобы найти тебя, но не смогла лететь так далеко. Не смогла... Я знала, что ты придешь, только боялась, что это случится слишком поздно.

Рик опустил перед постелью на колени и, обернувшись через плечо, сказал крылатым людям:

— Уйдите.

Это их рассердило. Какое-то время они, не двигаясь, стояли на месте. Глаза Рика сверкнули недобрый блеском. Кира забыла, что рядом, кроме возлюбленного, находится кто-то еще. Наконец лишние удалились.

— Это на севере, — произнесла Кира. — В Полярных Городах, где ледяные купола.

— Зачем я заставил тебя!.. — прошептал Рик.

Розовый свет заката упал на личико умирающей, придав теплый оттенок желтоватой коже. Большие глаза Киры мягко светились.

— Не надо грустить обо мне, Рик.

Он молчал.

— Я-то ведь не грущу. Я прожила мало лет, но больше, чем получила от жизни, не смогла бы взять и за век. Я любила тебя, и мы в каком-то смысле были супругами, правда ведь? Я помогала тебе создавать новый мир, пусть даже моя помощь и была ничтожной. Много ли найдется женщин, способных похвастаться, что дали жизнь планете?

— Воистину...

— Я буду жить в новом мире. Мы рождаемся заново — наш народ верит в это. Однажды моя душа обретет новую плоть. Душа вспомнит, она скажет мне: «Я сотворила этот мир вместе с Риком». И я стану счастливой.

Кира нащупала язычок «молнии» на рубашке Рика, расстегнула, протиснула ладони внутрь и прикоснулась к его груди.

— До чего сильное! Я чувствую, как оно бьется. Это Марс, Рик. Сколько жизни и сил; а мы были такие усталые...

Рик наклонился и поцеловал девушку. Затем поднял Киру, как ребенка, в люльку из своих рук, положив ее голову себе на плечо...

Она заснула с улыбкой на устах.

Солнце ушло в песчаные волны; Фобос стоял над западным горизонтом, словно позабытый кусочек дневного светила. Деймос двигался по небу с востока к месту ночного свидания двух лун. Рик знал, что не потревожит Киру своим уходом.

Он уложил ее обратно в пуховое гнездышко. Откуда-то из забытого уголка памяти детства сам собой возник образ креста. Рик осенил девушку крестным знаменем и вышел.

Маленькие люди народа Каэр Эбра стояли на ветру и молча смотрели, как вертолет Рика отрывается от земли. Лишь через несколько часов полета на север Рик вдруг понял, отчего так солоно в горле...

Он замерз; от долгого сидения сводило судорогой ноги. Стрелка указателя топлива болталась около нулевой отметки. Под брюхом коптера медленно ползла пустынная местность, забытая Богом и людьми. Сейчас, во время весны, ущелья были полны талой водой, питающей каналы; по берегам ручьев, помимо мха

и лишайников, росли цветы, устойчивые к суровому климату. Каменистый ландшафт с изъеденными временем и потрескавшимися от льда, ветра и воды черными скалами выглядел столь же нетронутым и диким, как лунный.

Далеко впереди словно бы парила в воздухе снеговая шапка Марса, ледовое ядро которой сохранялось в течение всего лета. Рик взял курс на Полярные Города; они были нанесены на карту, но посещали их крайне редко. Если любопытный путешественник появлялся в тех местах, он неизменно поворачивал обратно, повинаясь таинственным голосам, которые возникали в мозгу и мягко, но настойчиво советовали избегать Полярных Городов. Никто, кроме героев из древних преданий, не мог найти вход в ледяные купола, под которыми были скрыты города Мыслителей.

Эти купола имели идеально правильную форму и нисколько не подтаивали даже в самое жаркое лето, что дало повод считать их происхождение искусственным; выдвигались гипотезы, объяснявшие устойчивость куполов постоянным уходом за ними жителей. Прилетевшие с Земли делеги были настолько помешаны на богатстве, зарытом в девственной почве планеты, что не давали себе труда интересоваться полулегендарными городами, которые, кстати, никто и не видел-то никогда. Марсиане строго соблюдали табу, начертанные в древних книгах, а немногие земляне, ушей которых коснулись слухи о куполах, сочли Полярные Города мифом, нагроможденным вокруг какой-нибудь природной чепухи наподобие ледника необычной формы.

Мотор вертолета начал чихать. Рик ласково упрасивал машину пролететь еще немного, чтобы добраться до сверкающего края ледяной шапки, разрезавшей безликое пространство впереди на две части. Наконец двигатель встал, и ни проклятья, ни мольбы не могли заставить его ожить. Рик взял из бардачка темные очки и принялся осматривать землю. Далеко впереди он различил три блестящие пуговицы, отразившие солнечный луч. Купола образовывали правильный треугольник, соприкасаясь краями.

Рик планировал, борясь за каждый дюйм высоты, и почти долетел до места, когда увидел на земле машину Шторма. Сверху она выглядела темным пятнышком на безукоризненно белом снегу неподалеку от одного из куполов.

Посадка на широкую полосу каменистой почвы, отутюженной прошедшим когда-то ледником, прошла нормально. Рик инстинктивно выбрал место, находящееся вне видимости из куполов, хотя сомневался, имеет ли это какое-то значение, ибо был совершенно убежден в телепатических способностях Джаффы.

Рик крался, прячась среди нагромождения камней, пока не подошел к площадке, где стоял коптер Шторма. Из оружия у Рика был лишь кусок железа в кармане. Никакого бластера не предви-

делось. Так же не было и возможности скрытно приблизиться к вертолету. Рик вздохнул и пошел прямо к машине.

Косые лучи солнца освещали купола. Они были огромные, совершенно круглой формы и походили на немыслимые капли росы в солнечных лучах. Далеко позади них полнеба занимала бледно-зеленая громада полярной шапки.

Ни движения. Ни звука... Коптер казался брошенным и забытым металлическим остовом, но лишь до тех пор, пока Рик не подошел поближе — кто-то привел в порядок тяги, клапаны и рычаги. Работа сделана на совесть, машина в рабочем состоянии. А если машина стоит, готовая к полету, то...

Рик затаился, спрятавшись позади коптера. Он так напряг слух, зрение и даже осязание, что почувствовал боль.

Все было тихо. Лишь пустынная земля и загадочные ледяные линзы, словно три гигантские черепахи, спящие и не желающие открывать никому содержание своих сновидений... Выше — давяще безликая ледяная громада, а над ней — холодное небо цвета молока.

Рик вздрогнул. Зрачки его по-кошачьи сузились, он сжал челюсти и шагнул к ближайшему куполу.

Проходя по участку голой земли, Рик заметил следы. Они вели в обоих направлениях; отпечаток левой ноги был слабее. Следов женской обуви Рик не нашел.

Идя быстро, но без спешки вдоль цепочки отпечатков, Рик припомнил рассказы о телепатическом внушении. Никаких голосов — ни совета убираться отсюда подобру-поздорову, ни приглашительной речи — он, сколько ни старался, услышать в своем мозгу не мог. Либо предание лгало, либо что-то изменилось под этими кастрюльными крышками...

Рик все шагал и шагал по следам вдоль округлой стены купола, и ничего не происходило.

Наконец обнаружился вход: коридор с крышей, похожей на огромную рамку с медовыми сотами; только здесь соты были из хрустала, прозрачны и пусты. Крыша могла падать вниз, врезаясь в лед и становясь неотличимой от него. Очутившийся в такой момент под ней человек либо оказывался рассечен на куски перегородками ячеек, либо, если оставался целым, медленно погибал от голода и жажды, запертый в сверкающей тюрьме.

Рик постоял несколько секунд, раздумывая, и двинулся внутрь. Стекланные ячейки превращали звук шагов в звенящее эхо. Несколько раз из-за игры света и перспективы начинало казаться, что ловушка захлопывается, однако ничего не происходило.

Город был заглублен в землю — сейчас Рик стоял на одном уровне со шпилями башен, — оказался невелик, всего тысяч на десять населения, и настолько же невиданно прекрасен, насколько неприятен своей красотой.

Рик бывал в пещерных городах на Луне, бродил по фантастическим произведениям зодчества, оставленным на Фобосе неизвестной расой; на Венере ему довелось видеть затонувшую империю на дне серебряного моря. Но это зрелище побивало все остальные.

Здания были сделаны из единственного материала — прозрачного пластика, который улавливал солнечный свет и дробил на разноцветные лучи, от чего стены играли радугой, будто бриллиантовые. Само по себе это уже производило впечатление, но главное заключалось в архитектурных формах.

Откуда бы ни происходили Мыслители и кто бы они ни были, их мозги и представления о геометрии явно отличались от человеческих. Кривые и углы, очерчивающие контуры зданий, рассчитывали взгляд, выталкивая его по тошнотворно стремительной траектории в болезненную, чуждую вселенную. Архитектоника форм, их подсознательный смысл вводили разум в состояние шока. Так, наверное, выглядел бы овеществленный сон душевнобольного художника-сюрреалиста. Злокачественно-притягательное зрелище...

Сзади раздался стремительный мелодический перезвон. Рик резко обернулся и увидел, что вход заперт. Никаких кнопок или рычагов нигде не было заметно, оставался единственный путь — вперед. Рик начал спускаться по прозрачным ступеням.

Город был мертв, это явно ощущалось. Слишком долгой была тишина, улицы устали ждать пешеходов. Скошенные стены неохотно отражали звук шагов, им не нравилось, что кто-то заставляет их будить эхо.

Глаза Рика потемнели. Он неожиданно для самого себя остановился, наполнив легкие:

— Майо!

Крик раскололся на миллион осколков, которые, прилетев обратно, ударили в уши визгливым хохотом.

Путь лежал в дальний конец города, где, как Рику удалось разглядеть еще от входа, сверкали, взлетая ввысь, ступени, ведущие во второй купол. Рик шел туда и размышлял: что, если Шторм намеренно позволил ему пройти внутрь, а сам ускользнул другой дорогой?

Именно в этот момент он услышал музыку. Музыка выплыла из тишины, странным образом сочетаясь с игрой света, и поэтому одновременно была и слышна, и видна. Гармония ее была сродни архитектуре окружающих зданий. Нормальный разум (нормальный, по крайней мере, в человеческом понимании) такое сочинить никак не мог. Музыка шла отовсюду, звучал сам воздух. Рик убеждал себя, что это работает городская система радиотрансляции. Мозг его съехался, забился в угол, пытаясь найти убежище от навязывающего свою логику мотива.

Краски стали ярче, они пульсировали, укрывая цветным туманом призрачные улицы, ускользая с краев видимого спектра куда-то дальше; с чувствами, нервами, даже с кишечником происходило что-то непонятное. Музыка хлестко стегала мозг немыслимыми звучаниями и ритмами. Внезапно Рик почувствовал, что в силах понять символику здешней архитектуры и куда ведут умопомрачительные кривые...

После этого он почти потерял способность воспринимать обстановку. Какая-то очень упрямая часть сознания перепрыгнула через острова кошмара, разраставшиеся в голове, и безостановочно кричала что-то. Этот вопль пронзил смертоносную плеву цветомузыки и потащил разум обратно с самого гребня пропасти, обрывающейся в чуждую вселенную...

...Рик стоял, сбросив всю одежду, и обнимал хрустальную, безумной формы колонну, которая — он только что понял — подпирает собою солнце.

Рик отпрянул от столпа вселенной, ощутив тошноту, цепляясь за это чувство, как за спасительное средство от помрачения ума. «Стой! — приказал себе он. — Это штучки Джаффы! Он сидит и нажимает кнопки, затеявая представление, к которому ребята, раньше жившие тут, были привычны. Шторм, гадина, сидит, давит на рычажок да смотрит тебе в мозги и ржет до упаду, наблюдая, как извилины лопаются. Хочешь, чтобы он лопнул от смеха?»

Рик сосредоточился. Слова «Джаффа Шторм» еще имели для него значение, и они сочетались со словами «поймать и убить».

Напрягая жилы, обливаясь потом, он собрал все силы, которые еще остались, воедино, чтобы оградить мозг от разрушительного действия цветомузыки, и двинулся к ближайшей стене купола. Он смотрел себе под ноги и старательно считал, сколько сделал шагов.

«Если моя догадка неверна и не Джаффа Шторм управляет концертом — какая это будет потеря!.. Но — стоп! Нельзя думать об этих вещах».

Рик добрался до стены, нетвердо держась на ногах и продолжая считать. Далеко отсюда он увидел ступени и заторопился к ним по стеночке. Неожиданно «концерт» стих.

Рик сидел на верхней ступени, пережидая, пока кончит трясоти. Предстоял спуск во второй купол.

Глава 15

Здесь не было никаких зданий — ни жилых, ни общественных. В центре находилась гигантская конструкция из металла и пластмассы; огромная машина тихонько гудела и излучала слабое свечение. Вокруг стояли концентрические ряды мягких лежанок, накрытых похожими на гробовые прозрачными крышками, под которыми находились люди. Люди то ли были мертвы, то ли спали.

Рик и здесь не смог обнаружить присутствия Шторма или Майо. Он поискал глазами вход под следующий купол и двинулся туда между гробами.

Существа под крышками, собственно, не были людьми. И форма их тела, и плоть, из которой они состояли, — все свидетельствовало, что это создания другого мира. Существа лежали совершенно неподвижно, и Рик не заметил у них дыхания. Однако тела выглядели теплыми и живыми; признаки распада или гниения отсутствовали.

Рик предположил, что это и есть Мыслители и что им принадлежит город, сквозь который он прошел. Похоже, они не имели пола, поскольку обнаженные тела были совершенно одинаковыми. Совершенство их форм соответствовало совершенству зданий, которые они построили, и так же отвращало.

Рик, не задерживаясь, направился прямо к арочному переходу, ведущему в последний купол. Страх в душе его отсутствовал — надо идти до конца, будь что будет. Он поискал какое-нибудь оружие, но ничего подходящего не нашел и, посмотрев на свои забинтованные руки, стал подниматься по ступеням.

Ни убежища, ни укрытия... Да, собственно говоря, какой смысл прятаться, когда имеешь дело с телепатом? Единственное, чего хотел Рик, — чтобы все скорее кончилось. А для этого ему нужен был Шторм. Рик шел наверх и не думал о том, что может погибнуть.

В третьем куполе размещалась огромная лаборатория или склад приборов. Подробно разглядеть помещение Рик не успел — перед ним вырос Джаффа Шторм с бластером в руке.

Рик остановился. Лицо Шторма расплылось в дружеской улыбке.

— Где Майо? — спросил Рик.

Шторм мотнул головой, показывая внутрь.

— Там. Она цела и невредима, но помочь тебе не сумеет; да и себе тоже. Дикая кошка! — Он смерил Рика взглядом черных глаз. — Жаль, что ты не будешь иметь удовольствие наблюдать, как я ломаю ее!

Рик молчал, расслабленно опустив руки вдоль обнаженных бедер. Лицо его было пустым, глаза полуприкрыты. Он стоял посередине хрустальной лестницы на уровне ног Шторма.

— Понравилась музыка? — спросил Джаффа.

Рик не ответил. Шторм засмеялся:

— Не стесняйся. Я знаю. Я слежу за твоими мыслями каждую секунду.

Он указал на спящих под гробовыми крышками:

— Забавные вкусы у этих пташек. До сих пор не могу понять, кто они и откуда здесь появились — никак не проникну в их мозги. Похоже, они разумом своим не здесь, а переместились в царство мысли. Тела, как я понимаю, искусственные.

Шторм оборвал монолог и стоял, изучая Рика, словно хотел впитать в себя каждую мелочь его облика.

— Я хочу навсегда запомнить тебя. Ни к одному человеку я не питаю такую ненависть. Наверное, потому, что ты почти так же силен, как я, и это пугает. А я не привык бояться. Испытывать страх неприятно.

— Ты потерял Марс, — произнес Рик. — Я отобрал его.

— Не-ет... — Шторм заговорил медленно. — Нет, не отобрал. Ты нарушил мои планы, это верно. Ты чуть было не убил меня, это тоже так. С твоей стороны было очень неглупо — догадаться в последний миг, что я читаю твои мысли и готов к встрече. Я был чертовски занят на работе и не мог дотянуться до выключателя, пока не стало слишком поздно сделать что-либо, кроме как отскочить в сторону. Меня ранило осколком, а дезинтегратор оказался разрушен. — Джаффа, не сдержав злобы, выругался. — Поэтому я хочу придумать способ лишения тебя жизни, которым мог бы удовлетвориться по-настоящему.

Рот Рика скривился в ленивой полуулылке:

— Тебе не убить меня, Шторм. Это моя дорога, а не твоя.

Шторм секунду глядел на него, широко раскрыв глаза, и закашлялся смехом:

— Во имя Юпитера, неужели ты веришь?

Рик кивнул:

— Ты знал это, когда я еще только шел сюда.

— Да, верно. Я занимался одной маленькой летучей тварью — как ее бишь, Кира? — а после переключился на тесный контакт с твоим мозгом. — Он хмыкнул. — Между прочим, Сент-Джон и его приятель неплохо на тебе выехали, согласись! Я всегда говорил тупоголовому Фаллону: «Эд, ты их недооцениваешь».

При упоминании Киры глаза Рика помертвели. Ни к какой человеческой эмоции не отнеси чувство, которое он испытал в этот момент, стоя неподвижно подле ног Джаффы.

— И все-таки ты потерял Марс.

— Нет, сынок. Между мной и тобой есть одно маленькое различие, но оно будет стоить тебе целого мира. Я тренировал свой мозг. Он работает на меня, а не наоборот. Когда я узнал, что ты собираешься сделать, объединяя марсиан и землян для выступления, то понял, что твои шансы выиграть высоки. И тут я сказал своему мозгу: «Работай!»

Меня все время интересовало, кто такие Мыслители. Марсианским ясновидящим, которые могли бы узнать правду, запрещено шпионить, согласно их родовым табу. Земляне не обладают способностями к перемещению в ментальном пространстве. Все, кроме меня. И мне плевать на запреты.

Я обнаружил, что мысленный барьер — атака на мозг, которой подвергался каждый, кто подходил к куполам, есть не что иное, как телетрансляция, правда, основанная на несколько ином

принципе. Передатчик был автоматическим и работал уже Бог знает сколько времени. Я взял и выключил систему — чтобы тебе было удобнее.

Преодолев эту преграду и попав сюда, я понял, что Мыслители просто-напросто покинули планету. Они живы — я чувствую их мозговые вибрации, но эти волны исходят из какого-то иного мира. По-видимому, Мыслители достигли такой точки в своем странном развитии, что единственной незавоеванной областью является для них область чистого разума.

Но они оставили здесь результаты своих достижений в материальной сфере — целый арсенал оружия и такие машины, о которых человек может только мечтать. Дезинтеграторы, усилители мысли, энергоизлучатели, по сравнению с которыми электронный разрядник — детская игрушка. Не напрасно их называли Мыслителями. Черт побери, хотел бы я знать, кто они такие! Хотя, наверное, догадываюсь. Они были до нас, а человек, появившись на планете, начал вытеснять их обращенную на самое себя культуру. Тогда они построили купола и этот немыслимый город, окружили себя устрашающими табу и жили спокойно, занимаясь своими делами.

Их цивилизация прошла через период научных поисков и изобретений, который длился, может быть, миллион лет. Изобретения ради изобретательства. Мыслители никогда не допускали человека к своим достижениям и пользовались только тем, что требовалось им для комфортной жизни, например этой громадой. — Джаффа показал на гудящий механизм в центре второго купола. — Устройство, которое согревает их, снабжает энергией — непосредственно, как если бы они были электроутюгами, и поддерживает жизнь в телах, пока разум свободно разгуливает по времени и пространству.

В черных глазах Шторма блеснуло странное пламя, и он задумчиво прошептал:

— Хотел бы я присоединиться к ним... Пусть ненадолго...

Рик внезапно прыгнул в ноги своему врагу. Он ждал момента, когда мозг Шторма переключится с наблюдения за мыслями Ричарда Гунна Уркхарта на что-нибудь другое, и понял, что это мгновение наступило.

Луч бластера ударил мимо и лишь слегка обжег спину Рика, который, ухватившись за штанины комбинезона Джаффы, рванул его на себя изо всей мочи. Шторм упал спиной на ступени, сверля ледяной купол лучом бластера.

Рик, почувствовав сцепление подошв с гладкой поверхностью ступеньки, толкнул свое тело вперед и вверх, навалившись всей тяжестью на противника, стараясь не дать ему вздохнуть, и вцепился в бластер.

Падение причинило Шторму боль, но не вывело из строя. Он сопротивлялся, используя свободную руку и колени, норовил по-

пасть в пах тяжелыми ботинками. Рик никогда не страдал от недостатка силы, тем не менее Штурм оказался сильнее. Он бил так, что у Рика искры из глаз сыпались, однако не мог отцепить его руку от предмета спора.

Рик извивался обнаженным телом, напрягал мышцы, принимая удары, и не выпускал оружие. Сейчас на целом свете существовала только одна важная вещь — бластер. Рик нашел большой палец руки Штурма и упрямо гнул его, пока не вырвал палец с корнем из сустава. Кровавый ошметок повис на сухожилиях. Штурм издал вопль, подобный ржанию раненой лошади, и это было все. Бластер перешел к сопернику.

Рик хотел отпрыгнуть, чтобы воспользоваться оружием, но в этот момент ботинок Штурма ударил его прямо в живот. Рик скатился вниз по ступеням и лежал, задыхаясь; внутренности выворачивало наизнанку. Бластер, отлетев в сторону, уехал по хрустальному полу.

Штурм поднялся. Он посмотрел на изуродованную руку, вынул носовой платок и перетянул рану, помогая себе зубами. Затем привалился к стене, и его тоже начало рвать.

У подножия ступеней Рик, всхлипывая, безуспешно пытался подняться на четвереньки. Штурм нашел взглядом бластер. Оружие лежало далеко, гораздо дальше, чем Рик был способен доползти за несколько минут, и Джаффа спокойным шагом спустился в лабораторию.

Там, в углублении машины, достаточно тяжелой, чтобы невозможно было раскатать ее и перевернуть, лежала связанная Майо с кляпом во рту. Однако сейчас слова ей и не требовались — глаза высказывали Джаффе все.

— Можешь послать своему другу поцелуй на прощанье. Точнее, тому, что от него скоро останется, — прошипел Джаффа.

Он отыскал небольшой приборчик среди груды оборудования, которое собирался погрузить в коптер после того, как покончит с Риком. Аппарат выглядел совершенно безобидно — щиток с призмой, помещенной в центре треугольника из слабо светящегося металла.

Штурм не знал принципа работы этой штуки. Возможно, треугольник улавливал космические лучи, а призма концентрировала их. Главное, он знал результат действия. Штурм осторожно взял левой рукой за щиток, поставил палец на рычажок управления и пошел обратно вверх по ступеням.

Рик уже подбирался к бластеру, оставалось проползти каких-то два-три метра. Штурм смотрел на его старания и ласково улыбался, а затем нажал рычажок. Вокруг призмы возникло слабое, как паутинка, свечение. Джаффа направил призму на бластер; металл рассыпался в пыль, и бластер исчез.

— Рик, Рикки! — тихонько окликнул Штурм.

Рик повернул голову. Огромная машина в центре зала жужжала, Мыслители смотрели свои космические сны и не желали обращать никакого внимания ни на голого человека, корчащегося на полу их усыпальницы, ни на черного гладиатора, стоящего на хрустальных ступенях их города.

— Ты не сможешь убить меня, — прошептал Рик.

Шторм беззвучно рассмеялся и снова нажал рычажок. Рик увернулся. Откуда нашлись силы, он не знал. Просто надо было увернуться или умереть, а Рик не был готов к последнему. Он откатился в сторону. Паутинный луч прошел мимо, прогрызая извилистую канавку в полу. Рик увидел, что находится у внешнего ряда гробов, и спрятался за ближайшим. Саркофаги стояли прямо на полу без просвета снизу и обеспечивали укрытие. Джаффа, конечно, мысленно не терял свою жертву, однако прицелиться не мог.

Рик начал игру в прятки; Шторм принял ее. Он полосовал саркофаги лучом прибора, и те разваливались, а заодно распадалась на части и туловища Мыслителей. Никто из них не пошевелился — слишком далеко, видимо, находились сейчас их умы, чтобы беспокоиться о происходящем с телами.

Рик играл свою роль, странным образом сочетая безрассудную отвагу и точный расчет. Он оставался за гробом до тех пор, пока луч не подходил смертельно близко, и тогда он откатывался или скользил по хрустальному полу всякий раз в другом направлении, так что появлялся на виду лишь в некоторые доли секунды. В эти моменты Шторм мог поразить цель, стреляя он с правой руки. С левой же — нет. По крайней мере, вначале.

Рик знал, что удача не может оставаться с ним бесконечно. Он чувствовал себя ощипанной курицей — голый, в руках нет ничего, даже камня...

Тут глаза Рика блеснули. Он начал перемещаться по кругу, чтобы вернуться к его началу, где стояли наполовину разрушенные саркофаги. Шторм неспешно следовал за жертвой. Он не злился. Игра ему понравилась.

Наконец Рик добрался до того места, куда метил. Пластиковая крышка разломанного саркофага отлетела в сторону. Туловище Мыслителя было развалено точно пополам. Рик не увидел ни крови, ни внутренностей, ни брюшной полости; тело на срезе походило на губчатую резину. Рик вытащил из гроба за ноги нижнюю половину туловища.

Долгое мгновение он выжидал, сосредоточенно сдвинув брови. Шторм стоял прямо, слегка улыбаясь, и рисовал лучом рельефный узор на боковой поверхности укрытия Рика.

Саркофаги были установлены таким образом, что, если Рик выглядывал сверху или справа, он мог видеть фигуру Шторма целиком. Если же высунуться слева, то угол соседнего гроба загораживал ноги охотника.

Рик метнул свое малоприятное оружие. Задница Мыслителя была легче, чем такая же часть человеческого тела, но достаточно увесистой.

Шторм рассмеялся, легко увернувшись, не спуская глаз с саркофага, за которым прятался Рик, и неожиданно выстрелил, целясь выше правого угла гроба. В это самое мгновение над противоположной стороной укрытия показались голова и плечи Рика. Он швырнул верхнюю часть искусственного туловища в голову Шторма и сделал это левой рукой.

Джаффа на миг потерял равновесие. Неуклюжий метательный снаряд был не таким тяжелым, чтобы сбить с ног — Шторм лишь отшатнулся, ударившись спиной об один из саркофагов. Но, обвинив мертвыми руками Джаффу за шею, как будто в нечеловеческой плоти еще жили рефлексy, искусственное тело Мыслителя помешало ему.

Рик рванулся. Никогда в жизни он не двигался так быстро. Ушибы, боль, накопившаяся усталость — ничто не имело сейчас значения. Он летел вперед.

Рик прыгнул на врага еще до того, как мертвая плоть распустила объятия и свалилась на пол. Шторм выстрелил, но луч прошел мимо, и в этот мгновение, ударив Джаффу ребром ладони по запястью, Рик вышиб смертоносный аппарат, а затем наложил свои забинтованные руки на то место, куда показывал при разговоре с Хью Сент-Джоном из телефонной будки.

Он не отпуская рук, полузакрыв глаза от счастья, словно кот, придавивший добычу, очень долго, когда в этом уже не было необходимости. Шторм умирал нелегко, но все-таки он умер.

— Инстинкт, — доверительно прошептал Рик, глядя в черное лицо своего партнера по игре в «кошки-мышки». — Понимаешь, я левша. Ты не знал об этом. Ты заранее представлял все, что я собирался сделать... Да только я левша! Вот ты и выстрелил не туда. Подвел инстинкт.

Собеседник молчал. Он больше не мог ничего ответить.

Глава 16

Итак, Шторм был мертв. Рик не сказал об этом Майо, когда развязывал ее. В такой момент слова не нужны. Они обнялись друг друга, Майо всплакнула, да и Рик тоже...

Наконец мир прекратил раскачиваться вокруг них. Рик поднялся и пошел по лаборатории осматривать машины. Неплохой механик, он смог сообразить, для чего предназначено большинство устройств — в пределах разумного, конечно. В кармане черного комбинезона, снятого с Джаффы, оставалось курево. Рик с отсутствующим выражением на лице достал сигарету и зажег ее.

— О чем ты думаешь? — спросила Майо.

Он не ответил. Девушка встала и медленно подошла к собранной Штормом коллекции механизмов.

— Он подробно рассказал мне о том, что произошло. Хью и Эран Мак смогут хорошо управлять планетой. Все будет в порядке, если дать им делать то, о чем они мечтали.

Рик молчал.

Майо подобрала из кучи маленькую трубку и направила на Рика.

— Ты не завладеешь Марсом. Я не позволю тебе играть с ним!

Рик постоял, глядя на девушку глазами, в которых не отражалось ничего, кроме бесстрастной холодности.

— Вчера я был в Каэр Эбра, — произнес он, словно беседовал сам с собой. — У Киры.

Майо озадаченно замерла, оружие дрогнуло в ее руке.

Рик, глядя на нее, расхохотался:

— А ты крепкий орешек, милая! Видит Бог, я допускаю, что ты в самом деле готова выстрелить. — Он отвернулся, пустив струю дыма под сверкающий купол. — Как мы отсюда выберемся?

— Я следила за Штормом и знаю, где находится пульт управления. Можно даже снова включить отпугиватель, если захотим. Но все же, Рик, что ты намерен делать?

— Ты мне доверяешь?

— Нет.

Рик вернулся к ней.

— А теперь? — спросил он через некоторое время.

— Еще меньше. О Рик, прошу тебя, не...

Он закрыл ей рот своими губами.

— Я ведь ничего не сказал, правда? А сейчас давай убираться отсюда.

В глазах Майо мелькнуло сомнение, но все же она согласно наклонила голову. Улучив момент, когда Рик не глядел в ее сторону, девушка сунула стреляющую трубку в карман своей одежды.

— Как поступить с этой кучей? — спросила она. — Здесь все чрезвычайно опасные предметы.

— Они очень долго были безопасными, побудут в таком состоянии еще немного. Переложим тяжесть проблемы на плечи Мака и Сент-Джона, и пускай они потеют.

— Так ты собираешься с ними встретиться?

— Угу. — Рик извлек из своего кармана энергоизлучатель, которым Шторм пытался его убить — маленькую призму в сверкающем треугольнике. Сосредоточенно хмурясь, он повертел приборчик в руках и присовокупил к остальному смертоносному барахлу.

— Где пульт, золотце?

— Нашим колпаком управляют вон оттуда. Или, может быть, тебе хочется выйти тем путем, которым пришел?

— Ну нет! Через город я не пойду.

Майо пошла открывать ворота, а когда вернулась, Рик обнял ее рукой за плечи, и они двинулись прочь из заколдованного города.

Некоторое время они таскали топливо из машины Джаффы в свой коптер и наконец поднялись в воздух. Неожиданно Рик заметил, что Майо тихонько плачет.

— Что случилось?

— Я думала о Кире. Шторм рассказал и об этом. Он способен на такое... Хорошо, что ты смог побыть с ней, когда...

— Да. Она умерла счастливой.

Несколько раз их машину пытались преследовать, но не могли тягаться в скорости. Рик впал в суровую задумчивость и рывкал на Майо всякий раз, когда та открывала рот. В конце концов девушка прекратила попытки заговорить и уселась, закрыв глаза, с горькими складками в уголках рта.

Рик врубил передатчик и вызвал Компанию. Оператор связи вылутился на него и лихорадочно защелкал тумблерами; через пару секунд показалось лицо Сент-Джона. Из-за его плеча выглядывал марсианин.

Увидев Майо, они оба чуть не влезли в экран. Особенно усердствовал мистер Хью. Рик мрачно наблюдал за их суетой.

«Парень совсем помешался на ней, — подумал Рик. — Кровь, небось, уж еле теплая, а он... Ландыш весенний!»

Ричарда Уркхарта будто не существовало. Только когда Майо поведала о Шторме, о Полярных Городах и о том, чем там Рик занимался, мистер Сент-Джон изволил обратить на него внимание.

— Рад вашему возвращению, — неуклюже изрек Сент-Джон.

— До чего изящно, — съязвил Рик. — Вы, как и раньше, ведете себя со мной вполне раскованно.

— Мы делали то, что нам казалось правильным...

— Отличное оправдание! — огрызнулся Рик. — И все сразу становится хорошо. Какая разница, как вы обходитесь с человеком, главное, что это кажется вам правильным. Правильным для кого? Только, ради Бога, не произносите слово «Марс», а не то я избью вас до полусмерти, как только приземлюсь.

Сент-Джон застыл с полуоткрытым ртом. Мак за его плечом ухмылялся и покачивал головой. Его глаза сияли.

— Я никогда не считал вас цыпленком, — вступил в разговор марсианин. — Молодец! Вернулся домой — и сразу на верхний на-сест! Скверно, что Майо с вами. Насколько было бы проще, если бы мы могли расстрелять вашу машину прямо над посадочной площадкой.

— Угу. Это одна из причин того, что я взял ее с собой. — Колокольчики в ухе марсианина слабо звякнули, и Рик невольно вжал голову в плечи. — Вы бы лучше попросили ребят из полиции не мельтешить перед носом. Я иду на посадку.

— Лучше садитесь на летное поле, — вмешался Сент-Джон. — Изуродуете вертолет, если попытаетесь сесть на территории. Мы придем за вами авто.

— А почетный эскорт?

— Будет и эскорт. Вооруженный.

— Я пришел к вам с миром, — произнес Рик. — Но вам следует побеспокоиться насчет того, с чем я буду уходить.

Сент-Джон кивнул, одарив его ледяным взглядом. Экран померк. Майо откинулась на спинку кресла и снова закрыла глаза.

— Рик, — тихо сказала она. — Я люблю тебя. Я пойду за тобой всюду, буду помогать абсолютно во всем, за исключением единственной вещи. Подумай об этом. Подумай как следует, прежде чем предпринимать что-либо.

— Я уже давно ничего другого не делаю, только думаю, думаю!..

После этого они не разговаривали. Рик направил машину на взлетное поле Компании, откуда некоторое время тому назад поднимался на корабле, разбомбившем планы Шторма. Их ждал автомобиль с эскортом джипов, набитых функционерами марсианского правительства. Рик покорно подвергся вежливому, но тщательному обыску. Оружия при нем не обнаружили. Майо шупать не стали.

Автомобиль плавно неся к комплексу строений Компании. Рик глядел на далекие башни Руха, высящиеся там, где со дна моря вздымались утесы; его глаза были холодны и бездонны, как кусочки янтарного льда.

Члены правительства, в большинстве своем рыхлотелые кабинетные политики, проводили их в здание, которое Сент-Джон занял вместо не существующего ныне административного корпуса. Хозяин встретил процессию у дверей и попросил эскорт удалиться. Те не хотели. Они пожирали Рика глазами, точь-в-точь как марсиане из Валкиса, но по другой причине. Внешне это выглядело так, будто их возмущает кощунственное похищение Обруча Власти, однако в действительности они беспокоились, что теперь произойдет с новым объединенным правительством и как это повлияет на их положение.

В конце концов они ушли, оставив Рика и Майо наедине с Сент-Джоном и Эран Маком. Марсианин занял излюбленное место на подоконнике с сигаретой в зубах, монотонно теребя ногтем мизинца колокольчики, и смотрел на Рика сквозь дым немигающим желтым ястребиным глазом.

Сент-Джон заключил Майо в объятия. Рик раздраженно отвернулся, не желая видеть их лица, и дал возможность обменяться тихими словами, пока устало устраивался в большом кресле и закуривал. Неожиданно он почувствовал себя старым, как сам Марс, и таким же изношенным.

— Не найду слов благодарности, — наконец обратился седовласый политик к Рiku. — Удивительная ситуация — я всем сердцем признателен — и одновременно желаю, чтобы вас здесь не было. Я боюсь вас, боюсь того, что, может быть, придется сделать.

— Что ж, по крайней мере, вы честны.

— Лукавить нет смысла. — Сент-Джон уселся за стол, доверху заваленный бумагами, и вздохнул, глядя на кипу документов. — Формирование нового правительства из того... гм-м, материала, которым мы располагаем, — непростое занятие. Я уже несколько раз был в Кахоре, а Мак истоптал все ноги, курсируя к штаб-квартире марсиан и обратно. Я решил остаться здесь, потому что тут находится средоточие основных проблем; думаю, что таким образом их будет легче решать. Кроме того, Компания тоже требует хлопот. Боже, что за дела творил Штурм!

Рик с наигранной ленюю взглянул на Сент-Джона:

— Понятно... Скажите, у вас уже имеется признание со стороны межпланетных властей?

— Пока нет. Но, без вопросов, мы его получим, учитывая обстоятельства.

— То есть учитывая все обстоятельства, кроме одного, — поправил Рик.

Сент-Джон медленно поднял голову:

— Именно из-за этого вы и возвратились, так, что ли?

Рик аж подпрыгнул.

— О небо! — взревел он. — А за чем иным, как вы думаете, стоило сюда еще тащиться? Кто заварил всю эту кашу, в конце концов? Кто надрывался в проклятой шахте, получая зуботычины от инженеров и десятников? — Он выбросил вперед руки; бинты соскочили, обнажив свежие рубцы. — Скажите, кого пришилили к стене в Тронной зале, вас или меня? Это на вас Бейдах надел Обруч Власти или все-таки на кого-то другого? Это вы убедили марсиан и землян выступить вместе, чтобы пролитая кровь сделала их братьями? Вы совались в Воровской квартал, рискуя получить нож в спину, и наконец это вы подняли корабль и обрушили на голову Джаффе Штурму?!

От его крика дрожали стекла, лицо было полно слепой ярости, жилы вспухли на лбу и на висках. Неожиданно Рик замолчал и стал бегать взад и вперед по комнате. Когда он заговорил снова, слова выходили только сдавленным шепотом.

— Черт побери, я отдал слишком много, Сент-Джон, вы понимаете? Кровь и пот, страх смерти... А вы в это время сидели... и мечтали. И если вы с Эран Маком думаете, что могли избавиться от меня, ударив по башке и всучив пятьдесят тысяч кредиток, то вы просто идиоты!

Он гневно рассмеялся и встал так, чтобы видеть лица обоих.

— Вы довольны, святой Джон? А вы, Мак?

Наступило тягостное молчание. Эран Мак невозмутимо курил, загадочный, словно марсианское море.

— Нет... я полагаю, — наконец отозвался Сент-Джон.

— Вопрос не в том, удовлетворены ли мы, — произнес Эран Мак, — а в том, можем ли мы сделать что-то для того, чтобы стать довольными.

Рик усмехнулся.

— Расскажи им, что там лежит под полярными колпаками и как с этими вещами намеревался поступить Шторм, — обратился он к Майо.

Майо рассказывала Сент-Джону и Маку, но глаза ее, как и глаза марсианина, были прикованы к лицу Рика.

Рик дал время обдумать информацию. Новость очень не понравилась, мысль обо всей этой мощи уничтожения напугала обоих правителей. Сент-Джон протянул было руку к кнопке телеэкрана, но отдернул ее.

— Не стоит. На вашем месте я бы пока не заходил в доверии к марсианам так далеко, — сказал Рик со смешком. — Конечно, хорошо, что в распоряжении есть такая сила. Но мне нет надобности использовать ее.

— Напоминаю, вы здесь пленник, — быстро вставил Эран Мак.

— О да, безусловно. Я им был и на «Мэри Доу». Человек, пройдя через некоторые вещи, становится равнодушным. Я уже сказал, что не нуждаюсь в этом оружии.

Он стоял позади Майо и, неожиданно обхватив ее одной рукой за шею, другой вытащил трубку, которую та спрятала. Затем отпустил девушку, сделал шаг назад и навел трубку на кресло. Тонкий розовый язычок показался из отверстия и лизнул несчастную мебель. Кресло испарилось, оставив после себя горстку пыли.

— Это называется «дезинтегратор», — менторским тоном произнес Рик. — Вот теперь самое время включить телеэкран. Все-планетную сеть, поняли? Расскажите, что на самом деле произошло в ночь после победы.

Майо медленно встала, глядя на Рика помертвевшими глазами.

— Вы отдаете себе отчет, к чему это приведет? — растягивая слова, спросил Сент-Джон.

— А как же! Ваши утки окажутся жареными. Бескорыстные спасители планеты не могут летать с такими обгорелыми перышками. Ну-с, господа хорошие?

— Погодите немного, не стоит спешить, — попросил Сент-Джон. — Люди борются тем способом, который приносит победу. Верите вы или нет, но мы с Маком вели себя честно. Не забывайте про пятьдесят тысяч, которые лежат на вашем счету.

— На моем счету ни гроша. Я за них купил ключ от наручников на «Мэри Доу».

Эран Мак свистнул:

— Выходит, это так много значило для вас! — Он слез с подоконника и выпрямился. — Что же вы хотите взамен Марса?

— А что вы можете мне дать вместо планеты? — парировал Рик.

Сент-Джон, Эран Мак и Майо не отрывали глаза от Рика. Тот стоял, сдвинув брови, упрямо сжимая челюсти, надувшись и пряча взор. Он боялся посмотреть в лицо Майо.

Сент-Джон вздохнул и медленно, будто состарившись на сто лет, протянул руку к кнопке телеэкрана.

— Стойте! — вдруг резко воскликнул Рик.

Троица замерла, глядя на капризного хозяина планеты. А у того проступил на лице пот и дрожали руки.

— Подождите... Вчера в городе Казр Эбра умерла девушка по имени Кира... Она умирала и улыбалась; она сказала, что оживет вновь на возрожденной планете и вспомнит, что помогла сотворить новый Марс. Помогла мне сделать это! А ведь я, видит небо, действительно создал новый Марс! Я собрал разрозненные горстки пыли и слепил единый мир! Я — и никто больше! Никто другой не смог этого сделать.

Рик замолчал и провел ладонью по глазам.

— Не знаю, почему я был таким упрямым. Не знаю также, оживет ли Кира вновь и, если оживет, вспомнит ли обо мне. Но если да... Майо, подойди сюда.

Девушка приблизилась; в ее глазах зажегся свет.

— Послушай, Майо. Ведь в пророчестве именно это и имелось в виду! Моя тень над Марсом останется навсегда, ибо я слепил Марс воедино собственными руками. Я много думал, Майо. Я мог бы стать властелином мира; во всяком случае, мог бы, дьявол побери, попытаться сделать это. Выдвинуть планету досуха. Но... Есть ведь еще и другие миры, я пока что молод, и... — Рик прижал девушку к себе. — Разве это имеет значение, Майо? Лучше обладать тобою, чем Марсом. Я раньше говорил, что ты — моя часть, и если не будет тебя, ничто остальное, что бы я ни приобрел, мне не нужно. Сказать еще одно? Все время, пока я пробивался сюда, я думал на самом деле не о Марсе. Я думал о тебе.

— Я знала, что у тебя есть душа, только ты должен был ее найти... — прошептала девушка.

Рик приблизил свои губы к ее губам.

— Бог с ней, с моей душой. Я нашел тебя. — И он крепко сжал объятия.

Сент-Джон и Эран Мак деликатно отвернулись.

— Другие миры... — бормотал Рик. — Всегда есть неизведанное. Пояс астероидов и даже сам Юпитер. Корабли с каждым годом становятся все мощнее, и будут нужны первопроходцы. Если только ты не захочешь остаться здесь, без меня...

Она мягко прикрыла ему рот рукой. Рик вырвался, смеясь:

— Я, наверное, сумасшедший. Смотрю на Сент-Джона, сидящего за заваленным макулатурой столом и уже заработавшего

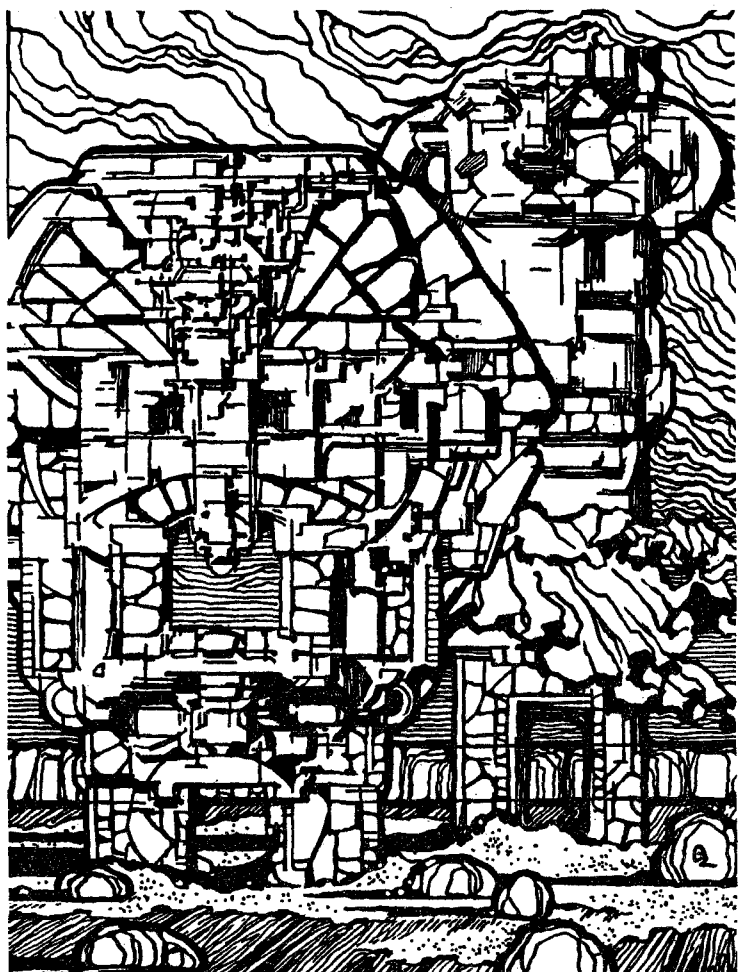
мешки под глазами от всякой там политики, хартий, вымогательств на якобы общественные нужды, и радуюсь, что мне не нужно всем этим заниматься. О таких вещах я тоже думал. Прокладывать первый след — почетно, зато строить дорогу по свежей колее — тяжелая, но скромная работа, и этим можно позволить заниматься кому-то другому.

Он шагнул вперед, не выпуская Майо из объятий.

— Хорошо, ребята, расхлебывайте свое горюшко. Но не думайте, что свободны от шантажа. Я хочу расколоть вас на самый лучший корабль, оборудованный по последнему писку, с соответствующей командой, и на эксклюзивные торговые права в зоне Пояса. И вот еще что...

Рик покраснел и понизил голос:

— На тот случай, если Кира вернется... Пусть путь будет хорошим. Постарайтесь, когда будете строить, ладно? Я хочу, чтобы ей было приятно вспомнить обо мне и отметить, что моя тень над Марсом — добрая тень.

ЛЮДИ ТАЛИСМАНА

Глава 1

Всю долгую холодную ночь марсианин молчал и лежал не шевелясь. Еще в сумерки Эрик Джон Старк привел его в разрушенную башню, закутал в одеяло и уложил на снег. Из сушняка он развел костер, и теперь оба они молчали, одинокие на огромной равнине, опоясывающей северный полюс Марса.

Перед рассветом Камар-марсианин заговорил:

— Старк...

— Да?

— Я умираю.

— Да.

— Я не увижу Кушата.

— Да.

Камар кивнул и снова умолк.

Подул ледяной северный ветер, но полуразрушенные стены преградили ему путь — мрачные, огромные, без крыш, они были такие высоченные, что скорей походили на гранитные утесы, а не на стены. Если бы не Камар, Старк не подошел бы сюда и на пушечный выстрел. Что-то в них было не так; Старку чудилось здесь нечто дьявольское и полузабытое.

Высокий землянин печально посмотрел на Камара.

— Каждый хочет умереть дома, — сказал Камар.

— Мне очень жаль тебя.

— Хозяин всемогущ, он не назначает встреч. Нет. Не для того я вернулся в Северные земли... — Лицо марсианина исказила гримаса. — Не увижу Кушата...

Старк владел марсианским языком почти так же свободно, как и Камар; он сказал спокойно:

— Я знаю, на душе моего брата лежит груз более тяжкий, чем гнет смерти. — Он подался вперед и положил большую ладонь на плечо марсианина. — Мой брат отдал свою жизнь за мою. А теперь я, если сумею, возьму на себя его груз. — Старк не желал

груза Камара, каким бы тот ни был. Но марсианин дрался с ним плечом к плечу — там, на юге, всю долгую партизанскую войну, среди непокорных племен у границы Сухих земель, и понимал, что делает, когда принял на себя пулю, предназначенную Старку. Они были друзьями.

Вот почему Старк принес Камара в этот суровый край, вот почему пытался добраться до города, где тот родился. Марсианина что-то терзало. Он боялся умереть раньше, чем доберется до Кушата.

Теперь выбора не осталось.

— На мне грех, Старк, — тихо произнес марсианин. — Я украл священную вещь.

Старк наклонился к нему пониже:

— Какую вещь?

— Ты явился издалека и ничего не знаешь о Бан Круаче и о талисмане; Бан Круаче оставил его, когда навсегда ушел за Врата Смерти.

Камар сбросил с себя одеяло и сел. Голос его окреп.

— Я родился и вырос в Воровском квартале под Стеной. Я гордился своим умением воровать, и талисман дразнил меня. Его хранили как зеницу ока; со времен Бан Круаче вряд ли кто-нибудь смог даже прикоснуться к нему. Да что говорить, все это было давным-давно. Люди тогда чтили обычаи и еще не забыли богов. «Хорошенько стерегите Врата Смерти, — говорил Бан Круаче, — это защита города. И всегда храните талисман, ибо наступит день, когда вам потребуется его сила. Ни один враг не проникнет в Кушат, пока талисман остается тут». Но я был вором, тщеславным вором, и я украл талисман.

Камар дотронулся до поношенного кожаного пояса, попытался нащупать выступ на поясе, но пальцы ему уже не повиновались.

— Возьми, Старк. Нажми вот здесь, с этой стороны, видишь, тут вырезана голова однорога?

Старк взял у Камара пояс и нажал на скрытую пружину. Круглая крышка на выступе отскочила. Внутри лежал какой-то предмет, завернутый в шелковый лоскут.

— Мне пришлось уйти из Кушата, — прошептал Камар. — Вернуться нельзя было и помыслить. Но дело стоило того: я получил талисман.

С благоговением, гордостью и раскаянием марсианин глядел, как Старк разворачивает лоскут.

Вообще-то его слова Старк не принял всерьез, но все равно он ожидал зрелища куда внушительней, чем то, что предстало пред его взором.

Это был виртуозно ограненный кристалл, дюйма четыре в окружности. И все же — лишь кусочек хрусталя.

Старк нахмурился, повертел его. Огранка была не простой. Кристалл, казалось, состоял из сплетения множества граней, сплетения невероятно сложного. Слишком сложного, подумал Старк, для того уровня техники, который должен был существовать при Бан Круаче. Он заметил, что кристалл, если долго на него смотреть, гипнотически завораживает.

— Как им пользоваться?

— Мы словно дети. Мы все забыли, — прошептал Камар. — Но в нем действительно заключена большая сила. Ты увидишь, Старк. Некоторые верят, что, если Кушату будет грозить опасность, камень вызовет Бан Круаче из-за Врат Смерти и он снова возглавит нас. Я не знаю.

— С той стороны Врат Смерти не возвращаются, как бы нам того ни хотелось, — сухо сказал Старк. — Может быть, у вас в Кушате эти слова имеют другое значение?

Камар ответил:

— Так называют проход, что открывается за Кушатом в Черных горах. Город охраняет его. Ни один человек не знает почему. Говорят, это великая тайна.

Во взгляде старого марсианина, устремленном на талисман, смешались гордость и боль.

— Ты хочешь, чтобы я отнес талисман в Кушат? — спросил Старк.

— Да, да! — Камар радостно посмотрел на Старка. Потом взгляд его омрачился, и он покачал головой: — Нет. На севере нет дорог для чужих. Со мной ты был бы в безопасности, но один... Нет, Старк. Ты и так уже достаточно рисковал. Уходи. Уходи с Северных земель, пока не поздно.

Он снова лег на одеяло. Старк увидел, как на его запавших веках появились голубоватые тени.

— Камар, — сказал он и повторил: — Камар...

— Да?

— Умри с миром, Камар. Я отнесу талисман в Кушат.

Марсианин вздохнул, улыбнулся, и Старк обрадовался, что пообещал ему исполнить долг до конца.

— Наездники Мекха — волки, — внезапно сказал Камар. — Они охотятся в ущельях. Будь осторожней.

Географию этой части Марса Старк представлял себе крайне смутно, но знал, что на севере, между ними и Кушатом, лежат горные долины. Камар рассказывал ему о горных воинах, и Старк заранее решил не лезть головой в петлю.

Камар не мог больше говорить. Старк понимал, что ждать ему осталось недолго. Голос ветра походил на игру органа. Луна скрылась, и в башне было очень темно, лишь слабо искрился снег.

Старк посмотрел на мрачные стены и невольно вздрогнул. В воздухе уже чувствовался запах смерти.

Он отогнал от себя мрачные мысли, склонился к огню и принялся изучать кристалл. Орнамент в виде ряда символов... Странный орнамент для короля варваров, жившего на заре развития Марса. Отблески огня играли на гранях, и казалось, что кристалл вбирает в себя свет. Потом он запылал белым дьявольским огнем и будто ожил в руках.

Старка захлестнула волна непонятного ужаса. Усилием воли он заставил себя отшвырнуть кристалл прочь. Та часть его сознания, которая с болью и усилием осталась цивилизованной, вынудила его сесть и обдумать, что же делать с талисманом, но в глубине души ему хотелось закинуть кристалл в снег, и как можно дальше.

Талисман. Завет давным-давно умершего короля, безопасность города. Кусок хрусталя, украшенный легендой и мистикой, — вот и все, что он собой представляет. Просто свет костра и бред Камара, да еще приближение смерти разбудили воображение. Всего лишь кусок самого обычного хрусталя...

И все же кристалл ярче и ярче разгорался в его руке, теплый и живой. Он приковывал к себе внимание и завораживал взор. Ветер бормотал в каменной впадине, и вскоре Старку показалось, что он слышит голоса; очень слабые и отдаленные, они вкрадчиво и незаметно проникали в его сознание. Он вздрогнул, охваченный суеверным страхом, и поднял голову. Потом вслушивался и вслушивался в тишину, однако слышал только вой ветра, сухой шорох снега и слабое дыхание Камара.

Старк посмотрел на кристалл и заставил себя не отводить взгляда — хотя при этом и отвернулся от костра, чтобы преградить к кристаллу доступ света.

Воображение, сказал он себе. В подобном жутком месте можно что угодно услышать и что угодно увидеть.

Но кристалл продолжал пылать, как будто теперь, когда свет был недостижим для него, он питался теплом живых человеческих рук. Светящиеся изнутри грани приковывали взгляд Старка к своим темным глубинам, что тянулись где-то вне пространства и, возможно, вне времени...

Тихие голоса заговорили вновь — зовущие, шепчущие звуки, которые шли из неправдоподобного далека, находящегося за миллион миль отсюда, такого далека, что ни одно ухо не должно было их слышать.

Но Старк их слышал. И слышал достаточно внятно, чтобы в конце концов что-то понять, а когда понял, он закричал и в слепом животном страхе отшвырнул кристалл прочь, потому что знал: откуда бы ни шли эти голоса и как бы ни были связаны они с Кушатом, принадлежать человеческим существам они не могли.

Кристалл упал в сугроб у самой двери и беззвучно исчез в нем. Старк сперва оцепенел, дрожа всем телом, но через минуту-другую неуверенно принялся ругать себя за глупость.

Голоса стихли, а он, затаив дыхание, пытался уловить их и убеждал себя, что всему виной его сверхчувствительность, стремление найти необычное и дьявольское в каждом, даже незначительном событии. Примитивный абориген был в нем еще силен. Он находил в себе его черты, часто считая их своим проклятием и очень редко — благословением. Полуголый мальчишка, который бегал с Тиком и остальными среди острых скал на краю Темной земли, все еще проделывал трюки с Эриком Джоном Старком.

Он неподвижно стоял, вслушивался в вой ветра, шелест снега, дыхание Камара...

Но дыхание Камара замерло.

Старк подошел и опустился перед другом на колени; теперь его обуревало желание отказаться от обещанного. Он сложил руки Камара на груди в ритуальном жесте и накрыл его лицо краем плаща.

Сделав прощальный жест, он поднялся и пошел туда, где упал талисман. Встал на колени, принялся разгребать снег... И вдруг однорог, привязанный снаружи у башни, проснулся и зашипел. Вдали послышался ответный крик.

Старк отчаянно и торопливо начал раскапывать сугроб, нащупал гладкую овальную поверхность талисмана, вытащил его, положил в тайник на поясе, разыскал возле костра фляжку и сделал из нее большой глоток.

Потом стал ждать.

Тихо ступая заросшими шерстью ногами, подошли мускулистые горные однороги, изящно двигаясь среди обломков и руин. Всадники — высокие мужчины со злыми глазами и красновато-коричневыми волосами — не проронили ни звука. На них были кожаные плащи, в руках длинные, прямые копыя. Силуэты во мраке вокруг башни...

Их было так много, что Старк и не подумал доставать пистолет. Еще очень юным он узнал разницу между отвагой и идиотизмом.

Старк пошел им навстречу; он двигался достаточно медленно, чтобы в него не метнули копыя, но не настолько медленно, чтобы выказать страх. В знак приветствия он поднял правую руку.

Всадники не ответили — просто сидели на своих однорогах и смотрели. Старк понял, что Камар говорил правду.

Это были наездники Мекха, и они были волки.

Глава 2

Старк ждал, пока им самим не надоест молчать. Наконец кто-то спросил:

— Откуда ты?

— Я зовусь Н'Чака. Человек без племени, — ответил Старк.

Такое имя дали ему воспитатели — аборигены, которые подобрали выжившего после землетрясения сироту. Землетрясение лишило мальчика и родного дома, и людей, вырастивших его среди яркого света, грома и горьких туманов Сумеречного Пояса Меркурия. И оно, это имя, все еще казалось Старку единственным и настоящим.

— Чужой, — сказал главарь и улыбнулся, затем указал на тело Камара и спросил: — Ты убил его?

— Он был моим другом, — ответил Старк. — Я вел его домой, чтобы он умер там.

Двое всадников спешили и осмотрели тело. Один из них обратился к главарю:

— Он был из Кушата, если я понимаю в племенах, Тхорд! И его не ограбили. — Он тут же постарался исправить это упущение.

— Чужой, — повторил главарь Тхорд. — Направлялся в Кушат с человеком из Кушата. Что ж, чужак, пошли.

Старк пожал плечами. Острия длинных копий были направлены на него, и он не стал сопротивляться, когда высокий Тхорд отобрал все вещи — кроме одежды и пояса Камара, не стоивших того, чтобы их отбирать. Пистолет Тхорд презрительно отшвырнул прочь.

Кто-то отвязал однорогов Старка и Камара, привел их, и Старк взбрыкнул на своего. Однорог не любил запаха землянина и всегда отчаянно сопротивлялся. Сразу за пределами защитных стен на них набросился яростный ветер.

Оставшуюся часть ночи, следующий день и всю следующую ночь они скакали на восток, останавливаясь лишь для того, чтобы дать отдохнуть животным и поесть вяленого мяса. Старк, пленник, в полной мере сознавал, что это — Северная страна, на полмира отстоящая от Марса, космических кораблей, торговцев и гостей с других планет.

Будущее так и не коснулось этих диких гор и суровых равнин. Их не коснулось даже настоящее. Прошрое крепко держало замерзшие земли в своих руках.

Далеко на севере над линией горизонта сверкала под бледным небом глыба полярного льда, а ночью звездный снег отражался в ней холодными сполохами. Ледяной, никогда не утихающий ветер все дул и дул по горным ущельям и равнинам. То тут, то там попадались загадочные башни, полуразрушенные каменные гиганты. Кто, когда и для чего их построил?.. Люди Мекха ничего не смогли поведать о башнях Старку и сами, казалось, старались их избегать.

Тхорд ни слова не сказал Старку о том, куда его везут и зачем, а Старк специально не спрашивал. Это выглядело бы как проявление страха. Поскольку ничего другого ему не оставалось делать, он, как пойманное животное, запасся терпением и просто ждал.

Но порой ждать становилось особенно трудно. Он чувствовал себя неуютно в поясе Камара, не переставал думать о талисмани и гадал, что же из необъяснимого подсказало ему воображение, а что существовало на самом деле. Думы эти все больше тревожили его. Сейчас ему хотелось только одного: как можно быстрее добраться до Кушата и избавиться от талисмана.

В середине второго дня они въехали в заснеженное ущелье. Впереди лежала узкая долина. Старк посмотрел вниз и увидел, что в долине, насколько хватал взгляд, сновали люди и животные, горели костры. Людей было несколько тысяч. Разбившись на сотни, они устроили лагерь под скалами. Их голоса в прозрачном воздухе сливались в визгливый гомон, который оглушал после равнинной тишины.

Армия, собирающаяся перед началом оттепели.

Старк улыбнулся. Интересно бы встретиться с предводителем этой армии, подумал он.

На узкой каменной тропе ветер стих: путь ему преграждали каменные стены равнины. Спустившись вниз, отряд направился вдоль лагеря.

Снег здесь подтаял от жара костров и смешался с землей. В лагере не было женщин, не было и следа той обычной веселой толпы, что следует за армией варваров. Здесь были только мужчины, горские воины-убийцы, у которых никогда не дрогнет рука и которые ни о чем не думали, кроме битв.

Они выходили из своих укрытий, приветствовали Тхорда и его людей, смотрели на незнакомца. Тхорд был доволен тем, что его так встречают, и даже покраснел от сознания собственной важности.

— У меня нет для вас времени! — крикнул он, озираясь по сторонам. — Я должен поговорить с вождем Киараном.

Старк, стараясь держаться невозмутимо, следовал за ним.

Они подъехали к большому укрытию — значительно крупнее остальных, но построенному по такому же типу и такому же неудобному. В снег у входа было воткнуто копьё, с него свисало черное полотнище с серебряной полосой, светящейся в темноте. Рядом стоял щит с тем же символом. Охраны не было.

Тхорд спешился, кивком головы велел Старку слезть с однорога. Объявляя о своем прибытии, он постучал по щиту рукояткой сабли.

— Вождь Киаран! Это Тхорд с пленником.

Изнутри ему ответил монотонный и странно приглушенный голос:

— Входи, Тхорд!

Тот отодвинул полог, загораживающий вход, и вошел. Старк последовал за ним.

Тусклый дневной свет не проникал вовнутрь, а факел еле освещал помещение, и от него распространялся резкий масляный

дух. Каменный пол устилали шкуры — такие старые, что кое-где протерлись до дыр. Из мебели здесь стояли только кресло и стул, оба потемневшие от времени, а в дальнем углу лежала груда шкур, и поверх был накинут на них старый ковер.

В кресле сидел человек.

В неверном свете факела он казался очень высоким. Его худое тело было облачено в черную кольчугу, под ней виднелась черная кожаная туника. На коленях у человека лежал топор, огромный и страшный. Но руки держали его свободно, как любимую игрушку.

Голову и лицо человека закрывало приспособление, известное Старку лишь по старым картинкам. Однако он узнал его: древняя боевая маска королей Внутренних территорий Марса; сделанная из темной сверкающей стали, с прорезями для глаз и рта, она превращала человека в совершенно нечеловеческое существо. На макушке и на затылке от нее отходили тонкие витые металлические прутья, похожие на темные распростертые крылья.

Внимание вождя было приковано к Эрику Джону Старку, а не к Тхорду.

Из-под маски послышался глухой голос:

— В чем дело?

— Мы охотились в ущельях на юге, — сказал Тхорд. — Увидели огонь...

И он рассказал о том, как они нашли незнакомца и мертвого человека из Кушата.

— Кушат, — тихо произнес вождь. — А!.. Зачем, незнакомец, ты ехал в Кушат?

— Меня зовут Старк. Эрик Джон Старк, землянин с Меркурия. — Он устал от всей этой затянувшейся истории, и его раздражала черная маска. — А почему бы мне не ехать в Кушат? Что, это нарушает какой-нибудь закон? И человек не может туда спокойно проехать без того, чтобы не подвергнуться допросу? И при чем тут люди Мекха? Они не имеют с этим городом ничего общего.

Тхорд, затаив дыхание, слушал. . .

Руки Киарана застыли на топоре — нежные руки, гладкие и тонкие. Они казались слишком хрупкими для такого оружия.

— Мы сами решаем, что нас касается, а что нет, Эрик Джон Старк. — Голос вождя был странно мягким. — Я задал тебе вопрос: зачем ты едешь в Кушат?

— Затем, — так же сдержанно ответил Старк, — что мой друг хотел умереть дома.

— Странно отправляться за смертью в такой долгий путь. — Черная маска подавалась вперед, будто в голову вождю пришла какая-то мысль. — Одни лишь преступники или ссыльные оставляют свои города и кланы. Почему твой друг ушел из Кушата?

Внезапно из кучи ковров, что лежала в темном углу, послышался голос. Мужской голос, глубокий и хриплый, странно отмеченный то ли возрастом, то ли безумием.

— За многие годы всего трое людей, не считая меня, покинули Кушат. Один умер во время наводнения, другой попал зимой на движущиеся льды, третий жив. Это вор по имени Камар, который украл талисман.

— Моего друга звали Грамши, — сказал Старк. Кожанный пояс висел на нем тяжелым грузом, а железная коробочка огнем жгла живот. Теперь ему стало страшно.

Вождь Киаран, не обращая внимания на Старка, заговорил вновь:

— Это был священный талисман Кушата. Город без него, как человек без души.

Как Завеса Танит для Картага, подумал Старк; он вспомнил судьбу города после того, как Завесу украли.

— Городская знать боялась собственного народа, — продолжал человек в броне. — Она не осмелилась сказать горожанам, что талисман исчез, но мы об этом знаем.

— И вы, — произнес Старк, — нападете на Кушат до оттепели, когда там меньше всего ждут нападения.

— У тебя острый ум, незнакомец. Да. Но даже в этом случае городскую стену будет трудно преодолеть. Если бы я пришел туда с талисманом Бан Круаче в моих руках...

Он не закончил фразы и повернулся к Тхорду:

— Что ты нашел, когда обыскивал мертвеца?

— Ничего, вождь. Несколько монет и нож. Не стоило и брать.

— А ты, Эрик Джон Старк, что взял ты?

— Ничего, — ответил тот и не соврал.

— Тхорд, — сказал вождь Киаран, — обыщи его.

Улыбаясь, Тхорд приблизился к Старку и распахнул на нем куртку.

Землянин мгновенно двинулся вперед. Ребром ладони он ударил Тхорда в ухо. Прежде чем тот упал, Старк ухитрился схватить его за руки и опустил обмякшее тело на каменный пол.

Потом выпрямился. Глаза его сверкали.

— Этот человек уже обобрал меня один раз — и хватит, — сказал он.

Снаружи затопали люди Тхорда. Сразу трое застряли в двери, у одного из них было копьё. Старк вышиб копьё у него из рук. Он молча оборонялся древком — слышно было только, как дерево стучит об их черепа. Отшвырнув бандитов от двери, Старк презрительно бросил копьё вслед полумертвым варварам.

— А теперь, — сказал он вождю Киарану, — может, поговорим, как мужчины?

Человек в броне искренне рассмеялся, будто зрелище доставило ему массу удовольствия.

Из-под маски он взглядом изучал лицо Старка, потом посмотрел на мрачного побабровевшего Тхорда.

— Уходи, — сказал ему вождь Киаран. — Я буду говорить с незнакомцем.

Тхорд выхватил саблю:

— Вождь, это опасно...

— Мой приятель позаботится обо мне, — сказал Киаран, хлопывая по лежащему у него на коленях топору. — Я смогу защитить себя лучше, чем ты. Ступай.

Тхорд вышел.

Человек в броне смотрел из-под маски на Старка и молчал; тот тоже смотрел, не отрываясь, и тоже молчал. А груды тряпья в углу вдруг зашевелились, распрямились и превратились в высокого старика с растрепанными волосами. Сквозь длинную косматую бороду просвечивали кости, обтянутые желтой кожей, а глаза старика походили на яркие точки огня, будто внутри зрачков горели угли.

Старик клубком свернулся у ног вождя Киарана, не сводя глаз с землянина.

Человек в броне наклонился вперед:

— Я кое-что скажу тебе, Эрик Джон Старк. Я — незаконно-рожденный, но в моих жилах течет королевская кровь. Я вынужден собственными руками добывать себе имя и положение. И я добьюсь того, что мое имя прогремит по всей Северной земле. Я захвачу Кушат. Тот, кто овладеет Кушатом, овладеет властью и богатством, которые лежат за Вратами Смерти. Бан Круаче появился из ниоткуда и превратил себя в полубога. Я сделаю то же самое.

Старик прокудахтал:

— Я, Отар, сказал тем, в Кушате, что пришла пора подняться и вернуть былое могущество. Тогда талисман еще находился у них, и сделать это было легко. Город умирает, сказал я, это последний шанс выжить!.. Но они были полны презрения. Только рассмеялись и заковали меня в цепи. Теперь они будут смеяться по-другому... Ха! Как они будут смеяться!

Старк с отвращением смотрел на него, но, как и Киаран, был слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на старика.

А вождь тем временем заявил:

— Теперь город оголен. Я возьму его, с талисманом или без, и выйду за Врата Смерти. Вот тогда посмотрим, что там такое. — Он помолчал, глядя из-под черной маски на Старка. — Поедем со мной. Достань талисман, если сможешь, и будь моей защитой. Еще никому не предлагал я такой чести.

— Почему ты выбрал меня? — медленно спросил Старк.

— Мы одной крови, Старк, хоть ты и чужеземец.

Холодные глаза Старка сузились.

— А что скажут на это твои красные волки? И что скажет Отар? Взгляни на него, он и так уже окаменел от ревности, он боится, что я скажу «да».

— Думаю, ты их не боишься.

— Наоборот, — произнес Старк. — Я так осторожен, что ни с кем не заключаю сделки, пока не гляну в глаза. Сними свой шлем, Киаран. Потом, может, мы и поговорим.

Старик выдохнул со змеиным присвистом, а руки вождя Киарана плотнее сжали рукоятку топора.

— Нет, — прошептал он. — Никогда.

Отар поднялся в полный рост, и Старк впервые ощутил, какая сила кроется в теле этого старика.

— Ты хочешь посмотреть в лицо собственной гибели? — прогремел он. — Ты просишь смерти? Неужели ты думаешь, что лицо прячут за стальной маской просто так, без всякой причины? — Он оглянулся. — Мой господин, завтра к нам подойдет последний клан. Тогда мы сможем выступить, как и было задумано. Этот человек — лгун. Он знает, где талисман. Отдай его Тхорду, пусть с ним разберутся.

Черная маска не шевельнулась, но Старку показалось, что Киаран вздохнул.

Потом...

— Тхорд! — крикнул вождь и поднял топор.

Глава 3

В низине, защищенной от ветра, пламя костра поднималось высоко. Вокруг собрались воины. Дикие всадники горных долин Мекха и впрямь походили на волков. У них были взгляды хищников, и время от времени они скалили зубы в молчаливой усмешке.

— Чужак силен, — шептали они друг другу, — он наверняка переживет эту ночь.

На выступе скалы, завернувшись в черный плащ, сидел вождь Киаран и держал в руках свой огромный топор. Рядом с ним на снегу скрючился Отар.

В землю воткнули длинные копья. Их скрепили так, что получилось подобие эшафота, в центре которого висел человек. Очень высокий человек с железными мускулами. Его широкие плечи едва помещались между древками. Это был Джон Старк, землянин, прилетевший с Меркурия.

Его уже немилосердно отхлестали плетью. Он провис под собственной тяжестью между копьями и дышал тяжело и хрипло; под ним на снегу алели пятна крови.

Тхорд держал в руке плеть. Варвар сбросил свой плащ; тело его, несмотря на холод, блестело от пота. Он бил жертву с наслаждением, и длинный кнут пел и стонал в его руках. Тхорд гордился своим искусством истязать.

Старк даже не вскрикнул.

Тхорд отступил. Он вытер с лица пот и посмотрел на вождя Киарана; черная маска кивнула ему.

Тхорд отбросил кнут, подошел к высокому человеку, схватил за темные волосы и приподнял его голову.

— Старк, — прохрипел он и яростно дернул голову своей жертвы. — Эй, чужак!

Старк открыл глаза. Тхорд вздрогнул — Старк глядел на него, как глядит на охотника снежный кот, пойманный в ловушку. Тхорду показалось, что он говорит не с человеком, а с хищником.

— Старк, — повторил он, — где талисман Бан Круаче?

Землянин молчал.

Тхорд рассмеялся. Он посмотрел на небо — там плыли низкие облака.

— Прошло только полночи. Думаешь, ты доживешь до утра?

Холодный, жесткий, равнодушный взгляд был ему ответом. Старк молчал.

Его гордость рассердила варвара. Тхорд почуял насмешку — насмешку над ним, таким уверенным в себе и в свою способность развязывать языки. Казалось, взгляд Старка говорил: я уже опозорил тебя перед хозяином, вождем Киараном, теперь я снова тебя опозорю.

— Думаешь, я не заставлю тебя говорить? — вкрадчиво начал Тхорд. — Ты меня не знаешь, чужак. Я заставлю говорить даже скалу! — Левой рукой Тхорд вытащил нож.

Вождь Киаран шагнул вперед:

— Подожди, Тхорд!

— Да это сам дьявол! — прошипел тот. — Колдун, оборотень, зверь!

Варвар бросился на Старка.

Человек в маске мгновенно устремился вперед, и его огромный топор, сверкнув в воздухе, вонзился в шею Тхорда у самых плеч.

— Повиноваться надо мне, — отчеканил Киаран. — Я не потерплю страха ни перед Богом, ни перед человеком, ни перед дьяволом. — Он указал на Старка: — Развяжите его и проследите, чтобы он не умер.

Киаран отошел, а Старк начал смеяться.

Ему казалось, что его собственный резкий, дикий хохот доносится откуда-то издалека. Во рту Старка было полно крови, сводило с ума холодное бешенство.

Но его движения направляла чисто животная хитрость. Голова Старка упала на грудь, тело безжизненно повисло. Можно было подумать, что он мертв.

К нему подошли несколько человек. Он слышал их шаги. Люди эти были напуганы и нерешительны. Старк не шевелился, и они набрались смелости и подошли ближе; кто-то осторожно ткнул его острием пикой.

— Ткни посильней, — посоветовал другой. — Надо проверить.

Острие вонзилось поглубже. Несколько капель крови выступило на теле землянина и упало туда, где уже текла кровь после пытки. Старк не шевельнулся.

Человек с пикой проворчал:

— Готов.

Старк почувствовал, что его пути разрезают. Он ждал. Наконец все разрезали. Старк был свободен.

Он не упал. Он не упал бы, даже если б оказался смертельно ранен. Он весь подобрался и вскочил на ноги. В первом броске он схватил человека с пикой и швырнул его в костер. Потом, оставляя за собой кровавый след, стремглав побежал в сторону холмов.

Кто-то кинулся ему наперерез. Старк увидел тень копыя и вильнул в сторону, обеими руками вырвал копые у нападавшего, ударил своего преследователя древком и побежал дальше.

Внезапно дорогу преградили люди, и он плотнее сжал рукоять длинного копыя. Оружие было хорошее, получше, чем палка, с которой он еще мальчишкой охотился в горах на гигантских ящериц.

Старк орудовал копьём удивительно ловко. Атаки варваров он не боялся. Многие были вооружены лишь ножами — Старк слишком внезапно ожил и застиг их врасплох. И еще — они боялись его. Он буквально кожей чувствовал их страх, страх не перед человеком, а перед существом более ничтожным или более великим, чем сам человек.

Он убивал и был счастлив.

Старк вырвался из разомкнутого круга. Теперь путь ему преграждали лишь двое всадников, которые стерегли табун.

Они были верхом, поэтому чувствовали себя смелее; они не боялись даже оборотня и бросились навстречу врагу. Копыта их однорогов громко цокали по мерзлому грунту.

Старк на бегу метнул копые. Оно попало в наездника и сбило его, тот упал прямо под копыта второго однорога. Однорог споткнулся, попятился, зашипел, всадник на нем растерялся, и Старк проскочил мимо.

Он быстро оглянулся. В суетящейся, орущей толпе различалась фигура в черной кольчуге и в маске. Вождь держал наизготове топор и мчался вперед огромными прыжками.

Старк почти подбежал к табуну... И тут однороги почуяли его запах. Однороги Северных земель терпеть не могли запаха землянина, а теперь от Старка пахло еще и кровью, и животные пришли в ярость. Они начали тревожно шипеть и фыркать, сбились в кучу и смотрели на него блестящими глазами. Он налетел на них прежде, чем они бросились бежать.

Старк был достаточно проворен и схватил животное за основание рога. Однорог яростно сопротивлялся, однако человек вскарабкался ему на спину, прищипорил и, когда животное понеслось, издал такой дикий вопль, что все остальное стадо замерло от ужаса.

Потом стадо начало разбегаться в стороны.

Старк низко пригнулся к чешуйчатой спине, оглянулся и увидел, как люди Мекха отступают, а испуганные однороги со всех сторон теснят их. Кто-то упал. Однороги хрипло ревели и метались по лагерю, словно ураган, ломая и круша все вокруг. Старк на ходу сорвал с кого-то плащ, а потом, жестоко дергая рог животного и нанося ему безжалостные удары по голове, заставил его повернуть туда, куда ему было нужно — вниз, в долину.

Краем глаза он увидел, что вождь Киаран после долгой борьбы сумел было оседлать однорога, но тут на него налетел клубок катящихся тел и увлек за собой.

Однорог Старка мчался во весь опор. Казалось, он хотел убежать из-под окровавленного чужака, который вцепился ему в спину. Последние лагерные строения исчезли из виду, и впереди во мраке ночи открылся чистый снежный ковер долины. Однорог продолжал нестись вперед, и из-под брюха у него вылетали белые снежные искры.

Старк устал и обмяк, дикая схватка обессилила его. Он признавал, что дела плохи, что раны кровоточат, а все тело пронзает жестокая боль.

В это мгновение он острее, чем все последние часы, ненавидел черного вождя кланов Мекха.

Старк скакал по долине как в кошмарном сне. Он смутно понимал, что пронесится между каменных строений; потом те внезапно расступились, и неведомо откуда, словно гигантский молот, ударила струя ветра.

На открытом месте однорог начал замедлять бег, потом перешел на шаг и наконец остановился.

Сейчас Старку хотелось лишь упасть на землю и умереть, но после всего, что было, подобный конец казался глупостью. Кроме того, вождь Киаран мог найти здесь тело, и такая находка его бы очень обрадовала.

Старк зачерпнул горсть снега и приложил его к своим ранам. В первый миг он чуть не потерял сознание, но кровотечение прекратилось, а потом стала затухать и боль.

Старк завернулся в плащ и снова направил однорога вперед, но на этот раз обращался с ним ласково. Однорог вздохнул и повиновался. Теперь животное бежало рысцой. Так оно могло бежать очень долго.

Три дня они ехали по вересковой долине. Часть времени Старк провел в забытье, часть — в лихорадочных размышлениях. Он старался как можно больше запутать следы, хотя ветер и так почти моментально заметал их. Часто он принимал за силуэты всадников выступы скал и прятался, пока не убеждался, что они не движутся. Его постоянно терзал страх потерять однорога. Оторвав от плаща полоску материи, Старк сделал поводок и конец поводка привязал к поясу Камара, по-прежнему стягивающему его талию. Теперь, если он падал или спешивался, однорог не мог от него убежать. А еще... еще Старк мечтал проснуться и увидеть перед собой вождя Киарана с топором наизготове...

Рассеянные вокруг полуразрушенные башни будто следили за чужаком внимательным взглядом. Старк к ним не приближался.

Он знал, что сбился с пути, но сделать ничего не мог. Может, это и было для него спасением. В мрачных краях, истощенных бесконечными наводнениями и туманами, довольно легко было преследовать человека по прямой. Однако чтобы отыскать беглеца в таком краю, требовалась особая удача, и на сей раз удача оказалась на стороне Старка. Дважды он издали видел верховых — возможно, людей Киарана, — и оба раза они проезжали мимо, пока землянин со своим однорогом прятался в укрытии. Но однажды вечером, на заходе солнца, Старк оказался на равнине, заканчивающейся крутым откосом, по которому шла лишь узкая тропа. Заходящее солнце поливало местность кроваво-красным светом — будто в начале тропы пылали дьявольские костры. Старку, начисто потерявшему способность логически мыслить, этот узкий проход показался дверью в убежище демона.

Он посмотрел на Врата Смерти, и в памяти его возникли смутные образы: воспоминание о том кошмаре, когда талисман принес ему эхо нечеловеческих голосов и прикосновения нечеловеческих рук.

Усталый однорог споткнулся, и Старк как во сне увидел город, обнесенный огромной стеной; город словно нес вечную вахту у Врат Смерти, плавно скользя к чужаку сквозь дымку.

Старк положил руку на пояс Камара, заостеневший от запекшейся крови, и почувствовал, как волна ненавистного жара — мягкого и жесткого одновременно — прошла по его телу.

— Я уничтожу тебя, — прошептал он, обращаясь к равнине и к тому всаднику в черной кольчуге, что скакал по ней где-то там, вдали.

Старк снова посмотрел на тропу и на сей раз не испытал страха. Пальцы его сомкнулись вокруг талисмана.

— Я уничтожу тебя, Киаран.

Он ехал и дрожал от нетерпения, и думал о той силе, что лежала за Вратами Смерти.

Глава 4

Старк стоял на высокой площади, окруженной бесчисленными лавками и тавернами. За ней виднелись здания, улицы — собственно, весь город. Ему показалось, что вокруг громоздятся множество больших мрачных домов из черного камня. Все они, наверно, очень древние, а многие и вовсе разрушены — целые кварталы лежали в руинах.

Он толком не помнил, как попал сюда. Помнил только городские ворота. Они были открыты, и он вошел в них, вроде бы вслед за охотниками, которые возвращались с добычей. Дальше в памяти был провал.

Но сейчас Старк стоял на площади, и кто-то вливал ему в рот кислое вино, а он жадно глотал. Вокруг толпились люди: яростно жестикулировали, болтали, задавали вопросы... Какая-то девушка крикнула: «Пустите его! Разве вы не видите? Разве не видите, что он ранен?»

Старк огляделся. Он уже почти пришел в себя. Сны кончились, реальность подступила вплотную, и реальной была худенькая, бедно одетая девушка с черными волосами и большими желтыми, как у кошки, глазами. Она держала в руках бурдюк.

Девушка улыбнулась и сказала:

— Я — Танис. Хочешь еще вина?

Старк отпил глоток и сказал через силу:

— Спасибо, Танис.

Чтобы не упасть, он положил руку ей на плечо — неожиданно крепкое и сильное. У Старка кружилась голова, все вокруг казалось причудливым и странным, но вино подарило удивительную жизнерадостность, и ему страшно захотелось, чтобы так было всегда.

Толпа еще бурлила вокруг, разрасталась и множилась, а потом раздался дружный топот нескольких пар марширующих ног. Небольшой вооруженный отряд прокладывал себе дорогу.

Очень молодой офицер — щит его блестел так, что было больно смотреть, — немедленно захотел узнать, кто такой Старк и зачем он сюда явился.

— Никто не ходит через пустыни зимой, — заявил офицер таким тоном, как будто само нарушение этого обычая уже таило в себе дьявольский замысел.

— Клан Мекхов кочует, — сказал Старк. — Через день или два сюда подойдет армия, которая хочет овладеть Кушатом.

Толпа подхватила эту новость. Взволнованные голоса передавали ее дальше, в задние ряды, и потребовали, чтобы Старк продолжал говорить.

— Я должен немедленно увидеть вашего капитана.

— Скорее всего ты увидишь его в тюрьме! — отрезал молодой офицер. — Что это за чепуха насчет Мекха?

Старк молча посмотрел на него. Он смотрел так долго и с таким любопытством, что в толпе послышались смежки, а нежное лицо офицера залилось краской.

— Я много воевал, — спокойно произнес Старк, — и давно знаю: надо выслушать того, кто хочет предупредить тебя об опасности.

— Отведи его лучше к капитану, Лу! — крикнула Танис. — Если будет война, то нам тоже достанется.

В толпе послышались выкрики: кричали бедняки, закутанные в поношенные плащи или изодранные кожаные накидки. Они не любили охрану. Будет война или не будет, для них зима все равно останется долгой и скучной, и они собирались развлечься этим происшествием.

— Веди его к капитану, Лу! Веди! Пусть расскажет все капитану!

Юный офицер моргнул. Вдруг кто-то, скрытый от взоров толпы, закричал:

— Пусть он предупредит знать! Пусть они там поломают себе голову, как защитить Кушат — теперь, когда талисман исчез!

Толпа взревела. Лу обернулся и, внезапно помрачнев, кивнул своим воинам. Солдаты подняли копья весьма неохотно, как показалось Старку, и двинулись на толпу, которая немного подалась назад и сразу умолкла. Зазвенел пронзительный и резкий голос Лу:

— Талисман на месте, не верите — идите и посмотрите. Вы что, не знаете, как наказывают за всякие там слухи и сплетни?

Наверное, девушка заметила, как удивился Старк: он поймал ее тревожный пристальный взгляд.

Тут Лу круто повернулся и указал на чужака:

— Поищите-ка у него оружие.

Один из солдат шагнул вперед, но Старк оказался проворнее. Он расстегнул ремень, плащ сполз с его плеч и обнажил верхнюю часть туловища.

— Варвары отобрали у меня все, что было, — сказал он. — Зато кое-что оставили взамен.

Люди смотрели на полосы от кнута, крест-накрест на его теле, и в толпе послышались удивленные возгласы и бормотание.

Солдат поднял плащ и накинул Старку на плечи, а Лу угрюмо буркнул:

— Ну, пошли, отведу тебя к капитану!

Девушка придвинулась к Старку, помогла застегнуть плащ. Он услышал ее быстрый горячий шепот:

— Ничего не говори о талисмане. Если хочешь жить...

Солдаты снова построились. Девушка отошла в сторону, но Старк не дал ей уйти:

— Спасибо тебе, Танис. Хочешь со мной? Мне одному трудно идти.

Она подошла к нему поближе, улыбнулась и позволила опереться на свое плечо.

Старк задумался. Камар явно не лгал. И Отар, и Киаран были уверены в том, что талисман исчез. И все же этот юный хлыщ утверждал, что талисман на месте и каждый может его увидеть. Даже угрожал наказать всех, кто станет это отрицать!

Вспомнилось: Киаран говорил что-то насчет того, что знать Кушата боится, как бы люди не узнали правду. Не удивительно, подумал Старк. Для того чтобы обмануть народ, подмена — самый надежный способ. В любом случае, решил он, лучше вести себя так, как велела эта девушка.

Он начал лихорадочно думать, как не проболтаться, как не упомянуть не только о Камаре, но и об Отаре, и об уверениях Киарана, что Кушат беспомощен и беззащитен. Опрометчивое слово, сказанное не тому, кому нужно... Он слишком измучился, чтобы представить, чем все это может кончиться. Но одно он знал твердо: талисман здесь, в Кушате, по иронии судьбы таил в себе не меньшую опасность, чем в лагере Киарана.

Капитан охраны оказался тучным и пожилым. От него сильно пахло вином. Лицо его избородили морщины, но волосы еще не поседели. Капитан сидел в сторожевой башне, которая возвышалась над пропастью. Старка он окинул взглядом без особого интереса.

— Ты хотел что-то сообщить, — сказал Лу. — Выкладывай.

Старк начал говорить, тщательно подбирая слова. Капитан выслушал его рассказ и посмотрел на Старка внимательно и остро:

— Ты, конечно, можешь все это подтвердить?

— Вот мои раны. Вождь Киаран сам руководил расправой.

Капитан вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Любая шайка охотников могла бы тебя так отделать. Известный бродяга, явившийся Бог знает откуда, из тех, кому закон не писан... Выдумываешь ты все! — Он потянулся к бутылке с вином и добавил с улыбкой: — Послушай, чужестранец! В Северных землях не воюют зимой, и никто никогда не слышал о Киаране. Если ты хотел получить от города награду, то даже не надейся.

— Вождь Киаран, — сказал Старк, с трудом сдерживая гнев, — будет у твоих ворот через два дня. Тогда ты о нем услышишь.

— Возможно. А ты подождешь его прибытия в камере. После наступления оттепели уйдешь из Кушата с первым же караваном. У нас здесь и так хватает всякого сброда.

Танис схватила Старка за край плаща и потянула назад.

— Сир, — она сказала это так, будто обращение было неприличным, — я поручусь за незнакомца.

Капитан посмотрел на нее:

— Ты?

— Сир, я свободная гражданка Кушата. Согласно закону, я могу за него поручиться.

— Если бы ты, воровское отродье, соблюдала законы хотя бы вполовину так же хорошо, как ты их знаешь, у нас было бы куда меньше неприятностей, — проворчал капитан. — Ладно, бери его, если он тебе нужен. Тебе, я думаю, терять нечего.

Глаза Танис блеснули, но она ничего не ответила. Лу рассмеялся.

— Как тебя зовут, где живешь? — спросил капитан и все записал. — Помни, он не должен выходить из квартала.

Танис кивнула.

— Идем, — сказала девушка Старку.

Тот не шевельнулся. Взгляд его был прикован к капитану. За последние дни у Старка отросла борода, лицо его, где все еще сохранились следы плети Тхорда, казалось измученным и в то же время одичавшим. И теперь с этой дьявольской маски, не отрываясь, пугающе настойчиво смотрели пылающие глаза — смотрели на человека с мягким брюшком, что сидел здесь и усмехался.

Танис снова взяла Старка за руку:

— Идем, тебе нужно отдохнуть.

Мягким движением она повернула к себе его голову и осторожно повела к двери.

На пороге девушка обернулась.

— Сир, — кротно произнесла она, — сейчас по всему городу ходят слухи, что на Кушат скоро нападут варвары. Если они и правда придут и если в городе станет известно, что вы знали и скрыли...

Танис выразительно покачала головой и вышла.

Лу с тревогой взглянул на капитана:

— Она права, сир. Если окажется, что этот человек говорил правду...

— Крыса! Бродяжьё басни! Впрочем... — Капитан нахмурился, потом пожал плечами и потянулся за бумагой. — В конце концов, что может быть проще... Запишем всю историю, отдадим бумагу куда следует, и пусть знать сама ломает себе голову.

Перо его закрипело по бумаге.

Танис вела Старка по крутым, извилистым и очень узким улочкам, уже погружающимся во тьму. Город то карабкался вверх, то

снова спускался вниз на неровных склонах. Старк ощущал тяжелый аромат специй и незнакомой еды, слышал множество звуков, доносящихся из каменных домов.

Один из домов стоял, почти прилепившись к огромной стене. К нему вела извилистая каменная лестница со стертыми от старости ступенями. В низкой комнате девушку и Старка встретил стройный молодой человек по имени Балин — брат Танис; он немного удивленно посмотрел на гостя. Длинные пальцы вора играли красным драгоценным камнем, который он носил в левом ухе.

В комнате стояла постель — ворох шкур и одежды, и ноги сами понесли туда Старка. Но он боролся со сном и терпеливо сидел на краю постели, пока Танис принесла ему вино и чашку с едой, на ходу что-то объясняя Балину. Старк слишком устал, чтобы есть, однако вино он выпил; в голове у него прояснилось, и на какое-то время к нему вернулась способность соображать.

— Почему опасно говорить о талисмане? — спросил он Танис.

— Ты же слышал, как Лу отвечал людям! Они положили в раку какую-то стекляшку и называют ее талисманом, а тем, кто уличает их во лжи, потом приходится жалеть.

Послышался ясный, чистый голос Балина:

— Когда исчез талисман, в Кушате чуть было революция не началась. Люди во всем обвинили жителей Королевского города — там находится рака. Они, мол, не сберегли талисман. Наррабар и знать до смерти перепугались и быстро устроили подмену.

— Но, — сказал Старк, — если люди не верят...

— Об этом знают наверняка только в Воровском квартале. Талисман взял один из нас. — В голосе Балина слышались и гордость, и осуждение. — Остальные — все эти ремесленники и торговцы, которым вечно приходится подтягивать животы, — скорее поверят во вранье, чем посмотрят правде в глаза. Так что хитрость удалась, — сказал он и добавил: — на время.

Танис взглянула Старку прямо в лицо:

— Ты чужой, но про талисман все знаешь, даже то, что он исчез. Откуда?

В Старке заговорил старый инстинкт: осторожно! осторожно! Теперь ему стало совершенно ясно: если талисман у него найдут, в живых ему не остаться.

Он ответил довольно искренне:

— Об этом говорил Киаран из Мекха. С ним был старик, человек из Кушата. Его зовут Отар.

— Отар! — повторил Балин. — Отар! Мы думали, что он умер.

Старк покачал головой:

— Это он рассказал Киарану, что талисман украли и теперь Кушат можно взять врасплох. — Старк нахмурился и замолчал было, но потом спросил: — Неужели какой-то кусочек стекла обладает такой силой?

— Люди верят в это — вот что важно, — ответил Балин.

Старк кивнул. Усталость вновь навалилась на него. Он посмотрел на Балина, потом на Танис взглядом пустым и в то же время острым, как у животного, что себе на уме. Вздохнул, как будто решив, что все уже сказано, лег на спину и мгновенно уснул.

Чужие руки и голоса мешали ему во сне. Сильные руки трясли, тревожные голоса выкликали его имя.

Старк проснулся. Сердце колотилось, мускулы напряглись. Ему казалось, что он проспал всего ничего, но в окно уже лился солнечный свет.

— Старк, — говорила девушка и трясла его за плечо. — Пришли солдаты.

Глава 5

Он помотал головой и застонал — тело отчаянно ныло.

— Солдаты?

С улицы доносился какой-то топот; позвякивало железо. Старк встряхнулся, обежал взглядом комнату — окно, дверь, вход в соседнее помещение — и приготовился к прыжку.

Балин схватил его за руку:

— Нет. Не убегай. Незачем тебе убегать. Наверное, старина Соубелли все-таки отправил рапорт. Тебя отведут к правителю, и он обо всем спросит сам. — Балин пристально посмотрел на Старка. — Например, что же такого Отар и Киаран говорили о городе. Если твои слова придутся не по вкусу, тебе отрубят голову, чтоб больше никому ничего не разболтал. Понимаешь? Повтори им то, что сказал капитану. И все!

— Понятно, — кивнул Старк.

Холодный сквозняк заставил его поежиться; только сейчас он понял, что раздет. Пока он спал, его побрили и вымыли, а раны перевязали. Танис протянула ему тщательно вычищенные ботинки и брюки и еще какое-то странное одеяние — тунику из золотистого меха, мягкую как шелк.

— Балин украл ее в бане для знати. Выбрал самую лучшую!

— Я здорово повозился, прежде чем нашел ту, что тебе впору. — Балин выглянул в окно. — Они уже близко. Не надо спешить. Пусть подождут.

Старк натянул на себя одежду и оглянулся: пояса Камара нигде не было. Его резко кольнул страх. В дверь забарабанили, и кто-то — он узнал голос Лу — потребовал немедленно открыть. В комнату ввалились солдаты.

— Доброе утро, — весело сказал Балин и зажмурился: яркий луч света отразился от щита Лу и ударил ему в глаза. Офицер горделиво отвернулся. Его распирало от важности — он ведь исполнял серьезное задание.

— Тебя будет допрашивать король, чужестранец! — рывкнул он и кивнул на дверь.

Танис сняла с крюка плащ; под ним оказался пояс. Она протянула его Старку.

— Ты не должен заставлять ждать господина, — серьезно сказала девушка и улыбнулась. Теперь на ней было красное платье и металлическое ожерелье. Тщательно причесанные волосы блестели.

Старк улыбнулся ей в ответ, поблагодарил и надел пояс. Потом накинул плащ и вышел вслед за Лу.

На улице внизу собрались люди. Они смотрели, как Старк спускается по лестнице под конвоем солдат и молодого офицера, похожего на задорного петуха. Восемь солдат и офицер — и все ради одного-единственного человека... Старк подумал, что лучше бы они так же рьяно охраняли городскую стену, однако вслух ничего не сказал.

Толпа предусмотрительно держалась поодаль. Старк видел взволнованные лица, ловил пристальные взгляды, слышал тревожный шепот и понимал, что весть о приближении Киарана уже ходит по всему городу.

Лу больше не заговаривал с ним. Сперва они шли кривыми узкими переулками, потом улицы стали шире, но еще запруженной народом — тут располагались мастерские ткачей и оружейников, ювелиров и гончаров, кузнецов и каменщиков. Прохожие останавливались и с любопытством разглядывали Старка, и он тоже смотрел на них и вспоминал наездников Мекха, хорошо представляя себе, на что же будут похожи эти преуспевающие мастерские и аккуратные дома через день-другой.

Кушат, как и все древние марсианские города, представлял собой нечто вроде растянутого, неправильной формы колеса, вдоль внешнего обода обнесенного стеной, с Королевским городом на месте втулки — тот, в свою очередь, был городом в городе, со своей собственной стеной, с замком короля и домами знати, увенчанными высокими башнями.

Темные башенки — некоторые из них разрушились и почти развалились, покрылись пятнами, потемнели от времени — казались мрачными и нежилыми в холодном свете солнца. Полинявшие знамена реяли на ветру. На заднем плане, как декорации, поднимались к северному небу черные, покрытые льдом скалы.

Старк вздрогнул, но не от холода. Он ненавидел города. Это ловушки. Они лишают людей свободы, сковывают волю своими стенами и властью других людей. Города битком набиты теми, кого он терпеть не мог: теми, кто мыслил как бандит или кто мыслил как овца; или теми, кто, как мелкий хищник, использовал и тех и других.

Все же ему доводилось бывать в городах, которые не уступали Кушату в древности, но кипели жизнью. Так, может, это

холод покрывал улицы Кушата мертвенной пеленой? Или что-то еще?

Старк посмотрел на скалы. Может, все дело в близости Врат Смерти и в страхе перед тем, что находится за ними?

В Королевский город вели узкие ворота, охраняемые большим отрядом. Дома из резного камня стояли здесь далеко друг от друга, некоторые — всего лишь жалкие развалюхи с потемневшими арками и без крыш, но на окнах висели роскошные занавески, а во дворах кипела жизнь.

Лу важно вышагивал, задрав подбородок кверху. Он вел отряд к королевскому замку, то и дело отдавая какие-то команды. Внезапно они вышли прямо на широкую площадь перед дворцом. Старк остановился и широко раскрыл глаза.

Тем, кто шел сзади, пришлось отступить в сторону, чтобы не налететь на него. Лу оглянулся, желая узнать, в чем дело. Он уже был готов кого-то обругать, однако, увидев, на что засмотрелся Старк, решил, что варвара нужно просветить.

— Это, — сказал он, — рака с талисманом и статуя Бан Круаче — основателя Кушата.

Статуя возвышалась над пьедесталом в три мужских роста. Изваяние было массивное и очень простое. Ветер и время сделали свое дело, хотя статуя еще производила впечатление безмерной силы. И еще было в ней что-то достоверное: конечно, именно так выглядел Бан Круаче, когда стоял в своих старинных доспехах и, опираясь на эфес огромной шпаги, высоко подняв облаченную в шлем голову, неотрывно смотрел на Врата Смерти. Такое лицо мог иметь лишь тот, кто создан для власти, — лицо худое и сильное, с резкими чертами, гордое, суровое, но не жестокое. Казалось, такой человек не знает, что такое страх.

И все же Старку почудилась в этом каменном лице тень... не страха, нет... то ли благоговения, то ли сомнения, а может, вообще чего-то неуловимого... Словно великий вождь стоял на пороге какого-то тайного, темного мира, куда проникнуть мог только он один.

— Бан Круаче, — тихо, как будто впервые слышал это имя, произнес Старк. — И рака... Ты что-то говорил о талисмане?

Лу знаком велел подойти ближе к статуе. Ее пьедестал оказался вовсе не монолитным — с каждой стороны виднелось маленькое зарешеченное окошко. Но не было ничего, хоть как-то похожего на дверь. Наверное, внутрь вел какой-то тайный подземный ход.

— Талисман подарил городу Бан Круаче, — сказал Лу. — Пока он здесь, Кушату не страшны враги.

— Почему?

— Настолько силен талисман.

— Чем же он силен? — Так мог спросить любой грубый, невежественный варвар, простодушный и любопытный.

Лу благоговейно ответил:

— В нем скрыты силы, что хранятся за Вратами Смерти.

— О, — произнес Старк, наклонившись к маленькому зарешеченному окошечку, — наверное, это и вправду великие силы.

— Такие великие, — подхватил Лу, — что до сих пор ни один враг не посмел напасть на нас. И не посмеет, пока талисман будет лежать здесь! — Он говорил уверенно, даже слишком уверенно.

Действительно ли Лу верил в то, что перед ним талисман, или же пытался в это поверить, причем пытался поверить изо всех сил?

— Мне показалось, вчера на рыночной площади кто-то сказал...

— Это все слухи, их разносят в Воровском квартале. Можешь убедиться сам. Талисман здесь.

Что-то там и вправду лежало, что-то прозрачное и полированное. Овальный кусок хрусталя; очень похожий формой и размерами на талисман. С трудом верилось, что это просто хрусталь и ничего больше. Но он был совершенно безжизненным и отражал лучи света равнодушно, хотя и ярко.

Старк вспомнил сверхъестественное сияние и живое свечение настоящего талисмана и внутренне улыбнулся, а потом удивился: как же Камар сумел украсть талисман?

— Я вижу, талисман здесь, — сказал Старк вслух. — Однако скоро придут те, кто хочет испытать его силу, а заодно и вашу. — Он посмотрел на Лу. — Как же освободить те скрытые силы, о которых ты говоришь?

— Когда придет время их использовать, — коротко ответил Лу, — они будут использованы, можешь не сомневаться. Идем, господин Рогайн уже давно ждет.

Другими словами, подумал Старк, ты не больше моего знаешь, как им пользоваться.

Лу снова встал во главе отряда и решительно прибавил:

— Капитан не верит в твою варварскую армию, и я тоже не верю.

Офицер зашагал вперед, за ним — солдаты. Они пересекли площадь и вошли во двор массивного здания, что высилось на восточной стороне площади. Перед ним стояли древние статуи: у одних были отбиты головы или руки, другие вообще почти рассыпались за тысячу лет туманов и холодов.

Здесь Лу приказал солдатам остаться и повел Старка по длинным коридорам, увешанным выцветшими тканями.

Они шли мимо сторожевых пунктов, где их останавливали вооруженные люди и спрашивали у Лу его имя, звание и цель, с которой он пришел сюда. Наконец последний охранник распахнул массивную дверь, и Старк оказался в тесной комнате, тщательно задрапированной коврами, чтобы не проникал мороз; в углу дымили две жаровни.

В комнате было много военных. Среди них Старк узнал капитана охраны. Остальных он видел впервые: все в мундирах, все вооружены.

За широким столом сидел человек в расшитом драгоценностями мундире. У него было приятное доброе лицо, седые волосы, умные глаза, дряблые щеки.

Человек он, наверное, хороший, подумал Старк, но среди солдат ему не место.

Лу отдал честь.

— Вот этот чужеземец, сир.

Рогайн кивнул, поблагодарил молодого офицера и отпустил взмахом руки. Старк спокойно стоял и ждал. Рогайн не сводил с него внимательных задумчивых глаз.

— Как тебя зовут?

Старк ответил.

— Ты не с Северных земель?

— Нет, я вообще не с Марса. Мои родители прилетели с другой планеты. Я родился в том мире, что ближе к Солнцу. — Он помолчал, спокойно глянул в глаза Рогайну. — Говорю это, чтоб вы поняли: и по рождению, и по образу мыслей я — человек извне.

Рогайн кивнул и едва заметно улыбнулся:

— Иными словами, мне не следует спрашивать, что за дело привело тебя зимой в Северные земли. И обо всем прочем — тоже.

Капитан охраны пробормотал что-то насчет воровских и тому подобных дел.

Старк сказал Рогайну:

— Спрашивайте все, что хотите. Я был на юге и собирался вместе с жителями Сухих земель сражаться против Пограничных государств. Но дела пошли не так, как ожидалось, и война не началась. Делать мне в тех краях было больше нечего, а вашей части Марса я никогда не видел, вот и отправился на Север.

— Так, значит, ты — наемник, — произнес Рогайн, и какой-то человек — с тяжелым подбородком и глупыми глазами — удовлетворенно кивнул.

— Вот вам и ответ, Рогайн! — засмеялся он. — Наемник рассказал нам сказку о войне и хочет теперь получить за это награду.

— Что скажешь, Старк? — холодно спросил Рогайн.

Тот пожал плечами:

— Убедиться, что я не вру, очень просто. Надо только несколько дней подождать. — Он поглядел в безнадежно равнодушные лица. Все это были цивилизованные люди — хорошие, плохие, безразличные — настолько цивилизованные, что источник происхождения своей культуры забыли задолго до того, как заложили первый камень Кушата.

Слишком цивилизованные, подумал Старк. Бан Круаче подарил им когда-то мир, и они обленились, обломали когти, притупили

клыки. Теперь даже лучшие из них не смогут противостоять варварам.

— Хотите — защищайте Кушат, хотите — сразу сдайте, мне все равно, — промолвил Старк. — Но я свои услуги вам не продам.

— Вот как? — спросил Рогайн. — Почему же?

— У меня личные счеты с Киараном, — очень мягко ответил Старк.

Человек с тяжелым подбородком язвительно рассмеялся. Рогайн перевел на него взгляд и преувеличенно удивленно спросил, покачивая головой:

— Вы, кажется, разучились понимать членораздельную речь?

Тот густо покраснел, а остальные смутились. Рогайн снова повернулся к Старку.

— Садись, — предложил он и указал на стул. — Теперь я хочу услышать всю историю из твоих уст.

Старк рассказал ему то же самое, что рассказывал и капитану. Когда он закончил, Рогайн стал задавать вопросы. Сколько людей? Что — слово в слово — говорил вождь Киаран? Почему он приказал мучить Старка?

Старк нашел на все эти вопросы правдивые ответы, но в то же время ухитрился ни словом не обмолвиться ни об Отаре, ни о талисмани. Некоторое время Рогайн сидел, погруженный в собственные мысли, а остальные почтительно молчали — ждали, когда он заговорит.

Старк наблюдал, как правитель бесцельно перебирает лежащие на столе вещи. Наконец Рогайн вздохнул и сказал:

— Я вооружу горожан. И если на город нападут, Кушат будет благодарен тебе за предупреждение. Но если тревога ложная... — в его взгляде появилось что-то очень неприятное, — тогда мы обсудим это дело позже.

Старк насмешливо улыбнулся:

— Все еще надеетесь, что я солгал?

— Марсианский Север живет по своим законам: Кушат по одним, варвары — по другим. Ты не знаешь наших, и все мы не знаем законов Мекха, так что скорей всего ты ошибаешься. Во-первых...

— Зимой никто не воюет, — подхватил Старк. — Именно на это и надеется Киаран.

— Вполне возможно, — кивнул Рогайн. — Но есть еще кое-что. Чудесная сила охраняет наш город. Она хранила его все эти тысячелетия. — Рогайн говорил спокойно и подчеркнуто бесстрастно. — Почему вдруг варвары перестали бояться талисмана?

В комнате наступила тишина — такая полная, что слышно было чье-то затрудненное дыхание. Все, не сговариваясь, быстро глянули на Старка и так же быстро отвели глаза, чтобы не выдать собственного волнения. Даже человек, куда менее проницатель-

ный, чем Старк, мог бы почуять ловушку, наивно расставленную перед самым его носом.

Но Старк и бровью не повел, хотя великолепно знал, что одно неосторожное слово — и его не пощадят. Эти люди расставили ему западню, а сами давно уже попались в другую. Ради спасения собственной шкуры они обманули народ Кушата.

Скажи он, что Киарану известно об исчезновении талисмана, и его убьют, чтобы пресечь все слухи. А отдай он им настоящий талисман, они прослезятся от облегчения и радости и убьют его еще быстрее: правда им не нужна, в городе не должны узнать о возвращении настоящей святыни.

Поэтому Старк сказал:

— Вождь Киаран не простой варвар. Он человек жаждущий, и жажда его так велика, что заглушает страх. Если ваш талисман и впрямь такой могущественный, как вы говорите, то, я думаю, Киаран намерен забрать его себе.

Тишина стояла такая, что у Старка звенело в ушах. Он сел, обливаясь холодным потом, и как бы про себя добавил:

— Рано или поздно всегда найдется кто-то, кто нарушит традицию...

Казалось, услышав это, все перевели дух и обрели дар речи. Рогайн коротко кивнул и сказал:

— Посмотрим. Пока можешь идти.

Старк встал и вышел.

Лу ждал его у дверей. Он проводил Старка на площадь к огромной статуе Бан Круаче, а потом отвел домой, в мрачный Воровской квартал.

Глава 6

У двери дома Лу остановился и с горечью посмотрел на Старка.

— Сладко спи — пока люди, которые лучше тебя, будут мерзнуть на стене, — сказал он.

Молодой офицер повел отряд прочь, а Старк смотрел им вслед и слушал, как стучат по мостовой подбитые железом сапоги.

Ему стало жаль этого юношу, чей великолепный мундир скоро может быть запятнан кровью.

Потом землянин повернулся и принялся карабкаться вверх по лестнице. Подъем он одолел с таким трудом, что даже испугался. Дважды он останавливался и хватался за перила, чтобы не упасть. Отчасти причиной слабости был голод. Старк понял это, когда вошел в комнату и увидел, как Танис, склонившись над жаровней, мешает какое-то варево в закопченном горшке. Балин с довольным видом развалился на скамье, стоявшей вдоль покосившейся стены. Он поднялся, подал Старку руку и помог ему сесть.

Старк пробормотал что-то насчет еды. Он не мог вспомнить, когда ел в последний раз. Танис радостно принялась его кормить; за столом молчали, пока не покончили с едой и не выпили вина. Старк снова почувствовал себя таким окрепшим, что обрел способность думать. Тогда Балин спросил:

— Что случилось?

— Город будут вооружать, — ответил Старк.

— Его удержат?

— Конечно, — сказала Танис. — Ведь у нас все еще есть Стена.

— Стены, — проговорил Балин, — такие же слабые, как те, кто их защищает. — Он снова спросил: — Его удержат?

Старк покачал головой:

— Попробуют. Кое-кто даже умрет с честью, но люди эти — овцы, и волки разорвут их. Так я думаю.

Он резко встал и подошел к окну. За неровными крышами возвышались башни Королевского города, еще дальше высилась черная гряда хребта. Холодный воздух взъерошил волосы Старка. Он вздрогнул и сказал:

— Балин, удержали бы они город, будь у них талисман?

Стало так тихо, что было слышно, как ветер воет и бьется в стену дома. Старк плотнее задернул штору и обернулся. Балин смотрел на него лукаво, как кот, однако тело вора напряглось, словно тетива лука.

— Это твой город, Балин. Ты хорошо знаешь его, а я могу лишь строить догадки. Удержат его?

Балин медленно и тихо заговорил. Танис неподвижно сидела, бледная как снег, и смотрела на них.

— Да, они — овцы, Старк, и не просто овцы, а хуже. Они — лжецы. Им передали знания, а они их утратили. Они не помнят, как пользоваться талисманом, не знают, как он связан с тем, что лежит за Вратами Смерти. Будь у них хоть десять талисманов, они и тогда не удержат город!.. Почему ты об этом спрашиваешь?

— А потому, — мрачно ответил Старк, — что я решил доверить свою жизнь вам. — Он отстегнул пояс. — Я сдержал слово: закончил путешествие, которое предпринял ради друга — человека по имени Камар, человека, на чьей душе лежала огромная тяжесть.

Танис при упоминании этого имени вздрогнула, но Балин не шелохнулся и продолжал внимательно смотреть на Старка. Воцарилось молчание. Нервы Старка были напряжены до предела. Пальцы его нащупали тайник.

— Талисман принадлежит Кушату, однако после таких испытаний, пролив свою кровь, и я получил на него некоторое право. И Отар, и Киаран были уверены в том, что я отдам его им, и сделали все, чтобы достичь своей цели. Теперь я говорю: даже если Город и падет перед Киараном, тот все равно не получит

талисман. И кто-то — ты или я — кто-то должен жить, чтобы использовать кристалл против Киарана. — Он помолчал. — Если за Вратами Смерти действительно есть сила...

— Для чужеземца ты уж слишком сильно любишь наш город, — произнес Балин.

Старк покачал головой:

— Выстоит Кушат или падет, мне все равно. Но с Киараном у меня личные счеты, и чтоб одолеть его, я готов залезть к черту в пекло.

— Ну что ж, — сказал Балин и улыбнулся. Казалось, он вновь почувствовал себя легко и свободно. — Тогда наши тропинки рядышком. По ним плечом к плечу.

Небрежным жестом он откинул одеяло, лежавшее на кушетке, и в холодном свете мелькнуло острие ножа. Балин подхватил его и сунул за пояс.

— Старк, не вручай мне свою жизнь. — Он порывился под туникой, что-то вытащил и теперь держал на вытянутой ладони кристалл, горящий внутренним дьявольским огнем, как будто вобрав в себя весь свет комнаты.

Танис крикнула:

— Балин! — и замерла, широко распахнув глаза.

— Я тоже знал Камара, — произнес Балин. — Однажды он показал мне секрет этого тайника. Так что жизнь твою я держу в своих руках уже с прошлого вечера.

Танис прошептала:

— И ты не сказал мне...

— Конечно, нет, — ответил Балин. — Почему я знаю, может, мне пришлось бы убить его, а я уже кое-что прочел в твоих глазах, сестренка. Так зачем же лишний шум?

Он подался вперед и положил талисман на низкий столик, затем взглянул на Старка:

— Как ты и сказал, Кушат — мой город.

Старк медленно проговорил:

— Да, будь я проклят... — Он смотрел теперь на Балина совсем другими глазами. Потом рассмеялся и бросился на кушетку. — Отлично, друг, каков же наш план?

— Если стена выдержит и город выстоит, то план совсем простой, но если город возьмут...

Балин отхлебнул вина из своего стакана.

— Обитатели этого квартала больше похожи на крыс, чем на овец. Наверное, нам бедность пошла на пользу — она сделала наши зубы острыми. Выживем именно мы, Старк.

Он взглянул на талисман и добавил — благоговейно, почти с испугом в голосе:

— Мы — те, кто принесет его за Врата Смерти. Ты нам нужен, Старк. Вору мы по ремеслу, а убийцы — лишь по случаю. Сам я

никогда не проливал кровь понапрасну. Помогите нам стать воинами.

— Если очень захотеть, — промолвил Старк, — то научишься в два счета.

— Мы захотим.

— Хорошо, — сказал Старк и лег на мягкие шкуры. — Времени у нас мало, поэтому действовать надо быстро. Поговори со своими людьми, Балин, с лучшими людьми. Убеди их в том, что Стена будет разрушена. Назначь место для сбора и, если сможешь, составь план отступления из города. Нам понадобится снаряжение, еда и теплая одежда, все, что мы сумеем унести без особых трудов. Главное — никаких женщин и детей. В горах они погибнут гораздо скорее, чем здесь.

Балин встал:

— Друг, я думаю об этом с тех пор, как нашел талисман.

— Тем лучше, — проворчал Старк и выругался. — Что касается пути от Кушата до Врат Смерти, здесь мне все ясно, но вот дальше — темнота. Да может ли такое быть, чтобы никто никогда не ходил по этой тропе — хоть недалеко?

Балин пожал плечами:

— Время от времени находились смельчаки, плевавшие на запрет. Тогда в половодье они приплывали назад — мертвенькие. А было, что и тел не находили. И закон, и легенда о Бан Круаче гласят, что Кушат построили, чтобы охранять тропу. Только тот, у кого есть талисман, пройдет по тропе и останется в живых.

— А почему Кушат охраняет тропу — об этом легенда говорит? — спросил Старк.

— Разве Камар тебе не сказал?

— Он рассказывал, что никто не помнит почему; знают только, что это огромная честь.

— Так оно и есть. Но не надо быть семи пядей во лбу: по ту сторону тропы скрыты слишком великие силы, чтоб отдавать их на волю случая. Бан Круаче сумел ими овладеть, создал себе славу в Северных землях...

— И Киаран надеется, что сможет повторить этот путь, — кивнул Старк. — Отар внушил ему...

— Отар, — повторил Балин и покачал головой, — настоящий псих. Вечно речи произносил — и в винных погребках, и везде, где его слушали. Говорил: Кушат умирает, настало время забрать из-за Врат силу и вновь достичь былого величия. Такую смуту сеял, что Рогайн дважды его на цепь сажал; а потом он исчез.

— И нашел того, кто его выслушал, — едко произнес Старк. — В легенде о чем-нибудь еще говорится?

— Люди верят, что строительство Кушата — часть какой-то сделки, на которую пошел Бан Круаче...

— Сделки? С кем?

— Или с чем. Никто не знает. Вся эта каша заварилась так давно, что ничего наверняка не скажешь. А может, никакой сделки и не было. Боги ли, дьяволы за Вратами Смерти живут — к ним не подберешься: там полным-полно пропастей, ледников, туманов, обвалов, да и холодно...

— Ну что ж, — вздохнул Старк, — вождя Киарана это не оставливает. Придем туда — сами все узнаем. А до той поры лучше зря голову не ломать.

— Во всяком случае, — сказал Балин, — у нас есть талисман. Если легенда не врет... Старк!

Тот молчал.

— Он уснул, — прошептала Танис.

Балин замысловато выругался вполголоса и криво усмехнулся:

— Не уверен, что ему надо было влезать во всю эту историю, но я рад, что он на нашей стороне.

— Ты и правда собирался его убить?

— Попытался бы. — Балин смерил взглядом плечи Старка и покачал головой. — Ужасно рад, что не пришлось...

Танис перевела взгляд на талисман.

Она не подошла ближе, а только стояла и смотрела на него, крепко стиснув за спиной руки. Взгляд ее был хмурым и печальным. Вдруг она сказала:

— Я боюсь, брат.

Балин нежно погладил девушку по плечу:

— И я боюсь. Но этот человек сам пришел к нам в дом, боги отдали его в наши руки, и поэтому мы сделаем все, что сможем.

Он осторожно повертел кристалл в пальцах и убрал его в тайник на поясе.

Когда талисман исчез из виду, Танис поднесла руку ко лбу и медленно отбросила тяжелую прядь волос. В этом извечном женском жесте сквозила бесконечная усталость.

— Значит, все погибло, да? — спросила она.

В эту короткую фразу вместились город и квартал, и улица, и этот дом, и эта комната, и весь небогатый скарб, и вся жизнь самой Танис.

Балин начал было что-то говорить о ненависти Старка к ублюдкам из племени Мекха, которые и есть причина всех бед. Он очень хотел успокоить Танис, но лгать было бессмысленно, и он не стал лгать.

— Боюсь, что да, все погибло. По крайней мере старая жизнь кончилась.

Балин накинул на плечи плащ и вышел. Холодный ветер ударил в лицо. В воздухе пахло, как обычно: морозом и дымом. Темные крыши блестели на солнце, беспорядочно разбросанные словно карты на столе. А за ними поднималась Великая Стена, как поднималась она и тогда, когда он впервые открыл глаза в этом мире, — массивная, надежная, крепкая.

Балин побрел вниз по сбитым ступеням, прикасаясь к обшарпанным камням перил. Он шел медленно, будто нес на плечах страшную тяжесть.

Глава 7

Когда Старк проснулся, был уже вечер. Он снова хотел есть, но чувствовал себя гораздо лучше. Потом до его сознания дошли звуки, которых раньше не было, — шаги людей по Стене над домом, выкрики часовых.

Танис услышала, что землянин проснулся, и подошла к нему. Они стояли возле открытых дверей и всматривались в спускающиеся сумерки.

— Пока никто не напал...

— Придут еще, — ответил Старк и сел.

В комнате что-то изменилось. Немного погодя он понял, что исчезли все мелкие вещи, те маленькие бесполезные вещицы, которые превращают комнату в нечто большее, нежели просто жилище. Возможно, их куда-то спрятали. Самое необходимое — одежда и тому подобное — было сложено в две небольшие кучки в углу, чтоб их можно было быстро забрать. Рядом, завернутая в полотно, лежала еда. Комната совсем опустела. Никто в ней больше не жил. Люди тут лишь разбили временный лагерь и ждали, когда можно будет уйти.

Старк посмотрел на Танис. Его поразили ее глаза, огромные и полные слез.

— Мне жаль, — произнес он.

— А вот и зря, — неожиданно сердито оборвала девушка, и глаза ее блеснули. — Скажи, чем я могу помочь в бою?

— Неплохое начало, — улыбнулся Старк. — Найдешь поесть чего-нибудь на скорую руку?

— О да. Сегодня и мне повезло.

Она принесла ему холодное мясо, хлеб и вино. Минуту-другую смотрела, как он ест, а потом сама жадно набросилась на еду. Старк опять улыбнулся:

— Вижу, ты уже пришла в себя.

Девушка удивилась:

— Как ты догадался?..

— У меня было несколько раз, когда пища комом стояла в горле. Выпей-ка вина. Оно согреет и развеселит. — Старк налил ей полный стакан.

Она улыбнулась, выпила и почувствовала себя очень уютно в этой оголенной комнате, где в пустых углах стояли густые тени, а от жаровни исходило приятное тепло.

— Где Балин?

— Разговаривает с людьми. Скоро придет.

— Я должен сказать вам обоим спасибо, что вы меня приняли, но тебе — особенно. Тогда на рыночной площади ты мне помогла.

Танис бросила на гостя быстрый внимательный взгляд, чуть улыбнулась и ответила:

— Благодарю, если хочешь. Скоро в жизни останется мало доброты. — Она посмотрела в сторону Стены, откуда раздавался стук кованых сапог и слышались хриплые голоса часовых.

Старк потянулся, привлек ее к себе, поцеловал и ощутил нежность и силу ее тела. Он чувствовал, как бьется под его пальцами жилка на ее шее, как поднимается и опускается грудь, как трепещет все ее существо, особое и неповторимое.

Танис прижалась к нему почти в отчаянии, молча, и ему вдруг почудилось, что он держит в объятиях ребенка — маленького, испуганного, которого надо защитить.

Должно быть, что-то в его поведении изменилось, потому что она неожиданно отпрянула от него, улыбнулась и покачала головой.

— Выпью, пожалуй, еще вина. — Танис подняла стакан и замерла, прислушиваясь. — А вот и брат пришел.

Балин выглядел веселым и оживленным. Вначале он подсел было к ним, собираясь поесть, но потом вскочил и принялся ходить по комнате. Глаза его блестели, а голос звенел, когда он рассказывал обо всем, что видел.

— Я действовал только втихаря, Старк. Еще четверо знают о талисмানে, я доверяю им, как самому себе. Одно слово не в то ухо — и никто из нас не увидит, чем вся эта заварушка кончится.

— Ты назначил место встречи?

— Да. У Праздничных Камней, за городом. — Балин сел рядом со Старком, обмакнул палец в вино и принялся рисовать карту на крышке стола. — Это здесь, к северу, примерно в двух милях. Там праздники устраиваются каждую весну, теперь-то уже для детей, а раньше к ним относились серьезнее.

Старк кивнул. Солнце встает и садится на всех планетах, и на каждой поклоняются сияющему Богу как символу жизни.

— Где эти камни находятся, ни для кого не секрет, — говорил Балин, — отсюда путь идет прямо к тропе. Из города смогут выйти все. Каждый вор знает с полдюсятка лазеек. А всего их — сотни.

Старк снова кивнул. Он хорошо изучил марсианские города, и все они были одинаковы.

Со стороны Стены послышался шум — сменялся караул. В комнате вдруг стало душно.

— Я хотел бы выйти, — сказал Старк и встал. — Это возможно?

— Да-да, только не надо из квартала уходить. — Балин вскочил, потом в голову ему пришла какая-то новая мысль. — Пойдем, покажись нашим, чтобы они знали тебя.

Старк накинуд плащ и холодно произнес:

— И ты покажешь мне одну из лазеек, о которых знают все твои товарищи — на тот случай, если в бою нас разбросает в разные стороны.

Балин весело ответил:

— Я же сказал: я не солдат. Идем! — Он взял Танис за плечо: — Попытайся немного поспать, малышка. Тебе это сейчас очень нужно.

Девушка неуверенно улыбнулась, и мужчины вышли из дому, оставив ее одну.

В небе светили обе луны; крыши домов то заливало зеленовато-серебристое сияние, то глотала пустая тьма. Башни Королевского города тянулись ввысь, будто хотели схватить ближайшую луну, а та насмешливо освещала их, и свет обнажал все бреши и проломы в стене.

На улицах огни не горели. Лишь часовые расхаживали тут и там по площади и сигналили друг другу фонариками, да кое-где светились зашторенные окна.

Балин спустился по лестнице быстро, не оглядываясь. Высоко над ними ритмично вышагивали по Стене караульные.

— Кажется, город очень спокоен, — сказал Старк; он шел вслед за Балином по извилистой улочке.

— Никто не поверил, — ответил Балин, — даже здесь, в квартале. Если на нас никогда не нападали, разве люди будут ждать войны, да еще зимой? Зима — время безопасное: мастеровые зимой на жизнь зарабатывают, а не о войне беспокоятся. Летом, правда, мы посылаем торговые караваны в южные города, их пытаются грабить, а еще на наших охотников нападают. Но это и все. Люди в Кушате похожи на Танис — на талисман не обращают внимания, ведь нас по-прежнему защищает Великая Стена. — Он посмотрел на стену. — Да и мне что-то не очень верится, чтоб Стену кто-нибудь одолел...

— Все равно, — прервал молчание Старк, — покажи мне тайные пути.

Балин показал их. В самой Стене одна из плит открывалась в темный туннель. В другом месте поворачивалась плита мостовой: ступени железной лестницы уходили вниз — как сказал Балин, к древней системе канализационных труб, что несли под Кушатом потоки весенних вод.

— Отлично, — промолвил Старк. — Но мы можем оказаться вне пределов квартала. Что, если нам придется бороться за жизнь где-нибудь между этим местом и Королевским городом? Тогда что мне делать?

— Тогда, — ответил Балин, — верней всего тебе будет уйти через квартал Тайных Моги. Это мы его так называем. Ремесленники зовут его квартал Благословенных... Кладбище.

Он провел Старка по крышам и объяснил дорогу так хорошо, как только мог, а потом детально описал путь в скрытый лабиринт, что тянулся под землей на нескольких уровнях.

— Держись главного туннеля. Ты пройдешь по нему под Стеной и окажешься за городом... Туннель проложен под Королевским городом, — добавил, помолчав, Балин. — По нему Камар уходил из Кушата. Он мог бы и незаметно вернуться тем же путем... Тут ходят контрабандисты: кое-что нельзя выгодно продать в Кушате, а если чужеземные торговцы согласны, почему бы с ними не встретиться в тихом месте, где никто не помешает... — Он снова помолчал. — Бедный Камар! Грех гордыни... Впрочем, кто знает, в конце концов, может, он сослужил городу великую службу?..

— Скоро все станет ясно, — сказал Старк; он ощущал тяжесть пояса на талии. — Может, даже раньше, чем мы думаем, — и постарался слово в слово повторить про себя все, что узнал сейчас от Балина, — может, как раз это и спасет ему жизнь.

Потом они заходили в дешевые таверны, где воздух загустел от дыма, от запаха пота и старой кожаной одежды. Посидели по-немногу в каждой, попивая кислое вино — его доставляли караваны из теплых земель. Худые и темные лица поворачивались к Старку, но ни один из этих людей не проронил ни слова. Когда они шли домой, ближайшая луна висела над самой Стеной, а черные силуэты часовых как будто плавали в ее свете.

Танис спала. Мужчины тихо легли, чтобы не разбудить ее.

Наступила ночь.

Очень поздно, когда дальняя луна склонилась к западу, Танис проснулась и поняла, что больше ей не заснуть. В комнате стояла тишина, только слышалось сонное дыхание мужчин. Шаги дозорных стихли. Девушка беззвучно лежала в темноте до тех пор, пока не почувствовала, что больше лежать не может. Тогда она встала, подошла к окну и отдернула тяжелые шторы. Ветер и лунный свет проникли в комнату. Девушка завернулась в меховой плащ, облокотилась о подоконник и стояла, смотрела на спящее небо.

Старк тревожно зашевелился, стал беспокойно ворочаться. Танис обернулась, подошла к нему и тронула его за плечо.

Он мгновенно очнулся.

— Тебе что-то снилось?

Старк покачал головой. Глаза его все еще были закрыты, хотя он уже не спал.

— В воздухе пахнет кровью, — произнес он.

Танис прошептала:

— Ничем не пахнет, только гарью.

Старк встал.

— Разбуди Балина. Я иду к Стене.

Он снял с вешалки плащ, распахнул дверь и вышел на узкие ступени старой лестницы. Лунный свет отразился в его глазах, и они побледнели, будто покрылись пеленой тумана.

Танис вздрогнула и отвернулась.

— Балин, — позвала она, — Балин...

Тот уже проснулся. Вместе они пошли вслед за Старком вверх по крутой лестнице, которая вела на гребень Стены.

Старк посмотрел на юг, туда, где расстиралась равнина. Там было все спокойно. Ничто не нарушало снежной тишины.

— Враг нападет на рассвете, — сказал Старк.

Глава 8

Поодаль с обеих сторон, соорудив из плащей подобие палатки, чтобы скрыть свет, склонились над маленькими жаровнями дозорные; они равнодушно поглядывали на троих граждан, которым нужно было, по-видимому, как-то пережить эти последние часы ночи, когда воля и смелость покидают человека.

Ветер со свистом гулял над Вратами Смерти, а внизу, на улицах, от его порывов вздрагивали и ежились часовые.

Мир словно замер.

Наконец Балин не выдержал:

— С чего ты взял, что они придут?

Старк вздрогнул, но не от холода, и каждый мускул его тела пришел в движение. Дальняя луна потускнела, склонилась к горизонту, а на равнине все еще было чисто и очень спокойно.

— Они ждут темноты. Через час-другой луна зайдет, а восход солнца еще не скоро.

Узкий черный зев Врат Смерти навевал какую-то первобытную тоску. Старк обернулся и посмотрел на скалы, которые высились над Кушатом, почти смыкаясь в единую причудливо изогнутую массу. Последний всплеск умирающей вселенной, подумал он, белый гребень присыпан пеплом погибших миров... Что же получается? Разве для этого он прошел полмира — ради того, чтобы сейчас стоять и дрожать всем телом? Ради талисмана давно умершего короля?..

Если все сложится, как он предполагал, то вскоре ему предстоит следовать путем древнего короля — в то неведомое, что могло лежать за этим проходом; возможно, в то неведомое, которое говорило обволакивающими как паутина словами...

При воспоминании о голосах талисмана Старк вздрогнул и подавил желание сорвать пояс и зашвырнуть его за Стену.

Он напомнил себе, как подъезжал к Кушату, как глядел снизу вверх на тропу и страстно желал обладать той силой, что скрывалась там, силой, способной уничтожить Киарана — предводителя мекхов. И рассмеялся — но не потому, что ему стало весело от собственной непоследовательности.

— Камар рассказывал мне, будто перед концом Бан Круаче ушел за Врата Смерти. Это правда?

Балин пожал плечами:

— Это все легенды; по крайней мере в Кушате он не похоронен. Почему вдруг тебя это заинтересовало?

— Не знаю, — ответил Старк и снова вернулся к своим мыслям.

Луна коснулась горизонта. Последний луч красноватого света тронул снег и погас.

Танис теснее прижалась к Балину, с тревогой глядя на Старка. Он ничем не показывал, что волнуется, и Балин почувствовал легкую зависть. Самому Балину хотелось вернуться в тепло и уют, но ему было стыдно признаться в этом. Он продрог на ветру, теперь в нападение почти не верил, но не уходил.

Шло время, сотканное из бесконечных минут. Часовые дремали над жаровнями. Равнина погрузилась в полную тишину. В небе мерцали лишь далекие северные звезды.

— Слышите? — спросил Старк.

— Нет.

— Они идут.

Его слух, куда более тонкий, чем слух Балина, уловил легкие шорохи: где-то в темноте двигалась огромная армия. Легко вооруженные воины-охотники привыкли водить однорогов по снегу и умели двигаться почти бесшумно. И все же их дыхание, движение, шепот можно было отличить от шума ветра.

— Я ничего не слышу, — сказал Балин.

Танис тоже покачала головой.

Над горизонтом показались западные звезды, а на восточном склоне возникла тусклая полоска. Равнина по-прежнему была погружена в темноту, но Старк различал призрачные силуэты высоких башен Королевского города и думал о том, кто будет королем Кушата, когда сядет не взошедшее еще солнце.

— Ты ошибся, — сказал Балин, пристально вглядываясь в даль. — В долине никого нет.

— Иди, растолкай того, другого, — сказал ему Старк, а сам зашагал к ближайшему дозорному.

Часовой было недовольно заворчал, но Старк грубо поставил его на ноги и сбросил жаровню вниз, на улицу.

— Гляди туда!

В прозрачном марсианском воздухе заря разгоралась быстро и теперь резко освещала равнину. Свет жестоко и беспощадно обнажил клинки сабель, острия копий, заиграл на шлемах и кольчугах, на броне животных. Он веселился на непокорных рыжих волосах, на кожаных плащах и заставлял стяги кланов разгораться алым, золотым и зеленым цветами на фоне ослепительно белого снега.

Мертвая тишина длилась ровно столько, сколько люди способны сдерживать дыхание. Потом дозорный сорвался с места, застучал железными подковами сапог по камням. Схватив молот, он принялся выбивать сигнал тревоги на огромном гонге, и этот звук был подхвачен другими часовыми.

Армия варваров ответила резким воплем сотен охотничьих рогов. Затем в дикую музыку вступили свирели и барабаны, и Стена Кушата эхом ответила этой звуковой буре, как будто подавала сигнал к началу битвы.

Армия Мекха пришла в движение.

Сначала она двигалась медленно и осторожно, потом передние ряды перешли на бег, который ускорялся и ускорялся под напором следующих шеренг, и вдруг вся орда понеслась вперед, и варвары ринулись на город словно лавина воды через прорванную дамбу.

Они приближались. Множество высоких людей мчались как олени, нетерпеливо кричали, размахивали огромными мечами. Всадники погоняли однорогов, пока у тех из-под рогов не показалась кровь. И пеших и всадников становилось все больше и больше, и наконец они смешались в единую, стремительнодвигающуюся массу, от топота которой дрожала земля.

Старк перегнулся через парапет, его оттащил Балин.

— Один намерен драться?

Старк так посмотрел на него, что Балин отпрянул назад и добавил:

— Полегче, приятель. Я же хочу, как лучше. С Киараном сразиться ты еще успеешь.

Кивнул на солдат — те бежали к ним, кричали:

— Давайте отсюда! Прочь со стены!

Старк пожал плечами и быстрым шагом направился вслед за Балином по ступеням вниз, а потом — по другой лестнице, ведущей на крышу какого-то дома. Танис поспешила за ними; с крыши было отлично видно все происходящее.

И вновь Старк погрузился в злое молчание: не отрываясь, смотрел на черные шлемы Киарана.

Кушат ожил мгновенно. Все еще звенели гонги. Солдаты шли и шли к Стене. Казалось, их было много, однако куда меньше, чем осаждавших кочевников. Люди заполнили улицы, облепили крыши и окна. Подошел отряд знати. Подошел и занял позицию на площади у огромных ворот отряд молодых аристократов — мужественных и красивых в своих ярких доспехах.

— О чем задумался? — спросил Балин.

Старк покачал головой:

— Первая атака захлебнется. Потом все будет зависеть от Киарана: хватит ли ему твердости удержать своих людей под Стеной. — Он помолчал. — Думаю, хватит.

Больше они не обменялись ни словом.

Загremели огромные катапульты, посылая булыжники в атакующих. Затрещали кости, полилась кровь. Запела тетива лука, понесли тысячи стрел. Посыпался град камней.

Война здесь, в Северных землях, была примитивной, как и на всем Марсе — исключая те области, куда привезли земное оружие.

Недоставало не военной смекалки — просто на Марсе мало было железа, других химических элементов и энергии. Но даже истощенный и умирающий мир мог еще найти кожу, камень, кость и достаточное количество железа, чтобы выковать нож и сделать стрелу, и этих незамысловатых древних орудий было вполне достаточно.

Обороняющиеся падали, их тела оттаскивали или отпихивали в сторону; а внизу, как подкошенные, падали варвары. В морозном колючем воздухе не переставая кричали люди кланов, и Старк слышал, как царапают камень крючья веревочных лестниц. Он начал было думать, что ошибся и что первая же атака увенчается успехом.

Солдаты сражались храбро, но эта битва для них была первой и единственной. Они походили на стадо овец, загнанное в бойню.

Однако Стена еще держалась, и к полудню натиск варваров ослабел. Люди Мекха утихли и угрюмо отошли на равнину, унося с собой раненых и оставляя мертвых.

Танис сказала:

— Ты видишь, Старк? Стена нас защищает! — На лице ее была мука, но в то же время оно горело надеждой. — Ты видишь? Они ушли!

Старк сказал:

— Они оставили своих мертвых. Насколько я знаю обычаи племен, это залог того, что они еще вернутся. Думаю, я прав. Посмотри-ка туда, — он указал на равнину. — Черное знамя со светлой чертой — штаб Киарана. Видишь, к нему собираются вожди.

Глядя на поредевшие ряды защитников Стены, Балин сказал:

— Если это победа, то другой нам уже не добиться.

Но город ликовал. Горожане бежали по улицам, чтобы обнять солдат. С довольным видом расхаживали аристократы. А над самой высокой башней Королевского города трепетал на ветру алый стяг.

Старк сказал Танис:

— Принеси нам немного поесть. Мы еще успеем.

Девушка с яростью бросила:

— Я не верю тебе, Старк. Враг разбит! — И тем не менее сошла вниз и через несколько минут принесла еду.

Вскоре после полудня армия варваров опять пришла в движение. Она распалась на три потока; четвертый остался в резерве. Два потока с разных сторон устремились к Стене, а третий просто выжидал.

— С этого Киарану и следовало начинать, — сказал Старк. — Но варвары бестолковы, их нужно поколотить, прежде чем они начнут слушаться. Теперь посмотрим; вообще, не мешало бы знать вызвать подкрепление.

Подкрепление подоспело быстро. Силы защитников устремились к двум участкам Стены, находящимся под угрозой — нападавшие уже цепляли лестницы. Теперь остальная Стена едва охранялась.

Третья группа варваров внезапно тучей устремилась к воротам.

— Что это за звуки... как гром? — тревожно спросила Танис.

— Таран, — ответил Старк. — Ломают ворота.

Он с тревогой следил, как офицеры пытаются справиться с этой новой опасностью, хотя силы нападавших значительно перевешивали. Те, что атаковали ворота, были хорошо организованы. Вспотевших, рыжеволосых гигантов, орудовавших тараном, защищали воины, которые поднимали щиты, сомкнули их и образовали подобие крыши, предохранявшей от летящих сверху снарядов. В это время на равнине собрались под черным знаменем Киарана предводители кланов и отряд нетерпеливых воинов — ждали, когда придет их черед.

— Теперь пора уходить, — сказал Старк Балину. — Возьми талисман, собери своих людей.

Балин сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Никто из Кущата без боя не уйдет! — Он сверкнул глазами.

Старк выразительно хмыкнул:

— Их черед приближается. — Он кивнул в сторону толпы, собирающейся вступить в бой. — Что ж, встречай варваров. — Он встал и повернулся к Танис. — Прошлой ночью ты спрашивала, чем помочь в сражении... — Старк снял с себя пояс и затянул его у девушки на талии под плащом. — Бери пояс, а еще возьми еду и одежду — все, что сможешь унести. Иди и жди нас у Праздничных Камней.

Она хотела что-то сказать, но он мягко прервал ее:

— У тебя талисман. Ты должна сберечь его.

Танис смотрела на землянина, широко раскрыв глаза, и Балин нетерпеливо проговорил:

— Что, так и будешь стоять? — Он поцеловал сестру в щеку и, спускаясь по ступеням, добавил: — Жди. Кто-нибудь придет.

— Будь осторожна, — сказал, улыбнувшись девушке, Старк и последовал за Балином.

Он дошел до подножия лестницы и оглянулся: Танис вошла в дом, унося с собой пояс Камара и талисман. Старк почувствовал себя легко и свободно, как будто снял с плеч тяжкий груз.

Они присоединились ко все растущей толпе мужчин, которые шли защищать родной город. Лицо Балина было таким напряженным и бледным, что Старк сказал:

— Когда ты нанесешь первый удар и враг закричит, а ты пожалеешь его, вспомни: он сам пришел сюда — чтобы убить.

Балин сердито фыркнул:

— Спасибо, но вряд ли я тут кого пожалею.

— Не сомневайся, — пробормотал Старк, — пожалеешь.

Оружие убитых и раненых складывалось в одну кучу, чтобы горожане могли вооружиться. Старк и Балин выбрали оружие и поднялись на Стену.

Глава 9

Все было тщетно. Старк подумал, что, наверное, большинство тех, кто сейчас суетится рядом, тоже понимает это, а уж ворами вообще было бы гораздо проще ускользнуть из Кушата, нежели ждать неизбежного.

И он вдруг почувствовал уважение к горожанам. Сам он мыслит просто: человек, который не хочет защищать то, что имеет, недостойн иметь это и обречен на потерю. Кое-кто считал капитуляцию разумным и великодушным шагом, однако для Старка она была всего-навсего попыткой превратить трусость в добродетель.

Как бы там ни было, люди сражались. Воры и ткачи, мясники и оружейники, каменщики и трактирщики — все бились с врагом. Не очень-то хорошо они умели это делать, но и офицеры, командовавшие ими, знали свое ремесло немногим лучше.

Зловещий грохот тарана у ворот не умолкал. Варвары, атакующие Стену, прибегали к уловкам, затевали бой в одном месте, потом переносили свои усилия на другое. Играют с нами, подумал Старк и заметил, что запас стрел как будто истощается и что все больше и больше защитников бросают свои луки. Он посмотрел на черное знамя, развевающееся на равнине, над головами неподвижных всадников.

И тут наступила развязка.

Тот, кто держал знамя, поднял его еще выше и поскакал с ним во главе резервных сил. Мелькнула черная кольчуга Киарана. Вся масса варваров вдруг пришла в движение, дико завопила и ринулась на Кушат.

— Не нужно тянуть, дружище, — сказал Старк Балину. — Помни, впереди еще один бой.

— Я знаю, — ответил Балин. — Я знаю.

Лицо его исказила гримаса страдания: родной город умирал буквально на глазах, а ему еще не представился случай пустить в ход клинок.

Но эта минута приближалась.

Совсем близко лязгнул о камень крюк лестницы. Захватчики карабкались вверх, стремясь отомстить за павших собратьев и снять с себя позор утреннего поражения. Старк ждал их у конца

лестницы со шпагой в руке. Он проткнул двоих, но его шпага осталась в груди последнего убитого, и третьего врага Старк встретил безоружным.

Балин стоял как вкопанный. Он видел, как Старк сбросил со Стены врага, слышал, как тот, падая, закричал. Видел лицо Старка, когда тот срывал лестницу и швырял ее вниз, слышал новые крики.

Потом появились другие лестницы, другие рыжие головы, Старк нашел себе другую шпагу и всю ею орудовал. Балин уловил запахи крови и вдруг удивился — как близко, совсем рядом враг, и сейчас он убьет и его, Балина, и всех, кого он любит.

Его охватила дикая ярость. Он рванулся вперед и принялся молотить по головам, возникавшим над Стеной. Однако случилось то, о чем предупреждал Старк, и поначалу он подумал: легче было бы не видеть этих лиц... Потом все прошло.

Битва была яростной, однако длилась недолго.

Барвары в трех местах влезли на Стену; их сперва сбросили, но они лезли опять и опять. С захваченных участков они устремлялись вниз, сминали защитников, отбрасывали их... Бой перенесся на улицы. И вдруг все пути, ведущие к центру города, заполнили женщины и дети.

Старк потерял Балина из виду. Он надеялся, что тот еще жив и достаточно благоразумен, чтоб покинуть поле боя. Но, так или иначе, теперь все зависело от него самого; Старк перестал думать о Балине и переключился на другое.

Огромные ворота все еще противостояли натиску тарана. Старк силой прокладывал себе путь через площадь. Ларьки мелких торговцев были опрокинуты, кувшины с вином разбиты, и красное вино текло ручьями.

Однороги кричали и бились на привязи, пытаясь избавиться от навьюченных им на спины грузов. Они опьянели от запаха крови. Вокруг громоздились горы трупов. Все оставшиеся в живых защитники города находились здесь. Солдаты и горожане по какому-то наитию выстроились в четырехугольник: пытались одновременно защищать и свои фланги, и лобовую часть ворот. Каждый камешек мостовой сотрясаясь от ударов тарана. Обшитые железом бревна ворот отвечали ему жалобным стоном, и наконец эти звуки поглотили все остальные.

Знать сошла со Стены. Сидя верхом на однорогах, они ждали. Теперь их осталось уже мало. Яркие мундиры были порваны и испачканы, а лица бледны. Но они по-прежнему держались прямо и гордо. Старк увидел Рогайна. Его руки не дрожали.

Таран ударил последний раз. Ослабевшие болты не выдержали, и огромные ворота распахнулись. Знать Кушата бросилась в первую и последнюю атаку. Как подобает настоящим солдатам, воины сдерживали всадников Мекха, пока не пали. Несколько

оставшихся в живых были смяты лавиной, хлынувшей в раскрытые ворота. И первым в город ворвался вождь Киаран.

Множество однорогов мчалось пустыми, без седоков. Старк взобрался на спину одного из них. Там, где всего гуще и яростней завязывалась драка, мелькал человек в черной броне, с надменной осанкой, и топор всякий раз разил без промаха. В глазах Старка появился странный холодный огонь. Он забыл о талисмани и о судьбе Кушата и, свободный человек, вонзил каблуки в чешуйчатые бока однорога.

Ненависть Старка была такой, что заглушила страх. Все в нем билось и дрожало. И предвкушало. Прокладывая себе путь длинной шпагой, он закричал:

— Киаран!

Черная маска повернулась к нему:

— Старк!

Тот снова прищипорил однорога:

— У моей шпаги тоже есть право, ублюдок!

Из-под маски послышался хорошо знакомый голос:

— Тогда воспользуйся им!

Черный топор описал дугу, предупреждая друзей и врагов, что это личный бой. И внезапно оба они оказались в центре небольшого круга.

Их однороги налетели друг на друга. Топор описал в воздухе кривую линию; шпага, сверкнув, ринулась ему навстречу. Раздался удар железа о железо, и топор упал на землю.

Из глоток варваров вырвался единый вопль. Старк не обратил на это внимания. Он снова прищипорил однорога.

Киаран потянулся за своей шпагой, но его рука, ослабленная ударом Старка, оказалась не такой быстрой, как обычно. Старк яростно ударил Киарана по шлему эфесом так, что металл зазвенел, будто колокол. Киаран покачнувшись в седле. Это длилось какой-то миг, но его оказалось достаточно. Старк сорвал черную маску, отбросил ее и впился пальцами в незащищенное горло противника.

Однако он не свернул эту шею, как рассчитывал сделать, а все люди кланов замерли.

Теперь Старк знал, почему вождь Киаран никогда не показывал своего лица.

Шея под руками Старка была крепкой и сильной, а сами руки оказались спрятанными под гривой черных волос, упавших на кольчугу. Алые губы, перекошенные яростью, удивительная линия щек и подбородка, глаза, горящие злобой и гордостью, как у молодого орла... Прекрасное лицо — но ни в одном мире, ни под одним солнцем его не приняли бы за лицо мужчины.

В это мгновение всеобщего замешательства она оказалась проворней, чем он. Два ее кулака разом взлетели над протянутыми руками противника и ударили его в челюсть с ошеломляющей

силой. Старк вылетел из седла и упал на залитые кровью камни, на какой-то миг потеряв сознание.

Женщина повернула своего однорога. Пригнувшись в седле, она подняла топор и посмотрела на своих приближенных и на воинов, не сводящих глаз со Старка.

— Я вела вас с честью, — сказала она. — Я взяла для вас Кушат. Пойдет ли кто-нибудь из вас против меня?

Варвары растерянно переглядывались, совершенно сбитые с толку. Старк, лежа на земле, сквозь застилавшую взор пелену разглядывал их предводительницу. Она была прекрасна в своей черной кольчуге, с развевающимися черными волосами. Его кольнуло странное холодное предчувствие, а запах крови, поднимающийся от мостовой, сделался вдруг гуще и сильнее.

Знать Кушата выбрала именно этот момент для контратаки. Странное превращение повелителя меххов дало время собрать остатки людей, и теперь они считали, что боги ниспослали им чудесное спасение. Там, где не осталось ничего, кроме их собственной смелости, они нашли надежду.

— Женщина! Проститутка! Лагерная потаскуха!.. Женщина!!!

С этими словами, как с заклинанием, горожане ринулись на варваров.

Та, что была вождем Киараном, так глубоко вонзила шпоры в однорога, что животное закричало и кинулось вперед.

Не глядя, следует ли кто за ней, она носилась среди горожан. Огромный топор непрерывно вздымался и падал.

Она убила троих, а двоих оставила истекать кровью на камнях. И по-прежнему она не оглядывалась.

Люди кланов обрели дар речи.

— Киаран! Киаран! Киаран!

Крики эти потонули в шуме битвы. Все варвары как один последовали за своим предводителем. У этих дикарей были только две возможности: сразить ее или повиноваться ей, и они сделали выбор. Верные и преданные, они пойдут за ней повсюду. И так будет до той поры, пока она не разрушит созданный ими образ — образ богини.

Старк едва удержался от смеха. Вместо того чтобы убить Киаран, он дал ей такую власть и свободу, каких она не имела раньше. Остановить ее теперь могло лишь чудо.

Отлично, мелькнула мысль в каком-то темном уголке его сознания. Отлично.

Он видел чьи-то бегущие ноги. Они толкали его, переступали через него. Люди дрались над ним, однороги едва не наступали на него своими копытами. От страха Старк пришел в себя.

Он поднялся на колени и встал: воин, считавший его мертвым, закричал и поднял пращу, но вдруг упал на землю, и Старк услышал:

— Хватай его шпагу, черт возьми, я не смогу удержать их один. Это был Лу — усталый, грязный, окровавленный, постаревший лет на сто. Старк быстро нагнулся, схватил шпагу и встал рядом с офицером.

Они дрались вместе, силой прокладывали себе путь. Но драка очень скоро превратилась в бегство, и, прежде чем они осознали это, с площади их оттеснили. Натиск врага усилился на узких улицах. Развернуться было нелегко, защитники сбивались в кучи, и варвары легко с ними расправлялись.

Старк спросил:

— Мы выберемся отсюда? Остаться нет смысла.

— Какая разница? — ответил Лу. — Что здесь сдохнем, что еще где...

— Нет уж, чем подыхать, лучше еще разок подраться. А что? Я вижу, и ты не прочь?

Теперь Лу совсем не был похож на мальчишку. Он устало сказал:

— Дерись, не дерись... Город-то потеряли.

— Зато кое-что нашли.

Варвары теперь заперли все улицы под Стеной. К тайным ходам, которые показал землянину Балин, пройти было невозможно.

Старк схватил Лу за плечо:

— Если ты проведешь меня к кварталу Благословенных, я покажу тебе эту находку.

Их оттеснили к холодным стенам домов, зажали между дерущимися. Молодой офицер пристально посмотрел на Старка и покачал головой:

— Я могу показать дорогу, но надо пробиться через эту толпу.

Старк кивнул:

— Тогда будем пробиваться. Держись ближе.

Он начал прокладывать себе путь и делал это с особой яростью, ибо понимал, что очень скоро Киаран бросится искать его. Она — все еще странно было думать о Киаран как о женщине — хотела его убить: даже вождь не смеет нарушать правила битвы один на один. Впрочем, Киаран, он знал это, предпочтет захватить врага живьем.

Как же он забыл о талисмани!.. Старк продвигался вперед все быстрее и упорнее. Люди ругали его и били, но он был выше и сильнее многих, и даже его отчаяние было сильнее, да к тому же сзади ему помогал Лу, и вскоре они очутились по другую сторону затора, где толпа распадалась на ручейки бегущих неведомо куда людей.

Старк тоже побежал, но не наугад. Дорогу ему указывал Лу. Они миновали ворота Воровского квартала. Старк уже проходил здесь раньше, посещая Королевский город. Здесь было все

спокойно. Лавочки закрылись, в домах царила тишина. Жители ушли смотреть на битву, и теперь здания застыли под зимним солнцем, тихие, как в праздник.

У Лу вырвалось рыдание — хриплый, резкий звук.

— Нас предали, — сказал он. — Они все врал.

— Насчет талисмана? Да?

— Они все врал, — офицер перевел дух. Шаги их звенели по каменной мостовой. — Но даже не в этом дело. Они были дураками, Старк. Идиотами!

— Дураков хватает везде. Каждый должен научиться думать за себя.

— Они погибли, — мстительно сказал Лу. — Заплатили за свою глупость.

— С дураками так обычно и бывает. И что, хорошо они встретили смерть?

— Да, большинство. Даже старина Соубелли. Да что толку от смелости в последнюю минуту, когда уже нечего терять?

— Каждый должен сам себе ответить на это, — сказал Старк и оглянулся.

Теперь в ворота вбегали люди. Над ними высилось несколько всадников, прокладывавших себе дорогу среди бегущих. Всадников было человек десять, они, казалось, за кем-то охотились.

— Командирами своими ты еще вчера был доволен — значит, заслужил их. А теперь плюнь на это и давай думать, как нам выжить. — Старк подтолкнул Лу к какому-то проулку. — В квартал Благословенных — это сюда?

Лу открыл было рот, потом снова закрыл и устало махнул рукой.

— Что зря спорить, — произнес он. — Сюда.

И пошел вперед.

— Быстрее, — прикрикнул Старк, — варвары Киарана уже рыщут.

Они побежали, то и дело оглядываясь.

— Она тебя не простит, — проговорил Лу и выругался. — Какой позор — потерпеть поражение от женщины!..

— Кушат захватили воины, — сказал Старк. — Не забывай!

Улица была неровная и извилистая, и главная магистраль уже скрылась из виду, но чуткое ухо Старка уловило приглушенный топот однорогов. Он схватил Лу за руку и увлек его в проулок между домами. Дальше пробирались задворками; Старк увидел, что почти все эти дома давным-давно покинуты.

Окна зияли пустыми глазницами, стены были в глубоких трещинах — пыль и ветры тут хорошо потрудились. Шум сражения теперь слышался очень далеко.

— Скоро мы придем? — спросил Старк.

— Не знаю... Думаю, скоро.

Они продолжали идти вперед, спотыкались и скользили на камнях и все время проверяли, нет ли за ними погони. А потом вместо развалин впереди выросла темная стена футов в восемь высотой, и Лу сказал:

— Здесь, по ту сторону.

Глава 10

Старк вскарабкался на стену, сел и тяжело дыша стал смотреть на квартал Благословенных. Зрелище было так себе. Здесь хоронили почти всех умерших в Кушате; огромный квартал рос как ввысь, так и вширь. Надгробия стирались, сравнивались с землей, на их месте возводились новые, а потом снова и снова, так что некоторые могилы теперь превосходили высотой стену.

Возле каждого могильного холма стояла высокая стела с именами покойных, а надо всем каменным лесом веял холодный колючий ветер. Высоко над этим угрюмым местом громоздились мрачные скалы.

Старк втянул в себя морозный воздух, и ему стало не по себе. Он обернулся и посмотрел назад, откуда все громче доносились звуки борьбы и насилия. Столбы огня тут и там поднимались к небу, а крики женщин сливались в один пронзительный вопль. Толпа варваров быстро приближалась к Королевскому городу. Алый стяг исчез с самой высокой башни королевского дворца.

Лу взобрался на стену и сел рядом со Старком.

— Ты чего?..

— Мне драться надо, а не сидеть тут сложа руки.

— Так иди, дерись! Чего ждешь?

— Балин рассказал мне, какими путями ходят те, кто грабит могилы.

Лу кивнул и криво усмехнулся:

— Испугался...

Старк нервно пожал плечами.

Лу продолжал:

— Я ненавижу тебя, Старк; ты чертовски силен и показал мне, что я перед тобой — щенок. А скинуть с тебя все эти мускулы, ты и сам сопляк окажешься! — Он спрыгнул со стены. — Идем, я покажу дорогу. Не бойся, мертвецы не тронут.

Старк рассмеялся и последовал за Лу. Они пробирались меж могил и высоких стел: всадники были где-то рядом, поэтому шли они тихо, как два настороженных зверя. Потом Лу остановился, посмотрел Старку в глаза и сказал:

— Что ты имел в виду: «кое-что нашли»?

— Талисман.

Порыв ветра ударил Лу в лицо, а он стоял и пристально смотрел на Старка.

— Откуда знаешь ты, чужак?

— Я сам принес его сюда, получив у человека по имени Камар. Он был моим другом и не успел вернуть его. Просто не дожил.

— Понимаю. — Лу кивнул. — Понимаю. Значит, тогда, утром, у памятника Бан Круаче...

— Да, я знал, что ты лжешь.

— Теперь это неважно. Где он, Старк? Я хочу его видеть.

— Он в надежных руках, его давно унесли из города. — Старк от всей души хотел надеяться, что это так. — Люди верят в него. Он должен быть у Праздничных Камней.

— Мы идем туда?

— Да.

— Хорошо, — сказал Лу. — Хорошо. Так где вход в эту твою крысиную нору?

Старк указал на арку ворот в конце улицы.

— Я должен кое-что просчитать — оттуда. Смотри, не появлялись ли люди Киаран.

Варваров видно не было. Возможно, они повернули назад. Или давно уже здесь, спрятались среди гробниц.

Старк быстро подошел к воротам и начал отсчитывать стелы, как учил Балин. Он прошел мимо той, что упала, мимо той, на которой было вырезано женское имя...

— Здесь, — сказал Старк, остановившись возле огромного позеленевшего камня.

— А если ты сосчитал неправильно? — спросил офицер.

— Вернемся и начнем сначала.

— Думаешь, успеем?

Старк вдруг оглянулся. Слева среди гробниц что-то зашевелилось, мелькнула чья-то рыжая голова, потом другая. Показались всадники. Они подошли, пока Лу со Старком ползали среди камней. Теперь всадники окружили их со всех сторон.

Кто-то увидел Старка и закричал. Старк лихорадочно принялся ошупывать каменную плиту.

Если он действительно ошибся в счете...

Он положил обе руки на плиту, как учил его Балин, и толкнул ее. Несколько мгновений плита не шевелилась, зато рыжие варвары подбирались все ближе. Потом плита заскрипела и поддалась. Пахнуло затхлым, и сбоку в могиле открылся ход. Старк пропустил Лу вперед и оглянулся. Варвары не поняли, что происходит, и неуверенно подняли луки.

Старк нырнул в подземный ход, вдогонку ему полетели стрелы; одна вонзилась в лодыжку.

— Закрой, — сказал Лу, — закрой, а то эти ублюдки влезут следом.

Они налегли на плиту, та лязгнула и встала на место; сразу стало тихо и темно.

С полминуты они молчали и приходили в себя. Снаружи глухо доносились сердитые голоса.

— Они сюда не попадут? — спросил Лу.

— Да нет. Не догадаются как.

Послышались сердитые удары о камень; потом, видимо, варвары взобрались на плиту и царапали ее копиями, искали трещины.

— Это все пока без толку, — сказал Старк. — Но если они принесут кувалды... Надо уходить.

— Впотьмах?

Старк вспомнил наставления Балина и зашарил вокруг себя.

— Даже осквернителям могил нужен свет... Здесь... если найду.

Он отыскал в углу светильник, вставил свечу, а остальные свечи спрятал под тунику. Пусть люди Киаран, если войдут, сами подумают об освещении.

Снаружи стучали все громче и громче. Старк осмотрел рану. Она была неглубокая, но сильно кровоточила. Лу оторвал полоску ткани от своей туники и перевязал его. Старк при тусклом свете фонаря разглядывал гробницу. Внутри было просторно и пусто. На каменных уступах грабители, видимо, хранили добычу.

— Спасибо... Видишь тот камень, с кольцом? Подними его.

Под камнем оказался узкий колодец; на стенах темнели выемки.

Старк глянул на Лу и усмехнулся:

— Ага, теперь и ты испугался?

— Это мертвецов, что ли? Чего их бояться... А вот если тут оступишься...

— Ну давай я полезу первым, посвечу тебе.

Старк встал на колени, прикрепил фонарь к поясу, нащупал зарубки и начал спускаться, потом посмотрел на Лу снизу вверх и связвил:

— Гляди в оба...

Лу промолчал и осторожно последовал за ним.

Они спускались долго. Шахта была очень старая и очень глубокая; грабители, как кроты, вгрызались в землю Бог знает сколько сотен лет, и Старк на каждом шагу их проклинал. На лбу выступил пот, все тело ныло, а неуклюжий Лу то и дело оступался над самой его головой.

Наконец они попали в просторное сводчатое помещение. Старк ждал, пока Лу придет в себя и успокоится. Фонарь освещал стены — казалось, они такие же гладкие и чистые, как тысячу-другую лет назад, только на полу валялась какая-то ветошь да в углах скопилось пыль. Было душно, но свеча горела хорошо.

Старк осмотрелся и увидел в стене грубо врезанную дверь, за ней — узкий, грубо вытесанный туннель.

Сколько же лет этому туннелю, подумал Старк. Да и кому понадобилось с таким трудом создавать его? Разве что здешние захоронения побогаче, чем гробница Тутанхамона...

Туннель прорезал целую сеть помещений, и все они были пусты, лишь кое-где лежала кучка костей или черепки. Боковые туннели, должно быть, вели к другим могилам.

А может статься, подумал Старк, этот туннель начали строить в тот день, когда в Кушате появилась первая могила, вот все время его и расширяли, тянули дальше и дальше...

— Ты знал о туннеле? — спросил он Лу.

— Насчет подземных ходов под городом рассказывали всякое. Я не обращал внимания, — сказал офицер и добавил: — Выходит, зря...

Голоса их казались тусклыми, невнятными и приглушенными, а боковые проходы отвечали им негромким унылым эхом. Старк и Лу, не сговариваясь, замолкли.

По расчетам Старка, последняя гробница осталась далеко позади; они вышли из квартала Благословенных и находились теперь под Королевским городом.

Туннель расширился и привел в большой темный зал. Старк высоко поднял фонарь и взгляделся в полумрак. Теперь он понял, зачем построили туннель.

— Катакомбы, — прошептал Лу, — гробницы королей Кушата...

Темнота поглотила его слова. Лу схватил Старка за руку:

— Зажги еще свечу.

Старк передал ему ту, что находилась в фонаре, а на ее место поставил новую. Лу был ошеломлен.

— Но ведь их так тщательно скрывали, — пробормотал он. — Здесь три уровня, и каждую галерею запирали, чтоб никто не проник...

— Закрывали сверху, — сказал Старк. — Камар мог прийти за талисманом снизу, под землей...

— О, — произнес потрясенный Лу. — Но посмотри, что они сделали!

Правителей Кушата хоронили по-королевски: каждого тщательно бальзамировали, сажали на погребальный трон со всеми королевскими регалиями, а вокруг раскладывали оружие и кубки с вином, различные сосуды и прочую утварь.

Рельефы на отполированных до блеска потолках и стенах изображали сцены из жизни тех правителей, что сидели вдоль этого очень длинного и широкого зала, каждый в специально отведенной для него части. С потолка свисали богатые ковры, отделяя одного короля от другого, и Старк представил эти яркие роскошные ковры на полу. Наверное, удивительное было зрелище, когда факелы освещали длинную погребальную процессию, когда священники, знать и плакальщицы следовали за усопшим, когда короля несли на щитах к месту его вечного успокоения...

Воры Кушата растащили все до последней крошки. Даже чугунные канделябры вытащили из стен. Не осталось ничего, одни каменные троны — их невозможно было унести. И еще остались

сами короли. С них сняли одежду, оружие, украшения... Голые королевские тела застыли на тронах или валялись как попало — там, где их бросили непочтительные грабители.

— И так было всегда, — пробормотал Лу. — А мы ничего не знали...

— Пойдем отсюда, — сказал Старк.

Он погасил свечу и зашагал прочь, наступая на королевские останки.

Дальше туннель никуда не сворачивал. На пути Лу и Старку встретились два боковых коридора — наверное, они вели к какому-то другим катакомбам.

Старк шел быстро. Скорей, скорей наружу!.. Интересно, сколько же времени потребуется Киаран, чтоб взломать гробницу и отыскать колодец? И как скоро она догадается расставить вокруг города часовых?.. Да что там думать — надо скорей выбираться из этой западни!..

Туннель кончился даже быстрее, чем они ожидали. Вдруг откуда-то налетел сквозняк, впереди замаячило блекло-серое пятно.

Старк погасил свечу, тронул Лу за руку, — тот насторожился, — и они медленно и осторожно направились к концу туннеля.

Туннель выходил на дно глубокой скальной расщелины — там уже залегли ночные тени, однако небо еще освещали бледные лучи солнца. Вокруг было тихо и безлюдно. Старк вылез из туннеля и глубоко вздохнул, будто только что избежал смертельной опасности.

— Вот она, тропа. — Лу показывал на узкий карниз на краю расщелины.

Мужчины вскарабкались по тропе и попали на равнину. Не одну тысячу лет здесь встречались воры и торговцы, заключали сделки, торговались из-за королевской утвари или украшений.

Над городом поднимался столб черного дыма, ветер доносил отдаленные крики. У Лу, как у ребенка, задрожал подбородок.

— Праздничные Камни вон там, — сказал он и почти побежал. Старк пошел следом.

Высоко над ними, так близко, что слышно было, как бьется о каменные своды ветер, высились Врата Смерти.

Глава 11

Праздничные Камни оказались вовсе не древним алтарем бога Солнца, как думал Старк, а фундаментом древней башни — точь-в-точь в такой же умер Камар. Башня давно рухнула, ее обломки тут и там рассеялись по равнине. Годы, туманы и ветер сделали свое дело, и сейчас обломки башни походили просто на россыпь валунов.

Возле камней толпились люди; остальные все шли и шли сюда по узкой тропе. Почти все они молчали. Время от времени порывы ветра приносили со стороны города запах гари и дыма.

Лу огляделся; он прикинул, сколько среди собравшихся мужчин, а сколько женщин и детей.

— Не велика армия...

— Ничего, справимся, — сказал Старк.

Он искал Танис, нигде не находил и был уже почти в панике, когда наконец увидел ее. Она помогала перевязывать раненых. Лицо у девушки было усталое и сосредоточенное. Старк окликнул ее.

Она подняла голову, потом бросилась к нему и обняла. Танис ничего не говорила — просто крепко прижалась к землянину и дрожала всем телом. Потом глубоко вздохнула и отстранилась, чуть заметно улыбнувшись.

— На, держи, — сказала она и протянула пояс Камара.

Старк взял пояс.

— Где Балин?

— Ведет сюда других беженцев. Пришли люди и из других кварталов. Он думает, они пригодятся тоже.

— Каждый может пригодиться. — Старк усмехнулся. — Даже Лу.

Танис свирепо глянула на Лу, но тот стоял такой печальный и покорный, что девушка пожала плечами и отвернулась.

— Может, ты и прав, — сказала она. — В любом случае — нас больше.

— Да, — кивнул Старк.

Он положил руку на выступ пояса, повернул его и посмотрел на толпу, затем перевел взгляд на скалы. Бледные лучи солнца освещали заледеневшие камни, и те, казалось, горели — такими он их увидел в первый раз. Скалы словно полыхали адским огнем.

Старку вдруг удивительно ясно вспомнилось, как горел в его руке талисман и как говорили далекие, тихие нечеловеческие голоса.

Он крепче сжал в руке пояс с тайником, вышел в центр круга и взобрался на небольшой каменный постамент. Пока подходили люди, он смотрел на дым над Кушатом и думал о Киаран, о плети и черном топоре, и почти не думал о ее черных волосах, белой коже и прекрасном лице.

Старк начал свою речь:

— Почти все вы знаете: талисман Бан Круаче украл человек по имени Камар.

Послышался гул голосов. Многие посылали проклятия этому имени, а другие закричали:

— Кто ты такой, чужак, чтобы рассуждать о талисмане?

Те двое, которых Старк накануне видел в таверне, взобрались на камни и встали рядом с ним.

— Балин поручился за него, — произнес один. — И у него есть что вам сказать, поэтому слушайте.

Они присели тут же рядом, держа свои ножи наготове.

Старк продолжал:

— Я был другом Камара. Старик умер на пути сюда. Он хотел вернуться и отдать то, что взял. Я в долгу перед ним и согласился закончить это путешествие вместо него.

Он открыл тайник и достал завернутый в шелк кристалл.

— Вы знаете — или догадались, — что так называемый талисман, лежащий в раке, всего лишь подделка. Знать положила его туда, чтобы скрыть пропажу. — Старк подождал, пока утихнет сердитый шум, а потом поднял руку с кристаллом. — Теперь смотрите!

Он снял с кристалла шелк, и лучи солнца упали на грани. Кристалл поглотил этот свет, переработал, распределил... Талисман искрился и горел, заметно потеплев в руке. Свет его слепил глаза.

Зазвучали голоса — прямо у уха. За спиной, близко, рядом, совсем рядом, совсем-совсем рядом...

— Старк!

Это был Балин. Он позвал и вернул Старка в реальный мир.

Старк увидел, что все вокруг застыли в немом порыве, благоговейно глядя на него. На него и на талисман.

Он снова завернул кристалл в шелк и убрал в тайник на поясе. Сквозь толпу к нему пробирался Балин. Поодаль, там, где Балин их оставил, стояла группа беженцев, и Старк узнал среди них Рогайна.

Балин остановился у постамента и сказал:

— Из Кушата идут варвары.

— Что ж, тогда в путь. — Старк наклонился — он еще не совсем пришел в себя и действовал машинально — и подал Балину руку. Тот встал рядом с ним.

— Вы знаете Балина, — сказал Старк, — так слушайте его.

Балин заговорил:

— Мы со Старком решили пронести талисман через Врата Смерти. Посмотрим, что за силу мы там найдем! Посмотрим, поможет ли она выгнать из Кушата варваров! Пусть каждый, кто хочет, идет с нами.

Они вместе спрыгнули с камня и направились к тропе. Все громко закричали — люди устремились друг к другу, смешались в единую массу.

Кто-то крикнул:

— Бан Круаче!

Это имя подхватили как клич. Лу пробрался к Старку; он тоже кричал:

— Талисман! Нас ведет талисман!

Горожане устремились вперед. Старк передал Лу фонарь и свечи.

— Иди первый, — велел он. — Найдешь хорошую позицию и сразу готовь оборону. Ставь всех, кто в состоянии двигаться. Детей тоже — пусть камни бросают.

— Я пойду с ним, — сказал кто-то за спиной Старка.

Это был Рогайн. За день предводитель города состарился на триста лет. Его ранили, на рукаве запеклась кровь. Но держался он гордо и спокойно смотрел на Старка. Тот кивнул, и Рогайн, тяжело ступая, присоединился к Лу.

— Хороший человек, — пробормотал Старк. — Жаль только, плохим полководцем был.

Потом он закричал:

— Пусть женщины и дети пойдут первыми! Мужчинам держаться позади — будем прикрывать отход! Балин, веدي! Скорее, скорее!

Все устремились к тропе, запылали факелы. Старк и Балин задержались, повернувшись в сторону Кушата, и увидели отряд всадников — человек в пятьдесят; варвары пробирались среди скальных обломков. Впереди маячила фигура в черной тунике.

— Неужели их ведет Киаран? — удивился Балин.

— А почему нет?

— Она же только что взяла город. Любой другой вождь... Да, тот кинулся бы за добычей, а ей это ни к чему. Ей важнее собственное тщеславие.

Всадники медленно, но верно приближались, и Старк подумал, какую же власть имеет Киаран, если она нашла полсотни таких, кто добровольно отказался грабить Кушат!.. Наверное, это вожди кланов, они все равно получают свою часть добычи. А может, больше всего на свете они хотят захватить талисман?

Балин нерешительно сказал:

— Старк, когда ты стоял с талисманом — ну, когда я тебя окликнул...

— Да?

— У тебя было странное лицо. Как у сумасшедшего. Или как у ангела.

— Со мной что-то творилось, — признался Старк. — Я с кем-то говорил.

Балин удивленно хмыкнул. Старк покачал головой:

— Я слышал чьи-то голоса. Но мне почудилось, что говорили там, за тропой.

— Ага, — произнес Балин, и глаза у него загорелись, — значит, как и Бан Круаче, мы найдем там помощь?

— Это только боги знают, — ответил Старк. — Был такой миг, когда мне показалось, что я понимаю... — Он умолк и вздрогнул. — Потом поговорим, когда по тропе пойдем. Времени хватит. — Он оглянулся. — Догоняют...

— Ты погляди туда, — сказал Балин, — на Праздничные Камни.

На равнине появились люди, как будто из ниоткуда. Старк кивнул:

— Правильно. Они пришли за нами через туннель.

Горожане поднялись к тропе и побежали. Они бежали быстро, но варвары оказались проворнее. Старк рассчитал, что и те и другие достигнут тропы одновременно и гораздо быстрее, чем он того желал.

— Что будем делать? — спросил Балин.

— Прикроем остальных. А пока — идем как можно быстрее!

Они бежали, подгоняли людей, торопили. Низина погрузилась в темноту. Красный свет сверху заливал тропу так, что люди шли словно по кровавой реке. Старк подумал: до чего же ничтожными кажутся люди на фоне огромных угрюмых скал и как же быстро исчезают они в узких Вратах Смерти.

Он оставил Балина и попытался обогнать колонну горожан. Ему не терпелось увидеть Врата Смерти, прежде чем дневной свет погаснет совсем.

То было дьявольское место: трещина в хребте, и по бокам ее — башнеподобные глыбы, смыкавшиеся вверх. Между ними дико свистел ветер, и Старк возненавидел Врата Смерти. Он ненавидел их неосознанно, чувствуя в них что-то неведомое, неестественное, внушающее рабопный страх. И ненавидел их осознанно — как смертельную ловушку. Балин сказал, что Врата Смерти возникли после обвала, так что мистики не было хоть в этом.

Старк хорошо знал горы; он глядел на хмурые скалы и понимал: камень тут непрочный и предательский, готов рухнуть при малейшем прикосновении. Землянин нашел Лу и Рогайна и предупредил их, чтоб они были осторожны, и те передали его слова по всей цепи.

Старк остался стоять за грудой камней и глядел вверх, на скалы.

Люди спешили мимо него. Женщины тащили вещи, старшие дети несли младших. Шествие замыкали мужчины. Последним шел Балин. Увидев Старка, он остановился:

— Враг наступает нам на пятки. Что, готовимся подраться?

Старк глянул вверх:

— Думаю, не стоит. Дай-ка мне копьё.

Балин взял у кого-то копьё и передал Старку. Тот положил копьё рядом с собой, отстегнул пояс Камара и протянул Балину. Потом ремнем закрепил копьё на спине; все это он продельвал, попутно объясняя Балину свой план.

Балин смерил скалу взглядом и вздрогнул.

— Я ничем не могу тебе помочь.

— И не надо, — спокойно ответил Старк. — Ты поскорей уводи людей. Главное, чтобы вон там никого не осталось. — Он показал туда, где тропа огибала скальный выступ. — Кто-нибудь умеет обращаться с пращей?

— Наверно, те, кого привел Рогайн.

— Поставь их за выступом. Только так, чтобы их не заметили.

Балин кивнул и что-то пробормотал насчет силы, которой боги наградили Старка. Затем побежал выполнять поручение.

Старк пересек тропу и начал взбираться на скалу.

Еще в детстве аборигены научили его скалолазанию. Учеником он оказался способным и сейчас легко вспомнил урок. Дыхание Старк распределял правильно, да и подъем оказался легче, чем он думал. На скале было за что уцепиться; снизу она казалась круче.

Тщательно ощупывая камни, Старк довольно быстро добрался до узкого уступа. Свет слабел буквально на глазах, обгонял его, ускользал, по мере того как он поднимался, но Старк подумал: хватит и того света, что еще остался. Зато совсем не осталось времени — вот это было куда хуже.

Он карабкался почти вслепую: припал к скале, сросся с ней, работал и руками, и ногами, как его когда-то учили, подражал ящерицам. Он и сам походил на огромную бесхвостую ящерицу.

Старк взобрался на уступ, распластался на камне и попытался унять дыхание.

Снизу на тропе бряцало оружие. Тени сгустились, но все же света было еще достаточно, чтобы разглядеть всадников, догонявших беглецов. Они ехали гуськом по узкой тропе, однороги медленно и осторожно обходили препятствия. Пешие воины, должно быть, шли позади.

Первой ехала Киаран в своей черной кольчуге. Доносился ее голос: слов он не разобрал, но понял, что она нетерпеливо понукает остальных. Старк улыбнулся. Она, наверное, считала, что талисман уже у нее в руках.

Он встал и прошел по выступу. Киаран ехала как раз под ним. За ней следовали главари меххов, непрестанно проклиная и дьявольское место, и сгущающуюся темноту. У некоторых были фонари; они остановились зажечь их и сейчас боролись с ветром.

Теперь Старк не торопился. Он подошел к груде камней и снял ремень, удерживающий копьё за спиной. Пригнулся, спрятал лицо от налетевшего ветра, укрепил длинный конец копья между камнями и поставил ногу на короткий конец. Получился неплохой рычаг.

Скалу развели туманы и перепады температуры. Камень крошился, сыпался вниз и собирался в груды. Теперь тонны камней были готовы соскользнуть вниз. Все, что нужно, — это толчок.

Старк налег на край копья, и освобожденные валуны с грохотом устремились вниз.

Глава 12

Снизу слышались испуганные голоса. Старк представил себе, как всадники застыли в седлах, как насторожились и прислушиваются. Камни ударились о тропу, и все стихло. Несколько

мгновений слышался лишь вой ветра. Потом вниз обрушился целый водопад камней. Они гремели и бились друг о друга. Шум лавины все нарастал и нарастал, и эхо катилось по ущелью.

Старку показалось, что он вновь слышит голоса, на этот раз очень громкие. Он бросился на камни ничком и прижался к ним. Все слилось в одном сплошном грохоте. Целый участок скалы рухнул вниз и исчез в темноте, подняв кучу пыли.

Из горла Старка вырвался торжествующий смех, но ни он сам, ни кто другой его не услышал.

Все получилось лучше, чем можно было надеяться. За первым камнепадом последовали еще три, каждый сильнее предыдущего, и шум их лишь слабым эхом отдавался в голове полуголохшего Старка.

Потом наступила пугающая тишина, которую нарушал лишь шорох какого-нибудь запоздалого камня или слабый стон.

Старк поднялся на четвереньки и посмотрел вниз. В воздухе плотной завесой повисла пыль, но ветер уже рвал ее в клочья. Огромная груда камней совершенно закрыла проход и как стеной отделила Киаран от ее людей — с ней оставалась лишь горстка воинов, с которыми легко могли справиться люди Балина.

Старк рассмеялся и медленно двинулся в путь.

Он спускался в полной темноте, и все его внимание поглощал спуск, но он слышал крики боли и гнева и, как ему показалось, голос Балина, отдававшего резкие приказания.

Вышла ближняя луна, и спускаться стало легче.

Наконец кто-то направил на него фонарь и помог спрыгнуть на землю.

В свете фонаря землянин увидел Балина. Тот взволнованно крикнул:

— Мы взяли ее! Она тут! Теперь не убежит!

Старк принялся растирать ноги — они совсем онемели. Он настолько устал, что готов был упасть и заснуть на месте.

— Вино есть? — спросил он.

Кто-то протянул ему бурдюк, и Старк жадно припал к нему. Балин все говорил, рассказывал, как Киаран и еще семь-восемь всадников хотели отойти назад, когда начался первый камнепад, и как трое попали в обвал.

Прежде чем всадники успели прийти в себя, люди Балина выбили их из седел. Киаран пыталась обороняться топором, но ее свалили на землю, и Балин решил, что она умерла. Потом подошли горожане — добивали тех, кого не раздавили камни. Они-то и заметили, что она еще жива.

— Мне пришлось выставить охрану, — закончил Балин. — Под горячую руку хотели убить и меня. Еле успокоил!

— Киаран нам может еще пригодиться, — сказал Старк. — Как только рассветет, ее люди начнут растаскивать камни. Между нами и варварами — еще три обвала, хоть и не таких больших, так

что времени им понадобится уйма. Но рано или поздно они расчистят путь. И тогда придется пустить в ход то, что поможет с ними справиться — иначе свобода нам дорого обойдется.

Собралась целая толпа горожан. Люди приветствовали Старка, однако слышались и недовольные возгласы. Тогда Старк сказал:

— Потерпите. Если окажется, что Киаран нам не нужна, ее можно убить потом.

— Старк, почему не обменять ее? — спросила Танис. — Они отдадут взамен Кушат.

Очевидно, многие думали так же. Старк покачал головой:

— Да, отдадут. И Кушат будет в ваших руках ровно столько дней, сколько потребуется Киаран, чтобы собрать войска и снова взять город. Вот тогда вы пожалеете, что не убили ее. Это дело безнадежное. Варвары сровняют Кушат с землей.

Он поймал себя на том, что уже не говорит, а кричит.

— Неужели вы не понимаете? С нашими силами и нашим оружием мы не удержим Кушат! Вы потеряли город и никогда его не вернете, если только талисман не даст вам силу.

Они молчали и слушали — теперь испуганно.

— Без талисмана в обмен на жизнь Киаран мы только купим себе жизнь, и все.

Старк двинулся вперед — люди перед ним расступались. Даже Танис держалась поодаль. Он прошел мимо трупов вождей и завернул за скальный выступ вслед за поворотом тропы.

С этой стороны вода, обильно попадавшая сюда весной, когда таял снег, проделала огромную нишу. Она кое-как защищала от свирепого ветра, и здесь, в наскоро разбитом лагере, устроились женщины и дети. Они делили скудный запас еды и пытались укрыться от ночного холода. Разжигать костер было нечем, горели лишь два-три фонаря.

Старк заметил впереди тусклый свет и пошел на него. Там стояли Лу и Рогайн, а между ними, распрямившись и оперевшись спиной о скалу, стояла Киаран.

Воинские доспехи с нее сняли, и на девушке осталось лишь короткое кожаное одеяние, плотно облегавшее тело. Кто-то набросил ей на плечи изодранный плащ. Лоб ее был весь в глубоких царапинах, на щеках и шее засохла кровь. И все равно она держалась как королева.

Старк посмотрел на нее. Киаран ответила прямым открытым взглядом, и в нем не было ни жалости, ни смущения, ни мольбы о пощаде. Она молчала.

Старк прошел мимо, завернувшись в предложенный Лу плащ, лег на холодные камни и мгновенно заснул. Когда он проснулся перед рассветом, окоченев от холода, Киаран сидела на камне. Он удивился: да спала ли она вообще? И какие сны ей снились, если спала?

— Пусть Киаран идет вместе с нами, — сказал Старк Лу и Рогайну. — Ее надо хорошенько охранять.

Они съели свой скудный завтрак и пошли дальше. Старк подумал, что никогда не видел такой оборванной и несчастной армии, которая бы так слепо шла навстречу судьбе. Он двигался во главе этой армии, рядом шагал Балин, за ним — Лу и Рогайн вместе с Киаран. А дальше шли горожане — как попало, в беспорядке, потому что опасность с тыла больше не угрожала.

Для Старка это было началом тяжелых испытаний.

Солнце взошло, но теперь тропа пролежала среди высоких скал, и свет здесь был тусклый и странный. Ветер завывал и бился о стены ущелья, камень отвечал ему на разные лады, и Старку мерещилось, что он снова слышит те, нечеловеческие голоса, которые говорили, пока он держал талисман. Балин вернул ему пояс Камара, сказав, что недостойн чести носить его.

Старк подумал, что Балин стремится избавиться от этой вещи. Талисман снова стал тяжким грузом, и Старк его ненавидел. Сейчас сильнее, чем когда бы то ни было, землянин ощущал странную силу, которая жила в этом кусочке кристалла. И то, что ответ на загадку талисмана лежит где-то рядом, означало: хочет он того или нет, он неизбежно встретится лицом к лицу с этими силами.

Встречи этой Старк ждал.

Он пытался образумить себя, стремился переключить внимание на тропу, крутую и опасную. Но все равно в воздухе будто стоял запах чего-то дьявольского, древнего, пропыленного — старого, но живучего; в дуновении ветра чувствовался аромат настолько тонкий, что различить его могли разве что дикие звери.

Каждый нерв Старка был напряжен. И как он ни цеплялся за то, что еще осталось в нем от цивилизованного человека, это «я» ускользало от него все больше и больше. Чем дальше он шел, тем больше менялся: сутулился, шаркал ногами, колени сгибались — ни дать ни взять, питекантроп...

Самым неприятным было то, что Киаран, внимательно наблюдавшая за Старком, понимала, что с ним происходит. Все утро она шла ему след в след, со связанными за спиной руками. Она ни разу не заговорила с ним, но он постоянно ощущал на себе ее взгляд.

Когда все остановились поесть и отдохнуть, Старк подошел к ней — Киаран сидела поодаль, одна. Ей не дали ни еды, ни питья, и она ничего не просила.

Старк разломил свой ломоть пополам и протянул девушке. Она взяла хлеб и начала есть, изо всех сил стараясь не показать, до чего проголодалась.

Старк сел перед ней на камень и кивнул Лу и Рогайну; те отошли в сторону, обрадовавшись передышке. У Старка оказалась бутылка с остатками вина; вино он тоже разделил с Киаран.

Потом сказал:

— Жалеешь, что не убила меня?

— Да. — Ветер швырнул ей в лицо прядь волос, и она нетерпеливо отбросила ее. — Ты — мое проклятие, Старк. Я не из тех, кто прощает.

Он кивнул на горожан:

— Они тоже.

— У них нет выбора, — отчеканила Киаран. — А у тебя был. — Она с искренним любопытством посмотрела на него. — Твои обязательства по отношению к этим людям не больше моих. Почему ты отказал мне?

— По двум причинам. Я дал слово...

— Мертвому.

— Другу.

— Это лишь одна причина. Продолжай.

— Мы с тобой похожи, — сказал Старк. — Кажется, ты сама так говорила. Мы слишком похожи, поэтому и не выносим друг друга. Кроме того, я совсем не хотел брать Кушат. — Он снова протянул ей бутылку вина. — Ты, наверное думаешь, что у меня нет честолюбия. Зато у тебя его с избытком. Ты стала госпожой Мекха. Почему бы тебе не довольствоваться этим?

— Довольствоваться? — повторила она. — А ты доволен? Ты когда-нибудь был доволен?

Он обдумал ее вопрос.

— Не часто и не надолго. Но я не такой тщеславный, как ты.

— Ветер и огонь, — произнесла Киаран. — Один бродит без толку туда-сюда и теряет силы, другой все пожирает и тоже гаснет. Что ж, посмотрим, кто из нас мудрее — когда битва кончится. Но не говори со мной о том, кто доволен, а кто нет.

У нее было красивое волевое лицо, гордая осанка, длинные ноги, прекрасные плечи и изящные длинные руки, в которых непривычно было видеть топор.

— Интересно, — сказал Старк, — почему ты стала такой, как есть?

Киаран презрительно ответила:

— Мужчина волен быть каким захочет, и никто ничего не спросит, но женщина должна быть женщиной и больше никем? Так скучно все это объяснять... — Она прислонилась спиной к скале, и в глазах ее зажегся огонек торжества. — Я не просила жалеть меня — мне все равно, женщина я или нет. Если умру сегодня, ни о чем не пожалею. Что сделано, то сделано.

Киаран замолчала, а Старк попытался угадать, о чем она думает.

Потом она тихо добавила:

— Но если мне суждено жить, я сделаю больше, чем вчера. Кушат — только начало.

— Начало? — переспросил Старк. — Начало чего?

— Пути к Харрисану. — Теперь она говорила совсем тихо. — Этот город окружен стеной, Старк. Он похож на Кушат, но богаче и сильнее. Мой дед был королем Харрисана. С тех пор как я научилась ходить, я прислуживала во дворце. Король и не догадывался, что у него есть внучка. У меня не было имени. Знал все только мой отец. Однажды где-то в коридоре он подошел к моей матери и посмотрел на меня — мы были похожи как две капли воды. «Так вот это отродье», — сказал он. Моя мать, кажется, извинялась — не помню, что она говорила. Отец резко оборвал ее. «Будь довольна, что это девочка, а то вряд ли она дожила бы до десяти лет. Она — моя точная копия». Потом он забыл обо мне. Но когда я подросла, я больше занималась военным искусством, чем уборкой дворца. За это каждый вечер меня били, и все равно на следующее утро я убегала. Мой отец был искусным воином, и я — точная его копия — тоже постигала военное мастерство. В конце концов я ушла — отправилась добывать себе богатство. Вот этими руками, Старк, — Киаран повысила голос и сжала кулаки, — а не всякими там альковными уловками.

Старк кивнул:

— Ты хотела получить талисман, чтоб он помог захватить город твоего отца?

— Да, захватить Харрисан. Мой отец умер три года назад, а кроме меня, детей у него не было. — Она поглядела на Старка и покачала головой. — Если бы ты сражался на моей стороне, а не против... Что ж, свершившегося не изменить. Хотя — кто знает, что нас всех ждет?.. — Киаран внимательно взглянула на него. — Мне кажется, ты-то как раз знаешь и поэтому боишься.

— Посмотрим, — сказал Старк.

Он поднялся и прошел в голову колонны. Он не стал говорить Киаран, что если им вновь придется встретиться лицом к лицу, то они будут биться, как мужчина с мужчиной, без оглядки на ее пол. Он знал, что и она это понимает. И знал, что нет смысла говорить об этом еще и потому, что такой встречи никогда не будет.

Колонна снова двинулась вперед.

Тропа спускалась все ниже и ниже. Кругом были только камень и лед, и все же тревога росла. Старк шел, преодолевая незримое сопротивление, будто против течения реки. И не он один это ощущал. Балин, Лу, Рогайн, Танис и все остальные шли в мрачном безмолвии. Даже на лице Киаран сквозь маску надменности проступало беспокойство.

Внезапно каменные стены расступились, и между гор открылась долина. Люди замерли. Ветер, который так нападал на них в ущелье, совершенно затих, и долина казалась пугающе спокойной.

Долго стояли они молча, скованные необъяснимым волнением. Наконец Танис плотно завернулась в плащ и подошла к Старку и Балину.

— Что это такое? — спросила она.

— Не знаю, — промолвил Старк.

Глава 13

В долине находились три башни. Две были без крыш и давно заброшены. А дальше шли покрытые льдом руины, самые странные руины из всех, какие видел Старк.

Можно было различить улицы, рынки, площади. Вдоль улиц сохранились фундаменты домов, походившие на огромные морские раковины с выеденной сердцевиной. Корка льда делала все цвета яркими и светящимися, добавляла глянец там, где руины освещало солнце.

— Они что, строили из шпак и иголок? — спросил Балин; он глядел на город, широко раскрыв глаза.

— Что-то вроде того, — произнес Старк.

Здесь, где строительным материалом мог служить только камень, из него были построены лишь высокие башни. Весь легкий и грациозный каркас города был создан из разноцветного металла, и мрачная, черная каменная долина окунулась в мягкие зеленые, желтые и голубые цвета с алыми и розовыми вкраплениями.

Высокие здания обвалились, низкие уцелели. Здесь ничего не строили на века.

Третья башня стояла прочно.

Старк смотрел на нее и чувствовал нарастающий животный страх. Вот так и выглядел когда-то весь город — в те дни, когда он был еще силен. Башня, массивная и очень высокая, пугала и угрожала. Ее возвели из разных сортов камня, а на верху башни блестело что-то, похожее на звезду. Только эта звезда не давала света, а распространяла облачное мерцание, словно вокруг нее дрожал воздух.

Это облачное мерцание заполняло почти треть долины; в нем пряталась та часть города, которая еще не лежала в руинах. Очевидно, все это было когда-то единым целым, и мертвую часть города покрывала такая же дымка, которую создавали заброшенные сейчас башни. Линия раздела была очень четкой: сперва шли покрытые льдом разрушенные здания, затем пустырь, а дальше начинались улицы, поднимались арки, прочно стояли многоцветные стены. Там не было и следа холода и упадка.

Но не было и жизни. Никто не ходил по длинным улицам, и над всей долиной царило безмолвие.

Старк услышал, как засмеялась Киаран, и обернулся к ней. Девушка смотрела мимо него на яркие пустые здания.

— Кажется, легенды, как и люди, тоже умирают.

Старк поднял голову — словно чуткий зверь на незнакомый звук:

— Здесь еще есть жизнь.

Он положил на пояс руку и ощутил, как горит под нею талисман.

— Здесь должна быть жизнь, — подтвердил Балин. — Посмотрите — башня еще действует. Наверное, кто-то... что-то... занимается ею.

Остальные подхватили его слова. Люди так измучились, что готовы были верить всему. Показывая на башню, Балин продолжал:

— В ней, конечно, заключена какая-то сила. Может, и та самая, которую унес с собой Бан Круаче. А ты, Старк, что думаешь?

Старк медленно проговорил:

— Я думаю, это защита ото льда и холода. Посмотри, в городе, кажется, совсем тепло.

— И тихо, — пробормотал Лу. — Зачем мы друг друга обманываем? Город мертв. Мертв, как Бан Круаче.

Но его услышал только Старк. Люди заволновались, некоторые, самые нетерпеливые, направились вниз по склону. Это была их последняя надежда. Сила, которую они искали здесь, могла помочь им вернуть то, что осталось от их города, домов, семей. Даже если бы они купили свои жизни ценой жизни Киаран, без этой силы они превратились бы в жалких бродяг.

— Лучше бы немного обождать, — заметил Старк.

Балин только покачал головой, и Старк не стал настаивать. Он открыл тайник, достал талисман, завернутый в шелковый лоскуток, и протянул Балину.

— Это принадлежит Кушату, а не мне.

Балин понял:

— Правильно. Спасибо за честь. — Он взял талисман с опаской и даже не стал разворачивать. — Но я не Бан Круаче. Если я уроню, подними его.

Они пошли рядом, а люди последовали за ними.

Все чувства Старка обострились, он слышал самые мельчайшие звуки. Не глядя, он знал, что Киаран идет сзади, а Танис рядом.

Но чувствовалось что-то еще, чему не было названия и что было сильнее всего остального. Старк все еще шел против страха, словно против течения — как тогда, на тропе. Свет и простор совсем не успокаивали.

Вокруг громоздились разноцветные фантастические руины, а впереди блестели стеклянные ленты улицы.

— С этим народом у нас нет ничего общего, — произнес Балин вполголоса. Он не хотел будить эхо. — Даже когда наш мир был молодым и богатым, мы не строили ничего подобного.

И ни одна марсианская раса не строила ничего подобного, подумал Старк. Он видел древние города. Их строили люди. Но никому из людей не придет в голову возвести такие изогнутые стены, такие огромные вытянутые арки. Человеческой руке не под силу открывать эти странные узкие двери. Люди по-другому понимают геометрию... Старк не сомневался в своей правоте — ведь он слышал голоса.

Вслух он сказал:

— Прежде они владели всем, что лежало за Вратами Смерти. Праздничные Камни тоже были когда-то такой башней. А руины других башен видны по всей Северной земле.

— Да, видно, металл давным-давно до крошки растащили и употребили в дело, — хмыкнул Балин.

Теперь колонна двигалась значительно медленнее. Матери крепче прижимали к себе детей, мужья держались ближе к женам. Все молча шли по улице, которая вела к мерцающей завесе. Линия раздела была уже близко, до нее оставалось шагов сто.

Балин как-то странно и безнадежно качнул головой, поднял талисман и сделал жест, как будто собирался зашвырнуть его подальше. Потом что-то пробормотал сквозь зубы, но что — Старк не расслышал и снял с кристалла шелк.

Люди вздохнули, а Танис с гордостью посмотрела на брата.

— Веди нас, — сказала она.

Держа талисман на сложенных вместе ладонях, Балин зашагал вперед. Старк все внимание сосредоточил на том, что лежало на пути. Тело его напряглось, как пружина. Он пытался увидеть сквозь стену, услышать молчание, понять непостижимое.

У края облачной завесы Балин замедлил шаги. Пройдя еще немного, он остановился и почти с детским изумлением проговорил:

— Тепло...

Старк кивнул. Город лежал перед ним прозрачный, словно во сне, полный ярких красок и мягкой тени, погруженный в глубокий покой. Небо наверху скрывалось в дрожащих воздушных струях. Было тепло, слишком тепло после суровой стужи. Люди, почувствовав какое-то приятное томление, начали расстегивать плащи. Потом принялись снимать с плеч поклажу, аккуратно сложили все вместе, чтобы подобрать на обратном пути.

Они вышли на широкую улицу. Иногда мостовые расширялись, образуя причудливой формы площади. Обманчиво высокие дома просто поражали. Некоторые здания, казалось, были построены без всякого смысла. Одни представляли собой скопление изогнутых шпильей, другие — причудливые разветвления гигантского кактуса, третьи — нагромождение спиралей. И все сверкало золотыми и розовыми красками.

Украшения, подумал Старк, или религиозные культовые сооружения. Потом его неожиданно поразила мысль, что все это

напоминает странную, чудовищную игру, и ему стало не по себе. Он сам не понимал, почему вдруг это пришло ему в голову. Затем Старк обнаружил, что странные здания повторяются на улицах в каком-то определенном ритме.

Проходя мимо одного такого «кактуса», он присмотрелся внимательней. Металлические ветви были острые и длинные, и на них виднелись какие-то темные пятна.

Вдруг Танис встревоженно позвала:

— Балин... Балин...

Талисман в его руке светился. Под неестественным небом города этот свет казался удивительно мягким. Балин замер, словно впал в транс. Он сдавленно застонал, потом, повинуясь какому-то порыву, отшвырнул талисман прочь — точно так же, как это когда-то сделал Старк. Кристалл откатился в сторону.

Все остолбенели. Танис схватила Старка за плечо, просто вцепилась в него. Киаран, которую охраняли двое, Лу и Рогайн, внимательно и настороженно наблюдала за происходящим.

— Ты слышал голоса? — спросил Старк.

— Да. — Балин перевел дыхание. В лице его не было ни кровинки. — Ясно слышал, вот здесь, — он коснулся лба. — Все громче, громче... и я вдруг понял. Я их понял, Старк! — Балин с ужасом огляделся вокруг: — Это дьявольское место... Назад! Прочь отсюда! Прочь!

Люди испуганно топтались на месте. Старк сказал им:

— Подождите! И не отходите никуда.

Толпа загудела. В задних рядах хотели знать, что случилось. *Какая-то женщина истошно завопила. Старк крикнул Лу и Рогайну:*

— Не дайте им разбежаться! Все погибнет!

Те оставили Киаран и побежали вдоль шеренги, громко отдавая приказания.

Старк смотрел на Киаран.

— У тебя есть шанс. Пользуйся им, если можешь.

Глядя мимо него на город, она отрицательно качнула головой, улыбнулась и показала свои связанные руки.

Старк подбежал к Балину и грубо тряхнул его за плечо:

— Пришел в себя?

— Да, — прошептал тот. — Но мы должны уйти, Старк. Мы должны уйти.

— Хорошо, только подожди немного.

Старк подошел к талисману. Теперь он знал, что это такое, и уже не испытывал ужаса. И все равно руки его дрожали. Если бы от этого кристалла не зависело столько жизней, он бы оставил его здесь лежать на веки вечные.

Грани талисмана играли и переливались в его руках. Старк смотрел на искрящийся в руках талисман, и его снова ударила волна голосов.

Хотя — почему голосов? Возможно, у этих существ и были голоса, но талисман их не передавал. Старк слышал мысли, что возникают раньше слов. Сначала это было бессмысленное бормотание, шепот, который слышался откуда-то издалека. Потом проступила их нечеловеческая сущность, и Старк в ужасе прервал связь. Теперь голоса зазвучали ошеломляюще громко. Он знал, что судьба беглецов зависит сейчас от ожидаемой помощи. Поэтому поборол отвращение и страх и слушал, пока вдруг не понял, о чем эти голоса говорят.

Старк понял не все — никто из людей не понял бы до конца таких чуждых мыслей. Однако кое в чем разобрался: кристалл действовал не избирательно. Он передавал все разговоры в радиусе своего действия.

Старк будто видел кошмарный сон. Короткая вспышка света — и перед ним возник светящийся, разрушающийся склеп с потерявшим разум созданием внутри. И еще один, еще... Каждый безумец ликует, и это страшнее всего. Смех, смех. Они счастливы, эти существа. И счастье их вызывает ужас.

Но некоторые встревожены. Они начинают понимать, что у границ города что-то происходит.

Эта их тревога и помешала контакту на сей раз. Перед Старком появилось белое пятно — кажется, Танис...

— Поздно уходить, — сказал Старк. — Они знают, что мы здесь. Он повернулся к Балину и к остальным.

В конце колонны вдруг дико закричала женщина. Взмолновано заговорили мужчины. Подбежал Лу.

— Старк! — воскликнул он, указывая куда-то, — Старк...

Старк сделал несколько шагов в сторону. Теперь он видел всю широкую улицу на другом конце пустыря.

Из-за розовато-золотого здания с пятнами крови на шпилях появились пятеро. Трое держали в руках длинные трубки с шарообразными наростами — возможно, оружие. Все были очень высокие, гораздо выше людей Кушата, выше Старка, но удивительно худые; тела их колыхались на ветру, как ленты.

На чужаках были яркие одеяния и странные высокие шапки, удлиняющие их и без того длинные лица. Кожа у них была бледно-золотая, громадные лбы занимали почти все лицо, подо лбами сияли большие круглые, как маленькие луны, глаза.

Они молчали. Просто стояли, молча, сжимая свое оружие, и смотрели на людей Кушата.

Танис охнула. Старк огляделся.

С другой стороны появилось еще шестеро высоких существ в одеяниях всех цветов радуги. Четверо держали трубки.

Один заговорил. Голос оказался высокий, музыкальный, похожий на птичий. Талисман ясно передал Старку значение слов:

— Мы вооружены и можем вас уничтожить. А защищает нас — Бан Круаче! Его слово и его талисман.

Секундная пауза — для Старка она длилась годы.

Потом он ошеломленно воскликнул:

— Бан Круаче?!

И зашагал к ним с талисманом в руке.

Глава 14

Стены ответили ему металлическим эхом, существа заколыхались и попятились назад. Они не сводили взгляда с талисмана. Старк подошел к ним и разглядел едва заметные носы, маленькие змеиные рты и мелкие ровные зубы.

— Бан Круаче... — повторил он.

Чужаки сбились в кучу и заговорили между собой. Талисман сверкал на ладони у Старка, голоса-мысли звенели в голове:

— Он знает слово Силы!

— Талисман! Он держит талисман!

— Что это за существа? Чего они хотят?

— Он похож на Бан Круаче. Может быть, это его люди?!

Старк отрицательно покачал головой:

— Нет.

Старк не знал, поняли ли они. Чужаки перестали колыхаться и замерли, внимательно глядя на него.

Он подошел к ним еще ближе, так близко, что услышал их дыхание, почувствовал их запахи — странный, похожий на запах опавшей листвы. Ужасало не одно физическое различие между ними — Старк уловил обрывки разговоров и знал, хотя бы отчасти, на что чужаки способны.

Существо, которое упомянуло имя Бан Круаче, носило голубые и зеленые ленты — на ногах, на руках, вокруг тела. Казалось, эти ленты служили для украшения и ни для чего другого. Шапочка конической формы была розового цвета.

Старк заставил себя подойти к нему и знаком показал, чтобы тот коснулся талисмана.

Существо протянуло ладонь с четырьмя длинными и золотистыми пальцами. Большой палец походил на петушиную шпору и заканчивался острым как бритва ногтем.

— Теперь я вас понимаю. А вы меня? — спросил Старк.

Существо подняло на него огромные умные глаза, но Старк так и не понял, ясны его слова или нет.

— Чего он добивается? — удивился один из чужаков.

У этого на голове был зеленый колпак, а на теле множество лент, кораллово-красных спереди и голубых сзади. Разукрашенные блестящими камнями, ленты свободным потоком струились от шеи вниз и были завязаны бантами у лодыжек.

Внезапно Старк понял, что это существо женского пола. Оно немного отличалось от остальных: тонкое золотистое тело

покачивалось со странной угловатой грацией, а руки двигались как у балерины, которая танцем пытается передать чувство страха.

— Убей его! — проговорило третье существо — в красновато-коричневой одежде. — Пусти в ход свои шпоры, Хриллин. Отбери у него силу...

Старк быстро отступил назад и наполовину вытащил шпагу. Тот, кого называли Хриллином, посмотрел на него и, судя по взгляду, что-то понял.

— Я догадался! Когда мы говорим, он слышит нас через талисман!

Длинные руки жестами призывали спутников к молчанию.

— Если я прав, подними три раза руку.

Старк повиновался.

— Вот оно значит как... — произнес Хриллин. Он все смотрел и смотрел на Старка, а потом рассмеялся. — И это — истинное назначение талисмана?

Его неподдельное изумление передалось остальным. Вернее, даже не изумление, а испуг. Существо женского пола закачалось от ужаса.

— Но если это правда...

— Посмотрим, — перебил Хриллин, жестом призывая к спокойствию. — Пока ясно одно: он понимает, о чем мы говорим.

— Его талисман говорит за нас, — сказал другой, замотавшийся в огромный кусок огненного шелка, скрывавший все тело. — Может быть, наш талисман будет говорить за него?

Наверняка, подумал Старк. Один кристалл настроен на наши звуковые волны, другой — на их. Следовало бы понять это раньше.

Хриллин кивнул:

— Тогда идем.

Старк в свою очередь кивнул Балину и остальным.

— Нет, — возразил Хриллин, — только ты. Остальные пусть остаются.

Старк отрицательно покачал головой. Он насмешливо улыбнулся и сделал несколько движений, которые заметил и запомнил, когда слушал через талисман голоса этих существ.

Хриллин и еще несколько его спутников рассмеялись; их смех походил на журчание воды, но Старку он не показался приятным.

Двинувшись по улице, Хриллин крикнул своим спутникам, стоявшим поодаль, чтобы они позволили пройти всем остальным людям.

— Помни, — сказал он Старку, — если мы захотим, то уничтожим вас в одну секунду.

Старк поднял руку, показывая, что понял. Но Балину сказал:

— Может, он и не врет и вправду способен уничтожить нас. Поэтому передай остальным, чтоб держались все вместе, никакой

паники, никаких провокаций. Но здесь что-то не так. Они испугались.

Тонкие руки золотой женщины повисли, как оторванные ветки, и жест этот был полон отчаяния.

Они шли по улице длинной шеренгой.

Старк рассказал все, что услышал, Балину и попросил передать остальным.

— Бан Круаче? — изумленно повторил Балин. — У них есть талисман?

Он не мог поверить собственным ушам — впрочем, как и все остальные, кто стоял достаточно близко, чтобы слышать слова Старка.

Лишь Киаран сказала:

— Похоже, Бан Круаче был очень умным человеком. Будем надеяться, что он сдержит свое обещание. Все свои обещания.

Старк предупредил людей, чтобы они замолчали, когда чужаки возьмут свой талисман.

Темнело. На боковых улицах и площадях, мимо которых они проходили, собиралось все больше тонких фигур; некоторые примыкали к шествию. И вдруг по всему городу вспыхнули огни.

Танис ахнула и прошептала:

— Как это можно — чтоб и так отвратительно и так прекрасно сразу?

Теперь краски на улицах мягко засветились. Высокие тонкие фигуры в развевающихся шелковых одеяниях двигались сквозь оазисы золотого, зеленого, голубого, фиолетового, оранжевого и кроваво-красного света. Окна казались серебристо-белыми на фоне остальных красок. Люди шли и шли вперед, отражались в бесчисленных окнах высоких зданий со множеством колонн и странной формы жилых домов, совершенно пустых.

Старк вслушался в разговор тех чужаков, что шли рядом.

— Их немного, — сообщил он Балину. — Нас куда больше. Похоже, у них нет настоящего вождя. Хриллин просто увидел нас первым, совершенно случайно. Ключевое слово тут — игра. Вся их жизнь — одна огромная беспорядочная игра. Ради забавы можно убить, а можно совершить подвиг. Вообще что угодно, даже сознательно пойти на физические муки. Они развращали себя в течение тысячелетий...

— Я их слышал, — сказал Балин. — Чуть-чуть, но этого хватило.

— Но если они малочисленны и у них нет вождя, — удивился Лу, — как же удастся заставлять жертвы...

— Заставлять не нужно, — ответил Старк. — Жертвы получают не меньше удовольствия, чем кто-нибудь другой. Главное — получить удовлетворение от игры.

Танис зло сказала:

— Бан Круаче никогда не согласился бы помогать таким чудовищам!

— Дело давнее, — произнес Старк, — не думаю, что тогда они были чудовищами. — Он поглядел на массивную башню, нависшую над головой. — Отгородились от мира, жили в построенной ими самими тюрьме и постепенно вымирали. Не удивительно, что это свело их с ума.

— Мне их не жаль, — сказал Балин и вздрогнул от отвращения.

— Мне тоже, — кивнул Старк. — По крайней мере не больше, чем жалели бы меня они, если б видели, как я умираю.

Посреди огромной круглой площади стоял павильон с бесчисленными пиками и колоннами на резной крыше. Хриллин пригласил Старка и остальных войти; со всех сторон к ним начали подходить чужаки. Широкие золотые полосы, похожие на лучи, вели к центру павильона, где на низком постаменте что-то сверкало.

В хрустальном саркофаге было заключено тело человека — старого, в древних доспехах. Старк узнал его. Он уже видел это лицо высеченным из камня и обращенным к Вратам Смерти. Бан Круаче!

Благоговеиный вздох пронесся над толпой людей Кушата. Они шли осторожно, с почтением, будто находились в храме, и окружили хрустальный саркофаг. Сзади подходили новые люди, протискивались, оттесняли друг друга.

Из потайного углубления Хриллин достал второй талисман Бан Круаче. Талисман заблестел и засверкал у него в руках.

— А теперь ты понимаешь меня, Хриллин? — спросил Старк.

Тот вздрогнул; первый контакт с человеческой речью был для него таким же отвратительным, как для Старка контакт с речью людей этой расы.

— Да, понимаю.

— Так пожелал Бан Круаче и ваши предки. Они создали то, что мы называем талисманом, чтобы наши расы могли общаться.

Хриллин бросил взгляд на тело Бан Круаче.

— Он обещал защищать нас. Он обещал охранять Врата Смерти, чтобы пути его и нашего мира никогда не скрестились.

Чужаки дружно подхватили слова Хриллина, жестикулировали, голоса их журчали и гулко отдавались под крышей павильона:

— Он обещал! Силой талисмана...

— Он и держал обещание до тех пор, пока его народ владел Кушатом, — сказал Старк.

Хриллин вздрогнул и пристально посмотрел на землянина:

— Кушат пал?

Чужаки закричали и теснее сгрудились вокруг Хриллина. Некоторые — очевидно, в приступе возбуждения — вонзили острые когти в свои тела так, что показалась кровь.

— Вчера, — сказал Старк.

— Вчера, — повторил Хриллин. — Вчера пал Кушат... — Он вдруг подался вперед и закричал: — Вы не имели права! Вы не имели права позволить ему пасть!

Голоса-флейты были полны гнева и истерического страха. Высокие худые тела раскачивались во все стороны. Старку показалось, что чужаки хотят напасть на людей. Возможно, так оно и было бы, но люди Кушата выхватили оружие, и обитатели странного города отхлынули назад, продолжая раскачиваться.

Все больше и больше существ наносило себе раны. Игра оказалась совсем не такой, как они задумали; и все же они пришли в возбуждение — возможно, именно потому, что она так неожиданно изменилась.

Старк сказал Хриллину:

— Много людей Кушата погибло, защищая город. Это все, что они могли сделать. — Он не мог скрыть своих мыслей, слова приходили на ум, и Хриллин читал их раньше, чем Старк находил другие. — Теперь мы пришли к вам, потому что Бан Круаче обещал защитить нас.

— Обещал защитить? Он обещал это и нам! Мы дали ему оружие, чтобы он был непобедим в войнах, а взамен он дал нам мир. — Хриллин положил руку на саркофаг. — Когда Бан Круаче состарился, он оставил свой народ и пришел к нам. О, тогда наш город был поистине велик! На всех улицах было тепло, и жителей было гораздо больше. Бан Круаче ходил среди нас и беседовал с мудрецами и философами. Говорят, он написал нашу историю на языке людей, но никто не знает, правда это или нет. — Хриллин замолчал, глядя на беженцев. — Мы самая старая раса на Марсе. Мы процветали, когда вы еще сидели на деревьях. Мы строили города, когда вы жили в каменных норах и почти не знали огня.

Существа закачались, воздели свои длинные руки.

— Но, — продолжал Хриллин, — вы быстро развивались, а мы старели. Вы строили свои башни в холодных краях и долго не мешали нам. Однако даже планета дряхлеет, а разум — тем более. Люди расселились повсюду. И мы покидали город за городом, потому что жить там становилось невозможно. Эта долина была нашим последним убежищем.

— Больше она не убежище, — сказал Старк. — Сюда направляются люди. Бан Круаче обещал, что, пройдя через Врата Смерти, мы получим помощь, если Кушат попадет в безвыходное положение. Талисман Бан Круаче поможет нам стать такими же сильными, как вы. — Он высоко поднял кристалл. — Дайте нам эту силу, и мы прогоним наших общих врагов. Кушат снова будет охранять Врата Смерти, как охранял всегда. Иначе...

Старк опустил руки:

— Иначе вам придется самим бороться с врагами.

— Бороться, — запричитали голоса-флейты.

Раздался взрыв смеха, странного и жестокого.

— Дай им силу, Хриллин, почему бы нет?!

— Да. Дай им силу! Пусть они будут сильными, как Бан Круаче, и сражаются за нас против всего мира.

— Дать? — сказал Хриллин. Он раскачивался, танцевал на месте и размахивал руками. — Дать? — Чужак наклонился к Старку. — И вы уйдете?

— Дай нам оружие, Хриллин, и мы уйдем.

— Хорошо, — кивнул Хриллин и повернулся к своим. — Дайте им оружие, принесите все, что у нас есть. Это — дети Бан Круаче, нашего защитника. Дайте им оружие!

Остальные начали нараспев приговаривать:

— Дайте оружие!

Те, у кого были трубки, начали отдавать их людям. Остальные убежали и вскоре тоже вернулись с трубками. Через несколько минут у мужчин Кушата было больше сорока трубок с шарами на концах.

— Теперь вы довольны? — спросил Хриллин, передав Старку последние трубки. — Смотрите, нажимать нужно здесь и здесь, но будьте осторожны: сила их больше, чем вы думаете.

Он сделал несколько шагов назад; остальные чужаки тоже отошли от людей. Балин, сжав в руках трубку, торжествующе посмотрел на нее и повернулся к хрустальному саркофагу, в котором лежал Бан Круаче:

— Он сделал это, Старк! Он сдержал слово! — В его глазах блеснули слезы. — Спасибо, — сказал он чужакам. — Весь Кушат говорит вам: спасибо!

Балин кинул злобный взгляд на Киаран:

— Теперь увидишь, как будут умирать твои красные волки. — И добавил, обращаясь к людям: — Теперь у нас есть сила — сила Бан Круаче! Отберем Кушат у врага!

Ему ответил рев голосов. Беглецы устремились на улицу вслед за Балином:

— Кушат! Кушат!

Скоро весь город наполнился звенящим эхом, похожим на колокольный звон.

Люди пустились в обратный путь. Теперь Старк шел в хвосте колонны вместе с Киаран, Лу и Рогайном, которые несли чужое оружие. Танис шагала рядом с Балином. Она уже видела свой дом таким, каким тот был прежде.

Люди, радостные и возбужденные, торопливо шли вперед через разноцветные потоки света. Только Старк все время тревожно озирался. Он заметил, что Киаран тоже озирается.

Казалось, не было никаких причин для опасений, талисман Бан Круаче не доносил ни одного подозрительного звука, и все же Старк беспокоился. Он с отвращением вспомнил, как тела чу-

жаков раскачивались в разные стороны, а глаза блестели словно в предвкушении игры, о которой пока надо молчать.

Но люди продолжали идти вперед, и по-прежнему все было спокойно.

Дойдя до того места, где они оставили вещи, люди начали надевать плащи, взваливать узлы на плечи и поспешили к границе теплой зоны. Все были полны энергии, все предвкушали скорую победу.

Киаран шла, высоко подняв голову, Лу и Рогайн поглаживали странное оружие... Нервничал лишь Старк, всем своим существом равнявшийся вперед, к чистому холодному воздуху.

Уже половина людей вышла из города, когда талисман донес до Старка один неосторожный, быстро подавленный крик.

Это были слова: «Сейчас, сейчас».

В них звучала такая кровожадность и алчность, что Старк не стал больше ждать. Он крикнул людям, чтоб те бросали вещи и бежали, подтолкнул Киаран вперед и велел Лу и Рогайну держать оружие наготове. И тут свет погас.

Старк налетел на кого-то во тьме и остановился. Ему показалось, что он вдруг ослеп. Он посмотрел вверх, на небо. Звезды были скрыты мерцающим облаком, будто на город опустилась непроницаемо-черная тень.

Люди в панике сталкивались и кричали.

Потом крики переросли в один общий вопль.

Старк почувствовал рядом с собой что-то чужое, запахло сухими листьями, и внезапно он понял, что все они здесь. Неслышно двигаясь, чужаки сновали между людьми. Должно быть, им были известны какие-то тайные пути через пустые дома. Теперь над головой Старка, в темноте, раздался сдавленный смешок, ужасающе похожий на детское хихиканье. Тонкий палец коснулся его лица.

Стрелять было нельзя — слишком много было вокруг людей. Старк закричал и в ярости замахнулся оружием. Но острый ноготь-шпора большого пальца уже уколол его в шею. Какой бы он ни содержал внутри себя наркотик, действовало средство очень быстро. Длинные руки обвились вокруг тела Старка и потащили в беспамятство. Лишь смутно, очень смутно донеслись звуки панического бегства людей Кушата, бегства на ощупь, сквозь тьму.

Глава 15

Огни зажглись снова.

На Старка падал насыщенно-оранжевый, пронзительный, бьющий по нервам свет. В этом слепящем луче света, будто в мареве разноцветных потоков, струились высокие фигуры.

— Он проснулся, — сказал кто-то.

На груди у Старка, под скрещенными руками, лежал талисман.

— Видите, его глаза открыты.

Старк неуверенно сел, все еще чувствуя на себе действие одурманивающего наркотика. Нагой и безоружный, Старк смотрел на чужаков с бессильной ненавистью и, одновременно, с тошнотворным страхом. Тело его было покрыто крошечными порезами. Когда Старк шевелился, порезы жгли и ныли.

Подошел Хриллин, держа в руках свой талисман.

— Вы потеряли Кушат, — сказал он, и Старк понял, что чужак обращается не к нему, а сразу ко всем людям. — Вы потеряли Кушат, и наше существование подошло к концу. — Свободной рукой чужак ударил себя в грудь, порезав себя ногтем до крови. Глаза его сверкали злобой. Он извивался и подпрыгивал в какой-то безумной радости. — Ты чувствуешь величие момента? Наконец-то мы погибнем! Все эти долгие, долгие годы мы ждали, терпели, жили как во тьме.

Фигуры за его спиной быстро кружились, кричали без слов.

— Но вы дали нам оружие... — промолвил Старк.

— Оружие? — Хриллин повернулся и взял у одного из своих спутников трубку. Потом наставил на Старка шарообразный конец и принялся нажимать на спуск. Он все нажимал и нажимал, и при этом смеялся. — Я сказал, что сила его больше, чем вы думаете! Да, оно убивает, но не врагов. Надежды, мечту, веру — только не врагов...

Хриллин перестал жать на спуск и держал теперь оружие как дубинку.

— Бан Круаче обещал вам силу. Но у нас нет силы! Город дает нам тепло и свет, дает еду и питье, потому что его построили предки, чтобы мы не знали этих забот. Но больше у нас ничего нет. Все остальное мертво, изношенно, бесполезно. Теперь городу конец, конец всему...

Он поднял оружие и ударил им по своему ничемному талисману. Тот разлетелся на куски.

— Конец! — крикнул Хриллин. — Это наша праздничная ночь. Будем танцевать до упаду, смеяться и выкликать имя Бан Круаче!

Он выхватил талисман из рук Старка, разбил его, и связь прервалась навсегда.

Чужаки сгрудились в оранжевом свете вокруг Старка, образовали полукруг и принялись колотить его своими шпорами. И смеялись, смеялись...

Он бежал по бесконечным улицам, сворачивая наугад, и наконец оказался на окраине города, далеко от главной дороги. С одной стороны над крышами возвышалась огромная каменная башня, а с другой — где, как думал Старк, проходила граница города — было темно, будто хозяева поставили барьер темноты между собой и людьми Кушата.

Теперь людям предстояло узнать, что подаренное оружие бесполезно. Сколько их осмелилось бы вернуться в город и пройти

через крошечную тьму с одними лишь шпагами в руках? Вряд ли подобных смельчаков найдется достаточно много, чтоб помочь ему. И времени было в обрез.

Ярко освещенные улицы затопили волны радости и убийства. Но не только Старка заставили бежать по городу. Он слышал чьи-то крики с других улиц. Однажды он увидел человека, который, спотыкаясь, выбежал на открытое пространство. Преследователи намеренно вели его к какому-то определенному месту. А там, где соединялись две улицы, стоял розовый кактус, и на его шипах висела женщина.

Старк был хорошим бегуном, но понимал, что его легко могут обойти. Так и случилось. Он бежал, пытаясь вырваться на дорогу, которая вывела бы его из города. И когда он нашел ее, преследователи вроде бы отстали — однако поджидали на следующем перекрестке, смеясь и протягивая к Старку свои блестящие голубые шпоры. Он повернул назад, и ему позволили убежать, тем не менее какой-то чужак — судя по потокам лент, женщина — царапнул его по ягодицам, просто для того, чтобы показать, что он в его власти. Потом существо быстро отскочило назад и затанцевало на месте.

Старк опять побежал, хотя и отдавал себе отчет, что это бесполезно. Он озирался по сторонам в надежде отыскать хоть какое-то оружие.

Его вели. Вначале он этого не понимал, потому что чужаки то и дело исчезали — может быть, вот так же преследуя кого-то другого. Однако стоило свернуть за угол или выбежать на площадь, как они вдруг оказывались рядом, и ему приходилось опрометью бежать в другую сторону. Старк начал терять контроль над собой. Ему хотелось наброситься на чужаков, рвать их зубами, голыми руками, но он знал, что они его не убьют, они просто наслаждаются его страхом — пока это их забавляет.

Стали попадаться трупы — и людей, и чужаков. На какой-то широкой лестнице Старк увидел две фигуры с яркими лентами на шеях и лодыжках — они душили друг друга, а вокруг стояли любопытные, смотрели и раскачивались, словно деревья на ветру.

Посреди площади лежало изуродованное тело Рогайна. Старк узнал его руки, прекрасные белые руки, перепачканные кровью. Рядом лежала шпага.

Старк выпрямился и огляделся. Никого не было видно, но он знал, что за ним наблюдают, знал, что его вывели сюда намеренно. Шпага была чистой: и лезвие, и эфес. Рогайн ею не воспользовался. Ее сюда положили специально для Старка.

— Ну хорошо, — процедил он и выругался. — Я сделаю так, как вам хочется.

Шпага прищлась как раз по руке. Старк подумал, что эти существа, возможно, все же допустили ошибку.

Он снова побежал в сторону городской окраины. Но от этой площади туда вел только один путь.

Внезапно из высокого павильона появились существа-мужчины. Они тащили двух своих женщин, то ли мертвых, то ли умирающих. Тела несчастных заливала кровь из множества ран — женщины нанесли их себе сами.

Старк подумал: уж не одурели ли они тут все от наркотика?

Так или иначе, чужаки смеялись, показывая на Старка, а несколько существ направились к нему.

Теперь у Старка было оружие, и он забыл об осторожности. Он бросился на них, как дикий зверь, и буквально потерял разум. Он прыгал, метался, размахивал шпагой. Ловкость и реакция не помогли: все-таки острые ногти этих существ задевали его. Плечи Старка обагрились кровью, однако в пылу боя он ничего не замечал. И лишь когда чужакам, очевидно, надоела эта забавная игра, они повернулись и куда-то ушли, своих раненых унеся с собой.

Кругом стало тихо и спокойно.

По обе стороны улицы стояли высокие здания. Менялся свет: голубой, розовый, золотой, нежно-фиолетовый. А потом впереди показалась другая площадь, огороженная стеной с вырезанным на ней орнаментом из странных листьев — такие деревья, наверно, росли в глубокой древности или вообще где-нибудь не на Марсе. На площадь вела единственная улица, перекрытая продолговатыми арками, которые рядами уходили вдаль. Улицу заливал красный свет, и в этом кровавом мареве навстречу быстро шла высокая белокожая женщина с длинными черными волосами и со шпагой в руке.

— Киаран!

Старк ждал. Она увидела его, вышла на площадь, остановилась и сказала:

— Теперь я, кажется, понимаю, почему они дали мне это. — Она подняла шпагу.

— Да. И мне тоже, — согласился Старк.

— Но как они узнали...

— Ты — пленница. И они слышали, что сказал тебе Балин насчет твоих красных волков. Чужаки поняли, что ты причастна к захвату Кушата.

Старк внимательно осмотрелся. В отверстия резной стены глядели чужаки — их огромные глаза блестели. Очевидно, зрители укрылись и в анфиладе арок по ту сторону площади.

— Тебя привели сюда умышленно, — произнес Старк.

— И тебя, — кивнула Киаран. — Они ждут, что мы начнем драться.

Они посмотрели друг на друга — двое обнаженных людей со шпагами в руках.

— Будешь драться со мной, Киаран? — спросил Старк.

Она отрицательно мотнула головой:

- Ради того, чтоб доставить им удовольствие — нет.
- Тогда давай драться вместе! Прикроешь меня с тыла.

Киаран улыбнулась:

— Только не с тыла; драться, так драться. Рядом. — Она бросила взгляд в сторону пытавшихся укрыться любителей острых ощущений и добавила: — Никогда еще мне так не хотелось убивать.

Старк обратил внимание, что на ее белой коже тоже множество царапин.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда нас двое.

Старк поднял шпагу и почувствовал, как в душе растет надежда. Его захлестнуло желание отомстить.

— Давай начнем, а потом решим, что делать дальше.

Они обменялись традиционными приветствиями, и их шпаги скрестились. Бой начался.

Старк увидел, как вспыхнули и загорелись глаза Киаран.

— Помни, что это игра, — сказал Старк, и она рассмеялась:

— Постараюсь.

Они кружили подле друг друга, а высунувшиеся из-за ограды головы поворачивали за ними яркие комичные колпаки. Журчали голоса, пахло сухой листвой.

— Думаю, город кончается вон там. Попробуем пробиться? — предложила Киаран.

Взгляд Старка остановился на уступе каменной башни.

— До границы города далеко, — возразил землянин. — Не доберемся. Помни: им нужна смерть. — Он парировал удар соперника, и шпаги зазвенели. — Но если застать их врасплох... Башня ведь гораздо ближе. Попробуем добежать до нее.

— Башня?! Но что она нам даст?

— Это сердце города. Если она умрет, город тоже умрет.

Киаран проделала серию изящных выпадов. Старк почти жалел, что они дерутся не всерьез.

— Эти твари не выносят холода, — сказал он.

— Хорошо, — согласилась Киаран. — Все равно эту ночь не переживем. Почему же не попробовать?

Старк кивнул:

— Тогда поспешим.

Они развернулись и бросились на зрителей.

И едва не погибли.

Чужаки стояли вплотную друг к другу — высокие, с длинными руками. Даже умирая, они тянулись вперед и дрались, а галдели высокими голосами так, что Старку казалось, будто на них с Киаран напала стая чудовищных хищных птиц. Он без устали работал шпагой, в буквальном смысле прокладывая себе путь.

Потом существа расступились, и люди побежали во всю прыть, а существа следовали за ними и громко кричали.

Старк вслушался в их голоса и выдохнул:

— Они в восторге. Игра вышла интереснее, чем они надеялись. Башня вдруг стала далекой, как луна. Киаран и Старк бежали не по прямой — петляли, чтобы чужаки не разгадали ранние времени их намерений.

Очевидно, им это удалось. Существа играли с ними, как и прежде — то настигали, то позволяли уйти вперед. Но теперь их стало больше, чем тогда, когда охота шла за одним Старком. Гораздо больше.

Они с Киаран подыгрывали чужакам, пока не оказались рядом с башней. Тогда Старк сказал:

— Туда!

Они резко повернулись, и прямо перед ними выросла башня — посреди огромного пустого пространства, в конце широкой аллеи.

Существа, быстро перебирая ногами, устремились в погоню по боковым улицам, чтобы преградить им путь.

За спиной Старк услышал нарастающий топот шагов. Киаран тоже услышала их и промолвила:

— Что ж, мы проиграли.

Старк проворчал:

— Пробьемся! Надо попробовать.

Длинные руки впивались в него, пальцы старались добраться до глаз. Старк стал крутить над головой шпагой. Это помогло, и Киаран последовала его примеру. Не успевали они пробиться сквозь один ряд мельтешащих золотистых тел, как подбегали новые существа и опять загораживали им путь.

Мужчина и женщина прижались спинами друг к другу и выбрались-таки на открытое пространство; их охраняли смертоносные круги, которые описывали шпаги.

Теперь они больше не убивали. Важно было одно: добраться до башни.

— Ищи дверь, — велел Старк. — Впрочем, вижу. Сюда...

Они побились к стене и обогнули ее. Стало легче: враги нападали лишь с трех сторон. Зато чужаки разгадали их замысел и громко закричали — видимо, звали на подмогу.

Старк и Киаран добрались до высокой узкой двери из плотного металла, глубоко врезанной в камень.

— Попробуй-ка открыть, — сказал Старк и повернулся лицом к чужакам, чтобы сдерживать их натиск. И тут обнаружил удивительную вещь: существа отошли назад.

Все больше чужаков собиралось в огромный круг. Все, кто остался, решил Старк.

Он вдруг успокоился. Существа тихо покачивались, по их телам струились ручейки крови. Те, кто притащил с собой добычу, теперь бросили ее.

За спиной Старка пыхтела и ругалась Киаран, стараясь открыть неподатливую дверь. Потом она выдохнула:

— Готово!

В эту минуту Старк увидел, как высокое тощее существо в развевающемся голубом одеянии бредет среди толпы. Руки оно воздело к небу и, вероятно, что-то пело. Остальные не двигались и молчали.

Старк вслушался. Молчал весь яркий город.

Он резко повернулся и вошел в башню.

— Я покараулю, — сказала Киаран.

Старк покачал головой:

— Не стоит. Игра окончена.

Балин и двадцать три его товарища медленно продвигались по темным улицам окраины города. Страх сковывал души, каждый шаг казался пугающим и последним, обнаженные клинки дрожали в руках, но гордость, проклятая гордость не давала уйти без боя, хотя бы без попытки выручить друзей — или отомстить за их гибель. Где-то впереди сияли разноцветные огни.

Вначале еще доносились звуки. Теперь, похоже, все стихло.

— Стоп... — прошептал Балин.

Люди остановились. Вокруг царила тишина.

Несмотря на гнетущий страх, Балин подумал, что все чего-то ждут, и сейчас, сейчас все решится окончательно и бесповоротно.

Огни впереди мигнули и начали гаснуть, а потом пронесся глубокий, тоскливый вздох — его скорее почувствовали, чем услышали. В чистом небе ярко засверкали звезды.

Воздух становился все холоднее и холоднее.

Старк и Киаран стояли на склоне в начале тропы; им одолжили одежду и плащи. Из одиннадцати человек, захваченных чужаками, в живых остались лишь они двое. Позади спокойно лежал под зимним солнцем белый от инея город.

— Лучше всего вообще забыть о Бан Круаче и его талисмана, — сказал Балин. — Что мы, сами себя защитить не сумеем?

— Легенда — она и есть легенда, ей верить нельзя, — согласился Старк. Он повернулся к Киаран: — Сейчас, когда ты знаешь, что за Вратами Смерти нет никакой силы и твои красные волки насытились добычей, уведешь ты их? Дашь Кушату мир?

Она посмотрела на него. Холодный ветер трепал ее волосы.

— При одном условии. Теперь я не могу рассчитывать на талисман, и мне нужна помощь. Поедем со мной в Наррисан и будем защищать друг друга, как прошлой ночью. Или ты уже дал другие обещания?

— Нет, — ответил Старк. Он вспомнил, как вспыхнули глаза Киаран, когда они скрестили шпаги, и сердце его застучало от волнения. — На этот раз я поеду с тобой.

Танис вышла вперед; Старк крепко обнял девушку и поцеловал, предупреждая поток сердитых слов, готовых сорваться с ее губ.

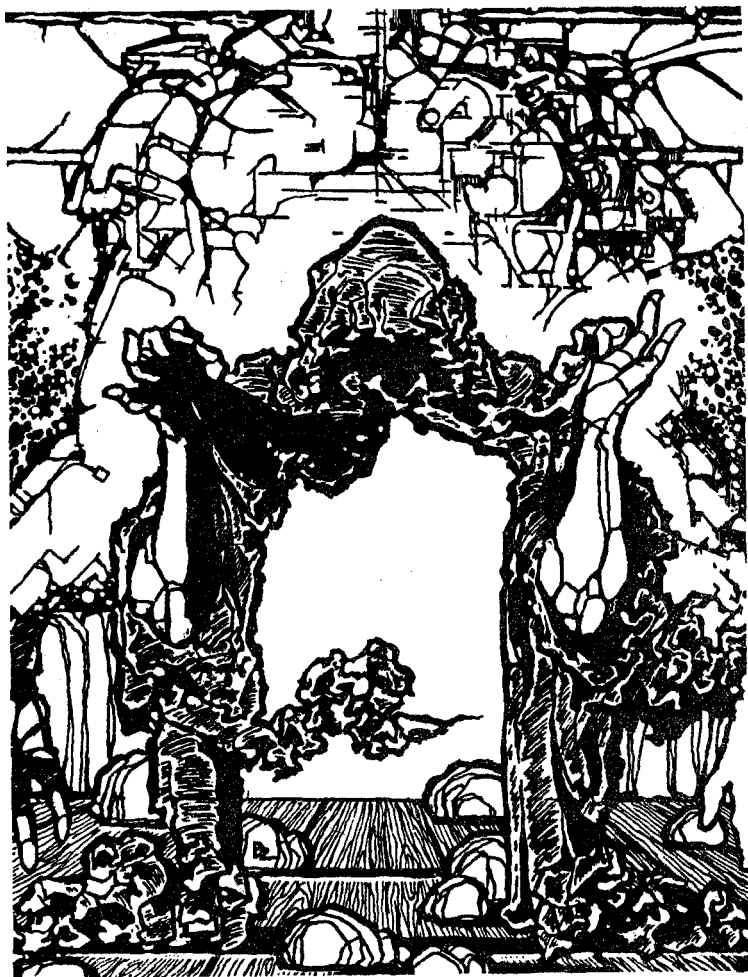
— Я вручил тебе свою жизнь, малышка, тебе и твоему брату. Я сделал это ради тебя и Кушата. Стройте свой новый дом! Стройте в реальном мире, чтобы никогда не кончить так, как вот эти, — он кивнул в сторону фантастического города, который лежал под солнцем мертвый и сверкающий.

Старк отпустил девушку и взял Балина за руку:

— Мы отправимся вперед. Когда вы подойдете к городу, в Кушате уже не будет варваров Мекха.

Он задержал руку Балина в своей еще на мгновение.

Потом повернулся к Киаран и вместе с ней зашагал к Вратам Смерти.

ТАЙНА СИНХАРАТА

Глава 1

Монстр был при последнем издыхании: на протяжении многих часов он мчался по марсианской пустыне с темнокожим седоком на спине. Теперь бедняга совсем выдохся. Зверь вдруг споткнулся и зашатался, а когда наездник выругался и вонзил каблук в его бока, покрытые толстой кожей, тот смог лишь повернуть голову к человеку и злобно зашипеть. Потом сделал еще несколько неуверенных шагов у подветренной стороны песчаной дюны, остановился и начал оседать.

Человек сошел с него. Глаза зверя горели зеленоватым огнем, так что казалось, будто в них отражается свет сиявших в небе малых лун. Седок знал: бесполезно пытаться его погонять. Человек оглянулся и окинул взглядом оставшуюся позади даль.

На горизонте виднелись четыре темных силуэта, быстро передвигавшихся по безжизненной пустыне. Они преследовали темнокожего человека. Пройдет совсем немного времени, и они его настигнут.

Беглец замер на месте, соображая, что ему следует предпринять дальше. Далеко впереди виднелась невысокая горная гряда, а за ней был город Валкис и спасение... Но человек понимал, что теперь ему уже никогда туда не добраться. Справа от него, в окружении подвижных струй марсианского песка, выступала каменистая вершина невысокого холма. У его подножия были разбросаны свалившиеся с вершины камни.

«Эти парни пытались догнать меня на равнине, — подумал беглец. — Но здесь, на пороге девяти кругов Ада, им придется немало потрудиться, чтобы осуществить задуманное!»

Беглец рванулся к каменистой вершине со скоростью и легкостью, присущей скорее быстроногому зверю или первобытному человеку. Он был сыном Земли — высок ростом; худошав и одновременно крепко сложен. На человеке была надета лишь тонкая, местами изодранная рубашка из шелка-«паутинки», расстегнутая

на груди. Однако он, казалось, не замечал пронизывающего ледяного ветра марсианской пустыни. Цвет его кожи, пожалуй, сравним был с его черными кудрями — наверняка следствие долгих лет, проведенных им под лучами какого-то невероятно жаркого солнца на одной из планет. Глаза человека, неправдоподобно светлые, отражали матовое сияние лун Марса.

С проворством ящерицы беглец исчез в расселинах среди скал. Выбрав удобное для наблюдения место и чувствуя за спиной надежную крепость камня, он опустился на корточки. Затем вытащил из кобуры револьвер и застыл в ожидании того, чему предстояло здесь произойти. В этой его неподвижности было что-то жутковатое, нечто сродни неподвижности самой скалы, которая его укрывала.

Четыре темные тени приблизились к холму, превратившись в людей верхом на монстрах. Они увидели лежавшего на песке тяжело дышавшего зверя и остановились. Теперь не сложно было отыскать беглеца: полузасыпанные ветром следы на песке точно указывали место, где он укрывался.

Их предводитель сделал знак остальным — подчиненные спешились. Быстрыми точными движениями, как хорошо вымуштрованные солдаты, они сняли поклажу с выюков и принялись что-то монтировать.

Беглец внимательно следил за их действиями из своего укрытия. Постепенно становилось ясно, что они собирают грозное оружие — так называемый электронный разрядник. Теперь беглец понял, что из укрытия в скалах ему живым не выйти. Укрытие это стало для него западней. На таком расстоянии трудно было поразить преследователей из револьвера. Так что отделаться от погони не представлялось возможным. Что же до оружия врага, то оно воздействовало на жертву с помощью мощного электрического излучения. А потому его непременно достанут — мертвым или живым, но без сознания.

Беглец сунул револьвер обратно в кобуру. Он знал этих людей и знал, что им от него требовалось. Полицейские должны были вручить ему «подарок» — приговор о двадцати годах заключения в тюремных казематах на Луне.

Двадцать лет заточения в мрачных катакомбах, среди вечного безмолвия и беспросветного мрака...

Беглец понял, что ему не уйти. Много было неизбежно в этом мире — голод, боль, одиночество и напрасные мечты. В свое время ему довелось смириться с большинством из названных бед. Но сдаваться он не собирался. Он смотрел на пустыню и ночное небо над головой — и глаза его сверкали упрямым блеском. В них читалось отчаяние удивительно красивого человеческого существа, которое вот-вот постигнет смысл жизни.

Шеф полицейских поднял правую руку и неспешно подъехал к скалистой вершине. Он начал говорить, и голос его, доносимый ветром, был отчетливо слышен.

— Эрик Джон Старк!

Беглец в темном убежище напрягся.

Командир отряда полицейских помолчал и заговорил снова, но теперь уже на другом языке. Это не был один из диалектов, известных на Земле, Марсе или Венере. Речь командира производила странное впечатление: слова звучали отрывисто и резко-вато. Такой язык мог возникнуть только среди огнедышащих долин Меркурия.

— Н'Чака, о человек без племени, к тебе обращаюсь я!

Ответом ему была томительная тишина. Полицейский и монстр, на котором он восседал, стояли не шелохнувшись в свете сиявших с небес лун и ждали.

Вслед за этим Эрик Джон Старк неторопливо вышел из глубокой тени скал.

— Кто назвал меня Н'Чакой?

Командир вздохнул с явным облегчением. На этот раз он ответил беглецу по-английски:

— Ты прекрасно знаешь меня, Эрик. Давай кончим дело миром.

Старк пожал плечами:

— Почему бы и нет?

Он пошел навстречу полицейскому, который уже спешил, оставив своего монстра там, где тот стоял.

Офицер полиции был худощавым, жилистым человеком. Что-то неординарное ощущалось в его облике. Не оставалось сомнения в том, что он побывал на многих планетарных границах. Среди них были планеты, похожие на Землю, словно родные сестры, которые многим прежде казались малопривлекательными — в те времена, когда их изучали с расстояния в миллионы миль. А между тем они были населены такими же людьми, происходившими из общего корня, потомки которых впоследствии завоевали всю Солнечную систему. Но в этих мирах по-прежнему царствовала жестокость, что не могло не отразиться на характере Старка, а также на внешности этого человека с волевым лицом, потемневшей от солнечных лучей кожей и пытливым взглядом умных глаз.

— Давненько это было, Эрик, — заметил офицер.

Старк кивнул.

— Шестнадцать лет назад, — тихо проговорил он.

Оба они не сводили друг с друга глаз. Затем Старк сказал:

— А я думал, что ты все еще на Меркурии, Эштон.

— Всех наших профессионалов отозвали на Марс, — пояснил полицейский. — Куришь?

Он предложил старому знакомому пачку сигарет. Старк достал из нее сигарету. Оба прикурили от зажигалки Эштона.

Сильный ветер между тем гнал мимо красную марсианскую пыль, которая оседала у людей на ногах. Трое из полицейского патруля безропотно ждали подле смонтированного ими орудия смерти — электронного разрядника. Эштон в данном случае ничем не рисковал. Их оружие — электрический луч — мог парализовать жертву, не причиняя ей никакого вреда.

Наконец Эштон заговорил о деле:

— Скажу тебе, Эрик, напрямую. Я должен тебе напомнить о некоторых обстоятельствах.

— Не стоит, — отвечал Старк. — Я в твоих руках. Лишние разговоры ни к чему.

— Верно, — согласился Эштон. — Ты в моих руках. Но мне пришлось немало потрудиться ради этого. И потому-то я буду говорить только по существу.

Он встретил холодный взгляд Старка и выдержал его.

— Хочу тебе напомнить, кто я такой... Я — Саймон Эштон. Вспомни, кто явился в тот момент, когда шахтеры в известной тебе долине на Меркурии посадили в клетку мальчишку-дикаря и уже собирались его прикончить. До этого они уже расправились с племенем, в котором он рос. Вспомни все последующие годы, когда я воспитал этого мальчишку, который потом стал цивилизованным человеком.

Старк рассмеялся и пошутил:

— Лучше бы ты оставил меня в клетке. Поздновато было делать из меня цивилизованного человека.

— Возможно. Но я так не думаю. Так или иначе, я хочу, чтобы ты это помнил, — сказал Эштон.

— К чему все эти сантименты? — возразил Старк, и в голосе его не чувствовалось особого сожаления. — Понимаю, что твой долг — арестовать меня.

— Я не стану тебя арестовывать, Эрик, если ты сам меня к этому не вынудишь, — неторопливо произнес Эштон и тут же добавил, не дав Старку возможности ответить: — Тебе угрожает двадцатилетний тюремный срок за то, что ты переправил оружие племенам Средних Болот, когда те восстали против корпорации «Металлы Земли—Венера» и нескольких таких же объединений. Впрочем, я знаю, почему ты так поступил. И не стану делать вид, будто был с тобой не согласен. Но этим ты поставил себя вне закона, вот в чем дело... Сейчас ты направляешься в Валкис. Пускаешься в новую авантюру, и если тебя снова поймут, то могут приговорить к пожизненному тюремному заключению на Луне...

— И сейчас ты со мной не согласен?

— Нет. Почему, как ты думаешь, я должен был гоняться за тобой, пытаясь изловить тебя до твоего прибытия в Валкис? — Эштон придвинулся поближе к Старку. Лицо его выражало внутреннее напряжение. — Ты что, заключил какое-нибудь соглашение с тамошним властителем Делгоном? Это он за тобой послал?

— Он пригласил меня приехать, но никакой сделки между нами пока что не было. Понимаешь, я на мели. Без средств. Этот Делгон сообщил — и мне безразлично, кто он такой, — что вскоре в Пустынных землях дело дойдет до локального военного столкновения. Он заплатит мне, если я помогу ему уладить этот конфликт. В конце концов, это мой бизнес.

Эштон покачал головой:

— Речь идет не об ограниченном военном конфликте, Эрик. Масштабы его будут намного шире и приведут к очень тяжелым последствиям. Совет марсианских городов-государств и Комиссия планеты Земля пребывают в состоянии полной растерянности. Никто там не может выяснить, что происходит на самом деле. Ты знаешь, что собой представляют города в зоне Нижних Каналов — Валкис, Джеккара и Барракеш. Ни один законопослушный марсианин, не говоря уже о землянах, не сможет продержаться в них и пяти минут. А создание там каких-либо фракций абсолютно запрещено. Пока что мы питаемся только слухами. Говорят, будто Кайнон, а жестокость его хорошо известна, сулит племенам Кеша и Шана озолотить и облагодетельствовать их... Властитель же Делгон несет какую-то чушь насчет древнего культа Рамы, который, как многие полагают, умер еще тысячу лет назад.

Нам известно, что Кайнон каким-то образом связан с этим ловким бандитом Делгоном. Мы знаем также, что сюда проникают некоторые из главных преступных деятелей со всей Солнечной системы, чтобы объединиться с этими бандитами. Среди них — Найтон и Уолш с Терры, Темис с Меркурия, Аррод из колонии на Калисто и, как мне кажется, твой старый товарищ по оружию Лухар с Венеры.

Старк удивленно поднял брови, а Эштон лишь слабо улыбнулся в ответ.

— Да, без сомнения, — сказал командир полицейских. — Я обо всем этом слышал.

И тут же он заговорил более спокойным тоном:

— Сам посуди, Эрик, что за компания. Эти варвары собираются развязать некое подобие священной войны, которая, по замыслу людей, подобных Делгону, должна служить достижению их низменных целей. Полмира подвергнется насилию, кровь рекой потечет по Пустынным землям — главным образом, кровь живущих там племен, которая прольется из-за чьих-то лживых посулов. В самом же Валкисе черные вороны будут пировать на трупах людей. Если, конечно, нам не удастся остановить бандитов.

Он сделал паузу, затем сказал решительным тоном:

— Ты отправишься в Валкис, Эрик... но в качестве моего агента. Я не стану утверждать, что этим самым ты послужишь нашей цивилизации. Ей ты ничего не должен, Всевышний тому свидетель. Но ты сможешь спасти от уничтожения многих себе подобных,

не говоря уже о марсианах, живущих у границы, которые первыми падут под топором Кайнона.

К тому же, — продолжал офицер, — ты сумеешь развязать узел противоречий, существующих на Луне уже два десятка лет. А сам, возможно, станешь наконец мужчиной, вместо того чтобы уподобляться тигру-одиночке, который постоянно бродит в поисках добычи... Если, конечно, ты выберешь жизнь.

Старк неторопливо ответил:

— Ты — умный человек, Эштон. Знаешь, что я питаю слабость ко всем жителям племен, вроде тех, которые меня вырастили, и пользуетесь этим.

— Да, — кивнул Эштон, — я умен. Но я никогда не лгу. Все, что я тебе сказал, — чистая правда.

Старк бросил сигарету себе под ноги и затоптал ее каблуком. Затем взглянул на собеседника:

— Предположим, я соглашусь стать твоим помощником в этом деле и отправлюсь в Валкис. А что, если я пренебрегу нашей договоренностью?

— Я верю тебе на слово, Эрик, — негромко произнес Эштон. — Я знаю тебя с мальчишеских лет, и этого вполне хватило, чтобы как следует в тебе разобраться. Мне достаточно данного тобою слова.

Они замолчали, затем Старк протянул полицейскому руку:

— Добро, Саймон... Даю согласие, но только для участия в этом деле. На будущее ничего тебе не обещаю.

— Договорились.

Они пожали друг другу руки.

— Я не стану давать тебе никаких указаний, — сказал Эштон. — Действовать придется совершенно самостоятельно. В случае необходимости можешь связаться со мною через представительство Комиссии планеты Земля в Тараке. Ты знаешь, где оно находится?

Старк кивнул:

— На границе Пустынных земель.

— Удачи тебе, Эрик.

Они вместе двинулись к поджидавшим полицейским. Эштон сделал знак подчиненным, и те принялись демонтировать электронный разрядник. Потом навьючили своих страшноватых монстров, уселись на них верхом и пустились в путь. Никто, включая Эштона, ни разу не оглянулся.

Старк глядел им вслед. Он глубоко вобрал в легкие холодный марсианский воздух и потянулся. Затем заставил своего монстра подняться с песка. Зверь уже отдохнул и готов был везти Эрика дальше. Он не любил лиц, когда его понукали. Старк продолжил свой путь через пустыню.

...Перед Старком вырастала горная гряда — по мере того как он к ней приближался. Постепенно она превращалась в цепь при-

земистых гор, подвергавшихся естественному разрушению на протяжении многих веков. Вскоре перед путником открылся извилистый горный проход, окруженный голыми скалами.

Преодолев его, Старк очутился на высоком берегу высохшего мертвого моря. Безжизненная земля исчезала внизу, во мраке, и эта неохватная зона запустения казалась более гнетущей, чем сама пустыня. Тут, где-то между дном древнего моря и подножием гор Старк увидел огни Валкиса.

Глава 2

Далеко внизу сияло множество огней. Казавшиеся отсюда крохотными, светящиеся точки, горевшие вдоль улиц города, были на самом деле факелами, зажженными вдоль Нижнего Канала. С того места, где находился Старк, канал выглядел полоской черной воды — это было все, что осталось от давным-давно забытого океана.

Старк впервые оказался в этих местах. Теперь, глядя на город, который раскинулся на склоне горы, освещенный низко повисшими над горизонтом лунами, путник ощутил дрожь во всем теле. То была естественная нервная реакция, присущая любому живому существу, почувствовавшему присутствие смерти.

Улицы, освещенные факелами, были лишь небольшой частью Валкиса. По мере того как море, высыхая, отступало, город спускался со склонов гор. В самом древнем из районов сейчас трудно даже было признать место прежнего обитания людей. До сих пор здесь сохранились пять портов, доков и набережных, наполовину погребенных под наносами марсианской пыли.

То были зримые свидетельства пяти периодов истории Марса, которую венчал разрушенный дворец бывших королей-пиратов Валкиса, стоявший над всем этим запустением. До сего дня здесь высились сторожевые башни, разрушенные, но не покоренные, словно дремавшие в свете лун и вспоминавшие голубизну воды и плеск волн, да еще могучие корабли, входившие в эти гавани, груженные богатой добычей.

Старк начал неторопливо спускаться по крутому склону. Разрушенные каменные строения, безмолвные в ночи, словно притягивали к себе путника. Плиты на проезжей части до сих пор хранили следы колес от проезжавших здесь когда-то повозок, направлявшихся на базар, да позолоченных экипажей сильных мира сего. На пристанях видны были отметины, которые оставили причаленные у их стенок корабли, вздымавшиеся и опадавшие вместе с волнами прилива и отлива.

Школа жизни сформировала у Старка неординарное восприятие окружающей действительности. Поэтому созерцание жалких остатков былых цивилизаций не утомляло его. В завываниях ветра

ему чудились отзвуки голосов былого, ароматы специй и запах свежепролитой крови.

Он вовсе не удивился, когда на последнем уровне руин, струдившихся над городом живых, из темноты выступили вооруженные солдаты и сделали ему знак остановиться.

Это были худошавые темнокожие люди, очень подвижные, с хорошо развитой мускулатурой. Лица у них были подобны волчьим. Однако они не походили на примитивные звериные морды. То были лица хищные, которые явились продуктом цивилизации, существовавшей многие тысячелетия. Такие люди могли позволить себе забыть о прошлом.

Они вели себя очень предупредительно, так что землянину и в голову бы не пришло им не подчиниться.

Старк назвал себя.

— Я прибыл сюда по приглашению Делгона, — добавил он.

Начальник городского патруля кивнул головой. Она была у него необычной формы: словно бы сплюснутая с обеих сторон.

— Вас уже ждут.

По тому, с каким вниманием начальник патруля его разглядывал, Старк понял, что патруль заранее получил самое подробное описание приглашенного. Город Валкис умел защищаться от врагов.

— Дорогу ко дворцу спросите в городе, — напутствовал его один из солдат. — Вам любой объяснит, как туда пройти.

Старк понимающе кивнул и продолжил свой путь вниз, вдоль тихих темных улиц, озаренных лишь лунным светом.

Затем, совершенно неожиданно для себя, он попал на улицу, заполненную живыми людьми.

Жители города, несмотря на поздний час, не спали. Все вокруг находилось в движении. Повсюду кипела жизнь. Толпы людей текли по узким извилистым улочкам. С плоских крыш домов доносился веселый женский смех. Золотисто-красноватым пламенем горели факелы, освещающие винные погребки, и от их яркого света городские аллеи казались пугающе-темными.

Старк оставил своего монстра в специальном загоне на берегу канала. Там в этот час было уже тесно от всякого зверья. Между прочими Старк узнал длинноногую породу бегунов из Пустынных земель. Когда он покидал загон, мимо него проследовал только что прибывший караван монстров, шествие которого сопровождалось звоном бронзовых ножных браслетов, оглушительным шипением и тяжеловесным топотом животных. Погонщиками каравана были рослые представители диких племен.

«Скорее всего это Кеши, — подумал Старк, — только они подобным образом заплетают свои рыжеватые волосы в косички».

На погонщиках была простая одежда из кожи, а их голубоглазые женщины восседали на монстрах, словно королевы.

Валкис просто кишел разного рода варварами. Казалось, они прибывали в город из своих отдаленных оазисов и безводных пустынь уже много дней кряду, пересекая дно мертвого моря. Мускулистые воины Кеша и Шана отдыхали теперь после долгого пути на берегу Нижнего Канала. Никто из них за всю свою жизнь не видел разом столько воды.

Итак, варвары обретались теперь в Валкисе, но они не являлись составной его частью. Старк с трудом продвигался в толпе вдоль улиц, ощущая при этом какую-то особую атмосферу этого города и понимая, что ничто и никогда не сможет ее изменить.

На одной из площадей он увидел девушку, которая танцевала под звуки арфы и барабана. Воздух вокруг был насыщен терпкими запахами вина, горящего дегтя и фимиама. Неожиданно откуда-то в круг света факелов вскочил гибкий темнокожий юноша-горожанин, одетый в яркую короткую юбку-кильт, схваченную красочно расшитым поясом. Сверкая белозубой улыбкой, юноша закружился с девушкой в танце. В следующее мгновение он подхватил ее на руки и со смехом унес куда-то. Старку запомнилась лишь ее голова с черными прядями волос, бившаяся о спину юноши.

Тем временем на Старка обратили внимание женщины — женщины, обладавшие кошачьей грацией, обнаженные до пояса. На них были надеты лишь юбки без всяких украшений, с разрезами от бедер вниз. На шиколотках у них красовались колокольчики — такую деталь можно встретить только в городах, расположенных вдоль Нижних Каналов. Там беспрерывно слышится характерное негромкое позвякивание.

Валкис был городом насмешливым, однако с ущербным нутром. За свою жизнь Старк побывал во многих местах, но еще не встречал города, где порок заявлял бы о себе столь откровенно, имел бы такие древние корни и был бы совершенно разнузданным и неукротимым.

В конце концов поиски его увенчались успехом: он отыскал дворец — огромное, раскинувшееся на значительной площади каменное сооружение. Двери и ставни дворца были изготовлены из кованой бронзы. Их всегда держали закрытыми — это было единственным спасением от песка, несомого неутихающими ветрами.

Старк назвал свое имя стражнику, и его тут же впустили. Проходя через многочисленные залы, Старк обратил внимание на старинные гобелены, закрывавшие стены дворца. Полами здесь служили каменные плиты, основательно истертые обутыми в сандалии ногами бесчисленных поколений предков.

И снова природное чутье подсказало Старку, что жизнь в этих стенах никогда не отличалась однообразием. Один вид камней наводил его на мысль о том, что в стародавние времена они были свидетелями совершавшегося здесь насилия. Среди каменных стен,

казалось, витали призраки былого, познавшие восторг сладострастия.

Наконец Старк предстал перед властителем Валкиса — Делгоном. Он был принят в просторной комнате в центре дворца, которая служила повелителю для проведения разного рода совещаний. Тут же находились те, кого Старк безошибочно принял за соратников властителя.

Делгон был типичным представителем своей расы — сильным и стремительным воином с красивым волевым лицом. В черных волосах его пробивались первые серебряные нити. Резко обозначившиеся морщины говорили о том, что пора юных лет для него давно миновала. Облик Делгона дополняли сверкавшие, словно расплавленное золото, глаза и тонкие темные брови. Властелин города был обряжен в великолепные боевые доспехи.

Делгон окинул вошедшего землянина быстрым изучающим взглядом:

— Значит, ты и есть Старк...

Старка поразили его хищные, словно у ястреба, глаза. В них скрывалась какая-то тайна, какие-то непостижимые замыслы, разгадать которые вряд ли кому-либо суждено. Инстинктивно Старк почувствовал неприязнь к Делгону.

Но на вопрос его землянин в ответ кивнул головой и приблизился к столу, за которым сидели те, кто участвовал в этой встрече. Он оглядел собравшихся.

Присутствовали несколько марсиан, уроженцев зоны Нижних Каналов. Среди них был командующий войсками и его свита, о чем свидетельствовали знаки различия и самодовольное выражение лиц военных. В комнате находились также несколько пришлых деятелей в скромных одеждах, бывших явно не к месту в таком великолепном дворце.

Старк знал их всех. Найтон и Уолш с Терры, Темис — с Меркурия, Аррод — из колонии на Каллисто, а также Лухар с Венеры. Пираты, воры и изменники, отлично знавшие свое ремесло.

Эштон был прав. В отношениях между Валкисом и Пустынными землями затевалась какая-то по-настоящему грандиозная, отвратительная авантюра.

Мысль эта промелькнула в мозгу Старка, заставив его как следует задуматься. Однако он сосредоточил все свое внимание на Лухаре. Стоило Старку увидеть этого пришельца с Венеры, как в нем вскипела волна ненависти и всплыли горькие воспоминания, относившиеся ко времени его жизни в родном племени.

Человек этот был впечатляюще красив. Изящный, элегантный, с копной вьющихся волос на голове, он был одет в ладно скроенную темного цвета тунику. Когда-то Лухар служил офицером ударной гвардии Венеры, но его оттуда уволили.

— Кому нужен этот абориген?! — воскликнул Лухар при виде Старка. — Мне казалось, у нас уже достаточно варваров...

Старк ничего не ответил, но молча приблизился к Лухару. Тот резко произнес:

— Не заводись, Старк! Что было, то прошло. Теперь мы с тобой в одном лагере.

Землянин ответил, не повышая голоса:

— Однажды мы уже были с тобой в одном лагере... когда боролись против корпорации «Металлы Земля—Венера». Помнишь?

— Я прекрасно это помню! — Теперь Лухар обращался уже не к одному Старку, но ко всем тем, кто находился в комнате. — Я помню, как твои распрекрасные друзья-дикари привязали меня к стволу дерева посреди болота, а ты наблюдал за всем этим с явным удовольствием. Хорошо еще, что люди этой корпорации вовремя там оказались, иначе бы я взывал о помощи до сих пор.

— Ты нас запродавал этой корпорации со всеми потрохами, — возразил ему Старк. — Все было тобою подстроено.

Землянин продолжал медленно наступать на Лухара. И тут прозвучал голос Делгона, негромкий, но властный.

— Обойдемся без драк, — сказал властитель города. — Вы оба — мои наемники. И пока я вам плачу за это, вам следует забыть о личной неприязни. Понятно?

Лухар кивнул головой и сел на место с кривой усмешкой на губах, адресованной Старку. Землянин же смотрел на Делгона прищурившись. Ненависть к Лухару просто ослепила его, и он не сразу справился со своими чувствами. Старк готов был убить ненавистного пришельца с Венеры. Но в то же время он признавал главенство Делгона.

Невольно у него из груди вырвался звук, поразительно напоминавший рычание дикого зверя. Затем Старк мало-помалу успокоился. В обычных обстоятельствах он бы не подчинился Делгону. Но взбунтоваться сейчас — означало бы провалить миссию. А он обещал Эштону выполнить все честь по чести.

Землянин лишь пожал плечами и присоединился к тем, кто восседал за столом.

Неожиданно Уолш с Терры вскочил с места и начал возбужденно расхаживать по комнате.

— Сколько еще мы должны ждать? — громко спросил он.

— Почему мне знать? — резко проговорил Делгон, наполняя винном бронзовый кубок. Затем пододвинул бутылку с вином Старку.

Старк также налил себе вина. Оно было теплым и сладким. Землянин пил его неторопливо. Он сидел расслабившись, ощущая, что к нему снова вернулась обычная выдержка. Кое-кто из остальных нервно покуривал, вскакивал с мест, ходил взад-вперед.

Было очевидно, что здесь чего-то или кого-то ждали. Но Старк никого ни о чем не спрашивал.

Время тянулось медленно. Старк вдруг поднял голову и прислушался.

— Что это? — поинтересовался он.

Присутствовавшие ничего не слышали: они не обладали тонким слухом землянина. Один Делгон поднялся и растворил бронзовые ставни ближайшего к нему окна.

Снаружи занимался марсианский рассвет — лучезарный и ясный. Солнечные лучи ярко осветили пустынную чашу мертвого моря. Просматривалась темная линия канала, а за ним виднелся караван, пробивавшийся в город сквозь тучи пыли.

То был необычный караван. В его авангарде и арьергарде скакали воины, вооруженные копьями со сверкавшими на солнце наконечниками. Можно было рассмотреть и паланкин, затянутый занавесками из алого шелка, и даже украшения на сбруе животных. От всего этого веяло каким-то варварским великолепием. В утреннем воздухе отчетливо слышалось неустанное пение волынок и глухой, утробный грохот барабанов.

Старку и без посторонней помощи нетрудно было догадаться, кто ехал в город из пустыни с королевскими почестями.

Делгон сделал нетерпеливый жест и произнес хриплым голосом:

— Наконец-то... Кайнон явился!

Он порывисто отвернулся от окна. Глаза сверкнули, выдавая охватившую его внутреннюю радость.

— Идемте поприветствуем Дарующего Жизнь!

Старк вместе со всеми вышел на запруженные народом улицы. Необычайное волнение охватило жителей Валкиса и прибывших в город представителей разных кочевых племен. Затаив дыхание, люди все до единого устремились по узким улочкам к каналу.

Старк добрался до обширного невольничьего рынка и неожиданно очутился рядом с Делгоном. Тот, возвышаясь над головами людей, стоял на помосте, на котором обычно велся торг рабами. Охваченная ожиданием толпа застыла и притихла.

...Раздался размеренный бой барабанов, надрывно запели волынки, и под их звуки Кайнон из Шана въехал в Валкис.

Глава 3

Караван вступил прямо на площадь невольничьего рынка. Толпа подалась назад, прижимаясь к стенам домов и давая каравану возможность пройти. У многих в толпе забились сердца, когда они услышали тяжеловесную поступь монстров по каменным плитам площади, звон и лязг воинских доспехов, увидели устрашающий блеск копий и огромных двуручных мечей. И все это — под бой барабанов и неистовые трели волынок. Старк ощутил приятное волнение в крови.

Авангард колонны достиг здания, в котором содержались рабы. В этот момент барабанщики неожиданно опустили свои па-

лочки, волынки смолкли, и на площади воцарилась полная тишина.

Эта полная, оглушающая тишина длилась почти минуту. Затем прибывшие воины Пустынных земель дружно — с ревом — как один выдохнули из себя имя Кайнона. Получилось настолько громко, что завибрировали стены города.

Кайнон прямо из седла перепрыгнул на помост у стен здания, затем подошел к краю помоста, где каждый мог его видеть.

— Приветствую вас, братья! — крикнул он, воздев руки к небесам.

Толпа встречающих ответила ему приветственными возгласами.

Старк принялся внимательно изучать Кайнона, дивясь его молодости. Он ожидал увидеть древнего старца с седой бородой, а вместо этого перед ним предстал широкоплечий мускулистый воин одного роста с землянином.

У Кайнона были ярко-голубые глаза, в лице угадывалось нечто орлиное. В его голосе звучала какая-то потаенная музыка — такой голос способен свести с ума людские толпы.

Старк оглядел окружающие их восторженные лица людей — даже горожане не устояли перед обаянием Кайнона! — и подумал, что предводитель из Пустынных земель — самый опасный из всех деятелей, которых ему доводилось встречать до сих пор. В этом варваре с золотистыми волосами, обряженном в кожаный кильт с бронзовыми вставками, толпа сразу признала полубога.

— Приведите старика и пленника, — распорядился Кайнон, обращаясь к начальнику стражи. Затем снова повернулся к толпе, жестом призывая ее к тишине. Когда наконец толпа успокоилась, над площадью загремел властный голос предводителя варваров:

— Существуют еще люди, которые сомневаются в правдивости моих слов. Поэтому я — сегодня, сейчас! — явился сюда, в Валкис. И я докажу, что никого не обманываю!

Толпа в ответ загомонила нестройным хором. Люди Кайнона тем временем уже помогали взойти на помост трясущемуся старцу, настолько древнему, что он едва держался на ногах, а также молодому обнаженному пленнику с Терры. Юноша был закован в цепи. Глаза старика горели странным блеском. Он смотрел на молодого пленника с нескрываемым злорадством.

Старк устроился поудобнее и стал наблюдать за происходящим. Паланкин с алыми занавесками находился теперь уже возле помоста. Рядом с ним стояла девушка-служанка и смотрела вверх, на помост. Старку показалось, будто она глядела на Кайнона с гневным выражением на лице. Занавески паланкина были чуть приоткрыты. Старк сумел заметить внутри его красивую женщину, покоившуюся на подушках. Детально он ее рассмотреть не мог, но обратил внимание, что волосы у нее золотисто-рыжие. Он обратил внимание и на то, что женщина улыбалась, глядя на

старика и обнаженного юношу. Затем она повернула голову и, хотя все это трудно было разглядеть в полумраке паланкина, Старк понял, что она следит за Делгоном. Тот, в свою очередь, не спускал глаз с женщины в паланкине. Казалось, Делгон весь напрягся, словно хищник перед прыжком.

Старк улыбнулся про себя. Прибывшие воины были целиком поглощены созерцанием происходившего на площади действия. Толпа постепенно смолкла и, затаив дыхание, насторожилась.

Солнце сияло в безоблачном небе. Порывистый ветер приносил с собой на площадь песок пустыни. Всюду витал запах разгоряченной человеческой плоти.

Старик протянул руку и тронул юношу за плечо. Улыбка искажала его морщинистое лицо, обнажая синеватые десны.

Кайнон снова заговорил:

— Знаю, среди вас есть такие, которые сомневаются во мне! Те, кто смеялся, когда я объявил, что владею древним секретом Рам, что могу мозг одного человека заменить другим. Но, начиная с сегодняшнего дня, никто из вас не станет больше сомневаться в этом.

Сам я, конечно, не Рама... — Молодой предводитель воинства шутиливо оглядел свое тело, поигрывая мускулами, и рассмеялся. — И зачем мне быть Рамой? Сейчас я не нуждаюсь в замене мозгов!

Толпа ответила ему дружным, не слишком учтивым смехом.

— Нет, — продолжал Кайнон, — я не Рама. Я — такой же человек, как и вы. И так же, как вы, я не хочу состариться, а затем — умереть.

Неожиданно он обратился к старцу:

— Скажи-ка, дед, разве тебе не хотелось бы снова стать молодым?... Ринуться верхом в битву или обладать женщиной своей мечты?

— Да! Да!.. — гнусаво промямлил старик, хищным взором пожирая несчастного юношу.

— Так вот, ты снова станешь молодым! — громогласно объявил Кайнон. Он опять повернулся к толпе и крикнул: — Много лет я провел отшельником в пустыне, стремясь разгадать утраченную тайну Рам. И я разгадал эту тайну, братья мои!.. И теперь владею ею. Сегодня начинается новая эра в истории народов Пустынных земель!

Да, нам придется сражаться, — продолжал он. — Будет пролито немало крови. Но когда завершится эта борьба, люди Кеша и Шана забудут, что такое жажда, от которой они страдали на протяжении многих веков, а жители зоны Нижних Каналов получат то, что принадлежит им по праву. Вот тогда я дарую новую, вечную жизнь всем тем, кто меня поддержал. Старики, калеки, раненные смогут выбрать себе тела по вкусу из числа наших пленников. И не будет больше старости, болезней и смерти вообще!

Толпа издала приглушенный вздох. Кайнон видел перед собой колышущееся море. Глаза людей сверкали, многие стояли, широко раскрыв рот. Всем хотелось заполучить самое дорогое — вечную жизнь.

— Если среди вас еще остались сомневающиеся, — продолжал Кайнон, — пусть смотрят сюда... Глядите — сейчас я вам все покажу!

Толпа не спускала глаз с Дарующего Жизнь. Теперь все стояли не шелохнувшись. Люди, затаив дыхание, следили за тем, что происходило на помосте.

Прозвучала громкая барабанная дробь. Под эти звуки начальник стражи в сопровождении шестерых солдат торжественным шагом прошествовал к паланкину и бережно принял из рук восседавшей в нем женщины что-то завернутое в кусок яркого шелка. Затем осторожно, словно нечто драгоценное, понес сверток Кайнону. Приблизившись к помосту, военный поднял сверток и передал его своему повелителю.

Кайнон развернул сверток — яркий шелк упал на помост. В руках Дарующего Жизнь засверкали две хрустальные короны и жезл. Повелитель поднял их высоко над головой. Солнечный свет отражался от хрусталя, пылая холодным пламенем.

— Любуйтесь! — воскликнул Кайнон. — Перед вами — короны Рам!

Толпа единым духом издала долгое: «А-а-а-а-х!» Барабаны между тем не умолкали. Их торжественная дробь нарастала и убывала, словно биение пульса Вселенной.

Кайнон обернулся к старику. Того вдруг охватила безудержная дрожь. Кайнон возложил одну из корон на его морщинистую лысую голову, и старый человек вздрогнул, словно от удара. Лицо его выражало крайнюю степень возбуждения. Вторую корону Кайнон бесцеремонно водрузил на голову перепуганного юноши.

— На колени! — приказал повелитель.

Оба опустились на колени. Кайнон стоял над ними, держа обеими руками жезл так, что конец его приходился как раз между коронами.

Внезапно из хрустального жезла выскочило пламя. Но не солнечный блик — пламя сделалось ослепительно голубым, перекинулось на обе короны, и те тоже ярко запылали.

Старик и юноша оказались в ореоле холодного потустороннего пламени.

Барабаны смолкли. Старик коротко вскрикнул. Дрожащими руками он попытался дотронуться до своей головы, затем схватился за грудь и замер. Вслед за этим он потерял равновесие и упал лицом вниз. Затем конвульсивно дернулся — и застыл.

Юноша вслед за ним тоже покачнулся и упал лицом вниз. Сковылавшие его цепи чуть слышно звякнули.

Сияние обеих корон померкло. Кайнон продолжал стоять над стариком и юношей, подобно бронзовой статуе, держа в руках жезл, из которого все еще вылетали голубые разряды. Затем и они исчезли.

Кайнон опустил жезл. И тут же приказал звенящим голосом: — Встань, старик!

Юноша зашевелился. Медленно, очень медленно он поднялся на ноги. Глядя на толпу, он вытянул вперед руки, затем ощупал ими свои бедра, мускулистый живот и крепкую грудь. Потом дотронулся до сильной шеи, гладких щек и густых волос на голове.

Из груди его вырвался радостный возглас:

— У меня — молодое тело! Я снова молод!

Слова эти были произнесены на марсианском языке. Юноша говорил с безукоризненным акцентом жителей Пустынных земель...

Толпа разразилась восторженными возгласами, дикими воплями. Она заволновалась, словно огромное живое существо. Некоторые лица побелели от волнения.

Юноша рухнул на помост и благодарно обхватил руками колени Кайнона.

Эрик Джон Старк вдруг обнаружил, что и сам слегка дрожит. Он взглянул на Делгона и свиту его приспешников. Властитель города был в шоке, хотя и пытался это скрыть. Ему хотелось показать, что он очень доволен результатом развернувшегося перед ними действия. Его прищипые союзники, подобно людям в толпе, были поражены до крайности.

Старк слегка повернул голову и взглянул на паланкин. Белая женская рука в этот момент закрывала изнутри алые занавески. Служанка возле носилок стояла не шелохнувшись, глядя на Кайнона взглядом, исполненным ненависти.

Вслед за этим начался настоящий бедлам. Толпа задвигалась, зашумела. Раздался барабанный бой, завывли волюнки. Люди что-то оглушительно кричали.

Короны и сверкающий жезл снова завернули в шелк и унесли. Кайнон поднял юношу с помоста и собственноручно сбил с него цепи. Затем повелитель снова сел в седло. Юноша находился неотступно рядом с ним. Делгон и его соратники пошли впереди Кайнона по улицам, расчищая дорогу Дарующему Жизнь.

Тело несчастного старика осталось лежать на помосте. Впрочем, воины Кайнона вскоре накинута на него белый саван и куда-то унесли.

Повелитель шани — Кайнон — торжественно проследовал ко дворцу Делгона. У входной бронзовой двери он подошел к паланкину и подал руку сидевшей в нем знатной даме. Она ступила на землю и вместе с ним вошла во дворец.

Женщины шани были высокими и статными, достойными своих мужей в битвах и любви. Эта же рыжеволосая дочь Пустынных

земель способна была заморозить любого мужчину гордой походкой, белизной плеч и манящим взглядом серо-голубых глаз. Старк издали следил за нею восхищенным взором.

Теперь в совещательной комнате дворца собрались Делгон с приспешниками, а также Кайнон со своей рыжеволосой королевой. Из марсиан, помимо этих трех, в совещании не принимал участия больше никто.

Во главе стола, развалившись в высоком кресле, сидел Кайнон. Лицо его сияло. Он вытер пот со лба и наполнил кубок вином, окинув собравшихся веселым взглядом своих голубых глаз.

— Наливайте бокалы, господа! Я хочу произнести тост. — Он поднял кубок и изрек: — Выпьем за тайну Рам и за Дар Жизни!

Старк демонстративно поставил на стол свой пустой бокал и с вызовом посмотрел прямо в глаза Кайнону.

— У вас нет никакой тайны, — не повышая голоса произнес землянин.

Кайнон, казалось, застыл в своем кресле. Затем невероятно медленно он опустил свой кубок. Никто из присутствовавших не шевельнулся.

В наступившей тишине громко прозвучал голос Старка.

— Скажу еще вот что, — продолжал Старк. — Демонстрация вашего перевоплощения была обманом с начала до конца.

Глава 4

Слова Старка произвели на собравшихся необыкновенно сильное впечатление. Каждый реагировал по-своему. Черные брови Делгона взметнулись вверх. А рыжеволосая королева подошла вплотную к землянину, чтобы получше его рассмотреть.

— Откуда здесь взялась эта большая черная обезьяна? — высокомерным тоном спросил Кайнон.

Делгон объяснил ему, откуда и зачем прибыл Старк.

— Ах да, — картинно произнес Кайнон. — Эрик Джон Старк, дикарь с Меркурия... — Тут он угрожающе сдвинул брови. — Ладно, объясни тогда, в чем заключался мой обман там, на площади!

— Извольте. Во-первых, юноша с Земли был пленником. Его предупредили, что он должен сделать для того, чтобы ему сохранили жизнь. Затем пленника как следует подготовили к этому представлению. Во-вторых, манипуляции с хрустальными коронами и жезлом — обычный трюк фокусника. В жезле было использовано изобретение Перселла, благодаря которому при трении возникает электрический разряд. В результате — вспышка голубого пламени... В-третьих, вы ввели старику яд, возможно, с помощью острых шипов на концах короны. Я заметил, как несчастный вздрогнул, когда вы надели корону ему на голову.

Землянин сделал паузу.

— Старик умер. Юноша подыграл вашему обману. Вот как оно было...

В комнате вновь наступила гнетущая тишина. Лухар сидел, низко склонившись над столом. По выражению его лица было видно, что он чего-то ждал. Женщина не отрываясь смотрела в лицо Старку.

Затем, совершенно неожиданно, Кайнон громко рассмеялся. Он хохотал неудержимо, до слез.

— Согласись, это был прекрасный спектакль! — сказал он, наконец успокаиваясь. — Чертовски привлекательное зрелище. Ты должен признать, что это так. Толпа проглотила все с потрохами...

Кайнон поднялся и, обойдя стол, приблизился к Старку. Он хлопнул землянина по плечу, да так сильно, что на его месте другой, менее крепкий человек, свалился бы на пол.

— Ты мне нравишься, дикарь. Никто из собравшихся здесь не посмел бы так со мной разговаривать. Держу пари, что все они думают то же самое.

— Так где же ты был, Кайнон? — спросил Старк, в свою очередь переходя на более фамильярный тон, — Где же ты был все эти годы, которые, как ты выразился, провел отшельником в пустыне?

— Интересно, да? Расскажу одному тебе по секрету... — Неожиданно он перешел на хороший разговорный английский: — Я побывал на Терре, где познакомился с изобретениями наподобие электронного разрядника Перселла.

С этими словами Кайнон взял в руки бокал Старка, налил в него вина и протянул землянину.

— Так что теперь ты все знаешь. Все мы это знаем, — добавил Кайнон. — Давайте же хорошенько промочим горло по этому поводу и примемся за дела.

— Нет, — отрезал Старк.

Кайнон удивленно поднял брови:

— Что еще такое?

— Ты лжешь собственному народу! — резко произнес Старк. — Даешь людям пустые обещания, лишь бы они пошли за тобой воевать.

Гневная вспышка Старка основательно сбила Кайнона с толку.

— Ну, подумаешь какое дело! — возразил он. — Что в моих действиях нового или необычного?

Тут в разговор вступил Лухар. Голос его вибрировал от негодования.

— Берегись его, Кайнон! Он предаст тебя, перережет тебе плотку, если решит, что так будет лучше для диких племен.

В их перепалку наконец вмешался Делгон:

— Репутация Старка известна во всей Солнечной системе. Нет нужды повторяться.

— Согласен, — поддержал его Кайнон, теперь уже с симпатией поглядывая на Старка. — Ведь мы же сами послали за ним, будучи в нем уверены. Недоразумение улажено...

Он отступил на шаг, как бы желая видеть сразу всех тех, к кому собирался обратиться.

— Война, на которую идет мой народ, — справедливая война. Наши люди голодают и мучаются от жажды. В то же время города-государства вдоль границы Пустынных земель захватили все источники воды и наживаются на этом. Знаете ли вы, что значит видеть, как ваши дети умоляют дать им воды во время дальних переходов? А когда они наконец добираются до какого-нибудь оазиса, оказывается, что его засыпала песчаная буря. Тогда они бредут дальше в надежде спасти соплеменников и свой скот. Я болею за них душой, поскольку родился и вырос в Пустынных землях и всегда проклинал Пограничные Государства, едва шевеля распухшим от жажды языком.

Старк, ты не хуже меня должен понимать, какие настроения царят у кочевых племен. Люди Кеша и Шана традиционно враждуют. Обе стороны постоянно совершают набеги и грабежи. Идет открытое противостояние из-за воды и пастбищ. Необходимо было найти аргументы, которые помогли бы их объединить. Моя единственная надежда основывалась на возрождении веры в древнюю легенду о Рамах. И это дало результаты. Сейчас все племена выступают заодно. Они готовы начать борьбу за то, что им принадлежит по праву. Готовы бороться за свою жизнь. Так что, по сути дела, я их вовсе не обманываю, давая такие обещания. Теперь-то, надеюсь, все вы меня понимаете?

Старк смотрел на него изучающе, холодно.

— Куда направятся жители Валкиса, а также люди из Джеккары и Барракеша? Куда направимся мы сами, будучи наемными убийцами?

Кайнон улыбнулся. Улыбка у него получилась вполне искренняя, без всякого лукавства. И в то же время гордая улыбка, улыбка человека, беспощадного к врагам.

— Мы создадим собственную империю, — не повышая голоса произнес он. — В настоящее время города-государства дезорганизованы. Одни из них страдают от голода, другие — зажирели. Ни те ни другие воевать не способны. Над нами нависла угроза с Земли. Пройдет совсем немного времени, и Марс превратится в некое подобие Луны. Мы создадим новую державу — на пепелищах и крови — и завладеем огромными ценностями.

— Вот куда направятся мои люди, — пояснил присутствующим Делгон и рассмеялся. — Мы, жители зоны Нижних Каналов, традиционно занимаемся грабежами...

— И вы, наемные убийцы, — подхватил Кайнон, — очень можете нам в этом деле. Мне нужны все вы, включая Лухара и Старка, чтобы как следует подготовить моих солдат, удачно спланировать

военную кампанию и поделиться со мной своими знаниями о действиях партизан. В распоряжении Найтона есть быстроходный танк. Он будет подвозить нам боеприпасы. Уолш, как мне сказали, — гениальный оружейник. Темис — талантливый механик, а также самый ловкий вор под этими небесами. Но с тобой ему не удастся тягаться, Делгон! Эррод создал Братство Малых Миров и управлял им долгие годы, приводя в бешенство сам Патруль; аналогичную услугу он может оказать и нам. Вот что я хотел вам поведать... А что ты, Старк, на это скажешь?

Землянин ответил неторопливо:

— Я пойду с вами, и мы будем вместе, пока у племен не будет к вам претензий.

Кайнон рассмеялся:

— Об этом можешь не беспокоиться.

— Еще один вопрос, — сказал Старк. — Рано или поздно люди поймут, что все волшебство Рам — лишь ловкий трюк...

— Они этого не поймут, — заверил его Кайнон. — Короны подвергнутся уничтожению в ходе какого-нибудь боя. Это, разумеется, будет трагическое событие, но оно положит конец всем ожиданиям. Секрет изготовления новых корон никому не ведом. Кто-то, а я знаю, как повелевать этим быдлом! Они будут безмерно счастливы, обретя хорошую землю и воду. Им этого будет достаточно...

Тут он оглядел собравшихся и каким-то жалобным тоном спросил:

— Ну, теперь-то мы можем сесть и выпить вина, как настоящие цивилизованные люди?

Все расселись по местам. Чаша с вином пошла по кругу. Ястребы Валкиса пили за здоровье друг друга, за удачу в войне и богатую добычу.

Во время застолья Старк узнал, что рыжеволосую королеву зовут Берилд. Кайнон был вне себя от радости: он нашел наконец взаимопонимание с наемниками, а это тоже была немалая победа, которую следовало отметить. Однако Старк заметил, что, хотя язык у Кайнона немного заплетался, ничего лишнего он не сболтнул.

Лухар с каждым часом становился все мрачнее и молчаливее, исподтишка поглядывая на Старка, сидевшего напротив. Делгон играл со своим кубком. От его взора ничто не ускользало, и он частенько поглядывал то на Берилд, то на Старка.

Берилд не пила. Она сидела несколько в стороне от стола, так что лицо ее пряталось в тени. Ее алые уста улыбались. О чем она думала — никому ведомо не было. Но Старк чувствовал, что она все время поглядывает на него, а также — что Делгон все это видит.

Наконец Кайнон сказал:

— Нам с Делгоном предстоит кое-что обсудить. Поэтому, господа, сейчас я с вами прощаюсь. Что же касается вас, Старк и Лухар, то в полночь вы отправитесь со мной в пустыню. Поэтому сейчас вам лучше поспать.

Старк кивнул в знак согласия, поднялся и вышел вместе со всеми. Слуга провел его в отведенную гостью опочивальню в северном крыле дворца. Старк к этому времени провел на ногах уже двадцать четыре часа, поэтому несказанно обрадовался возможности как следует отдохнуть.

Он улегся на постель. От выпитого вина слегка кружилась голова. Старк вспомнил насмешливую улыбку Берилд, затем мысли его обратились к Эштону и обещанию о помиловании. Вслед за этим он заснул, и ему приснился сон.

Будто он снова оказался на Меркурии и бежал по тропинке, которая вела от его пещеры к ущелью. Этим путем в пещеру поступал свежий воздух. Рядом с тропинкой в небеса вздымались высокие горы, вершины которых терялись за пределами невысокой здесь атмосферы. Скалы вокруг едва не плавилась от нестерпимого жара. Мальчика спасало то, что подошвы его ног потеряли чувствительность и стали словно из железа. Он легко перескакивал с камня на камень. Одежды на нем не было никакой.

Ущелье было залито ослепительным солнечным светом и оттого походило на разверстый вход в Ад. Днем Н'Чаке казалось, что здесь уже больше никогда не наступят холода. Однако он знал, что с наступлением темноты камни маленького ручейка у его ног покроются ледяной коркой. Боги природы на этой планете пребывали в состоянии постоянной вражды.

Н'Чака миновал место среди скал, которое недавно пострадало от землетрясения. Там была шахта, и мальчик помнил, что, когда он был еще совсем маленьким, он жил в этой шахте. Вместе с ним в ней обитало несколько человек с белой кожей, с виду очень похожих на него самого. Он прошел мимо этого места, не оборачиваясь.

Н'Чака разыскивал Тику. Когда он как следует подрастет, Тика станет ему подходящей парой. А сейчас ему хотелось охотиться вместе с ней, потому что она была очень быстроногая. К тому же она имела тонкий нюх и способна была отыскивать по запаху крупных ящеров.

Вдруг он услышал, что Тика зовет его. Вероятно, с ней что-то случилось... Н'Чака помчался к ней со всех ног и увидел девочку лежащей скорчившись между двумя огромными валунами. Легкий волосяной покров на ее теле был перепачкан кровью.

Неожиданно Н'Чаку накрыла огромная черная тень. Мальчик заметил над собой большого крылатого хищника с желтыми горящими глазами; на мальчика был нацелен его длиннющий клюв... Н'Чака метнул копьё, однако когти хищника уже впились ему в

плечо. Желтые сверкающие глаза были совсем близко от него, и в них витал призрак смерти.

Н'Чаке были знакомы эти глаза. Тика вскрикнула замирающим голосом, но мальчик видел только глаза... В следующее мгновение он подпрыгнул и схватил хищника руками...

...Старк услышал сквозь сон, как кто-то громко зовет его, дотрагивается до его рук. Сновидение вдруг заколебалось и рассеялось. Он вернулся к действительности, но, будучи под впечатлением сна, оттолкнул слугу, пришедшего его разбудить, да так сильно, что тот упал.

— Меня прислал Делгон, — лепетал перепуганный слуга, — он ждет вас в совещательной комнате.

Сказав это, слуга тут же исчез за дверью.

Старка всего передернуло. Сон был удивительно похож на действительность. Он встал и направился в центральную комнату дворца. Уже наступили сумерки, и повсюду горели факелы.

Делгон ждал его. Рядом с ним за столом сидела Берилд. Больше в комнате не было ни души.

Делгон взглянул на вошедшего землянина и сказал:

— У меня есть дело, Старк, которое я хочу поручить тебе. Ты помнишь того начальника стражи у Кайнона, которого мы видели сегодня на площади?

— Помню.

— Его зовут Фрека, и он хороший человек, однако предается одному пороку. К этому часу, как мне кажется, он уже целиком в нем погряз. Есть необходимость доставить его сюда до отъезда Кайнона. Могу я просить тебя взять это на себя?

Старк взглянул на Берилд. Ему показалось, что рыжеволосая королева от души забавляется. Вопрос только, кто тому причиной — Делгон или он сам.

— Где его найти? — спросил Старк.

— Существует лишь одно-единственное место, где он может вкусить эту специфическую отраву: в заведении Калы, что в пригороде Валкиса. Оно находится в старом городе, за нижними пристанями. — Тут Делгон улыбнулся: — Будь осторожен, Старк, поскольку Фрека может пустить в ход кулаки. Вдруг ему не захочется отсюда возвращаться...

Старк колебался всего секунду, затем бросил коротко:

— Постараюсь.

Через несколько минут он уже шел по сумеречным улицам Валкиса.

Удаляясь от дворца, он пересек площадь и углубился в какую-то извилистую улочку. Неожиданно кто-то придержал его за руку. Приятный женский голос, сопровождаемый звоном маленьких колокольчиков, торопливо произнес:

— Улыбнись мне и ступай за мной.

Рука, тронувшая его, была небольшой и смуглой. Старк улыбнулся в ответ на предложение и тут же свернул в проход между домами. Здесь он быстро прижал руками говорившую к стене, не давая ей вывернуться.

Перед ним была красивая девушка с зелеными глазами, в черных волосах которой позвякивали крохотные золотые колокольчики. Грудь ее была вызывающе обнажена выше расшитого жемчугом корсета. Пленница Старка гордо смотрела ему в глаза.

Она оказалась той самой девушкой-служанкой, которая стояла на площади возле паланкина и с ненавистью во взгляде смотрела на Кайнона.

— Ну, — начал Старк, — и что же тебе нужно от меня, малышка?

— Меня зовут Файанна, — представилась девушка. — И я все не собираюсь покушаться на вашу жизнь... Убегать от вас я тоже не стану.

Старк отпустил ее.

— Ты за мной следила, Файанна?

— Да. Во дворце Делгона множество потайных ходов, и все они мне известны. Я была за стенкой в совещательной комнате. И слышала, как вы выступали против Кайнона. А совсем недавно — как Делгон отдал вам приказание.

— И что же?

— Если вы действительно желаете добра людям из племен, как вы о том говорили, то вам нужно немедленно скрыться, пока есть такая возможность. Кайнон вас обманывает. Он использует вас в своих целях, а затем убьет. Точно так же он поступит и с собственным народом.

Файанна говорила с жаром, негодуя.

Старк снова одарил ее улыбкой, которую можно было понимать как угодно.

— Ты живешь в Валкисе, Файанна... Какое тебе дело до того, что станет с племенами?

Девушка кинула на Старка презрительный взгляд.

— Землянин, не подозревай меня напрасно в желании завлечь тебя в западню. Я ненавижу Кайнона. А мать моя была рождена в пустыне.

Она выдержала паузу и продолжала уже спокойно:

— Кроме того, я служу госпоже Берилд и знаю о многом, что происходит в этом мире. Надвигается беда, да такая, что Кайнон себе и вообразить не может... Тебе что-нибудь известно о Рамах? — неожиданно спросила она.

— Ровным счетом ничего, — признался Старк, — за исключением того, что в настоящее время они не существуют... если вообще когда-либо существовали.

Файанна как-то странно на него посмотрела.

— Возможно, сейчас их и нет... Послушай меня, землянин с Меркурия. Ты согласен скрыться, если узнаешь, что тебя намереваются убить?

— Нет, — ответил Старк.

— Даже если я скажу, что в заведении Калы тебя ждет засада?

— Даже тогда. Но я благодарен тебе за предостережение.

С этими словами Старк склонился к девушке и поцеловал ее. Он был восхищен молодостью Файанны и ценил ее честность.

Затем землянин повернулся кругом и пошел своей дорогой.

Глава 5

Ночь опустилась быстро. Старк поторапливался. Позади остались горящие факелы, смех и звуки арфы. Он вступил в тихие улочки старого города, залитые призрачным светом низко висящих над горизонтом лун.

Старк увидел старинные пристани — огромные сооружения из мрамора, на которых время оставило свой неизгладимый отпечаток, и направился прямо к ним. Он вдруг понял, что идет по едва заметной тропинке, выходящей между домами. Кругом стояла мертвая тишина.

Землянин миновал пристани и вышел на широкую улицу, ведущую к гавани. Впереди, на противоположной стороне, показалось полуразрушенное высокое здание; окна его были закрыты ставнями, сквозь которые пробивались узкие полоски света. Из здания доносились голоса людей и пронзительные звуки какой-то непристойной музыки. Это и было, по описаниям, заведение Калы.

Старк, легко ступая по каменным плитам, осторожно приблизился к зданию, стараясь все время находиться в тени. Неожиданно в доме с шумом растворилась дверь, и вышел какой-то человек — прошагал мимо Старка, не заметив его, и направился в сторону Валкиса. Старк успел рассмотреть в лунном свете лицо; даже скорее не лицо, а звериную морду. Незнакомец что-то невнятно бормотал на ходу и один раз зло рассмеялся. Видимо, он здорово кого-то ненавидел.

Старк выждал, пока шаги не затихли вдаль. Руины домов, его окружавшие, казалось, не таили никакой опасности. Рядом, среди камней, прошуршала своим брюшком серая ящерица, и снова стало тихо. Дверь заведения Калы была отчетливо видна в лунном свете.

Землянин нащупал под ногами небольшой камень и швырнул его в стену. Раздался звонкий удар. Старк затаил дыхание и прислушался.

Среди развалин домов кружил лишь сухой ветер пустыни.

Старк вышел из укрытия и уже не таясь направился к заведению Калы. Все было спокойно. Он рывком открыл дверь притона.

Желтоватый свет брызнул ему навстречу. Ударила волна спертого воздуха с запахами алкоголя и дешевой еды. Внутри заведения были установлены высокие торшеры с кварцевыми линзами, которые излучали золотисто-оранжевые пульсирующие пучки света. В островках ярких бликов на полу, на грязных меховых шкурах и засаленных подушках возлежали мужчины и женщины с отсутствующим выражением лиц.

Теперь Старку стало ясно, каким товаром торгует здесь Кала. Он назывался «Шанга», другими словами — уход в прошлое. Излучение кварцевых ламп давало возможность желающим на время забыться и вернуться в свое прошлое, первобытное состояние. Этот искусственно вызываемый атавизм был запрещен еще много лет назад. Но такую услугу по-прежнему предоставляли в глухих местах, наподобие заведения Калы, где не стеснялись преступить закон.

Старк начал искать глазами Фреку. Он тут же заметил рослого варвара и понял, что нашел того, кого искал. Фрека лежал под одной из кварцевых ламп. Глаза его были закрыты, лицо — перекошено. Тело подергивалось во сне. Варвар громко рычал. Он точно походил на зверя, в которого перевоплотился на короткое время.

— Я — Кала, хозяйка этого заведения, — прозвучал за спиной у Старка незнакомый женский голос. — Что тебе нужно, чужестранец?

Старк обернулся. Если Кала и была когда-то красива, то с тех пор минула не одна тысяча лет: примерно столько же, сколько прошло со времени первого грехопадения. В ее волосах позванивали красивые маленькие колокольчики, и Старк сразу же вспомнил Файанну. Но при виде испитого лица хозяйки заведения Старк сразу же ощутил приступ тошноты. Ее что-то роднило с непристойной музыкой, звучавшей здесь. Глаза Калы смотрели на гостя очень внимательно, и землянин понял, что от нее не ускользнул его ищущий взгляд. Она, вероятно, также догадалась, что Старка интересует Фрека. Во всяком случае, в голосе старухи чувствовалась какая-то настороженность.

Старку не нужны были лишние осложнения. Файанна предупредила его о западне, и землянину хотелось понять, откуда ждать опасности.

— Принеси мне вина, — сказал он.

— Хочешь испытать ощущения, которые дают лучи Шанги, лампы забвения, чужестранец?

— Может быть, позже. Сейчас мне хочется выпить.

Кала отошла и хлопнула в ладоши, стараясь привлечь внимание неряшливо одетой прислуги, которая бродила среди расprostертых на шкурах тел с глиняным кувшином в руках. Старк присел к столу, спиной к стене, так чтобы видеть одновременно входную

дверь и всю комнату. Кала возлежала теперь у входа на пушистой шкуре, и ее змеиные глаза были настороже.

Старк сделал вид, будто пьет из кубка. Мозг его в этот момент напряженно работал, и внутренне землянин был очень собран.

Не исключено, что само по себе это заведение и служило западней... Фрека на время превратился в животное. Если его тронуть, он станет сопротивляться. Тогда Кала поднимет крик. Другие озверевшие клиенты вскочат со шкур — и начнется потасовка!

Но об этом нетрудно было догадаться — ведь сам Делгон сказал ему, что здесь могут случиться неприятности.

Нет. Тут наверняка кроется что-то посерьезнее.

Землянин начал неторопливо осматривать просторное помещение. Из центральной комнаты можно было пройти в смежные. Входы в них были занавешены изодранными циновками. Сквозь прорехи в них Старк мог при желании разглядеть прочих клиентов Калы, растянувшихся на полу под лампами Шанги. Некоторые из этих посетителей настолько далеко зашли в мир своих диких предков, что их уже следовало опасаться. И все же Старк нигде не обнаружил какой-либо реальной опасности.

Лишь одно казалось странным. Комната, соседствовавшая с комнатой Фреки, пустовала, и циновки в ней были приоткрыты.

Старк решил выяснить, почему эта комната пуста, и подозвал к себе Калу.

— Я хотел бы понежиться в лучах Шанги, — заявил он. — Но мне нужно побыть одному. Поставьте светильник вон в ту комнату.

— Она уже занята.

— Но в комнате никого нет!

— Она заказана заранее и уже оплачена. Так что никто туда войти не может. Принести вам лампу прямо сюда?

— Нет, — сказал Старк. — Впрочем, черт с ним. Я уйду.

Он бросил Кале монету и вышел. А очутившись за дверью, тотчас приблизился к ставням на окнах и заглянул сквозь щель внутрь.

Долго ждать ему не пришлось. Тут же из «пустой» комнаты вышел Лухар с озабоченным лицом.

Старк с улыбкой вернулся к входу в притон и, прижавшись спиной к стене, рядом с дверью, стал ждать.

Дверь тут же распахнулась, и из нее вышел Лухар. На ходу он вытаскивал из кобуры револьвер.

Старк неожиданно набросился на него. Лухар издал негодующий вопль. Его револьвер выстрелил — пламя из ствола сверкнуло во много раз ярче лунного света. Старк с такой силой сдвинул ладонь противника, что у того хрустнули косточки. Оружие упало на камни. Лухар вывернулся и вцепился ногтями в лицо противника, пытаясь добраться до глаз землянина. Старк с силой ударил

его. Лухар упал и покатился по плитам тротуара. Прежде чем противник успел снова подняться на ноги, Старк схватил его револьвер и забросил подальше — в развалины домов на противоположной стороне улицы.

Лухар живо вскочил с тротуара. Они снова схватились и, сцепившись ввалились в заведение Калы через дверь. Там они начали кататься по полу среди вонючих шкур и грязных подушек. Лухар обладал невероятной силой и ни в чем не уступал землянину. Ему удалось крепко обхватить горло Старка своими длинными пальцами.

Кала отчаянно завопила. Откуда-то из-под подушек онахватила плетъ — традиционное оружие жителей зоны Нижнего Канала — и принялась без разбора хлестать обоих дерущихся. От резких движений спутанные волосы упали ей на лицо. Клиенты притона, лежавшие доселе под лампами Шанги, начали вставать и ползти к ним, издавая угрожающее рычание.

Кала изо всей силы ударила Старка плетью по спине. Тот взвыл и с трудом поднялся на ноги, увлекая за собой Лухара, который никак не желал отпустить горло землянина. Старк двинул противника кулаками в лицо и кинулся вперед, к столу.

Лухар судорожно, со свистом, глотнул воздух и обмяк. Хватка его пальцев ослабла.

Старк стряхнул с себя чужие руки. Затем встал, склонился над Лухаром и схватил его так крепко, что тот застонал от боли. Потом землянин поднял тело противника над головой и швырнул под ноги наступавшим на него рычащим клиентам Калы.

Хозяйка, изловчившись, с руганью бросилась на Старка, продолжая хлестать его плетью. Землянин обернулся к старухе. При первых признаках опасности со Старка мгновенно сошел легкий налет цивилизованности, в глазах зажегся холодный огонь. Он выхватил из рук Калы плетъ и двинул кулаком в ее перекошенное лицо. Кала свалилась на пол и затихла.

Теперь Старка окружала дюжина озверевших поклонников Шанги. Они мешали ему выполнять задание, ради которого его сюда прислали. Отчасти Старка возбуждал вид крови. Отчасти же он был движим необыкновенной злобой к этим подонкам. Он видел Фреку, который, выпрямившись, стоял в углу. Голова начальника стражи Кайнона яростно моталась из стороны в сторону.

Старк поднял плетъ и вступил в круг этих людей, потерявших человеческое обличье.

На него сразу же посыпались удары, к тому же его пытались царапать. Нападавшие бросались на землянина, но тут же падали. В глазах нападавших сверкала ненависть, что-то злобное выкрикивали их красные рты... В ушах Старка звенело от рычания и звериного хохота. Этим полулюдям-полузверям захотелось испробовать человеческой крови.

В один момент они навалились на Старка и придавили его тяжестью своих тел, дергавшихся в конвульсиях, кусали землянина, били его чем попало. Но Старку удалось подняться — он стряхнул всех со своих могучих плеч и начал топтать врагов ногами в высоких кожаных сапогах. Без усталости, с яростным свистом работала его плеть. Все гуще становился запах крови в спертom воздухе притона.

Откуда-то возникло удивленное лицо Фреки. В следующее мгновение марсианин с утробным воем бросился на Старка. Тот двинул начальника стражи в висок тяжелой рукоятью плети. Фрека упал, и Старк подхватил его на руки.

Краем глаза Старк заметил Лухара, уже пришедшего в себя и теперь ползком намеревавшегося добраться до места схватки. Вскоре, держа в руке нож, он оказался за спиной землянина.

Тело Фреки, которого поддерживал Старк, помешало ему уклониться от нападения. Когда Лухар сделал выпад, Старк пригнулся и подался назад, а затем головой ударил противника в пах. В это мгновение землянин почувствовал острую боль в плече от удара ножом, но лезвие лишь слегка задело его. Второго шанса Старк противнику не дал. Изогнувшись, землянин ловко, словно кошка, прыгнул на Лухара. Голова марсианина с размаху ударилась о каменные плиты пола. Старк дважды двинул ему кулаком. После этого Лухар уже не поднялся.

Старк встал на ноги. У него подгибались колени и ныло от боли плечо. Он оглядел место схватки и издал безудержный победный крик.

Рубашка на нем была порвана в клочья, тело кровоточило. Старк высился над поверженными хилыми марсианами, словно колосс. Напряжение схватки постепенно оставляло его. Землянин задал им трепку, которой они не ожидали. К тому же, даже находясь в сумеречном состоянии под воздействием лучей Шанги, они смогли понять, что Старк способен при желании разорвать их на части.

Кала поднялась с пола и прошипела с ненавистью в голосе:
— Убирайся!

Старк задержался в притоне еще несколько мгновений, оглядывая поверженных врагов. Затем поднял Фреку, положил его, словно мешок с мукой, к себе на плечо и вышел на улицу. Двигался он не быстро и не медленно, но строго по прямой линии, благо ничто этому не препятствовало.

Старк пронес Фреку вдоль безмолвных улиц древнего города и шумных, заполненных народом аллей Валкиса. Люди с удивлением смотрели на них и уступали им дорогу. Так Старк добрался до дворца Делгона. Стража свободно пропустила его, не потребовав остановиться.

Делгон находился в совещательной комнате, и Берилд по-прежнему была при нем. Похоже было, что они ждали, коротая

время за доверительной беседой и попивая вино. При виде Старка с ношей Делгон так резко поднялся на ноги, что кубок его опрокинулся и красное вино выплеснулось под ноги властителю города.

Землянин опустил потерпевшего на пол.

— Я доставил вам Фреку, — сказал он. — А Лухар все еще находится в притоне Калы.

Он глядел в золотистые, ненавидящие глаза Делгона и дивился их красоте. И в то же время ему хотелось убить властителя.

Неожиданно Берилд разразилась звонким смехом, который несомненно должен был остановить Делгона.

— Молодец, молодой варвар, — сказала она, обращаясь к Старку. — Кайнон должен быть доволен, что у него есть такой воин. Но на будущее — помни: берегись Фреку. Он тебе этого никогда не простит.

Старк взглянул на Делгона и размеренно произнес:

— За то, что произошло этой ночью, никто ни у кого прощения просить не станет. — И добавил: — А с Фрекой я всегда справлюсь.

— Ты мне нравишься, молодой варвар, — промолвила Берилд. — Она откровенно, с интересом рассматривала лицо Старка. — Когда мы отправимся в путь, ты поедешь рядом со мной. Мне хочется больше узнать о тебе.

И она ласково улыбнулась молодому человеку.

Делгон весь побагровел. Едва сдерживая гнев, он сказал:

— Ты, вероятно, кое о чем забыла, Берилд! Мои отношения с наемниками тебя не касаются. Этот тип здесь всего лишь временно...

Берилд резко перебила его:

— Не будем уточнять, кто здесь временно. Ступай, Старк... И к полуночи будь готов.

Старк вышел из комнаты в глубокой задумчивости. В душу его закралось странное сомнение.

Глава 6

В полночь караван Кайнона вновь выстроился на невольничьей площади. Люди покидали Валкис под гром барабанов и завывание волюнок. Их провожали толпы горожан, а также Делгон. Слышались нескончаемые приветствия, которые подхватывал ветер пустыни.

...Старк в одиночестве ехал верхом. Он был целиком погружен в свои мысли, не желал ни с кем общаться, и уж совсем ему не хотелось видеть госпожу Берилд. Она была красива, она была опасна. И принадлежала она либо Кайнону, либо Делгону, а возможно, им обоим сразу. Жизненный опыт подсказывал Старку, что подобные

женщины способны приносить несчастье, и потому она была ему не нужна. Во всяком случае — сейчас.

Лухар и Кайнон ехали во главе каравана. Марсианин с трудом добрался до площади к моменту выступления каравана. Лицо у него было несколько помятое и припухшее, а взгляд — недобрый. Кайнон быстро отыскал глазами Старка и заявил резко, чтобы слышали все:

— Делгон сказал мне, что между вами двумя — кровная вражда... Говорю вам: чтобы этого больше не было, понятно? После того как вы получите плату за участие в походе, можете друг друга убить, либо напротив — стать друзьями... Но до той поры — никаких счетов! Я ясно выражаюсь?

Старк кивнул головой, не желая вступать в пререкания. Лухар буркнул, что согласен выполнить требование повелителя. С этого момента оба противника старались не замечать друг друга.

Фрека ехал, как обычно, рядом с Кайноном и, таким образом, находился недалеко от Лухара. Старк заметил, что их звери то и дело оказываются один подле другого.

Могучий начальник стражи варваров сидел на монстре неестественно прямо. Старк сумел в свете факелов разглядеть, что лицо его, покрытое испариной, имеет нездоровый вид, а глаза все еще подозрительно сверкают. На виске у Фреки виднелся красноватый синяк... Старк был уверен, что Берилд сказала правду: Фрека никогда ему не простит.

Над головами у них раскинулось бескрайнее черное небо. Огни Валкиса остались далеко позади. Теперь караван двигался по дну высохшего моря. Ноги людей и животных ступали по вязкому песку и хрупким веточкам мертвых кораллов. С каждым шагом отряд спускался все ниже и ниже в чашу бывшего моря. Глядя на окружающий безжизненный пейзаж, трудно было поверить, что где-то в мире могла еще существовать жизнь, коль скоро встречалось в нем подобное, космических масштабов запустение.

Небольшие марсианские луны пролетели дозором над причудливыми скоплениями скал, сформировавшимися под действием воды и ветра, заглянули во все расщелины и казавшиеся бездонными впадины и наконец скрылись за горизонтом. Песок в их прозрачном свете казался одного цвета с белыми костями павших здесь людей и животных. В небе холодным стальным блеском сверкали звезды, до которых, казалось, рукой было подать. Во всем этом безграничном пространстве ничто не двигалось. Стояла мертвая тишина, такая пронзительная, что, когда где-то далеко на востоке хрипло завыл дикий кот, Старк вздрогнул от неожиданности.

Однако первозданная природа не действовала на Старка угнетающе. Рожденному и возвращенному в бесплодных, неухоженных землях, пустыня была ему намного ближе, чем возведенные людьми города.

Неожиданно за спиной у Старка послышалось негромкое позвякивание колокольчиков, и тут же к нему подъехала Файанна. Землянин улыбнулся ей, а девушка угрюмо произнесла:

— Госпожа Берилд послала меня к вам напомнить о ее желани.

Старк взглянул туда, где в центре каравана колыбался на ходу паланкин с алыми занавесками, и глаза его сверкнули.

— Она своего не упустит, верно?

— Конечно нет, — подтвердила Файанна.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что их никто не подслушивает, девушка негромко спросила:

— В заведении Калы все случилось так, как я предупреждала?

Старк утвердительно кивнул и сказал:

— Мне кажется, малышка, что я тебе обязан жизнью. Если бы я начал с возни с Фрекой, Лухар бы меня запросто убил.

Старк протянул руку и ласково похлопал ладонь Файанны, державшую уздечку. Она улыбнулась ему — светлой девичьей улыбкой, призывной и дружеской.

Было очень странно в лунную ночь говорить с красивой девушкой о смерти.

— Почему Делгон желает моей смерти? — спросил Старк.

— Он никак этого не объяснил в разговоре с человеком с Венеры. Но, по-моему, я догадываюсь. Он знает, что вы не уступаете ему в силе, и потому боится вас! Кроме того, госпожа Берилд как-то по-особенному на вас поглядывала...

— А мне казалось, что Берилд принадлежит Кайнону.

— Возможно, так оно и есть — пока что... — загадочно промолвила Файанна. Но тут же покачала головой и как-то опасно оглянулась. — Я и так уже сильно рискую, — продолжала она. — Пожалуйста, никому не говорите, что мы с вами беседовали. Можно сказать лишь, что я выполняла поручение своей госпожи.

На лице ее было какое-то беспомощное выражение. Старк только сейчас понял, что Файанна рискует жизнью не меньше его самого.

— Не бойся, — сказал землянин, и то не были пустые слова. — А теперь — поезжай вперед!

Файанна развернула своего монстра. Она еще успела шепнуть:

— Будь осторожен, Эрик Джон Старк!

Старк ответил кивком головы и поехал вслед за девушкой, подумав, как приятно слышать собственное имя в столь прекрасных устах.

Госпожа Берилд возлежала на мехах и подушках, но в ее позе не было признаков лени. Нечто кошачье — да... В теле красавицы ощущалась томная расслабленность. И в то же время оно было полно жизни. В полутьме занавешенного паланкина кожа

женщины казалась матово-бледной, а распущенные рыжие волосы имели загадочный темный оттенок.

— Так вы упрямитесь, молодой варвар? — спросила она. — Или я вам не нравлюсь?

Старк прежде не обратил внимания на то, насколько мягким казался ее грудной голос. Он окинул взором великолепные формы и признался:

— Вы чертовски привлекательны... Вот потому-то я и упрямлюсь.

— Бойтесь?

— Кайнон мне платит. Разве могу я взять в придачу его женщину?

В ее смехе чувствовался оттенок презрения.

— У Кайнона такие амбиции, что для меня места не остается, — сказала она. — У нас с ним существует определенная договоренность. У короля должна быть королева... Кроме того, я даю ему полезные советы. Как видите, я тоже не лишена честолюбия! Но кроме этого — ничего больше.

Старк взглянул на нее, пытаясь что-то прочесть в глазах, сверкавших в полутьме паланкина.

— А Делгон?

— Он желал бы обладать мною, но...

Королева поколебалась, затем решила продолжать. Однако тон ее был уже совершенно другой; она понизила голос и, захлебываясь от тайного всеохватывающего восторга, выпалила:

— Я никому не принадлежу! Только самой себе...

Старк понял, что в этот момент она вряд ли помнила даже о его присутствии. Некоторое время он ехал рядом, не произнося ни слова, потом произнес неторопливо, повторяя слова Делгона:

— Вы, вероятно, кое о чем забыли, Берилд! Я ничего для вас не значу: я здесь всего лишь временно.

Он видел, как королева повернулась к нему всем телом и как вспыхнули ее глаза, а грудь судорожно взметнулась. Затем она со смехом сказала:

— Молодой варвар повторяет чужие слова... Один час может длиться целую вечность, если кому-то этого очень захочется.

— Да, — согласился Старк. — Мне тоже так порою казалось. Например, в тот момент, когда я ждал смерти в расщелине среди скал. Если ужалит змея, укус ее будет смертельным.

Он наклонился к ней в седле. Холодный ветер трепал лохмотья на его голой груди — все, что осталось от рубашки после вчерашнего ночного происшествия.

— Мои свидания с женщинами бывают короткими. Они случаются обычно после битв, когда выдается время для развлечений. Возможно, и на этот раз, после сражений, которые нам предстоит, я вернусь, и мы увидимся.

Старк дал шпоры своему монстру и ускакал, не оглядываясь. Рыжеволосая королева лишь улыбнулась ему вслед.

Занимался рассвет. Кайнон жестом приказал Старку приблизиться. Кое-где на общем ярком белом фоне пейзажа просматривались выходы черных базальтовых скал. Кайнон кивнул головой в сторону видневшихся впереди зыбучих песков и сказал:

— Здесь ты поведешь своих воинов. Хорошенько запомни эти места. — Затем он обернулся к Лухару: — Заметь себе местонахождение каждого колодца, всех выгодных для нас позиций, каждой тропы, ведущей к границе. Жители Пустынных земель — лучшие в мире воины, когда у них достойный предводитель. А потому вы оба должны на деле доказать, что обладаете полководческим талантом. Вам придется работать с их военачальниками — Фрекой, а также с другими, которых мы встретим, когда доберемся до Синхарата.

— Синхарат? — переспросил Лухар.

— Так называется город, где расположена моя штаб-квартира, — пояснил Кайнон. — Туда примерно семь дней пути. Город древний, расположенный на бывшем острове. Там был очень силен культ Рамы, о чем рассказывают легенды. Место это считается священным, где кочевникам появляться не дозволено. Потому-то я и выбрал его местом для штаба.

Кайнон глубоко вздохнул и улыбнулся. Взгляд его был устремлен вдаль, туда, где находилась граница, от которой их отделяло безжизненное пространство мертвого моря. Солнце безжалостно выжигало все вокруг.

Взгляд Кайнона стал жестким.

— Теперь уже недолго ждать, — сказал он, адресуясь скорее к себе самому, чем к собеседникам. — Еще несколько дней — и мы утопим Пограничные Государства в их собственной крови. А после этого...

Он самодовольно хохотнул, но больше ничего не добавил.

Старк понял, что все сказанное ему Берилд было правдой. Кайнон болезненно амбициозен и намеревается уничтожить все, что стоит на его пути. Землянин мысленно оценил внушительную фигуру и силу рослого варвара, его орлиный взгляд и железные нотки в голосе. Они звучали даже тогда, когда предводитель позволял себе шутить.

Потом Старк взглянул в том направлении, где проходила граница, и подумал, доведется ли ему еще когда-нибудь увидеть Тарак и снова услышать голос Саймона Эштона...

В течение трех суток караван продвигался вперед без всяких происшествий. В полдень устраивали дневки, и люди имели возможность отдохнуть и поспать в самые жаркие часы. Потом движение возобновлялось. Караван вытянулся в длинную цепочку, состоявшую из рослых людей и поджарых животных. В середине процессии, словно волшебный цветок, взоры привлекал

паланкин с алыми занавесками. Звенели удила, вверх поднималась пыль, под мощными лапами монстров с хрустом крошились кости древних морских обитателей. Караван двигался к Синхарату...

Старк больше не беседовал с Берилд, а она за ним не посылала. На отдыхе он несколько раз сталкивался с Файанной; девушка едва заметно улыбалась ему, однако проходила мимо. Сам он с ней не заговаривал, опасаясь за ее безопасность.

Ни Лухар, ни Фрека к Старку даже не приближались. Они демонстративно его избегали, пока Кайнон не собрал всех вместе, чтобы обсудить некоторые вопросы военной стратегии. Похоже было, что Лухар и Фрека стали друзьями. Во всяком случае, они пили вино из одной бутылки.

Старк обычно спал рядом со своим монстром, привалившись к нему спиной и всегда держа под рукой оружие. Он не забыл суровые уроки, которые жизнь преподнесла ему еще в детстве. Так что теперь он мгновенно просыпался даже от шороха шагов по песку, и зачастую делал это раньше чуткого животного.

На четвертую ночь, под самое утро, ветер, упорно дувший им навстречу все эти дни, начал стихать. На рассвете установилась полная тишь. Лучи восходящего солнца имели зловещий красноватый оттенок. Песок, вылетающий из-под ног людей и лап животных, в отсутствие ветра оставался на месте.

Старк поглубже втянул ноздрями воздух. Теперь он все чаще поглядывал на север, где виднелся широкий пологий склон, уходящий за горизонт. В душе землянина нарастало необъяснимое беспокойство. Он дал шпоры монстру, желая присоединиться к Кайнону.

— Надвигается буря, — сказал он предводителю и снова повернулся лицом к северу.

Кайнон с удивлением взглянул на Старка.

— Ты даже направление верно определил. Можно подумать, что ты родился в этих местах... — Предводитель с видимой тревогой поглядывал на север. — Было бы лучше, если бы мы уже подходили к городу. Когда поднимается песчаная буря, на ровном месте некуда спрятаться. Остается один выход — продолжать двигаться. Если остановишься — ты покойник. И песок тебя похоронит...

Кайнон смачно выругался, мешая англосаксонские и марсианские слова, словно буря была его личным врагом.

— Передай по цепочке, да поскорее, — приказал он Старку. — Нужно сбросить с выюков все лишнее. И позаботься о Берилд — вытащи ее из этого дурацкого паланкина. Будь при ней! Сделаешь, Старк? А мне нужно быть здесь, во главе каравана. И не оставляй ее одну! Самое главное — не оставляй...

Старк кивнул, помчался к носилкам и усадил Берилд верхом на свободного монстра. Паланкин остался там, где его бросили. В наступившем безветрии алые занавески безжизненно повисли.

Люди мало говорили между собой. Они погоняли монстров, заставляя их быстрее двигаться вперед. Животные нервничали, вели себя беспокойно, норовили свернуть в сторону и бежать куда глаза глядят. Солнце между тем поднималось все выше.

Прошел час. В безмолвном воздухе начало ощущаться какое-то движение. Караван замер в тревожном ожидании.

Старк ездил на своем звере взад-вперед вдоль каравана: где было возможно, помогал вспотевшим от напряжения погонщикам тех монстров, которые везли на себе оставленные для людей бурдюки с водой и поклажу с небольшим запасом продовольствия. Файанна ехала рядом с Берилд.

Миновало два часа. И тут, впервые за этот день, люди услышали какие-то звуки. Они донеслись издалека и были похожи сначала на жалобные крики рожавшей женщины. Но так громко могла кричать разве что какая-нибудь великанша. Звуки бури стремительно приближались, усиливались с каждой минутой, превращаясь в истошные завывания. Казалось, небо над головой задрожало от воя и разверзлось, выпустив на волю адские потоки ветра.

Ураган обрушился на людей и животных внезапно. Только что воздух был чист и недвижим... А в следующее мгновение все заволело тучами песка, ветер завыл, словно тысячи дьяволов, с силой обрушиваясь на все живое.

Старк прищпорил своего монстра, желая присоединиться к женщинам, которых он опекал. Их, находившихся от него лишь в нескольких шагах, уже закрыла густая пелена песка и пыли.

Кто-то наткнулся на него в этой круговерти. Длинные женские волосы хлестнули Старка по лицу. Он протянул к женщине руку, почувствовал ответное пожатие и крикнул:

— Файанна! Файанна!

Внезапно его окружили какие-то люди, обряженные в воинские доспехи. Пальцы женщины разжались. К Старку потянулись чьи-то руки... В полумраке бури ему почудилось, что он узнал двоих из них, оказавшихся рядом. То были Лухар и Фрека.

Монстр Старка покачнулся, затем сделал большой прыжок вперед. Землянина вытащили из седла, и он упал спиной на раскаленный песок.

Глава 7

Мгновение он лежал оглушенный, не в силах вздохнуть. Где-то рядом пронзительно закричал монстр, потом осталось только завывание бури. Мимо него проходили какие-то неясные фигуры людей. А дважды он едва не был раздавлен лапами монстров.

Лухар и Фрека, как видно, ждали своего часа. В бурю осуществить план задуманной мести им было чрезвычайно легко. Предстояло лишь спешить Старка и оставить его одного в пустыне. Буря делает остальное, не бросив тень подозрения ни на одного человека.

Старк с трудом поднялся, но в этот момент какой-то человек подкатился ему под ноги, и землянин снова упал. Изрыгая проклятия, Старк схватился с этим человеком врукопашную и вдруг почувствовал, что тело у него под руками какое-то необычно мягкое, одетое в шелковое платье.

Тут только он увидел, что держит в объятиях Берилд.

— То была я, — тяжело дыша проговорила королева, — а не Файанна...

Старк с трудом разобрал слова Берилд, хотя знал, что она кричит изо всех сил, чтобы быть услышанной. Скорее всего она тоже упала со своего монстра, когда между ними вклинился Лухар.

Старк крепко прижал к себе женщину, опасаясь, что иначе ураган может ее унести. Оба они были ослеплены, оглушены и с трудом могли дышать. И все же им удалось сделать несколько шагов вперед... Неожиданно перед ними возник неясный силуэт навьюченного монстра, который с ревом стремительно двигался вперед под напором ветра.

Благодаря милости providения и собственной ловкости, Старку удалось ухватиться за веревки, державшие поклажу на монстре, и вцепиться в них с отчаянием человека, не желающего умирать. Зверь кружил на одном месте, увлекая за собой землянина, пока Берилд не поймала веревку, которой пользовались, чтобы остановить животное. Общими усилиями им удалось заставить монстра лечь.

Старк ухватился за его голову, а Берилд вскарабкалась на спину зверя, держась за веревки вьюка. Землянину подвернулся под руку чей-то шелковый шарф. Он обвязал его вокруг ноздрей монстра, который теперь наконец смог без труда дышать и успокоился. Можно было двигаться вперед...

Вокруг бушевала адская круговерть бури, завывавшей на разные голоса. Они ничего не видели, не имели никакого понятия, где находятся. Караван разметало по пустыне, словно осенние листья в лесу. Песок катил, будто морские волны, порой поднимаясь до колен. Старк выдергивал ноги из песка и, памятуя о наставлениях Кайнона, снова начинал движение, бредя наугад.

Берилд разорвала на себе шелковое платье и сумела передать Старку кусок материи, чтобы прикрыть нос и глаза. Теперь он мог кое-как дышать и легче ориентироваться. И продолжал идти вперед — спотыкаясь, раскачиваясь из стороны в сторону и отворачивая лицо под невероятным напором ветра. В глубине души землянин лелеял надежду найти основную часть каравана, но что-то подсказывало ему, что надежды его тщетны.

Последовавшие за этим часы скитаний по пустыне были настоящим кошмаром. Старк старался от всего отгородиться, словно потерял чувствительность. Человеку, выросшему в условиях развитой цивилизации, такое, пожалуй, не вынести; у Старка же в детстве каждый день и каждая ночь несли опасность; надо было пережить ночь, чтобы иметь дело с угрозами дня. Жизнь состояла из сплошной череды проблем, и он научился решать их одну за другой.

Сейчас требовалось одно: продолжать движение вперед. Забыть о завтрашнем дне, о том, что случилось с караваном и где может сейчас находиться Файанна с ее красивыми сверкающими глазами. Забыть о жажде и боли, о боязни задохнуться и о песке, который безжалостно сечет тебя по лицу. Но только не стоять на месте.

На пустыню уже опускались сумерки, когда монстр споткнулся о торчавший из песка большой камень и сломал себе переднюю лапу. Старк без колебаний тут же пристрелил животное: было бы жестоко оставить его мучиться здесь. Затем он срезал веревки с поклажи и сделал связку между собой и Берилд. Они взяли столько пищи, сколько способны были унести, а Старк к тому же взвалил на спину кожаный бурдюк с водой, который подарила им судьба.

Пощатываясь, они побрели дальше. Старк не услышал от Берилд ни единой жалобы.

Опустилась ночь, однако буря по-прежнему не утихала. Старк дивился выносливости рыжеволосой королевы. Ей приходилось помогать лишь тогда, когда она падала. Сам он уже не реагировал ни на какие невзгоды. Тело его двигалось вперед только потому, что он приказал ему не останавливаться.

В голове у Старка все помутилось. Берилд целый день ехала верхом на монстре, ему же приходилось идти пешком. Силы землянина были на исходе. Он чувствовал, что приближается конец, но был настолько истощен физически, что даже это его не пугало.

Старк не помнил, сколько времени прошло... и вдруг он осознал, что тянет за веревки тело упавшей Берилд. Он обернулся в надежде еще как-то ей помочь. Она говорила ему что-то, громко называла по имени и дергала за веревки, очень стараясь, чтобы Старк услышал ее и понял, о чем она говорит.

Наконец до Старка дошло. Он снял с лица импровизированную шелковую маску и свободно вздохнул. Буря стихла... Небо над головой светлело с каждой минутой.

Он бросил веревки, свалился на песок и тут же заснул словно мертвый. Рядом спала совершенно выбившаяся из сил Берилд.

Они пробудились на заре от сильной жажды. Напились из бурдюка и некоторое время сидели неподвижно, вглядываясь в даль. Затем перевели взгляд друг на друга. Оба пытались угадать, что их ждет впереди.

— Вы знаете, где мы находимся? — спросил Старк.

— Очень приблизительно.

У Берилд было утомленное лицо, однако теперь она выглядела намного лучше, чем в бурю. А Старк оно казалось даже более привлекательным, ибо не выражало никаких следов душевной слабости.

Берилд вдруг сделалась сосредоточенной и отыскала глазами солнечный диск.

— Перед бурей ветер дул с севера. Значит, мы отклонились от нашего пути к югу. Синхарат расположен вон там, — она указала рукой на северо-восток. — Нам придется пройти через Каменное Чрево, чтобы попасть туда.

— Далеко это?

— Пешком — дней семь-восемь...

Старк прикинул, сколько у них осталось воды, и покачал головой:

— Воду придется экономить.

Он встал на ноги и поднял бурдюк. Берилд безропотно присодинилась к нему. Рыжие волосы в беспорядке лежали на ее плечах. Ветер сорвал и унес остатки ее шелкового платья. Она стояла перед Старком обнаженная до пояса, с ожерельем из самоцветов на груди. Расшитый золотом пояс поддерживал широкую юбку — обычную одежду женщин пустыни.

Королева держалась прямо, шагала широко и уверенно. Старк вспомнил ее в образе изнеженной дамы из паланкина с алыми занавесками и не мог поверить, что это — та самая женщина.

Им негде было укрыться от полуденных солнечных лучей. Однако солнце, каким оно было на Марсе, не шло ни в какое сравнение с обжигающим солнцем Меркурия. Здесь его можно было уподобить слабо горящей свече, так что Старк не слишком беспокоился. Они легли на песок, Берилд заснула, и Старк загородил женщину от прямого света своим телом. Он не сводил глаз с ее лица — расслабленного и казавшегося ему во сне незнакомым.

Впервые Старк подумал, что многое в Берилд для него загадка. Прежде, в Валкисе, он общался с ней очень мало; в пути — и того меньше. Теперь же ничто происходящее в ее мыслях и сердце не могло укрыться от него.

Или могло? Иногда по лицу ее пробегали какие-то тени, порождаемые сновидениями. Иногда она неожиданно пробуждалась, и в глазах ее появлялось странное выражение, значение которого Старк был не в состоянии понять. Тогда землянин весь напрягался, ожидая чего-то непредвиденного.

Но в продолжение всех этих жарких дней и холодных — до заморозков — ночей, изнывая от жажды и усталости, Берилд держалась великолепно. Ее бледная кожа потемнела под лучами солнца, а волосы превратились в пышную рыжую гриву. Однако она не переставала улыбаться и твердо шагала рядом со Старком. И зем-

лянину казалось, что она — самое восхитительное человеческое существо из всех тех, которые ему доводилось встречать в этой жизни.

На четвертый день пути они взобрались по крутому склону, состоявшему из известняка и служившему когда-то дном древнего моря. Их взорам открылось то, что носило название Каменного Чрева.

В этом месте дно моря имело гигантскую впадину, наподобие бассейна. Противоположный край впадины с трудом просматривался с того места, где они стояли. Старку подумалось, что нигде в мире, даже находясь на Меркурии, он не встречал более мрачного места, словно забытого Богом и людьми.

Казалось, здесь на заре существования планеты Марс нашел свое последнее пристанище древний ледник, сам себе вырывший могилу. Ледниковый лед растаял, оставив тут то, что принес с собой, — разнообразные горные породы: базальт, гранит, мрамор и порфир любых мыслимых форм, размеров и цветов. Ледник захватывал их, продвигаясь от полюса к югу и маркируя ими свой путь.

Каменное Чрево... Старку пришло в голову, что синонимом этого названия могла быть только Смерть.

Тут Берилд впервые выказала слабость. Она опустилась на песок и закрыла лицо руками.

— Я без сил, — пожаловалась она. — И мне страшно.

— Здесь удавалось кому-нибудь пройти? — спросил Старк.

— Мне известно об одном таком случае. Но то был воинский отряд, верхом и хорошо оснащенный.

Старк взглянул на каменную чашу внизу и сказал:

— Мы здесь тоже пройдем.

Женщина подняла голову:

— Почему-то я тебе верю.

Берилд в первый раз обратилась к нему как к близкому человеку. Она поднялась на ноги, положила руки на грудь Старку и ощутила, как мощно бьется его сердце.

— Поделись со мной своей силой, молодой варвар, — прошептала рыжеволосая королева. — Мне она очень понадобится.

Старк притянул ее к себе и поцеловал. Это был необычный, болезненный поцелуй, ибо губы их потрескались от страшной жажды и кровоточили.

Потом они вместе спустились в Каменное Чрево.

Глава 8

По сравнению с Каменным Чревом пустыня казалась теперь местом приятным и надежным. Старк оглянулся и с чувством благодарности окинул взором безбрежную песчаную равнину. В то же время адский лабиринт сверкающих скал, в который они

вступили, сильно напоминал Старку каменные ущелья его детства на Меркурии. А потому вид Каменного Чрева несколько его не ошеломил.

Некоторое время путники отдыхали в укромном месте в расщелине, под защитой огромного камня темно-красного цвета. Вечером они допили всю оставшуюся в бурдюке воду. Ее хватило только на то, чтобы слегка смочить распухшие от жажды языки и губы. Бурдюк имел неприятный запах, и Старк хотел его выбросить, однако Берилд ему не позволила.

На каменные джунгли спустилась ночь. Со всех сторон путников охватила враждебная тишина. Скалы быстро остывали, и вскоре температура опустилась ниже нулевой отметки. Старку и рыжеволосой королеве оставалось либо замерзнуть, либо продолжать двигаться.

Старка начали одолевать разные видения. Время от времени он принимался разговаривать сам с собой громким шепотом, переходя на резко звучащий родной язык Сумеречного Пояса. Ему вдруг начинало казаться, что он охотится на большую ящерицу, как это многократно случалось в безводных местах на Меркурии. Кровь ящерицы нужна была ему для того, чтобы утолить жажду.

Но в Каменном Чреве не было ничего живого — лишь два человеческих существа, которые шли пошатываясь или ползли по камням в свете низко висевших над горизонтом лун.

Берилд упала и не смогла сама подняться. Старк склонился над женщиной. Она смотрела на него, не отрываясь. Лицо у нее было бледное, глаза безумно сверкали.

— Я не умру! — прошептала королева, обращаясь скорее не к Старку, а к небожителям. — Я не умру!

Растопыренными пальцами она цеплялась за все вокруг себя: песок, острые осколки камней, пытаясь сдвинуться с места. Поразительным было ее страстное стремление к жизни...

Старк поднял Берилд на руки и понес. Вскоре, однако, он сам начал дышать прерывисто. Потом упал. Но продолжал двигаться, словно зверь, на четвереньках, увлекая женщину за собой.

Вскоре землянин с трудом сообразил, что поднимается вверх по склону. Небо начинало проясняться — занимался рассвет. На пологом склоне Старк хотел подняться, но потерял равновесие и покатился вниз. Затем впал в забытие и долго лежал на спине без движения, словно мертвый.

В себя Старк пришел, когда солнце стояло уже высоко в небе. Он увидел Берилд, лежавшую подле него, и подполз к ней. Ему долго пришлось трясти женщину за плечи, прежде чем она открыла глаза. С трудом шевельнув пальцами, королева едва слышно сказала:

— Я не умру.

Старк, напрягая зрение, осматривал горизонт. Ему страстно хотелось увидеть Синхарат, однако вокруг ничего не было видно. Их окружала пустота: песок и камни. С большим трудом он помог женщине подняться на ноги. Ему все время приходилось ее под-держивать.

Старк пытался внушить королеве, что они должны во что бы то ни стало идти вперед, но язык его едва слушался. Оставалось объясняться лишь жестами и увлекать ее за собой — туда, где должен был находиться Синхарат.

Берилд стала отказываться идти.

— Слнш... ком... дале... ко... ум... рем... без... во... ды...

Старк знал, что она права, но сдаваться не желал.

Неожиданно Берилд повернула куда-то в сторону, кажется, на юг, и ему подумалось, что она сошла с ума и не отдает себе отчета в том, что делает. Потом Старк увидел, что она как-то уж очень пристально вглядывается в какую-то точку на склоне Каменного Чрева.

В том месте к небу вздымалась горная гряда с остроконечными вершинами. Примерно в трех милях оттуда виднелась красноватая скала, походившая на спинной плавник акулы. Дальше уже начиналась безжизненная пустыня.

У Берилд вдруг вырвался из горла звук, похожий на рыдание, и она тихонько побрела по направлению к этой далекой красной скале.

Старк нагнал ее. Он пытался остановить Берилд, но она его не слушала.

— Вода! — хрипло проговорила Берилд и показала куда-то рукой. Взгляд ее был безумен.

Теперь уже Старк не сомневался, что рыжеволосая королева сошла с ума.

— Ты спатила! — сказал он ей, с трудом шевеля губами. — Мы идем в Синхарат! Нам нужна помощь...

— Синхарат... далеко, — отвечала женщина. — Два-три дня... пути... а воды... нет... — Она вытянула руку, указывая на что-то. — Очень... старый колодец... Есть шанс... спастись...

Старк начал колебаться. Он застыл на месте, раскачиваясь словно пьяный. Голова соображала плохо. Ему подумалось, что у них, вероятно, все же есть один шанс из ста найти воду. Хотя скорее всего это ее галлюцинации, порожденные жаждой.

Но терять им было, в общем, нечего. Теперь Старк не сомневался, что до Синхарата им не добраться. Кивком головы он показал, что согласен идти с ней к красной скале.

Пройти три мили для них было все равно что преодолеть все триста. Когда один из них падал, они подолгу лежали вместе, рядом, и только спустя некоторое время с трудом поднимались на ноги. И каждый раз Старку казалось, что Берилд больше не выдержит. Однако женщина в конце концов вставала и, пошатываясь,

шла дальше, а он следовал за ней. Приходилось идти через силу, преодолевая боль во всем теле. Но это был их последний шанс в борьбе за жизнь.

Когда они подошли к острым вершинам горного хребта, солнце уже садилось. Взобравшись на небольшую скалу, путники в последних солнечных лучах увидели то, что должны были увидеть.

Там не было никакого колодца. Перед ними возвышалась массивная каменная стела с высеченным на ней незнакомым орнаментом. Вокруг были разбросаны какие-то древние руины, от которых уцелели одни фундаменты и полуразрушенные колонны.

Берилд шагнула вперед и легла на камни лицом вниз. Старк стоял неподвижно, внимательно осматривая руины. Он вдруг почувствовал, что не может больше ни о чем думать. И не хочет ни о чем вспоминать. Он опустился на колени, рядом с женщиной, и мгновенно заснул.

Среди ночи Старк проснулся от холода. Несколько мгновений он лежал не шевелясь и только потом решил поднять голову. В небе ярко светили две небольшие луны. Он начал искать Берилд глазами.

Рядом ее не было. Старк взглянул на то место, где она лежала, затем не без труда поднялся на ноги. Оглянувшись вокруг — и наконец увидел...

Она находилась чуть ниже скалы, на которой он стоял. Старк видел женщину совершенно отчетливо — освещенную лунным светом, рядом со стелой, возведенной в незапамятные времена. Берилд стояла, наклонившись к стеле, и что-то разглядывала, низко опустив голову. Старк удивился: что могло заставить рыжеволосую королеву собрать остатки сил, спуститься к стеле и теперь изучать ее с таким вниманием?..

Берилд выпрямилась и принялась осматривать руины, неторопливо поворачивая голову из стороны в сторону. Вскоре землянин понял, что Берилд пытается представить себе, как здесь все выглядело прежде, многие тысячи лет назад.

Потом рыжеволосая королева двинулась вперед, неторопливо и осторожно вошла в руины, выставив вперед руки, словно пыталась нащупать давно рассыпавшуюся в прах стену. Похоже, она хотела отыскать какую-то дверь. Сделав несколько шагов, женщина повернула направо, потом столь же осторожно двинулась прямо... Тут же повернула налево...

Старку показалось, будто она видит давно не существующие стены и ходит вдоль них. Ее призрачно-белая фигура плавно двигалась среди древних руин, чуть приостанавливаясь, чтобы отдышаться, и снова осторожно, но уверенно шла вперед.

Наконец королева остановилась на просторной ровной площадке, которая когда-то могла служить центральной площадью

дворца. Там она опустилась на колени и принялась копать руками песок.

Неожиданно оцепенение оставило Старка. Превозмогая себя, он двинулся вперед. Берилд могла из последних сил рыться в песке, только если там была вода... Землянин пошатываясь спустился со скалы и склонился над женщиной.

— Здесь... колодец, — хрипло произнесла Берилд. — Копай...

Они начали по-собачьи рыть песок, выбрасывая его назад, между ног. Старк почувствовал, как его ногти задели что-то твердое. При лунном свете он вдруг заметил какой-то металлический блеск под тонким слоем песка. Спустя несколько минут они докопались до массивного золотого колпака диаметром футов шесть. На его поверхности была видна тончайшая гравировка, изображавшая некое морское божество.

Старк попытался поднять колпак или сдвинуть его с места, однако не сумел. Берилд же нащупала где-то скрытую пружину, нажала на нее — и колпак сам собой откинулся в сторону. Под ним скрывался чистейший холодный родник. Крышка предохраняла источник от пересыхания в течение долгих веков. Вода мягко струилась по замшелым камням, обрамлявшим края родника.

Час спустя Старк и Берилд — утолившие сполна жажду, в мокрой одежде — блаженно спали у источника. Вода капала у них даже с волос на голове.

На следующую ночь, когда обе луны снова взошли над пустыней, они сидели у родника, отдохнувшие и разомлевшие.

Старк взглянул на свою рыжеволосую спутницу и спросил:

— Кто ты, Берилд?

— Ты же все обо мне знаешь. Я родилась в Шане. А теперь я — королева, спутница Кайнона.

— Правда?... А мне кажется, что ты — колдунья. Лишь колдунье под силу отыскать источник, скрытый от всех взоров многие века. К тому же ты здесь прежде не была.

Услышав сказанное, Берилд застыла. Но тут же отвечала ему со смехом:

— Нет здесь никакого колдовства, молодой варвар. Я рассказывала тебе, как однажды воинский отряд пересек Каменное Чрево. Они знали традиции минувших веков. Здесь должен был быть источник воды... Его искали и в конце концов нашли. В тот отряд входил и мой отец.

«Может быть, — подумал Старк. — Здесь, в Пустынных землях, знать о месте нахождения секретного колодца равносильно обладанию бесценным сокровищем. Эту тайну передавали от отца к детям».

— Я понятия не имела, что мы находимся так близко от заветного места, — продолжала Берилд, — а затем увидела эту горную гряду и красную скалу наподобие спинного плавника акулы. Я узнала

их по приметам, о которых рассказал мне отец. Я боялась только, что мы не выдержим и умрем прежде, чем доберемся до воды.

«Да... — размышлял Старк, — возможно, все так и было... Но почему она ходила вдоль невидимых стен, будто знала, что они стояли там тысячи лет назад? Она же не видела, что я за ней наблюдаю, и уверенно шла через древние руины, словно жила здесь в те стародавние времена».

— О чем ты думаешь, молодой варвар? В твоих глазах отражается лунный свет...

— Так, о всяком, — неопределенно ответил Старк.

Пустые думы, ничем не подкрепленные подозрения... Почему они пришли ему в голову? Может, потому, что еще прежде он наслушался старинных марсианских легенд? Было то во время скитаний по разным гиблым местам, где людей постоянно преследовали невеселые мысли, связанные с культом Рам...

— Отбрось сомнения, молодой варвар. Жизнь прекрасна...

Старк взглянул на рыжеволосую королеву, купавшуюся в лунном свете. Она была молода, великолепно сложена, и на губах ее играла призывная улыбка...

Он склонился к Берилд, и женщина обвила его шею руками. Мягкие рыжие волосы коснулись его щеки. Затем она вдруг сильно прикусила ему губу. Старк вскрикнул и оттолкнул женщину. А она откинулась на спину, потешаясь над ним.

Старк почувствовал во рту привкус крови и выругался. Но тут же бросился на королеву и заключил ее в свои объятия. Она же снова рассмеялась — смехом сладостным, зовущим.

— Это тебе за дело, — сказала королева. — За то, что ты во время бури принял меня за Файанну.

Слабый ветерок, словно вздыхая о чем-то, ласкал их обнаженные тела. В пустыне стояла мертвая тишина.

Они провели в руинах дворца двое суток. Вечером второго дня Старк наполнил бурдюк водой, а Берилд снова закрыла источник золотым колпаком.

Начинался последний этап их неблизкого пути в Синхарат.

Глава 9.

Синхарат возник перед ними на фоне ясного утреннего неба — город из мрамора, построенный на коралловом рифе в те далекие времена, когда здесь еще плескались волны моря. Теперь он высился на своем пьедестале из кораллов и был отчетливо виден в лучах восходящего солнца.

Коралловые рифы имели множество оттенков — от девственно-белого до нежно-розового и темно-алого. На таком великолепном фундаменте были возведены стены и сторожевые башни, сложенные из мрамора бесчисленных цветов. Время лишь добавило очарования всем этим сооружениям, так что теперь трудно было ска-

зять, где начиналась и где заканчивалась работа строителей. Синхарат, Бессмертный Город...

И все же город был мертв. Старк убедился в этом, когда они с Берилд, неторопливо бредя по песку пустыни, приблизились к нему. Красивый город-призрак... Многие стройные сторожевые башни были разрушены, дворцы стояли без крыш, ничем не защищенные от палящего солнца и непогоды.

Единственные признаки жизни путники увидели вне стен города, в сухой лагуне. Здесь бродили животные, стояли чьи-то палатки. Возле них толпились люди. На фоне грандиозного мертвого города выглядели они маленькими и просто жалкими.

— Наш караван... — тихо промолвила Берилд. — Здесь Кайнон... и другие...

— А почему они разбили лагерь в лагуне, а не в самом городе? — спросил Старк.

Берилд ответила чуть-чуть насмешливо:

— Синхарат — старинный город, до сих пор почитаемый верующими, как святилище культа Рам. Одно его название приводит людей в трепет. Обитатели Пустынных земель не любят в него входить. Когда здесь соберутся огромные толпы, ты сам все увидишь. Они станут лагерем вне стен города.

— Значит, они боятся Рам? Но ведь Рамы давным-давно исчезли...

— Конечно. Однако старые страхи долговечны, — со смешком сказала Берилд. — Кайнон же лишен всех этих предрассудков. Его ты найдешь в городе.

Когда путники подошли ближе к городу, их заметили. От лагеря отделились всадники и помчались к ним навстречу. Между рядами палаток, сшитых из шкур животных, закопошились фигурки людей. Вскоре до путников долетели возбужденные голоса.

Старк шел вперед уверенно, не оглядываясь по сторонам. Но внутреннее напряжение у него было таким сильным, что ему показалось, будто свет солнца померк и вокруг сделалось чуточку темнее. На виске у землянина пульсировала синяя жилка.

Наконец всадники шани оказались рядом и громко их окликнули. Ответила Берилд — Старк не произнес ни слова. Он продолжал идти к городу, не спуская с него глаз.

Берилд позвала землянина и ухватила его за руку. Ей пришлось несколько раз повторить его имя, прежде чем он понял, что королева обращается к нему.

— Старк! Я знаю, что у тебя на уме, — сказала она. — Но так нельзя. Нужно повременить...

Землянин продолжал двигаться вперед, не отвечая Берилд и не оборачиваясь. Они уже вплотную приблизились к лагерю. Возбужденные кочевники окружили путников со всех сторон, дружно выкрикивая имя Берилд. Часть из них бросилась бежать в Синхарат по широкой лестнице, вырубленной в коралловом рифе.

У подножия этой лестницы расположился лагерь тех, кто пришел сюда с караваном. Неподалеку от нее, среди нагромождения кораллов, находилась обширная естественная пещера с арочным сводом. Оттуда то и дело выходили люди, сгибавшиеся под тяжестью бурдюков с водой. Очевидно, в пещере находился колодец. Однако Старк видел лишь широкую лестницу, которая вела наверх, в город. Когда он подошел к подножию лестницы, возбужденные возгласы кочевников неожиданно утихли. Они молча вглядывались в лицо Старка, сторонясь его. Землянин тем временем уже поставил ногу на нижнюю ступеньку лестницы.

— Послушай меня, наконец! — почти крикнула Берилд в самое ухо отрешившегося от всего Старка, не отпуская его руки. — Если ты посмеешь подняться по этой лестнице, Кайнон тебя убьет! Я его знаю, Старк...

Но землянин уже не был больше Старком, он превратился в Н'Чаку. Враги Н'Чаки уготовили ему жестокую смерть. Однако смерть прошла мимо — Н'Чака остался жив. Теперь настал его черед действовать. Враги затаились там, на самом верху этой лестницы, куда не смеют заползать даже гигантские ящерицы. И враги думали, что ему их не достать, что они находятся в безопасности. Но Н'Чака поднимется по лестнице на самый ее верх и нанесет им смертельный удар...

И он поднялся по лестнице, пребывая в состоянии той же отрешенности. Вдруг в следующее мгновение все для него вдруг словно бы прояснилось, и Старк увидел себя стоящим на просторной площади Синхарата, щедро освещенной солнечными лучами.

На площадь выходили фасады многих старинных зданий, украшенных разнообразными скульптурами. Они изображали колонны марширующих воинов в одеждах, которые носили на Марсе в древние времена. Глаза воинов были изготовлены из полудрагоценных камней, отражавших солнечный свет. Это подчеркивало суровость лиц воинов. По замыслу скульптора, их создавшего, фигурам воинов надлежало символизировать гордость и славу, а также жестокость Рам в минувшие века.

Но Старк видел только живых воинов, тех, кто шел к нему через площадь. Из самого большого дворца выбежал Кайнон и поспешил навстречу. Впереди него шагал Лухар, еще не оправившийся ото сна.

Лухар...

— Стой, Старк! — громовым голосом приказал Кайнон.

Старк даже не взглянул на повелителя. Он видел только Лухара. У того были всклокоченные волосы на голове, глаза — сонные. Но он быстро приходил в себя.

— Я тебя пристрелю, Старк, если ты не остановишься! — предупредил его Кайнон.

Откуда-то со стороны до землянина донесся приглушенный голос Берилд:

— Если бы не Старк, я бы погибла в пустыне!

В ответ Кайнон заявил безапелляционным тоном:

— Раз он тебя спас, я его отблагодарю. Но пусть не смеет касаться Лухара!.. Иди сюда, Берилд!

Старк слышал эти голоса, но не вникал в смысл сказанного. Что они могли значить для Н'Чаки, когда настал час возмездия?

Берилд устремила к Кайнону. Тот стоял мрачнее тучи и целился в Старка из револьвера. И все же землянин продолжал идти...

Тревожное выражение на лице Лухара сменилось торжествующей, насмешливой улыбкой. Старк, которого, как думал Лухар, он уже однажды убил, на самом деле оказался жив. Но теперь Кайнон собирался убить его — во второй раз, прямо здесь и сейчас... Так что все складывалось отлично. Лухар прямо-таки расплылся в улыбке.

Как раз в этот момент Берилд поравнялась с Лухаром. Она словно бы споткнулась на ходу и с размаху налетела на него. И тут же отпрыгнула.

Торжествующая улыбка утасла на лице Лухара. Теперь лицо его выражало крайнюю степень удивления. Он склонил голову и начал разглядывать разрез в своей тунике, из которого ручьем текла кровь. В следующее мгновение он замертво упал на каменные плиты.

Только тут Старк остановился, не будучи в силах понять, что же произошло. Но Кайнон мгновенно понял все и закричал диким голосом:

— Берилд!!!

Рыжеволосая королева хладнокровно отбросила в сторону небольшой нож, который держала в руке. Лезвие со звоном покатилося по каменным плитам. В ярких солнечных лучах все оно казалось красным.

Берилд стояла спиной к Старку, и потому он не мог видеть выражения лица женщины. Но землянин слышал, с какой страстностью в голосе Берилд сказала Кайнону:

— Я чуть не погибла из-за Лухара!.. Ты это можешь понять? Он меня едва не прикончил!

И королева с вызовом взглянула на своего повелителя:

— Так что же, Кайнон? Теперь ты меня пристрелишь?..

Звонящая тишина повисла над площадью. Н'Чака исчез, а вместо него появился Эрик Джон Старк, который стоял и смотрел на мертвого Лухара. Впрочем, посланец Венеры вовсе не занимал его мысли. Землянин думал о том, что все это время Берилд прятала свой нож в поясе юбки. Значит, однажды он мог получить удар в спину...

И почему, когда королева так страстно доказывала Кайнону вину Лухара, она произнесла эту впечатляющую фразу: «Он меня едва не прикончил?»

Наконец Старк приблизился к Кайнону. Он видел, в каком бешенстве находился повелитель, и решил, что, вероятно, тот в конце концов выстрелит в него. В Кайноне теперь не осталось ничего от общительного, дружески настроенного собеседника. Он походил на разъяренного тигра, у которого отняли добычу.

— Черт возьми, Берилд!.. Мне этот человек очень был нужен!

Берилд сверкнула глазами:

— Почему бы тебе не опуститься рядом с ним на колени и не погоревать как следует? У Лухара так чесались руки убить Старка, что он не задумываясь бросил меня умирать в пустыне. И я должна была простить ему это?!

Кайнон, казалось, готов был ударить Берилд. Но тут в разговор вмешался Старк:

— Где Фрека?

Кайнон обернулся к землянину. Лицо у него было страшное. Сейчас он был опасен.

— Послушай, Старк, это ты должен был сейчас лежать мертвым на месте Лухара... Но Берилд страстно захотелось ему отомстить. Ты остался жив — тебе повезло. Смотри не переигрывай!

Старк молча ждал. Кайнон продолжал говорить. Тон его голоса был до крайности холодным.

— Фрека с частью наших сил отправился поднимать на борьбу воинов Пустынных земель. Общий сбор назначен здесь, так что Фрека вернется. А когда он вернется, первым из вас двоих я убью того, кто полезет в драку. Ты меня понял?

— Да, понял, — ответил Старк.

Кайнон сверлил землянина взглядом, но, видимо, в свою очередь, не хотел усугублять положение.

— Черт бы побрал таких союзников! — ругался повелитель. — Готовы вцепиться друг другу в глотки... Старые обиды... Кровная вражда...

— А мне казалось, — возразил Старк, — что вам нужны мужественные воины. Если вы хотели привлечь на свою сторону верных и любящих друзей, то обратились не по адресу.

— Я начинаю думать, что действительно ошибся, — хмуро произнес Кайнон. — Впрочем, теперь уже ничего не поделаешь. Ничего доброго я не жду. Делгон с Лухаром были в близких отношениях; Делгон возжжет крови, когда узнает о случившемся. Вообще с ним и его треклятыми жителями зоны Нижних Каналов дело иметь очень трудно...

Весь дрожа от гнева, Кайнон повернулся кругом и направился к дворцу, из которого вышел. Берилд со Старком, обменявшись многозначительными взглядами, последовали за ним.

Неожиданно до них донесся звук, от которого у Старка волосы зашевелились на голове. Его не могло издавать человеческое существо. Будто некое бормотание долетало со стороны домов мертвого города. Звуки нарастали волнообразно, затем стихали, словно хор далеких голосов. В этот момент задул утренний бриз, так что казалось, будто именно он доносил сюда не то бормотание, не то шепот.

Вслед за Кайноном Берилд и Старк вошли в комнату со стенами из полированного мрамора. На них виднелись выцветшие от времени фрески, изображавшие те же фигуры марширующих воинов в древних одеждах. В некоторых местах фрески сильно выцвели, так что лишь кое-где можно было различить призрачные лица — гордые и надменные. Иногда удавалось рассмотреть какую-то торжественную процессию, которая явно направлялась к месту поклонения божеству.

В комнате стоял складной деревянный стол с разбросанными на нем бумагами. Стол казался здесь вещью совершенно ненужной.

— Я посылаю всадников туда, где нас застигла буря, — неожиданно сказал Кайнон, — чтобы они вас искали. Но вас не нашли. Вблизи Синхарата вас тоже не было. И вот, вы вдруг появляетесь неизвестно откуда...

— Твои всадники не могли нас найти, — заметила Берилд, — потому что мы пришли через Каменное Чрево.

— Имея один бурдюк с водой? Это невозможно!

Берилд покачала головой:

— У нас было три бурдюка. Старку удалось поймать монстра, перевозившего воду. Они спасли нам жизнь.

Значит, у Берилд были свои секреты от Кайнона... и один из них — потайной источник. Старк вовсе не удивился услышанному. У такой женщины, как рыжеволосая королева, подобных секретов наверняка немало.

«Но у меня тоже много тайн, Берилд, — подумал Старк. — И я не признаюсь, что видел, как ты ходила, освещенная лунами, по одной тебе ведомым стежкам среди древних развалин».

— Я бы не сказала, — добавила Берилд, обращаясь к Кайнону, — что это было особенно приятное путешествие. Мне нужно отдохнуть. Файанну удалось спасти?

Кайнон, видимо, размышлял уже о чем-то постороннем, но тут же ответил утвердительно:

— Да, ее спасли, а также большинство твоих вещей.

Берилд покинула комнату. Кайнон проводил ее взглядом, затем перевел взор на Старка.

— Даже при наличии воды совершить такой переход мог только сумасшедший, — сказал он. — Я хочу еще раз предупредить тебя, Старк, чтобы ты сдерживал свои порывы. Особенно когда сюда придет Делгон.

— Жители Пустынных земель, зоны Нижних Каналов и наемники из других мест — очень разнородный народ, — заметил Старк. — Как вы думаете избежать взаимной неприязни и враждебных выпадов друг против друга?

— Клянусь всеми богами, мне удастся удержать их в повиновении... Если потребуется, я сам перегрызу им глотки! — Кайнон грязно выругался. — Мы способны завоевать весь мир, и только одно может нам помешать, — продолжал он. — Я имею в виду старую кровную вражду, которая еще в прошлом не позволила осуществить многие наши смелые проекты. Но я не позволю нарушить мои планы!

«Все это может осуществиться, если Кайнону удастся их обмануть», — подумал Старк.

С того самого момента когда Эштон поручил землянину остановить грядущее кровопролитие, ему было доподлинно известно, что у Кайнона лишь один шанс на успех. Этим шансом было использование древней вражды разных народов и племен на Марсе. Кайнон мог натравить друг на друга старых врагов. Но как это лучше сделать, не знал и он сам.

Старк вдруг пошатнулся, и Кайнон это заметил.

— Иди отдыхать, иначе ты сейчас упадешь, — сказал повелитель. — Ты, конечно, варвар, но настоящий мужчина. Иначе бы не смог пройти через Каменное Чрево...

Затем Кайнон вплотную приблизился к землянину и произнес без всякого выражения:

— Скажу тебе вот еще что: я не люблю сильных людей, похожих на меня самого, Старк. А теперь — ступай...

Старк вышел в просторный полутемный зал. Заглянул в первую попавшуюся комнату. Там в углу было свободное застеленное ложе. Старк, пошатываясь, добрал до него и рухнул.

Уже погружаясь в сон, он услышал долетавшие снаружи звуки: потустороннее бормотание и вздохи, похожие на эхо. Временами они усиливались, сопровождаемые каким-то странным, пульсирующим бряцанием, и начинали походить на стоны.словно мертвый город сам себе исполнял погребальную песнь.

Глава 10

Старк ощутил смутное чувство беспокойства и проснулся. В комнате было темно. Лишь сквозь окно, расположенное на уровне крыши, пробивался багряный луч заката. Он почувствовал присутствие в комнате постороннего человека и, видимо, потому проснулся. Землянин разлепил веки и увидел в полутьме Файанну, которая сидела у противоположной стены на каменной скамье. Девушка смотрела на него серьезными глазами.

— Вы зарычали во сне, как дикий зверь, перед тем как проснуться... — сказала она.

— Может быть, я и есть дикий зверь.
— Возможно, — согласилась Файанна, кивая головой. — Но если это так, то у меня для зверя важное сообщение: ему грозит опасность.

Старк тут же вскочил на ноги и спросил:

— Что ты этим хочешь сказать, малышка?

— Не называйте меня «малышкой»! — решительно воскликнула Файанна. — Похоже, что не мне, а вам не хватает жизненного опыта. В противном случае вы бы не явились в Синхарат.

— Но ты тоже почему-то здесь, Файанна...

— Верно, — со вздохом отвечала она. — И чувствую себя не в своей тарелке. Но я служу у госпожи Берилд и обязана следовать за ней повсюду.

Старк пристально взглянул на девушку:

— Ты ей прислуживаешь и в то же время — ненавидишь...

Файанна, видимо, не знала, что ему ответить.

— У меня нет ненависти к госпоже, — наконец промолвила она. — Иногда, при всем ее сумасбродстве, я ей даже завидую. Берилд живет жизнью полнокровной, исполненной страстей. Но я ее боюсь... боюсь того зла, которое они вместе с Кайноном могут принести моему народу.

Эрик Джон Старк тоже этого опасался, но он ничего не сказал. Сейчас его больше занимала собственная безопасность.

— Поскольку я зверь, то мне нужно где-то укрыться. Ты ведь сама заявила, что со мной хотят разделаться.

— Дело обстоит непросто, — отвечала Файанна. — Вы нужны Кайнону для того, чтобы обучать его головорезов современному военному искусству... когда они все здесь соберутся. Но Делгон и его сподвижники еще больше необходимы Кайнону. Если Делгон потребует вашей смерти, чтобы отомстить за Лухара...

Старк не дал ей закончить.

— Понятное дело, тогда Кайнон скорее всего пожертвует одним человеком, то есть мной, лишь бы были довольны жители зоны Нижних Каналов... Спасибо за предупреждение. Но я уже обо всем догадался.

— У вас есть возможность скрыться до появления здесь Делгона, — с надеждой в голосе произнесла Файанна. — Можно устроить побег, похитив монстра и запас воды.

«Нет, — пронеслось в голове у Старка. — Если бы я задумал спасти свою шкуру, то, вероятно, так бы и поступил. Но ведь в Тараке меня будет ждать Саймон Эштон. Не могу же я явиться к нему и сказать, что решил отказаться от участия во всем этом деле только потому, что оно слишком опасное... Кроме того, я не во всем еще здесь до конца разобрался. Нужно кое-что выяснить...»

Файанна напряженно следила за выражением лица Старка.

— Вы хотите остаться, — догадалась она. — Не нужно меня обманывать, выдумывая разные предлоги. Вы остаетесь из-за Берилд...

Старк улыбнулся:

— Всем женщинам кажется, что мужчины поступают определенным образом исключительно из-за них.

— А все мужчины пытаются это отрицать, хотя это правда, — возразила девушка. — Признайтесь, что, оставшись в пустыне одни, вы с Берилд стали любовниками?

— Ты меня ревнуешь, Файанна?

Старк ожидал в ответ бурную реакцию, но девушка восприняла его слова спокойно. Лицо ее приобрело загадочное, почти сочувственное выражение.

— Нет, Эрик Джон Старк, я не ревную. Но мне очень грустно...

Она неожиданно встала со скамьи и произнесла деловым тоном:

— Госпожа Берилд послала меня к вам с приглашением посетить ее.

Глаза у Старка чуточку сузились.

— В то время как здесь Кайнон? Понравится ли ему это?

Файанна невесело улыбнулась:

— Как прекрасно, что умный, осторожный зверь об этом подумал!.. Кайнон находится внизу, в лагере, а не в городе. Что же до госпожи Берилд, то ей его дворец не по душе. Она остановилась в другом месте. Я вас туда провожу...

Они вышли на просторную, совершенно безлюдную площадь. Скульптурные группы воинов на стенах дворца были подсвечены пылающим закатом. Над площадью нависла зловещая тишина, и в ней отчетливо звучало эхо их шагов. Старку казалось, что все камни мертвого Синхарата прислушиваются к этим звукам.

Внезапно в лицо пахнуло ветром пустыни. Старк остановился. Он снова уловил едва ощутимую вибрацию воздуха. Это было похоже на шепот, на бессвязное бормотание, которое доносилось отовсюду и в то же время — ниоткуда. И потому чудилось, что Синхарат не только прислушивается и наблюдает за ними, но еще и что-то говорит.

Неожиданно шепот сменился мелодичными голосами. Пели трубы — звуки их исходили словно бы прямо из кораллового рифа, на котором покоился город. Звучали флейты — будто с высоких сторожевых башен, все еще освещенных последними лучами солнца. Доносились пронзительные далекие голоса воинов — как казалось, из различных частей города, — отражаясь от сказочно красивых зданий, украшенных резьбой.

Старк схватил Файанну за руку:

— Что это?

— Голоса Рам.

— Не говори глупостей!

Девушка пожала плечами:

— Так думают все обитатели Пустынных земель. И потому они не любят сюда приходить. А другие считают, что это ветер поет среди мертвых коралловых рифов...

Старк наконец сообразил. Массивный коралловый пьедестал, служивший основанием городу, был подобен гигантскому нагромождению пчелиных сот с множеством пустот и отверстий. По этим ходам свободно циркулировал воздух, который и рождал фантастические звуки.

— Понятно, почему ваши варвары-кочевники этого не любят, — заметил землянин. — Я сам варвар... И мне не нравится этот «концерт».

Они шли по улицам, напоминавшим туннели без верха, которые соединяли между собой стены и башни, высившиеся над городом в вечернем небе. У некоторых зданий уже не было верхних этажей, а кое-где дома обрушились целиком... И все же в целом эти развалины были прекрасны, а мрамор стен не утратил окончательно своих красочных оттенков.

Ветер вдруг изменил направление, и одновременно поменялась тональность поющих голосов Синхарата. Порой эти голоса были мягкими и нежными: они шептали о непреходящей юности и ее наслаждениях. Но внезапно голоса окрепли — окрепли и ожесточились... Они гордо и громко заявляли:

— Умрешь ты, а не я!..

Порой они становились тягучими, безумными, смеющимися и исполненными ненависти. И всегда их песня содержала утонченные зловещие нотки.

За пределами Пустынных земель, особенно в Валкисе, культ Рам воспринимался лишь как легенда. Умнейший варвар, Кай-нон использовал его для того, чтобы создать вокруг себя блистательный ореол властителя. Но здесь, в самом Синхарате, Рамы представлялись вполне реальными. Старк, находясь в городе, начал понимать, почему этот мир издавна боялся Рам, ненавидел их и завидовал им.

Файанна вела своего подопечного к высокой западной оборонительной стене, которая находилась чуть в стороне от большой каменной лестницы. Девушка вошла вместе со Старком в здание; в сгущающихся сумерках то походило на волшебный белый замок из юношеских грез. Дальше они прошли по длинному коридору, освещенному горящими факелами. Хоровод танцовщиц, изображенных на стенах, казалось, двигался в неровном свете.

Файанна открыла какую-то дверь в стене и отступила, давая возможность войти Старку.

Комната была низкая и вытянутая в длину. Ее освещали лампы с абажурами из тончайшего, словно бумага, алебастра. Перед землянином возникла Берилд, но уже не та, которую он привык видеть в пустыне. На ней был пояс с самоцветами и широкое

изумрудное ожерелье, чуть прикрывавшее ее грудь, а на плечи был накинут легкий плащ из белого шелка.

— Мне ненавистны те мрачные руины, где Кайнон поместил своих советников, — сказала Берилд. — Тут намного лучше. Тебе не кажется, что здесь были покои какой-нибудь королевы?

— Они и сейчас — покой королевы.

Взгляд Берилд смягчился. Старк обнял женщину за плечи.

— Но если я — королева, — заметила Берилд, чуть заметно улыбаясь, — то, выходит, я не для тебя, дикий варвар...

Неожиданно улыбка сошла с ее лица, и она высвободилась из объятий землянина.

— Сейчас не до нежностей, — заявила женщина. — Я послала за тобой, чтобы предупредить тебя о грозящей опасности. Эта ночь может стать для тебя последней.

— Если ты решила от меня отделаться, — заметил Старк, — то говоришь именно то, что нужно.

Рыжеволосая королева никак не прореагировала. Она взяла Старка за руку и подвела к раскрытому окну.

Они находились в западном крыле здания, которое высилось на краю кораллового рифа. За окном раскинулась бездонная пустота черной марсианской ночи. Луны еще не взошли. Над пустыней сверкал шатер из ярких звезд. Слева, у самого основания рифа, в лагере пылали факелы; их пламя колебалось и пригасало на ветру. Снизу явственно доносились свист, бормотание и тягучее завывание ветра в пустотах коралла. На все это накладывались звуки бивака: крики животных, команды офицеров, стуки вбиваемых в песок кольев.

— Кайнон там, — сказала Берилд. — Он ждет Делгона и его соратников, которые сегодня ночью должны прибыть из Валкиса.

Старк почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. Кризис наступал раньше, чем он предполагал.

— Что же, — ответил землянин, пожав плечами, — значит, ждем Делгона. Я не боялся его в Валкисе и не испугаюсь здесь.

Берилд окинула гостя изучающим взглядом.

— Его следует бояться, — сказала она. — Я слишком хорошо знаю Делгона...

Они стояли совсем близко друг к другу. Старк заметил в лице Берилд нечто такое, что ему довелось видеть лишь однажды, во время их скитаний по пустыне.

— Откуда тебе так хорошо его знать? — поинтересовался он. — Ты из Шана, а он — из Валкиса.

— Тебе не кажется, что Кайнон вместе с Делгоном не один месяц вынашивали свои планы? — нетерпеливо возразила Берилд. — Я постоянно видела этого человека возле себя и наблюдала за ним — и потому знаю, насколько он опасен.

— Ты очень трогательно обо мне заботишься, Берилд, — заметил Старк. — Если, конечно, ты делаешь это искренне.

Он ожидал, что Берилд сейчас возмутится, но женщина восприняла его слова спокойно.

— Ты — сильный, — просто сказала она. — А может так случиться, что мне захочется иметь возле себя сильного мужчину.

— Чтобы тебя защитить? Но у тебя же есть Кайнон!

— Мне не нужна ничья защита, — раздраженно проговорила рыжеволосая королева. — А что до Кайнона, то я у него на втором месте. На первом — его амбиции. Он без колебаний перешагнет через меня, если это поможет осуществить его захватнические планы.

— А ты не допустишь, чтобы через тебя перешагнули... — промолвил Старк.

— Не допущу, — подтвердила Берилд, и глаза ее сверкнули.

— Так что дикарь вроде меня может пригодиться? — спросил Старк. — Скажу тебе прямо, Берилд, мне импонирует твоя открытость.

Женщина насмешливо улыбнулась:

— Это самое малое из моих достоинств.

Старк задумался и спросил:

— Вот придет Делгон... Как по-твоему, войдут кочевники, которых мы видели внизу, вместе с ним и Кайноном в Синхарат?

Берилд утвердительно кивнула головой:

— Да, Кайнону нужно сразу же, сегодня ночью, поднять здесь свое знамя. И для этого они войдут в город... Хотя и верят во всяческие предрассудки, связанные с этим местом.

Старк с любопытством взглянул на королеву и заметил:

— Ты говоришь о предрассудках кочевников... Но ведь ты же сама родилась в Шане!

— Да. Но я не верю в то, во что верят они. Я многому научилась у Кайнона. Он человек образованный, и я всегда с интересом слушала то, что он мне рассказывал.

— Но ты не переняла его амбициозность... — заметил Старк.

— Верно, — согласилась Берилд. — Мне просто надоело быть его очередной женщиной. Я тоже хочу вершить судьбами мира.

«Планы этой женщины могут быть такими же опасными, как и амбиции Кайнона и Делгона, — подумал Старк. — Знай об этом Эштон, он бы еще больше тревожился за судьбу здешних племен».

Неожиданно сквозь открытое окно донеслись возбужденные голоса людей, находившихся в лагере внизу. Старк и Берилд снова подошли к окну. В темной дали виднелись маленькие светящиеся точки, вытянувшиеся в длинную цепочку, которая приближалась к Синхарату.

В нижнем лагере бешено забили барабаны. Их грохот заглушил завывание ветра в пустотах кораллов. Среди палаток забегали люди с факелами, а барабанный бой стал просто оглушительным.

— Явился Делгон, — объяснила Берилд.

— Я должен идти, — сказал Старк.

С этими словами он покинул комнату. В коридоре, рядом с танцующими на стенах девушками, он лицом к лицу столкнулся с Файанной.

— Ты нас подслушивала, — безошибочно определил Старк.

Девушка не стала отрицать этого:

— Мне не нравится, когда глупые звери сами собой подставляют горло под острый нож. Поэтому, Эрик Джон Старк, я обязана сказать вам несколько слов.

— Слушаю.

— Не слишком доверяйте Берилд. Она вовсе не та, кем хочет казаться. — Файанна смолкла, а затем добавила шепотом: — Вам никогда не приходило в голову, что не все старые Рамы могли умереть?

С момента своего появления в этой пустыне Старк непрестанно терзался какими-то смутными подозрениями, от которых никак не мог отделаться. Сейчас они нахлынули на него с новой силой.

Старк схватил девушку за руки и требовательно спросил:

— Что ты хочешь этим сказать?

Но Файанна высвободилась и исчезла, словно привидение.

В следующую секунду Старк вышел из дома и окунулся в темноту безлюдной улицы.

Тишину мертвого города сотрясал грохот барабанов. Однако по мере того как Старк удалялся от лагеря кочевников, ему начало казаться, что он снова слышит — намного громче, чем прежде, — назойливые звуки волюнок, завывание и шепот, которые воспринимались им теперь как эхо минувшего.

Глава 11

Под грохот барабанов главную лестницу Синхарата затопил яркий свет. На ее ступени взошли тысячи воинов с горящими факелами. За ними по пятам следовали барабанщики и волынщики. Грохот кожаных барабанов и верещание волюнок не прекращались ни на секунду. Затем по ступеням поднялись Кайнон и его новоиспеченные союзники. Последними на лестницу ступили кочевники.

По мере продвижения всей этой процессии вверх западная часть города на коралловых рифах последовательно освещалась неверным светом факелов. Древние каменные изваяния, которые столетиями вглядывались незрячими глазами в темноту безмолвной пустыни, теперь словно прозрели; в дрожащем красноватом свете они выглядели необыкновенно торжественно. Но, несмотря на весь этот грохот и яркий свет, в глазах поднимавшихся по лестнице кочевников было заметно смятение. Их смущал вид древних каменных ликов Рам.

Старк слышал рев приближающейся толпы и терпеливо ждал, укрывшись в темном портале здания, служившего Кайнону штаб-квартирой. Он видел воинов с факелами, барабанщиков, воыныч-иков, двигавшихся к нему через огромную площадь.

Землянин подумал, что Кайнон устроил поистине грандиозное представление, намереваясь пустить пыль в глаза всем прибывшим сюда из Кеша и Шана, а также жителям зоны Нижних Каналов. Нужно было всех убедить в том, что теперь они — друзья и союзники.

Кайнон поднялся по ступенькам лестницы как раз напротив старинного здания — всего в нескольких шагах от того места, где притаился Старк. Повелитель повернулся к пылающим факелам, сверкающим наконечникам копий и свирепым лицам своего воинства.

— Внесите знамя! — крикнул он во всю мощь своей глотки.

Тотчас вперед выступил высокий варвар, держа в руках знамя из черного шелка, аккуратно обернутое вокруг древка. Театральным жестом Кайнон развернул полотнище, и материя эффектно затрепетала на холодном ветру.

— Я поднимаю Знамя Смерти и Жизни! — громко выкрикнул Кайнон. — Смерть ожидает наших врагов, а жизнь — вечная жизнь — предназначена нам, и мы будем править миром!

На черном шелке развевавшегося на ветру знамени красовались две белые короны, а под ними — слегка изогнутый меч красного цвета.

Толпа разразилась восторженными криками.

Старк силился разглядеть в свете факелов знакомые лица, и это ему удалось. Он увидел группу людей в непривычных для этих мест одеждах: Уолш, Темис, Аррод... Впереди всех стоял Делгон.

— Я доставил сюда не только знамя, но и сильных союзников! — ревел Кайнон. — Начинается светлая эра будущего, и все мы должны забыть о былой вражде! В справедливой борьбе плечом к плечу с нами стоит Делгон из города Валкиса. Вместе с нами будут маршировать его воины с берегов Нижних Каналов!

Делгон вышел вперед, встал рядом с Кайноном, лицом к толпе, и приветственно поднял руку. Реакция на его появление была сдержанной.

Проницательный Кайнон поспешил предупредить нежелательные выкрики толпы:

— Воины Кеша и Шана, Валкиса и Джеккары совместно выступают против Пограничных Государств. Одновременно рядом с нами будут сражаться храбрецы из отдаленных мест!

Уолш, Темис и Аррод тоже начали подниматься по ступеням. Однако Старк, уловив момент, быстро вышел из своего укрытия и первым встал возле Делгона и Кайнона. Он улыбнулся обоим предводителям и сказал громко, чтобы слышали все:

— Я становлюсь под ваше знамя и приветствую моего брата и соратника по оружию Делгона из Валкиса!

При этом он сделал традиционный дружеский жест — положил руку на плечо Делгона.

Тот сверкнул на Старка глазами, и рука его машинально потянулась к кинжалу, спрятанному под плащом. Он тихо процедил сквозь зубы:

— Ах ты ублюдок...

— Захотел испортить весь спектакль? — тихим голосом, но грозно осадил союзника Кайнон. — Сейчас же поприветствуй землянина!

Лицо Делгона мгновенно вспотело. Он неторопливо, словно нехотя, поднял руку и положил ее на плечо Старка.

Землянин саркастически улыбнулся. Он был рад, что в нужное время оказался в нужном месте. Делгон скорее всего попытается с ним разделаться, однако теперь не посмеет сделать это открыто. Братство по оружию почиталось среди варваров превыше всего.

— Сегодняя ночью в Пустынные земли придут всадники! — прокричал в толпу Кайнон. — Скоро здесь соберутся воины всех племен! Ступайте обратно и приготовьтесь их встретить. И помните...

Кайнон выдержал эффектную паузу и продолжил:

— Помните, что мы выступаем в поход не только ради такой богатой добычи, которая еще никому не снилась... Мы обретаем бессмертие посредством перемещения разума!

Толпа вновь разбушевалась, разражаясь разнузданными криками.

Старку в этот момент почудилось, будто каменные литки Рам, взиравшие со стен города на варваров и их предводителей, злобно улыбаются.

Кайнон неожиданно для всех развернулся и направился в совещательный зал. В комнате, освещенной факелами, повелитель неожиданно обернулся к свите. Лицо его искажал гнев.

— С этим нужно покончить раз и навсегда! — резко заявил он. — Старк, после твоего появления здесь в наших рядах начался разлад...

Старк не моргнув глазом ответил:

— Мой давнишний враг попытался меня убить... Но я остался жив и сам хотел с ним покончить. Интересно, неужели бы ты на моем месте поступил иначе?

Землянин перевел взгляд на Делгона.

— Моим врагом был Лухар, — продолжал Старк, — но я не понимаю, почему Делгон за это меня ненавидит. Давайте с этим покончим, как ты сказал... Делгон, если у тебя есть причина ненавидеть меня, назови ее. Сейчас же!

Делгон наградила землянина уничтожающим взглядом. Лицо его словно окаменело, губы были крепко сжаты. Он не проронил ни слова в ответ.

«Черт тебя подери, — подумал Старк, — тебе просто нечего сказать. Ведь ты ненавидишь меня из-за того, что ревнуешь к Берилд. Этого ты сказать не посмеешь».

В конце концов Делгон невинно пробормотал:

— Возможно, я был не прав. Могло так случиться, что Лухар специально настроил меня против Старка.

— Будем считать, что дело закончено, — резюмировал Кайнон.

Он направился к столу и уселся в кресло. Затем окинул присутствовавших рассеянным взглядом.

— Завтра к нам начнут прибывать подкрепления. Следует сводить их в отряды и начинать обучать военному делу. Аррод, ты будешь помогать в этом Старку. Через два дня к нам прибудет быстроходный танк Найта, он доставит необходимое вооружение. Я хочу, чтобы наши силы выступили из Синхарата не позднее чем через две недели...

Чем дольше говорил Кайнон, тем больше он распалялся, глаза его сверкали. Но деловой тон выступления не менялся: он оставался твердым и решительным.

— Мы нанесем первый удар по Пограничным Государствам Вэрл и Катуун. Они, конечно, заранее будут знать о нашем приближении и закроют городские ворота. Воины из Пустынных земель сделают вид, будто начали осаду. Затем, по мере подхода резервов из Валкиса и Джеккары, мы немного отойдем от этих городов...

Делгон криво усмехнулся и пояснил:

— Да, подоспеет помощь из Валкиса и Джеккары. Жители зоны Нижних Каналов проявят благородство и придут на выручку Пограничным Государствам. А когда они радостно отворят им свои ворота, мы все разом ринемся вперед.

— Разумно, — похвалил Уолш. На его корявом лице появилась довольная улыбка.

Кайнон сжал в кулак свою мощную руку.

— С падением Вэрла и Катууна будет прорвана сплошная линия обороны Пограничных Государств, — сказал он, ударяя кулаком по столу. — Мы разобьем их всех поодиночке и через шесть месяцев будем в Кахоре.

Темис — человек с вечно мрачным выражением лица, который в основном помалкивал, — спросил:

— А как на это отреагирует правительство Земли?

Кайнон ухмыльнулся:

— В течение длительного времени они придерживаются политики невмешательства в дела Марса. Они, конечно, выскажут

свое негодование, будут протестовать, — но не более того... Мы же схватим мир за горло и овладеем несметными сокровищами.

Старк похолодел. План Кайнона был безупречен. Если он срабатает, багровое пламя войны распространится вдоль всей границы. В городах будут гибнуть люди — главным образом, воины Пустынных земель. А опытные грабители с берегов Нижних Каналов погребут руки на богатой добыче.

В эту минуту у Старка созрело решение: самолично убить Кайнона, прежде чем осуществляться его преступные планы.

Повелитель поднялся с места.

— Вот и все, что мне нужно было вам сказать. Вы получили задания, однако выполнить их будет не так просто. С рассветом принимайтесь за дело!

Собравшиеся начали расходиться. Внезапно их остановил голос повелителя:

— Добавлю еще несколько слов... Движущим фактором в этой войне является непреодолимое стремление людей к вечной жизни. Для того чтобы обрести бессмертие, нужно знать секрет Рам. Если кто-нибудь из вас сболтнет, что секрет мне не ведом, даже если кто-нибудь из вас позволит себе криво усмехнуться при упоминании о перемещении разума...

Кайнон не закончил свою мысль. Да это и не требовалось. Выражение лица Кайнона было красноречивее всяких слов: болтуна ждала суровая кара.

Если то, о чем подозревал Старк, правда, то с Кайноном сыграли злую, жестокую шутку. Берилд...

Он не мог себе позволить додумать эту мысль до конца. Такое было просто невозможно. Вообразить себе, что древний, тщательное оберегаемый секрет Марса пережил века, что уцелел кто-то из Рам — и все это только потому, что он видел женщину, которая бродила в лунном свете среди руин, и слышал заумные бредни ее служанки... Предположить такое мог только отъявленный фантазер.

Однако в последующие дни Старк не мог забыть случившегося. День за днем он проводил среди песков пустыни, под палящим солнцем, обучая воинов Кеша и Шана приемам современной партизанской борьбы. Из пустыни прибывали все новые силы. Он слышал, о чем говорили эти воины: чаще всего они беседовали даже не о добыче, а о вечной жизни. Он видел, какими глазами смотрели они на огромное черное знамя с изображениями двух белых корон и красного меча внизу, когда его несли по лагерю в присутствии Кайнона.

Вскоре прибыл быстроходный танк Найтона, который доставил оружие. После того как оно было выгружено, танк отправился за новой партией военного снаряжения. Кайнон и Делгон проводили подробный инструктаж с пополнением из Валкиса, Джекары и Барракеша. Отрядам уточнялись задачи и время выступ-

ления для нанесения решительного удара по Пограничным Государствам.

Между тем с последним пополнением из Шана прибыл Фрека. Старк видел его скачущим вместе с другими всадниками по невероятно разросшемуся военному лагерю. Фреку встречали там приветственными возгласами.

Чуть позже Старк явился к Кайнону для доклада и увидел Фреку, стоявшего у черного знамени. Землянин почувствовал, что Фрека наблюдает за ним исподтишка, но виду не показывает.

— Я вас обоих предупредил, — строгим голосом напомнил Кайнон. — Не забывайте об этом. Повторять не стану.

Старк доложил повелителю о боевой готовности вверенных ему новобранцев и ушел. В дверях он почувствовал на себе тяжелый взгляд Фреки.

В эти суматошные дни Старк совсем не виделся с Берилд. Как-то вечером, после доклада Кайнону и Делгону, он поднялся в город по большой лестнице, освещенной красным светом заката. Очутившись в пределах городских стен, землянин свернул в сторону и пошел в направлении здания, где, как он знал, располагалась Берилд. Сомнения, зароненные в его душу Файанной, представляли ему немало мучений.

Ветер продолжал извлекать из коралловых пустот разнообразные звуки. Улицы Синхарата вибрировали от многоголосого бормотания, которое усиливалось по мере того, как ветер крепчал и наступали сумерки. С мраморных стен взирали каменные лики Рам с застывшими на них загадочными улыбками.

Старк добрался до нужной ему улицы и неожиданно остановился как вкопанный. В дальнем конце полутемного прохода он увидел женщину в белых одеяниях, которая тут же куда-то исчезла.

Старк решил, что это Берилд, и пошел вслед за женщиной, стараясь ступать неслышно. Он дошел до угла улицы, и тут женщина вдруг снова пропала из виду.

Землянин остановился, не зная, где ее искать. Кораллы между тем, как ему показалось, начали на все голоса насмехаться над ним.

По узкому проходу между домами Старк вышел наконец на широкую улицу, где стояло высокое сооружение белого цвета, увенчанное большим куполом. Туда вели чьи-то следы, отчетливо заметные на песке. Землянин пошел по ним и вскоре увидел в стене здания зияющий дверной проем. Он осторожно заглянул внутрь.

В здании было так же сумеречно, как и на улице. Свет проникал сюда сквозь просторные окна, расположенные чуть выше галереи, которая опоясывала основание купола изнутри. Можно было отчетливо рассмотреть круглый, совершенно пустой зал. Примечательной здесь была лишь полустершаяся надпись, покрывавшая

одну из стен. Перед ней, спиной к Старку, высоко подняв голову, стояла Берилд.

Женщина молчала, но по тому, как она водила головой из стороны в сторону, опуская ее при этом все ниже, было ясно, что она читает Старк ощутил внутренний трепет.

Надпись была сделана на том самом языке Рам, который никто не был в состоянии прочесть на протяжении тысячелетий.

«Эта женщина — ведьма! — подсказал Старку внутренний голос. — Она — не человек, не настоящий человек... Беги!»

Усилием воли землянин овладел собой и остался стоять в тени, за дверью. Берилд была занята чтением древней надписи еще несколько минут. Затем она уронила голову на грудь, словно охваченная скорбью.

Словно выйдя из оцепенения, рыжеволосая королева резко обернулась от стены и пошла прочь, стуча подошвами сандалий по пыльным каменным плитам. Она направилась к винтовой лестнице, которая вела к галерее у основания купола. Старк видел, как, поднявшись туда, Берилд приблизилась к одному из окон и принялась смотреть куда-то, по-прежнему стоя спиной к нему.

Ветер пустыни свободно гулял по просторному интерьеру здания, издавая при этом шелестящие звуки. Эти звуки заглушали шум легких шагов Старка, когда он решил наконец пройти через зал к винтовой лестнице. Он поднялся на галерею и остановился в нескольких шагах от Берилд.

— Все здесь не так, как это тебе помнилось, верно? — спросил он. — Как же все выглядело, когда вокруг расстилался синий океан, по которому плыли прекрасные корабли?

Глава 12

Берилд не обернулась. Казалось, она не слышала слов Старка и стояла совершенно неподвижно — слишком неподвижно...

Старк приблизился к окну и встал с ней рядом. На лице Берилд играла ироническая усмешка.

— Что ты еще такое выдумал, дикарь?

В иронии Берилд прозвучала холодная нотка.

— Ты — одна из Рам, — без обиняков сказал ей землянин.

— Рамы давно умерли, — возразила Берилд. — Если бы я была одной из них... Сколько бы мне было лет?

В ее голосе звучала явная насмешка, но Старк остался невозмутим.

— Именно это мне и хотелось бы знать, Берилд, — сказал он. — Сколько тебе лет? Тысяча... или десять тысяч? Сколько человеческих облиций ты сменила за это время?

Стоило Старку произнести эти слова, как все происходящее показалось ему невероятно ужасным. Берилд поняла это по выражению его лица. В глазах ее зажегся недобрый огонек.

— То, что ты говоришь, — бред сумасшедшего, — зло проговорила она. — Кто тебе внушил подобные мысли?

— Женщина, которая бродила среди развалин, освещенных лунным светом, — пробормотал землянин. — Женщина, которая проходила сквозь стены и двери, которых не было в помине уже сотни лет. Она могла это сделать только потому, что помнила их...

С лица Берилд сошло напряженное выражение.

— Ага, вот оно что! — произнесла рыжеволосая королева. — Значит, там, в Каменном Чреве, ты не спал, когда я искала колодец... И нашла его! — Она деланно рассмеялась. — Почему ты сразу об этом не сказал, почему затаил это в душе? Я бы тут же объяснила тебе, что этот секрет получила от отца. Он рассказал мне, куда нужно идти, чтобы отыскать колодец, сколько шагов отсчитать, где повернуть и так далее... В результате я оказалась как раз в том месте, где находился колодец, засыпанный песком. А ты подумал...

Она снова засмеялась.

— Я тебе не верю, — твердо сказал землянин. — Ты не считала шаги, ты старалась сосредоточиться и все припомнить.

Сгущались сумерки. Старк подался вперед, пытаясь получше рассмотреть выражение лица Берилд.

— Ты же все время высмеивала Кайнона, разве нет? Ты — подлинная Рама и потому смеешься над тем, кто пытается выдавать себя за Раму.

Медленно, с расстановкой Берилд проговорила совершенно серьезно:

— Забудь обо всем, Эрик Джон Старк. Ты безумен, и это может стать причиной твоей смерти.

— Сколько еще существует Рам, Берилд? Сколько их проникло в наше время через века, тайно похищая тела людей, смеясь над современным миром, который поверил, будто Рамы давным-давно исчезли?

— Повторяю тебе еще раз, — злобным шепотом, полным угрозы, произнесла Берилд. — Забудь!

— Вас должно быть по меньшей мере двое, с тем чтобы один Рама мог дать возможность переместить свой мозг другому, — сказал Старк, кивая головой. — И второй — скорее всего ревнивец, который сказал тебе однажды: «Этот тип здесь всего лишь временно...» Он, верно? Делгон?

Вся кипя от ярости, Берилд воскликнула:

— Довольно с меня твоих фантазий! Не приближайся ко мне больше! Не желаю видеть сумасшедших рядом с собой!

Она развернулась и почти бегом начала спускаться вниз по лестнице.

В округлом нижнем зале было уже совсем темно. Старк видел, как Берилд стремительно вышла из здания. В смятении он остался стоять на месте. Почему-то ему вспомнилось, как Берилд

обнимала его в ту ночь, в пустыне. Она была теплая и живая — настоящая земная женщина! Руки ее крепко обвилились вокруг его тела... Так неужели внутри трепетного тела женщины из Шана находилась другая — Рама, принадлежавшая незапамятной древности?

Землянин обернулся к окну. Обе луны вставали над горизонтом. Их призрачный свет скользил по поверхности пустыни. Далеко внизу, на уровне сухого кораллового рифа, в лагере воинов Пустынных земель горели факелы. Ветер доносил голоса людей, крики животных и все остальные звуки нормального, психически здорового мира.

Старк попытался убедить себя в том, что подвергся действию каких-то чар и потому представил себе нечто невообразимое. Хотя в глубине души он знал, что все это не так.

Но тут в голове Старка мелькнула другая мысль. Если правда то, что Берилд и Делгон были Рамами из прошлого, тогда вся кампания с целью захвата богатой добычи и завоевания половины Марса с помощью варваров должна была направляться неким высшим разумом, столь же преступным и древним, как и сам Синхарат. И все же победителем и повелителем будет Кайнон, а ведь он — не Рама... Может быть, именно поэтому Берилд стала женщиной Кайнона? И потому она направляет каждое его движение, продолжая добиваться того, что задумано у них с Делгоном?

Старк резко отвернулся от окна. Огромный зал древнего здания походил на колодец, заполненный сгустившейся тьмой. А ветер, с шепотом и стонами резвившийся в нем, казался невероятно холодным, словно он вобрал в себя всю стужу минувших веков.

Старка внезапно охватило чувство неприязни к этому месту. Он торопливо спустился по винтовой лестнице и вышел из здания. Его не оставляло ощущение, что из темноты за ним неотступно следят чьи-то глаза.

Шагая по безмолвным, освещенным лунным светом улицам Синхарата, Старк пытался думать. Он обязан помешать планам Кайнона осуществить завоевание Пограничных Государств. И он должен был преуспеть в этом, поскольку за захватническими планами правителей стояла злая воля какого-то древнего разума. Не рассказать ли Кайнону и другим посвященным о роли Делгона и Берилд?

Его скорее всего засмеют. Ведь не существовало никаких доказательств — ни единого во всем мире.

Но ведь должен же быть какой-то выход...

Что-то заставило Старка остановиться. Нервы его были напряжены до предела. Он начал прислушиваться, поворачивая голову из стороны в сторону.

Тишина — лишь шелест ветра и шепот коралловых рифов. Ничто не двигалось среди темных, освещенных только лунами улиц мертвого города.

Но Старк не вполне был уверен в собственной безопасности. Внутреннее чутье подсказывало ему, что кто-то или что-то за ним крадется.

Во дворце Кайнона виднелся свет. Старк двинулся вперед, стараясь ориентироваться на него, однако, сделав десяток шагов, снова замер на месте.

На этот раз он явственно услышал звук шагов у себя за спиной. Кто-то его преследовал, скрываясь в тени зданий.

Старк положил руку на рукоять револьвера и громко крикнул: — А ну, выходи!

Из тени вынырнула сутулая человеческая фигура. Незнакомец направился прямо к Старку. Тот не сразу понял, что перед ним один из предводителей варваров — Фрека. Он помнил, что Фрека высок и статен, а этот человек был согнут вперед и двигался как-то странно...

В лунном свете Старк как следует рассмотрел его лицо с неописуемо отталкивающей ухмылкой. Рот у Фреки был перекошен. И тут только Старк понял, в каком состоянии его противник — он находился под воздействием лучей Шанги. В состоянии звериного ожесточения Фрека никак не реагировал на глядевшее на него дуло револьвера. Животная ненависть затмила его рассудок.

— Уйди, — негромко сказал Старк, — иначе я тебя убью.

Но сам Старк знал, что это — пустая угроза и что стрелять он не станет. Если он убьет Фреку, самому ему будет грозить смертная казнь.

Старк мгновенно понял, какую ловкую западню ему подстроили. Наверняка все это было задумано Делгоном — ведь никто, кроме него, не мог специально доставить сюда лампу Шанги. В соответствии с предупреждением Кайнона, любой из них двоих, кто убьет соперника, сам будет казнен. Делгон действовал наверняка.

Старк вдруг сорвался с места и побежал. Он мчался на свет далекого факела во дворце. Если он успеет туда добежать, Кайнон и его приближенные увидят, что Фрека преследует его, то есть нападает...

Но землянину не удалось добраться до дворца. Фрека в своем зверином ослеплении, наполовину превратившись в животное, мог бежать так же быстро, как он, а то и быстрее. Марсианин с рычанием нагнал Старка и схватил его за голову руками. Зубы Фреки впились в шею землянина сзади.

Старк почувствовал, что падает. Изловчившись, он бросился на тротуар и перевернулся на спину, дабы освободиться от смертельной хватки Фреки. Голова его ударилась о каменные плиты, и он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Но он продолжал изворачиваться до тех пор, пока не сбросил с себя Фреку; одновременно у него вывалился из рук револьвер. Землянин с трудом поднялся на ноги.

Фрека замычал и тоже начал подниматься с земли. Затем внезапно подскочил к Старку и ухватил его за колени. От рывка землянин снова упал.

Старк испугался. Некогда его самого называли «полужверем», но Фрека, с которым ему пришлось схватиться, был настоящим, свирепым хищником.

Марсианин пытался вцепиться зубами ему в горло. Старк нащупал рукой волосы противника на затылке и дернул его голову от себя.

Фрека цеплялся руками и мычал. Старк вдруг с содроганием подумал, что этого скота ему, пожалуй, не одолеть... Рядом раздавались чьи-то суматошные крики. Собравшись с силами, Старк начал в бешенстве раз за разом бить Фреку головой о камни. Вскоре тот перестал подавать признаки жизни.

Неожиданно место схватки осветилось факелами. Раздался громкий голос Кайнона. Старка, ошеломленно оглядывавшегося по сторонам, подняли на ноги.

— Он убил Фреку... Дайте мне копье! — закричал один из воинов Шана.

Землянина окружили грозно надвигающиеся соплеменники Фреки. Перед Старком мелькнуло бледное лицо Уолша. Вперед вышел Кайнон:

— Я тебя предупреждал, Старк!

— Фрека обезумел под воздействием лучей Шанги... Он набросился на меня, как дикий зверь! — одним духом выпалил Старк. — И я знаю, кто его подослал... Делгон!

Кайнон своей огромной ладонью с размаху ударил Старка по лицу. Землянин пошатнулся. Затем сам ринулся на Кайнона... Но его немедленно схватили.

— Кровь за кровь! — закричал тот же воин из Шана. — Если ты, Кайнон, не казнишь предателя, никто из наших воинов не пойдет за тобой!

— Вы увидите его казнь, — пообещал Кайнон. — Все ее увидят. И ты, брат, своим оружием отомстишь за кровь Фреки.

Старк в бешенстве крикнул:

— Ты идиот, Кайнон! Притворяешься, будто знаешь секрет Рам, а сам всего лишь марионетка, которую дергают за веревочки...

Он не договорил: кто-то ударил его сзади в затылок тупым концом копья. Землянин упал и потерял сознание.

...Он пришел в себя в холодном каменном мешке. На шее сидел железный ошейник. Цепь длиной футов пять была наглухо прикреплена к кольцу в стене.

Камера была совсем небольшая. Вход в нее закрывала железная дверь с решеткой. За нею виднелась лестничная площадка, на которую выходили другие камеры — пустые. Поверх дверей шла солидная каменная кладка. Старк догадался, что тюрьма, в кото-

рую он попал, находилась под одним из внутренних двориков замка.

Его камеру освещал один горящий факел. Старк увидел охранника — широкоплечего молодого варвара. Тот сидел в центре площадки на обрубке дерева, сильно напоминавшем плаху. В одной руке охранник держал меч, в другой — кувшин с вином. Это был тот самый воин из Шана, который требовал копье, чтобы расправиться с землянином. Варвар смотрел на Старка в упор и усмехался.

— Не стоило так долго спать, чужеземец. Ибо тебе осталось жить до утра всего три часа. А когда наступит утро, ты примешь смерть на большой лестнице Синхарата, где твою казнь увидят все воины Шана.

Варвар отхлебнул из кувшина и поставил его у своих ног. Затем снова усмехнулся.

— Смерть легко приходит, когда у палача верный удар, — назидательно произнес он. — Но если рука палача дрогнет, смерть наступает очень медленно и осужденный сильно мучается.

Старк хранил молчание. Он призвал на помощь всю свою нечеловеческую выдержку, с которой ждал когда-то преследователей на вершине скалистого холма.

Охранник хохотнул и снова отпил из кувшина. В темноте, за спиной охранника, Старк уловил движение. Глаза его чуть-чуть сузились: он пытался получше рассмотреть там какую-то тень.

Землянин знал, кто мог явиться сюда тайком. Делгон сделает все возможное, чтобы он, Старк, никогда не был казнен на лестнице Синхарата. Перед смертью землянин наверняка выскажет жителям Пустынных земель свои обвинения в адрес властей держащих.

Пожалуй, ему осталось жить намного меньше трех часов.

Глава 13

Внезапно тень за спиной охранника превратилась в Файанну. Лицо у девушки заметно побледнело, но рука, державшая небольшой револьвер, не дрожала.

Раздался негромкий хлопок выстрела — охранник упал лицом вниз и остался лежать недвижим. Его меч с грохотом покатился по камням. Кувшин с вином опрокинулся, выплеснув на землю ярко-красные струи.

Файанна переступила через бездыханное тело и открыла решетчатую дверь камеры. Затем достала из-за корсета миниатюрный ключик и отомкнула замок железного ошейника на Старке.

Землянин благодарно обнял ее за хрупкие плечи:

— Послушай, Файанна... Если узнают, что это сделала ты, тебе не избежать смертного приговора.

Девушка окинула Старка пристальным и одновременно каким-то странным взглядом. На лице ее лежала невыразимая печаль, и при тусклом свете факела оно показалось ему незнакомым.

— Мне кажется, что многим здесь грозит смертный приговор, — сказала Файанна. — Сегодня вечером в Синхарате находится опасно. В истории города это случается не впервые. Я же рискнула освободить вас потому, что вы — моя единственная надежда, а значит, единственная надежда всего Марса.

Старк привлек девушку к себе, поцеловал и нежно погладил по голове.

— Ты еще слишком молода, чтобы брать на себя ответственность за судьбы мира.

Землянин вдруг почувствовал, как Файанну пронзила дрожь.

— Молодость тела — всего лишь иллюзия, когда ум умудрен многовековым опытом.

— Неужели твой ум таков, Файанна?

— Да, он таков же, как и у Берилд, — шепотом произнесла девушка.

Слова ее замерли в тишине подземелья. Но Старку вдруг показалось, что между ним и этой девушкой неожиданно разверзлась глубокая пропасть.

— Значит, ты тоже?.. — шепотом переспросил он.

— Я тоже, — подтвердила Файанна, — я тоже принадлежу к роду Рам. Я — Дважды Рожденная... Так же как и известные тебе Берилд и Делгон.

Старк никак не мог взять этого в толк. Он молча уставился на Файанну, а затем спросил:

— Сколько же вас таких существует?

Файанна неопределенно покачала головой:

— У меня нет полной уверенности, но мне кажется, что нас осталось только трое. И теперь ты знаешь, почему я всюду следую за Берилд и прислуживаю ей. Она и Делгон владеют тайной перемещения разума. Я имею в виду подлинную тайну. Они знают, где спрятаны настоящие короны Рам, — где-то здесь, в Синхарате. А мне это не известно. Они продляют мне жизнь, одну за другой. Так что мое существование зависит только от их прихоти. Поэтому у меня получилась длинная, очень длинная жизнь.

Машинально, сам того не сознавая, Старк снял руки с плеч девушки и отступил на шаг.

Файанна взглянула на него и с грустью в голосе промолвила:

— Я тебя ни в чем не виню. Мне известно, какие были мы, Рамы. Вечно молодые, вечно живущие, бессмертные, лишавшие жизни других людей. То, что давным-давно началось здесь, в Синхарате, было неправильно и несправедливо. На протяжении своих, следовавших одна за другой жизней я всегда считала, что это подло. По моему мнению, стремление жить дольше других порочно по своей сути. Оно сильнее всех других пороков.

Старк снова шагнул к Файанне и заключил ее лицо в свои ладони.

— Кем бы ты ни была Файанна, я считаю тебя своим другом.

— Я тоже твой друг, — отвечала Файанна. — И друг всех ковечников Пустынных земель, от которых я по-настоящему происхожу. Они не должны отправляться в этот поход, иначе они утопят весь Марс и самих себя в море крови. Ты мне поможешь в этом?

— Для того я здесь и нахожусь.

— Тогда идем со мной, — сказала девушка.

Она взглянула на мертвого охранника:

— Тело придется унести отсюда.

Старк взвалил труп на плечо и последовал за девушкой сквозь запутанный лабиринт подземных коридоров. В некоторых из них было темно — хоть глаз выколи, другие же были чуть-чуть подсвечены лунным сиянием. Файанна шла вперед уверенно, словно разгуливала в светлый полдень на главной площади города. В холодных туннелях стояла мертвая тишина. Где-то в них затаилась сама вечность...

— Мы пришли, — сказала наконец Файанна. — Будь осторожен.

Она протянула Старку руку, чтобы помочь ему ориентироваться. Однако он способен был видеть в полной темноте не хуже кошки. Землянин обнаружил место, где камни, которыми древние строители облицевали подземные коридоры, примыкали к природным коралловым образованиям. Здесь обнаружилось множество отверстий и ходов, связанных с какими-то немислимыми катакомбами внизу.

Старк сбросил мертвое тело в ближайший провал. Меч, которым охранник намеревался его казнить, он оставил себе.

— Оружие тебе понадобится, — сказала Файанна.

Старк прислушался к шуму падавшего в глубину провала тела. Его передернуло: ведь это он, а не воин из Шана, мог сейчас лететь вниз... Землянин с облегчением поспешил вслед за девушкой из этого мрачного места, где царили тьма и смерть.

Они остановились, обнаружив солидную дыру в перекрытии туннеля. Сквозь нее внутрь попадал лунный свет.

— Ты желаешь, чтобы я помог тебе воспрепятствовать началу военных действий... — сказал Старк. — Но ведь этому способна помешать только смерть Кайнона.

— Кайнону сегодня вечером будет грозить опасность более страшная, чем сама смерть, — ответила Файанна. — И мы должны будем его спасти.

Старк удержал ее за руку:

— Спасти Кайнона? Но ведь он же спланировал всю эту кровавую бойню! И будет ею руководить...

Файанна отрицательно покачала головой:

— Он не будет ею руководить, хотя и будет напускать на себя важный вид. И не он планировал эту войну. Она — дело рук Делгона и Берилд, которые и убедили Кайнона в ее необходимости.

— Всюду одна ложь, — возмутился Старк. — Весь мир опутан ложью. Расскажи мне правду!

— Что касается Делгона и Берилд, то правда такова... — начала Файанна. — Они устали тайно бродить по свету на протяжении многих веков. Даже Берилд надоело жить только ради своих удовольствий... Теперь она возжаждала власти. Они, Дважды Рожденные, призваны повелевать обычными людьми. Так они пришли к мысли о создании империи...

Именно Берилд, — продолжала девушка, — очень ненавязчиво внушила Кайнону идею использовать легендарную тайну перемещения разума. Идея призрачного бессмертия должна была склонить воинов Пустынных земель объединиться с жителями зоны Нижних Каналов. Кайнон с его амбициозностью и жаждой власти сразу же проглотил наживку. Он подготовил мистификацию с коронами, якобы дарующими вечную жизнь, и начал объединять вокруг себя людей. А Делгон предложил призвать на помощь наемников вместе с их оружием. Желание получить богатую добычу привлечет сюда еще большее число стервятников, если первая фаза вторжения окажется удачной. Делгон и Берилд используют их для удержания в повиновении марсианских племен и поддержки своего преступного режима.

Старк вспомнил имена этих стервятников: Уолш с Терры, Темис и Аррод с Меркурия и из колонии на Каллисто... Он знал и других подобных проходимцев и понимал, что они станут здесь творить, если им позволят вонзить свои когти в живое сердце Марса. Ему припомнились также и желтые, хищные глаза Делгона...

— Ты говоришь о предстоящем правлении на Марсе Делгона и Берилд, — начал он. — Но неужели они посмеют убрать Кайнона, которого все считают признанным предводителем?

Файанна одарила землянина сочувствующим взглядом.

— Ты не понимаешь всего происходящего, — промолвила она. — Они не станут избавляться от Кайнона физически. Кочевники увидят того же Кайнона, которого они поддерживают и признают своим лидером.

Смысл сказанного все еще не доходил до Старка.

— Что ты хочешь сказать? На Кайнона можно как-то повлиять, но он не станет плясать под чужую дудку...

— Я же говорю: они не станут физически избавляться от Кайнона, — повторила девушка.

Старк наконец начал догадываться об истинном смысле слов Файанны, и его бросило в холодный пот.

— То есть они воспользуются коронами для перемещения разума?

Землянина всего передернуло. Это был конимар наяву. Внезапно он люто возненавидел этот подлый древний мир, а также все зло, которое от него исходило.

— Теперь ты понимаешь, почему мне нужна твоя помощь? — спросила Файанна. — Задуманное ими преступление не должно осуществиться. Если Делгон завладеет телом Кайнона, он воспользуется им для того, чтобы привести воинов Пустынных земель к кровавому поражению. Ты должен помочь мне предотвратить эту трагедию.

Старк взглянул на девушку и спросил с ударением:

— Где они сейчас?

— В апартаментах Берилд. Кайнон попал в западню и тоже находится там. Делгон отправился в тайник за коронами Рам.

Старк крепко стиснул руками рукоять меча.

— Веди меня туда кратчайшим путем.

— Не кратчайшим, а самым безопасным... Пошли!

Файанна повела его через подземный лабиринт ходов; те постоянно пересекались, то и дело поворачивали в разные стороны, и казалось, что им не будет конца. Старк увидел по пути такие вещи, о существовании которых в недрах мертвого кораллового рифа Синхарата он просто не подозревал.

Огромный грот был слабо освещен сферой холодного зеленого пламени, которая покоилась на подставке в углу. Всюду громоздилось множество разнообразных предметов непонятного назначения: массивные серебристого цвета круги и небольшие овальные щиты, странно изогнутые, перекрученные металлические стержни, запыленные бронзовые фигуры, некогда украшавшие нос корабля — в те стародавние времена, когда вокруг Синхарата плескались волны бурного океана.

Реликвии, чья-то собственность или просто добыча, захваченная во время набегов на соседние племена, — все это принадлежало Рамам и прошлому, которому следовало уйти навсегда... Но прошлое цеплялось за жизнь. При виде бесценных древностей у Старка волосы вставали дыбом на голове, однако он лишь крепче сжимал в руках меч. Что же до Файанны, то она даже не смотрела на диковины.

...Они поднялись по ступеням из темного камня и попали в какой-то проход, где дышать стало легче. И тут снова вокруг послышались шепот, бормотание, звуки волюнок, чей-то злоедающий смех... Старк и раньше слышал все это, но сейчас ему вдруг стало особенно жутко оттого, что звуки, которые называли голосами Рам, на самом деле были их голосами. Получалось, что прежние хозяева этих мест — Вечно Живущие — по-прежнему властвовали здесь и контролировали все то, что должно было вот-вот произойти.

— Ветер крепчает. Скоро начнет светать, — сказала Файанна. — Нам нужно спешить.

В лицо Старку ударил холодный ток воздуха. Они снова куда-то поднимались и наконец попали в комнату, в окна которой проник лунный свет.

— Вот мы и добрались, — шепотом промолвила Файанна. — Теперь главное — вести себя очень тихо. Мне нужно сначала узнать, вернулся ли Делгон.

знаком велел землянину оставаться на месте, Файанна неслышно прошла по коридору и совершенно беззвучно приоткрыла какую-то дверь. В коридор ворвался узкий лучик света.

До слуха Старка долетел звук голоса Берилд, отчего у него мгновенно забилося сердце. Файанна, обернувшись, призывно помахала землянину рукой.

Он тихо приблизился к ней и заглянул в щель. Комнату за дверью заливали лучи светильников.

Старк разглядел в профиль Кайнона, привязанного кожаными ремнями к массивному каменному столбу. На виске у повелителя виднелся глубокий кровоточащий шрам. Выражение его сурового волевого лица было странным. Старку никогда прежде не доводилось видеть подобного лица.

Рядом с Кайноном стоял Делгон, однако повелитель словно бы не замечал его, а упорно смотрел на Берилд.

— Смотри, смотри на меня, Кайнон, — сказала королева. — Больше тебе не доведется видеть Берилд, которая была для тебя покорной и терпеливой подругой... Ты — дикий варвар! На протяжении тысячи лет мне ни с кем не было так тошно, как с тобой... Я устала от твоего громкого бахвальства и скоропалительных решений.

— У нас нет времени для пустых разговоров, — резко оборвал ее Делгон. — Принимаемся за дело!..

Берилд согласно кивнула и направилась к стоявшему на столе небольшому металлическому ящику, сверкавшему, словно золото. Она начала нажимать кнопки на его крышке в каком-то ей известном порядке. Послышался резкий щелчок — замок ящика открылся.

При виде того, как Берилд открывает крышку ящика и засовывает туда руки, у Старка защемило сердце.

Во время разыгранного ранее представления на невольничьем рынке Валкиса Кайнон, как помнилось Старку, доставил туда две короны из сверкающего хрусталя, а также жезл, извергавший пламя. Сейчас, когда Старк увидел настоящие короны, он понял, что сопоставлять их с коронами Кайнона — все равно что сравнивать стекло с бриллиантом или бледный свет лун с лучами сияющего солнца.

...Наконец в руках Берилд оказались две древние короны Рам, дарующие жизнь. Они горели волшебным огнем, затмевая тусклые огоньки светильников. Вокруг одетой в белое платье Берилд возник светлый ореол. Когда королева шла с коронами в руках

по комнате, она походила на богиню, шествующую в окружении звезд.

Берилд показала короны Кайнону, приговаривая при этом с издевкой:

— Ты украсил свое знамя их изображениями, чтобы их видел весь мир... так взгляни же сейчас, какие они есть на самом деле!

— Повторяю: мы зря теряем время! — снова резко сказал Делгон.

Он подошел к каменному столбу и встал рядом со связанным Кайноном. Берилд подняла кверху обе сверкающие короны и начала опускать их на головы мужчин.

Файанна шепнула на ухо Старку:

— Пора!

Глава 14

Старк стремительно ворвался в комнату с поднятым мечом и бросился на Делгона. Он всегда считал его необыкновенно опасным противником. Теперь же, когда землянин знал, что за плечами у того опыт бесчисленного количества прожитых жизней и тысячелетия бессмертия, он подумал, что шансы сладить с ним, пожалуй, невелики.

Хищные глаза Делгона широко раскрылись от изумления, но он молниеносно отреагировал на появление землянина. Рама тут же ринулся в угол комнаты и схватил револьвер, который был спрятан в тайнике, под плащом.

«Понятное дело, — подумал Старк, — револьвера не могло быть при нем в момент перемещения разума».

С этими мыслями Старк бросился на Делгона. Он никогда не видел, чтобы кто-то так мастерски, с такой ловкостью владел огнестрельным оружием. Однако меч достиг своей цели быстрее... От удара Делгон словно бы споткнулся и упал, задев при этом рукоятку меча. Оружие выпало из рук Старка.

Землянин опустился на одно колено, чтобы подобрать меч. В этот момент раздался звенящий удар, и Старк увидел, как мимо него катится ярко сверкающая хрустальная корона... Неизвестно, впрочем, из какого материала она была сделана. Видимо, все же это не был хрусталь, поскольку, несмотря на удар о пол, корона осталась цела. Старк поднял меч и стремительно обернулся.

Берилд уронила обе короны и теперь стояла неестественно выпрямившись, сжимая в руке небольшой нож. На лице ее был написан страх. Кайнон оказался на свободе: Файанна успела перерезать опутывавшие его ремни. И теперь огромный варвар надвигался на Берилд. Лицо его было ужасно. Он протянул к королеве руки, собираясь ее задушить...

Нож в руках Берилд сверкнул, как молния, дважды. Вслед за этим могучие руки Кайнона сомкнулись вокруг ее шеи. Берилд

приглушенно вскрикнула. Лицо Кайнона побагровело от напряжения; багровой была и кровь, которая вытекала у него из раны в боку. Кайнон напряг свои могучие мускулы, и мгновение спустя, когда Старк был уже снова на ногах, Берилд со сломанной шеей замертво рухнула на каменные плиты.

Кайнон оттолкнул от себя обмякшее тело. С болезненной grimасой на лице он притронулся рукой к своим ранам в боку.

— Ведьма Рама убила меня, — глухо сказал он. — Жизнь меня покидает...

Кайнон стоял, раскачиваясь из стороны в сторону. Казалось, он никак не мог поверить в случившееся.

Старк подошел к нему и попытался поддержать.

— Послушай, Кайнон...

Но Кайнон его не слышал. Он не отрываясь глядел на бездыханные тела Берилд и Делгона.

— Ведьма и колдун... Они все время меня обманывали, смеялись надо мной, использовали меня ради достижения своих подлых целей. Хорошо, что ты убил его...

— Кайнон, — снова заговорил Старк, на этот раз более настойчиво. — Если войны Пустынных земель пойдут на войну, зло, которое причинили эти двое, будет жить и делать свое черное дело! Если не Берилд и Делгон, так кто-нибудь другой не пожалеет крови кочевников ради захвата власти.

До Кайнона, казалось, с трудом доходил смысл сказанного. Глаза его вдруг сверкнули гневом.

— Власть должна была принадлежать мне!.. Боже мой... нет! Помоги мне, Старк... Я должен кое-что сказать кочевникам!

Он раскачивался из стороны в сторону. Старк при всей его силе с трудом поддерживал Кайнона, когда они выходили из комнаты. Файанна осталась стоять возле каменного столба, не в силах унять бившую ее дрожь.

Заря осветила улицы Синхарата. К утру ветер усилился. Слышнее стала музыка волюнок и флейт, доносившихся из города. Кайнон, зажимая левой рукой свои раны в боку, еще раз взглянул на лица мертвых, затем погрозил им кулаком.

Вместе со Старком они прошли к большой лестнице Синхарата и начали спускаться. Внизу просыпался лагерь кочевников, освещенный первыми солнечными лучами. Неожиданно прозвучал тревожный голос караульного, который предупредил всех о приходе Кайнона в сопровождении Старка. Пока они с трудом спускались по ступенькам лестницы, слышались взволнованные голоса воинов. Весь лагерь пришел в движение. К подножию лестницы начали стекаться воины Кеша и Шана, сотни и тысячи. Выражение лиц у них было озабоченное и грозное. Все глаза устремились на эту пару на ступенях — покидающего Кайнона и поддерживающего его Старка.

Кайнон с минуту молча глядел на собравшихся воинов. Затем, собрав силы, он заговорил с ними громко, почти как когда-то на невольничьем рынке Валкиса.

— Меня обманывали и предавали, а вместе со мной — и всех вас! Делгон и Берилд тайно договорились использовать племена кочевников против Пустынных земель. Они хотели, чтобы плоды этой победы достались им, а не нам!

До воинов не сразу дошел смысл этих слов. Когда собравшиеся поняли их значение, раздался грозный рев многих тысяч глоток.

Один воинский начальник из Кеша взбежал по ступенькам, потряс поднятым вверх копьём и крикнул:

— Смерть им!

Взволнованная толпа горячо повторила этот призыв:

— Смерть им!

Кайнон поднял руку:

— Они уже мертвы... Делгона зарубил мечом Старк, который пытался меня спасти. Но ядовитая змея Берилд ужалила меня, и вот я умираю...

Кайнон так сильно покачнулся, что Старку пришлось обхватить его массивное тело обеими руками. Силы ненадолго вернулись к повелителю.

— Я обманывал вас, когда говорил, что знаю секрет Рам! — воскликнул Кайнон. — Но теперь мне известно, что секрет этот способен лишь породить зло. Забудьте о нем и забудьте о войне, в которой вы могли сражаться только ради чужой выгоды.

Кайнон хотел сказать еще что-то, однако голос его уже не слушался. Старк чувствовал, как тело повелителя оседает, становясь тяжелее с каждой секундой. Землянин хотел поддержать его, но Кайнон глухо проговорил:

— Да будет так...

И опустился на ступени, все еще держась за свой бок.

Он продолжал сидеть там, когда солнце поднялось еще выше. Воины Пустынных земель молча глядели на умирающего предводителя.

Перед глазами Кайнона расстилалась бескрайняя пустыня. А те, кто смотрел на него, видели предводителя на фоне высоких оборонительных стен и башен Синхарата. Старк стоял позади повелителя и не мог видеть, какое выражение было у него на лице.

Кайнон больше не проронил ни слова. Он сидел на ступеньках, чуть сторбившись... затем все его тело опрокинулось на спину и замерло.

Вначале никто на это не прореагировал. Старк стоял и ждал, что будет дальше. Выше его на лестнице расположились Найтон и Уолл, Аррод и Темис. Было видно, что они потрясены случившимся, но никто из них не шелохнулся.

В полном молчании к телу начали подниматься четыре офицера из Шана. На Старка они даже не взглянули. Офицеры подняли тело Кайнона и понесли его вниз. Толпа воинов расступилась перед ними.

Старк поднялся по лестнице к тому месту, где, потупив глаза, в нерешительности стояла группа людей — Найтон и его сообщники.

— Все кончено, — сказал им Старк. — Никакой войны не будет. И не будет никакой добычи.

Уолш выругался и спросил:

— Что произошло?

Старк пожал плечами:

— Вы же слышали Кайнона...

Этим людям случившееся не нравилось, но поделать они ничего не могли. Они стояли и размышляли обо всем, и невесело взирали на то, как внизу, в лагере, разбираются кожаные палатки, грузятся выюки на монстров и лагерь начинает исчезать буквально на глазах.

— Я уйду, — сказал наконец Найтон. — И предлагаю всем вам последовать моему примеру. Не нужно возвращаться в Валкис, да и вообще в эти места.

Другие уже пришли к такому же выводу. Ведь офицеры Делгона в Валкисе сейчас готовятся к нанесению решающего удара по Пограничным Государствам. Когда они узнают о случившемся...

— С вами я не поеду, — сообщил им Старк. — Я отправляюсь в Тарак.

Он помнил о том, что в Тараке его ждет Саймон Эштон. Тот, конечно, обрадуется, когда услышит новости, ибо это означает мир, а не войну.

Уолш, глядя на Старка не слишком дружелюбно, сказал ему:

— Что же... Догадываюсь, что все дело провалил ты, хотя и не пойму, как это тебе удалось... Верховых монстров, кстати, можно раздобыть в загоне позади дворца Кайнона.

Они отвернулись друг от друга и пошли в разные стороны. С высоты большой лестницы Старк окинул взглядом расстилавшуюся перед ним пустыню.

Огромный лагерь, словно по волшебству, исчезал на глазах. От него, будто ручейки, потекли цепочки людей и животных. Они сливались в длиннейшие караваны, отправлявшиеся в разных направлениях. Воины возвращались в глухие места Пустынных земель.

Одна из колонн, состоявшая из людей и монстров, отправилась в путь под бой барабанов и плач воинов. Такой была последняя дорога Кайнона в Шан — как и положено предводителю и повелителю.

Старк неторопливо побрел по притихшим улочкам Синхарата. Ноги сами принесли его в ту комнату, где приняли смерть Делгон

и Берилд. Но их тел там уже не оказалось. Лишь Файанна сидела возле окна.

Старк окинул комнату быстрым взглядом.

— Если ты ищешь короны Рам, то зря, — сказала Файанна, заметив взгляд Старка. — Я их спрятала.

— Мне бы хотелось их уничтожить, — пояснил землянин.

Девушка кивнула:

— Мне пришла в голову та же мысль, и я едва не осуществила задуманное. Но...

— Но желание жить превосходит все остальные устремления человека, — закончил за нее Старк. — Так вроде бы ты говорила... Помнишь?

Файанна встала и подошла к Старку вплотную. На ее лице лежала тень сомнения.

— Я это знаю, — сказала она. — Однако мне понадобится еще одна жизнь... хотя у меня их было много. Она мне не нужна в данный момент. Но когда подойдет старость и смерть будет бродить рядом, мои желания могут стать иными. Так что будет еще достаточно времени для того, чтобы уничтожить короны.

— Да, времени всегда будет достаточно, — согласился Старк. — Только никогда не будет желания.

Глаза Файанны вдруг яростно сверкнули.

— Нечего кичиться своей силой! Ты еще не познал ощущений человека, которого покидает жизнь... Как это довелось мне — и не раз! Не исключено, что, когда наступит такой момент, ты с радостью поддержишь идею перемещения разума...

Старк немного помолчал, затем с сомнением покачал головой.

— Не думаю, — молвил он. — Жизнь не была для меня ни приятной, ни справедливой. Так что вряд ли мне захочется дожить ее до конца.

— Я не настаиваю на немедленном ответе, — проговорила Файанна. — Окончательное свое решение ты сообщишь мне лет через тридцать. И если захочешь сказать «да», возвращайся в Синхарат и отыщи меня. Я всегда сюда возвращаюсь — рано или поздно.

— Я не вернусь, — безразличным тоном произнес Старк.

Девушка взглянула на него, затем промолвила шепотом:

— Может быть, вернешься... Не будь так уверен в себе.

Погребальные барабаны Кайнона были теперь уже еле слышны. А в ближних пределах Синхарата успела осесть пыль, поднятая уходившими вдаль караванами.

Старк обернулся к Файанне:

— Я отправляюсь в путь — как можно скорее. Ты поедешь со мной?

Девушка покачала головой:

— Я остаюсь здесь, во всяком случае на время. Я — последняя представительница моего рода, и здесь мое место.

Старк поколебался минуту, затем повернулся и покинул ее.

Ночь застала его уже в пустыне. Он ехал верхом на монстре, за ним шли другие навьюченные звери. Ветер набирал силу, что-то бормоча и завывая. Однако Старк знал, что все это ему только кажется — ведь на таком расстоянии до него не могли долетать знакомые звуки: все эти вздохи, шепот и пение, издаваемые пустотами кораллового рифа, на котором стоит мертвый город Синхарат.

Вернется ли он туда в один прекрасный день? Захочет ли обрести новую жизнь? Станет ли искать Файанну? Пройдут ли они вместе через столетия, как довелось это сделать Делгону и Берилл?

Нет. И все же...

Старк обернулся, сидя в седле, и бросил последний взгляд на белые башни Синхарата, которые виднелись на фоне лунного диска.

МАРС

**Карта предоставлена Комиссией по Исследованиям,
Марсианский отдел, Кахора**

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕРРАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

Примечание: каналы и основные черты рельефа воспроизведены с достаточной точностью на основе данных аэрофотосъемки, однако детали ареографии до сих пор остаются малоизученными как из-за суровых условий на планете, так и из-за враждебности местного населения как к картографическим экспедициям, так и к низко пролетающим воздушным судам. Существование многих городов, таким образом, остается неподтвержденным.

Предупреждение: землянам, выезжающим за пределы непосредственных окрестностей города Кахоры, следует получить разрешение администрации и следовать указаниям предоставленного администрации проводника. За безопасность лиц, путешествующих без разрешения, администрация ответственности не несет.

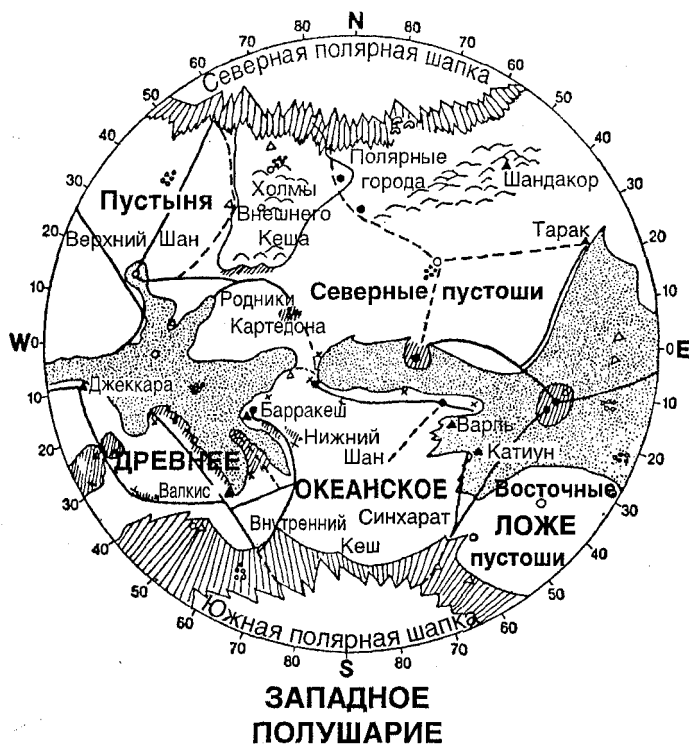
Уровень моря, указанный на карте (пунктир с точкой), указывает на размеры древних марсианских морей, исключая континентальный шельф. Предполагается, что отступление уровня моря происходило постепенно, и обнаженный шельф оставался плодородным; в этот период были построены Джеккара и другие портовые города на самом краю абиссали. Ученые считают, что уровень моря после этого оставался сравнительно постоянным в течение довольно долгого срока (по разным данным от столетий до тысячелетий).

Однако, по всем мнениям, последнее высыхание, раз начавшись, быстро и неуклонно дошло до конца. Сколько именно продолжался этот процесс — остается неясным. Предпринимались попытки установить хронологию, изучая эрозию и разрушения крупнейших каналов, которые прокладывались по прямым линиям или дугам большого круга, но теперь либо засыпаны песком полностью, либо сильно изменили направление (см. карту). Однако до сих пор эти исследования не дали достоверных результатов.

Маргарет М. Хоуз, секретарь
Ареографический отдел
Комиссия по Исследованиям
Кахора, Марс

*Одобрено
Ли Брэкетт*

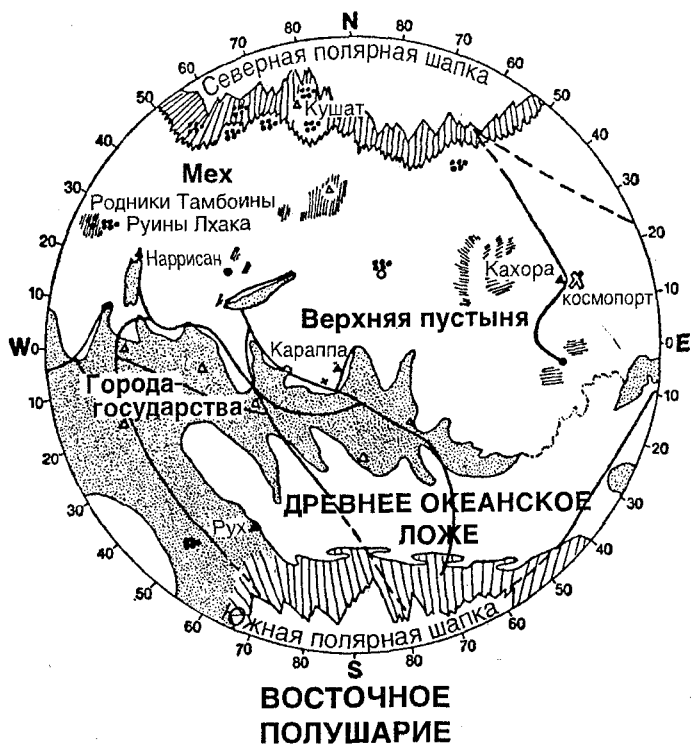
МАРС

Подтвержденное и неподтвержденное

Города	▲	△
Родники	●	○
Руины	■	□
Деревни	X	
Каналы	----	
Границы древнего океанского ложа	~~~~~	

МАРС

Содержание

От издательства	5
Пришествие землян, роман, <i>перевод с английского Г. Дуткиной, А. Рогулиной</i>	9
Пути Немезиды, роман, <i>перевод с английского М. Емельянова</i>	141
Люди талисмана, роман, <i>перевод с английского М. Пановой</i>	245
Тайна Синхарата, роман, <i>перевод с английского А. Мельникова</i>	327
Марс: карта полушарий	407

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *В. Генкин*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиришфелде*
Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*
Оформление шмуцтитолов: *Д. Затравкин*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 30.07.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 1085.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

«Тьма опустится на Галактику. И продлится тридцать тысяч лет. — Селдон обвел собравшихся взглядом. — Я могу сократить этот срок до девяносто девяти лет».

Айзек Азимов

«Хроники Академии»

Лучший научно-фантастический сериал всех времен и народов — такого звания удостоена «Академия».

Пять томов запутанных интриг и непрекращающихся авантур, сотни лет истории и роковые мгновения: решающие судьбы Галактики — это «Академия».

«Прелюдия к Академии»
«На пути к Академии»
«Академия и Империя»
«Край Академий»
«Академия и Земля»

все это

«Академия»!

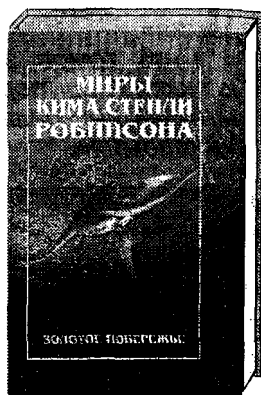
«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Кима Стенли Робинсона

Он ворвался в фантастику, как вихрь. Он взлетел к вершинам славы за один год. Он стал основателем нового направления — гуманистической НФ.

Самый выдающийся гуманист НФ представлен тремя романами знаменитой Калифорнийской трилогии.

Том 1 Дикий берег

Том 2 Золотое побережье

Том 3 У кромки океана

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Зейн с ужасом увидал, что дверь медленно
открывается. В проеме показалась темная
фигура в плаще с капюшоном, из-под
которого отчетливо виднелся череп...

Пирс Энтони

«Воплощения бессмертия»

*Семь могучих сил правят миром —
Смерть, Время, Судьба, Война, Природа, Зло и Добро.*

*В борьбе Добра и Зла решится судьба рода людского.
Но и остальные пять сил сыграют свою роль.
Потому что они — тоже люди.*

С теми, кто воплощает бессмертие мира, читатель может
познакомиться в одном из самых увлекательных
сериалов самого популярного фантаста Америки, автора
«Закоинания для хамелеона» и «Макроскопа»
Пирса Энтони.

*В ноябре увидит свет первая из историй
о Воплощениях Бессмертия —*

«На коне блед»!

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

*«Прежде мы открывали новые миры,
заселяли их. Теперь мы только обглаживаем
кости мертвой Федерации».*

Миры Г. Бима Пайпера

Его сравнивали с АЗИМОВЫМ и
ХАЙНЛАЙНОМ.

Его славе завидовали все современники.
Его имя гремело среди любителей фантастики.
Его карьеру прервала безвременная смерть.

*Генри Бим Пайпер создал фантастический
эпос, способный сравниться с «Академией», и самых
очаровательных инопланетян в истории фантастики.
Теперь любимый писатель патриарха американской
фантастики Джона Кэмпбелла приходит в Россию.*

Том 1
Маленький
пушистик
Пушистик
разумный

Том 2
Пушистики и
другие
Космический
викинг
Рассказы

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

МИРЫ ЛИ БРЭКЕТТ

Ли Дуглас Брэкетт

1915 — 1978

Имя этой писательницы неразрывно связано с историей научной фантастики, с ее «золотым веком». Вместе со своими друзьями и коллегами — Генри Каттнером, Кэтрин Мур — и мужем Эдмондом Гамильтоном она стояла у истоков одного из самых популярных жанров фантастики, «космической оперы».

Первый рассказ Ли Брэкетт вышел в свет в 1940 году, и на протяжении пятнадцати лет она оставалась непревзойденным мастером, оказавшим огромное влияние на развитие жанра.

Перед читателями ее книг открывается Солнечная система, какой она представлялась раньше — полная ужасающих тайн и древних секретов, необъяснимого и загадочного, арена великих подвигов и драм. Полная первобытной силы Венера, жестокий Меркурий, удивительные миры дальних планет и, конечно, умирающий Марс, полный тоски по ушедшему величию и мрачной злобы к наплым, энергичным пришельцам с зеленой Земли. Именно «марсианский цикл» принес писательнице наибольшую известность.

С середины пятидесятых годов Ли Брэкетт почти отошла от литературной деятельности, перейдя на работу сценариста. Но и работая в этой области, она сумела оставить след в истории фантастики. В 1980 году — посмертно — ей была присуждена высшая премия в научной фантастике «Хьюго» за логическое завершение истории «космической оперы», сценарий знаменитого фильма Джорджа Лукаса из трилогии «Звездные войны» «Империя наносит ответный удар».

В двухтомник избранных работ Ли Брэкетт вошли четыре ее романа из прославленного «марсианского цикла», а также лучшие рассказы в жанре космической оперы, открывающие перед читателями панораму захватывающего, притягательного и опасного Космоса.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1997